XVIII ВЕК

СБОРНИК

29

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII ВЕК

СБОРНИК
29

Литературная жизнь России XVIII века

Альянс-Архео
Москва — Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
В 76

В 76 **XVIII век.** Сборник 29. Литературная жизнь России XVIII века / Отв. ред.: Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. — 640 с.

ISBN 978-5-98874-139-8

Ответственные редакторы:
Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев

Ответственный секретарь
А. О. Дёмин

Редакционная коллегия:
Н. Ю. Алексеева, Р. Ю. Данилевский, П. Р. Заборов, А. А. Костин, В. Д. Рак

Рецензенты:
П. Е. Бухаркин, А. А. Златопольская

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-04-16120д, не подлежит продаже

© Коллектив авторов, 2017
© Российская академия наук, 2017
© ООО «Альянс-Архео», 2017

ISBN 978-5-98874-139-8

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник представляет литературную жизнь России XVIII в. в ее многообразии и динамике. Участники издания исследуют деятельность как отдельных авторов (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков), так и целых групп писателей, объединенных сходными интересами. Предметом особого внимания становится выявление мотивации занятий литературным трудом. Благодаря архивным разысканиям обнаружены сведения о стихотворце И. И. Ораевском, что существенно дополняет представления о русской семинарской поэзии того времени. Об участии духовных лиц в литературной жизни позволяет судить и анализ соответствующих книжных посвящений в изданиях XVIII в. Новую трактовку получает такой поэтический жанр, как анакреонтическая ода. Разные аспекты русско-европейских культурных связей рассмотрены в ряде статей: прослежено проникновение в Россию одного из популярных драматургических сюжетов, а также восприятие творчества Кальдерона де ла Барка. Новое освещение получили отзывы Карамзина о Ф. Рабле в контексте полемики о его творчестве и событий Французской революции.

Отдел публикаций существенно обогащает современную науку новонайденными текстами. Это и список древнерусской «Повести о некоем царе и о дщери его», и не публиковавшаяся ранее пьеса известного драматурга Н. Н. Сандунова «Сидней и Энни», и осуществленный в ближайшем литературном окружении Г. Р. Державина перевод трагедии К.-Ж. Дора «Петр Великий», наконец, переписка русского посла в Англии С. Р. Воронцова с литератором Л. И. Голенищевым-Кутузовым по поводу книжных подарков, предназначавшихся государям.

Библиографический отдел также содержит очень важные материалы: аннотированная библиография новейших публикаций, посвященных жизни и творчеству А. П. Сумарокова; перечень учеников Академической гимназии 1751–1765 гг., среди которых имена людей, связанных впоследствии с литературной деятельностью; указатель писателей-подписчиков на книги и журналы (1762–1800).

В рубрике «Из опыта работы над „Словарем русских писателей XVIII века“» помещена заметка, содержащая существенные дополнения к биографиям В. В. Крестинина и А. И. Фомина.

В сборнике приняли участие сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ученые из Москвы, Архангельска, Новосибирска, а также зарубежные исследователи из Италии, Украины, США, Франции. Книга будет интересна и полезна не только литературоведам, но всем историкам русской культуры. Отличительная особенность, объединяющая работы всех участников, — обращение к новым материалам, новый ракурс в изучении русской литературной жизни XVIII столетия.

СТАТЬИ

С. И. НИКОЛАЕВ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВЕКА О МОТИВАЦИИ СВОИХ ЗАНЯТИЙ ЛИТЕРАТУРНЫМ ТРУДОМ

Тайны творчества издавна занимали как самих писателей, так и философов — откуда берется и что такое вдохновение? Что такое дарование? Как писатель осознает свое призвание и что такое — быть автором? Как овладеть тайнами ремесла? В чем заключается оригинальность творчества? Вопросов этих много, и ответы на них искали не только литературоведы, но и представители других наук — психологи, историки, социологи, медики и др. Однозначных и убедительных ответов до сих пор не нашлось, не принесли желаемой точности и старания «поверить алгеброй гармонию». Однако все это не останавливает исследователей от все новых и бесчисленных попыток заглянуть в «лабораторию писателя»[1] и разгадать «алхимию слова».[2]

Несмотря на очень общий характер этих вопросов, относящихся к эстетике литературного творчества, в истории русской литературы XVIII в. они приобрели актуальность и наполнились очень конкретным содержанием. На всем протяжении XVIII столетия поэты, прозаики, драматурги и переводчики постоянно задавали себе эти вопросы, горячо обсуждали эти темы и постоянно к ним возвраща-

[1] См.: *Медведев П.* В лаборатории писателя. Л., 1971.

[2] См.: *Парандовский Я.* Алхимия слова. М., 1972.

© С. И. Николаев, 2017

лись.[3] Это полностью относится и к мотивации занятий литературой. И это был неожиданный всплеск, поскольку еще совсем недавно, в середине XVII в., писатели обычно не задавались вопросом «почему я берусь за перо?» В лучшем случае, книжник из духовного звания мог написать, что взялся за труд «по обету» либо «по понужению» своего духовного отца. Именно так поясняется написание Жития протопопа Аввакума: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отец ему духовный инок, — да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу, Богу нашему. Аминь».[4] Монах Мардарий Хоныков в 1679 г. перевел с латыни стихотворные подписи к гравюрам Библии Николая Пискатора и сделал это тоже «по понужению»:

А сие бысть тщанием мужа всеблагаго,
Рачителя писаний весма предрагаго.
Добр убо сей, добрых же желатель совершен,
Афанасий именем, Иоанном рожден,
Рекомый Федосиев, иже мя понуди;
Иисус же Христа сей царства общник буди!
И сице аз преслушник зол в сем не смех быти,
Худоумен сый, дерзнух сия сочинити.[5]

Нет сомнений, что в этих случаях мы имеем дело не только с христианским смирением, но и с авторской топикой, приемлемой как для старообрядческого писателя, так и для переводчика с латыни

[3] См., в частности: *Николаев С. И.* 1) Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 82–95; 2) Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 26–38; 3) Прощание с книгой // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 166–174; 4) «Я жег мой труд»: суд писателя XVIII века над своим произведением // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 149–155; 4) Смерть поэта в эпитафии и элегии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 291–297; 5) Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 73–84; 6) Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3–19.

[4] Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 64.

[5] Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2014. Т. 18: XVII век. С. 269.

Афанасия Иоанновича Федосиева, который в 1667 г. был определен учить грамоте царевича Федора Алексеевича, жил он в Чудовом монастыре и, вероятно, был связан с литераторами Печатного двора, где и служил Мардарий Хоныков. Но поскольку сочинитель признается, что берется за перо «по понужению», то тем самым он избавляет себя от необходимости как-то мотивировать свои литературные занятия. С существенным дополнением о том же писал в начале описания своего хождения в Святую землю в 1701–1703 гг. священник Иоанн Лукьянов: «Да се описах места сия святая и похот сей не возносяся, ни величаяся путем сим, яко что добро сотворих, но любве ради сих святых мест, и понужден некими отцы и братиею. Се писах еже ми покоза Бог видети, недостойному, убоях же ся осуждения оного раба леniваго, скрывшаго талант господина своего и не сотворившаго им прикупа».[6]

Новую и исключительно важную по своим последствиям causa scribendi предложил Симеон Полоцкий, который в марте 1678 г. завершил работу над стихотворным переложением Псалтыри. В предисловиях к «Псалтири рифмотворной» (изд. 1680) он несколько раз подчеркнул, что взяться за стихотворную парафразу Псалтыри его подвигли иностранные переложения библейской книги:

аз поревновах, тщахся тож творити

. . . . . .

Поревновах убо, да и на нашем языце славенстем <...> обретается.

. . . . . .

Ревнуя убо, тщахся написати
нашим славенским (языком. — *С. Н.*).[7]

Обе мотивировки — «по понужению» и «ревнование» (ревностное подражание, связанное с духом соперничества, aemulatio)[8] — надолго войдут и в авторскую топику русских писателей XVIII в., особенно переводчиков, хотя в новой секуляризованной культуре примут несколько иные формы. И этот процесс перестройки начнется совсем скоро, в эпоху реформ Петра I.

---

[6] Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703. М., 2008. С. 125.

[7] *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 211, 213, 216.

[8] Ср.: «Eifer, aemulatio, zelus, ревность, горячесть, рачение, рвение» (См.: *Вейсманн Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. СПб., 1731. С. 147).

Процесс столкновения и смены культурных ценностей на рубеже XVII — XVIII в., начавшийся еще до реформ Петра I,[9] привел уже в первой четверти XVIII в. к важному изменению в структуре литературной культуры: «каждый мог писать невозбранно — в качестве частного человека, вне и помимо служебных обязанностей. Писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем».[10] Этот вывод справедлив, но перед писателем, ставшим частным человеком, вставала новая проблема: как объяснить будущим читателям свое желание взяться за перо? Действительно, старорусский книжник духовного звания писал «по понуждению», приказной переводчик переводил или сочинял по служебному долгу — они не нуждались в мотивировке своих занятий литературой. Частного же человека никто не уполномочивал заниматься свободным творчеством, не уполномочивал на изложение своих собственных мыслей частного человека, их выражение требовало (добавим, что требует и до сих пор) определенной отваги или объяснений и мотивировки. Причины, побуждавшие сочинителей к изложению своих causae scribendi — особенно в первой половине XVIII в. — могли быть самые разные. Не в последнюю очередь это была скромность и христианское смирение перед грехом гордыни. Более важным оказалось другое обстоятельство — престиж литературных занятий в первой половине XVIII в. был очень невысок.[11] Даже Кантемир, для которого этой проблемы, казалось бы, не существовало, признавался в «Письме II. К стихам своим»:

> Другие, что в таком я труде упражнялся,
> Ни возрасту своему приличном, ни чину,
> Хулить станут.[12]

И в этих словах Кантемира не было никакого кокетства. В сентябре 1730 г. он взволнованно писал Готлибу Зигфриду Байеру (ори-

---

[9] См. подробнее: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

[10] *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 125.

[11] См. подробнее: *Степанов В. П.* К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. С. 105–120.

[12] *Кантемир А.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 216.

гинал на латинском языке): «Мне очень неприятно, что меня хотят назвать автором сатир; что думает об этом высокочтимый муж? Не знаю. Я приношу тебе самую высокую благодарность за то, что сообщил мне об этом деле. С этой же почтой я отправил письмо г-ну Шумахеру, в котором попросил, чтоб он не творил надо мной этой несправедливости. Надеюсь, он не будет столь бесчеловечен, чтобы не согласиться на мои просьбы. Разве справедливо раскрывать тайну моего имени как сатирика?»[13] Для Кантемира, как видно, этот вопрос был совсем не шуточным. Так, десятилетия спустя, С. Г. Домашнев в статье «О стихотворстве» (1762) писал о Кантемире: «Знатность его породы и чина не препятствовали ему упражняться во всех науках».[14] И это было довольно распространенное отношение к литературному труду в дворянской среде. В 1772 г. автор анонимного письма в журнал «Живописец» гордо заявлял: «Писать сатиры по моему чину низко».[15] Но при этом Кантемир не скрывал и своей страсти к сочинительству: «А не писать мне нельзя: не могу стерпети».[16] Эту неуемную писательскую страсть (cacoethes scribendi) отметил еще Ювенал в VII сатире, а Н. П. Николев в комедии «Самолюбивый стихотворец» (1775) сформулировал грубее: «к стихам свербеж великий», «к кропанию стихов прегнусная охота».[17]

Если для писателей духовного звания к сочинительству «по понуждению» добавилось сочинительство по прямому указу Петра I, что в целом не меняло характера их труда, то у дворян, приказных и чиновных людей, купцов и др., обратившихся к свободному творчеству, зачастую появлялась необходимость как-то пояснить свое обращение к литературе. Ряд называемых ими причин исключительно разнообразен.

Кантемир в примечаниях к первой сатире признавался, что писал «ее для одного только провождения своего времени, не намерен

---

[13] *Федоровская Л. А.* Неизвестное письмо Антиоха Кантемира к Байеру // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996. С. 53–54.

[14] Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 238.

[15] Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 358.

[16] *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 391.

[17] Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века. Л., 1990. Т. 1. С. 277.

будучи обнародить».[18] В первоначальной редакции сатир это замечание выглядело несколько иначе: «излишество времени почти побудило к тому. Итак, все то, что тут я написал, в забаву писано».[19] Писательство для себя — общее место при мотивации творчества в Новое время, а в данном случае видна и концепция «праздного времени в пользу употребленного», восходящая к античной, а затем и ренессансной теории otium litteratum.[20] Объяснение Кантемира выглядит логически безупречно: дворянин в свободное от военной (а потом и дипломатической) службы время посвящает себя научным и литературным занятиям, таким образом, они никак не мешают выполнению им своего долга. Кантемир очень внимательно относился к разработке топоса otium'а для обоснования своего творчества, непременно и даже назойливо подчеркивая, что «излишество времени почти побудило к тому», он писал «в забаву» и «в лишных часах», «с досугу» и «в забаву приятеля».[21]

Еще одна причина заняться литературой — обыкновенная скука. И это оправдание получило популярность, видимо, из-за своей бытовой понятности. В. К. Тредиаковский в предисловии к переводу книги «Езда в остров Любви» (1730) признавался: «Когда я был в Гамбурге по случаю чрез несколкое время, где не имея никакова дела со скуки я пропадал». Его покровитель А. Б. Куракин из Москвы письмом повелел перевести какую-нибудь книжку, «дабы всуе мое время не тратилось».[22] «От скуки» мог взяться за перо даже монах. Так, Димитрий Ростовский в 1707 г. писал монаху Феологу в Москву: «Возжелах от скуки Летописец, аще Господь поможет, сочинить вократце за келию, но не имам книг».[23] Но особую попу-

---

[18] *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 62.

[19] *Кантемир А.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 188.

[20] См.: *Otwinowska B.* Humanistyczna koncepcja *otium* w Polsce na tle tradycji europejskiej // Studia porownawcze o literaturze staropolskiej. Wrocław, 1980. S.169–186; *Vickers B.* Leisure and idleness in the Renaissance: the ambivalence of *otium* // Renaissance studies. 1990. Vol. 4. № 1. P. 1–37.

[21] *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 361, 219, 172.

[22] См.: *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 20.

[23] *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М., 2005. С. 88.

лярность «скука» получила в конце XVIII в. И. М. Долгоруков свое известное стихотворение «Авось» (1798) начал стихами:

Хочу писать стихи от скуки,
От скуки, точно для себя, —
Беру перо теперь я в руки,
О ближний мой! не для тебя.[24]

Он же снабдил стихотворение «Морфею» примечанием: «Писано в Володимире во время тяжелой скуки скоро после моего там поселения из Москвы».[25] В. А. Лёвшин в стихотворении «Сочинитель к перу своему» обращался к своему перу:

Наперсник всех трудов, прогнатель моей скуки,
Перо дражайшее, товарищ моих дум![26]

Скуку вспоминал и Н. М. Карамзин в письмах И. И. Дмитриеву: «Не поверю я, чтобы и твоя лира всегда так лежала; верно ты по временам берешь ее, бряцаешь и мурлычишь кое-что про себя от скуки. Пой, брат, пой! песни дело не худое. Кто упражняется в поэзии, кто нашел в ней вкус, тот реже другого будет в жизни своей скучать; а скука есть злой червь, который точит цвет жизни нашей», «Пиши от скуки и от грусти: вот лучшая польза нашего ремесла, которое ремеслом не называется».[27]

Скука вкупе с болезнью, которая вынужденно предоставила свободное от исправления должности время, также могли подтолкнуть к сочинительству. Эти причины привел Б. И. Куракин, когда в 1705 г. приступил к своему жизнеописанию: «Не долженствовал бы тем себе придать глорию, как там будет показало, особливе так разумею, что и за леностью моею. А сих часов, на то писание моего живота, понудила болезнь моя в бытность мою в Карзбате, где лечился от болезни своей цынготной, в котором месте жил месяц, ниже каких забав мог видеть, токмо всегда заставал в медицыне,

---

[24] Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 402.

[25] *Степанов В. П.* Неизданные тесты И. М. Долгорукова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 425.

[26] *Лёвшин В. А.* Русские сказки. М., 1780. Ч. 4. С. 79.

[27] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 7, 46.

и притом вместо забав иных и провожаючи бытность ту безскучно, то описал и желаемое свое получил».[28]

Очередное психофизическое состояние, по мнению писателей подталкивающее к перу — печаль. Так, И. П. Максимович, выпускник Киево-Могилянской академии и бывший мазепинец, проживавший с 1714 г. в Москве, взялся за перевод с латинского элегий брюссельского иезуита Германа Гуго, «хотящ бо в многомятежном жития моего состоянии мысль свою унывающую врачевати».[29] Князь М. Кропоткин в предисловии к сборнику своих антипротестантских сочинений 1720-х гг., в том числе и переводов из А. Гваньини и Д. Ботеро, писал: «Понудихся в забаву печали моей сие с полскаго диалекта на словенские речения для ведения вкратце преписати».[30] На книге Фенелона «О воспитании девиц» (Амстердам, 1697) из библиотеки А. Ф. Хрущева, приобретенной им в Амстердаме (хранится в БАН) имеется запись владельца: «Переведена на русский язык 1738 года во время печали». Топика терапевтической мотивации литературного труда была устойчивой; позднее, в 1745 г. А. Г. Строганов (как вспоминал историк его рода в 1761 г.) принялся за перевод «Потерянного рая» Мильтона и «теми своими любезными трудами отгонял скучливые и задумчивые мысли».[31]

Терапевтическая мотивация обращения к литературному труду особенно тесно связана с самым известным психофизическим состоянием, о котором говорили писатели — это меланхолия. Но меланхолия — это не только психическое состояние или один из четырех человеческих темпераментов,[32] это еще и целая система историко-культурных ценностей, ярко проявившихся в европейской культуре XVI–XIX вв.[33] Считается, что «меланхолическая»

---

[28] Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная. 1676–1709 // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 243.

[29] БАН. 32.6.2. Л. XI.

[30] РГБ. Собр. Пискарева. № 173. Л. 5.

[31] Цит. по: *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 135.

[32] Литература, посвященная меланхолии, необозрима, см. в частности: *Кемпинский А.* Меланхолия / Пер. с польск. СПб., 2002; *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / Пер. с швед. М., 2011.

[33] См., в частности, классические труды: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F.* Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art. Nendeln, 1979; *Старобинский Ж.* Чернила меланхолии / Пер. с франц. М., 2016.

топика в русской литературе свое высшее воплощение обрела в творчестве Жуковского, и для этого есть все основания.[34] Но меланхолическое миросозерцание и его элементы появляются в русской литературе гораздо раньше. Собственно говоря, скука, печаль, уныние и ипохондрия относятся к этому же кругу психических состояний, которые и подвигали писателей к творчеству. Скорее всего, далеко не все они отдавали себе отчет в эстетическом объеме этого понятия и его истории, но интуитивно пытались свое угнетенное и подавленное состояние заглушить обращением к сочинительству, хотя вряд ли могли точно диагностировать свой недуг.

В XVII–XVIII вв. в России «меланхолия (ипохондрия) воспринималась как тяжелая болезнь с нечетко устанавливаемыми причинами и внешними проявлениями. Постоянным признаком ее было лишь удрученное состояние больного. Неудивительно, что слово *меланхолия* лекарями XVI–XVIII вв. употреблялось как своего рода универсальное название для многих разнохарактерных внутренних болезней».[35] М. Д. Чулков в своем «Сельском лечебнике» посвятил ипохондрии подробную и обширную статью.[36] В частности, он писал: «Ипохондрия есть одна из тяжких хронических болезней, гнездящаяся в животе в окрестностях подле коротких ребр, и поражающая наиболее и жесточае таких людей, которые имеют нежную нервную систему, а притом сидят много, и нередко превращающаяся в меланхолию»;[37] «Сии больные в рассуждении тела находятся в жалком, а в рассуждении души в смешном состоянии. Душа ипохондриста отягощена ужасом, преисполненною печалию и вредным воображением, сменяющимся часто с беспутною веселостию и легкомыслием. Печаль делает людей сих унылыми, трусливыми и боязливыми».[38] Из перечисленных в «Сельском лечеб-

---

[34] См.: *Прозоров Ю. М.* «И меланхолии печать была на нем…»: Об основаниях поэтического мышления В. А. Жуковского // Прозоров Ю. М. Классика. Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб., 2013. С. 49–102.

[35] *Отин Е. С.* «Меленколия, которая болезнь называетца хипохондрия» // Русская речь. 1986. № 2. С. 131.

[36] См.: [*Чулков М. Д.*] Сельский лечебник, собранный из печатных сочинений по алфавиту. М., 1790. Ч. 1. [Вып. 4]: Буквы З–И. С. 1104–1165.

[37] Там же. С. 1107.

[38] Там же. С. 1112–1113.

нике» десяти причин, способствующих появлению ипохондрии, две имеют отношение к интеллектуальной деятельности:

«Чрезмерное напряжение и изнурение душевных сил, а особливо в случае принужденного или самопроизвольного упражнения в трудах, не только в дневное, но и в самое ночное время, есть главнейший источник ипохондрической болезни ученых. Сии в особливости вредят тем много своему здоровью, когда уже слишком прилепляются к беспрерывному студированию и упражняются в том и в глубоких размышлениях денно и ночно; в них не только от того сгущается кровь и соки, но и во всех частях тела делается превеликая расстройка, производящая печальные следствия. Третьею причиною и поводом к ипохондрическим припадкам есть писание, а особливо писание из головы и писание для изображения своих мыслей. Двадцать дней, препровожденных в чтении, не сделают столько вреда телу, сколько один день, препровожденный в писании».[39]

Последняя причина звучит несколько неожиданно, поскольку сочинители именно «писанию для изображения своих мыслей» усваивали терапевтическую функцию: «мысль свою унывающую врачевати» (И. П. Максимович), «теми своими любезными трудами отгонял скучливые и задумчивые мысли» (А. Г. Строганов). М. М. Щербатов в письме сыну писал в 1789 г.: «И так, я был токмо немного болен дурнатою в голове и глазами, но таперя слава Богу здаров, а токмо остается у меня ипохондрия, которая меня сие лето более других мучит; но лекарство на нее перо и чернила. Работа и безпрестанное упражнение мыслей ей дурить не позволяет. Благодарю Бога, что по крайней мере за мое прилежание я сию награду в жизнь имею».[40] Впрочем, и для причины, указанной в «Сельском лечебнике», есть подтверждение. В 1758 г. В. К. Тредиаковский в своей объяснительной записке в академическую канцелярию упоминал, в частности, и эти недомогания: «Не упоминаю о прежестокой моей гипохондрии, которую как от сидения за письмом, так, мню, и от крайних печалей я себе получил», «Но сколько печалей, кои меня в крайнее изнеможение по степеням приводят, и дивлюсь, как давно не привели уже в совершенную меланхолию, о том доношу здесь канцелярии, ибо им всем начало и продолжение есть по причине Академии»,

---

[39] [*Чулков М. Д.*] Сельский лечебник, собранный из печатных сочинений по алфавиту. Ч. 1. [Вып. 4]: Буквы З–И. С. 1119.

[40] Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 90 (В данном случае сохранена орфография подлинника).

«Сие вкоренившуюся уже в меня печаль еще более послужило умножить и гипохондрию воспитать: не стало у меня средства, чрез которое мог бы свет видеть мое рачение».[41]

Складывается довольно противоречивая картина. С одной стороны, писание провоцирует ипохондрию, с другой, писание врачует этот недуг. Причина этих противоречий кроется, видимо, в том, что писатели до последней трети XVIII в. путались в терминологии и в то же время смешивали строго медицинское и философско-эстетическое содержание терминов ипохондрия и меланхолия. Как бы то ни было, нет сомнений, что в России уже с конца XVII в. пишущие люди осознавали связь сочинительства с меланхолией, а также с ипохондрией, тоской, печалью, скукой. Долгое время эта связь понималась и подавалась в терапевтическом смысле, как «самоврачевание»: творчество врачует болящего. Только к концу XVIII в. выкристаллизовалось эстетическое значение меланхолии и, например, П. Львов мог завершить свой перевод призывом к меланхолии: «Внушай мне всегда новые песни».[42] Но и в начале XIX в. «самоврачевание» не пропало. И. М. Долгоруков в предисловии к составленному им словарю своих знакомых и близких писал:

«По пословице: „Повадился кувшин по воду ходить“, снова напало на меня желание марать бумагу; встретил меня не опасный, но мучительный недуг, который, продолжаясь близ двух лет, и от которого я еще не совсем свободен, омрачил так мои мысли, что мне нужно было их развлечь каким-то занятием, дабы не углубить в одну точку, удобную расстроить все мое спокойствие, по склонности физической к излишней меланхолии. Надобно было это зло отвратить, и для этого надобно было писать. Опять принялся за перо, но думал, думал, чем же заняться? какой труд предпринять? И, сидя неподвижно в креслах, не примыслил ничего лучше, как составить Календарь отношений, из коего видно было бы, с кем, как и почему я был в связи. <…> Главная цель моя, как выше видно, принявшись за сию работу, была та, чтоб не задумываться, разгонять гипохондрию и разбивать мысли, омраченные продолжительным недугом и скукою неподвижной жизни, которая совершенно противна моему натуральному свойству».[43]

---

[41] *Пекарский П.* Материалы для биографии В. К. Тредиаковского // Зап. имп. Академии наук. 1866. Т. 9. Кн. 2. С. 176–177.

[42] Цветы Меланхолии, отрывок из поэмы Воображение, Г. де Лиля, перев. П. Львова // Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 36.

[43] *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 5, 6.

Зачастую писатели XVIII в. демонстративно подчеркивали, что пишут «для себя», отстаивая тем самым право на свободное творчество. Так, И. М. Долгоруков в стихотворении «Черты свободного писателя» откровенно признавался:

Пеняешь ты, мой друг, нередко мне, что я,
Любя стихи писать, пишу их для себя.[44]

Н. М. Карамзин в 1792 г. писал в предисловии к своему переводу: «Для собственного удовольствия перевел я некоторые сцены из Саконталы, и решился их напечатать в Московском журнале, надеясь, что сии благовонные цветы Азиятской литтературы будут приятны для многих читателей, имеющих тонкий вкус и любящих истинную поэзию».[45] Писать «для себя» начали, конечно, гораздо раньше, но только к концу века сложилось внутренне непротиворечивое для автора решение: написанное «для собственного удовольствия» отдается в печать на суд читателя. Отсюда уже совсем недалеко до пушкинской формулировки: «Я пишу для себя, а печатаю для денег».

Сочинительство «по понуждению» приняло новые формы в светской литературе, поэтому место прежнего духовного отца заняли некие друзья или некие важные особы. Так, П. И. Сумароков в самом конце XVIII в. признавался: «Я много в свой век писал, но не для потомства; марания мои или сожигались, или валялись в пыли за сундуками. Не миновать бы и этой книге того же жребия, когда бы почитаемая мною Особа не побудила меня ее напечатать. Итак, прошу пощады у строгих читателей; я автор поневоле».[46]

Некоторые причины обращения к писательскому труду выглядят на первый взгляд необычно или даже легкомысленно. М. Д. Чулков в журнале «И то, и сьо» (1769) утверждал: «Я пишу единственно для одного увеселения и другого намерения не имею».[47] И. М. Дол-

---

[44] Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 440.

[45] Цит. по: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Изд. Я. Грот и П. Пекарский. СПб., 1866. С. 021.

[46] *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 290.

[47] Цит. по: *Степанов В. П.* Новиков и Чулков. (Литературные взаимоотношения) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 55.

горуков же говорил, что всегда «писал стихи не по иному какому побуждению, как чтобы нравиться женскому полу, ибо я во вселенной ничем, кроме его, не пленялся».[48] Трудно избавиться от впечатления, что в подобных высказываниях много от нарочитой позы, особенно если учесть внушительный объем и характер ими написанного.

Некоторые особенности были у мотиваций переводчиков. Значительная часть переводов в XVIII в. была выполнена либо по служебной обязанности, либо по прямому указу начальствующих, а в последней трети века многие переводы делались прямо за вознаграждение. В этих случаях о мотивации говорить не приходится. Но многие переводы были сделаны помимо служебного долга, в свободные от исправления должности часы, о чем переводчики непременно извещали в предисловиях или посвящениях. Это вновь приводит к концепции otium litteratum, «праздного времени в пользу употребленного», и ставит труд переводчика в один ряд с оригинальными творцами. Посвящая свой досуг литературе, переводчики приводили и дополнительные доводы. Самый частый — желание послужить отечественному просвещению и доставить пользу читающей публике. Кантемир в «Предисловии к читателю» своего перевода «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля так прямо и написал: «Для того я чаял нашему народу некую услугу показать переводом ее на русский язык».[49] Эта мотивация литературного труда в дальнейшем будет варьироваться несчетное число раз.

Переводы сыграли огромную роль в развитии русской литературы XVIII в. и составили ее органическую часть.[50] В каких-то случаях разграничение переводного и оригинального в отдельном произведении затруднительно и даже бесполезно, поскольку противоречит эстетике эпохи. Нередко случалось, что произведение зарубежного автора подвигало русского писателя к творчеству, просто подталкивало его к соревнованию. И это опять заставляет вспомнить «ревнование», о которым еще в XVII в. писал Симеон Полоцкий. Блестящий пример дает предисловие Тредиаковского к поэме «Фе-

---

[48] *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца… С. 106.

[49] *Кантемир А.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 391.

[50] См.: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995–1996. Т. 1–2.

оптия» (нач. 1750-х гг.), в котором он подробно описывает рождение замысла своей поэмы:

«Случилось мне взять у себя в руки французский перевод стихами с аглинских Попповых стихов же, а имя сей книжке есть „Опыт о человеке“. Стал сию читать; читал; прочел. По прочтении сперва находился в крайнем удивлении и как бы в некотором восторге, рассуждая, что коль тот автор удаленную материю от стихов написал, однако, превосходно стихами. Что более содержание ее памятью разбирал, что больше удивление во мне возрастало. Дошло оно уже до толь высокия степени, что вышнему быть стало не можно. Наконец переменилось во мне в зависть или, правее, в оное беспорочное ревнование. Начал я думать, не можно ль чего подобного составить стихами ж. Ревнивое размышление придало мне некоторые мысленные крила: возлетел я ими от Поппова «Опыта о человеке» до Творца человеку. Рассуждал: понеже автор, пиша о человеке, почерпнул все свои мысли из внутренностей метафизики, то мне и приличнее еще быть имеет, чтоб мыслящему писать о Боге, почерпать мои размышления из самых глубокостей тоя ж метафизики».[51]

«Беспорочное ревнование» стало в XVIII в. одним из ведущих побудительных мотивов к творчеству, причем не только переводчиков, но и оригинальных авторов. М. Н. Муравьев писал в 1777 г. своей сестре: «Нынче читал я Пиндара, которого не понимаю, и Уца, немецкого Горация и нашего современника. Вчерась, читаючи его, впало мне намарать сии четыре строки, которые вам сообщаю:

Хоть Темпу вообрази, где неба синий свод
Не знает никогда насилия погод,
Пенеев ясный ток, ключей паденье звучно,
Да глупость тут поставь, и в Темпе будет скучно».[52]

А. Г. Строганов писал в «Предисловии к благосклонному читателю» к переводу «Погубленного рая» Мильтона (1745): «И когда оная <книга> на французском языке в мои руки попалася, тогда я, прочетши ее, рассудил перевести на свой российский язык, подражая прежде мене бывшим из нашего же народа, которые таковыми трудами своими тщались по себе память оставить».[53] Подобных примеров можно привести много.

---

[51] Цит. по: *Серман И. З.* Неизданная философская поэма В. Тредиаковского // Русская литература. 1961. № 1. С. 162.

[52] Письма русских писателей XVIII века Л., 1980. С. 318.

[53] *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины // Сб. Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 251.

С конца XVII в. русские писатели и переводчики начали в предисловиях или посвящениях объяснять причины своего обращения к сочинительству. Конечно, побудительные мотивы приводили далеко не все пишущие, но все же многие. Говорят они искренне или лукавят, или просто повторяют за другими, очевидно лишь одно — они считают важным оговорить это, т. е. писательство по собственному почину нуждается в некотором объяснении, особенно актуально это становится для дворян. Это, надо полагать, характерная черта становления писательского самосознания Нового времени.

Писатели приводили самые разные причины, заставившие их взять в руки перо. Но две причины приводятся с известной устойчивостью с конца XVII в. и до начала XIX в. Во-первых, это концепция otium litteratum, «праздное время в пользу употребленное». С одной стороны, это было благотворное явление, отрывшее путь в литературу представителям всех сословий, что дало впоследствии замечательные плоды для отечественной словесности. С другой, открылись двери в литературу для дилетантов и графоманов, и они тоже поспешили сказать свое слово. Увы, но это неизбежные издержки литературной культуры Нового времени. По счастью, новая литературная культура изменила и структуру литературной публики — со временем сформировался «цех зоилов строгих», который свободно явленное миру произведение стал подвергать столь же свободной критике. Во-вторых, это меланхолическая топика (грусть, тоска, печаль, скука, болезнь). Немаловажно, что обе концепции уходят своими корнями в европейскую эстетическую мысль, которая в течение XVIII в. была глубоко осмыслена и усвоена русскими писателями.

Очень многие объяснения, приводимые писателями, даже самые искренние и правдивые, совпадают с известной авторской топикой, но отделить реальность от топики невозможно — топика входит в самосознание писателя и при надобности сама подсказывает ему словесные формулы выражения. Спустя полвека после завершения рассмотренного периода А. И. Герцен начал писать «Былое и думы». Вот что он пишет на первой же странице: «Многие из друзей советовали мне начать полное издание „Былого и дум“». И немного далее на той же странице: «Мне было лет двадцать пять, когда я начинал писать что-то вроде воспоминаний. Случилось это

так: переведенный из Вятки во Владимир, я ужасно скучал».[54] Это уже знакомая авторская топика: здесь есть и «по понужению», и «скука». Эту уже сложившуюся топику можно рассматривать в ряду черт, присущих «стыдливости формы», столь свойственной русской литературе.[55] В разработке этой топики, вошедшей затем в плоть русской литературы, особое место принадлежит XVIII в.

---

[54] *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 9.

[55] См.: *Лихачев Д. С.* Литература-реальность-литература. Л., 1984. С. 6–7.

А. А. КОСТИН

ТРЕДИАКОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ ЛОМОНОСОВСКОЙ РИТОРИКИ

(вопрос к истории текста)*

В. К. Тредиаковский был, пожалуй, самым внимательным из первых читателей вышедшего в свет в июне 1748 г. ломоносовского «Краткого руководства к красноречию», — обстоятельство это достаточно известно. Экземпляр с его владельческими записями и многочисленными пометами и маргиналиями[1] поступил в 1852 г. в собрание Публичной библиотеки вместе с коллекцией М. П. Погодина (а тому, в свою очередь, достался незадолго до этого при посредстве М. А. Дмитриева).[2] М. И. Сухомлинов, готовивший Риторику к изданию в составе третьего тома «Сочинений» Ломоносова, по-видимому, по экземпляру из собственной библиотеки,[3] использовал между тем более 300 помет в экземпляре Тредиаковского для комментария, тщательно воспроизведя их в примечаниях.[4] Несмотря

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 15-04-00551.

[1] Шифр в настоящее время: РНБ. 18.41.6.70/1.

[2] *М. П. [Погодин М. П.]* Мои археологические приобретения // Москвитянин. 1852. Т. 1. Отд. 7. С. 41; Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 год. СПб., 1853. С. 56.

[3] Хранится в настоящее время в собрании Харьковского государственного университета им. В. Н. Каразина, инв. № 145396.

[4] *Ломоносов М. В.* Сочинения / С объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. СПб., 1895. Т. 3. Экземпляр охарактеризован на с. 286

© А. А. Костин, 2017

на этот богатый материал, факт пристального чтения Тредиаковским ломоносовской Риторики почти на столетие оказался вне внимания исследователей.[5] Вновь обратил внимание на него С. И. Николаев, в специальной статье проанализировав основные типы помет, в том числе в контексте литературных и филологических споров 1730–1740-х гг., и вновь (в том числе, факсимильно) воспроизведя основные содержательные маргиналии. Наиболее интригующим результатом этого исследования стало наблюдение, что ряд подчеркиваний на экземпляре Тредиаковского соответствует местам, выправленным Ломоносовым при подготовке текста «Краткого руководства...» к переизданию в составе второго тома своих «Сочинений», выпущенного Московским университетом после 1759 г. Это наблюдение привело С. И. Николаева к предположению, что отмеченные «совпадения вряд ли носят случайный характер, т. е. Ломоносов, несомненно, знал мнение Тредиаковского и не мог не согласиться с ним, ведь в ряде случаев речь шла не о грамматических расхождениях, а о конкретных ошибках и промахах, на которые Тредиаковский совершенно справедливо указал».[6]

Подобный вывод позволяет и уяснить, насколько нелинейным было творческое сотрудничество-соперничество ведущих русских поэтов в первое послеаннинское десятилетие, и уточнить различия и сходства их нормативно-стилистических позиций. Вместе с тем, у него есть и более узкое, прикладное следствие. Предположение

комментариев: «Единственное исключение из критиков Ломоносова составляет, по весьма понятным причинам, Тредьяковский, если судить по его заметкам на полях принадлежавшего ему экземпляра Риторики. Мы приводим в Примечаниях эти любопытные заметки, а также места и слова, подчеркнутые Тредьяковским, находившим их неверными или неудачными». При всей тщательности подготовки комментария публикатором было пропущено несколько помет Тредиаковского (см. Приложение). Материалы Сухомлинова с единичными пропусками и искажениями использованы Л. И. Сазоновой (*Сазонова Л. И.* [Примечания к работе 4] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 2-е изд. М.; СПб., 2011. Т. 7. С. 662–718).

[5] Экземпляр Публичной библиотеки не упоминается, в частности, в комментариях к «Краткому руководству к красноречию» в составе седьмого тома «Полного собрания сочинений» Ломоносова (М.; Л., 1952).

[6] *Николаев С. И.* Пометы В. К. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 15.

о знакомстве Ломоносова с результатами критического чтения Тредиаковским «Краткого руководства...», а тем более — об их использовании[7] в подготовке второй печатной редакции (1759) заставляет рассматривать экземпляр РНБ как одну из промежуточных редакций текста, авторизованную на предполагаемой стадии принятия / отказа от правки рецензента. Критическое включение помет Тредиаковского в круг возможных источников текста второй печатной редакции «Краткого руководства» позволяет, как кажется, уточнить сделанные ранее С. И. Николаевым выводы и понять принципы переработки Ломоносовым своего филологического сочинения в 1759 г.

а) Пометы Тредиаковского. Правка Ломоносова. Области совпадений

Попытка статистического анализа помет Тредиаковского на экземпляре «Краткого руководства к красноречию» 1748 г. упирается в проблему методики подсчета. Считать ли пометой каждое индивидуальное подчеркивание или их логически связанные группы (неоправданно повторяющиеся в близком контексте слова; соседние стихи поэтического отрывка; распространяющийся на несколько страниц параграф; пропуск при подчеркивании факультативного контекста; и пр.); считать ли все маргиналии книги или только те, что бесспорно были сделаны Тредиаковским,[8] — от ответов на эти вопросы будет зависеть получающееся в итоге число. Так,

---

[7] С. И. Николаев говорит о двух возможностях знакомства Ломоносова с результатами чтения Тредиаковского — «<замечания> на письме (составленные по следам пометок)» или непосредственно в форме помет на переданной из рук в руки книге (Там же. С. 15). Гипотетичность первого варианта заставляет для начала анализа остановиться на втором.

[8] Помимо основного корпуса подчеркиваний, сделанных теми же чернилами, что и оставленные рукой Тредиаковского владельческие записи и маргиналии, в книге есть также ряд помет, выборочно переносящих в основной текст опечатки из приложенного к изданию списка погрешностей. Эта последняя группа оставлена карандашом (см.: С. 43, 86, 240, 264) и, скорее всего, не вносилась Тредиаковским; с этим мнением был согласен, по-видимому, и М. И. Сухомлинов, не упоминающий о карандашных пометах в своем комментарии. Помимо нескольких опечаток из списка погрешностей, в экземпляре Тредиаковского карандашом произведена замена: «Даящаго (→ Дающаго) голоднымъ пищу»

М. И. Сухомлинов описывает пометы Тредиаковского, объединяя их в 154 группы в заключение примечаний к соответствующим параграфам сочинения Ломоносова (за единичными исключениями каждая такая группа соответствует одному параграфу). С. И. Николаев насчитывает в общей сложности 370 помет; мои подсчеты (с учетом оговоренной выше группировки логически связанной разметки) показывают их 310. Любое из этих чисел показывает (с учетом того, что в издании 1748 г. 337 параграфов ломоносовского трактата занимают 325 страниц in 8°), что пометы Тредиаковского затрагивают значительную часть текста Риторики. Несмотря на то, что в большинстве случаев мы имеем дело не с текстовыми записями Тредиаковского, а с многочисленными подчеркиваниями и отчеркиваниями на полях, за редкими исключениями смысл сделанных помет вполне прозрачен: просторечная или неудачно употребленная славянская лексика; недопустимый орфографический вариант или грамматическая форма; обессмысливающая текст опечатка или нарушение стихотворного ритма; использование или упоминание явлений и приемов, над которыми работал и сам Тредиаковский;[9] и пр. Корпус сделанных им помет, бесспорно, может быть прочитан как развернутый критический разбор «Краткого руководства к красноречию», в очень многих случаях вполне обоснованный. Использование их вполне могло положительно повлиять на переработку Риторики ко второму печатному изданию, однако прежде чем говорить об этом возможном использовании, нужно хотя бы вкратце охарактеризовать ту правку, которая вносилась Ломоносовым в «Краткое руководство к красноречию» при подготовке второго тома его выходивших в Московском университете «Сочинений».

В отличие от тех радикальных изменений, которые претерпела ломоносовская Риторика на пути от редакции «Краткого руководства к риторике» 1744 г. к «Краткому руководству к красноречию»

[9] Так, Тредиаковский подчеркивает упоминания Ломоносовым «Аргениды» Барклая; выбивающиеся из ямбического стихотворного рисунка «Краткого руководства» хореические переводы из «Тристий» Овидия удостоены в экземпляре Тредиаковского уникальной пометы: подчеркнута каждая строка, что сопровождается вертикальным отчеркиванием на поле (см.: С. 215), и др.

1748 г.,[10] правка для издания 1759 г. представляется значительно менее интенсивной. Во втором издании трактат не претерпел содержательных изменений: не было исключено или добавлено ни одного параграфа; сколько-либо значимые изменения в формулировках риторических правил единичны и по большей части лишь исправляют порчу текста в первом издании или его темные места;[11] замена нескольких примеров связана с тем, что соответствующие тексты вошли ранее в первый том «Сочинений». Общее число вариантов издания 1759 г. относительно редакции 1748 г. немногим превышает 400; в подавляющем большинстве это лексические замены, и хотя многие из них преследуют цель исправить текст, испорченный набором по создававшейся в очень короткое время черновой рукописи,[12] все же верно будет сказать, что в целом правка издания 1759 г. — это стилистическая правка.

Таким образом, соотносимые и по основному характеру, и по интенсивности подходы Тредиаковского и Ломоносова к печатной редакции «Краткого руководства к красноречию» 1748 г. позволяют вполне обоснованно проводить их сравнительный анализ. Между тем, подобная попытка сразу упирается в то, что область непосредственного совпадения помет Тредиаковского и правки, внесенной Ломоносовым в издание 1759 г., слишком невелика — в общей сложности это лишь 37 случаев (немногим более 10% для помет Тредиаковского и менее 10% для правки Ломоносова), что как позволяет рассмотреть их индивидуально, так и заставляет отнестись к такому анализу в высшей степени критично, в том числе привлекая контекст динамики стилистических взглядов двух писателей, а также литературной и нормативно-языковой полемики 1740–1750-х гг. Для этого, в свою очередь, необходимо сделать хотя бы общие предположения о времени внесения Тредиаковским помет в его экземпляр и подготовки Ломоносовым второго издания своей Риторики.

---

[10] См.: *Костин А. А.* Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Т. 2. С. 9–34.

[11] Приведу исчерпывающий перечень соответствующих параграфов: 10, 29, 42, 46, 60, 101, 164, 165, 185, 206, 211, 231, 249, 270, 278, 288, 289.

[12] *Костин А. А., Лемешев К. Н.* «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: история первого издания // Словѣне-Slověne. 2017. № 2 [в печати].

б) Хронологические замечания

Нам не известно наверняка, когда Тредиаковский с пером в руке читал «Краткое руководство к красноречию» и когда Ломоносов начал (и закончил) переработку своего трактата для московского переиздания. Между тем, и в том, и в другом случае можно сделать предположения различной степени обоснованности.

Первые экземпляры Риторики были получены Ломоносовым, по-видимому, в конце марта, апреле или мае 1748 г.;[13] в книжную лавку петербургской Академии наук «Краткое руководство к красноречию» поступило в июне того же года.[14] Уже к концу года весь назначенный к продаже тираж (536 экземпляров) был раскуплен.[15] Думается, не будет сильным преувеличением предположить, что Тредиаковский если не был одним из получателей «авторского»

---

[13] 29 марта 1748 г. Ломоносов подал в Канцелярию Академии наук прошение с просьбой о досрочной выплате жалованья за март, мотивируя эту просьбу тем, что деньги ему нужны «для переплету сочиненной мною Риторики, в каком должен я поднести Его императорскому высочеству» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 115. Л. 446; ср.: Материалы для биографии Ломоносова / Собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865. С. 99). К 7 июня того же года Ломоносовым было получено из типографии 16 экземпляров книги — два на александрийской бумаге и четырнадцать на ординарной (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 118. Л. 370).

[14] Решение Канцелярии о назначении цены за один экземпляр (50 коп.) принято 7 июня 1748 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1, № 118. Л. 371–372 об.); только после него была оформлена передача тиража в книжную лавку.

[15] Подробные перечни изданий, имевшихся в распоряжении академической лавки, первые из которых отноятся к концу декабря 1748 — марту 1749 г., не упоминают «Краткого руководства к красноречию» (См.: *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988. С. 237). На одном из экземпляров первого издания встречается запись о покупке, относящаяся к началу декабря 1748 г.: «Купьлена всанктъпетербурьге 1748. декабря 7 / дня Кирилам Розьнотовским» **(**РГБ. шифр АН_8°/48-л (инв. № 14774-73; МКШ-2211)**)**. Впрочем, мотивируя осенью 1750 г. необходимость переиздания Риторики, комиссар Зборомирский замечал, что ее «купцы беспрестанно спрашивают», и «в наличности за продажею мало остается» (См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 807). Возможно, в продажу могли повторно поступать ранее проданные или возвращенные академическими учащимися экземпляры (известно, однако, что в июне 1748 г. экземпляры Риторики выдавались студентам академического университета в счет их жалованья; см.: Материалы к биографии М. В. Ломоносова... С. 108–109).

экземпляра книги, то, по меньшей мере, стал одним из ее первых покупателей, т. е. мог начать читать ее уже летом 1748 г. Хотя на это время приходится активная работа Тредиаковского по переводу Роллена, переработке и чтению корректур «Разговора об ортографии», представляется вполне реальным предположение, что знакомство с первой печатной риторикой на русском языке не было отложено ведущим специалистом по русской филологии в Академии наук до будущих времен, и книга была прочитана им тогда же. Во всяком случае, следует сказать, что оставленные Тредиаковским пометы свидетельствуют о том, что они были сделаны во время первого прочтения, которое было достаточно быстрым — таковы и известные неоднократные записи «ложь» и «темно» на полях, и случаи, когда, начав делать помету, Тредиаковский отказывался от нее, поскольку вопрос снимался продолжением текста Ломоносова.[16]

Наиболее ранней датой, к которой мы можем отнести переработку текста Риторики Ломоносовым, следует, по-видимому, считать ноябрь 1750 г., когда Канцелярия Академии наук распорядилась переиздать «Краткое руководство к красноречию» тиражом 1200 экземпляров. Нам неизвестно, однако, почему это издание не было осуществлено. Стоит учитывать, что относящиеся к началу 1750-х гг. собственные свидетельства Ломоносова о работе над «Кратким руководством...» относятся к подготовке его не вышедших частей — Оратории и Поэтики. Судя по всему, получив указ о переиздании Риторики, Ломоносов пытался в первую очередь подготовить недостающие части и вряд ли в этих условиях специально занимался переработкой первой. Более вероятно, что эта работа была им сделана (или, во всяком случае, намечена), когда он сам обратился к Канцелярии в январе 1756 г. за указом о переиздании книги. Как известно, на этот запрос Ломоносов получил формальный ответ, означавший, по сути, отказ, и в результате право

[16] При чтении последних строк на с. 149: «Ни в чем красноречие так не утверждается на примерах и на чтении и подражании славных Авторов», — Тредиаковский сделал знак вноски после слова «утверждается» и сделал на поле запись: «как». Однако он был вынужден от этого замечания отказаться, поскольку фраза (при переворачивании листа) продолжается на следующей странице словами «как в витиеватом роде слова, и нигде больше не служит остроумие, как в сем случае». Поставленное на поле слово «как» было зачеркнуто. См. также с. 159.

переиздания Риторики было передано им Московскому университету, который приступил к печати в 1759 г.[17] К этому можно добавить, что в составе второй печатной редакции «Краткого руководства» Ломоносов опубликовал стихи на Петров день (29 июня) 1759 г., однако здесь следует учитывать, что текст для набора он мог передавать в московскую типографию неединомоментно, о чем говорит растянувшийся более чем на пять лет процесс издания, завершившийся, по-видимому, лишь к началу 1765 г.[18]

Во всяком случае, вплоть до 1765 г. продолжалось, по-видимому, чтение корректур, что с учетом их пересылки между двумя столицами (а также болезней автора в последние годы) и вызвало столь долгий срок издания.

Итак, хотя у нас нет для этого каких-либо надежных данных, можно с большой долей вероятности утверждать, что чтение Тредиаковским «Краткого руководства к красноречию» с соответствующими подчеркиваниями и записями вовсе не предшествовало непосредственно переработке Ломоносовым этого текста для второй печатной редакции. Более того, можно предполагать, что две эти работы отстоят по времени почти на десять лет и, во всяком случае, что к переработке своего сочинения Ломоносов приступил, уже издав «Российскую грамматику» (1755), т. е. критически выработав собственную точку зрения по многим вопросам стилистики русского языка, в том числе и с учетом нормативных споров конца 1740-х — начала 1750-х гг., в которых и Ломоносов, и Тредиаковский занимали активные позиции.

в) Пометы Тредиаковского и правка Ломоносова. Вопрос о влиянии и зависимости

Чтобы ответить на вопрос о том, почему заметная (хотя и малая) часть правки, внесенной Ломоносовым во вторую печатную редак-

---

[17] См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 807–808; с уточнениями по: *Тюличев Д. В.* Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л., 1983. С. 54.

[18] *Мельникова Н. Н.* Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век. М., 1966. С. 20, 157.

цию своего труда, находит соответствия в пометах, оставленных Тредиаковским на его первом издании, нам придется рассмотреть внимательно все случаи выявленных совпадений, причем кажется продуктивным сначала обратить внимание на типы помет и правки, носящие системный характер, чтобы на их фоне можно было предметно вести разговор о совпадениях уникальных и от того, как кажется, наименее случайных.

А. 1. Существительные на *-нин* в им. п. мн. ч. (10 случаев)

Наиболее интенсивным и последовательным типом правки в издании «Краткого руководства к красноречию» 1759 г., совпадающим (также с последовательными) пометами Тредиаковского следует признать замену для форм им. п. мн. ч. в существительных на *-нин*, означающих жителей того или иного города или области,[19] окончания *-а* на *-е*.

Формы на *-а / -е* Ломоносов использует в редакции 1748 г. достаточно вариативно: всего они встречаются в тексте 25 раз, из них 13 — с окончанием -е (Римляне — 6, Афинеане — 4; Бактриане, Славяне, Лакедемоняне — по 1) и 12 раз — с окончанием -а (Афинеана (Афинеяна) — 3, Трояна — 2; Хиана, Колофоняна, Саламиняна, Смирняна, Узипияна, Россияна, Египтяна — по 1). Наиболее наглядно вариативность видна на примере образования формы им. п. мн. ч. от слова Афинеанин (Афинеянин): в тексте не только встречаются обе формы (соответственно 4 и 3 раза), — но они соседствуют в пределах одного примера из Демосфена (ср.: С. 105–106: «Того ради, Афинеана <...> не думайте, Афинеане <...> Нет, Афинеана»), причем не только в печатном тексте, что можно было бы списать на ошибку наборщика, но и в наборной рукописи-автографе.[20]

Несмотря на то, что нормативной для книжного языка была форма на *-е*, что утверждалось и грамматикой Мелетия Смотрицкого, петербургские грамматики 1730–1740-х гг. (и коллективные

[19] Таким образом, из рассмотрения здесь исключаются слова *граждане, крестьяне*, имеющие у Ломоносова формы только на *-е*.

[20] СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 3. № 49. Л. 39–39 об. Далее отсылки к этой рукописи приводятся в тексте статьи в скобках с указанием листа.

«Anfangs-Gründe» 1731 г., и учебник М. Грёнинга, переведенный, по-видимому, с курса, составленного В. Е. Адодуровым около 1740 г.) допускали в данном случае вариативность (ср.: «Anfangs-Gründe» (S. 20): «decliniret werden, als: дворянинъ <...> дворяне oder дворяня»).[21] Сохранялась подобная вариативность и в практике самого Ломоносова.[22] Если в возражениях на диссертацию Г. Ф. Миллера (1749) и в «Тамире и Селиме» (1750) он употребляет форму «россияне», то еще в черновом плане введения к его будущему грамматическому трактату (ок. 1754) можно прочесть: «Россіяна знаютъ и безъ грамматики, однако главное понятіе и правописаніе».[23] Однако в своем итоговом грамматическом сочинении Ломоносов вообще не указывает форму на *-ана* при описании соответствующих имен, см. в § 192 «Российской грамматики»: «Имена отечественные, кончащиеся на *инъ*, в именительном множественном переменяют *инъ* на *е*: *россіянинъ*, *россіяне*; *римлянинъ*, *римляне*».[24] Как видим, приобретение формой на *-е* статуса если не единственно возможного, то, по крайней мере, доминирующего варианта в полной мере согласуется с результатами правки в Риторике редакции 1759 г. Тот факт, что результаты правки Ломоносова совпадают с пометами Тредиаковского, может являться следствием совпадения их позиций по данному вопросу,[25] но при этом полного соответствия между пометами и правкой (которое бы могло указывать на использование помет Тредиаковского в качестве непосредственного источника редакции 1759 г.) все же нет.

Тредиаковский в своем экземпляре отметил 11 из 12 случаев употребления Ломоносовым форм на *-а*, а также один случай исполь-

---

[21] *Макеева В. Н.* История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 94–95; *Граннес А.* Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века // Граннес А. Избранные труды по русскому и славянскому языкознанию. М., 1998. С. 152.

[22] Здесь и далее сведения о лексике Ломоносова получены с помощью поиска по электронной коллекции «Ломоносов» Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (http://feb-web.ru/feb/lomonos/search.asp).

[23] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 691.

[24] Там же. С. 461.

[25] Ср. в «Разговоре об ортографии» Тредиаковского: «многие не токмо говорят, что простительнее, но и пишут: <...> дворяна, вместо дворяне». Контекст установлен С. И. Николаевым (*Николаев С. И.* Пометы В. К. Тредиаковского... С. 12).

зования формы на *-е* в примере, где используются также формы на *-а* (см. выше). С другой стороны, Ломоносов, явно стремясь к исключению вариативности, в двух случаях форму на *-а* все же сохраняет: 1) в примере, входившем с соответствующим употреблением еще в первую редакцию Риторики 1744 г.: «Египтяна Нилом жажду свою утоляют» (1748. С. 179; 1759. С. 126–127);[26] 2) в стихе «Трояна близ судов поставили свой стан» (1748. С. 114; 1759. С. 79). Показательно, что в последнем случае Ломоносов не исправляет форму «Трояна», явно отмеченную Тредиаковским как неверную, но в другом примере, наоборот, корректирует ее, хотя она Тредиаковским выделена не была: в стихе «Какое бешенство, Трояна, вас объемлет» (1748. С. 197) в редакции 1759 г. находим «Трояне».

Таким образом, произведенные Ломоносовым к 1759 г. замены в тексте Риторики должны рассматриваться прежде всего в русле общего изменения нормативных установок и развития взглядов самого Ломоносова на соотношение вариантов *-ане* / *-ана*.

А. 2. Эмендации (6 случаев)

Как уже было сказано, одной из задач Ломоносова при подготовке второго издания «Краткого руководства к красноречию» было устранение многочисленных случаев порчи текста, допущенных как им самим в рукописи при быстрой работе, так и работниками академической типографии. Достаточно пристально отмечал подобные места и Тредиаковский, отчего мы закономерно встречаем случаи взаимного пересечения помет и правки. Поскольку корректировки стихотворного ритма требует отдельного разговора, остановимся прежде всего на прозаических примерах.

(1) На с. 5 издания 1748 г., в заключении «Вступления» можно прочесть следующую фразу: «Наконец предлагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихи». Очевидная опечатка в последнем слове подчеркнута Тредиаковским. Действительно, в наборной рукописи читаем: «...приложенными в примеры стихами» (Л. 5 об.). Эта опечатка — одна из немногих, вошедших

[26] Ср.: «Египтяна Нил пьют, то есть часть воды из Нила» (СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 3. № 47. Л. 55 об.; ср.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 52).

в приложенный к изданию печатный список погрешностей. Неудивительно поэтому, что и в издании 1759 г. (С. 4) мы читаем восстановленный текст, полностью совпадающий с рукописью. Можно предположить, что, заметив эту опечатку, Тредиаковский обратился к списку погрешностей, и впоследствии не делал помет в тех местах, которые в нем исправлены (во всяком случае, других соответствующих чернильных помет мы в книге не встретим).

(2) В ряде случаев Ломоносову приходилось исправлять несуразности текста, ранее уже выправленные в корректуре, но не замеченные наборщиком. Так, на с. 25 в описании спора номиналистов и реалистов читаем: «и воспоследователи оттуду в Париже у студентов великие распри» (Тредиаковский подчеркивает «воспоследователи»). В начальном слое этого фрагмента в наборной рукописи было механически повторено слово из предшествующего текста: «секта, которой последователи назывались именники [Nominales], а оттуду последователи в Париже между студентами...» (Л. 8). В последний фрагмент Ломоносов ввел довольно существенную правку, не изменив, однако, форму существительного на глагол, отчего текст приобрел тот вид, который читается в издании 1748 г. Между тем, в корректуре Ломоносов этот недостаток заметил и вычеркнул в слове «воспоследователи» предпоследний слог «те» — впрочем, так (без пометы на поле), что наборщик не обратил внимания на это исправление. Как следствие, Ломоносову пришлось восстанавливать смысл для этого фрагмента, из-за чего в издании 1759 г. «воспоследователи» закономерно превратились в «произошли».

(3) На с. 130 можно найти пример, когда ошибка набора воспроизводит описку исходной рукописи. Переводя (по пособию Н. Коссена) надгробное слово Амвросия Медиоланского своему брату, Ломоносов записывает: «Когдабы мечи у стремлясь[27] на твое заколение, тобы я <зач.: пред> себя за тебя представил» (Л. 49 об.). В корректуре и печатном тексте читается «Когда мечи устремлясь...». Тредиаковский подчеркивает здесь слово «устремлясь»; в издании 1759 г. оно заменено на «устремлялись». В латинском

[27] Раздельное написание приставки в словах ‘устремляться / устремление’ для Ломоносова обычно. Ср. в наборной рукописи «Краткого руководства...» в §50, 61, 163, 247, 271 (Л. 13 об., 21, 64 об., 91, 109).

оригинале (Si glagiis petitus esses...;[28] буквально: если бы <ты> мечами умечаем был...) нет ничего, что делало бы необходимым использование для перевода формы деепричастия, а для текстов Ломоносова нам неизвестны случаи употребления деепричастной формы в функции предиката в придаточном двусоставном предложении, т. е. перед нами бесспорный случай восстановления испорченного при исходной записи текста.

(4) Точно так же опиской, по-видимому, было вызвано появление нигде более не встречающейся формы слова для обозначения поэтического жанра: «у Виргилия в Эклогах и у Феокрита в Идилях пастухи о своей любви <...> разговаривают» (С. 266). Тредиаковский подчеркивает здесь появившееся у Ломоносова еще в наборной рукописи (Л. 112) слово «Идилях». В издании 1759 г. на этом месте читаем общепринятое «Идиллиях» (С. 188).[29]

(5) На с. 12 во фразе «река в рассуждении животных и судов, в ней плавующих» Тредиаковским подчеркнуто последнее слово с очевидной орфографической ошибкой, которую исправляет и Ломоносов в издании 1759 г.: «плавающих» (С. 9). Причиной ошибки наборщика послужила, по-видимому, описка в наборной рукописи,

---

[28] Nicolai Caussini <...> de eloquentia sacra et humana. Coloniae Agrippinae, 1626. P. 385.

[29] Не исключено, впрочем, что на этом примере можно увидеть ту сложность, с какой русская литература принимала не разработанный на ее языке жанр: начиная с сомнений в терминах и их огласовке. Русский аналог французской *idylle* встречается в «Кратком руководстве» единственный раз; вероятно, вводя его, Ломоносов образовывал форму пред. п. мн. ч. от слова *идиль*. Второе его использование Ломоносовым, в нормативной для последующей традиции огласовке, фиксируется в «Идиллии» К. Г. Разумовскому 1750 г. по случаю его утверждения гетманом. Более привычным термином была, по-видимому, для Ломоносова *эклога* (ср., например, применительно к сочинениям Феокрита в § 279: «употребляют знатные Авторы иногда иронии и порицания между введенными лицами, как то из Феокритовых и Виргилиевых Еклог, Лукиановых и Еразмовых разговоров довольно видеть можно»), однако и в отношении этого термина «Краткое руководство к красноречию» фиксирует вариативность: наряду с привычной формой *эклога*, издания 1748 и 1759 гг. включают вариант *эклогия* в § 151: «Цельные вымыслы в стихах суть: Героические поэмы, Трагедии, Комедии, Еклогии, Басни и Притчи». Об адаптации русской литературой пасторальных жанров и, в частности, терминов, используемых для их описания, см. подробнее: *Клейн И.* Пасторальная поэзия русского классицизма // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 19–218.

где в соответствующем месте читаем: «плаваюющих» (Л. 3 об.). Стоит заметить, что ошибка была замечена не только Тредиаковским и Ломоносовым, но и безвестным наборщиком (корректором?) неавторизованного издания Риторики, выпущенного Академией наук в 1765 г. (здесь также читаем «плавающих»[30]).

(6) Тот же случай типографской ошибки, исправление которой требовало не филологических идей Ломоносова или Тредиаковского, но простого корректорского навыка, можно увидеть на с. 117 первого издания: «надобно однако и совести своей стыдится». Тредиаковский справедливо подчеркивает здесь слово «стыдится». В наборной рукописи (Л. 44 об.), изданиях 1759 (С. 82) и 1765 гг. читается соответствующий контексту инфинитив «стыдиться».

Нужно заметить, что тот же наборщик (корректор?) издания 1765 г. позволяет, как кажется, увидеть, что к 1759 г., по меньшей мере, в области корректировки неисправностей текста 1748 г. Ломоносов вряд ли следовал за пометами Тредиаковского. Дело не только в том, что Ломоносов выправляет ряд не вполне очевидных случаев порчи текста наборщиками 1748 г.,[31] при этом оставляя неисправленными многие опечатки, отмеченные Тредиаковским. Не менее показательно и то, что Ломоносов пропускает ряд очевидных мест, отмеченных Тредиаковским, которые позже будут исправлены наборщиком (корректором?) академического издания 1765 г.:

Текст в издании 1748 г. (с подчеркиванием Тредиаковского)[32]	Вариант текста в наборной рукописи	Вариант текста в издании 1765 г.
Оно долженствует быть велико, стремительно, остро (с. 90)	стремительно (Л. 34)	стремительно

[30] Поскольку границы страниц и пагинация в академическом издании 1765 г. соответствуют первому изданию, в случае дублирования текста страницы не приводятся.

[31] Приведу характерный пример. В § 232, переводя в наборной рукописи пример из слова Цицерона за поэта Архия, а именно то место, где оратор обращается к главному обвинителю своего подзащитного, Ломоносов (в соответствии с рядом доступных в то время изданий) передает его имя как «Кратий» (Л. 85 об.). При наборе издания 1748 г. это имя оказалось искажено и приобрело форму «Краий» (С. 212). Тредиаковский на это место не обращает внимания; между тем, Ломоносов неверную форму имени в издании 1759 г. в соответствии с доминирующей традицией публикации речи Цицерона заменяет на «Гратий» (С. 152).

[32] Во всех случаях текст издания 1759 г. соответствует тексту 1748 г.

Текст в издании 1748 г. (с подчеркиванием Тредиаковского)	Вариант текста в наборной рукописи	Вариант текста в издании 1765 г.
Зависти сродна есть ревность, и разниться от ней в том, что завидующий желает, дабы... (С. 119)	разнится (Л. 45 об.)	разнится
Шумящие листы пугают робных зайцев (С. 142)	робких (Л. 55)	робких

Иными словами, при всем ограниченном характере правки, внесенной Ломоносовым в текст 1759 г., она была направлена в большей степени на выявление содержательных неточностей, исправления стиля и грамматики, и в меньшей степени — на выявление технических опечаток, что могло передоверяться сотрудникам типографии.

А. 3. Восстановление стихотворного ритма (7 случаев)

Обвинение в неумении соблюсти стихотворный ритм — одно из самых серьезных для поэта, пишущего в рамках силлабо-тонической системы. Неудивительно поэтому, что Тредиаковский, делающий пометы в книге Ломоносова с целью отметить как можно больше его неудач, уделяет особое внимание сверхсхемным ударениям или неоправданным, с его точки зрения, пиррихиям. В общей сложности для 14 стихов он делает на поле отметку «ударение»; еще 44 подчеркивает (преимущественно — первые 2-3 слова), причем каждый раз сделанное подчеркивание соответствует одному из названных типов нарушения стихотворного ритма. Весь этот обширнейший материал обнаруживает у Ломоносова соответствия лишь в семи случаях, причем по большей части правка в издании 1759 г. восстанавливает испорченный ранее в типографии текст:

(1) Желта от желчи грудь, и яд течет от языка (Тред.: «ударение»; С. 157);
Желта от желчи грудь, и яд течет с языка (Рук. Л. 61 об.; 1759. С. 111);

(2) Красуйся светло, Российский род (Тред. С. 202);
Красуйся светло, Росский род (Рук. Л. 81; 1759. С. 144);

(3) Которых столько крат супружество отвергала (Тред. С. 212);
Которых столько крат супружство отвергала (Рук. Л. 85);
Которых столько крат супружество отвергла (1759. С. 151);

(4) Древних и грозный вид времен (Тред. С. 212);
И грозный древних вид времен (Рук. Л. 88 об.);
И грозный древних вод времен (Корректура, нач. вариант. С. 212);
И древних грозный вид времен (Корректура: результат правки, порядок слов изменен с помощью цифр над словами; 1759. С. 157).

Оставшиеся три случая, хотя и показывают совпадение (в двух случаях из 54) отмеченного Тредиаковским сбоя ритма и сделанных Ломоносовым исправлений, между тем вряд ли позволяют предположить, что в данном случае мы имеем дело с непосредственным влиянием.

(5) Увидела внутри, как зависть ест змиев[33]
И оных кровию злобу свою питает (Тред. — записи на поле: «ударение» против «змиев»; «+/ударение» против «злобу»; С. 156–157);
Увидела внутри, как зависть ест змию
И кровию ея свою питает злобу (1759. С. 111);

(6) Но что уж сказывать случай вам неприятный (Тред. С. 303);
Но что уж сказывать вам случай неприятный (1759. С. 214);

(7) Что все ты заслужил сам кровию своей (Тред. С. 119);
Что все ты заслужил сам кровию своею (1759. С. 83).

Если в первых двух случаях во втором издании исправляются нарушения акцентной нормы, взгляды на которую Ломоносова и Тредиаковского в 1748 и в конце 1750-х гг. различались,[34] то на последнем нужно остановиться особо. Вряд ли можно предположить, что Тредиаковского насторожила в этом стихе мужская клаузула: здесь она восстанавливает заданный первыми четырьмя стихами альтернирующий ритм: ххХХх. Скорее, возражение его было не ритмического, но грамматического свойства: по мнению Тредиаковского, в обращении притяжательное местоимение должно обязательно ставиться во втором лице, т. е. форма «свой» должна заменяться на «твой».[35] Правка же Ломоносова очевидно ритмическая;

---

[33] О двойном подчеркивании и двойной мотивировке изменения слова Ломоносовым в издании 1759 г. см. ниже, с. 38.

[34] Так, судя по пометам Тредиаковского, для него нормативными были ударения «ко́ней» («страшил коней ахейских»), «стрели́л» («и с словом стрелил вдруг»). В свою очередь, Ломоносов, судя по тому, что в издании 1759 г. соответствующие стихи остались без изменений, считал допустимыми для поэтического употребления ударения «суди́т» («и где Приям судит»), «плоти́» («в толь маленькой плоти»), «Тро́янин» (Трояни́н?), «дру́г к другу́», «броси́лся» (с ним бросился в бой) и др.

[35] См. в «Письме к приятелю...» (1750): «*Защитник слабыя сей груди* / *Невидимой своей рукой* <...> Сия строфа есть взывательная <...> Надлежит знать, что правило взывания есть такое, чтоб ему всегда быть произносиму ко второму лицу;

вызвана она, по-видимому, создающим сверхсхемное ударение после цезуры словом «сам». Для Ломоносова такое решение было принципиальным, поскольку в рукописи он специально меняет словопроклитику «уж» на имеющее самостоятельное ударение «сам» (уж кровию своей → сам кровию своей; Л. 45), причем такая замена не требуется текстом подлинника (Aen VII, 423: quaesitas sanguine, букв. ‘завоевывавшиеся кровью’). Превращение клаузулы из мужской в женскую лишь в большей степени легитимирует появление спондея.

Таким образом, стихотворная правка во втором издании ломоносовской Риторики не дает оснований предполагать, что на нее повлияли пометы, сделанные Тредиаковским при чтении книги 1748 г. Об этом говорит и то, что Ломоносов оставляет без внимания многочисленные случаи ритмических сбоев, отмеченных Тредиаковским, исправляя, между тем, ряд мест, оставленных его оппонентом без внимания.[36]

А. 4. Род. и вин. п. мн. ч. на *-иев* (2 случая)

Как было уже показано ранее (см. примеры: А. 2. 3 и А. 2. 4), ошибки в первом издании «Краткого руководства к красноречию» могли быть вызваны тем быстрым темпом, в котором готовилась

о сем, кроме Автора, и дети, обучающиеся грамматике, знают <...> следует, что наш Автор от незнания погрешил, полагая во втором стихе взывательном *своей*, вместо *твоей*»; «Поставлено *своей рукой* вместо *твоей рукой* худо: ибо речь взывательная и обращена она ко второму лицу» (См.: Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / Издал А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 444, 459). Судя по пометам в «Кратком руководстве...», это правило для Тредиаковского было лишь принципом, мало соотносимым с практикой: помимо рассмотренного случая, он отмечает местоимение «свой» в обращении еще лишь один раз, в § 262: «сколько ум свой устремить и сколько к трудам своим налечь можешь» (Тред. С. 240). В остальных же многочисленных случаях (ср. § 111, 114, 119, 125, 136, 140, 244, 245, 247, 281, 320, 325) соответствующие употребления оставлены без внимания.

[36] Ср., например, не имеющий помет Тредиаковского стих «И вниз с холмов шумя стремится» (1748. С. 164), исправленный в издании 1759 г. на «И с холмов вниз...» (1759. С. 117) и др. Интересен случай стиха «И облаком нестись, презрев земную низкозть» (1748. С. 219), для которого в издании 1759 г. восстанавливается начальный вариант наборной рукописи: «На облаках нестись...» (Рук. Л. 88; 1759. С. 156);

книга. И ошибками этими могли быть не только механические описки, но и употребление ненормативных грамматических форм, в иных случаях не допускавшихся Ломоносовым. Таково употребление для существительных среднего рода на *-ие* и женского рода на *-ия* форм род. и вин. п. мн. ч. на *-иев*. Готовя «Краткое руководство к красноречию» к переизданию после 1759 г., Ломоносов производит две замены, связанные с этими формами:

(1) «примеры от уравнениев» (Рук. Л. 2 об.; 1748. С. 16);
«примеры от уравнений» (1759. С. 12);

(2) «ест змиев» (Рук. Л. 61; 1748. С. 156);
«ест змию» (1759. С. 111).

Помимо Риторики, употребления Ломоносовым соответствующих форм ни в одном другом сочинении, назначавшемся к публикации, неизвестны.[37] В 1736–1739 гг. он оставляет на последнем листе «Нового и краткого способа» Тредиаковского запись: «Новым словам не надобно старых окончаниев давать, которые неупотребительны».[38] После этого генитив на *-иев* можно еще встретить лишь в коллективном рапорте ноября 1748 г., записанном писарским почерком и выправленном Ломоносовым (форма на *-иев* оставлена без изменений): «письмо было причиною таких толкованиев».[39]

Неверное образование род. п. мн. ч. на *-иев* стало одним из главных обвинений, выдвинутых Тредиаковским Сумарокову в его «Письме от приятеля к приятелю» (1750): переходя в нем от разбора од к разбору языка сумароковских трагедий и эпистол, он отмечает: «неисправно кончит среднего рода имена во множественном числе, как то: <...> *братиев* за *братий*, *подозрениев* за *подозрений* <...> *следствиев* за *следствий* <...> *несчастиев* за *несчастий* <...> *отсутствиев* за *отсутствий*. Все подобные окончания в именах

[37] В рукописи и издании 1748 г. форма «змиев», скорее всего, была образована нормативно: не от «змея», но от «змий». Однако, смещение ударения из-за требований стихотворного ритма (со *змúев* на *змиéв*) затемняло определение исходной формы, что и могло заставить Тредиаковского подчеркнуть это слово двумя чертами: подобный способ выделения в большинстве других случаев имеет у него отчетливую двойную мотивировку.

[38] *Ломоносов М. В.* Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. Примечания. С. 11.

[39] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 179.

пишут такие писатели, кои не тщатся о грамматической исправности».[40] Сумароков в «Ответе на критику» посчитал нужным остановиться на этом обвинении: «*Братиев* вместо *братий* есть вольность <...> также *следствиев*, и прочее; а *братиев* есть и весьма вольность малая; ибо хотя *братий* и правильнее, нежели *братиев*; однако вместо *братиев* сокращенно *братьев* еще употребительнее, нежели *братий*».[41] Таким образом, уже к 1750 г. обсуждение нормативности форм на *-иев* было вынесено в публичную сферу, и они были признаны недопустимыми.

Ломоносов закрепляет это мнение в «Российской грамматике» (см.: § 155), где формы на *-иев* отсутствуют. В материалах к этому трактату они встречаются в контексте, демонстрирующем вариативность форм генитива: «Познаніе, познаній, познаней, познаніевъ, матерія, матерій, рей, ріевъ».[42] Можно предполагать, что в этих двух примерах флексии расположены в порядке их нормативности: первой указана верная форма (*-ий*); за ней орфографический вариант (*-ей*); и, наконец, неверная (*-иев*). В этом случае § 155 «Российской грамматики» подводит итог размышлениям Ломоносова о вариативности форм генитива,[43] а отказ в издании 1759 г. от двух форм на *-иев* закономерно отражает результаты филологической работы Ломоносова и вряд ли может быть связан с пометами Тредиаковского.

А. 5. *нынь* (2 случая)

Пометы Тредиаковского могут служить, наверное, самым ранним образцом критического внимания к одному ломоносовскому

---

[40] Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / Издал А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 476.

[41] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и в прозе. М., 1787. Ч. 10. С. 97.

[42] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч… Т. 7. С. 635. Ср. непосредственно предшествующую этим двум примерам запись: «Полѣно имѣетъ им. множ. полѣнья, род. — полѣнъ и пр. / Колъ, колья, кольевъ» (Там же).

[43] Ломоносовские материалы к грамматике и единичные употребления в его текстах показывают также, что он до середины 1750-х гг. колебался в нормативности употребления род. п. мн. ч. для слова ‘солнце’ и существительных на *-ко* (солнцев / солнцей; зернышек / зернышков). (См.: *Макеева В. Н.* История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова… С. 99–101). Можно добавить, что в «Кратком руководстве» Тредиаковским подчеркнуто также слово «оковов» (С. 243), не исправленное Ломоносовым.

словоупотреблению, которое в стихотворной полемике 1750-х гг. станет своеобразным (дискриминирующим) маркером его стиля. Речь идет о наречии «нынь», впервые, помимо Риторики, наиболее частотно (9 раз) встречающемся в трагедии «Тамира и Селим» (1750), и появляющемся у Тредиаковского в эпиграмме «Не знаю, кто певцов в стих кинул сумасбродный...» (1754 или 1755).[44] Показательно, что уже на стадии подготовки рукописи к изданию своих «Сочинений» 1751 г. Ломоносов отказывается от использования этого слова в ряде од,[45] а последний случай употребления относится у него к 1754 г. («Ода на рождение <...> Павла Петровича»).[46]

В экземпляре Тредиаковского помечены подчеркиваниями все случаи употребления «нынь» (а также одно — «отнынь»: С. 114 (2 вхождения), 132, 307). Из этих четырех случаев Ломоносовым замена произведена только в двух:

(1) Подумай, чтобы нынь избыть от злой годины (Тред. С. 114);
Подумай, чтобы нам избыть от злой годины (1759. С. 80);

(2) Тебя нынь рок постиг, несчастлива Дидона (Тред. С. 132);
Тебя злой рок постиг, несчастлива Дидона (1759. С. 92).

Поскольку в двух других случаях (С. 114: «Не ради пиршества к тебе мы нынь пришли» — на той же странице встречается замененная форма; С. 307: «Ты будешь век крушиться / Отнынь, хозяин мой») замены в издании 1759 г. не произведены, причиной правки следует считать скорее пересмотренное Ломоносовым отношение

---

[44] См.: *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII века) // Russian linguistics. 1988. Vol. 8. P. 117; *Костин А. А.* Тредиаковский в 1755 году: несколько архивных замечаний // XVIII век. СПб., 2017. Вып. 29. С. 54–59.

[45] См. варианты в изд.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 30, 399.

[46] Там же. С. 565. При подготовке второго издания своих сочинений в 1756–1757 гг. Ломоносов также отказался от формы «нынь» в «Надписи на спуск корабля, именуемого Иоанна Златоустого» (см.: Там же. С. 405). Материал исправлений формы «нынь» в московских «Сочинениях» Ломоносова использован ранее И. З. Серманом, полагавшим, что причиной для них стало знакомство Ломоносова со «Вздорными одами» Сумарокова (см.: *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966. С. 229–231).

к излюбленному[47] слову, чем ориентацию на пометы Тредиаковского. О том, что причиной замен здесь могло быть собственное чутье Ломоносова, говорит и правка одного стиха на стадии наборной рукописи. В переводе речи Дидоны: «Внемлите, нынь сие <нрзб.> мне» исправлено на: «Внемлите, и мою услышьте днесь мольбу» (Л. 50 об., С. 92).[48]

А. 6. *битьчелом* (2 случая)

Последним случаем системного совпадения помет Тредиаковского и правки Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» оказываются два исправления в переводах из речи Цицерона за Секста Росция Америна, заменяющие один русский делопроизводственный термин на другой:

(1) «Три вещи <...> Сексту Росцию <...> препятствуют: соперников челобитье, дерзость, могущество. Вымышление челобитья взял на себя доноситель Еруций» (Тред. С. 208);
«<...> доносительство <...> доносительства...» (1759. С. 148);

(2) «Бьютчелом те, которые в его пожитки нахально вступили ... Бьютчелом те, которым принесло прибыль Росциева отца убиение <...> Бьютчелом те, которые его самого умертвить весьма желали <...> Наконец, Бьютчелом те, которым весь народ казни желает» (Тред. С. 315);
«Доносят <...> Доносят <...> Доносят <...> доносят» (1759. С. 224).

Сложно сказать, что заставило Тредиаковского подчеркивать, а Ломоносова — отказываться от слов «челобитье» и «битьчелом» (в других местах они в «Кратком руководстве» не встречаются). Вряд ли Тредиаковского смущало близкое повторение в этих примерах одного слова (хотя подобные пометы для него в целом характерны): во втором случае он не считает нужным отметить такое же параллельное четырехкратное повторение слова «отвечает». Нельзя предположить, что эта проблема беспокоила и Ломоносова, по-

[47] Отчасти вынужденный отказ от слова «нынь» объясняет, по-видимому, и то, почему в издании Риторики 1759 г. оно заменено только в двух случаях из четырех, и то, почему подготовка первого московского тома «Сочинений» 1757 г. этой формы почти не затронула (см. примеч. 46).

[48] Ср. также: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 202; Т. 8. С. 166. В издании 1759 г. произведена дальнейшая замена: «Внемлите и мою услышите мольбу» (С. 92).

скольку в результате его правки в первом примере образовалось три однокоренных слова: «доносительство <...> доносительства <...> доноситель». Для обоих авторов слова ‘челобитье / битьчелом’ были, конечно, нормативными: это устоявшиеся юридические термины; оба употребляли их в своих деловых бумагах, а Ломоносов использует «битьчелом» в материалах к «Российской грамматике» как образец составного слова, изменяющегося на стыке основ.[49] Судя по всему, замена вызвана нюансами семантики слов битьчелом / доносить применительно к историческим реалиям республиканского Рима, однако найти соответствующий контекст в русских материалах середины XVIII в. пока не удается.[50] Латинский контекст в данном случае вряд ли сможет прояснить замены: в первом случае у Цицерона использовано существительное «crimen»; во втором — глагол «accusant» (из начального слоя наборной рукописи видно, что сперва Ломоносов начал переводить его как «обвиняют»).

Из всех случаев систематических замен во втором издании ломоносовской Риторики два неясных случая с ‘челобитье / битьчелом’ — единственные, позволяющие предположить влияние читательско-критического опыта Тредиаковского.

Б. 1. Славянская (3 случая) и просторечная (2 случая) лексика

Итак, преимущественно совпадение помет Тредиаковского и правки Ломоносова в издании 1759 г. приходится на системные

---

[49] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 623.

[50] О вариативности терминов челобитная / челобитье / прошение в делопроизводстве XVII — начала XVIII в. см.: *Трофимова О. В.* 1) Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2002. С. 78–83; 2) Тюменские челобитные Екатерине второй: судьба названия и жанра // Словцовские чтения — 2002. Тюмень, 2002. С. 159–161. О стилистической значимости замены «челобитья» на «прошение» на рубеже 1750–1760-х гг. говорит созданный в 1760 г. неустановленным лицом список переведенных Симоном Кохановским к 1721 г. «Увещаний и прикладов политических Юста Липсия». Список этот в целом отличается модернизацией языка подлинника; в ряду обильной правки, в частности, здесь дважды произведена замена слова «челобитье» в следующем контексте: «многие епископы подали ему челобитья (→ челобитны) <...> он же вся та, аки бы хотя чести, собираль, собравши же <...> и ни единаго же челобитья (→ прошения) разгнувши, воверже пред всеми во огнь» (см.: ОПИ ГИМ; Собр. Вахомеева. № 120. Л. 13–13 об.). В латинском оригинале использовано слово «criminatio».

случаи, по большей части не позволяющие говорить о прямой зависимости второй от первых. Однако, отмеченная выше область пересечения включает также восемь не образующих системы случаев, отчасти позволяющих все же говорить о возможном влиянии помет на правку.

Прежде всего это группа единичных лексических замен, находящих соответствие у Ломоносова и Тредиаковского. Представленные здесь слова довольно четко разделяются на две группы — славянской и просторечной лексики. Славянизмы Ломоносова вызвали замечания у Тредиаковского во многих случаях,[51] но только в трех оказались заменены в издании 1759 г.:

(1) Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них (Тред. С. 132);

Сожечь было весь флот, и сына и отца
Тем жаром истребить, и вдруг саму себя (1759. С. 92);

(2) разными камнями испещренное монисто (Тред. С. 47);
разными камнями испещренное ожерелие (1759. С. 33);

(3) «Что я <...> учинил, тое начал сей Архия стихами описывать» (Тред. С. 115);
«то» (1759. С. 81).

Два первых выводимых здесь за рамки нормы слова, несмотря на их различный статус в кругу церковных текстов,[52] являются наиболее редкими в славянской лексике «Краткого руководства...»,[53] поэтому и их выделение Тредиаковским, и исключение Ломоносовым вполне объяснимы. В начале 1750-х гг, выписывая из Псалтири лексику, которая могла бы использоваться в новом нормализован-

---

[51] Ср., например, выделенные им слова: *грызение*, *купление*, *продерзливость*, *скаредный*, *сотреть*, и др.

[52] Глагол «истнити» встречается в славянской библии в различных контекстах, в том числе в псалмах (Пс 17: 43; Пс 28: 6) и в стихах книги пророка Даниила (Дан 2: 34–45), читаемых в рождественской службе. «Монисто», помимо библейских контекстов, встречается в восьмом гласе Октоиха в составе канона Богородице. Использованы данные «Национального корпуса русского языка» (http://www.ruscorpora.ru), исторический (церковнославянский) подкорпус.

[53] Ср., помимо отмеченных Тредиаковским (примеч. 47), слова, замененные в 1759 г. Ломоносовым: врачь (→ целитель); письмя (→ букв); прегрешение (→ погрешение); и др.

ном русском языке, Ломоносов включает в ее состав и глагол «истнить»,[54] однако к 1759 г. отказывает ему в праве нормативности.[55]

Особый интерес представляет замена местоимения «тое». Форма эта встречается в «Кратком руководстве...» неоднократно (1748. С. 191, 214, 215, 261, 271), и впоследствии также не раз будет употребляться Ломоносовым,[56] в том числе в «Явлении Венеры на Солнце» (1761) в составе цитаты из Василия Великого: «не само тое утешное некое зрение моря слово показует богу явити».[57] Поэтому данная уникальная замена в контексте редакторской работы Ломоносова 1759 г. кажется неожиданной и может оказаться как следствием знакомства с пометами Тредиаковского, так и случайно совпавшей ошибкой набора.

Также в контексте общей работы Тредиаковского и Ломоносова над текстом Риторики 1748 г. должны рассматриваться две замены просторечных слов в издании 1759 г.

(4) «в произношении слова упражняющимся <...> дородство и осанковатый вид приличны» (Тред. С. 2);
«сановитый» (1759. С. 2);

(5) «звук <...> от конского по́топу» (Тред. С. 171);
«топоту» (1759. С. 121).

Сложно сказать, чем вызвано совпадение в данном случае, поскольку и пометы Тредиаковского, и правка Ломоносова в отношении просторечной лексики довольно интенсивны и отразились на большом числе единичных словоупотреблений,[58] в ряду которых два измененных слова никак не выделяются.

---

[54] «Предпріятіе, начинаніе. Богъ славы возгремѣлъ. Истнить. Ѱ. 28. Ст. 6.» (Материалы к Российской грамматике: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 662).

[55] Тредиаковский, перелагая Псалтирь, сохраняет глагол «истнити» лишь в 17 псалме: «Я в части их истнил возможны» (С. 48), но иначе передает соответствующее место в 28: «Им скачет холм тельцу подобно; / и всяких гор хребет премног / колеблется» (См.: *Levitsky A.* Vasilij Kirillovič Trediakovskij. Psalter 1753. Erstausgabe. Paderborn et al., 1989. S. 73 [Biblia Slavica. Serie 3: Ostslavische Bibeln, 4: Russische Psalmenübertragungen, b. Vasilij Kirillovič Trediakovskij]).

[56] См. служебные документы 1761–1762 гг.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 359; Т. 10. С. 253, 256.

[57] Там же. Т. 2. С. 373.

[58] Тредиаковский подчеркивает: *живописству, крутизна, гулящих, пособный, присушный, вода жмется, перетужность*, и др. (см.: *Николаев С. И.* Пометы В. К. Тре-

Б. 2. Склонение имен собственных на *-ий* при числительных (1 случай)

На с. 113 в переводе из Цицерона Ломоносовым употреблена следующая форма склонения числительного с именем собственным:

(1) «Три Лигария должно тебе удержать в городе или три искоренить из оного» (Тред. С. 113);
«Трех Лигариев <...> трех» (1759. С. 80).

В других текстах Ломоносова мне не удалось найти употребления формы «три» («два», «четыре») применительно к одушевленным именам в вин. п. Возможно, на появлении этой формы сказалась правка на уровне наборной рукописи. В начальном слое в ней было записано: «Три Лигария должно тебе из города»; затем заменено на «Три Лигария должно тебе удержать в городе», и дальше записан текст, известный по печатному изданию (Л. 42 об.). В материалах к «Российской грамматике» подобные примеры не упоминаются; сам грамматический труд Ломоносова неукоснительно предписывает для подобного случая форму «Трех Лигариев».[59] В данном случае мы имеем дело, скорее всего, с корректировкой ошибки, допущенной на уровне подготовки наборной рукописи (ср. примеры: А. 2. 3, А. 2. 4, А. 4. 1).

Б. 3. Повторение служебного глагола в страдательных формах прошедшего времени (1 случай)

(1) «они не токмо <...> изогнаны и бесчестно побеждены были, но и от своих граждан преданы и проданы были» (Тред. С. 70);
«побеждены <...> проданы были» (1759. С. 50).

Задача «выключить скучные повторения одного речения»[60] и «остерегаться, чтобы не повторять часто одного»[61] слова — одна из основ стилистических представлений и Нового Времени в це-

---

диаковского... С. 8); Ломоносов заменяет: щупать (→ осязаю); искосить (→ изворотив); вострым (→ острым), и др.

[59] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 476–477, 557–559.

[60] Там же. С. 406.

[61] Там же. С. 242.

лом (из нее во многом вырастает теория copia verborum Эразма), и Ломоносова, и его современников. Многие пометы Тредиаковского могут быть прочитаны как замечание о нарушении этого правила, несколько раз они отразились и в правке Ломоносова. Как бы то ни было, без внимания Тредиаковского и без изменения в издании 1759 г. осталось другое аналогичное место: «один был от своих псов растерзан, два от диких вепрей убиты, четвертый присушным зелием напоен был» (1748. С. 79).

Б. 4. Замена иллюстративного материала (1 случай)

Наконец нужно остановиться на помете Тредиаковского — одной из первых в «Кратком руководстве» — совпадение которой с изменением в издании 1759 г. наиболее бросается в глаза и кажется наименее случайным.

(1) «Такое подобие видим Невы с Двиною, Днепром, Волгою и другими в моря протекающими великими водами и оное называем однем словом, река, которая есть род; а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла и прочие суть виды оного» (Тред. С. 8);

«Такое подобие есть милости с любовию, кротостию, благочестием и другими добрыми делами, и оное общим именем называется добродетель, которое есть род; а милость, любовь, кротость и прочие суть виды» (1759. С. 7);

Произведенная здесь Ломоносовым замена уникальна для текста Риторики 1759 г. Как было отмечено выше, в двух случаях он заменил примеры там, где соответствующие стихотворные тексты были уже ранее помещены в первом томе московского издания «Сочинений» 1757 г. Еще один пример был им добавлен («и о цвете Гиацинте...»: 1759. С. 130). Но ни в одном другом случае не было сделано замены иллюстративного материала параграфа.

г) Заключение

Проведенный анализ правки в издании «Краткого руководства к красноречию» 1759 г. с точки зрения ее совпадения с пометами Тредиаковского показывает, что в подавляющем большинстве случаев вряд ли можно говорить о их прямой зависимости и влиянии. Более того, те случаи, когда у того или другого автора мы находим значительное число однотипной «непересекающейся» правки, гово-

рят скорее о том, что подобной прямой зависимости не было. Ломоносов вряд ли держал в руках экземпляр своей Риторики, размеченный Тредиаковским, и тем более маловероятно, что он использовал его как настольное пособие при подготовке второй печатной редакции своей книги. Главным фактором в этой работе оказалось для него развитие за десять лет собственных стилистических представлений, и прежде всего — исследования, проделанные для создания «Российской грамматики». Не вызывает сомнения, что свою роль в этом движении сыграла и стихотворная полемика 1750-х гг., как выработав представления о сфере допустимого в стихотворной речи, так и маркировав недопустимость для многих языковых явлений предшествующего десятилетия (в случае с «Кратким руководством» особенно показательна здесь судьба наречия «нынь»).

Между тем, четыре случая правки, кажущейся в свете нынешних знаний мало мотивированной (см. примеры: А. 6. 1, А. 6. 2, Б. 1. 3, Б. 4. 1), не позволяют все же отказаться от предположения, что Ломоносов мог быть знаком с замечаниями Тредиаковского на его труд. Зная вкус и любовь Тредиаковского к подробным филологическим разборам сочинений соперников, думается, будет верным считать, что пометы, оставленные на его экземпляре Риторики, стали основой несохранившегося критического труда, читателем которого не мог не стать Ломоносов. О том, что во всяком случае подготовка к такому разбору велась, свидетельствуют, как кажется, два примечания в «Разговоре об ортографии», готовившемся в момент выхода в свет ломоносовской Риторики. В одном из них Тредиаковский предлагает собственное определение силлогизма (соответствующие места подчеркнуты на экземпляре Риторики); в другом излагает собственную стилистическую теорию диалога, существенно дополняющую сухие классифицирующие правила из раздела «Краткого руководства» о «расположении по разговору».[62]

Как бы то ни было, даже если пометы Тредиаковского не стали источником текста второго издания ломоносовской Риторики, сам факт во многом пересекающейся стилистической работы двух крупнейших поэтов 1740–1750-х гг. остается значимым явлением истории языка этого времени.

---

[62] *Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой. СПб., 1748. С. 123, 435–436.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пометы В. К. Тредиаковского на первом издании «Краткого руководства к красноречию»

(дополнение к материалам М. И. Сухомлинова)

Как было отмечено выше (см. с. 21–22), М. И. Сухомлинов привел в своем комментарии к «Краткому руководству к красноречию» сведения о пометах Тредиаковского с большой тщательностью. Пропущены лишь менее десяти случаев подчеркиваний и одна спорная отметка на поле. Эти пометы публикуются в настоящем приложении, как и в издании М. И. Сухомлинова, с указанием параграфа, содержащего помеченный текст, и выделением курсивом слов, отмеченных Тредиаковским; слова, выделенные в оригинале двойным подчеркиванием, в публикации выделяются курсивом с подчеркиванием. Поскольку в ряде случаев замечания Тредиаковского носили, очевидно, орфографический характер, цитаты приводятся в орфографии и пунктуации оригинала.

Вступление, §10

«...предлагается о стихотворствѣ ученїе съ приложенными въ примѣры *стихи*»[63]

§31

«...ясно видѣть можно, что чрезъ сїи пра́вила *совображенїе* человѣческое имѣть можетъ великое вспоможенїе...»[64]

§32

«...секта, которой послѣдователи назывались именники [Nominales,] и *воспослѣдователи* оттуду въ Парижѣ у Студентовъ великїя распри...»[65]

§93

«...но только Христїанъ выискивать запрещается; *но* приводить позволено...»[66]

---

[63] См. выше: С. 31–32.

[64] Ср. подчеркивания термина «совображение» в §9, 23, 24, 27.

[65] См. выше: С. 32.

[66] В «Списке погрешностей» ошибочное «но только» исправлено на «только».

§ 112

«...они къ полученїю оной сильняе, и *лутчїе* способы имѣютъ...»

§ 113

«...16) ежели бы въ его силѣ было, тобы онъ еще и больше *изобидилъ*...»[67]

§ 125

«...Когдабы мечи *устремлясь* на твое заколенїе...»[68]

§ 156

«Ужéюгъ влажными крилами вылѣтаетъ...»

§ 158

«...голова печальнымъ образомъ на грудь приклонена, борода *клочилась*, глаза опустились въ темныя ямы...»

Против «клочилась» на поле записано: «с» (= с<клочилась?>)[69]

§ 187

«*Катáхрисисъ* есть перемѣна реченїй...»[70]

---

[67] Глагол «изобидеть» встречается только в этом параграфе «Краткого руководства...»; Тредиаковским подчеркнуты все три употребления; в комментарии М. И. Сухомлинова отмечено только два из них.

[68] См. выше: С. 32–33.

[69] Подчеркивание слова «клочилась» в комментарии М. И. Сухомлинова отмечено.

[70] Помимо подчеркивания термина «Катахрисис», открывающего § 187, Тредиаковским на поле отчеркнут весь этот параграф; это отчеркивание указано М. И. Сухомлиновым.

А. А. КОСТИН

ТРЕДИАКОВСКИЙ В 1755 ГОДУ: НЕСКОЛЬКО АРХИВНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Как отмечал еще П. П. Пекарский, «ни один год литературной деятельности Тредиаковского не был для него столь бурным и вместе с тем тяжелым по разного рода неудачам, как 1755 год».[1] При всем различии в интерпретациях событий этого года, они неизменно оказываются в биографиях Тредиаковского ядром тех разительных перемен в статусе писателя,[2] что в полной мере укладываются в период с февраля 1754 г., когда Тредиаковский обратился в Синод за одобрением своего стихотворного переложения Псалтири, до конца 1758 г., когда в Академии наук была инициирована процедура его увольнения, а московская синодальная контора отказалась согласиться на публикацию «Псалтири» и «Феоптии». Для лучшего по-

[1] *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 177.

[2] См.: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. Ч. 1. С. 256; *Модзалевский Л. Б.* М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. СПб., 2011. С. 47; *Живов В. М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2012. С. 578; *Алексеева Н. Ю.* «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» в творчестве В. К. Тредиаковского // Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 475; *Николаев С. И.* Тредиаковский В. К. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 265, и др.

© А. А. Костин, 2017

нимания взаимосвязи событий 1755 г. в жизни Тредиаковского, отраженных в многочисленных документах из нескольких собраний СПбФ АРАН и РГИА, необходимо уделить большее внимание источниковедческой характеристике сохранившихся документов, а также их датировке. Этим задачам и посвящены помещаемые здесь заметки.

I. Документальный комплекс и записка Г. Н. Теплова

Наиболее разнообразный и ценный с точки зрения творческой биографии комплекс рукописей Тредиаковского 1755 г. сохранился в составе «связки» (описи) № 76 архива академической Конференции (в настоящее время — СПбФ АРАН. Разряд I). Рукописи эти, по-видимому, представляют собой лишь часть более обширного, по большей части не сохранившегося документального комплекса.

«Связка» (опись) № 76 бумаг академической конференции содержит 33 документа с 1735 по 1781 г. В делах, входящих в эту связку, на лицевой стороне первого листа встречается три типа старой архивной нумерации: простая цифровая (1, 2, 3...), литерная (A, B, C...) и нумерованная цифровая (№ 1, № 2, № 3...). Внесенные во всех делах описи простая цифровая и литерная нумерации были, очевидно, проставлены на разных стадиях формирования «связок» и их обработки, завершившейся созданием описи Г. В. Корца в 1793 г.[3] Нумерация третьего типа — со знаком «№», предшествующим

[3] Принципы формирования значительной части «связок» (описей) разряда I из архива академической конференции (за исключением личных фондов, передававшихся в конференц-архив после смерти академиков) остаются до сих пор неясными. Формирование связок было начато, по-видимому, под руководством конференц-секретаря И. А. Эйлера архивариусом И. Ю. Унгебауэром в 1780-х гг. и после его смерти к 1793 г. завершено с составлением описи новым архивариусом Г. В. Корцем (в его описи дела внесены под «литерными» номерами). В 1855 г. Л. Ф. Радлов критиковал каталог Корца за то, что он «составлен без определенного плана и порядка, нередко даже неточен <...>. В нем <...> редко вставлено время поступления бумаги в ученое собрание академии, что необходимо для сличения с протоколами и послужило бы облегчением контроля». Сведения об истории Разряда I см.: *Тункина И. В.* Хранители академической памяти. XVIII — первая треть XX в. Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016. С. 147–158, 175–176, 321–322, 341.

цифре, встречается в связке 76 лишь на документах, связанных с Тредиаковским. Такую же нумерацию документы, относящиеся к конфликтам Тредиаковского 1755 г., имеют в составе папки из другой, 64-й, «связки» академической конференции.[4] Старые архивные индексы, использующие знак «№», в «связках» 76 и 64 не пересекаются; в соответствии с ними документы выстаиваются в следующей последовательности:[5]

№ 10 — латинский перевод басни Тредиаковского «Fabella», сент. 1755 г. (св. 76. № 8);[6]

№ 11 — латинский подлинник статьи «De plurali nominum adiectivorum integrorum» 1746 г. (св. 76. № 5);[7]

№ 12 — письмо Тредиаковского в Конференцию с жалобой на Г. Ф. Миллера от 15 ноября 1755 г. (св. 76. № 22);[8]

---

[4] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 64. Д. 12.

[5] В скобках приводятся шифры I разряда СПбФ АРАН по описанию, переработанному в академическом архиве в 1920-х гг., с указанием связки и номера дела. Впоследствии ряд из них был разбит на более дробные единицы хранения (ср.: оп. 76. № 5, 5а и др.). В примечаниях приводятся сведения о публикациях соответствующих документов и о филигранях.

[6] См: *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук... С. 257–258. Бумага: (JH&Zoon | Pro Patria / *знак PP*).

[7] См.: *Ломоносов М. В.* Сочинения / С объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. СПб., 1898. Т. 4. С. 11–225 (примечания); *Вомперский В. П.* Ненапечатанная статья В. К. Тредиаковского «О множественном прилагательных целых имен окончании» // Науч. докл. высш. школы. Филолог, науки. 1968. № 5. С. 81–90. Очевидно, в оригинальном деле под тем же номером хранился и русский текст статьи (оп. 76. № 5а), а также записка Тредиаковского в Конференцию с просьбой убедить Ломоносова представить возражения (оп. 76. № 5б). Бумага — латинский текст и записка: (БАГ / *знак PP* | AG [вензель]). Ср.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 80. Русский текст: (C&IHonig | Pro Patria / *знак PP*).

[8] См.: *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук... С. 193–197. Письмо сохранилось в латинском оригинале и русском переводе. На первом листе перевода выставлен старый архивный номер «12» без знака «№», соответствующий индексу «№ 12» на первом листе латинского оригинала. Подобным образом основной номер дела продублирован на его черновике в случае с запиской Г. Н. Теплова о подметном письме (см.: примеч. 13, 14). Бумага — латинский текст: (C&IHonig | Pro Patria / *знак PP*); русский перевод: (ЯМЗ [бол. форм.] | Герб Яросл. губ. [тип 4]). Ср.: Клепиков. № 761.

№ 13 — статья Тредиаковского об окончаниях прилагательных 1755 г. (св. 76. № 6);[9]

№ 15 — Записка Миллера к К. Г. Разумовскому от 31 октября 1755 г. с просьбой провести следствие о подметном письме (св. 64. № 12. Л. 18);[10]

№ 17 — Доношение Тредиаковского к Разумовскому от 29 сентября 1755 г. с жалобой на Шумахера относительно издания «Феоптии» (св. 64. № 12. Л. 19–20);[11]

№ 22 — Ответ Тредиаковского на рассуждение Сумарокова о сафической и горацианской строфах, июль 1755 г. (св. 76. № 9);[12]

№ 41 — выписка из Военного артикула «Глава осмаянадесять о поносительных письмах бранных и ругательных словах» (св. 64. № 12. Л. 16–17);[13]

№ 42 — записка Г. Н. Теплова с атрибуцией Тредиаковскому подметного письма, ноябрь (?) 1755 г. (св. 64. № 12. Л. 2–15).[14]

По протоколам академической конференции, записке Г. Н. Теплова и позднейшим прошениям Тредиаковского известно еще по меньшей мере 14 рукописей (сочинений, полемических записок, писем), подававшихся Тредиаковским в 1755 г. в Конференцию Академии наук или ее президенту, или связанных с жалобами

---

[9] См.: *Пекарский П. П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 102–116. [Приложение к VIII тому Записок Императорской академии наук. № 7]. Бумага: (C&IHonig | Pro Patria / *знак PP*).

[10] См.: Записка о Тредиаковском (публикация П. П. Пекарского) // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 7. С. XXV. Бумага: (GR [под короной]).

[11] См.: *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук... С. 176–177. Бумага: (C&IHonig | Pro Patria / *знак PP*).

[12] См.: *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук... С. 250–257. Бумага: (Pro Patria IAS / *знак PP* | GR [под короной]).

[13] См. упоминание: Записка о Тредиаковском... С. XXXIII. Старый архивный индекс «41» проставлен на листе без знака «№». Бумага: ([Герб Яросл. губ. (Тип 4)] | ЯМЗ [бол. формат). Ср.: Клепиков. № 762.

[14] См.: Записка о Тредиаковском... С. XXVI–XXXIV. Записка сохранилась в черновом (Л. 2–7) и беловом (Л. 8–15) вариантах. На обоих проставлен старый архивный индекс «№ 42». Бумага: (Pro Patria IAS / *знак PP* | GR [под короной]) — Л. 2–5, 12–15; (GR [под короной] | IAS Pro Patria / *знак PP*) — Л. 6–11.

на него.[15] Последние номера реконструируемой «описи» (№ 41, 42) заставляют предположить, что она могла включать в себя как эти 14 утраченных к настоящему времени рукописей, так и еще 19 документов, не известных по упомянутым источникам. Сам характер последних «дел» этой «описи», — черновая и беловая редакция записки Г. Н. Теплова, доказывающей виновность Тредиаковского в создании подметного письма и выписка о грозящем ему наказании, — позволяют предположить, что этот документальный комплекс был сформирован в канцелярии президента Академии наук в связи с рассмотрением дела о подметном письме.[16] Он включал, судя по всему, все конфликтные материалы Тредиаковского 1755 года, а также ряд связанных с ними более ранних документов.

II. Тетрадка о Ь и Ї. К датировке эпиграммы «Не знаю, кто певцов...»

В состав «дела» о подметном письме и других конфликтах Тредиаковского 1755 г., по-видимому, входила еще одна рукопись —

---

[15] Сочинения и письма Тредиаковского: 1) Письмо к другу о нравственной философии; 2–5) еще четыре рассуждения о нравоучительной философии; 6) статья об именах собственных из греческого и латыни на *-as* и *-is*; 7) стихотворная пьеса о выборе невесты; 8) «листочек», объяснявший отсутствие в Конференции 2 августа; 9) мнение на идиллию, песенку и басню Сумарокова, составленное в соответствии с протоколом от 4 октября; 10) подметное письмо; 11) письменное разъяснение Тредиаковского Разумовскому по вопросу о подметном письме; 12) русский оригинал басни «Fabella». Сочинения и письма Сумарокова: 13) Опровержение Сумарокова на статью «О древнем, среднем и новом стихотворении российском»; 14) письмо Сумарокова в Конференцию от 1 ноября «со многими ругательствами Тред<иаковского>. и просьбой запретить ему впредь судить о стихах Сумарокова» (См.: Протоколы заседаний Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2. С. 321–343; Материалы для биографии В. К. Тредиаковского / Сообщ. ак. П. Пекарским // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 1. С. XIV, XVI).

[16] О том, что бумаги о Тредиаковском представляли собой единый документальный комплекс, который рассматривался в канцелярии президента, косвенно говорят пометы Г. Н. Теплова на письме Тредиаковского в Конференцию (№ 12 по внутренней нумерации документального комплекса).

созданная в 1750-х гг. тетрадь, включающая две орфографических записки рубежа 1730–1740-х гг.:[17]

а) записка В. Е. Адодурова о буквах Ъ и Ь от 11 марта 1737 г.;

б) записка Х. Н. Винсгейма от мая 1741 г. о транслитерации русского алфавита.

Тексты записок Адодурова и Винсгейма объединяет единственное положение — квалификация литеры Ь как означающей краткий звук И (Ї). Не вызывает сомнения, что два давних документа в 1750-х гг. были скопированы в одну тетрадку с целью доказательства истинности этого тезиса; особый вес двум старым запискам в контексте внутренней жизни Академии наук должен был придать их официальный статус: обе они были в свое время рассмотрены и утверждены Конференцией Академии и Российским собранием. Необходимость появления в 1750-х гг. подобного авторитетного документа, по-видимому, может быть объяснена лишь спором с эпиграммой «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...», написанной Ломоносовым в конце 1753 г. против Тредиаковского.[18] Известными

---

[17] СПбФ АРАН. Разр. I. Оп. 76. Д. 7. Начальное обоснование датировки и публикацию см.: *Костин А. А.* Акрибия и амелейя, или Где быть доброй земле (Грамматика В. Е. Адодурова в контексте и без) // Словѣне = Slověne. 2016. № 1. С. 286–292.

[18] При том, что в «Разговоре об ортографии» Тредиаковский явно соотносит литеру Ь со звуком И (**«**звон ея (буквы ь. — *А. К.*) есть при согласной букве как бы некоторая половина буквы (ї)»; см.: *Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии. СПб., 1748. С. 47–48; ср. также: С. 111, 361**)**, положение это до 1755 г. не рассматривается им как полемичное и требующее значимого обоснования. Вопрос был поставлен следующими стихами в ломоносовской эпиграмме (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 542):

<...> ищет наш язык везде от *И* свободы:
Или уж стало *иль*; *коли* уж стало *коль*;
Изволи ныне все везде твердят *изволь*;
За *спиши* — *спишь*, и *спать* мы говорим за *спати*.
На что же, Трисотин, к нам тянешь *И* не к стати?

В других сочинениях конца 1740 — начала 1750-х гг. (в том числе в «Российской грамматике» Ломоносова) вопрос о нормативном соотношении Ь / И / Ї не ставится.

ответами на эту эпиграмму (автором ее Тредиаковский считал Сумарокова) стали поздняя редакция статьи Тредиаковского о правописании окончаний множественного числа прилагательных и его же эпиграмма «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...».[19] Очевидно, что время создания тетради о Ь и Ї должно соотноситься с историей двух этих сочинений Тредиаковского.

Из них относительно надежной датировке поддается лишь статья о правописании прилагательных: диссертация на эту тему была утверждена академической конференцией к печати в «Ежемесячных сочинениях» 1 февраля 1755 г., а издание ее остановлено Г. Ф. Миллером в июле или августе.[20] Значимой для датировки полемических материалов о Ь / Ї может быть лишь вторая дата, поскольку, представляя Конференции свой текст 1 февраля, Тредиаковский имел, очевидно, целью утвердить право на публикацию своих сочинений в «Ежемесячных сочинениях» по авторской орфографии; для этого было достаточно сообщения в Конференцию старой, рассмотренной еще в 1746 г., не включавшей полемики о звучании буквы Ь диссертации,[21]

---

[19] См: *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. Vol. 8. № 2. С. 75–127.

[20] В жалобе на Миллера, поданной академической Конференции 15 ноября 1755 г., Тредиаковский указывал, что уже набранная в первом корректурном листе статья должна была выйти в августовской книжке журнала: «сочинения, которые уже удостоены вами печати <...> Мюллер <...> по учиненной автором корректуре первого, как говорится, набранного с письма и напечатанного листа, выбрасывает <...> яко недостойные: ибо сочиненьице мое о российском окончании в множественном числе имен прилагательных <...> мною подправленное на первом печатном листе, которому надлежало иметь место в месяце августе, и доныне не является» (См.: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге... С. 195). Протокол об утверждении статьи к печати от 1 февраля 1755 г. см.: Протоколы заседаний Императорской Академии наук... С. 321–322.

[21] См. о ней: *Ломоносов М. В.*: 1) Сочинения / С объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. СПб., 1898. Т. 4. С. 1–4, 3–26 (примеч.); 2) Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 81–87, 801–805; 1955. Т. 9. С. 615, 933; *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского... С. 79–80, 103–107, 122–123; *Живов В. М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. 2. С. 1061–1078. К представленным в этих работах сведениям необходимо добавить, что Ломоносов, несмотря на отрицательный отзыв, данный на заметку Тредиаковского 1746 г., а также позднейшую критику ее положений в эпиграмме «Искусные певцы...» и в «Российской грамматике», не был до конца уверен в нормативности правописания адъективного склонения в именительном падеже множественного

что, по-видимому, и было сделано.[22] Скорее всего, отозван из типографии летом был уже новый, полемично направленный против Сумарокова вариант статьи, которую (как и эпиграмму «Не знаю, кто певцов...»), таким образом, следует датировать июлем-августом 1755 г., что служит нижней границей датировки тетради о Ь и Ї.

Партия бумаги, на которой записана тетрадь о Ь и Ї, была приобретена Академией наук в 1751 г., во второй половине 1755 г. ее запасы закончились.[23] Тредиаковский, ранее записавший на этой бу-

---

числа. В «Кратком руководстве к красноречию» он преимущественно использует формы, соответствующие орфографической практике типографии Академии наук, однако отходит от нее в разделе «Заключение» обширного примера, помещенного в §271. Обращаясь здесь к представителям различных профессий, Ломоносов использует конструкции с причастиями: *живущїи*, *делающїи*, *ожидающїи*, *плавающїи*, *пасущїи*. Выбор этой орфографической нормы был осознанным, поскольку первое в череде этих слов в рукописи было сперва записано как «живущїе», но исправлено на «живущїи». Впоследствии в рукописи Ломоносов еще дважды записывает формы множественного числа на *-їи*: «бывшїи при борьбе» (§300); «крѣпкїи караулы» (§303). Последнюю из этих форм Ломоносов правит в соответствии с орфографической нормой академической типографии (→ крѣпкїе) уже в рукописи; первая была исправлена в одной из ранних несохранившихся корректур (во всех печатных редакциях читается: «бывшїе»).

[22] О тождестве рассмотренного 1 февраля текста с рукописью 1746 г. говорит сам Тредиаковский в преамбуле к статье 1755 г. **(**См.: *Пекарский П. П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова... С. 102: «В подтверждение (своих правил правописания. — *А. К.*) обещался он принесть Собранию доказательства на письме. По рассмотрении доказательств его, принесенных уже им, Собрание увидело, что подлинно они не без довольно сильного основания, чего ради и намерилось сносить употребление Правописания в его сочинениях»**)**. Все сочинения Тредиаковского в «Ежемесячных сочинениях» 1755 г. опубликованы в отношении правописания именительного падежа множественного числа прилагательных в авторской орфографии. Это означает (как и отмечено в преамбуле статьи), что чтение старой диссертации 1 февраля возымело силу, т. е. делало публикацию специальной статьи по этому вопросу вне полемического контекста излишней. Все остальные одобренные конференцией статьи Тредиаковского (кроме неопубликованных «диссертации о именах собственных из греческого и латыни на *-as* и *-is*» и «письма к другу о нравственной философии», публикацию которого Тредиаковский, по-видимому, откладывал до подготовки дополнительных глав) издавались в порядке внесения их в Конференцию, как и другие утверждавшиеся Конференцией сочинения. Статья о прилагательных более ни разу не упоминается в протоколах Конференции, между тем как перенос публикации статьи «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» с мая на июнь специально оговаривался.

[23] Бумага с филигранями (Pro Patria IAS / *знак PP* | GR [под короной]) и (GR [под короной] | IAS Pro Patria / *знак PP*) фиксируется в материалах академического

маге большую часть белового списка своей Псалтири, в последний раз использовал ее в июле 1755 г. для своего ответа на замечания Сумарокова о сафической и горацианской строфах.[24] Время ее создания, таким образом, может быть уверенно указано как июль-август 1755 г.

По-видимому, созданная в 1753 г. эпиграмма «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...» стала известна Тредиаковскому не раньше лета 1755 г., что послужило толчком к дискредитации ее центрального набора примеров («*Или* уж стало *иль* <...> *спать* мы говорим за *спати*») в ответной эпиграмме «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...» и во фрагменте, добавленном в переработанную статью об окончаниях прилагательных.[25] Тетрадка с копиями

архива в 1751–1755 гг. Судя по дате наиболее раннего выявленного академического документа, записанного на ней (9 ноября 1751 г.), партия этой голландской пищей бумаги (55 стоп, из которых 30 назначались в типографию, а 25 — в канцелярию) была закуплена Академией наук в Амстердаме через секретаря российского посольства И. Х. Олденкопа (Oldencop). Груз, включавший, среди других пересылавшихся в Академию материалов, и различную бумагу, был отправлен 3 августа 1751 г. со шкипером Зибрантом Янсом (Sÿbrant Jansse); 20 сентября помощник книжной лавки Аврелиус принял от него груз. Оформление таможенных процедур и передача бумаги на учет в два ведомства заняла больше месяца. Расписки о получении бумаги в приход даны наборщиком Иваном Ильиным и актуариусом Албомом с обычной для этого типа документов задержкой 28 ноября (См.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1, № 835. Л. 112–116, 121–123, 127, 142–145 об.). К концу 1755 г. небольшие запасы этой бумаги (судя по месячным книгам Канцелярии, включающим документы, исходившие от всех департаментов: СПБФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1, № 195–206) сохранились лишь в канцеляриях президента и Конференции, а также у профессора А. Н. Гришова.

[24] Из сочинений, поданных в «Ежемесячные сочинения», Тредиаковский использовал бумагу с филигранью IAS для поданной в Конференцию 5 апреля статьи «О древнем, среднем и новом стихотворении российском». Впоследствии в своих письмах и рукописях сочинений конца 1755 — начала 1756 г. Тредиаковский использует бумагу русских фабрик (Ср.: Клепиков. № 761, 762, 786), а также голландскую с филигранями: (C&IHonig | Pro Patria / *знак PP*); (JH&Zoon | Pro Patria / *знак PP*); ([рожок в гербе] / GR).

[25] Содержание эпиграммы и статьи не дает, как представляется, оснований для заключения о том, какое из сочинений было написано раньше. Указание Б. А. Успенского (См.: *Успенский Б. А.* К истории одной эпиграммы Тредиаковского... С. 82) на то, что «небесная красота», приписанная русскому языку в ломоносовской эпиграмме, признается в ответной эпиграмме Тредиаковского («В небесной красоте (не твоего лишь зыка, / Нелепостей где тьма) российского языка...»), а в статье об окончаниях прилагательных опровергается, может быть оспорено. Из текста статьи: «Да видят теперь Эпиграмками играющие, коль праведно и основательно

старых орфографических записок должна была подтвердить правоту Тредиаковского; скорее всего, в споре с Г. Ф. Миллером, отказывавшимся печатать статью.

Связанные с печатным узусом материалы летней полемики Тредиаковского и Сумарокова 1755 г. — статья об окончаниях прилагательных с рукописным приложением к ней тетради о Ь и Ї; отзыв Сумарокова на статью «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» и ответ на нее Тредиаковского — относятся еще к череде «приглядных» конфликтных материалов Тредиаковского 1755 г. Как допустимый спор двух поэтов эти сочинения рассматривались сочленами Тредиаковского в академической Конференции, последовательно не соглашавшимися с Миллером в его решении сперва (19 июля) не печатать оба текста, посвященные статье о стихотворстве, а затем (4 октября) разрешить издание идиллии, песенки и басни Сумарокова, но не пускать в свет басню Тредиаковского.

Последняя, — сохранившаяся лишь в латинском переводе «Fabella», — стала последней попыткой Тредиаковского решить спор со своими оппонентами: скорее не с Сумароковым, но с Миллером, вопреки коллегиальным нормам не позволявшим публикацию сочинений поэта, а в первую очередь, — с Тепловым, явно санкционировавшим действия Миллера, а ранее разыгравшим интригу, приведшую к запрету на издание Псалтыри и «Феоптии». «Неприглядные» писания Тредиаковского — доносы в Синод от 13 и 16 октября и написанное в конце месяца подметное письмо — оказывались уже не почтенной литературной пикировкой, но борьбой за издание своего chef d'oeuvre, — борьбой, в которой ранее писатель безрезультатно прибегнул к «законным» средствам;[26] и борьбой, в которой он, конечно, был обречен на поражение.

они оглашают небесную по их же красоту нашего языка» следует, что Тредиаковский в полной мере признает за русским языком «небесную красоту», но не соглашается с тем, как учит («оглашает») о ней автор ее «эпиграмки».

[26] Письмо Тредиаковского в академическую Канцелярию от 23 августа 1755 г. с жалобой на Шумахера в отказе публикации двух книг (См.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 202. Л. 248–249), в нарушение канцелярских порядков, не имеет пометы о дате внесения в дело и, соответственно, не занесено в реестр входящих бумаг Канцелярии (См.: там же. № 662). Исключив это дело из официального делопроизводства, Канцелярия, по сути, сделала вид, что его не было. Не принесло результата и письменное обращение Тредиаковского к президенту Академии К. Г. Разумовскому, написанное 29 сентября, т. е. за несколько дней до заседания Конференции 4 октября, когда состоялась последняя попытка «благопристойной» полемики.

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

Светлой памяти моего отца
Юрия Георгиевича Алексеева

ЗНАЧЕНИЕ ДРУЖБЫ С Н. И. ПАНИНЫМ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА А. П. СУМАРОКОВА

А. П. Сумароков был первым русским писателем, чье общественное положение прямо зависело от его творчества. Если в продолжение всего XVIII века место писателя в обществе в большой мере определяла служба, Сумарокову начиная с 1750-х годов чины давали его литературные успехи.[1] В кругу писателей он выделялся своей близостью ко двору, среди вельмож — своим сочинительством. Потомок неплохого дворянского рода, он вошел в круг близких ко двору лиц не своей отличной службой, как равные с ним по происхождению Воронцовы, Панины, Чернышевы, не случаем, как Орловы, а тем, что писал прекрасные трагедии, балеты и оперы, знал толк в театре. Писательские заслуги давали ему не только чины, но и привилегии.[2] А он по мере вхождения в высшее общество все бо-

[1] 5 апреля 1751 года Сумароков произведен в полковники, 25 декабря 1755 — в бригадиры, 22 сентября 1762 года он получил чин статского советника, 26 января 1767 года — действительного статского советника (см.: *Степанов В. П.* Сумароков А. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2009. Вып. 3. Р–Я. С. 185).

[2] К исключительным привилегиям, данным Сумарокову, относятся его увольнение от службы с сохранением жалования, последовавшее 13 июня 1761 года и подтвержденное указом от 22 сентября 1762 года, аннулирование его типографских долгов и повеление все его сочинения печатать за счет Кабинета е. и. в. (Там же. С. 185, 193).

© Н. Ю. Алексеева, 2017

лее отражал в своем творчестве жизнь двора и парадного Петербурга. Несмотря на очевидную исключительность общественного положения Сумарокова как писателя, мы до сих пор знаем о нем довольно смутно. Его контур был очерчен уже первыми исследователями творческой биографии писателя, Г. А. Гуковским и П. Н. Берковым, уделявшим его социальной позиции большое внимание, но склонным рассматривать ее исходя из общих социологических и идеологических построений.[3] Уже с конца 1950-х годов П. Н. Берков обращается к изучению фактов жизни писателя, привлекая для этого документы.[4] Неоценимый вклад в изучение биографии Сумарокова и его общественных связей внес В. П. Степанов, впервые собравший и издавший корпус его писем в сопровождении тщательного комментария.[5] Заключительным трудом по биографии Сумарокова явилась статья В. П. Степанова в «Словаре русских писателей», в которой строго выверенные факты его жизни и творчества представлены в их взаимосвязи.[6] Однако рамки словарной статьи позволяли лишь наметить связи Сумарокова с его высокопоставленными современниками, специальное рассмотрение их оставалось делом будущего. Основными источниками для исследования общественных связей Сумарокова оказываются его письма и сочинения, в редких случаях к ним добавляются косвенные свидетельства. Соотнесение между собой известных, казалось бы, фактов помогает реконструировать историю отношений Сумарокова

---

[3] *Гуковский Г. А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 349–420; *Берков П. Н.* 1) Ломоносов и литературная полемика его времени 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 23–47; 2) А. П. Сумароков. Л., 1949. С. 18, 20; 2) Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 6–34 (Б-ка поэта. Большая серия).

[4] *Берков П. Н.* 1) Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова (родители и родственники Сумарокова — Служебная деятельность и семья А. П. Сумарокова) // XVIII века. М.; Л., 1958. Вып. 3. С. 364–375; 2) Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767–1769) и четыре записки последнего к Сумарокову // XVIII века. М.; Л., 1962. Вып. 5. С. 376–382.

[5] *Сумароков А. П.* Письма / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 68–223.

[6] *Степанов В. П.* Сумароков А. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2009. Вып. 3. Р–Я. С. 184–199.

с тем или иным лицом, а она в свою очередь проясняет отдельные его строки и произведения.

Среди придворных связей Сумарокова особое место занимает его дружба с Н. И. Паниным (1718–1783). О характере их отношений мы можем судить по единственному сохранившемуся обмену между ними письмами весной 1770 года. Живучи уже в Москве, Сумароков обратился к Панину с письмом, в котором писал: «прошу его императорское высочество и ваше сиятельство: покажите милость и прикажите сего моего человека в госпиталь принять…».[7] Речь шла о помещении мужика Сумарокова в Павловскую больницу, находившуюся под покровительством великого князя Павла Петровича. О взаимопонимании Сумарокова с Паниным свидетельствует шутливый, и даже игривый тон письма: «Ныне есть еще нуждица, но для того человека, кому добро сделать хочу, не нуждица, но самая большая нуждища, хотя между Ц и Щ разность и мала». Сумароков откровенен с графом, сообщая ему, например, что он, «хотя и на той улице» живет, «где церковь Симеона Столпника, в оную церковь» не ездит «по недостатку времени». Хорошо знакомый со скептическими настроениями Панина он, потворствуя им, подпускает иронии в отношении и иконы святителя Димитрия Ростовского, и самого святителя, и даже молитвы: «А в оной церкви чудотворный образ Дмитрия Ростовского, который зачал делати чудеса...» в доме директора больницы И. О. Брылкина, но поскольку сам он, Сумароков, в церковь не ездит, то его «молитва и прошение ни у святителя, ни у действительного и проч. [И. О. Брылкина — *Н. А.*] приняты не будут».[8] Так пишут друзьям, с которыми многое обговорено, в уверенности быть правильно понятыми. Вместе с тем письмо начинается заверением Сумарокова, что «без нужды» он к его сиятельству не пишет. Между ними был особый род дружбы — большая дистанция отделяла главу русской дипломатии от писателя, проживавшего тогда на покое в Москве. Однако дистанция видимо не мешала им в свое время вести разговоры, быть до известной степени откровенными друг с другом. В своем ответном письме, сообщавшем о выполнении просьбы, Панин зачеркивает написанное

[7] *Сумароков А. П.* Письма. С. 141.

[8] Там же. Стоит особо отметить, что нигде в других своих письмах и сочинениях Сумароков не оставил свидетельства своего скепсиса в адрес Церкви.

писарем заключение: «Сохраняя к достоинствам вашим истинное почтение» и вписывает своей рукой: «Сохраняя навсегда взаимную нашу древнюю дружбу, пребываю с отличным почтением».[9]

«Древность» дружбы ровесников Сумарокова и Панина могла простираться к 1740-м годам. Они, вероятно, познакомились еще до 1747, когда 29-летний Никита Иванович был назначен послом в Данию. Переведенный вскоре в Стокгольм, он в течение 12 лет выполнял в качестве русского посла в Швеции трудные дипломатические поручения, а после падения своего патрона канцлера А. П. Бестужева в декабре 1759 года был отозван в Россию. Возвратившись в Петербург весной 1760 года, он возобновил прежнее знакомство с Сумароковым или завел его, если оно по какому-то недоразумению не состоялось еще в 1740-е годы. Панин принадлежал к тем не столь уж многочисленным вельможам своего времени, кто живо интересовался отечественной литературой и даже покровительствовал писателям. Помимо хорошо известной его будущей роли в судьбе Д. И. Фонвизина, он еще до отъезда в Копенгаген материально поддержал издание «Разговора об ортографии» В. К. Тредиаковского, а, находясь в Стокгольме, следил за творчеством М. В. Ломоносова и, вероятно, не одного его.[10] Общение с Сумароковым, к 1760 году уже прославленным драматургом, руководителем Русского театра, видным поэтом, вращающимся к тому же примерно в тех же кругах, что и Панин, было для последнего, несомненно, интересным, а вместе с тем, не требующим специальных усилий. Им трудно было не встречаться в комедии или опере, на балу или гулянье. Весной 1760 года Панин находился в ожидании нового назначения, которым, как он уже знал, могло стать место воспитателя великого князя Павла Петровича. Пройдет немногим более четырех лет и мы увидим Сумарокова, оживленно беседующего с Паниным за столом великого князя. Из дневниковых записей С. А. Порошина мы знаем, что Сумароков в 1764–1765 годах заходил в покои наследника запросто, обедал у него, рассказывал, передразнивая своих недоб-

---

[9] *Степанов В. П.* [Примечания к письмам Сумарокова] // Письма русских писателей XVIII века. С. 213.

[10] О литературных интересах Н. И. Панина и его участии в судьбах писателей см.: *Степанов В. П.* Панин Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 408–409.

рожелателей, о театральных и литературных новостях и уходил.[11] В. П. Степанов справедливо экстраполирует записи Порошина на все 1760-е годы: «Сумароков в 1760-е годы был постоянно принят при „малом дворе“».[12] Однако если о второй половине 1760-х годов такой вывод можно сделать на основании сохранившихся добрых отношений Сумарокова с Паниным и великим князем, о чем говорит уже процитированное выше письмо, о времени и обстоятельствах приглашения писателя к малому двору нам ничего неизвестно. Между тем история приближения Сумарокова к великому князю, свидетельствующего о доверии к нему Панина, оказывается важной для его творческой биографии, и даже, возможно, одним из ключевых ее моментов. Она непосредственно связана с историей назначения Панина в воспитатели к великому князю и первыми его шагами на этом поприще. В фундаментальных трудах о жизни и личности императора Павла I, в которых большое место уделено и его детским годам,[13] обстоятельства назначения Панина в воспитатели не исследованы, к сожалению, пока отсутствуют и специальные работы, посвященные этому вопросу, поэтому нам придется на основании немногих известных фактов реконструировать события 1760–1761 годов.

Весной 1760 года Панин готовил свое «Мнение…» с изложением общей программы воспитания Павла Петровича.[14] Он подал его императрице Елизавете Петровне до 29 июня 1760 года, о чем можно судить по месту в Инструкции, послужившей своего рода ответом

---

[11] *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. Изд. второе, исправленное и значительно дополненное по рукописям, принадлежащим <...> вел. кн. Константину Николаевичу и по др. рукописям. СПб., 1881. С. А. Порошин сообщает о 14 посещениях Сумароковым вел. кн. Павла Петровича, он заходил к нему примерно раз в месяц (С. 4, 80, 107, 180, 244, 295, 297, 309, 312, 313, 391, 435–436, 453–454, 508).

[12] *Степанов В. П.* Сумароков А. П. С. 194.

[13] *Кобеко Дм.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1887; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901; *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907.

[14] *Панин Н. И.* Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петрович. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщ. Т. А. Сосновский // Русская старина. 1882. Т. 35. № 11. С. 313–320.

на «Мнение…»: «…по поданному от вас о том мнению, уверясь вяще о способности вашей к сему важному делу, определили мы вас обергофмейстером при его высочестве…».[15] Панин был пожалован «в обергофмейстеры к его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу» 29 июня 1760 года в день тезоименитства великих князей Петра Федоровича и Павла Петровича.[16] Его производство в чин обычно приравнивается без каких бы то ни было оговорок к назначению в воспитатели великого князя.[17] Между тем, мы не располагаем документами (по крайней мере, опубликованными) для подобных решительных заключений. Известная размытость между чинами и обязанностями, существовавшая в ту пору вообще, а в последний период царствования слабеющей императрицы Елизаветы Петровны в особенности, требует осторожности в определении момента действительного назначения Панина воспитателем Павла и начала новой эпохи в жизни великого князя. Сомнению в автоматическом действии самого пожалования в обер-гофмейстеры дает пищу цитировавшаяся выше «Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину», написанная от лица имп. Елизаветы Петровны. Она помечена 24 июня 1761 года, вероятно, ее составление было приурочено к новому дню тезоименитства великого князя. Инструкция могла быть написана Ф. Д. Бехтеевым, занимавшимся воспитанием Павла до Панина, во всяком случае, ее список, оказавшийся в руках П. И. Бартенева, был обнаружен в его бумагах.[18] Участие прежнего воспитателя великого князя в составлении Инструкции может служить аргументом в пользу сохранения за ним службы при Павле до конца июня 1761 года. Из самого факта составления Инструкции спустя год после производства

---

[15] *Елизавета I.* Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину. 1761 / Сообщ. Л. Н. Трефолев // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 18.

[16] Церемониальный и банкетный журнал, 1760 года. [СПб.], Б. г. С. 84.

[17] *Кобеко Дм.* Цесаревич Павел Петрович. С. 7; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 8; *Шумигорский Е. С.* Император Павел I.

[18] *П[етр] Б[артенев].* [Преамбула к публикации Инструкции обергофмейстеру…] // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 17.

Панина в обергофмейстеры, а еще более из ее содержания следует, что решение о вверении воспитания великого князя Панину окончательно было принято незадолго до составления Инструкции, ставшей своего рода верительной грамотой. Если в ее начале следует ссылка на прошлогоднее производство Панина, которое трактуется как поручение ему воспитания князя:

> По известной вашей верности и любви к отечеству избрали мы вас к воспитанию любезнейшего нашего внука его императорского высочества великого князя Павла Петровича; а по поданному от вас о том мнению, уверясь вяще о способности вашей к сему важному делу, определили мы вас обергофмейстером при его высочестве и совершенно поручили его воспитание попечению вашему…[19]

то оканчивается Инструкция утверждением назначения Панина в воспитатели как дела настоящего:

> По такой великой доверенности и власти, с каковыми мы вас при его высочестве учреждаем, надеемся мы взаимно, что вы усугубите ревность и труды ваши…[20]

По всей видимости, передача великого князя в ведение новому воспитателю осуществлялась постепенно. Прошлогоднее производство было лишь шагом к назначению Панина воспитателем, за которым не обязательно должны были следовать новые шаги: императрица оставляла за собой право на колебания. Помимо обычной осмотрительности Елизаветы Петровны,[21] решение вопроса о воспитании Павла затруднял угнетавший ее вопрос о наследовании ей престола. Понимая, что вел. кн. Петр Федорович, провозглашенный ею в 1742 году наследником, не в состоянии управлять Россией, она до последних часов своей жизни колебалась в отмене давнего решения, то склоняясь провозгласить наследником Павла с регентством при нем его матери, то страшась этой мысли.[22] Неопределенность статуса великого князя влекла за собой колебания императрицы в назначении главного его воспитателя. Очевидно, что

---

[19] *Елизавета I.* Инструкция обергофмейстеру… С. 18.

[20] Там же. С. 21.

[21] Из современных историков об этой ее способности хорошо говорит М. Ю. Анисимов, см.: *Анисимов М. Ю.* Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и Новейшая история. 2005. № 6. С. 177–178.

[22] *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. С. 12.

решение вверить воспитание внука Панину было связано с желанием императрицы сделать великого князя наследником,[23] и именно так опытный дипломат понял свою задачу. «Мнение…» Панина проникнуто идеей воспитания монарха, тогда как Инструкция вопрос о статусе воспитанника оставляет открытым. Окончательно «совершенное поручение» Панину воспитания Павла, по-видимому, состоялось в день его тезоименитства 29 июня 1761 года. Назначение Панина воспитателем позволяло оттянуть решение вопроса о наследии престола. Можно было законодательно пока ничего не менять, а тем временем Панин потихоньку начинал взращивать в любимом внуке добродетели будущего монарха. Точное знание сроков, когда великий князь окончательно поступил в ведение Панина и его жизнь подчинилась новому порядку, важно не только для истории императора Павла I и последних месяцев царствования императрицы Елизаветы Петровны, но и для понимания роли Сумарокова при великом князе.

20 сентября 1761 года вел. кн. Павлу Петровичу исполнялось семь лет, начиналось его отрочество. В этот день он получил первые в своей жизни панегирики: слово, идиллию и эпистолу — принадлежащие перу Сумарокова. Они были изданы отдельной книгой,[24] которая, по всей видимости, была поднесена. Роль панегириста со специальным подносным экземпляром для Сумарокова была почти столь же нова, как для великого князя роль адресата. До этого времени поэт написал лишь одну подносную оду — почти двадцать лет назад — опыт которой был неудачным.[25]

Из трех посвященных Павлу произведений Сумарокова особняком стоит идиллия. Принадлежа к распространенному во француз-

---

[23] Е. С. Шумигорский связывает произошедшую перемену в жизни великого князя с «ходившими в то время правдоподобными слухами, что Елизавета Петровна предполагала объявить Павла Петровича своим наследником и назначить мать регентшей», о чем «сам Никита Иванович сообщал Екатерине незадолго до кончины императрицы Елизаветы» (Там же).

[24] *Сумароков А.* Речь, идиллия и епистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа. Сочинение Александра Сумарокова. СПб., 1761.

[25] См. об этом: *Алексеева Н. Ю.* Ода А. П. Сумарокова, «сочиненная в первые лета» его занятия поэзией // XVIII век. СПб., 2015. Вып. 28. С. 9–14.

ской панегирической поэзии жанру, она и по своему содержанию представляет собой подражание французской панегирической идиллии, изящной и лишенной конкретного содержания.[26] Зато речь и эпистола, много менее в литературном отношении совершенные, исполнены мыслями о монарших добродетелях и обязанностях. Они написаны в форме поучений, прозаического (речь) и стихотворного (эпистола), что было оправдано самим обращением их к отроку. При этом и в речи, и в эпистоле Сумароков обращается к Павлу как к будущему монарху, и его поучение, будучи первым в русской литературе поучением государю, представляет немалый интерес для истории русских политических учений. Две максимы, впервые прозвучавшие в речи: «…помни, что ты человек и не превозносися…» и «…Не давай воли страстям своим <…> страсти глав венчанных не только целому народу, но иногда и многим областям пагубоносны...»[27] — ожидало большое будущее. Г. Р. Державин афористично выразит их в оде «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779): «Будь страстей своих владетель, Будь на троне человек»[28] как главное напутствие будущему императору Александру Павловичу. Накануне смерти императора афоризм Державина далеким эхом отзовется в строках А. С. Пушкина: «Ура наш царь! так! выпьем за царя. Он человек! им властвует мгновенье, Он раб молвы сомнений и страстей…»,[29] оказавшихся последним поэтическим приветствием Александру I. Однако сам Сумароков в 1761 году при произнесении первой максимы ссылается на Панина: «…тебе твой

---

[26] См. о ней: *Клейн И.* Пасторальная поэзия русского классицизма // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской культуре XVIII века. М., 2005. С. 171–175.

[27] *Сумароков А. П.* Речь; цит. по: *Сумароков А. П.* Слово его императорскому высочеству, государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его, 1761 года, сентября 20 числа // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собр. и изданы Николаем Новиковым: В 10 ч. 1-е изд. М., 1781. Ч. 2. С. 280, 281.

[28] *Державин Г. Р.* На рождение в Севере порфирородного отрока // Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и общая ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Л., 1957. С. 89 (Б-ка поэта. Большая серия).

[29] *Пушкин А. С.* 19 октября 1825 года // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 428.

наставник ежедневно напоминает: помни, что ты человек, и не превозносися…».[30]

Уже это место речи свидетельствует о том, что Сумароков осведомлен о произошедшей в жизни Павла перемене. Он не только восхваляет «разумного и добродетельного наставника» (Панина), но и очевидно хорошо знает суть его наставлений, как будто сам ежедневно при них присутствует. Знает он также о возможном изменении в престолонаследии. Если осторожный Панин во «Мнении…» старается уклоняться от прямого называния великого князя будущим государем, Сумароков рисует Павла исключительно как будущего монарха, которому предстоит наследовать трон «великого Петра и великой Елизаветы». Среди других членов его семьи в речи дважды названа мать, «душою и телом прекрасная Екатерина», заслуга которой сводится к рождению будущего государя, а отец, официальный наследник престола вел. кн. Петр Федорович, не упоминается. Политические акценты в речи Сумарокова не стоит торопиться объяснять его бестактностью, он затрагивал слишком деликатную тему и, выступая с ней в печати, каким-то образом, должно быть, апробировал ее политическую огласовку. Легче всего предположить, что он обсуждал или даже показывал речь Панину. Речь Сумарокова оказывается весьма любопытным историческим документом, проливающим свет на настроения, царившие при дворе осенью 1761 года. А в ту пору она явилась единственным печатным предупреждением о грядущих переменах на престоле. Ведь только из нее, как и из всей книги панегириков Сумарокова, напечатанной в количестве 500 экземпляров, далекие от двора подданные могли догадаться о возможных изменениях в престолонаследии, сделать вывод о скорой кончине императрицы (она умрет через три месяца — 25 декабря 1761 года) и испытать тревогу. Это действие речи было побочным, едва ли Сумароков о нем размышлял. Но он, несомненно, понимал, что своей речью он впервые представляет Павла народу, к которому и обращается напрямую:

Не все еще точно ведают россияне, какое им готовится сокровище и каковой процветает на престоле Петра Великого крин. Не просите, сыны отечества, чтобы

[30] *Сумароков А. П.* Речь; цит. по: *Сумароков А. П.* Слово его императорскому высочеству, государю великому князю Павлу Петровичу… С. 280.

он был достоин имени своего, — будет; Всемогущий явил уже нам то, Он сие устроивает — только просите непрестанно Бога, чтобы Он его устроил долгоденствие.[31]

Сумароков старается создать привлекательный образ возможного в скором будущем государя и спешит сообщить о его высоких достоинствах, которым выступает свидетелем:

Видимые нами в сем багрянородном младенце изящные качества нас обмануть не могут <…> Везде о тебе носится молва, что тобою исполнится надежда наша, — исполнится; все те, которые с тобою разговаривать удостоилися, тому свидетели.[32]

Очевидно, что сам Сумароков находится в числе «всех тех», кто уже разговаривал с великим князем. Возможные темы и характер разговоров писателя с мальчиком можно в какой-то мере восстановить из эпистолы «Любовь к отечеству есть высша добродетель…», завершающей книгу панегириков. Ее разговорный тон, неожиданный для эпистолы и более соответствующий притче, рассчитан, видимо, на лучшее восприятие ее семилетним Павлом. Поэт говорит с ним доступным ему языком, нигде не позволяя себе его восхвалений. Создается впечатление, что перед нами зарифмованная часть начатого уже прежде живого разговора об обязанностях монарха, о его любви к отечеству и народу. Это впечатление усиливает обращение к адресату эпистолы на *вы* (например: «Из благодарности другая вам причиной За приношенье жертв любити свой народ...»[33]) вместо обычного для панегириков обращения на *ты*, которое появляется только в самом конце эпистолы вместе с единственной в ней панегирической ноткой: «И счастлив будешь ты, когда тебя порода Возвысит на престол для счастия народа».[34]

Проступающие из панегириков Сумарокова свидетельства его знакомства с великим князем и даже разговоров с ним следует соотнести с обычаями малого двора 1764–1765 годов. В эти годы де-

---

[31] *Сумароков А. П.* Речь; цит. по: *Сумароков А. П.* Слово его императорскому высочеству, государю великому князю Павлу Петровичу… С. 285.

[32] Там же. С. 286.

[33] *Сумароков А. П.* Любовь к Отечеству есть высша добродетель… // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 1. С. 324.

[34] Там же. С. 325.

сятилетнего уже цесаревича и официального наследника Павла Петровича постоянно навещают вельможи, среди которых братья Чернышевы, Захар Григорьевич и Иван Григорьевич, А. С. Строганов, бывает за его столом и Сумароков. Открытость покоев великого князя для посещения была частью воспитательной программы Панина, изложенной им во «Мнении…». После начертания общей программы образования будущего государя Панин специально говорит о важности заведения при нем особого двора:

…комнату же его высочества, или двор сочинить так, чтоб сравненно с его природным достоинством, чин, благопристойность и добронравие были всему украшением <…> главнейшая надобность в том состоит, чтоб определяемые в услугу его императорского высочества кавалеры были все благородных сентиментов, добрых нравов и обычаев <…> полезнее б было для его высочества, если бы на первое время никаких рангов к тем должностям присвоено не было, но довольно определить достаточное к тому жалованье; а избранные к сей службе могут сохранить те места, из которых возьмутся, и тем не меньше получатъ отличность входа в кавалерские покои ея императорского величества, когда они и просто называться станут кавалерами его высочества.[35]

Говоря во «Мнении…» о кавалерах, Панин, несомненно, имел в виду не учителей и воспитателей, а вельмож, которые сохранят места, «из которых возьмутся», и вне зависимости от назначенного им за то жалования будут получать «отличность входа в кавалерские покои ея величества». По всей видимости, точно этот пункт программы исполнить не удалось: вокруг Павла не было создано постоянного дворцового штата (учителя и наставники не в счет), однако благодаря усилиям Панина покои великого князя были постоянно оживлены разговорами посещавших его вельмож. Они приходили к нему не по должности, как первоначально мыслил Панин, называя присутствие при великом князе «службой», а по доброй воле. Помимо чести бывать за столом у наследника, их привлекала личность Панина, возможность встретиться друг с другом, участвовать в интересных разговорах, а может быть, и переговорить о делах. Панегирики Сумарокова позволяют заключить, что порядки малого двора были заведены уже к сентябрю 1761 года.[36] Конечно,

---

[35] *Панин Н. И.* Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества… С. 319.

[36] Пробыв лето вместе с императрицей в Петергофе, Павел Петрович возвратился вместе с нею в Петербург 19 августа 1761 года (Церемониальный и банкетный журнал 1761 года. С. 110).

в то время Павла могли посещать и другие лица, они могли приходить чаще или реже, но общий принцип открытого малого двора уже осуществлялся. Круг лиц, бывавших у великого князя, несомненно, был определен Паниным. Свобода посещений, которую отразил Порошин, говорит о том, что вельможи, бывавшие у Павла, были приглашены им однажды и дни посещения выбирали уже по своему усмотрению. Сумароков очевидно был приглашен Паниным с начала заведения малого двора. Такое решение Панина было продиктовано успехами Сумарокова в языке и литературе. Во «Мнении…», говоря о необходимости совершенного овладения великим князем родным языком, Панин упоминает Сумарокова, который, по его мнению, владеет словом наравне с Ломоносовым:

Что касается о добром научении собственного нашего языка, хотя б Россия еще и не имела Ломоносовых и Сумароковых, то б при обучении Закона чтение и одной древнего писания Псалтири уже отчасти оное исполнило <…> имеющие честь быть к нему приставленными, должны прилежно наблюдать, чтоб его высочество не привыкал к употреблению подлых наречений и слов, нижé б поносные и язвительные из уст его выходили.[37]

Опасение «подлых наречий» в устах великого князя имело основания. Находясь до появления Панина на руках мамок и нянек, Павел хорошо усвоил их старинный и просторечный язык,[38] новым русским языком, стремительно в ту пору менявшимся, ему еще предстояло овладеть. Речь Сумарокова, богатая и живая, должна была служить языковому воспитанию великого князя, а сами его разговоры, исполненные мыслями о языке, рифмах, театре, были прекрасным способом литературного образования. Вопрос об обучении родному языку как важнейшей задачи воспитания его высочества Паниным обсуждался, по-видимому, с Сумароковым, что нашло отражение в речи последнего. Единственное ее место, посвященное учению, а не похвалам и нравственным поучениям, касается родного языка:

Вникай во природный свой язык, который естеством и древностию прекрасен, и ведай, что ни благородные чувствия, ни разумные мысли, ни полезные уставы,

---

[37] *Панин Н. И.* Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества… С. 318.

[38] *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. С. 10.

не имея несколько красноречия, точныя важности не изобразят. Учися прилежно чужим языкам, но ко своему еще больше прилепляйся: те тебя просветят и украсят, а сей тебе даст изобилие извещати явственно пред народом волю твою; не только темное слов сопряжение, но иногда едино только слово все царские мысли, намерение и повеление превратить может, отчего произойдут разные толкования и замешательство.[39]

В начальный период новой жизни вел. кн. Павла Петровича Сумароков очевидно проявлял особое рвение. Он посещал его, возможно, чаще, чем в 1764–1765 годах, ко дню его рождения он поспешил написать три панегирика, тогда как следующее его поздравление великому князю «Баллада его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю, Павлу Петровичу, наследнику всероссийского престола, на день его рождения 1768 года, сентября 20 дня» последует только через семь лет.[40] Это объясняется не только придворной конъюнктурой — хотя она очевидна — но и характером Сумарокова, с горячностью бравшегося за новое дело, а также его собственными обстоятельствами. Лето 1761 года стали первыми месяцами его свободы от службы: 13 июня высочайшим указом он был освобожден от должности директора театра с сохранением жалования.[41] Не имея определенного дела, а вместе с ним и статуса, сорокатрех летний Сумароков едва ли чувствовал себя счастливым. Приглашение к малому двору, тем более, что речь вначале возможно шла о своего рода «службе» при его высочестве, как намечалось во «Мнении…», могло рассматриваться Сумароковым и как своего рода служебная перспектива. Этому не суждено было сбыться. По-

---

[39] *Сумароков А. П.* Речь; цит. по: *Сумароков А. П.* Слово его императорскому высочеству, государю великому князю Павлу Петровичу… С. 286. Примечательно, что и Панин, и Сумароков называют язык «собственным», «природным», но не *российским* или *славенским*, при этом оба очевидно понимают под ним всю его полноту, включая как «древнее писание» Псалтири, так и современный разговорный.

[40] Она известна только по публикации Н. И. Новикова (*Сумароков А.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 9. С. 230–231). Вероятно, было отдельное несохранившееся ее издание. Авторство Сумарокова непреложно выдает зарисовка ада с фуриями, служащая его авторским клеймом:

Таланты в Павле примечали
Из ада фурии с тоской,
Скрываясь темною рекой… (Там же).

[41] *Степанов В. П.* Сумароков А. П. С. 185.

литическое значение Павла Петровича в полугодовое царствование его отца имп. Петра Федоровича, не провозгласившего сына наследником, заметно уменьшилось. Оно сильно возросло во дни переворота 28 июня 1762 года, успех которого во многом зависел от присутствия великого князя при матери, назвавшей его наконец наследником. Но никогда, пока Павел Петрович оставался великим князем, ему уже не суждено было играть такой роли при дворе, как в последние месяцы царствования его бабки, императрицы Елизаветы Петровны.

Сумароков принадлежал к числу тех, кто в последние часы жизни имп. Елизаветы Петровны находился в смятении, и восшествие на престол нового императора Петра Федоровича поспешил приветствовать одой.[42] В ней о недавно расхваленном им вел. кн. Павле Петровиче говорить было неудобно. Вспомнить о нем оказалось кстати уже в оде на восшествие имп. Екатерины II: «Рожденного младенца ею Прими с ней, Боже, под покров!».[43] Если оды этого бурного полугодия отражают в большой мере политический расчет Сумарокова, под которым, как и подо многими ходила в ту пору земля, упоминания им вел. кн. Павла Петровича в более поздних одах, посвященных имп. Екатерине II, свидетельствуют об известной его верности князю. В «Балладе его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, наследнику всероссийского престола, на день его рождения 1768 года, сентября 20 дня», Сумароков сетует, что «мы, таланты зря, молчали»,[44] то есть поэты не возглашали о талантах расцветшего подобно «райскому цвету» вел. кн. Павла (в 1768 году ему исполнялось 14 лет, начиналась его юность). Из этой строки можно заключить, что и сам он специальных стихотворных знаков внимания наследнику до этого

---

[42] *Сумароков А. П.* Ода е. и. в. государю Петру Феодоровичу <...> в день восшествия его на всероссийский императорский престол декабря 25 дня 1761 от Александра Сумарокова. [СПб.], печ. при Сухопутн. шляхетн. кад. корпусе, [1762].

[43] *Сумароков А. П.* Ода е. и. в. <...> Екатерине Алексеевне <...> на день восшествия ея на всероссийский императорский престол июня 28 дня 1762 года. Сочинение Александра Сумарокова. СПб., при Имп. Акад. наук, [1762]. Цитируется по: *Сумароков А.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 2. С. 50.

[44] *Сумароков А. П.* Баллада его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю, Павлу Петровичу, наследнику всероссийского престола, на день его рождения 1768 года, сентября 20 дня // Сумароков А. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 9. С. 230.

времени не оказывал (о своих панегириках 1761 года, в которых как раз прославляются таланты Павла, он видимо не хотел вспоминать). Позднее Сумароков не сильно поправит положение, однако посвятит великому князю две оды[45] и шесть мадригалов,[46] что вместе с тремя панегириками 1761 года и балладой 1768 года, много превосходит похвалы наследнику другими поэтами. Обращенные к великому князю стихотворения позволяют видеть в Сумарокове певца Павла-отрока и Павла-юноши. За всеми ними нельзя не видеть тень Панина и особого к нему внимания поэта. Так, в оде 1771 года Сумароков верно изображает одну из главных воспитательных задач Панина, прикладывавшего все усилия в борьбе со страстями великого князя, от природы наделенного горячностью:

А Ментор то же утверждает,
Что предписует наш Закон;
Страстей волненье побеждает
Во Телемаке Фенелон…[47]

Нравственные уроки Панина отражены и в одном из мадригалов Павлу 1773 года:

Что Панин сеял нам, Россия вся то видит:
Наш князь невежество и гордость ненавидит…[48]

Речь, идиллия и эпистола Павлу Петровичу 1761 года обозначили смену писательской роли Сумарокова. Прославленный драматург начинает претендовать на роль панегириста. Метаморфозе сумаро-

---

[45] *Сумароков А.* 1) Ода е. и. в. государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу наследнику престола в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года сочинение Александра Сумарокова. СПб., при Имп. Акад. наук, [1771]; 2) Ода е. и. в. государю Павлу Петровичу, цесаревичу и великому князю наследнику российского престола на первый день 1774 года. Сочинение Александра Сумарокова. СПб., при Имп. Акад. наук, 1774.

[46] *Сумароков А.* Мадригалы. [СПб., 1773].

[47] *Сумароков А.* Ода е. и. в. государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу наследнику престола в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года сочинение Александра Сумарокова. Цит. по: Сумароков А. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 2. С. 119.

[48] *Сумароков А.* Мадригалы. Цит. по: Сумароков А. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 9. С. 153.

ковского творчества послужили внешние причины, более или менее случайно совпавшие во времени. Увольнение Сумарокова с поста директора театра и его охлаждение в связи с этим к драме произошло накануне кончины имп. Елизаветы Петровны, явно не жаловавшей его од. В новое царствование Петра III Сумароков начинает регулярно писать, печатать и, по-видимому, подносить оды. В царствование имп. Екатерины II к многочисленным одам добавятся разного рода панегирические надписи, слова, отдельные панегирические стихотворения, составившие в своей совокупности летопись придворной жизни и русской истории 1762–1775 годов. Но дело не только, и даже не столько в количестве од, важнее изменившееся их качество. Вместо беспомощных журнальных од 1750-х годов из-под его пера начинают выходить оды, наполненные реальным политическим содержанием. Он все чаще освещает события, о которых другие поэты не говорят, и напротив, может обойти молчанием то, что воспевает полк одописцев. Новому видению событий Сумароков был обязан, по-видимому, Панину. Как, если не его влиянием, можно объяснить, например, появление в сентябре 1764 года оды Сумарокова только что выбранному польскому королю Станиславу Понятовскому,[49] избрание которого было результатом долгой и кропотливой дипломатической работы Панина, первой его крупной победой на посту главы иностранной коллегии.[50] Едва ли он внушил Сумарокову мысль обратиться к новому королю с одой, но несомненно, что своим пониманием важности этого события и восприятием его как торжества России поэт был обязан дипломату. Вместе с тем Сумароков не только не посвящает оды Новому уложению, работа над составлением которого в виде созыва особой Комиссии началась 31 июля 1767 года (манифест о принятии Нового уложения и созыве депутатов датируется 14 декабря 1766 года) и продолжалась в первой половине 1768 года, но даже не упоминает о ней в своих одах. На фоне современных Комиссии од, в которых Новое уложение пре-

[49] «Ода королю польскому Станиславу Августу, новоизбранному Пиясту» была уничтожена по «особому повелению». О ней известно из письма Сумарокова имп. Екатерине II и из документов Академической типографии (см.: *Степанов В. П.* [Примечания к письмам Сумарокова]. С. 197).

[50] *Брауде А. И.* Панин Н. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. Павел, преподобный — Петр (Илейка). С. 195.

возносится как важнейшее достижение царствования Екатерины II,[51] молчание Сумарокова, самого депутата Комиссии, заметно и едва ли случайно. За ним проглядывается определенная позиция, которой Сумароков был обязан, возможно, Панину. Панин принадлежал к тем мыслящим людям, которым с самого начала заседания комиссии было понятно, что она род столь любимых Екатериной II декораций и никакого свода закона произвести не может. Поэты, далекие от государственных дел, продолжали наивно воспевать Уложение еще и в первой половине 1768 года. Хор прославления мира и нового законодательства перекрывает ода Сумарокова «На восшествие на престол 1768 года 28 июня», в которой впервые говорится о предстоящей войне:

Византия, Архипелаг
Увидят ли российский флаг?
О если бы то было вскоре.[52]

В период, когда писалась ода, то есть в начале лета 1768 года, не было не только официальных сообщений о возможной войне, но ни в Петербурге, ни в Константинополе еще не было ясного понимания ее неизбежности. Никаких намеков на недружественное отношение между Россией и Османской империей еще не делалось. Но уже с осени 1767 года французская дипломатия предпринимала настойчивые попытки склонить Порту к войне с Россией.[53] Сведения о политике французского двора, не жалевшего средств на

---

[51] См., например: *Петров В. П.* Ода всемилостившей <…> государыне императрице Екатерине Алексеевне <…> которую во изъявление чувствительнейшия сынов российских радости и искреннейшего благодарения, возбужденного в сердцах их всевожделенным манифестом <…> о избрании депутатов к сочинению проекта нового уложения. [М.], 1767; *Херасков М. М.* Ода <…> Екатерине Алексеевне <…> на установляемые вновь премудрые законы и на преславные дела ея императорского величества. [М.], 1767; *Майков В. И.* Ода е. и. в. великой государыне Екатерине Алексеевне <…> сочиненная на случай избрания депутатов для сочинения Уложения… [М.], 1767.

[52] *Сумароков А. П.* Ода государыне императрице Екатерине Второй на день ея восшествия на всероссийский престол, июня 28 дня 1768 года. СПб., 1768. С. 9. При переиздании оды последний стих процитированной строфы был заменен: И то нам должно быти вскоре… (*Сумароков А. П.* Полн. соб. всех соч. Ч. 2. С. 101).

[53] *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 73.

разжигание войны, доходили до Петербурга по дипломатическим каналам.[54] О них прежде всего знал Панин, а кроме него, по-видимому, очень узкий круг лиц. В оде Сумарокова удивляет не только опережающее на четыре-шесть месяцев (Турция объявила войну России 25 сентября, но манифест о вступлении России в войну в Петербурге выйдет только 18 ноября) предупреждение о войне, но и упоминание Архипелага. Без него топоним Византия можно было бы отнести к беспредметным одическим мечтаниям, непосредственно с войной не связанным. Но экспедиция в Архипелаг не общее место турецкой темы, а конкретное событие, которое станет центральным в предстоящей войне. Через два-три года Архипелаг не будет сходить с пера одописцев, пока же о нем знают лишь любители географии. Только с начала ноября 1768 года на первых заседаниях Непременного совета при обсуждении планов предстоящей войны Г. Г. Орлов представит свой план экспедиции к островам Архипелага,[55] сама же экспедиция будет снаряжена летом 1769 года, а островов в Эгейском море она достигнет летом 1770 года. Упоминание Сумароковым первым о предстоящей войне и об экспедиции в Архипелаг можно объяснить лишь тем, что в высокопоставленных кругах о войне в начале лета 1768 года уже говорили. Строка Сумарокова об Архипелаге служит, может быть, единственным историческим свидетельством того, что уже летом 1768 года Г. Г. Орлов вынашивал планы знаменитой впоследствии экспедиции. В исторических исследованиях о ней строка Сумарокова должна была бы учитываться.

В первых числах января 1769 года Сумароков переезжает в Москву, блестящие победы летних кампаний 1769 и 1770 годов он воспевает уже оттуда, опаздывая со своими одами. Но в конце лета 1773 года он приезжает по делам в Петербург и остается здесь до начала 1775 года. К осени 1773 года переговоры о мире между Россией и Турцией велись уже второй год, обе страны стремились к заключению мира, однако никак не могли договориться об его условиях. Для России ситуация стала критической, когда в сентябре 1773 года было получено известие о Пугачевском бунте, принимав-

---

[54] *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. С. 74–75.

[55] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1897. Кн. 6. Т. XXVI. С. 558.

шем в течение осени 1773 года все более устрашающие размеры. Скорейшее заключение мира стало для России насущным. Из Петербурга А. П. Румянцеву и М. А. Обрескову, ведущим переговоры о мире с османскими представителями, шли постоянные депеши с обсуждением уступок мирного договора.[56] Переговоры шли тайно, официально о них, как и о желательности для России мира, не извещалось. Не зная о переговорах, одописцы в своих одах вопрос мира не обсуждали. Лишь Сумароков в оде на новый 1774 год заговорил о нем, став провозвестником мира, как некогда был вестником войны:

Моли, Российско государство,
Да в сей год будет мир готов![57]

Невозможно судить, как воспринимались подобные строки Сумарокова читателями, не имевшими понятий о делах большой политики. Понимали ли они, что Сумароков служит рупором принимавшихся на верхах политических решений, прислушивались ли к сообщаемым им новостям и оценкам. Для самого Сумарокова роль глашатая была очевидно важна. Об этом можно судить на основании истории оды «На заключение мира с Оттоманскою Портою». Известие о нем было получено при дворе, находившемся в Петергофе, в 7 часов вечера 23 июля 1774 года,[58] в тот же день спустя несколько часов государыня повелела сообщить «о сем радостном известии» в Петербург членам Верховного тайного совета.[59] Стало быть, Сумароков мог узнать о заключении мира утром 24 июля. А уже 25 июля Академическая комиссия делает распоряжение о напечатании его оды «На заключение мира…» в Академической типографии.[60] Поспешность Сумарокова можно объяснить его желанием опередить других одописцев и первым из поэтов провозгласить о мире.

---

[56] *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. С. 239–259.

[57] *Сумароков А. П.* Ода государыне императрице Екатерине Второй на первый день 1774 года. СПб., 1774. Цит. по: *Сумароков А.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. Ч. 2. С. 134.

[58] Камер-фурьерский церемониальный журнал 1774 года. [СПб.], Б. г. С. 393.

[59] Там же. С. 395.

[60] *Семенников В. П.* Материалы для русской истории литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1915. С. 116.

Дружеские отношения с Паниным, способствующие политическому росту Сумарокова, постепенно превратили его в поэта совершенно особого толка. Перед нами впервые является поэт, владеющий благодаря своему положению сведениями, другим недоступными, и обозревающий события с иной перспективы, чем его многочисленные собратья по перу. В этом смысле он представляется фигурой чуть ли не исключительной в русской культуре. Он заметно отличен от своего современника М. М. Хераскова, который, принадлежа по своим семейным связям к аристократии, сторонился двора и свои многочисленные торжественные оды не стремился наполнять политическим содержанием. Отличается он и от В. П. Петрова, явно не владевшего секретными сведениями, и от Г. Р. Державина, особенно политикой не интересовавшегося и не гонявшегося в своих одах за политической злободневностью. Сумароков занял в Екатерининское время место, которое хотел бы, кажется, занимать Пушкин — место поэта, стоящего невдалеке от двора, знакомого с лучшими государственными умами и с высоты своего положения говорящего о судьбах России.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

РАСИНОВСКИЙ КОНТЕКСТ ТРАГЕДИЙ А. П. СУМАРОКОВА КОНЦА 1760-х ГОДОВ

Репутация «северного Расина», сложившаяся еще при жизни А. П. Сумарокова, а также замеченные его обвинителями и защитниками заимствования из пьес французского трагика и переклички с ними, привели к тому, что утверждения о вторичности Сумарокова по отношению к Ж. Расину стали общим местом не только критической и учебной, но и научной литературы о сумароковских трагедиях. Между тем, в большинстве случаев эти утверждения носят частный характер и указывают на отдельные случаи ориентации Сумарокова на Расина, или наоборот, содержат самые общие рассуждения о расиновском влиянии на русского писателя. Одной из немногих попыток по-настоящему разобраться в степени и формах воздействия трагедий Расина на творчество Сумарокова предпринял в нескольких своих ранних статьях Г. А. Гуковский.[1] Эти работы до сих пор не утратили научную значимость, в них сделан ряд тонких наблюдений, отмечено множество параллелей между трагедиями Расина и Сумарокова и дан очерк восприятия творчества Расина в России. Но подчиняя свои выводы постепенно складывавшейся у него концепции сумароковской трагедии как формы политической оппо-

[1] *Гуковский Г. А.* 1) О сумароковской трагедии // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии 18 века. М., 2001. С. 214–228; 2) Расин в России / Пер. с франц. и примеч. А. О. Дёмина // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–481.

© А. Ю. Веселова, 2017

зиции, Гуковский отстаивал ее самостоятельность и независимость от Расина и других иностранных влияний. Безусловно, Гуковский не мог отрицать самих фактов заимствований, тщательно им выявленных и перечисленных, он лишь мастерски сместил акценты в оценке этих фактов, указав, что «<…> перенос мотива из одной трагедии иноземного автора в пьесу автора местного — не достаточный знак того, что правомерно говорить о влиянии. Можно заимствовать какую-то подробность у автора, не подражая ему, отвергая его манеру, считая его посредственным. Единственный факт, что избрана эта подробность, указывал бы на то, что ансамбль, где она находится, неудовлетворителен и что поставлена цель использовать ее лучшим образом».[2]

Это заключение Гуковского во многом справедливо по отношению к способам трансфера между русской и западноевропейскими литературами XVIII в. в целом. Но оставляя в стороне принципиально неразрешимый вопрос о том, мог ли Сумароков считать манеру или отдельные приемы Расина «посредственными» или «неудовлетворительными», следует указать на уязвимость позиции Гуковского, прежде всего, в отношении именно к трагедиям Сумарокова. Стремясь к созданию не столько концепции творчества Сумарокова или восприятия Расина в России, сколько к выстраиванию общей картины развития русской литературы XVIII в., Гуковский оперирует большими комплексами текстов и протяженными хронологическими периодами. Поэтому, говоря о расиновском влиянии на Сумарокова, он рассуждает обо всем комплексе его трагедий, не учитывая эволюцию его трагедийного творчества и того обстоятельства, что Сумароков писал трагедии на протяжении двадцати пяти лет, за которые в его жизни, творчестве и в окружавших его обстоятельствах, как литературных, так и личных и, наконец, политических, произошли серьезные изменения. В итоге, точный в многочисленных частных заключениях, Гуковский пришел к обобщениями, которые не могут быть одинаково применены ко всем трагедиям Сумарокова, а его вывод о том, «сколь мало сумароковские пьесы следуют образцу расиновских»,[3] требует уточнения и пересмотра.

---

[2] *Гуковский Г. А.* Расин в России. С. 461.

[3] Там же.

В период полемики с М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским конца 1740-х — начала 1750-х гг. («Критика на оду» 1748 г. и «Ответ на критику» 1750 г.) Сумароков, вынужденный оправдываться, несколько раз повторяет, что заимствовал у французских трагиков, в частности у Расина, только отдельные стихи и что «не для того брал, чтоб мне то за свое положить, и ни от кого оного не утаивал, но еще и показывал» и «нарочно брал те стихи, которые многим знакомы».[4] Он также ссылается на опыт Расина: «Сам Расин, сей великий стихотворец и преславный трагик, в лутчие свои трагедии взял подражанием и переводом из Еврипида <…>, чего ему никто не поставит в слабость, да и ставить невозможно».[5] В то же время, необходимо внимательнее отнестись к более позднему утверждению Сумарокова из «Элегии к г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова» (1763): «Расинов я театр явил, о россы, вам…».[6] Очевидно, что здесь речь идет не о заимствовании отдельных стихов, «чтоб показать, хорошо ль то в русском языке будет»,[7] а о более серьезной и важной роли Сумарокова в переносе театра расиновского типа на русскую почву. Между ранними «оправданиями» и заявлением из элегии прошло более десяти лет, и за это время Сумароков сам мог пересмотреть степень влияния на него расиновского творчества и свои заслуги как «северного Расина», титулом, которого Сумароков, несомненно, гордился.

В научной литературе предложено множество периодизаций и систематизаций трагедийного творчества Сумарокова: по сюжетам, по материалу (славяно-русский, западноевропейский, восточный), по политическим и идеологическим мотивам, по степени развернутости интриги, составу действующих лиц, вариантам развязки и т. д. Самой очевидной и безоценочной из них является хронологическая, тем более, что события частной жизни всегда имели большое значение в творчестве Сумарокова. В короткий период с 1747 по 1751 г. Сумароков написал пять трагедий, то есть почти каждый год он выпускал по одной. Потом наступил значительный

---

[4] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе… М., 1781. Ч. 10. С. 82.

[5] Там же. С. 103.

[6] Там же. Ч. 9. С. 77.

[7] Там же. Т. 10. С. 82.

перерыв, и лишь в 1758 г. появилась «Димиза». Она была поставлена дважды с перерывом в шесть лет (1758, 1764), текст ее не сохранился и, вероятно, Сумароков был ею недоволен, потому что впервые она была напечатана уже через десять лет в переработанном виде под названием «Ярополк и Димиза».[8] Почти одновременно появилась трагедия «Вышеслав». И наконец, в то же время Сумароков обратился к переработке своих ранних трагедий, в основном в сторону сокращения, «экономии средств трагедии».[9] С 1751 по 1768 г. произошло множество важных событий: Сумароков руководил театром, издавал журнал, пробовал себя в жанре оперы и даже участвовал в конкурсе Вольного экономического общества, разошелся с женой и рассорился с семьей. В стране за это время дважды произошла смена власти и, наконец, умер Ломоносов — самый опасный противник Сумарокова на российском литературном Олимпе. За этот период Сумароков неоднократно в разных жанрах и с разными интонациями, от горьких до иронических, заявлял о том, что он более не пишет трагедий, расстался с Мельпоменой и т. д. Но и расставшись с Мельпоменой, Сумароков не переставал думать о ней. В элегии «Страдай прискорбный дух, терзайся грудь моя…» он уподобляет любовным переживаниям свои отношения с Музами, лучшая из которых — Мельпомена:

Не буду я писать! Но о несчастна доля!
Во предприятии моя ли этом воля!
Против хотения мя Музы привлекут
И мне решение другое изрекут.
Хочу оставить Муз и с Музами прощаюсь;
Прощуся с Музами и к Музам возвращаюсь;
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать навек ее печется,
И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.[10]

---

[8] Некоторое представление о ранней редакции этой трагедии дают сведения, приводимые В. И. Резановым (см.: *Резанов В. И.* Парижские рукописные тексты сочинений А.П. Сумарокова // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1907. Т. 12. Кн. 2. С. 135–159).

[9] *Гуковский Г. А.* О сумароковской трагедии… С. 216.

[10] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе… Ч. 9. С. 76.

Почти двадцать лет Сумароков находился в кризисе, не имея творческих сил вернуться к трагедии, жанру, который в его иерархии явно находился на вершине писательского мастерства. И все эти двадцать лет он «страдал неисцелимой страстью» к Мельпомене и размышлял о том, какой должна быть русская трагедия. Мы мало знаем о промежуточной попытке выхода из этого кризиса, то есть о трагедии «Димиза», но очевидно этот вариант Сумарокова не удовлетворил. Зато завершение кризиса знаменовались не только сразу несколькими достижениями в области трагедии, но и важными переменами в жизни Сумарокова. В январе 1768 г. он возвращается из Москвы в Петербург после раздела имущества с семьей, в октябре ставится «Вышеслав», в том же году издается «Ярополк и Димиза» и перерабатываются ранние трагедии «Хорев» и «Синав и Трувор»,[11] а в марте 1769 г. Сумароков окончательно переезжает в Москву, где вскоре напишет «Димитрия Самозванца», трагедию, которую большинство критиков и исследователей безоговорочно признают вершиной его творчества. Возможно даже, что возвращение к жанру трагедии, которое Сумароков осознавал как возврат к своему истинному предназначению, подтолкнуло драматурга к принятию некоторых важных решений, таких как отъезд из Петербурга или издание собрания сочинений.

Таким образом, тексты двух трагедий, «Вышеслава» и «Ярополка и Димизы», дают материал, на основании которого можно сделать выводы о новом понимании трагедии, к которому пришел Сумароков после двух десятилетий внутренней работы. Эти трагедии действительно имеют между собой много общего и, вместе с тем, выделяются на фоне остальных целым рядом особенностей.

В первую очередь эти трагедии отмечены исключительной бедностью интриги. Все повороты сюжета происходят не на уровне

---

[11] Анализ редакций «Синава и Трувора» см.: *Стенник Ю. В.* Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. С. 247–257. Разбор вариантов «Хорева» был предпринят А. О. Дёминым в докладе «Две редакции трагедии Сумарокова „Хорев“» на заседании Отдела русской литературы XVIII века памяти Ю. В. Стенника 22 октября 2015 г. в ИРЛИ РАН. Политические акценты в новых редакциях «Хорева» и «Ярополка и Димизы» впервые были рассмотрены П. Н. Берковым (см.: *Берков П. Н.* Александр Петрович Сумароков, 1717–1777. М.; Л., 1949. С. 47–50).

действия, а в результате изменений в душах героев, а развязка обусловлена их взаимным согласием. В «Ярополке и Димизе» сын князя Владисана Ярополк, разъяренный нежеланием отца позволить ему брак с боярской дочерью Димизой, поднимает бунт и бросается на отца с кинжалом, но Димиза встает между ними и вырывает кинжал, после чего в душе Владисана происходит переворот и он благословляет влюбленных. Во второй трагедии Вышеслав, обещавший свою пленницу Зениду в жены искорестскому князю Любочесту, спасшему его жизнь, несколько раз меняет свои намерения, и наконец, несмотря на мольбы влюбленной в него Зениды, отдает ее Любочесту. Но здесь происходит еще один поворот: Любочест, воодушевленный добродетелью Вышеслава, признает, что был «ослеплен» и отказывается от Зениды. Единственное настоящее событие — бунт, поднимаемый Ярополком и Любочестом в обоих случаях происходит за сценой.[12] Ближе всего к подобному типу бессюжетной трагедии Сумароков подошел в «Артистоне» (1750), где развязка происходит благодаря переменам в душе Дария. Здесь также использован прием спасения монарха враждующей стороной во время бунта: Оркант спасает Дария, как Димиза — Владисана.[13] Но в «Артистоне» есть побочная линия — интрига Федимы, которая остается злодейкой до конца и планирует убийство, хотя и предотвращенное.

Свойственная двум трагедиям 1768 г. «чрезвычайная ослабленность интриги, приводящая практически к отсутствию развязки»,[14] в сочетании с абсолютно благополучным для всех финалом и исключительно положительными персонажами, привели к тому, что эти трагедии принято считать неудачей Сумарокова, к которой его привело долгое молчание и утрата «навыка» писать трагедии. Поэтому

---

[12] Тема бунта против действующей власти, так или иначе разрешаемая, есть в большинстве трагедий Сумарокова (за исключением «Хорева» и «Синава и Трувора»). Очевидно, что вопрос насильственного свержения власти волновал Сумарокова, в том числе и в связи с событиями российской истории, свидетелем которых он был на протяжении своей жизни не один раз.

[13] Это обстоятельство, то есть спасение жизни монарха тем, кто больше всего страдал от его тирании, позволило Стеннику объединить в одну группу такие разные трагедии как «Артистона», «Семира», «Ярополк и Димиза» и «Мстислав» (см.: *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 32).

[14] Там же. С. 38.

в научной литературе нет специальных работ, посвященных разбору этих двух пьес, а в обзорных им уделяется мало внимания. Такое отношение специалистов подкрепляется и восприятием трагедий: «Вышеслав», после первой постановки в 1768 г., ставился еще только дважды в Москве в 1769 и 1770, а «Ярополк и Димиза» в новой редакции не ставилась ни разу. Публиковались эти трагедии также реже других.

Драматургическая «компактность»[15] рассматриваемых трагедий выражена и в ряде других особенностей. Гуковский обратил внимание на то, что у французских трагиков (Корнель, Расин, Вольтер) среднее число действующих лиц — восемь-девять. В «Вышеславе» у Сумарокова пять персонажей, в «Ярополке и Димизе» — шесть. Меньше только в «Синаве и Труворе», в трагедии, в которой Сумароков полностью отказался от ролей наперсников, тоже вероятно в порядке эксперимента. В то же время, в «Вышеславе» и «Ярополке и Димизе» больше всего монологов (восемь и девять, соответственно), тогда как в других трагедиях Сумарокова их не более семи, а во французской трагедии обычно не более четырех («Альзира» Вольтера с пятью монологами считается исключением).[16]

В свою очередь, анализ О. Б. Лебедевой показал, что «Ярополк и Димиза» и «Вышеслав» отличаются крайним даже для трагедий Сумарокова минимумом жестов и действий (герои встают на колени, поднимаются с них и заносят кинжал) и бедностью «вещного ряда»: в этих пьесах появляется лишь кинжал, который есть во всех трагедиях Сумарокова, и оковы, в которых Владисану приводят Ярополка.[17]

С другой стороны, обращает на себя внимание бóльшая, по сравнению с трагедиями 1740–1750-х гг., риторическая изощренность трагедий этого периода, особенно за счет многочисленных синтаксических параллелизмов, разного рода повторов, зевгм и парономазий (это обстоятельство отметил И. З. Серман, указав, что Ломоносов называет в «Риторике» такой прием «наклонением»).[18] В «Ярополке

---

[15] *Гуковский Г. А.* О сумароковской трагедии… С. 218.

[16] Там же. С. 219.

[17] *Лебедева О. Б.* Поэтика русской высокой комедии XVIII — первой трети XIX веков. М., 2014. С. 53–54.

[18] *Серман И. З.* Русский классицизм: поэзия, драма, сатира. М., 1973. С. 142–143. Лебедева также обратила внимание на близость используемых Сумароковым

и Димизе» такие приемы обычно заключены в пределах одного стиха или двустишия: «Когда бы меньше я отечеству служил, // Спокойно бы в моем отечестве я жил»; «Друг друга мы любя, друг друга ввек оставим!»; «Что я ни исправлял, все правдой исправлялось»; «Свидетельствуюся я всею сей страной, // Свидетельствуюся я в том самим тобой»; «И быв тебе рабом, был раб и государству»; «Ты хочешь умертвить любовника, любя!» и т. д. В «Вышеславе» частотность использования этих фигур резко возрастает: «И пленна будучи, пленившего пленила»; «Меня ко браку рок, а брак во гроб ведет»; «Несчастен я навек, но я навек и честен»; «Когда зверей я гнал, любовь меня гнала»; «Другим разженна я, противяся тебе, // Другой меня разжег, противяся себе»; «Сыскал во граде сем сей князь себе невесту; // А я во граде том, который усмирял, // Спокойствие свое навеки потерял» и т. д. Более того, путем нанизывания различных риторических приемов может строиться целый период, чередующий реплики двух и даже трех персонажей:

Зенида
Бори стремление воюющея страсти,
И ах, покинь меня!

Любочест
Покинь меня и ты,
Но прежде ты покинь прелестны красоты;

Зенида
Коль я любовию твоей не побежденна,
Со всеми прелестьми нещастна я рожденна.
Любочест
Ко прелестям твоим неволей я бегу.
Зенида
Неволей и тебя любити не могу;

Зенида
Не знала я, что мне злой рок толико вреден.
Любочест
Не знал и я того, что я толико беден;

Любочест
О сладости мои, наполненные ядом!

приемов к фигурам, часто встречающимся в одах Ломоносова: *Лебедева О. Б.* Поэтика русской высокой комедии… С. 52.

Зенида
О горести мои, дымящиеся адом;

Любочест
О верность! если нет любви, ты слаба сласть.
Зенида
О брак! коль нет любви, ты варварская власть;

Любочест
Всего тобой, всего лишаюся в сей час:
Рази свирепый рок!
Зенида
Рази!
Вышеслав
Рази ты нас!

Наконец, встречаются риторические переклички между разными частями трагедии, например, реплика Любочеста в четвертом действии: «За все мои вины… мечта сие иль сон!» отзывается репликами Вышеслава и Зениды в пятом: «Переменяется мечтой в веселье стон! // Не въяве мне сие — приятный вижу сон!» В последнем примере лексический повтор, в том числе в рифменной позиции, подчеркивает и ситуативное совпадение: Любочест произносит свою реплику, когда Вышеслав отдает ему Зениду, а Вышеслав с Зенидой восклицают в ответ на решение Любочеста отказаться от Зениды.

Таким образом, в 1768 г. Сумароков создает две трагедии, во многом отличающиеся от всего написанного им ранее в том же жанре. Эти трагедии характеризуются одновременно бессобытийностью, отсутствием интриги и упрощенностью сценического действия в сочетании с положительными героями, счастливой развязкой и риторической изощренностью текста. Все это заставляет предположить, что «Ярополк и Димиза» и «Вышеслав» были для Сумарокова творческим экспериментом и попыткой подняться на новый уровень трагедии: трагедии, в которой внимание зрителя будет сосредоточено не на действиях героя, а на движениях их душ, выраженных в совершенной стихотворной форме.[19]

[19] Приводимые Резановым разночтения двух редакций «Ярополка и Димизы» также показывают, что больше всего изменений Сумароков внес на уровне языка и стиля (см.: *Резанов В. И.* Парижские рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова… С. 135–159).

Изменились и способы взаимодействия Сумарокова со своими великими предшественниками. В ранних трагедиях еще современники Сумарокова искали и находили отдельные стихи, прямо заимствованные у Расина и других драматургов. К концу 1760-х гг. Сумароков не только переоценил воздействие на себя Расина, но и пришел к новым формам обращения к этому источнику. В 1759 г., в статье «К несмысленным рифмотворцам», то есть через год после неудачной постановки «Димизы», он писал: «Я будто сквозь дремучий лес, сокрывающий от очей моих жилище Муз, без проводника проходил, и хотя я много должен Расину, но его увидел я уже тогда, как вышел из сего леса, и когда уже Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расин француз и в русском языке мне дать наставления не мог».[20] Гуковский привлекает эту цитату как аргумент для своего вывода о независимости Сумарокова от Расина. Но Сумароков говорит здесь в первую очередь о языке, в области которого Расин не мог иметь на него влияния. Важнее же здесь мысль Сумарокова о позднем воздействии на него Расина, которая может помочь объяснить изменения в типе сумароковской трагедии в середине его творчества.

Для раскрытия этого тезиса необходимо проанализировать трагедии 1768 г. в их взаимосвязи с творчеством Расина. Ряд исследователей указали на параллели между трагедиями «Ярополк и Димиза» и «Британик». На первый взгляд, сюжеты этих трагедий имеют мало общего. Более того, «Британик» может казаться простым на фоне некоторых трагедий Корнеля, но не в сравнении с Сумароковым. Нерон, препятствующий браку Британика и Юнии, не отец, а сводный брат влюбленного героя, то есть его соперник на троне, к тому же сам пылающий страстью к героине. Кроме того, в трагедии есть параллельная линия, связанная с интригами Агриппины, матери Нерона и Британика. Но в данном случае Сумароков заимствовал у Расина не сюжет целиком, а, скорее, отдельные сюжетные ситуации.

Так, Нерон у Расина, угрожая смертью Британику, требует от Юнии изобразить холодность по отношению к ее избраннику.

---

[20] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе… Ч. 9. С. 277–278.

Аналогичное требование предъявляет Димизе и Владисан. И Юния, и Димиза риторически вопрошают монарха, чем они навлекли на себя его гнев, и готовы удалиться от двора (Юния — стать весталкой, Димиза — уйти в леса), чтобы спасти своих любовников. Наконец героини соглашаются исполнить волю монарха и, в свою очередь, Британик и Ярополк переживают разочарование в своих возлюбленных, обвиняют их в измене и предательстве и изъявляют желание умереть. В то же время, оба они признаются, что продолжают любить своих избранниц и готовы им все простить, а также отказаться ради них от трона.

Второй комплекс сюжетных ситуаций связан с внутренними переживаниями монарха и его взаимоотношениями со своим наперсником. Нерон и Владисан сомневаются в своем решении, но при этом опасаются, что недостаточное проявление жестокости может быть воспринято народом как слабость. Бурр и Русим, наоборот, считают одной из главных добродетелей монарха способность к милосердию. Конечно, само амплуа наперсника предполагает его критическое отношение к деяниям владыки, но в данном случае важно, что после решительного выступления с критикой в адрес монарха, наперсник намеревается покинуть его, так как не верит в возможность исправления.

Как видно из приведенных примеров, строгих текстуальных совпадений здесь почти нет, то есть нельзя говорить о заимствовании отдельных фрагментов и стихов. В то же время, обращение Сумарокова к трагедии Расина как к источнику сюжетных ситуаций и образов героев, их психологических характеристик, кажется очевидным. Отметив это, стоит еще раз подчеркнуть, что трагедия Сумарокова значительно проще с точки зрения сюжета и разворачивающегося в ней действия.

Но еще более простой в этом отношении является трагедия Сумарокова «Вышеслав». В обеих трагедиях Сумарокова 1768 г. торжествует любовь, а монарх сохраняет добродетель с помощью женского персонажа, лишенного, в отличие от расиновских героинь, честолюбия и не претендующего на власть. Но в «Вышеславе» отсутствует тема власти и ограничений, которые она налагает: к браку Вышеслава с Зенидой нет препятствий, и других причин желать брака, кроме любви, ни у одного из героев нет. Если Владисан руководствовался своим пониманием монаршего долга и необ-

ходимостью решения вопроса престолонаследия, то Вышеслав связан только благодарностью бывшему врагу и данным ему обещанием, то есть его мотивы носят сугубо личный характер и не имеют общественного значения.

Сама сюжетная коллизия — главный герой-монарх отказывается от возлюбленной — находит параллель в трагедии Расина «Береника». Римский император Тит, так же, как Вышеслав, после долгих мучений и несколько раз меняя свое решение, в результате отдает свою возлюбленную сопернику. Влюбленная в Тита Береника, как и Зенида, хочет умереть, но потом признает «величье душ» обоих претендентов на ее сердце и соглашается расстаться с Титом. Эта перекличка ранее не рассматривалась исследователями, а Гуковский, указывая на сюжетные совпадения трагедий Сумарокова и Расина, вообще не упоминает «Вышеслава». Разрабатывая этот сюжет, Сумароков воспользовался некоторыми приемами Расина. В частности, и Тит, и Вышеслав обращаются к себе в монологах по имени, оба они многократно сообщают о твердо принятом решении, а затем меняют его, оба пытаются отречься от скипетра и престола. И Тит, и Вышеслав испытывают благодарность к своему сопернику: Тит — за решающую роль Антиоха в победе над Иудеей, Вышеслав — за спасение собственной жизни. Есть и объединяющий трагедии мотив обращения за помощью к сопернику: Тит просит Антиоха увезти Беренику, Любочест уговаривает Вышеслава склонить Зениду на его сторону. Можно указать в «Вышеславе» и на некоторые другие вероятные заимствования из трагедий Расина. Так, Вышеслав стыдится признаваться наперснику в своих чувствах к Зениде, как Нерон Нарциссу в «Британике». Чтобы унять свою страсть Вышеслав занимается охотой, и этот фрагмент перекликается с известным описанием охоты Ипполита в «Федре». Наконец, когда Зенида спрашивает, почему Вышеслав избегает ее, он ссылается на государственные дела, и этот ответ напоминает ответ Агамемнона дочери в «Ифигении». Но очевидно, что основной психологический конфликт более всего сближает «Вышеслава» с «Береникой».[21]

---

[21] Вряд ли можно считать случайным, что почти в то же время (то есть между 1767 и 1769 гг.) к сюжету «Береники» обратился зять Сумарокова Я. Б. Княжнин в своей трагедии «Дидона» (см.: *Дёмин А. О.* Перевод и подражание трагедии

Однако в развитии этого конфликта Сумароков пошел дальше Расина: Любочест проявляет ответное великодушие и отказывается от Зениды, тем более, что их браку с Вышеславом ничто не мешает. Запрет на брак с царицей Береникой ставил в трагедии Расина акцент на вопросе об императорском долге. Сумароков делает акцент на душевных качествах монарха и его способности преодолеть собственную страсть и остаться верным данному слову. Но в итоге он еще более, по сравнению с расиновскими трагедиями и с «Ярополком и Димизой», усложняет психологическое противостояние на фоне увеличения бессобытийности на сцене, стремясь свести трагедию к чередованию напряженных диалогов и длинных монологов.

Это обстоятельство заставляет обратиться к предисловию к «Беренике», в котором Расин отстаивает право драматурга на «чрезвычайную простоту» действия, которую, по его словам, «так ценили древние»:

> Совсем не обязательно, чтобы в трагедии были кровь и мертвые тела: достаточно, если действие в ней свидетельствует о величии душ персонажей, если актеры выступают в ролях героических, если она изображает сильные страсти и если все в ней проникнуто торжественной печалью, в которой и таится наслаждение, получаемое нами от трагедии.[22]

В «Ярополке и Димизе» и «Вышеславе» нет крови и мертвых тел, хотя и есть угрозы умереть и занесенные кинжалы, в них мало героев, нет никаких побочных интриг, основная интрига крайне слаба, а развязка происходит в диалогах и в результате внутреннего изменения позиции героев. В то же время, без преувеличения все герои разрываемы страстями, они испытывают сомнения, мятутся, меняют свою позицию и, почти все, включая второстепенных персонажей, хоть раз изъявляют желание умереть. Если рассматривать эти трагедии не как неудачу и свидетельство творческого бессилия Сумарокова, а как сознательный переход к трагедии нового для него образца, то следует предположить, что из периода молчания Сума-

---

Ж. Расина «Береника» в трагедии Я. Б. Княжнина «Дидона» // М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. СПб., 2013. С. 182–190 (Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7)).

[22] *Расин Ж.* Трагедии. Новосибирск, 1977. С. 129 (пер. Н. Я. Рыковой).

роков вышел с намерением создать трагедию высшего типа, в которой внимание зрителя держится не действием, а содержанием диалогов и монологов.

Как известно, попытки Сумарокова приучить зрителя к такому типу трагедии не увенчались успехом. Как уже было сказано, «Ярополк и Димиза» ставилась дважды и только в первой редакции, судьба «Вышеслава» была более благополучной, но он ставился лишь трижды, в 1768, 1769 и 1770 гг. Гуковский справедливо отметил, что постепенно «<…> сумароковская простота стала ощущаться как бедность, и трагедии Сумарокова потеряли непосредственную действенную силу».[23] Ответом Сумарокова зрителю и критике, не оценившим его драматургического новаторства, могли бы стать слова Расина из предисловия к «Беренике»:

> Некоторые считают, что эта простота означает лишь недостаток выдумки. Им не приходит в голову, что вся-то выдумка и состоит в том, чтобы сделать нечто из ничего, и что большое количество событий всегда является удобным выходом для поэтов, ощущающих, что их дарованию не хватает ни щедрости, ни силы для того, чтобы на протяжении пяти действий держать зрителя в напряжении сюжетом простым, но в то же время богатым бурностью страстей, красотой чувств, изяществом выражения.[24]

Но Сумароков не мог не учесть мнения публики, и результатом еще одной переоценки взглядов на трагедию стала его лучшая трагедия «Димитрий Самозванец», в которой Сумароков предложил синтез всех использованных им ранее приемов, совместив насыщенную сюжетную линию с психологической напряженностью, образом совершенного злодея, стихотворным мастерством и попыткой приблизиться к историзму.

---

[23] *Гуковский Г. А.* О сумароковской трагедии… С. 225.

[24] *Расин Ж.* Трагедии… С. 130.

А. С. СИЛИНА

ПОЭТ-СЕМИНАРИСТ И. И. ОРАЕВСКИЙ И ЕГО РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК

К заметным особенностям собрания А. А. Титова[1] относятся широко представленные в нем семинарские рукописи: рабочие тетради, учебники, сборники. В статье пойдет речь об одной из рукописных книг собрания — сборнике № 694 по Охранному каталогу А. А. Титова.[2]

Данный сборник уже привлекал внимание исследователей, но не становился объектом специального изучения. Коротко описал его сам А. А. Титов в двух своих публикациях.[3] В XX в. Ф. Я. Прийма привлек сборник к исследованию истории открытия «Слова о полку Игореве».[4]

Рукопись из собрания А. А. Титова — пример сборника избранных школьных сочинений — разновидности семинарских тетрадей XVIII в. На титульном листе расположено название сборника: «Оды, разговоры, надписи, канты и прочих родов на разные случаи некоторые российские стихотворения, сочиненные и говоренные в раз-

---

[1] ОР РНБ. Ф. 775.

[2] *Титов А. А.* Охранный каталог славяно-русских рукописей А. А. Титова... в г. Ростове, Ярославской губ. Ростов, 1881. Вып. 1. С. 132–133.

[3] *Титов А. А.* 1) Последний Ростовский архиепископ Арсений IV, Верещагин // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 23. С. 392–396; 2) Столетие Ярославской архиерейской кафедры и первый Ярославский архиепископ Арсений. М., 1887.

[4] *Прийма Ф. Я.* К истории открытия «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 46–54.

© А. С. Силина, 2017

ные времена в Ярославле». Рукопись представляет собой собрание стихотворных сочинений воспитанников Ярославской духовной семинарии. Эти сочинения сгруппированы по жанрам: оды, разговоры, мадригалы, надписи, стихи. Все тексты носят панегирический характер.

Сборник состоит из 89 листов и имеет размер в четверть листа. Тексты аккуратно переписаны набело одной рукой, без помарок и исправлений. Последний лист тетради на треть оторван; на нем и на предыдущей странице — черновые записи писца. Нижняя часть л. 28 прожжена; на нем, а также на л. 30 и 33 об. находятся пометы позднейшего времени: неразборчивые записи чернилами на полях и несколько поправок в стихотворениях.

Датировать рукопись можно с учетом водяных знаков и дат, которые указаны в заглавиях текстов. Сборник переплетен из голубой бумаги с филигранями в виде герба Ярославля (медведя с секирой) и литер ЯМВСЯ (Ярославская мануфактура внуков Саввы Яковлева). Согласно С. А. Клепикову такие знаки характеризуют бумагу 1788–1794 гг. выпуска.[5] Стало быть, сборник был создан не ранее этого времени.

Год написания того или иного стихотворения (в особенности од) иногда указывается в его названии. Произведения написаны в разное время. Самое раннее из датированных относится к 1776 г., самое позднее — к 1790 г. Два последних стихотворения сборника не принадлежат семинаристам. Это посвященные П. И. Багратиону эпиграммы; первая из них — Г. Р. Державина «На Багратиона» («О, как велик, велик На-поле-он…»),[6] вторая — «Дунул ветр бурный, рушил препону…», в сборнике подписанная именем Н. М. Карамзина.[7] Обе они были написаны не ранее 1805 г., когда Багратион прославился своими подвигами. До сегодняшнего дня автор второй эпиграммы был неизвестен.[8] Указание в сборнике ее автором Карам-

---

[5] *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — нач. XX в. М., 1978. С. 236.

[6] ОР РНБ. Ф. 775. № 694. Л. 86.

[7] Там же.

[8] Обе эпиграммы были опубликованы А. Е. Измайловым в «Благонамеренном», вторая — в сноске, без указания авторства (Благонамеренный. 1818. Ч. 1. № 2. С. 278–279). Между эпиграммой в рукописи, приписываемой Карамзину, и эпиграммой в журнале прослеживаются незначительные грамматические разночтения. В издании «Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в.»

зина следует учитывать при атрибуции эпиграммы. При внимательном изучении обнаруживается, что, хотя эпиграммы Багратиону и другие произведения написаны одним почерком и оформлены в одном стиле, записывались они в разное время. Почерк, которым написаны эпиграммы, более медленный и аккуратный; в тексте эпиграмм начертание некоторых букв (*е*, *т*, *ш*, *ж*, *к* и т. д.) не совпадает с их начертанием во всем сборнике — в эпиграммах скоропись уступает современному рукописному письму. Таким образом, основную часть сборника следует датировать временем не ранее 1790 г., а два последних стихотворения были записаны позднее — в начале XIX в.

В книге собраны произведения разных сочинителей. Авторство большей части стихотворений указывается в их титуле. Всего в сборнике 99 текстов; авторы 63 из них известны. В рукописи встречается 16 имен авторов, чаще всего приводится и статус стихотворца в семинарии: класс, где он учился или преподавал на момент написания стихотворения. Две трети авторских текстов принадлежат двум сочинителям — Ивану Ораевскому и Сергею Предтеченскому. Именем Ораевского подписаны 23 стихотворения, а Предтеченского — 19. Число произведений других авторов в сборнике невелико.

Для истории текстов имеет большое значение история самого сборника. В рукописи сделаны две владельческие пометы. На лицевой стороне картонной обложки находится запись: «Сия книга принадлежит ученику 2-ого приходского класса Ивану Ораевскому» (по всей видимости, обложка перешла к сборнику от одной из школьных тетрадей семинариста). В нижней части титульного листа сразу под титулом располагается еще один экслибрис — «Из книг покойника священника Василия Николаевича Ораевского». Изначально сборник, очевидно, принадлежал Ивану Ораевскому, а после хранился у его потомков. Далее мы будем называть сборник из собрания А. А. Титова сборником Ораевского.

Владельческие надписи свидетельствуют, что И. Ораевский является ключевой фигурой в судьбе рукописи. Такое заключение вле-

---

в примечании к эпиграмме Державина «На Багратиона» приводится комментарий А. Е. Измайлова с эпиграммой «Дунул ветр бурный…». В цитируемом тексте эпиграммы была допущена опечатка: вместо «препона» указано «корона»; см.: *Васильев В. Е.* Примечания // Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

чет новые вопросы. Как и с какой целью создавался сборник; кто его составил и записал — Ораевский или кто-либо другой? Кем был сам И. Ораевский: когда он учился в Ярославской семинарии, каким было его окружение в школе, как сложилась судьба Ораевского после ее окончания, продолжал ли он свое поэтическое поприще?

В отличие от других духовных училищ, исследование по истории Ярославской семинарии не было написано, и по настоящий день главным изданием, содержащим материалы о школе, остаются «Ярославские епархиальные ведомости».[9] В период с 1871 по 1898 г. в них целенаправленно публиковал документы, касающиеся школы, редактор неофициальной части газеты Н. Н. Корсунский (1843–1899), сам воспитанник и преподаватель семинарии. Благодаря ему стало известно множество сведений об истории школы в XVIII в., позволяющих делать заключения о жизни семинарии во время обучения в ней И. Ораевского.[10]

Начало семинарского учения в Ростово-Ярославской епархии связано с именем святителя Димитрия Ростовского, основавшего в 1702 г. в Ростове первое в епархии духовное училище, в котором были заведены даже высшие классы. Сразу после смерти Димитрия училище было распущено. В течение полувека Ростовская семинария то открывалась, то полностью распускалась, бывало, что в ней закрывались славено-латинские классы. В свою очередь, в Ярославле и Угличе были организованы славено-российские школы. Когда в 1745 г. Святейшему Синоду стало известно, что ученики славено-греко-латинской школы в Ростовской епархии распущены

---

[9] Далее используется аббревиатура «ЯЕВ»; Ч. Н. — часть неофициальная.

[10] О семинариях Ростово-Ярославской епархии в XVIII в. см., напр.: *Тихвинский Н.* 1) Речь при первом торжественном акте в Ярославской Духовной Семинарии <…>, произнесенная 12 января 1875 года // ЯЕВ. 1875. № 4. Ч. Н. С. 25–32; 2) Речь при первом торжественном акте в Ярославской Духовной Семинарии <…>, произнесенная 12 января 1875 года (Окончание) // ЯЕВ. 1875. № 5. Ч. Н. С. 33–40; Записка, учиненная в Ростовской Духовной Консистории, когда в епархии Ростовской семинария началась, как продолжалась и какое жалование в разные времена даже до сего времени получала // ЯЕВ. 1895. № 27. Ч. Н. Стб. 427–429; Ведомость, когда заведены были в епархии Ростовской училища и при ком и какие учения в оных преподавались и кто первые были заводчики и учителя // ЯЕВ. 1895. № 28. Ч. Н. Стб. 442–446; Историческая записка о начале Ярославской Духовной Семинарии // ЯЕВ. 1896. № 18. Ч. Н. Стб. 273–279.

по домам, митрополиту Арсению (Мацеевичу) было велено непременно учредить славено-латинскую семинарию. Арсений Мацеевич счел более подходящим для этой цели Спасский монастырь в Ярославле и, объединив Ростовскую и Ярославскую школы, основал в 1747 г. Спасо-Ярославскую семинарию. Семинария более не закрывалась до 1918 года.

Бóльшая часть стихотворений сборника Ораевского была написана во времена епископства Арсения (Верещагина) (1783–1799). Архипастырь Арсений — главный адресат и герой панегириков сборника. Также в книгу помещено два стихотворения самого Арсения под его мирским именем — Василий Верещагин («Голубок, о, голубок» и «Долго ль, мысли, вам летать?»[11]). Особое внимание семинарии к архиерею объясняется тем, что до реформы 1814 г. все духовные школы подчинялись непосредственно архиепископу. Так же было в Ярославской семинарии при Арсении (Верещагине).

Василий Верещагин родился в 1736 г. в городе Кашине Тверской губернии. Он получил образование сначала в Тверской и Троицкой лаврской семинариях, а затем в Славяно-греко-латинской академии в Москве.[12] В 1761 г. Верещагин был определен учителем риторики в Тверскую семинарию и прослужил там более десяти лет, постепенно поднявшись до должностей учителя богословия и ректора. 19 февраля 1767 г. он был пострижен в монашество в Желтиковом монастыре с именем Арсения и в следующие пять лет заведовал по очереди Николаевским Малицким, тверским Отрочим монастырем и Троицким Макарьевым. После года архиерейства в Архангельске в 1775 г. Арсений был назначен епископом в Тверскую епархию, которой управлял восемь последующих лет. В этот период он неизменно покровительствовал родной семинарии.

С 1783 г. в жизни преосвященного Арсения началась новая эпоха, связанная с Ростово-Ярославской епархией, которая продлилась

---

[11] ОР РНБ. Ф. 775. № 694. Л. 84–85.

[12] Об Арсении Верещагине см., напр.: *Титов А. А.* 1) Последний Ростовский архиепископ Арсений IV, Верещагин. С. 392–396; 2) Столетие Ярославской архиерейской кафедры...; [*Без подписи*]. Арсений // Русский биографический словарь: Алексинский — Бестужев-Рюмин / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. СПб., 1900. Т. 2. С. 309–310.

чуть более пятнадцати лет. В 1783 г. Арсений был перемещен в Ростов и через два года введен в сан архиепископа. Примечательно, что в Ростово-Ярославской епархии архиерейская кафедра находилась не в губернском Ярославле, а в уездном Ростове. В 1786 г. по указу императрицы Екатерины II кафедра была переведена в Ярославль. Спасский монастырь был преобразован в Архиерейский дом, где поселился архиепископ. Ярославская семинария, располагавшаяся на территории монастыря, также перешла в ведомство Архиерейского дома.

В ОР РНБ сохранился «Дневник преосвященного Арсения Верещагина, Архиепископа Ростовского и Ярославского»,[13] охватывающий 1786–1791 и 1797–1799 гг., который был с сокращениями опубликован Н. Н. Корсунским в «ЯЕВ».[14] Дневник свидетельствует о самой тесной связи архиепископа и школы и может служить ценным источником сведений о жизни Ярославской семинарии и семинаристов в указанный период.

Школой руководил ректор, но, по-видимому, именно архиерей, владыка епархии, пользовался в семинарии наивысшим уважением. При этом в зависимости от обстоятельств вовлеченность епископа в ее работу могла различаться. Вероятно, преосвященный Арсений был искренне заинтересован в делах школы и уделял Ярославской семинарии, как в свое время Тверской, много внимания. Возможность постоянно присматривать за школой появилась у Арсения после переезда в новый Архиерейский дом, где находилась семинария. Но и проживая в Ростове, Арсений всегда посещал семинарию во время своих визитов в Ярославль, например: «26 января 1786 года. Слушал литургию в Спасском монастыре раннюю. После оной ходил по всем классам Ярославской семинарии».[15] Семинария, со своей стороны, устраивала чествования архиерея, например, от 5 апреля 1786 г.: «Пред литургиею поздравляли: Ярославской семинарии учитель пиитики Голиков говорил на латинском языке речь; а ученики читали речи и стихи на разных языках».[16] Показа-

[13] ОР РНБ. Q.IV.267(1–2).

[14] В номерах «ЯЕВ» за 1894–1895 гг.

[15] Дневник преосвященного Арсения Верещагина, Архиепископа Ростовского и Ярославского // ЯЕВ. 1894. № 43. Ч. Н. Стб. 676.

[16] Дневник преосвященного Арсения Верещагина // ЯЕВ. 1894. № 44. Ч. Н. Стб. 698.

тельно, что семинаристы не были замкнуты в своем кругу: студенты высших классов регулярно проповедовали в ярославских храмах и даже приезжали с проповедями в Ростов; семинаристы часто выступали и на городских торжествах, например, по случаю открытия Дома призрения ближнего 21 апреля 1786 г.: «Поздравлял семинарии ректор и говорил комплемент. Семинаристы говорили стихи и речи на разных языках. <…> По многолетствии Преосвященный говорил речь ко многочисленному собранию и к новоизбранным из сирот питомцам. Потом семинаристы пели кант; пиитики учитель Голиков читал оду; семинаристы читали разные стихи; потом 2-й кант, на сей случай сочиненный».[17] Большую аудиторию зрителей собирали семинарские диспуты, проводившиеся в конце учебного года и нередко по случаю главного семинарского праздника — дня обретения мощей святителя Димитрия. На диспутах обязательно присутствовал и преосвященный Арсений, например: «26 сентября 1786 года. По утру в 10 часов начались богословские и философские диспуты, в продолжении которых читаемы были стихи и речи на разных языках, при том и пристойные на сей случай разговоры, петы были разные канты; посетителей было очень много; был генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов и другие дворяне, также купцы и проч. По окончании диспутов раздаваемы были в награждение книги ученикам, оказавшим отличные успехи в учении».[18] Материалы диспутов 1785 г. были даже изданы отдельной книгой,[19] а в 1890 г. Н. Н. Корсунский переиздал их в «ЯЕВ».[20]

Дневниковые записи Арсения Верещагина показывают, насколько широкой была традиция поднесения панегириков ярославскими семинаристами. Похвально-поздравительная поэзия постоянно пользовалась спросом из-за своей прикладной направленности, и сочи-

---

[17] Там же. Стб. 700.

[18] Дневник преосвященного Арсения Верещагина // ЯЕВ. 1894. № 46. Ч. Н. Стб. 735.

[19] Речи, сочиненные и говоренные при случае бывших в Ярославской семинарии публичных богословских и философских состязаний, а также другие стихотворческие сочинения. 1785 года июля 15 дня. Ярославль, 1785.

[20] Речи, сочиненные и говоренные при случае бывших в Ярославской семинарии публичных богословских и философских состязаний, также и другие стихотворческие сочинения. 1785 года июля 15 дня // ЯЕВ. 1890. № 18. Ч. Н. Стб. 273–288; ЯЕВ. 1890. № 19. Ч. Н. Стб. 289–299.

няли такие стихотворения, по-видимому, много чаще, чем другие, неокказиональные стихи. Примером тому служит сборник Ораевского. В нем собраны исключительно подносные стихотворения: все они сочинены по какому-либо случаю и часто имеют конкретного адресата. На подносной их характер указывает название сборника: «Оды, разговоры, надписи, канты, сочиненные и *говоренные* в разные времена в Ярославле» [курсив мой. — *А. С.*].

Как уже говорилось, архиепископ Арсений — главный адресат и герой стихотворений сборника. Обратимся к одной из од, посвященной и поднесенной Арсению, — к пасхальной оде 1785 г., написанной Иваном Ораевским.[21] Это торжественная пиндарическая ода, состоящая из тринадцати одических строф. В центре ее — описание «радостной» Вселенной, которая «главу взнесла из пепла тьмы» благодаря Христу. Воскресший Зиждитель дает наставления своей пастве. Три последние строфы посвящены непосредственно Арсению. В них говорится о добродетелях архиерея. В семинарских подносных стихотворениях акцент традиционно делается на «добро́тах», которыми архиерей «взращивает» местный Парнас, то есть семинарию. Хотя перечисление добродетелей адресата оды принадлежит к общим местам жанра, думается, что Арсению Верещагину семинаристы подносили панегирики с искренним чувством восхищения и уважения. По-видимому, авторитет Арсения действительно был велик. Приведем две строфы, ему посвященные:

Итак, коль вся Вселенна ныне
Толикой радостью горит,
Парнас ли наш в такой судьбине
Со плеском рук не возгласит?
Цветущие во оном музы
Молчанья не прервут ли узы
Прославить своего отца?
Кой есть Арсений вожделенный,
Наш меценат и вождь примерный,
Лиющий мудрость нам в сердца.

Ты, пастырь, так нас управляешь,
Что бдиши бодрственно о всем,
Тем к счастью путь нам отверзаешь
И чем же разнствуешь с отцем?

[21] ОР РНБ. Ф. 775. № 694. Л. 31–33 об.

Тобой наш вертоград священный,
Как кедр, в Ливане насажденный,
Цветет, щедроты ж к нам твои
Щедроты отчи превышают,[22]
Усердье в нас воспламеняют
Умножить знания свои.

По материалам Вятской духовной семинарии[23] видно, что семинаристы регулярно сочиняли окказиональные стихотворения на уроках поэтики, однако на торжествах подносились лучшие работы. Чаще всего стихотворения для подношения, особенно оды, писали самые опытные стихотворцы — ученики высших классов или даже учителя. По-видимому, также обстояло дело и в Ярославской семинарии. Так, автор 19 текстов сборника Ораевского, Сергей Предтеченский, в 1780-е гг. уже служил учителем в Ярославской семинарии.[24] В рукописи Предтеченскому принадлежат три оды, один разговор и пятнадцать стихотворений. Пасхальную оду Иоилю Быковскому Предтеченский сочинил в 1782 г.,[25] будучи учителем грамматики, а следующую оду, посвященную Арсению,[26] он написал, занимая должность уже преподавателя риторики. В титулах остальных своих стихотворений он фигурирует как учитель риторики. Дневниковые записи Арсения Верещагина указывают, что в середине 1780-х гг. Предтеченский регулярно проповедовал и подносил панегирики в Ярославле. Также из дневника преосвященного Арсения становится известно, когда Сергей Предтеченский принял постриг. В записи от 12 мая 1786 г. значится: «Слушал раннюю литургию, во время которой после первого выхода Ярославской семинарии

---

[22] Стих заимствован из оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на всероссийский престол <…> императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» (ст. 118); см.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1958. Т. 8. С. 202.

[23] См. об этом: *Силина А. С.* Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 45–65.

[24] О Сергее Предтеченском см.: Ярославского Афанасьевского монастыря строитель и философии учитель о. Павел Предтечевский (1788–89 годов) // ЯЕВ. 1892. № 38. Ч. Н. Стб. 598–601; *Д. Я. [Языков Д. Д.]*. Павел // Русский биографический словарь… СПб., 1902. Т. 13. С. 72. Можно предположить, что в этой статье ошибочно указано мирское имя Предтеченского Петр.

[25] ОР РНБ. Ф. 775. № 694. Л. 6 об.–9 об.

[26] Там же. Л. 24–26 об.

риторики учителя Сергея Предтечевского [так! — *А. С.*] постригали по чиноположению церковному в монахи, коему наречено имя Павел».[27] Далее в дневнике Предтеченский обозначается как «иеромонах Павел». Показательно, что в сборнике Предтеченский называется исключительно своим мирским именем. Это указывает на то, что вошедшие в сборник произведения Предтеченского написаны им до принятия пострига, то есть ранее 12 мая 1786 г.

В «ЯЕВ» был опубликован очерк о Сергее Предтеченском.[28] Судя по биографии, Сергей Предтеченский был наделен даром и учительства, и проповедничества, и священства. Он добился определенных успехов и на поприще церковного хозяйства. Так, вскоре после пострига Предтеченский был произведен в строителя Троицкого Варницкого монастыря, потом — ростовского Петровского, а затем — ярославского Афанасьевского. В 1787 г. он был назначен учителем философии в Ярославской семинарии, в следующем году переведен в Александро-Невскую семинарию на должность префекта и учителя философии. В 1789–1792 гг. он преподавал элоквенцию в Тверской семинарии, а в 1792–1795 гг. был проповедником и префектом Славяно-греко-латинской академии. В 1795 г. был произведен в ректоры Владимирской семинарии и рукоположен в архимандрита переяславского Данилова монастыря, занимал он эти должности вплоть до смерти в 1803 г. Отдельными брошюрами в XVIII в. были изданы две речи о. Павла,[29] несколько речей было опубликовано в «ЯЕВ».[30] Сочинение Предтеченского «Благоучреж-

---

[27] Дневник преосвященного Арсения Верещагина // ЯЕВ. 1894. № 45. Ч. Н. Стб. 709.

[28] Ярославского Афанасьевского монастыря строитель… // ЯЕВ. 1892. № 38. Ч. Н. Стб. 598–601.

[29] *Предтеченский С.* 1) Слово похвальное блаженныя памяти преосвященнейшему Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому, сочиненное Ярославской семинарии риторики и греческого класса учителем Сергеем Предтеченским. Ярославль, 1786; 2) Речь на память усопшего о Господе князя Александра Ильича Касаткина-Ростовского, по случаю дня его рождения, сказанная в Перервинском монастыре, Московской Академии проповедником, иеромонахом Павлом. М., 1795.

[30] Слово от 1787 года в неделю 19-ю по Пятидесятнице, в кою случился праздник Иоанна Богослова и отправляема была церемония открытия учения в семинарии после вакации // ЯЕВ. 1892. № 33. Ч. Н. Стб. 513–520; Слово от 24 октября 1787 г. в день Богоматери всех скорбящих Радости, говоренное в церкви Ярославского Дома призрения ближнего // ЯЕВ. 1892. № 39. Ч. Н. Стб. 609–615.

денный Ярославль. Краткая песнь» было опубликовано в сборнике диспутов 1785 г., а затем — в «ЯЕВ».[31] Предтеченский упоминается в «Истории Московской Славяно-греко-латинской академии» С. К. Смирнова,[32] «Истории С.-Петербургской духовной академии» И. Чистовича,[33] «Истории Владимирской духовной семинарии» К. Надеждина.[34]

Иван Ораевский также был талантливым проповедником и стихотворцем, но, в отличие от Предтеченского, он не стал известным духовным лицом и учителем. Известно о нем немного. Посвятив себя своей церкви и семье, он вел жизнь тихую, уединенную, едва ли он хоть раз выезжал за пределы Ярославской губернии.

В Государственном архиве Ярославской области[35] сохранилась «Ведомость о школах, учителях и учениках, находящихся в семинариях Ярославской, Ростовской и Угличской, по Ростовской епархии» за 1780 г.[36] В ней значится Иван Ораевский. В этот период ему пятнадцать лет, и он учится в «пиитическом» классе Ростовской семинарии. Ораевский — сын священника ростовской церкви Всемилостивого Спаса, что на площади, Ивана Михайлова. Отмечено, что Ораевский «к учению понятен». Из «Ведомости» следует, что в этот период существовала Ростовская семинария. Указано, что она была вновь учреждена 3 сентября 1776 г., однако ее курс завершался классом поэтики. По-видимому, Ораевский, окончив «пиитический» класс, в 1781 г. был переведен в Ярославскую семинарию, где продолжил обучение в классе риторики.

Титулы сборника отражают следующее: в 1784 г. Иван Ораевский учится в классе философии, а через год — в классе богословия. В начале 1786 г. Ораевский завершает обучение в семинарии и становится священником. Это прослеживается и по дневнику Арсения Верещагина. Так, в записи преосвященного Арсения от 6 января

---

[31] Речи, сочиненные и говоренные… // ЯЕВ. 1890. № 18. Ч. Н. Стб. 287–288.

[32] *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 328, 364, 367.

[33] *Чистович И. А.* История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 83.

[34] *Надеждин К. Ф.* История Владимирской духовной семинарии (с 1750 года по 1840 год). Владимир, 1875. С. 120, 125–126.

[35] Далее используется аббревиатура ГАЯО.

[36] ГАЯО. Ф. 230. Оп. 13. Д. 7428.

1786 г. говорится: «Литоргисал и хиротонисал в домовой Одигитриевской церкви. Проповедь говорил богословия студент Иван Ораевский».[37] А вот запись от 28 февраля: «Литоргисал и хиротонисал в домовой Одигитриевской церкви. Проповедь говорил диакон Иван Ораевский».[38] Стало быть, в январе или феврале Ораевский окончил семинарию и был определен на службу в церковь. Более Иван Ораевский не фигурирует в заметках Арсения.

Среди стихотворений, опубликованных в сборнике диспутов 1785 г., есть одно, посвященное ростовскому Архиерейскому дому, оно принадлежит Ораевскому. При публикации сборника в «ЯЕВ» Н. Н. Корсунский снабжает стихотворение сноской, проясняющей будущую судьбу его автора: «Иван Ораевский был впоследствии доктором в каком-то полку и умер в конце 20-х годов».[39] Очевидно, эти сведения ошибочны. Ораевский не получал медицинского образования и всю жизнь посвятил Церкви.

Дальнейшая судьба Ораевского выясняется по титулам его сборника. Две оды рукописи написаны Иваном Ораевским уже после выпуска его из семинарии. В названиях обоих стихотворений Ораевский предстает как священник села Поречье-Рыбное. Поречье-Рыбное расположено в восьми километрах от Ростова, и в начале XIX в. было вторым по величине после него населенным пунктом уезда. Первая ода была поднесена 21 мая 1786 г. графу Владимиру Григорьевичу Орлову,[40] а вторая — 11 февраля 1790 г. графу Ивану Григорьевичу Орлову.[41] Объяснение адресации од мы находим в истории села. В 1772 г. село Поречье-Рыбное вместе с Борисоглебскими слободами, селом Воржа и Спасской слободой, пригородом Ростова, было пожаловано императрицей Екатериной II графу Г. Г. Орлову. С 1784 по 1831 г. село находилось во владении графа В. Г. Орлова. Своими одами Ораевский приветствовал владельцев села во время их визитов.

О том, как воспринимали оды Ивана Ораевского адресаты, мы можем судить благодаря «Дневной записке путешествия в Нижний

---

[37] Дневник преосвященного Арсения Верещагина // ЯЕВ. 1894. № 43. Ч. Н. Стб. 675.

[38] Там же. № 44. Стб. 696.

[39] Речи, сочиненные и говоренные… // ЯЕВ. 1890. № 18. Ч. Н. Стб. 285.

[40] ОР РНБ. Ф. 775. № 694. Л. 39 об.–42.

[41] Там же. Л. 42 об.–44.

Новгород, писанной графом Александром Орловым». Она хранится в НИОР РГБ в составе рукописного конволюта, принадлежавшего Александру Владимировичу Орлову, сыну В. Г. Орлова.[42] По дороге в Нижний Новгород Орловы осматривали свои владения в Ярославской и Костромской губерниях, а семнадцатилетний граф записывал впечатления от увиденных мест. По приезде в Поречье Орловы отправились осматривать сельскую церковь, и среди всех священников им особенно понравился Иван Ораевский. Вот как пишет о нем Александр Орлов: «При ней [церкви. — *А. С.*] три священника и два диакона, все житья и поведения хорошего и в служении исправны. Из всех них обратил на себя наше внимание молодой священник отец Иоанн по прозванию Ораевский, который довольно учен, служить мастер, часто сказывает проповеди, пишет изрядные стихи и притом поведения очень хорошего».[43] В тот же день, 21 мая 1786 г., Иван Ораевский поднес В. Г. Орлову оду, которая сохранилась в семинарском сборнике. Александр Орлов говорит об этом событии так: «Сверх крестьян приходили также поздравлять нас пореченские священники с церковным их причтом, при котором случае упомянутый отец Иоанн говорил батюшке изрядную поздравительную речь и поднес оду своего сочинения на прибытие батюшкино в Поречье. Сия ода мне понравилась, и многие ее хвалили».[44] Перед своим отъездом 14 мая Орловы вновь ходили в церковь. Александр пишет, что «во весь день была теплая и хорошая погода. Мы все были у обедни; отец Иоанн Ораевский служил очень хорошо и говорил о любви прекрасную проповедь своего сочинения».[45] По-видимому, Иван Ораевский был одаренным семинаристом — он сумел хорошо изучить риторику и поэтику, научился писать панегирики и орации, полюбил эту науку и, что главное, приобретенные знания и навыки не растратил позднее, а продолжал писать и сочинять, используя для этого внешние поводы.

---

[42] НИОР РГБ. Ф. 219. Картон № 74. Ед. хр. 21. Записки А. В. Орлова описаны А. Г. Морозовым (*Морозов А. Г.* Ростовская земля в «Дневной записке путешествия в Нижний Новгород…» графа Александра Владимировича Орлова // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. 19. С. 58–66).

[43] НИОР РГБ. Ф. 219. Картон № 74. Ед. хр. 21. Л. 66–66 об.

[44] Там же. Л. 67 об.

[45] Там же. Л. 74–74 об.

Обратимся к тексту оды Ораевского, посвященной В. Г. Орлову. Это торжественная пиндарическая ода, состоящая из пятнадцати одических строф. Ода написана в школьной панегирической манере, представляющей собой синтез типично семинарских особенностей и отголосков большой поэзии.

Первая строфа — приступ. Поэт возвещает о приходе с юга Феба и весны (ода декламировалась в конце мая), что рождает в селянах «чувства радостны». Во второй строфе указывается на еще один повод для радости — приезд графа Орлова. Здесь появляется образ счастливого народа, ожидающего хозяина вотчины:

Сие тебе, о граф, вещает
В твою врученный власть народ,
Который под твоим покровом
Цветет всегда во счастьи новом…

Третья строфа развивает образ ликующего села. Граф В. Г. Орлов сравнивается с фигурой отца.

От радости всяк восклицает
И воздух плеском наполняет.
Но если б ты их зрел сердца,
Узрел бы, сколь они пылают
К тебе любовью, что считают
Тебя так точно, как отца.

Топосы народной радости и ликования хорошо знакомы по торжественной государственной оде.

Далее поэт произносит похвалу роду Орловым. В пятой строфе Ораевский изображает отца братьев Орловых — Г. И. Орлова:

Он сам, быв обществу полезен
И всем сынам его любезен,
И чад таких же возрастил.

Следующие строфы посвящены братьям Орловым. Шестая строфа — о подвигах А. Г. Орлова при Чесме, когда он «в дым, пламень, пепел обратил» турецкий флот. Седьмая и восьмая строфы — о Г. Г. Орлове, прекратившем в Москве «дни злы» — изгнав из города в 1771 г. чуму. Далее поэт сокрушается о жестоком роке, унесшем жизнь Г. Г. Орлова. Но Бог дал «иного, ему подобна» — речь

идет о В. Г. Орлове, которому и подносится ода. Ораевский использует топос тишины и покоя, характерный для од монархам:

Живя, мы правимы тобой,
Вкушаем то же благоденство,
Собою строишь ты блаженство,
Для нас всех тишину, покой.

В одиннадцатой строфе рисуется образ святого князя Владимира — небесного покровителя В. Г. Орлова. Владимир Креститель, по словам поэта, «места, где новопросвещенный народ жил, часто посещал». В этом стремлении ему подобен и В. Г. Орлов:

О граф, и ты, ему подобно,
Изволил предприять сей путь,
Желая знать о том подробно,
Как люди завсегда живут,
Тебе монархиней врученны…

Две последних строфы вновь изображают народную радость от прихода графа Орлова. Поэт призывает гостя к ликованию:

Ликуй же ты, о, гость желанный,
Для нас сей предприявший путь,
За все труды твои похвальны
Златы дни Небеса дадут.
Сие тебе, о посетитель,
Спокойства нашего хранитель,
Сие вещает всяк из нас,
Кто в веси сей ни обитает,
Сие желанье повторяет
И стар, и млад на всякий час.

По-видимому, ода Ораевского очаровала Орловых самим неожиданным фактом своего поднесения, сюжетом, образами, но едва ли формой.

Вторая ода, написанная Ораевским в Поречье, посвящена графу И. Г. Орлову. Это также торжественная пиндарическая ода; она состоит из восьми одических строф. В целом ода повторяет сюжет и топосы оды 1786 г.

В Ростовском филиале ГАЯО сохранилась «Исповедная роспись Ростовской округи села Поречья-Рыбного церкви апостолов Петра и Павла третьего священника Иоанна Иванова Ораевского с причет-

ники за 1800 год».[46] Соответственно, в 1800 г. Ораевский по-прежнему служил в Поречье-Рыбном. Также в ГАЯО доступны документы о селе Поречье. В одном из дел приводятся сведения об Иване Ораевском.[47] В нем указано, что в 1805 г. первый священник пореченской церкви Петра и Павла Иоанн Ораевский по вдовству и своему желанию уже выбыл в Белогостицкий монастырь Ростовского уезда в число братства, где и был пострижен. Отмечается, что у Ораевского было трое сыновей — Эразм, Арсений и Николай. Эразм умер ребенком в 1803 г., Арсений в 1807 г. уволен из семинарии по состоянию здоровья в дом к зятю Андрею Егоровичу Осокину, Николай же, по-видимому, окончил семинарию и в 1811 г. был определен в Ярославский собор на псаломщицкое место. Здесь следует напомнить, что в одной из владельческих записей хозяином сборника Ораевского указан священник Василий Николаевич Ораевский. По-видимому, это сын Николая Ораевского и внук Ивана Ораевского. Следовательно, дети сохранили тетрадь отца и передали ее своим потомкам. К сожалению, узнать судьбу Ивана Ораевского после его перевода в Белогостицкий монастырь не удалось, также остается не известным его монашеское имя.

Обратимся к истории создания сборника. Следует обозначить основные вопросы. Как и с какой целью создавался сборник? Его составил и записал Иван Ораевский или же кто-либо другой?

Можно было бы думать, что тексты из старых тетрадей списал в один сборник сам Ораевский с целью их сохранения для себя и потомков, однако некоторые известные факты не позволяют говорить об этом определенно. А. А. Титов, ссылаясь на приобретенную рукопись в своих статьях, упоминает также печатный сборник сочинений учеников и учителей Ярославской духовной семинарии, изданный в 1791 г. под тем же названием — «Оды, разговоры, надписи, канты, сочиненные и говоренные в разные времена в Ярославле».[48] А. А. Титов не поясняет, совпадает ли содержание сборников, в связи с чем не исключено, что с печатным сборником ученый знаком не был, знал только, что такая публикация сущест-

---

[46] РсФ ГАЯО. 196-1-798. ИДР церквей Ростовского уезда за 1800 год. Л. 43.

[47] ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 5946. Л. 245.

[48] *Титов А. А.* 1) Последний Ростовский архиепископ Арсений IV, Верещагин. С. 396; 2) Столетие Ярославской архиерейской кафедры… С. 19.

вовала. Такой сборник не упоминается в «Сводном каталоге книг гражданской печати XVIII века»; в разделе разыскиваемых изданий отмечается лишь книга под названием «Собрание прозаических и стихотворных сочинений учеников и преподавателей Ярославской семинарии» без года издания.[49] Несовпадение названий сборников, а также указание на наличие прозаических текстов в последнем свидетельствуют о том, что, вероятно, это два разных издания. Сборник 1791 г. не сохранился в крупнейших российских библиотеках. Не упоминается он и в современной научной литературе. Тот факт, что сборник не дошел до настоящего времени, следует, по-видимому, связывать с его малым тиражом.

В качестве гипотезы можно предположить, что Иван Ораевский переписал печатный сборник 1791 г. На это указывает то, что у сборников дословно совпадают названия. Название сборника Ораевского — «Оды, разговоры, надписи, канты…» — действительно отражает его содержание: названные жанры идут в нем в указанной последовательности. Наличие названий произведений, дат их создания, имен авторов, расположение стихотворений по жанрам, нумерация внутри жанровых разделов говорит о том, что при составлении сборника была проведена кропотливая работа, более соответствующая подготовке издания, а не тетради для себя.

При этом непонятно, почему для публикации были выбраны именно сочинения Ивана Ораевского? В отличие от Сергея Предтеченского, он был рядовым, хотя и способным семинаристом, и в 1791 г. уже пять лет, как служил в Поречье-Рыбном. В сборнике стихотворения других авторов написаны до 1786 г. включительно, то есть до того момента, когда Ораевский окончил семинарию, при этом две оды Ораевского принадлежат уже к периоду его служения в Поречье. Вопрос о происхождении сборника Ораевского могла бы прояснить находка печатного сборника 1791 г., но, к сожалению, она маловероятна.

---

[49] Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975. С. 85. № 770.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

РУССКАЯ АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА

(Размышления в связи
со статьей Г. А. Гуковского 1927 года)*

Русская анакреонтика рождается внезапно, подобно Минерве, вышедшей из головы Юпитера, и довольно поздно — во второй половине 1730-х гг., а потому оказывается теснейшим образом связанной с метрическим самоопределением русской поэзии, с силлабо-тонической реформой стиха, осуществленной Тредиаковским и Ломоносовым. Весьма знаменателен поэтому тот факт, что первое силлабо-тоническое стихотворение Ломоносова — это ямбический перевод первой анакреонтической оды «Хвалить хочу Атрид…» Он был сделан в 1738 г., в момент изучения Ломоносовым статьи И. К. Готшеда «Опыт перевода Анакреона стихами без рифм» («Versuch einer Übersetzung Anacreons in reimlose Verse», 1733), а опубликован лишь в XX в.[1] Вслед за Ломоносовым почти все значительные русские поэты XVIII столетия отдали дань увлечению стихами Анакреонта и эллинистической анакреонтикой, а также анакреонтическими одами западноевропейских поэтов. С этими увлечениями

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ №16-04-0028, «Русская анакреонтическая ода XVIII — первой четверти XIX века».

[1] См. подробнее: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 871. Статья Готшеда была опубликована в сборнике: Beyträge zur critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit hrsg. von einigen Mitgliedern der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Leipzig, 1733. Bd. 2. S. 152–168.

© К. Ю. Лаппо-Данилевский, 2017

связаны важные художественные свершения эпохи, ставшие объектом академического изучения лишь во второй половине XIX в. и по сей день продолжающие интересовать ученых.

Исследователи сходятся во мнении, что подлинно научному осмыслению интересующего нас жанра положила начало яркая статья Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде» в его книге о русской поэзии XVIII века, вышедшей в свет в 1927 г., т. е. когда ее автору было двадцать пять лет.[2] Статья эта до сих пор сохраняет свое значение и необычайно важна теми импульсами, которые она в свое время дала. Из публикаций второй половины XIX в., предшествовавших этой работе и во многом ее подготовивших, следует указать на следующие: в 1865 г. Я. К. Грот подробно прокомментировал «Анакреонтические песни» во втором томе изданных им «Сочинений Державина», а два года спустя П. А. Ефремов впервые напечатал переводы Антиоха Кантемира из анакреонтики в первом томе его «Сочинений, писем и избранных переводов». Основная библиографическая информация по теме была сведена воедино уже в начале XX столетия в обзорах П. Н. Черняева и Н. Н. Кутателадзе.[3]

Наиболее взвешенная, хотя и весьма общая характеристика понимания Гуковским жанра анакреонтической оды содержится во вступительной статье В. М. Живова к сборнику переизданных им ранних работ ученого.

Тезис Гуковского о «принципиальной анонимности литературных произведений XVIII в.» Живов считает «несколько догматизированным», но «в целом верным», побуждающим Гуковского с особым интересом отнестись к пониманию отдельных литературных жанров в XVIII столетии, ибо ученый был убежден, что в доромантическую эпоху читали иначе, чем в более позднее время, что «тогда

---

[2] *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 103–150. Далее ссылки на текст статьи даются по этому изданию в основном тексте с указанием страницы в круглых скобках.

[3] *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II // Филологические записки. 1904. Т. 44. Вып. 3–4. С. 1–64; Вып. 5–6. С. 65–128; 1905. Т. 45. Вып. 1–2. С. 129–160; Вып. 3–4. С. 161–232 (отд. изд.: Воронеж, 1905); *Кутателадзе Н. Н.* К истории классицизма в России: («Анакреонтические песни» в русской литературе XVIII столетия. Историко-литературный этюд) // Филологические записки. 1915. № 3–4. С. 361–413, 467–820.

спрашивали не об авторе, а о жанре». Живов справедливо видит стремление описать доминантные черты двух жанров в работах Гуковского об элегии и об анакреонтической оде и называет эти статьи «стимулирующими». Если тематическую дефиницию элегии («тематика несчастной любви, которая реализуется в декламации от первого лица») Живов принимает, то с определением дифференциального признака анакреонтической оды как чисто метрического (а это важнейший исходный пункт концепции Гуковского), а также и с тем, что русская анакреонтическая ода, отвергнув рифму, вырабатывает различные виды параллелизма в качестве именно внеметрических признаков стиха, он согласиться не может. Обоснованные сомнения вызывает у Живова отрицание его предшественником тематического единства русской анакреонтической оды. При этом исследователь отдает должное цельности концепции Гуковского: «Не все в этой конструкции достаточно убедительно, но она производит впечатление своей логической законченностью».[4]

По мнению Живова, феномен русской анакреонтической оды еще предстоит осмыслить, уделив большее внимание ее тематике и раскрыв ее сопряженность с метрикой: «Будущему исследователю предстоит понять, каково было тематическое развитие русской анакреонтики — вопрос, от которого Гуковский сознательно отстраняется. Полагать, что тематически в русской анакреонтике царил полный разнобой, было бы теоретически неосмотрительно и противоречило бы тем фундаментальным идеям о связи семантики и метра (не прямолинейной, но постоянно возникающей и подвергающейся реинтерпретации), которые утвердились в русской филологии в последние десятилетия».[5]

* * *

Концептуальная цельность статьи 1927 г., отмеченная Живовым, действительно впечатляет. Общие постулаты Гуковского, сформулированные на первых страницах и подкрепленные обзором истории немецкой анакреонтики, находят затем подтверждение в историче-

---

[4] *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001. С. 18.

[5] Там же.

ской части статьи (109–116), где развитие русской анакреонтической оды представлено в духе формалистов — как борение взаимосменяющих форм. То, как ученый видит эволюцию интересующего его жанра, заставляет вспомнить в первую очередь статьи Тынянова «Литературный факт» (1924) и «О литературной эволюции» (1927). Ощущение новизны некоего приема, формального ухищрения и его дальнейшая «стертость» оказываются основными категориями при освещении эволюции русской анакреонтической оды.

Эту методологическую особенность, конечно, необходимо учитывать, но, думаю, куда более важен вопрос, насколько общие положения Гуковского подкрепляются тем материалом, который он привлекает для их обоснования и тем, насколько этот материал полон. Заслуживает внимания и вопрос о том, что ученый понимает под русской анакреонтической одой, т. е. включает ли он в ее состав переводы Анакреонта и анакреонтики, или ограничивает этот жанр только оригинальными произведениями русских поэтов, тем более что сам Гуковский этого не оговаривает.

Пока же вкратце очертим самое существенное в концепции ученого. По мнению Гуковского, определяющим для жанра русской анакреонтической оды оказывается ее метрика (говоря проще: анакреонтические оды должны были быть написаны 4-стопным хореем или 3-стопным ямбом без рифм со сплошными женскими клаузулами и без членения на строфы), при этом традиционная для европейской литературы тематика, унаследованная от древности, оказывается для русской анакреонтической оды, якобы, не обязательной. Забегая вперед, укажу, что подтверждение этому замечанию Гуковский находит в философических стихах М. М. Хераскова и А. В. Нарышкина, написанных «анакреонтовым метром», но весьма далеких от игривости европейской анакреонтики:

Поскольку анакреонтическая ода образовала отчетливо отграниченный жанр в русской поэзии XVIII века и поскольку признаком этого жанра была метрическая характеристика его, она являет весьма замечательный пример жанрового мышления эпохи. В самом деле, если понятия жанров в целом ряде случаев грозят при ближайшем рассмотрении оказаться фикцией, не дающей даже удобств вспомогательной гипотезы, то, наоборот, в XVIII веке классификация жанров, являясь одной из основ поэтического сознания, реально присутствовала, как фон бытия каждой отдельной художественной единицы. При этом, конечно, самые разнообразные признаки могли оказаться в роли differentiae specificae; в анакреонтической оде в этой роли выступил признак метрический. Тематического единства русские «ана-

креонтические» оды не имеют; помимо обычных «анакреонтических» в немецком смысле тем, они приемлют темы совершенно иного порядка, не свойственные ни самому Анакреонту, ни его западным подражателям (125).

Согласно Гуковскому история анакреонтической оды в России начинается в 1755 г., когда Сумароков опубликовал на страницах июльского номера «Ежемесячных сочинений» две эталонные «анакреонтические оды» без рифм: «Пляскою своей, любезна...» и «Завидны те мне розы...»;[6] «они давали образцы обоих употребительных и в немецкой анакреонтике размеров: 4-стопного хорея и 3-стопного ямба — с сплошными женскими окончаниями» (109); далее вскользь упомянута еще одна, более поздняя анакреонтическая ода Сумарокова 1762 г., обращенная к Е. В. Херасковой, без характеристики ее метрических особенностей (о ней см. ниже). В то же время поэт обратился к логаэдам, к гекзаметру. Новаторские опыты освоения Сумароковым античных строф и размеров Гуковский связывает с увлечением новообретенной силлабо-тонической системой; определенный парадокс он видит в том, что «пресыщение» ею побуждало немецких литераторов к сходным исканиям.[7]

Примеру Сумарокова последовали «поэты младшего поколения, потерявшие уже ощущение новизны тонического принципа, чуждые ритмико-метрическим исканиям своих учителей, привыкшие к легким и единообразным силлабо-тоническим схемам»; «такие

---

[6] *Сумароков А. П.* Анакреонтические оды: «Пляскою своей, любезна...»; «Завидны те мне розы...» // Ежемесячные сочинения. 1755. Июль. С. 70–71.

[7] Напомню, что греческая анакреонтика астрофична. Она написана по большей части либо гемиямбами (дословно «полуямбами», т. е. полустихами ямбического триметра; их метрическая схема: ×–∪–∪–×), либо анакреонтеем (метрическая схема: ∪∪–∪–∪—), которые лишь изредка разнообразятся анакласисами (см. подробнее в предисловии к кн.: Carmina anacreontea / Edidit M. L. West. Leipzig, 1984. P. XIV–XVI). В силлабо-тонической системе первому размеру наилучшим образом соответствует трехстопный ямб, второму — четырехстопный хорей (и тот, и другой — с женскими клаузулами). Именно эти два размера наиболее часты в немецких подражаниях античной анакреонтике и в ее переводах, хотя допустимыми были порой и трехстопный хорей, и четырехстопный ямб (*Ausfeld F.* Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts; Ihre Beziehung zur französischen und zur antiken Lyrik. Materialien und Studien. Straßburg, 1907. S. 141). Относительно уместности рифм в анакреонтических одах немецкие литераторы в XVIII в. не были единодушны.

стихи связывались с представлением о греческом анакреонтовом размере» и в то же время «с легкостью находили себе место в ряду привычных уже метрических схем, т. е. не воспринимались как диковинка, как эксперимент и не задерживали восприятие на затрудненном метрическом строе» (110).

«Основоположником работы над анакреонтическим стихом» на этом этапе Гуковский считает Хераскова. Перечислю основные факты, приведенные ученым при характеристике этого второго периода истории анакреонтической оды в России:

> Через семь лет после напечатания двух анакреонтических од Сумарокова появился сборник Хераскова «Новые Оды» (1762), заключающий в себе 28 стихотворений — все без рифм с женскими окончаниями; когда позднее Херасков перепечатал сборник (в VII томе своих «Творений»), он переименовал его в «Анакреонтические Оды» (110).

Вслед за сборником Хераскова в печати появляются следующие анакреонтические стихи по заданному образцу:

— в июле 1762 г. в «Полезном увеселении» пространнейшие «Стихи анакреонтические» А. В. Нарышкина;[8]

— в 1763 г. в «Свободных часах» еще четыре стихотворения А. А. Ржевского (в июньском[9] и декабрьском[10] номерах); и здесь же еще «две анонимные анакреонтические оды»;[11]

— в том же году в «Невинном упражнении» одна анонимная ода,[12] которую Гуковский склонен приписать И. Ф. Богдановичу

---

[8] *Нарышкин А.* Стихи анакреонтические: «Всемогущая приятность…» // Полезное увеселение. 1762. Ч. V. Июнь. С. 268–274.

[9] *Ржевский А. А.* Оды анакреонтические: I. «Ты прекрасней всех мне зришься…»; II. «Узря твой взгляд суровый…»; III. «Других стихи приятно…» // Свободные часы. 1763. Июнь. С. 358–360.

[10] *Ржевский А. А.* Ода анакреонтическая: «Я пел, гуляя в рощи…» // Свободные часы. 1763. Декабрь. С. 733–734.

[11] Эти оды находятся в составе обширной подборки стихов Ржевского (Свободные часы. 1763. Июль. С. 421–432), почему и были включены в корпус его сочинений: *Ржевский А. А.* Анакреонтические оды: Ода I («О властитель нежна сердца…»); Ода II («Когда меня ты видеть…») // Там же. С. 421–422. Ср.: Поэты XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Л., 1972. Т. 1: Поэты 1750–1770 гг. С. 292.

[12] [*Аноним*]. Стихи анакреонтические: «Вечерняя певица…» // Невинное упражнение. 1763. Июнь. С. 226–228.

как главному издателю этого журнала, а также «идиллия» Богдановича «Разлука. Анакреонтовыми стихами»,[13] которую автор позднее перепечатал с тем же названием в своем сборнике «Лира» (М., 1773);[14]

— в 1772–1773 гг. несколько «Анакреонтических од» в «Вечерах», журнале кружка Хераскова.[15]

Перечисление этих фактов дает Гуковскому возможность сделать вывод: «„Анакреонтический“ метр привился» (111).

Далее исследователь указывает на публикации третьего периода, т. е. с конца 1780-х по начало 1790-х гг.:

— в 1788 г. сборник «Еротоиды» Н. Струйского[16] (в дополненном виде перепечатан в первом и единственном томе его «Сочинений»[17]);

— в 1789 г. «Анакреонтические стихи к А* А* П*» (т. е. обращенные к А. А. Петрову) Карамзина;[18] а два года спустя в «Московском журнале» — его же «Филлиде» и «Мишеньке»;

— в 1791 г. «Анакреон в собрании» Державина в «Описании празднества, бывшего по случаю взятия Измаила»;

— и наконец, в 1794 г. отдельной книгой перевод Н. А. Львова «Стихотворение Анакреона Тийского», в связи с которым отмечается: «стихами без рифм, но с чередованием женских и мужских окончаний».[19]

---

[13] [*Богданович И. Ф.*] Разлука: анакреонтовыми стихами // Невинное упражнение. 1763. Июнь. С. 302–304.

[14] [*Богданович И. Ф.*] Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя. СПб., 1773. С. 54–56. Позднее переиздано автором с названием «Идиллия. Белыми стихами» в журнале: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 3. С. 35–37.

[15] [*Аноним*]. Анакреонтическая ода: «На бреге речки сидя…» // Вечера. 1772. Ч. 1. С. 72; [*Аноним*]. Анакреонтическая ода: «О вы, прекрасные долины…» // Вечера. 1773. Ч. 2. С. 11; [*Аноним*]. Анакреонтические оды: I. «Ерот близ чистых струй Кастальских…»; II. «Страсть любезну презирая…» // Вечера. 1773. Ч. 2. С. 197–200.

[16] *Струйский Н.* Еротоиды. [СПб.: Тип. Акад. наук, 1789].

[17] Сочинения Николая Струйского. СПб., 1790. Ч. 1.

[18] Детское чтение. 1789. Ч. 18. С. 93–95.

[19] В действительности все обстоит несколько сложнее. Декларировав, что он будет переводить без рифм, Львов на деле ряд своих переводов зарифмовывает.

Этот обзор анакреонтических од теснейшим образом связан с другой основной темой статьи Гуковского, а именно: с историей рифмы в поэзии XVIII в. (здесь даже, пожалуй, уместно сказать: «с историей рифмы как приема»):

> «Анакреонтические стихи», появившиеся как подражание на русском языке греческому размеру, сделали возможными опыты в создании обыкновенных силлабо-тонических стихов без рифм, поскольку они сами осуществляли обычные схемы трехстопных ямбов и др. (111–112).

Гуковский отмечает, что первые «попытки писать ямбами без рифм начались рано», и отсылает к публикациям в «Трудолюбивой пчеле» в 1759 г. и в «Полезном увеселении» в 1760-м, однако они остались эпизодом, не имевшим продолжения.

И лишь к 1770-м гг., по мнению ученого, «относятся новые опыты в этом направлении»:

> К этому времени условия развития русского стиха изменились, и самые опыты эти получили новый смысл. Силлабо-тоническая система, замкнутая в 60-х годах в кругу немногочисленных метрических схем, начинала уже затвердевать, становилась косной. Выбрав из всего богатства метрических возможностей, предложенных поколением 40–50-х гг., лишь немногие формы, 60-е годы превратили тонический принцип из стимула к освобождению стиха от рутины силлабистов — в способ нового закрепощения его. Понадобилось спасать положение дальнейшим развитием применения этого принципа, так как необходимо было нарушить привычность, стертость силлабо-тонических схем. Снова начались ритмико-метрические искания; вновь всплыл и неразрешенный вопрос о рифме (112–123).

Данный пассаж, как никакой другой, важен как яркое воплощение приверженности Гуковского формалистическому взгляду на литературную эволюцию как на борение форм, на постоянное преодоление их стертости и на их постоянное обновление.[20] Но вер-

---

Об этом см. подробнее в статье: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 177–235.

[20] Как справедливо указал В. М. Живов, желание Гуковского драматизировать в формалистском духе борение приемов приводит порой к несуразностям, как, например, в статье об элегии: «Гуковский, увлеченный формальным принципом, не замечает абсурдности своих утверждений: жанровая доминанта, созданная элегиями 1759 г., устаревает в конце 1750-х годов, т. е. старость приходит к ней вместе с рождением» (См.: *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. С. 17).

немся к стихотворениям, являющимся тем материалом, на котором зиждется его концепция. Прежде чем рассмотреть их более подробно, следует уделить внимание тому, что же ученый понимает под анакреонтической одой. Это не так легко сделать, ибо Гуковский не дал определения рассматриваемого им жанра и таковое приходится реконструировать по его разрозненным суждениям в тексте статьи и соотносить с обследованными им текстами.

Главный вопрос, на который сам ученый не ответил с необходимой точностью, можно сформулировать так: включает ли Гуковский переводы эллинистической анакреонтики на русский язык в число анакреонтических од или же нет? Судя по всему, нет, ибо в противном случае совершенно непонятно, почему Гуковский не упомянул две переведенные Сумароковым анакреонтические оды: «На Ерота; по переводу Козицкого» («Хочу, хочу любити…») и «Во мразные минуты…». Вне сомнения, они теснейшим образом связаны с «эталонными» анакреонтическими одами Сумарокова, опубликованными в «Ежемесячных сочинениях» в 1755 г., и были написаны, по-видимому, тогда же. В собрании его произведений, помимо оды, обращенной к Херасковой, которую Гуковский упоминает, напечатаны еще три подражательные «анакреонтические оды» Сумарокова, также при жизни писателя не опубликованные: «Люблю тебя, Филлида…», «Дай Гомерову мне лиру…», «Ежели бы можно было…».[21]

По тем же причинам, очевидно, Гуковским не были упомянуты переводы Ломоносова из анакреонтики. Конечно же, раннее переложение первой анакреонтической оды «Хвалить хочу Атрид…», на которое указано выше, не было ему известно (его впервые опубликовала Е. Я. Данько в 1940 г.), но перевод «Ночною темнотою...» был напечатан Ломоносовым в его «Кратком руководстве к красноречию» (СПб., 1748) как пример басни. А «Разговор с Анакреоном», содержащий перевод еще четырех анакреонтических од, был написан между 1758 и 1761 г. и впервые опубликован в 1771.[22]

---

[21] Эти пять стихотворений написаны астрофичными четырехстопными хореями (два) и трехстопными ямбами (три) без рифм: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 2. С. 188–192. Анакреонтические оды «Пляскою своей, любезна...» и «Завидны те мне розы...» помещены отдельно от них, рядом с произведениями, опубликованными при жизни писателя (Там же. С. 145–146).

[22] Первые две «реплики» Ломоносова в «Разговоре с Анакреоном» написаны теми же размерами и имеют то же число стихов, что и оды, на которые он отвечал.

В дальнейшем «Разговор с Анакреоном» неизменно перепечатывался в собрании сочинений Ломоносова.

Следует отметить, что переводы Ломоносова в высшей степени противоречат тому, что Гуковский полагал differentiae specificae анакреонтической оды и сформулировал в применении к сумароковским эталонам 1755 г. Все переводы Ломоносова зарифмованы; мужские окончания в них столь же многочисленны, как и женские; переложение же оды XXVIII разделено на строфы по восемь стихов со схемой рифмовки **а б а б в в г г** (клаузула регулярная **ж м ж м ж ж м м**).[23] Лишь избранные метры соответствовали сумароковскому канону: пять стихотворений были написаны трехстопным ямбом и одно четырехстопным хореем.

Но если Гуковский под анакреонтическими одами имеет в виду оригинальную русскую анакреонтику, а не переводы, то сложно объяснить следующее противоречие: в ряду анакреонтических од ученым упомянуто «Стихотворение Анакреона Тийского», в предисловии к которому Н. А. Львов заявляет о том, что в этой книге он предпринял *именно перевод* од Анакреонта. В примечании к первой оде Львов обосновывает, почему он вводит альтернанс женских и мужских клаузул, хотя и признает, что это отход от греческого образца. Здесь же приведен более ранний вариант перевода первой оды, где клаузулы только женские.[24]

То, что Гуковским не упомянуты широко известные в свое время переводы из Анакреонта (точнее, стихотворений, которые в XVIII столетии приписывались ему), сделанные И. И. Виноградо-

---

На анакреонтическую оду XXVIII, переведенную им четырехстопным хореем, Ломоносов откликается четырехстопными ямбами («Ты счастлив сею красотою…»), разбивая их, как и ее, на восьмистишия с рифмовкой **а б а б в в г г** с тем же чередованием клаузул **ж м ж м ж ж м м**. Все эти стихотворения, несмотря на их антианакреонтическую тематику, конечно же, — неотъемлемая часть русской анакреонтики.

[23] Здесь и далее для характеристики версификационных параметров используется система обозначений, изложенная в статье: *Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В.* Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 71–113.

[24] Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** **** [Н. А. Львов]. СПб., 1794. С. 63–64.

вым[25] и И. И. Мартыновым,[26] — дополнительный аргумент в пользу того, что ученый не предполагал включать переводы в число рассматриваемых им русских анакреонтических од.

* * *

Теперь, пожалуй, имеет смысл пристальнее рассмотреть материал, положенный в основу концепции Гуковского, а также его непосредственный литературный контекст. Ученый с большим вниманием отнесся к публикациям Сумарокова в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 г., но при этом два перевода античной анакреонтики, помещенные здесь же (один немного ранее, а другой — чуть позднее), были им почему-то не замечены. Это ода «По примеру Анакреонта к Живописцу»[27] и «Ода Анакреонтова» М. М. Хераскова, первая написана рифмованным четырехстопным хореем, вторая — четырехстопным ямбом; обе разбиты на четверостишия со схемой рифмовки **а б а б** (клаузула регулярная **ж м ж м**), и, следовательно, существенно отличны от сумароковского канона. Приведу зачин стихотворения Хераскова:

Когда бы нам возможно было
Богатством скорби исцелять,
Когда бы злато смерть прельстило,
Я б начал оное сбирать.

---

[25] Девять переводов И. И. Виноградова из анакреонтического корпуса были опубликованы в книге: Стихотворения Сафы, лесбийския стихотворицы, переведенные с греческого языка Иваном Виноградовым. Изданы с описанием жития сея славныя своими дарованиями, любовию и произошедшими от оныя злоключениями женщины и присовокуплением песней, переведенных из Анакреонта и других стихотворений. Во граде Святаго Петра, 1792. С. 21–32. Два из них ранее были напечатаны в периодике: Из Анакреонта две песни: «Хочу гласить Агамемнона…», «Мне женщины сказали…» // Растущий виноград. 1786. Май. С. 75–76. Сохранились рукописные материалы переиздания книги 1792 г., готовившегося Виноградовым, видимо, в 1793–1794 г. Они содержат переводы 60 од, 7 эпиграмм и 12 фрагментов, т. е. почти всех стихотворений, считавшихся в XVIII в. произведениями Анакреонта: ОР РНБ. ОСРК. Q.XIV.145.

[26] Анакреоновы стихотворения, с присовокуплением краткого описания его жизни / перевод с греческого Ивана Мартынова. СПб., 1801.

[27] [*Аноним*]. Ода по примеру Анакреонта к Живописцу // Ежемесячные сочинения. 1755. Май. С. 463.

Но если смерть косу возносит,
Когда она к кому придет,
Ни злата, ни сребра не просит,
Едину душу извлечет.[28]

Видимо, в силу переводного характера не была упомянута «Ода из Анакреонта XIV» Богдановича, напечатанная в 1761 г. в «Полезном увеселении».[29] Это стихотворение также не укладывается в прокрустово ложе сумароковских требований: оно написано четырехстопным ямбом и состоит из трех строф по десять стихов с расположением рифм **а а б в б в г д д г** (клаузула регулярная **ж ж м ж м ж м ж ж м**). Такое расположение рифм зеркально воспроизводит обыкновенное расположение рифм в ломоносовских одах, что наводит на мысль о том, что Богданович пародирует именно патетичную одическую строфу, ставя ее рифменный строй с ног на голову:

Уже сие непреборимо:
Люблю, что должно быть любимо.
Давно ли мне вещал Эрот,
Давно ль советовал о этом,
Когда я был совсем не тот
И был не тронут сим советом?
Упрямца видя пред собой
И зря мои поступки смелы,
Он взял тогда свой лук и стрелы,
И вызывал меня на бой.

Один из краеугольных камней в основании концепции Гуковского — это интерпретация «Новых од» М. М. Хераскова (М., 1762)[30] как сборника од именно анакреонтических. Основным аргументом при этом служит то, что сорок лет спустя поэт перепечатывает «Новые оды» в собрании своих сочинений, сменив название на

---

[28] Ода Анакреонтова: «Чтоб грозной смерти не страшиться…» // Ежемесячные сочинения. 1755. Август. С. 165. С подп.: «М. Х.».

[29] Полезное увеселение. 1761. Декабрь. № 24. С. 240. В сборник «Лира» (М., 1773) автором включено не было.

[30] На титульном листе указан не только год, но и месяц выхода книги в свет: «Печатаны в Москве в июле месяце 1762 года».

«Анакреонтические оды»,[31] несмотря на то, что входящие в них стихотворения по своей тематике далеки от традиционных анакреонтических произведений. Гуковский пишет об этом сборнике следующим образом:

> Так, в стихотворениях, содержащихся в сборнике «Новых од», или, по 2-му изданию, «Анакреонтических од» Хераскова, — нет ни намека о вине и весьма мало речи о любви. Большинство их занято чисто дидактическим изложением начал моральной философии рационально-стоического типа, вообще свойственной Хераскову. Значительная часть од даже расположена в порядке логически раскрывающейся мысли, как главы единого рассуждения или трактата; так, в начале, после вступления, в котором говорится о самом жанре стихотворений сборника (ода I «К своей лире»), идет изложение мировоззрения в следующем порядке: рассказывается о создании человека, о величии и силе его разума (ода II); затем поэт говорит о наступившем вскоре падении человечества и о злоупотреблениях разумом (ода III), затем о воспитании, предохраняющем от этих злоупотреблений (ода IV), и о суетных желаниях, вовлекающих в них (ода V). После этих крупных по размеру пьес идут оды, посвященные областям истинного благополучия: счастливому, верному браку, семейной жизни (VI), философическому спокойствию, преодолению суетных желаний (VII), добродетели (VIII), дружбе и сельской тихой жизни (IX), стихотворству (X) (125–126).

Все же, на мой взгляд, если мы стремимся осмыслить данное литературное явление исторически, вопрос должен ставиться иначе, а именно: почему в 1762 г., когда новизна анакреонтической оды и ее сумароковских эталонов живо ощущалась, сборник получил название «новых» од, а не «анакреонтических»? Чтобы ответить на него, необходимо обратить более пристальное внимание на план выражения «Новых од», который в отличие от плана содержания (см. вышеприведенный абзац) был охарактеризован ученым крайне кратко: Гуковский написал о 28 стихотворениях сборника лишь то, что они «все без рифм с женскими окончаниями» (111).

Обе вышеприведенные характеристики «Новых од», данные Гуковским, нуждаются в некоторых дополнениях и уточнениях. Так, сборник открывает посвящение «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой», вполне анакреонтическое по духу (в «Творениях» оно при перепечатке остальных стихотворений воспроизведено не было), но не следующее сумароковскому эталону. Оно

---

[31] Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., [1800]. Ч. 7. С. 228–319.

написано трехстопным ямбом, разбито на три четверостишия с перекрестными рифмами **а б а б** (клаузула регулярная **ж м ж м**).

Приведу этот программный текст, призванный прояснить читателю авторский замысел и одновременно являющийся вариацией на темы первой анакреонтической оды, обращенной к лире:

Настроя нову лиру,
О чем писать не знал,
И следуя зефиру,
Места переменял.

С ужасным шумом понта
Я лиру соглашал,
То вкус Анакреонта
С слезами я мешал.

К порокам отвращенье
Старался умножать,
И честных утешенье,
Хотел изображать.

Ты ненависть сугубишь
К порокам без стихов,
Ты добродетель любишь,
Гоня ее врагов.

Колико сердцу можно,
Являешь в ней плоды:
Тебе, тебе и должно
Принесть мои труды.

Вспевая добродетель
И искренность сердец,
Я сделался свидетель,
И их и твой певец.[32]

Обманчиво непритязательный зачин посвящения содержит немало важной информации для понимания авторской интенции. Во-первых, Херасков строит «нову лиру», т. е. претендует на некое художественное новаторство своим сборником. Во-вторых, он принципиально отвергает единство стиля — то его лира звучит в согласии с бурливым морем, то игриво анакреонтически, а то и трогательно. При всем этом поэт ставит перед собой цели преимущественно ди-

[32] Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 3–6.

дактические, как явствует из третьего катрена, что и становится причиной посвящения сборника Дашковой, поборнице добродетели (это обосновывается во второй части стихотворения).

Обратимся теперь собственно к «Новым одам». Тема посвящения подхватывается и развивается в «Оде I. К своей лире», адресованной «разумной россиянке» (т. е. Е. Р. Дашковой) и варьирующей темы все той же анакреонтической оды. Здесь же отдается должное «простоте и сладости» анакреонтовых песен, «нежный слог» которых Херасков желает усвоить. Декларации эти столь общи, что из них невозможно извлечь что-либо о понимании Херасковым собственно анакреонтической поэзии.

Весьма существенно и то, что две из «Новых од» озаглавлены следующим образом (при перепечатке в «Творениях» эти названия были сняты): «Ода XVI. Подраженная Анакреонту» («Брега, брега прекрасны...») и «Ода XXII. Подраженная Анакреонту» («Теперь вы разыгрались...»). Оба стихотворения описывают прелести пастушек; первая из них не лишена некоторой фривольности. Отмечу, что при этом большинство «Новых од» имеет заглавия вполне философические: «Ода II. О силе разума»; «Ода III. О вреде, произошедшем от разума»; «Ода IV. О воспитании» и проч. Следовательно, в 1762 г. Херасков полагал необходимым подчеркнуть тематическую преемственность этих двух стихотворений по отношению к Анакреонту, сделать сразу явным, где сам писал в его вкусе, отделив их тем самым от основного массива своей дидактической поэзии.

Не совсем понятно (но стоит ли от поэта всегда ожидать последовательности и систематизма?), почему еще четыре стихотворения, воспевающие радости любви вполне в анакреонтическом духе, не удостоились эксплицитных отсылок в заглавиях к греческому лирику: «Ода XI. Сила любви», «Ода XII. Истинное утешение», а также две безымянных — ода XIII («Тебе приятны боле...»)[33] и ода XVIII («Иные строят лиру...»). Ряд анакреонтических мотивов и аллюзий встречаются не только в этих стихотворениях сборника, при этом грань между, условно говоря, «анакреонтической» и «мо-

[33] Эта ода особенно важна, ибо в ее заключительных стихах таланты Анакреонта и Сумарокова ставятся вровень (Новые оды Михайла Хераскова. С. 43–44).

рально-философической» частями хорошо различима.[34] Мотив винопития не пришелся ко двору целомудренной музы Хераскова, Вакх был бескомпромиссно изгнан со страниц «Новых од», а поэтому их «анакреонтическая составляющая» — это преимущественно составляющая любовная.

Что касается формы «Новых од», то она также не может быть признана идеально соответствующей предписаниям Сумарокова для анакреонтических од. Да, действительно, большинство «Новых од» (24 из 28, если мы оставим в стороне посвящение Е. Р. Дашковой) написаны четырехстопными хореями (4) и трехстопными ямбами (20). Три стихотворения — это ямбы четырехстопные, задолго до этого времени утвердившиеся в немецкой анакреонтике, но не соответствовавшие сумароковскому канону. И, наконец, «Ода VIII. О силе добродетели» написана двустопным рифмованным дактилем с женскими клаузулами — т. е. размером, чуждым жанру анакреонтической оды. Процитирую зачин этого стихотворения, столь отличного от других в сборнике:

О! добродетель,
Ты утесненна:
Только не всеми
В свете забвенна.
Знаю героев,
Кои стремятся
Кровь проливати,
Век свой проводят
В Марсовом поле,
Только тобою
Души их полны.[35]

Все стихотворения основного массива «Новых од» астрофичны; при этом в них спорадически встречаются рифмы (по большей части глагольные и тавтологические), но есть и довольно пространные рифмованные пассажи — главным образом, посредине и в завершение од.

---

[34] Это и обращения к Эроту, и к другим древним божествам, и любовные пассажи, и упоминания седых кудрей Анакреонта (например, в заключительной оде XXVIII), и проч.

[35] Новые оды Михайла Хераскова. С. 25.

Приведу несколько примеров того, как нерифмованный стих сменяется в «Новых одах» рифмованным.

В середине «Оды XI. Сила любви»:

Я твои вспеваю стрелы,
Стрелы, коими пронзаешь
Ты сердца их вспламеняешь.
Власть твоя на всех простерта:
Ты морями и землею,
Сын Цитеры, обладаешь.
Бесполезно удаляться,
Силиться и противляться
Смертным против стрел Эрота;
Что у нас в сердцах врожденно,
Тем владеет он и правит,
И себя Эрот чем славит,
Терпим то непринужденно.[36]

В финале «Оды XXIV. О терпении»:

А песнь приличную составить,
Гомеровой не надо лиры.
Не ратных мне героев славить,
Не силы петь Ерота:
Я белые венцы сплетаю,
Я струны лиры направляю,
Воспеть разумных утешенье,
Пою душевное терпенье.
Терпенье! Ты разумных слава,
Ты их богатство и забава.
Терпенье всех достоинств краше,
Спокойство в нем и счастье наше.[37]

Весьма важен единственный, хотя и краткий отзыв о «Новых одах», накануне их публикации, содержащийся в статье С. Г. Домашнева «О стихотворстве». Там о сборнике сказано следующее: «Последнее его произведение есть *Оды*, писанные *Анакреонтовым стихосложением*» (курсив Домашнева).[38] Гуковский, также процитировавший эту фразу, в связи с ней справедливо заключил: «Поня-

[36] Новые оды Михайла Хераскова. С. 36–37.

[37] Там же. С. 64.

[38] Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 238.

тие „анакреонтического“ могло, по-видимому, пониматься как термин, более относящийся к метрике, чем к теории жанров» (127). Однако для рассуждений ученого это наблюдение остается без всякого значения, в то время как оно, на мой взгляд, является ключевым и многое проясняет. Нельзя оспаривать, что «Новые оды» написаны по преимуществу «анакреонтовым стихосложением». При этом они именно «новые», т. е. новаторские и в смысле смешения тем, непривычного для аудитории, и в смысле некоторой вольности форм, а потому и не могли быть названы автором в 1762 г. «анакреонтическими». Лишь почти через сорок лет происходит их переименование, видимо, в память об увлечении анакреонтовыми метрами, некогда пережитом Херасковым.

Именно не как анакреонтическую оду, а как произведение, написанное этими метрами на философскую тему, следует поэтому понимать пространные хореические «Стихи анакреонтические» А. В. Нарышкина, появившиеся в июньском номере «Полезного увеселения» за 1762 г. вместе со статьей С. Г. Домашнева «О стихотворстве». Таким образом, и этот текст не может быть использован в качестве доказательства того, что в херасковском окружении анакреонтическая ода «изменила» своей традиционной тематике. Как и в «Новых одах» Хераскова (явно вдохновивших Нарышкина), чистота сумароковского канона 1755 г. не была соблюдена — хотя большинство клаузул женские, но имеются и мужские, а финальные шесть строк еще к тому же и зарифмованы:

Философия прямая!
Вкореняйся в сердце умных,
Простирай ты власть над ними
Добродетельми своими.
Да собудется желанье
Искренней души моей!
В суетной нам жизни сей
Это сладко упованье.[39]

Анонимные анакреонтические стихи «Вечерняя певица…» в «Невинном упражнении», по мнению Гуковского, принадлежащие И. Ф. Богдановичу, не соответствуют сумароковскому канону лишь

[39] *Нарышкин А. В.* Стихи анакреонтические: «Всемогущая приятность…» // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 274.

в одном, но при этом весьма важном отношении — они отнюдь не астрофичны. Стихотворение разделено на шесть строф по пять белых стихов трехстопного ямба, каждая из которых отличается синтаксической завершенностью, как, например, эта первая строфа:

Вечерняя певица,
Драгая Филомела,
Ты жалостно вздыхаешь:
Что сделалось с тобою?
Я думаю, ты любишь?[40]

Анонимные анакреонтические оды в «Вечерах» за 1773 г. также лишь отчасти отвечают требованиям Сумарокова: две из них написаны белым четырехстопным ямбом. Третья — рифмованным астрофичным хореем:

Страсть любезну презирая,
Я считал ее мечтой.
На пастушек я взирая,
Не пленялся их красой.
Стадо выгнав рано в поле,
День спокойно проводил.
Стыдно, стыдно жить в неволе,
Пастухам всегда твердил.[41]

Заслуживает внимания и тот факт, что в полиметрическую «Оду анакреонтическую к Елисавете Васильевне Хераськовой» (1762) самого Сумарокова были допущены рифмы. Гуковский не вдается в ее анализ, некритически приводя отзыв Новикова о том, что ода была написана «анакреонтическим стихосложением» (данное определение явно было подсказано Новикову ее заглавием). Это виртуозно написанное, метрически неоднородное стихотворение мало похоже на другие анакреонтические произведения: четырехстопный хорей в середине сменяется ямбами, два из которых шестистопные.[42] Видимо, это вторжение александрийского стиха должно было выделить грядущие успехи поэтессы:

---

[40] [*Аноним*]. Стихи анакреонтические: «Вечерняя певица…» // Невинное упражнение. 1763. Июнь. С. 226.

[41] Вечера. 1773. Ч. 2. С. 198–199.

[42] На это обратила внимание еще Дорис Шенк, полагая, что подобной смене метра Сумароков научился у И. В. Л. Глейма (*Schenk D.* Studien zur anakreontischen

Совершенство тщуся видеть
Древних греков и у нас
И, подобный их Парнасу,
В Петровой области Парнас.
А ты, Хераскова, сему внимая слову,
Увидети в себе дай россам Сафу нову.

Зарифмованы и заключительные строки сумароковского стихотворения:

Воспой любви заразы,
Которы ощущаешь,
Любезного имея
И верного супруга,
Которому вручила
Свое ты нежно сердце,
Свою цветущу младость.
С тобой игры и смехи,
С тобой веселье, радость,
Имей в любви успехи
И чувствуй в ней утехи.[43]

Из четырех анонимных стихотворений в «Вечерах», журнале херасковского кружка, которые Гуковский упомянул как подтверждающие его концепцию, лишь одно соответствует сумароковскому эталону — это анакреонтическая ода «На бреге речки сидя…» (ЯЗж астрофичный, без рифм).[44] Остальные три хотя бы в чем-то, но от него отклоняются: «О вы, прекрасные долины…» (Я4ж астрофичный, без рифм); «Ерот близ чистых струй Кастальских…» (Я4ж астрофичный, без рифм); «Страсть любезну презирая…» (Х4ж строфичный, рифмованный **а б а б**).[45]

Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt am Main, 1972. S. 22).

[43] Стихотворение было впервые напечатано посмертно: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 2. С. 220–221.

[44] [*Аноним*]. Анакреонтическая ода: «На бреге речки сидя…» // Вечера. 1772. Ч. 1. С. 72.

[45] [*Аноним*]. Анакреонтическая ода: «О вы, прекрасные долины…» // Вечера. 1773. Ч. 2. С. 11; [*Аноним*]. Анакреонтические оды: I. «Ерот близ чистых струй Кастальских…»; II. «Страсть любезну презирая…» // Вечера. 1773. Ч. 2. С. 197–200.

Попробуем подвести некоторые итоги. Как показывает предпринятый выше анализ «Новых од» Хераскова, основное положение Гуковского о том, что для русской анакреонтической оды характерно соединение анакреонтического метра (т. е. астрофичных трехстопного ямба или четырехстопного хорея с женскими нерифмованными клаузулами) с самой разнообразной тематикой, не выдерживает критики.

В то же время заслугой Гуковского следует признать наблюдение о выдвинутом Сумароковым эталоне анакреонтической оды, продемонстрированном в двух его стихотворениях, опубликованных в 1755 г. на страницах июльского номера «Ежемесячных сочинений». Количество же произведений, в которых этот канон выдержан, оказывается на деле куда меньше, чем это утверждал ученый. Из стихотворений, им упомянутых, сумароковскому канону соответствуют:

— некоторые из херасковских «Новых од» не философской, но именно анакреонтической тематики;

— шесть стихотворений А. А. Ржевского в июньском, июльском и декабрьском номерах «Свободных часов» за 1763 г.;

— «Разлука. Анакреонтовыми стихами» И. Ф. Богдановича, напечатанная в июне 1763 г. в «Невинном упражнении»;

— анакреонтическая ода «На бреге речки сидя…» в первой части «Вечеров» в 1772 г.;

— обширный массив графоманской продукции Н. Е. Струйского, опубликованный в его «Еротоидах» (СПб., 1788) и перекочевавший с дополнениями в первый и единственный том его «Сочинений» (1790);

— «Анакреонтические стихи к А* А* П*» (1789) Н. М. Карамзина, а также его стихотворения «Филлиде» (1790) и «Мишеньке» (1790);

— «Анакреон в собрании» Г. Р. Державина (1791).

Изъять из аргументации Гуковского приходится следующие стихотворения:

— полиметрическую «Оду анакреонтическую к Елисавете Васильевне Хераськовой» (1762) самого Сумарокова;

— бóльшую часть «Новых од» М. М. Хераскова;

— пространные «Стихи анакреонтические» (1762) А. В. Нарышкина как философское сочинение, написанное «анакреонтовым стихосложением»;

— анонимную оду «Вечерняя певица…» из июньского номера «Невинного упражнения» (1763);

— три анакреонтические оды во второй части «Вечеров» (1773).

Если же к этим, не подтверждающим концепцию Гуковского стихам, прибавить те, что он не упоминает, то от мнения о безраздельном господстве сумароковского канона анакреонтической оды в течение какого-то периода времени придется отказаться окончательно.[46] Как видим, писательская продукция (в том числе и самого Сумарокова) оказывается куда более пестрой и разнообразной, чему, на мой взгляд, способствовало знакомство многих поэтов с немецкой традицией жанра, а также влияние на них ломоносовских переводов эллинистической анакреонтики.

Как уже говорилось, рассмотрение материала, с которым работал Гуковский, убеждает в том, что под анакреонтической одой ученый понимал довольно небольшой круг оригинальных текстов. Конечно же, такой подход возможен, но требует оговорок и противоречит тому, что практиковало и практикует большинство современных исследователей (Ч. Л. Дрейдж, Д. Шенк, Н. Ю. Алексеева), а именно: рассмотрение в едином массиве и переводов греческой эллинистической анакреонтики, и оригинальных русских стихотворений в анакреонтическом духе, которые в совокупности и именуются анакреонтической одой. Такой подход в высшей степени оправдан, ибо переводы бывали весьма вольными, и вряд ли можно провести четкую границу между ними и подражаниями, вариациями на анакреонтические темы, оригинальными анакреонтическими стихотворениями, а также легкой поэзией в широком смысле. Теряют ли значение наблюдения Гуковского, рассыпается ли в прах его концепция в связи с вышесказанным? Думаю, что все же нет. Нужно лишь принять во внимание, что ученым рассмотрена не вся русская анакреонтическая ода XVIII в., а анакреонтическая ода сума-

[46] О полноте использованного Гуковским материала можно составить представление, обратившись к библиографии русской анакреонтической оды, содержащейся в кн.: *Schenk D.* Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt am Main, 1972. S. 140–142.

роковского типа, причем на разные licentiae poeticae ученым не было обращено должного внимания.

В заключение решусь выдвинуть и следующий тезис: в применении к русской поэзии XVIII в. следует говорить не только об анакреонтической оде *сумароковского* типа, но и типа *ломоносовского*, не менее влиятельного, судя по всему, в интересующую нас эпоху. Формальные требования к ней легко «вычитываются» из пяти переводов анакреонтических од, выполненных Ломоносовым. Как и в оде сумароковского типа, рекомендуется использовать трехстопный ямб и четырехстопный хорей; различия же касаются каталектики (практикуется чередование женских и мужских клаузул), строфики (членение на строфы не возбраняется; а если видимого деления на строфы нет, то четверостишия по большей части отличаются синтаксической законченностью и воспринимаются как строфы), рифмовки (клаузулы неизменно рифмуются, обычно по схеме **а б а б**). И хотя Ломоносов не оставил нам переводов из эллинистической анакреонтики, написанных трехстопным хореем и четырехстопным ямбом, вполне правомерно считать, учитывая немецкую ориентацию поэта, что эти размеры не противоречили его пониманию жанра.[47]

История русской анакреонтической оды на раннем этапе ее существования, на мой взгляд, — это в первую очередь история борения двух ее типов: *сумароковского* и *ломоносовского*. Поэтому не будет преувеличением трактовать выступление Сумарокова в 1755 г. с двумя эталонными одами как своеобразный ответ на первый опубликованный перевод Ломоносова из анакреонтики в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Сумароков, таким образом, хотя и с некоторым запозданием, предлагал иной канон анакреонтической оды, претендуя на лучшее знание ее исконных особенностей. Отдавая дань благодарности предшественникам, скажу, что данный, весьма влиятельный в русской поэзии жанр заслуживает, пожалуй, еще одного, комплексного исследования, в котором будут соединены и устремленность Гуковского к концептуальным обобщениям, и библиографическая акрибия, и максимально полный охват материала.

---

[47] Что касается рифмованного четырехстопного ямба, то, как уже писалось выше, его находим в заключительной реплике самого Ломоносова в «Разговоре с Анакреоном».

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ПОСВЯЩЕНИЯ ДУХОВНЫМ ЛИЦАМ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА

В первой половине столетия, начиная с петровской эпохи, книги посвящались, прежде всего, государю или государыням, членам царской семьи и знатным вельможам. Петр I, отменив патриаршество, решительно покончил с двоевластием, и высшим авторитетом стала власть монарха. Поэтому неудивительно, что и сами церковные иерархи того времени обращались с дедикациями к монарху: Феофан Прокопович — к Петру I, Гавриил Бужинский — Екатерине I, Гедеон Криновский — Елизавете Петровне. К более широкому кругу адресатов были обращены рукописные пространные дарственные надписи, встречаемые с XVII в.[1] В печатных русских изданиях XVIII столетия очень долго не появлялись посвящения, адресованные духовным лицам. По-видимому, это было одним из следствий целенаправленной секуляризации отечественной культуры, решительно начатой Петром I. Возможно, что авторы дедикаций не решались обращаться за покровительством к служителям церкви и прославлять их «пред целым светом», как это делалось по отношению к влиятельным светским людям.

Совершенно особое место принадлежит посвящению академика Г. З. Байера в книге «Museum Sinicum», изданной в 1730 г. в Петер-

[1] См.: *Николаев С. И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996. С. 102–105.

© Н. Д. Кочеткова, 2017

бурге.[2] В соответствии с европейской новолатинской традицией автор предпослал тексту обширное посвятительное письмо на латинском языке, адресованное Феофану Прокоповичу. Восхваляя его познания и таланты, Байер обращался к нему как к ученому собрату, нисколько не принижая самого себя: собственное имя он поставил рядом с именем адресата в самом начале дедикации. И по форме, и по содержанию это посвящение заметно отличается от «приписаний» высоким покровителям, сопровождавших русские издания этого времени.

Имена духовных особ в качестве адресатов посвящений появляются в отечественных изданиях лишь во второй половине столетия: с 1760-х гг. и в последующие десятилетия их число все увеличивается. Обращение к церковному иерарху требовало особой формы, несколько отличной от обращения к монарху как лицу светскому. Постепенно такая форма стала устанавливаться по аналогии с общими формулами дедикаций, обращенных к покровителю и наставнику.

Одним из первых литераторов, посвятивших свой труд духовному лицу, стал В. В. Кочубей (1756–1800), внук знаменитого генерала В. Л. Кочубея, казненного за донос об измене Мазепы. Эта дедикация семилетнего воспитанника своему покровителю и наставнику митрополиту московскому и севскому Тимофею (Т. И. Щербацкому, 1698–1767) была построена в полном соответствии с уже установившимся к этому времени шаблону «приписаний»: начинающие авторы и переводчики просили «милостиво принять» их несовершенные «первые опыты», благодарили за «премудрые советы» и уверяли в своем «глубочайшем высокопочитании и преданности».[3] Очевидно, бывший киевский митрополит Тимофей, который благодаря покровительству императрицы Елизаветы Петровны, был вызван в Москву, уделял внимание учебным занятиям юного Кочубея:

---

[2] <*Bayer G. S.*> Theophili Sigefridi Bayeri <…> Museum Sinicum. Tomus primus. Petropoli, 1730. Отрывок в русском переводе см.: *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразований. СПб., 1880. С. 391–392. За указание на это посвящение приношу благодарность С. И. Николаеву.

[3] См.: <*Дильтей Ф. Г.*> Новое описание сферы <…> / переведено с французского на российский язык Василием Кочубеем. М., 1763. С. 7–10 ненум. Текст параллельно на французском и русском языках.

известно, что при нем в Киевской академии было введено изучение французского языка. Это посвящение можно рассматривать лишь как эпизод в истории наставничества: обращение ученика к своему учителю.

Традиция посвящать свои труды духовным лицам возникла и укрепилась в годы правления Екатерины II, придававшей большое значение сотрудничеству с церковными иерархами. С самого начала своего правления она обратила внимание на талантливого проповедника, в то время ректора Троицкой духовной семинарии, Платона (П. Г. Левшина, 1737–1812),[4] который приветствовал ее своей яркой речью. В 1763 г. императрица выбрала именно его в качестве наставника для цесаревича Павла Петровича. Издание своих «Поучительных слов» (1764) и «Продолжения поучительных слов» (1765) Платон, следуя существовавшей традиции, предварил развернутыми посвятительными письмами Екатерине II. Издания были осуществлены по ее повелению, и искусный ритор благодарил и восславлял государыню. Но при этом он стремился всячески подчеркнуть ее благочестие: «…святая Христова церковь действительнейший для подражания своего в священной Вашего величества особе находила себе пример. <…> в лице Вашего величества мудрость правления единым путем шествует с благочестием…».[5] Посвящения Платона, панегирические по форме, содержали и своего рода программу поведения для императрицы, настраивали ее на путь сотрудничества с духовенством. Ценя образованность и замечательный талант Платона, речи которого производили на слушателей сильнейшее впечатление, Екатерина II способствовала его дальнейшему продвижению в церковной иерархии: в 1766 г. он стал архимандритом

---

[4] См. о нем: *Кукушкина Е. Д., Лихоткин Г. А.* Левшин П. Г. (в монашестве Платон) // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 201–204; *Волкова Н. Е.* Русский просветитель Платон Левшин // Записки тверских краеведов. Тверь, 2005. Вып. 5. С. 17–24; *Papmehl K. A.* Metropolitan Platon of Moscow (Petr Levshin, 1737–1820. The enlightened prelat, scholar and educator). Newtonville, Mass., 1983.

[5] Поучительные слова, при высочайшем дворе ее императорского величества благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския сказыванные его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном. СПб., 1764. С. 6–7 ненум.

Троице-Сергиевой лавры, затем архиепископом, в 1785 г. — московским митрополитом.

В то же время сама императрица использовала форму литературного посвящения для предложения своей собственной программы для духовных иерархов, но выбрала в качестве адресата не Платона, а епископа тверского Гавриила (П. П. Шапошникова [Петрова], 1730–1801). Ему был посвящен перевод романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» («Bélisaire», 1767), осуществленный по инициативе и при непосредственном участии государыни и ее ближайших вельмож во время путешествия по Волге в 1767 г. Сочинение было запрещено во Франции из-за проповедывавшихся в нем просветительских идей веротерпимости и тираноборчества.[6] Перевод открывался пространным посвящением, написанным А. П. Шуваловым и выражавшим идеи, отвечавшие намерениям Екатерины II. Увидев в Гаврииле ревнителя государственных интересов, она поддержала его кандидатуру при назначении епископом в Тверь, в 1765 г. вызвала его в Петербург. Он стал синодальным депутатом Комиссии о сочинении Нового уложения, с 1770 г. — архиепископом Санкт-Петербургским, а также архимандритом Александро-Невского монастыря, в 1783 г. возведен в сан митрополита.[7] Императрица писала Мармонтелю, что русские переводчики его романа считали «тверского архиерея достойным того, чтобы его имя стояло в заголовке „Велизария“».[8] В панегирической части посвящения всячески восхвалялись достоинства иерарха: «Добродетели Ваши нам известны; а особливо кротость, смирение, умеренность, просвещенное набожество, которые в Вас обитают и которыми бы долженствовало украшаться душе каждого христианина, а паче пастыря Вашего чина. <…> Мы чистосердечно признаемся, что Велизар обладал нашими сердцами, и мы уверены, что сие сочинение Вашему преосвящен-

---

[6] См.: *Шарыпкин Д. М.* Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. С. 166–182.

[7] См.: *Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С. 42–43; *Титлинов Б. В.* Гавриил Петров митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский: его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С. 127–274; *Стенник Ю. В.* Петров Петр (в монашестве Гавриил) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К–П). С. 430–433.

[8] Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 286.

ству понравится, потому что Вы мыслями, как и добродетелию, с Велизаром сходны».[9] Епископ Гавриил уподоблялся герою романа Мармонтеля, который бесстрашно выступал как мудрый и нелицеприятный советчик государей, говоря им о необходимости подчиняться власти законов. Как отмечал В. М. Живов, это лестное посвящение «читалось как императорский указ», предписывавший «программу действий».[10] Хотя имя Екатерины II в книге не называлось, читателям было понятно, чье мнение выражалось в этом посвящении, обращенном по существу ко всем иерархам. Тем не менее, именно Гавриил (тогда еще епископ) был избран в качестве адресата, и он с большим тактом воспринял проявленную к нему милость. Сделавшись «первенствующим членом Синода», архиепископом, а затем и митрополитом, он был «непоколебимой и крепкой опорой Екатерининского трона».[11] Он оставался самым доверенным лицом императрицы в среде духовенства и самым влиятельным среди всех иерархов.

Знаменитое издание перевода романа Ж.-Ф. Мармонтеля стало важнейшим стимулом для массового появления посвящений духовным лицам. Неудивительно, что в посвящениях, обращенных к самым главным членам Синода, имя архиепископа Гавриила неизменно ставилось на первом месте. Так поступил и А. П. Сумароков, издавая в 1774 г. свои «Стихотворения духовные». Его дедикация довольно необычна:

Их преосвященствам, Святейшего правительствующего Синода членам: Гавриилу, архиепископу Петербургскому, Иннокентию, архиепископу Псковскому, Платону, архиепископу Тверскому

Я приношу духовные мои стихотворения вашим преосвященствам ради засвидетельствования моего к вашим особам отличного усердия и ради умножения безгрешного моего любочестия сим предчувствием ныне, что потомки знати будут то, что я, живучи с вами в одном веке и во едино время царствования Великия Екатерины, ей посвящая сей мой труд, вашими особами был не только знаем, но и лю-

---

[9] <*Мармонтель Ж.-Ф.*>. Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии / переведен на Волге. М., 1768. С. 5–6, 8 ненум. Этот же текст посвящения помещен во втором (СПб., 1773) и третьем издании (М., 1785).

[10] *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: (XVIII — начало XIX в.). С. 657–683.

[11] *Титлинов Б. В.* Гавриил Петров… С. 293.

бим. Усугубят потомки сим ко мне почтение; хотя и то правда, что хвалити будут те люди, которых еще нет, того, которого уже не будет. Но что делать! Такова судьбина человеческая.

Ваших преосвященств усерднейший и покорнейший слуга А. Сумароков.[12]

Автор обращался к духовным особам, но в самом тексте дедикации писал о том, что посвящает свой труд Екатерине II. Императрица оказывалась главным адресатом, а говоря о своем «усердии» к «их преосвященствам», он претендовал на посмертную славу благодаря тому, что ими «был не только знаем, но и любим». Характерно, что в статье «О российском духовном красноречии» Сумароков говорит о проповедниках как своих «собратиях» «по их риторству», хотя и «не по священству».[13] Из отечественных «отличных духовных риторов» вслед за Феофаном и Гедеоном первыми здесь названы архиепископы Гавриил и Платон (П. Г. Левшин). Говоря об их мастерстве, писатель образно передает впечатление от их выступлений: «Гавриил подобен реке, без шума наполняющей брега свои и порядочным течением не выходящей никогда из границ своих. Платон подобен реке быстротекущей и все, что ей ни встретится, влекущей с собою в морскую пучину, преходящей прекрасные долины, орошающей тучные рощи и бегущей по чистому песчаному дну, окропляя мягкие муравы».[14] Позднее Д. И. Фонвизин в своем не изданном при жизни журнале «Друг честных людей, или Стародум» (1788) высоко отзывался о русских церковных риторах, называя из современников Гавриила, Самуила (Симеона Мирославского) и Платона.

На первом месте стояло имя архиепископа Гавриила и в посвятительном письме Дамаскина (Д. Е. Семенова-Руднева),[15] предварявшем издание его проповедей (1782). Эта дедикация, написанная на латинском и русском языках в связи с его «новопроизводством во епископа», была обращена к «знаменитейшим членам» Синода:

---

[12] <*Сумароков А. П.*>. Стихотворения духовные. <СПб., 1774>. С. 3 ненум.

[13] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы <…> Николаем Новиковым. М., 1787. Ч. 7. С. 277.

[14] Там же. С. 283–284.

[15] См. о нем: *Кочеткова Н. Д.* Семенов-Руднев Д. Е. (в монашестве — Дамаскин) // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 110–115.

архиепископам Гавриилу, Платону и Иннокентию (Нечаеву). Отдавая дань обязательным похвалам императрице, Дамаскин проникновенно благодарил иерархов как своих наставников и покровителей:

Когда Божиим промыслом и всемилостивейшим благоволением премудрыя нашея монархини, Великия Екатерины, Вашею же святительскою властию, свыше Вам данною, возложено на меня пастырское звание, то я за неотрицательный долг себе почитаю, как за сие, так и за прочие премногие Вами ко мне явленные и в моей памяти навсегда запечатлевшиеся благодеяния, принесть Вам усерднейшее благодарение. Иначе всяк бы меня почел человеком неблагодарным и совсем бесчувственным, если бы я то великое счастие, которым я во все течение моей жизни пользовался, признал не от Вас на меня проистекавшим. Ибо если я с самого вступления моего в поприще учения, по мере тогдашних моих сил, мог какие-либо оказать в свободных науках и знаниях успехи, то оказал их, будучи к тому возбуждаем и поощряем достоподражательным Вашим примером. Вашим также благоволением, советами и вспомоществованием будучи подкреплен и ожитворен, отправился я в чужие земли, и тамо собравши по соразмерности моих сил богатство учености, возвратился с оным в Отечество. По возвращении сюда с великим благоволением паки Вы меня приняли и весьма многие мне не только словами, но и самым делом во всем касательно до моего счастия в жизни являли вспомоществования.[16]

Обращаясь к этим же трем иерархам, Гавриилу, Платону и Иннокентию, учитель Славяно-греко-латинской академии М. Я. Завьялов,[17] называл их «распространителями и покровителями наук», не преминув упомянуть, что «архипастырская должность» наложена на них «свыше Духом Святым чрез избраннейшую Его помазанницу»,[18] то есть императрицу Екатерину II.

Как видно из приведенных примеров, дедикации высшим иерархам, среди которых Гавриилу отводилось первое место, прямо или

---

[16] *Дамаскин <Семенов-Руднев Д. Е.>*. Проповеди Святейшего правительствующего Синода конторы члена, Ставропигиального второкласного Заиконоспасского училищного монастыря архимандрита и Московской славено-греко-латинской академии ректора Дамаскина <…>, говоренные с 1775 года по 1782 год. М., 1783. С. VI–VIII.

[17] О нем см.: *Рак В. Д.* Завьялов М. Я // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 323–324.

[18] *<Дерем У.>*. Естественная богословия, или доказательство бытия и свойств Божиих <…> / с французского на российский язык переведено и издано трудами Михаила Завьялова. М., 1784. Ч. 1. С. 4 ненум.

косвенно адресовались и самой монархине. Посвящения Гавриилу приобретали особый смысл как обращения не только к «архипастырю», но и как к доверенному лицу императрицы. Н. И. Новиков и его сподвижники посвятили свой журнал «Утренний свет» (1779. Ч. 1) именно архиепископу Гавриилу, возможно, надеясь на его поддержку и предстательство перед Екатериной II. Переведя один из богословских трудов Феофана Прокоповича с латинского языка на русский, Я. Евдокимов сопроводил его дедикацией Гавриилу (в это время уже митрополиту), называя его «другим Феофаном», который «паствою <…> правит при Екатерине Великой».[19] Переводчик обращался к Гавриилу как к «первому пастырю и богослову». «Первослужителем престола» Всевышнего и «первым столпом <…> Святой церкви» назвала его и Е. А. Меншикова[20] в своей дедикации к переведенной ею «ироической» драме И. Ф. Кронека «Оленд и Софрония» (1780). Характерно при этом, что переводчица сочла необходимым так обосновать выбор столь почтенного адресата: «Невместным показаться может, что мой феатрального действия перевод посвящаю Вашему высокопреосвященству: но как намерение сего сочинения не иное что, как отменная ревность к христианской вере».[21]

Вполне естественно, что большинство посвящений Гавриилу, как и другим иерархам, принадлежит духовным лицам, а преподносимые им книги — это оригинальные и переводные сочинения в основном на религиозные и нравоучительные темы. Характерно, что в дедикациях иерарха часто называли «милостивейшим отцом и архипастырем», писали о своей «сыновней благодарности» и «сыновней преданности». «Вы первый основатель моего благополучия», — писал учитель семинарии при Александро-Невском монастыре М. Я. Клевецкий в посвящении Гавриилу своего «Руко-

---

[19] *Феофан Прокопович*. Богословское учение о состоянии неповрежденного человека <…> / переведенное с латинского Яковом Евдокимовым. М., 1785. С. 5 ненум.

[20] О ней см.: *Силинская Г. Г.* Меншикова Е. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К–П). С. 284.

[21] <*Кронек И. Ф.*>. Оленд и Софрония, драмма ироическая / с французского на российский переведена кн<ягиней> ктрн <Катериной> мншкв <Меншиковой>. СПб., 1780. С. 5 ненум.

водства к географии» (1773). Автор книги добавлял: «Самый сей труд есть плод милостивого обо мне Вашего смотрения».[22]

Но, хотя Гавриил официально считался «первенствующим» иерархом при Екатерине II, посвящений, адресованных Платону, значительно больше. Помимо ставших с 1770-х гг. традиционными многочисленных сборников, подносившихся учащимися Славяно-греко-латинской академии, Троицкой и Перервинской семинарии ко дню его тезоименитства, выявляется более пятидесяти книг с дедикациями Платону. Конечно, большинство авторов этих посвящений — писатели и переводчики из духовной среды.

Платон постоянно посещал семинарии, исключительно много внимания уделял преподаванию, проявлял постоянную заботу о своих учениках и, имея широкие интересы, поощрял литературные занятия семинаристов и преподавателей. Среди посвящавших ему свои труды были учителя Славяно-греко-латинской академии и семинарий: Агапит (А. Скворцов), Ефим Введенский, Михаил Завьялов, иеромонах Мефодий (М. А. Смирнов), иеромонах Моисей, Гавриил Смирнов, Иван Сокольский, префект Троицкой семинарии иеромонах Мельхиседек (М. К. Заболотский), студенты Александр Мельгунов, Матвей Соколов и многие другие. Большинство из них благодарили Платона за «отеческие милости», называли его «основателем своего благополучия», вспоминали, что «с самых младых лет» пользовались его благотворениями. В текстах этих посвящений нередко можно найти воспоминания о том, как Платон помогал им на протяжении многих лет. Так, учитель греческого языка Г. А. Смирнов писал: «Вашим милостивейшим дозволением вступил я в учение, преподаваемое в Троицкой семинарии, Вашим благоразумнейшим повелением обучался я греческому простому языку в греческом монастыре, Вашим отеческим попечением продолжал учение в Московской академии, Вашею отменною прозорливостию возложена на меня должность учителя <…>».[23] Священник Илья Михайлович Кандорский, подписывавший свои дедикации Платону «Илья Ми-

---

[22] *Клевецкий М. Я.* Руководство к географии с употреблением земного шара и ландкарт… СПб., 1773. С. 5–6 ненум.

[23] *<Герасим, патриарх Александрийский>*. Описание святой и богошественной горы Синайской <…> / переведенное с греческого простого языка на российский язык <…> Гаврилом Смирновым. М., 1783. С. 8–9 ненум.

хайлов», признавался: «<…> отеческое Ваше благорассмотрение по смерти отца моего при великом сиротствующих семействе меня восставило на степень совершенного состояния <…>».[24]

Учитель Вятской семинарии Авраам Серебренников (позднее в монашестве Амвросий),[25] ставший вскоре преданным учеником Платона, называл его «словесных наук любителем, прирастителем и покровителем», обращаясь к нему со стихотворным посвящением, предпосланным «Поэме на день восшествия на всероссийский престол <…> Екатерины Алексеевны <…>» (1772). Замеченный и поощренный Платоном, Амвросий был переведен в Троицкую семинарию, а затем в Славяно-греко-латинскую академию, где, приняв монашество, стал префектом. Своему покровителю он посвятил подготовленное им учебное пособие «Краткое руководство к оратории российской…» (1778, 2-е изд.: 1791). В дедикации говорилось:

> Нет сомнения, что благонравие всего человеческого рода зависит от истинного просвещения; но если науки, сей в разуме свет возжигающие, лишатся покровительства и ободрения, то бесполезны будут воздвигнутые для них великолепные здания; погаснет ревность, и невежество повсюду распространится. <…> умножилось просвещение с тех самых времен, когда науки не только в обладателях, но и в сынах российских нашли усердных любителей своих и отличных меценатов, в числе которых Вашему высокопреосвященству достойное великих Ваших заслуг преднаписать место самая справедливость всякого убедить должна. Не исчисляя всех благотворений, сию истину и добродетели Вашей души свидетельствующих, я на себе то дознаю, пользуясь доныне не только отеческим Вашего высокопреосвященства о мне попечением, милостию, благодеяниями, но и в исправлении самого сего издаваемого на свет руководства советами.[26]

Наконец, свой перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» Амвросий также посвятил Платону, восхваляя его «любовь к вере

---

[24] Христианин, здраво рассуждающий о презрении сует мирских / Пер. с лат. <И. М. Кандорского>. М., 1795. Ч. 1. С. 5–6 ненум.

[25] См. о нем: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Серебренников (Серебряков) А. Н. (в монашестве Амвросий) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3: (Р–Я). С. 116–118.

[26] *Амвросий <Серебренников А. Н.>*. Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778. С. 5–6 ненум. Это же посвящение помещено во втором издании (М., 1791).

и к наукам»: «Колькратно удивлялся я Вашей ревности по законе, Вашей неутомимой охоте и тщанию в слове Божием, Вашим о размножении блага наук попечениями, наконец, благосклонности к любящим их!»[27] Правда, в основу труда Амвросия был положен неопубликованный перевод А. Г. Строганова,[28] а в предисловии Амвросий сделал ряд критических замечаний по поводу «излишеств и погрешностей» Мильтона, который «влагает в уста ангела разговор материалиста». Но самый факт явно одобренной Платоном публикации первого полного перевода поэмы «Потерянный рай», был важным событием русской культуры. В ряде других посвящений упоминалось, что работа по переводу той или иной книги была предпринята по совету Платона.

В посвящениях духовных лиц часто подчеркивалось благочестие Платона, его преданность идеалам христианства. Так, И. Сокольский называл его «великим министром Иисуса Христа, именитым поборником веры и чистейшим проповедником учения Его».[29] Переводчик, скрывший свое имя за инициалами «Н. В.», видел в Платоне «апостола Христова».[30] Иван Ставровский сравнивал его с апостолом Павлом.[31] И. М. Кандорский называл Платона «христианином-философом», Соломоном-Павлом.[32]

Искреннее уважение к Платону как человеку, широко образованному, истинно просвещенному и гуманному, испытывали не только люди из духовной среды. Чрезвычайно высок был его авторитет среди профессоров и преподавателей Московского университета.

---

[27] Потерянный рай, поэма героическая. Творение г. Милтона / Переведено с французского языка. М., 1780. С. 5–6 ненум.

[28] См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 138.

[29] Сокращение историческое жизни Иисуса Христа, его учения, его чудес и восстановления его церкви / Перевел с французского Троицкия семинарии учитель французского и немецкого языков учитель Иван Сокольский. М., 1785. С. 5 ненум.

[30] Смерть и страдание господа нашего Иисуса Христа <…> / Перевод с лат. М., 1784. С. 5 ненум.

[31] Неоспоримое доказательство о истине веры християнския, или Рассуждение о обращении и апостольстве святого Павла / Переведено с французского И<ваном> С<тавровским>. М., 1786. С. 5–6 ненум.

[32] <*Гервей Дж.*>. Благоговейный зритель природы<…> / <Перевод И. М. Кандорского>. М., 1800. С. 5 ненум.

Об этом свидетельствуют, в частности, два посвящения Платону от профессора права и истории Ф. Г. Дильтея и его ученика Сергея Горчакова, фурьера Преображенского полка, помещенные в одном и том же выпуске «Детского атласа», текст которого был написан Дильтеем, а переведен Горчаковым. Упоминая о «глубоком знании наук и языков», отличающем Платона, Горчаков писал о его заслугах: «<…> семинарии, вновь основанные Вашим высокопреосвященством, доказывают вообще Ваше к наукам усердие и Вашу к умным людям любовь. Академия славяно-греко-латинская Вам должна свое приращение, ибо Вы прибавили к учению французский и немецкий языки; Вы умножили число учащихся и библиофику <…>».[33]

Большинство изданий с дедикациями Платону печаталось в университетской типографии Н. И. Новикова. Н. Е. Попов, учитель латинского синтаксического класса в Московском университете и член Педагогической семинарии, в своем посвящении к переведенной им книге называл Платона «российским Демосфеном» и восхищался его заботами о том, «чтоб свет учения отчасу более и более сиял между народом».[34] В учебнике профессора Х. Ф. Маттеи «Грамматика латинская», изданном в 1782 г. на латинском и русском языках (перевод тоже принадлежал Н. Е. Попову), было помещено посвящение Платону на латинском языке за подписью «Doctissima Societas Litteraria Amicorum» — «Дружеское ученое общество». Этот факт подтверждает предположение В. П. Семенникова[35] о том, что автором дедикации за подписью «Н. Н.» в книге «Летопись <…>» Димитрия Ростовского (1784), вышедшей в типографии И. В. Лопухина, был Н. И. Новиков. Известно, с каким вниманием издатель «Древней российской вивлиофики», относился к публикации документов, связанных с историей России. Известно и о его плодотворном сотрудничестве с Платоном. В дедикации говорилось:

---

[33] *Дильтей Ф. Г.* Детский атлас / переведен с французского на российский и с российского на французский Сергеем Ивановичем Горчаковым <…>. М., 1777. Т. 6. Ч. 1. С. 7 ненум.

[34] *<Цолликофер Г. И.>* Две проповеди о предохранительных средствах от грехов прелюбодеяния / переведенные с немецкого на российский <…> Николаем Поповым. М., 1781. С. 5 ненум.

[35] *Семенников В. П.* Книгоиздательская деятельность Новикова. Пг., 1921. С. 414.

Посвящая Вашему Высокопреосвященству книгу сию, святостию сочинителя ея знаменитую, свидетельствую тем истинное мое высокопочитание к особе Вашей яко архипастырю древнего первопрестольного во благочестии прославившегося града Москвы, духовный жезл правления с кротостию, любовию и правотою носящему; яко ревностному в российской церкви учителю, сладкоречием проповеди слова Божия не токмо в пределах отечества, но и вне оных достойно прославленному; яко мужу, добродетелями, высокими знаниями и науками украшенному. Да будет сия от искренности приносимая жертва столько благоприятна Вашему Высокопреосвященству, сколько того желает пребывающий всегда с истинною преданностию Вашего Высокопреосвященства всепокорнейший слуга Н. Н.[36]

Книга с этим посвящением вышла за год до того, как в декабре 1785 г. Екатерина II предписала Платону испытать Новикова в законе Божием. Архиепископ проявил немалую смелость и независимость: он не только не обвинил Новикова, но дал ему исключительно высокую оценку:

Как пред престолом Божьим, так и пред престолом твоим, всемилостивейшая государыня императрица, я одолжаюсь по совести и сану моему донести тебе, что молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, всемилостивейшая государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков.[37]

Императрица, очевидно, рассчитывала на совершенно иной отзыв, но свое недовольство постаралась не выказать: слишком велик был авторитет Платона.[38] Иерархи иногда действовали совсем не так, как ей хотелось бы. Ученик Платона Амвросий (Серебренников) в 1789 г. с похвалой отозвался о масонских изданиях, уже запрещенных Синодом, а вредной и «слову Божию противной» нашел лишь одну книгу, а именно — упоминавшийся роман Мармонтеля «Велизарий» в переводе императрицы и ее приближенных.[39] Характерно, что и после правительственных репрессий участники

---

[36] <*Димитрий (Туптало Д. С.)*>. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского <…>. М., 1784. С 5–6 ненум.

[37] *Новиков Н. И.* Избранные сочинения / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1951. С. 579. Впервые: Москвитянин. 1842. № 5. С. 130–131.

[38] Подробнее см.: *Кочеткова Н. Д.* Кружок Н. И. Новикова и архиепископ Платон // In memoriam 100-летию со дня рождения Георгия Пантелеймоновича Макогоненко (1912–1986). Сб. статей и воспоминаний СПб.; Симферополь, 2013. С. 4–15.

[39] См.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 128–129.

новиковского кружка сохранили самые добрые отношения с Платоном. Публикуя свои стихотворные переложения псалмов, Лопухин решил посвятить их именно Платону. Дедикация была предельно лаконична и внешне вполне официальна: «Его высокопреосвященству Святейшего Правительствующего Синода члену, митрополиту московскому и калужскому и Свято-Троицкия Сергиевы Лавры священно-архимандриту Платону, милостивому архипастырю с высокопочитанием подносит ст[атский] сов[етник] И. Лопухин».[40] В этих кратких словах выразилась благодарность одного из участников новиковского кружка знаменитому иерарху, проявившему в свое время сочувствие к несправедливо гонимым. Дар был принят Платоном с благодарностью: в декабре 1797 г. Лопухин писал И. П. Тургеневу: «На сих днях в праздничный гостинец сделал я новое исправленное и красивое издание тех шести псалмов моих <…>. Праздничный этот подарок митрополиту, которому я и дедиковал. Первые ему полюбились. Я это знаю из письма его ко мне».[41]

Нравственному авторитету Платона сопутствовала слава блестящего оратора, признанная как в духовной среде, так и в светской. Учитель Троицкой семинарии М. М. Вышеславцев[42] хорошо написал об этом в своем посвящении Платону:

> Между всеми трудами, которые приносят честь человеку, труд, употребляемый на то, чтоб добродетель сделать приятною и всем любезною, по справедливости есть превосходнейший и важнейший. Таковым трудом Ваше высокопреосвященство беспрестанно занимаетесь; а что он не тщетен, свидетелем тому целое отечество наше. Вы, будучи исполнены добродетели, столь живо и столь прекрасно умеете ее описывать, что невозможно внимательно слушающим Вас не любить ее всем сердцем, которого Вы знаете сокровенные пружины, коими Вы столь искусно и столь счастливо действуете. Вы говорите всегда языком природы, Ваш глас есть глас сердца, который оно удобно понимает и ощущает, и который, будучи соединен с превосходными деяниями Вашими, не только внушает высокие понятия, но вместе и мужество исполнять оные на самом деле.[43]

---

[40] <*Лопухин И. В.*>. Подражание некоторым песням Давидовым. М., б. г. С. 3 ненум.

[41] ГАРФ. Ф. 1094. Оп. 1. № 29. Л. 18 об.

[42] О нем см.: *Рак В. Д.* Вышеслацев М. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: (А–И). С. 182–183.

[43] <*Беранже Л.-П., Гибо П.-Э.*>. Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов <…> / Переведено с французского в Троицкой семинарии учителем М. В<ышеславцевым>. М., 1790. Ч. 1. С. 5 ненум.

Об огромном эмоциональном воздействии выступлений Платона на слушателей свидетельствует и стихотворение В. А. Жуковского «Платону неподражаемому, достойно славящему Господа» (1800):

Платон, великий муж, когда ты прославлял
Нам кроткого отца в Зиждителе вселенной,
Тогда я с пламенной душою, восхищенной,
К Творцу Всемощному моленье воссылал:
Да благостью своей Платона сохранит,
И драгоценны дни Великого продлит.[44]

В отличие от Платона и Гавриила, другие проповедники пользовались известностью в сравнительно небольшом кругу, что отразилось и на числе обращенных к ним дедикаций: чаще всего они единичны, изредка два-три посвящения в книгах, авторы или переводчики которых связаны с адресатом местом учебы или службы. Можно выделить лишь Амвросия (А. И. Подобедова, 1742–1818),[45] друга и сподвижника Платона, который также прилагал усилия для открытия новых духовных учебных заведений и поддерживал переводческую деятельность семинаристов. Когда он был епископом Крутицким и Можайским, ученики благодарили его за «благодеяния, изливаемые на питомцев муз», посвящая ему свой переводной труд.[46] Обучавшийся в Крутицкой Лаврской семинарии студент философии Кодрат Орлов писал в дедикации Подобедову, что видел со стороны епископа «особенное призрение», «премного ободряющее и заохочивающее к прилежнейшему исканию просвещения».[47] О «приверженности от самой своей юности» к «священной особе» епископа упоминал Василий Беляев, переводчик книги Р.-Ф.-Р. Беллармино «Наука благополучно умирать…» (1783). Позднее, в 1800-е годы,

---

[44] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1999. Т. 1: Стихотворения 1797–1814. С. 38.

[45] О нем см.: *Бегунов Ю. К.* Подобедов А. И. (в монашестве Амвросий) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: (А–И). С. 448–450.

[46] <*Гергард И.*>. Мысленный вертоград, или Христианское упражнение… / Перевод с латинского языка. М., 1783. С. 5 ненум.

[47] <*Цицерон Марк Туллий*>. Одиннадцать писем разного содержания <…> / Выбранные и с латинского языка переведенные Крутицкой епархии обучающимся в Лаврской семинарии философии студентом Кодратом Орловым. М., 1784. С. 5–6 ненум.

когда Амвросий стал санкт-петербургским митрополитом, к нему продолжали обращаться с дедикациями (книги И. И. Дмитриевского, Г. А. Пакатского).

Единичные посвящения духовным лицам обращены чаще всего к руководителям духовных учебных заведений, наставникам или возглавляющим монастырь архимандритам. Нередко подчеркивалось благочестивое содержание книги, соответствовавшее образу мыслей адресата посвящения. В панегирической части обычно выделялись такие качества, как «ревность к закону», кротость, скромность.

Вместе с тем, эти дедикации по своему характеру и содержанию во многом близки посвящениям руководителям и преподавателям светских учреждений. Студент Славяно-греко-латинской академии Михаил Цветихин посвящал переведенную им книгу «Кабинет любомудрия» архимандриту Московского Спасо-Андрониева монастыря Симону, который был ректором этой академии.[48] Учитель Коломенской семинарии иеромонах Иероним дедиковал свой «первый опыт» в переводе с немецкого языка архимандриту Заиконоспасского училищного монастыря Павлу (П. И. Пономареву, 1745–1806). Переводчик благодарил своего наставника за полученные знания, внимание к его работе, за «любовь и милость»: «Вам я наипаче обязанным себя считаю и знанием того языка, с которого сие сочинение на природный наш язык преложить мне заблагорассудилось, и ободрением к изданию сего приятного для меня труда в публику».[49] Переводчик книги Дж. Холла «Внезапные размышления…» (1786), скрывший свое имя за инициалами «М. К.» и называвший себя «покорнейшим питомцем» архимандрита Успенского Отроча монастыря и ректора Тверской семинарии Илариона, вспоминал в дедикации о его благодеяниях во время своего воспитания. Студент Славяно-греко-латннской академии Лаврентий Мальцев посвятил свой переводной труд «Одиннадцать утренних евангелий…» (1787) Григория Карамевса (XII в.) «высокопреподобнейшему отцу ректору» Афанасию, называя его своим «благотворителем».

---

[48] См.: *<Костин А. А.>*. Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловия, примечания) // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 22–26.

[49] *<Гарвуд Э.>*. Радостные мысли о блаженстве благочестивой жизни / Переведенные с немецкого на российский язык учителем Коломенской семинарии иеромонахом Иеронимом. М., 1783. С. 5 ненум.

Подобные примеры можно умножить. В большинстве случаев авторы этих дедикаций обращались к своим адресатам прежде всего как своим учителям, наставникам, хотя далеко не в последнюю очередь и как к покровителям. Нередко упоминалось об их участии в издании подносимого труда. Так, Я. Евдокимов, посвящая свой перевод одной из книг Эразма Роттердамского епископу Великоустюжскому и Тотемскому Иоанну, подчеркивал: «<…> Перевод сей книги есть плод ваших ко мне благодеяний».[50]

Так же, как и при обращениях к людям светским, авторы дедикаций благодарили своих «милостивцев» за благотворения, полученные не только ими самими, но и их родственниками; иногда рассказывали об обстоятельствах своей жизни. Например, проживавший под Тамбовом Павел Никифоров доверительно рассказывал в посвящении своего переводного труда епископу Рязанскому и Шацкому Симону: «Преосвященнейший владыко, Вам самим небезызвестно, коликая есть трудность не только во отдаленной губернии, но и в самых столицах сыскать учителей ученых, вкупе и добронравных; однако ж родитель мой, не жалея иждивения и трудов, наконец сыскал для меня учителя достойного и со мной единую веру исповедующего. Если я нечто и почерпнул малое в науках и знание в немецком и французском языках, то всю честь сию отношу ему, которого я лишился уже третий год».[51]

Так же, как и в посвящениях государю или знатному вельможе, при всей неизменной почтительности, авторы дедикаций иногда переходили от официального тона к доверительному обращению на «ты».[52] Воспитанники Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, посвящая митрополиту Гавриилу свой переводной труд «Наставление детям в законе веры…» (1785), писали: «…мы твердо памятуем еще те мудрые наставления, которые Ваше преосвященство дали нам некогда своею особою, что без веры и добродетели

---

[50] Меч воинствующего христианина, или Христианин Христов воин / Сочинение Еразма Роттердамского, переведенное с латинского языка Яковом Евдокимовым. М., 1783. С. 5 ненум.

[51] Хаос есть следствием света / Переведена с французского на российский язык лейб-гвардии Конного полку вахмистром Павлом Никифоровым Темниковской округи в селе Богородском, Новое Мансырево тож. Тамбов, 1793. С. 6–7 ненум.

[52] Возможно, это было связано с известной в духовной среде новолатинской традицией.

быть счастливым не можно. Для того приими, высокопреосвященнейший влыдыко, сие малое наше приношение яко знак глубочайшего к особе Вашего высокопреосвященства почитания, любви и благодарности <…>».[53] «Приписывая» свою поэму на библейский сюжет «Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина» митрополиту Гавриилу, И. И. Казаринов[54] обращался к нему: «Удостой, великий архипастырь, незрелый сей мой труд милостивым Вашим воззрением».[55]

Одной из характерных особенностей посвящений иерархам со стороны духовных лиц было использование евангельских текстов. Так, традиционное для авторов предисловий и посвящений умаление своих заслуг сопровождалось напоминанием о бедной вдове, пожертвовавшей в сокровищницу свои последние две лепты (Марк 12: 41–44; Лука 21: 1–4). Студент Славяно-греко-латинской академии Николай Малинин в своей дедикации епископу воронежскому и елецкому Тихону (Т. С. Соколову, 1724–1783), стремясь оправдать недостатки своего переводного труда, писал: «Усердие творит две лепте выше тысящ серебра и злата».[56] Иеромонах Варлаам, восхваляя кротость архиепископа Гавриила, уподоблял его «тому великому Архиерею, который и две лепты, в корвану ввергаемые, похваляет <…>».[57] К этому же сравнению прибегнул и архимандрит Иероним (Понятский), обращавшийся к Гавриилу, тогда

---

[53] Наставление детям в законе веры <…> / Переведено императорского Сухопутного шляхетного корпуса воспитанниками. Под смотрением их в законе учителя Троицкой Новосерженской пустыни архимандрита Макария. СПб., 1785. С. 5 ненум.

[54] О нем см.: *Рак В. Д.* Казаринов И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К–П). С. 11.

[55] *Казаринов И.* Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина. Поэма в пяти песнях. М., 1798. С. 6 ненум.

[56] <*Псевдо-Августин*>. Зерцало мысленного с Богом собеседования <…> / Перевел с латинского языка Московской академии студент Н<иколай> М<алинин>. М., 1783. С. 5 ненум. Этот же образ использовал и выходец из духовной среды Н. Максимович-Амбодик в посвящении Екатерине II: он просит не отринуть его приношение, как «две лепте убогою Царю Царей от чистого сердца приносимые» (*Максимович-Амбодик Н.* Врачебное веществословие… СПб., 1783. С. 9 ненум.).

[57] <*Самуил Марокканский*>. Златое сочинение Самуила раввина иудейского. СПб., 1778. С. 6 ненум. Тот же текст посвящения Варлаама архиепископу Гавриилу был помещен и во втором издании: СПб., 1787.

уже митрополиту, со словами: «<…> ободряюсь надеждою, что Ваше Высокопреосвященство сие малое мое приношение благоволите принять столь же милостиво и великодушно, сколь милостиво было принято евангельской вдовицы приношение Великим оным Архиереем».[58] Священник Егор Иларионов писал, обращаясь к Платону: «Когда брал я смелость посвятить великому имени твоему сей первый плод моих трудов, тогда живо представлял я себе оную убогую вдовицу, которая и две лепты не усумнилась принесть в дар Богови. Она, что имела, то и принесла; мал был дар ее, но вместо того велико было усердие. Сими-то чувствованиями ободрен, приношу и я свои две лепты пред отеческое лице твое, великий архипастырю! Приими убо их благодушно и благослови пастырски слабую оную жертву».[59] В. М. Протопопов, обращаясь к епископу коломенскому и тульскому Афанасию и подчеркивая свое смирение, упоминал лишь о «единой лепте» и выражал надежду, что она будет принята благосклонно.[60]

Встречаются также реминисценции и из других евангельских текстов, в частности упоминание о свече, которую следует ставить так, чтобы она светила во всем доме (Матфей 5: 15). В дедикации Платону, предпосланной переводному труду Гаврилы Смирнова, адресат уподоблялся «свеще, возложенной на свещник и воссиявшей по всей вселенной».[61] Этот же образ был использован в стихотворном посвящении Платону от Севской семинарии:

«Светильника, — изрек Спаситель, —
Под спуд не ставят, ни под одр».

---

[58] <*Цолликофер Г. И.*>. Надежное руководство родителям и учителям к разумному христианскому детей воспитанию <…> / Собирал переводом с немецкого языка и в настоящее привел расположение Н<ижегородского> П<ечерского> М<онастыря> Архимандрит Иероним <Понятский>. СПб., 1798. С. 6 ненум.

[59] *Иларионов Е.* Услаждение жизни моей, или Христианин во уединении, уклонившийся от мира. Российское сочинение. М., 1799. С. 5 ненум.

[60] <*Тургенев И. П.*>. Кто может быть добрым гражданином и верным подданным? / С французского на российский перевел серп<уховский> пртпп <протопоп> Василий Протопопов. М., 1796. С. 5 ненум. О В. М. Протопопове см.: *Рак В. Д.* Протопопов В. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К–П). С. 502–504.

[61] <*Герасим, патриарх Александийский*>. Описание святой и богошественной горы Синайской <…> / Переведенное с греческого простого языка на российский язык в Московской славяно-греко-латинской академии греческого языка учителем Гаврилом Смирновым. М., 1783. С. 6 ненум.

На свещнице и Ты, Святитель!
Сияешь всем, сый пастырь добр.[62]

Хотя стихотворные книжные дедикации духовным лицам встречаются не часто, но они представляют собой своеобразную параллель многочисленным сборникам Московской академии и семинарий, включавшим стихи самых разных жанров (оды, идиллии, эпиграммы и т. д.) и изощренных форм. Интересен в этом отношении опыт посвящения-акростиха, сочиненного А. Ф. Протопоповым и обращенного к епископу Павлу:

Письмо к Г…
Едина бедственной сей жизни есть отрада,
Питать грядущего* свой дух надеждой града
И сердце к оному свое располагать,
Спокойством совести все зло превозмогать.
Кто ж может сей излить бальсам души чудесный?
О, откровение! О, велий дар небесный!
Покой на полных дух мой тайнами лучах:
Устал он, мещущись и зол, и бед в волнах!
Почтенный муж, кого я здесь не именую,
А сердцем, как любовь и долг велит, чувствую!
В словах твоих когда утехи я искал,
Любовь к Священному Писанию внимал:
Уста твои хвалу ему всегда вещают,
Псалмы Давидовы и дух, и мысль пленяют
Речений важностью и слога красотой,
Отрадою в бедах и таинств высотой.
Творениям сам Бог издатель есть толиким!
Осмелясь я мужам последовать великим,
Преложиим на стихи Божественны псалмы,
Оставившим пример да подражаем мы,
Похожи на мои взяв песни приключенья,
От скорби я вспевал, Господня ждый спасенья.
Возьми под свой покров со мною сей прелог,
А слабость ту прости, что в нем не красен слог.

*Евр. [Послание апостола Павла евреям] 13: 14;[63] [«Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего»].

---

[62] Торжество Севских муз. Апреля 22, июня 30 и сентября 23 дней 1784 года. М., 1784. С. 4 ненум.

[63] <*Протопопов А.*>. Смысл псалмов царя и пророка Давида, избранных по произволению трудившегося, преложенный стихами в Нижнем Новгороде. М., 1797. С. 3 ненум.

По начальным буквам акростих читается: «Епископу Павлу [от] Протопопова».[64]

При всем разнообразии форм посвящения духовным лицам объединяет то обстоятельство, что эти дедикации обращены к православным служителям церкви, преимущественно к высшим иерархам (митрополитам, архиепископам, епископам), а также архимандритам крупнейших монастырей и руководителям духовных академий и семинарий. Интересное исключение составляет посвящение учителя Славяно-греко-латинской академии А. Платонова, переводчика книги Л. Коронаро «Опытом дознанное средство здорово и долго жить» (1800), обращенное к пастору московской Новой лютеранской церкви Георгию Федоровичу Гейдеке (Heidecke Benjamin, ум. 1811). А. Платонов писал: «Имея счастие быть в союзе Вашего дружелюбия, не забывал я ничего, касающегося до соответствования Вашему добродушию и благожеланиям. Будучи же всегдашним зрителем великой ревности Вашей к российскому языку и тщательного упражнения в оном, за приличное и довольное почел я в знак великого усердия посвятить Вам сей малый перевод <…>».[65]

Приведенный материал свидетельствует о том, что посвящения духовным лицам, создававшиеся в рамках уже установившейся традиции, были достаточно разнообразны и имели свою специфику. Авторами этих дедикаций были в основном тоже люди из духовной среды или тесно связанные с ней, и изданные ими книги, по преимуществу переводные, составили важную часть общей русской культуры. При всей панегирической заданности жанра эти дедикации отразили представления авторов и об идеальном духовном наставнике, и об общечеловеческих нравственных ценностях.

---

[64] Об А. Ф. Протопопове см.: *Шишкин А. Б.* Протопопов А. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К–П). С. 500. Акростих прочтен здесь ошибочно: «Епископу Павлу Протопопову».

[65] <*Коронаро Л.*>. Опытом дознанное средство здорово и долго жить <…> / Переведено с немецкого языка Московской славяно-греко-латинской академии учителем Афанасием Платоновым. М., 1800. С. 5 ненум.

И. КЛЕЙН

СЛУЖБА, ЛЕНЬ И «СЛАДОСТНЫЙ ДОСУГ» В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА*

Beatus ille, qui procul negotiis...
Гораций, II эпод

Лень и праздность — популярные темы русской литературы XVIII века.[1] Один из многочисленных примеров встречается в моралистическом журнале Новикова с говорящим именем «Трутень». В предисловии к первому номеру журнала выступает в качестве редактора молодой дворянин, который по своей лени может «равняться с наиленивейшими гишпанцами». Этот прототип Обломова просиживает «часто по целой неделе <...> дома для того только, что лень одеться». По той же причине он не хочет служить, «ибо всякая служба не сходна с <... его> склонностию». Военная служба кажется ему слишком «беспокойной» и гражданская — слишком «хлопотливой». Придворная служба также не устраивает его, поскольку ему лень освоить «наизусть науку притворства».[2]

---

* При переводе данной статьи мне помогала И. А. Паперно.

[1] О лени в русской литературе см.: *Engel-Braunschmidt A.* Russkaja len': Über die axiologische Unbestimmtheit der Faulheit in der russischen Literatur // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 81–104.

[2] Сатирические журналы Н. И. Новикова / Под. ред. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 45–46.

© И. Клейн, 2017

Мотив службы заслуживает здесь особенного внимания. Он дает нам ключ к тому специфическому значению, которое принимают понятия лени и досуга в русском дворянском обществе XVIII в. Понятие досуга употребляется при этом не в нейтральном значении свободного от работы времени, а в положительном смысле otium'а. Речь идет о творческом или созерцательном досуге в духе Горация.[3] Вспомним, например, горацианскую Сатиру VI Кантемира «О истинном блаженстве» (1732–1738). Поэт изображает здесь предмет своих мечтаний: «Малый свой дом, на своем построенный поле, / Кое дает нужное умеренной воле / <...> / Где б с другом с другим я мог, по моему нраву / Выбранным, в лишны часы прогнать скуки бремя, / Где б, от шуму отдален, прочее все время / Провожать меж мертвыми греки и латыни, / Исследуя всех вещей действа и причины <...>».[4]

В данной статье мы увидим на примере Карамзина, Дмитриева и Державина какую значительную роль играет проблема творческого досуга[5] в биографиях этих авторов и вообще в русской культуре конца XVIII — начала XIX века. Кроме того, постараюсь показать, как реализуется в русских условиях интеллектуальный потенциал

---

[3] См.: *Martin N.* Muße // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. VI. Basel, 1984. Sp. 257–260; *Trédé-Boulmer M.* Le loisir dans l'antiquité gréco-romaine // Cahiers de la République des Lettres. T. I: «L'otium dans la République des Lettres». Red.: M. Fumaroli. Paris, 2011. P. 91–110. См. также: *Stumpp G.* Müßiggang als Provokation // Arbeit und Müßiggang 1789–1914. Dokumente und Analysen. Hrsg.: W. Asholt, W. Fähnders. Frankfurt am Main., 1991. S. 181–190.

[4] *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 147. Эксплицитную ссылку на Горация и его Сатиру VI книги II найдем в примечании Кантемира (С. 151).

[5] О досуге с точки зрения истории понятий см.: *Живов В. М.* Время и его собственник в России раннего Нового времени (XVII–XVIII вв.) // Очерки исторической семантики раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 62–71: «Досуг (слово и понятие)». Из этой работы явствует, что русское слово «досуг» отличается в XVIII веке от немецкого «Muße» тем, что оно было лишено положительной коннотации в духе горацианского otium'а. См.: Словарь Академии Российской. СПб., 1790. Т. 2. С. 733–734, где «досуг» истолковывается только в нейтральном значении как «свободное от нужных дел время». Это значит, что представление о творческом или созерцательном досуге существовало в России XVIII века только avant la lettre: оно существовало лишь как идеальное представление, а не как слово-понятие.

понятия otium'a,[6] а именно по отношению к такой фундаментальной институции русского общества как дворянская служба. В заключающих статью двух экскурсах речь пойдет об исторической семантике «лени» и «праздности» и о культурном значении «свободного времени» в России XVIII в.

Служба

Как известно, русская дворянская служба носила с эпохи Петра I принудительный характер, который был отменен лишь в 1762 г. Петром III и его «Манифестом о даровании вольности и свободы всему дворянству».[7] Однако это было освобождение лишь в формально-юридическом смысле, поскольку ожидалось от русского дворянина и в дальнейшем, чтобы он служил: служба теперь уже была не делом дворянской повинности, а дворянской чести. Если, другими словами, дворянин настаивал на своем новоприобретенном праве, отказываясь от службы или служа слишком короткое время, он терял всякое право на социальное признание. Петр III призывает в своем «Манифесте» «всех наших верноподданных и истинных сыновей отечества» к тому, чтобы «презирать» и даже «уничтожать» всех тех, «кои никакой и нигде службы не имели, но только <...> в лености и праздности все время препровождать будут». Таких «нерадивых о добре общем» дворян не следовало допускать «ко двору нашему», они также исключались «из публичных собраний и торжеств», т. е. подвергались остракизму.[8]

---

[6] См., например: *Pieper J.* Muße und Kult. München, 1952 (критика «тотального трудового мира» — «totale Arbeitswelt»); *Fumaroli M.* Préface: Loisirs et loisir // Le loisir lettré à l'âge classique / Éd.: M. Fumaroli et al. Genève, 1996. P. 5–26. Критика здесь направлена против коммерциализации досуга в современном обществе потребления.

[7] См.: *Романович-Славятинский А.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права <1870>. М., 2003; *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility 1762–1785. Princeton NJ, 1973; *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999; *Марасинова Е. Н.* Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33.

[8] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 15. № 11444. С. 914–915.

В России XVIII в. государственная служба считалась единственной в полном смысле легитимной формой существования для дворянина. Против этого представления выступает Н. М. Карамзин, когда он еще в начале нового века считает нужным восхвалять прилежного помещика,[9] чем он оспаривает нравственную монополию государственной службы. Однако в общей сложности считалось, что каждый, кто не служил или не служил достаточно долго, был не только лентяем, но и плохим патриотом. О несоразмерном значении службы и карьеры в дворянском сознании свидетельствует переписка последней трети XVIII в.;[10] чинопочитание было знаком эпохи.[11] Это положение дел начало меняться лишь к концу столетия, когда «фетиш» службы стал утрачивать свой монопольный авторитет.[12] Некоторые образованные дворяне ориентировались теперь на другие — внеслужебные — ценности, такие, как дружба, семья, природа; они углублялись в собственную душу или благоговели перед чудесами Божьего созидания. В этом развитии играли немаловажную роль сентиментализм и масонство.

Карамзин

К «новооткрытым» ценностям образованного дворянства принадлежала также поэзия. Для некоторых она теперь представляла собой гораздо больше, чем только изящное занятие в свободное время, а как нечто святое.[13] Молодой Карамзин пишет в 1787 г. свое программное стихотворение «Поэзия», эпиграф которого взят из первой песни христианского эпоса «Мессиада» Фридриха Готтлиба

---

[9] «Письмо сельского жителя» (1803) // *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: В 2 т. Л., 1964. Т. 2. С. 296.

[10] См. основную работу: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 80–83.

[11] См.: *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. New York/NY, 1966. P. 111–119; *Марасинова Е. Н.* Психология элиты. С. 61–94: «Преобладающий тип личности российского дворянина». См. также: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. (Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX века). СПб., 1994. С. 18–45: «Люди и чины».

[12] См.: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты… С. 88 и 95 и сл.

[13] См.: *Живов В. М.* Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 656–663: «Сакрализация поэта».

Клопштока; это место приводится в немецком оригинале: «Die Lieder der göttlichen Harfenspieler / Schallen mit Macht wie beseelend».[14] «Божественные арфисты» — это поэты; в дальнейшем идет речь о «священном поэте», о «святых гимнах», о «святом языке небес» и несколько раз о «святой поэзии».[15]

Карамзину шел в это время двадцать первый год. В более зрелые годы он уже не прибегал к таким торжественным тонам; однако нет сомнения, что он оставался всю свою жизнь верным таким «внеслужебным» ценностям, как поэзия и литература. Один биографический факт имеет в этой связи особенное значение: Карамзин покинул военную службу уже очень рано, в возрасте восемнадцати лет, против желания «родных», т. е. и покойного отца.[16] В автобиографическом фрагменте своего «Послания к женщинам» 1795 г. он говорит о причинах этого поступка:

> В чиновных гордецах чины возненавидя,
> Вложил свой меч в ножны («Россия, торжествуй, –
> Сказал я, — без меня!») ... и, вместо острой шпаги,
> Взял в руки лист бумаги,
> Чернильницу с пером,
> Чтоб быть писателем, творцом <...>.[17]

Фривольный тон этих стихов выражает неуважение к официальным ценностям: желание стать писателем соединяется у Карамзина с отвращением от культа службы и служебной карьеры. В одном более раннем стихотворении он обещает своему другу А. А. Петрову, что люди «не скажут ввек о нем», т. е. о Карамзине, «чтоб он чинов искал, / Чтоб знатным подлецам когда-нибудь ласкал».[18]

---

[14] *Пер.:* «Песни божественных арфистов звучат с одухотворяющей силой». См.: *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Под ред. Ю. М. Лотмана. Л., 1966. С. 58.

[15] *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений… С. 63, 58, 59.

[16] См.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 465 (Письмо Лафатеру от 14 августа 1786 года); немецкий оригинал см.: С. 484–486, здесь: С. 85.

[17] *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений… С. 170. О нелюбви Карамзина к чинам см. также: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 148.

[18] *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений… С. 105 **(**«На разлуку с П <Петровым>» (1791)**)**.

Вышедши в отставку, чтобы стать «писателем, творцом», Карамзин действовал не только против воли покойного отца, но он также нарушил обязательные для русского «сына отечества» нормы поведения.[19] Поэтому понятно, что Карамзин, который был с точки зрения этих норм «лентяем» и плохим патриотом, чувствовал потребность самооправдания. В одной статье 1797 г., написанной для французского эмигрантского журнала «Le Spectateur du Nord», Карамзин цитирует последнее — кронштадтское — письмо из своих «Писем русского путешественника». Путешественник, alter ego автора, здесь говорит о своем будущем, называя «сладостный досуг» (doux loisir) «предметом» своих «желаний» (l'objet de mes vœux). Под «сладостным досугом» он явно подразумевает otium litteratum в духе горацианства. Путешественник далее выражает свое известное нам уже отвращение от карьеры и чинов, «которые ослепляют чернь» (je méprise le luxe et ces marques futiles de distinction qui éblouissent le vulgaire). Тем не менее, он надеется быть «полезным» отечеству и хочет осуществить эту надежду, «трудясь на поприще лучшего из искусств — искусства слова <...>».[20]

Стремясь трудиться на поприще литературы, Карамзин мечтал о независимой жизни и творческом досуге. Однако его социальное положение небогатого помещика не давало ему возможности осуществить этот идеал.[21] Пришлось зарабатывать деньги «пером» и «чернильницей», что было трудно, так как в России еще не было развитого литературного рынка. Когда в начале XIX в. возник у Карамзина грандиозный план многотомной «Истории государства российского», ему не осталось ничего другого, как обратиться к императору Александру I за финансовой поддержкой. Как известно, эта просьба была удовлетворена: Карамзин был назначен придворным

---

[19] См.: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 15–16.

[20] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника… С. 462 («Lettre au Spectateur sur la littérature russe»). Карамзин цитирует в этой статье версию кронштадтского письма, которая не попала в окончательный текст «Писем». Это объясняется цензурой, которая при Павле I не пропустила бы такой полемики против «чинов» и «пустых знаков различий», т. е. против официального принципа социальной дифференциации.

[21] Подробнее см.: *Клейн И.* Между Аполлоном и Фортуной: Карамзин-писатель в социологической перспективе // *Miscellanea Slavica.* Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 186–200.

историографом с годовым жалованием в 2000 рублей. Не будучи связанной с идеологическими ограничениями, эта синекура обеспечила ему нужную свободу и нужный otium для его magnum opus.

Дмитриев

Проблема творческого досуга озадачивала не только Карамзина, но и его старшего друга И. И. Дмитриева. Мы знаем из воспоминаний Дмитриева, что поэзия была чем-то святым также и для него; он называет ее «порождением неба».[22] Однако он не решался идти путем Карамзина. Поддавшись, как Дмитриев сам признает, соблазну честолюбия,[23] он сделал блестящую карьеру, которую окончил в сане министра юстиции. Это решение в пользу карьеры было de facto решением против поэзии и против досуга. Дмитриев вспоминает о своей службе: «Тогда я не только не имел досуга, но даже и боялся развлекать себя стихотворством».[24]

Служба и поэзия были для Дмитриева несовместимы. Из этой дилеммы он нашел выход тем, что два раза прервал службу на довольно длительные сроки, чтобы посвятить себя поэзии. В первый раз это было в 1796 г., когда он прекратил военную службу на целый год: «Я хотел только получить спокойную независимость».[25] Пользуясь этой «независимостью» и живя в родительском поместье, Дмитриев любил скитаться по прекрасным местам Поволжья, чтобы черпать вдохновение для поэтического творчества.

После этого «лучшего пиитического года» своей жизни,[26] Дмитриев вышел в отставку, но вскоре получил при Павле I, который к нему благоволил, высокий пост в имперской бюрократии. Однако эта деятельность не удовлетворяла его — прослужив не больше двух лет, Дмитриев «возобновил», как он сам говорит, свою «авторскую жизнь»[27] на целых шесть лет (как можно предположить, его

---

[22] *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь <1823>. Cambridge, 1974 С. 66. (репринт изд.: СПб., 1895).

[23] Там же. С. 74.

[24] Там же. С. 65; см. также с. 54.

[25] Там же. С. 68.

[26] Там же. С. 48.

[27] Там же. С. 54.

побудила к этому шагу не только любовь к поэзии, но также и деспотический режим Павла I, его высшего начальника по службе). Дмитриев проводил это время в Москве, где жил в городской идиллии — в «деревянном домике с маленьким садом», «под густою тенью двух старых лип», которые он называл «Филемоном и Бавкидой».[28] Оттуда Дмитриев отправлялся за город «любоваться живописными окрестностями» Москвы; в остальное время он жил для своего «садика», для дружбы с Карамзиным и для поэзии. С годовым доходом в 3000 рублей[29] он вполне мог себе позволить такой otium. В 1806 г., при Александре I, Дмитриев снова поступил на службу, которую он покинул в 1810 г., в этот раз окончательно.

Державин и «Жизнь Званская»

Пришлось справляться с конфликтом между службой и поэзией также Державину.[30] От поэзии он ждал для себя земного бессмертия. Тем не менее, он также был всей душой чиновником; подобно Дмитриеву, он окончил свою карьеру министром юстиции. Однако Державин старался, в отличие от Дмитриева, совмещать деятельность чиновника с деятельностью поэта, что не было легко. Во введении к автобиографическим «примечаниям», которыми Державин прокомментировал свои стихотворения на старости лет, он пишет следующее, говоря о себе в третьем лице: «Все его известные сочинения писаны автором во время его службы с 1777 по 1805[31] год между дел, по случаям в праздное время, когда что удавалось».[32]

Кроме нехватки досуга были также служебные неприятности. Начальник Державина князь А. А. Вяземский упрекал его в злоупотреблении служебным временем в пользу поэтических занятий. Будучи чрезвычайно совестливым чиновником, Державин прини-

---

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] См.: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина… С. 143–164.

[31] Это неточная дата: Державин вышел в отставку не в 1805, а в 1803 г.; см.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина <1880>. М., 1997. С. 547.

[32] *Кононко Е. Н.* Примечания на сочинения Державина // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 110.

мал такие упреки всерьез и впоследствии не уставал утверждать, что пишет свои стихи только в свободное от службы время.[33]

Ролевой конфликт между службой и поэзией проливает свет на склонность Державина к определенному поэтическому жанру — к похвале деревенской жизни, далекой от сует большого города и от придворных каверз.[34] Этот жанр восходит к классической древности, а в особенности ко II эподу Горация с знаменитым началом «Beatus ille, qui procul negotiis...» — «Блажен, кто далеко от дел...».

Европейская традиция проецировала идеальную картину деревенского досуга на биографию Горация. В центре этого литературного мифа было имение в Сабинских горах, которое он получил в подарок от своего покровителя Мецената. Это был тот Сабинум, о котором так часто идет речь в поэзии Горация. Говорили, что он не принял лестного предложения императора Августа стать его секретарем, чтобы пользоваться творческим досугом в Сабинуме. Впоследствии Сабинум стал отождествляться с идеальным представлением о «горацианской» жизни и творческом досуге.

Думается, что именно такие представления привлекли Державина к поэтической похвале деревенской жизни. Он написал несколько стихотворений этого жанра, среди которых «Похвала сельской жизни» (1798),[35] свободный перевод II эпода Горация. Державин

---

[33] См.: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина… С. 162. Один автор сообщает, что нашел в державинских автокомментариях «почти дюжину» («almost a dozen») таких апологетических высказываний (См.: *Loewen D.* Questioning a Poet's Explanations: Politics and Self-Presentation in Deržavin's «Footnotes» and *Explanations* // The Russian Review. 2005. Vol. 64. P. 381–400, здесь: P. 392).

[34] См.: *Агамалян Л. Г.* Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии конца XVIII — первой половины XIX века // Державинские чтения. СПб., 1997. Вып. 1. С. 116–125; *Randolph J.* The House in the Garden. The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism. Ithaca/NY-London, 2007. P. 129–137. О немецкой традиции данного жанра см. основную книгу: *Lohmeier A.-M.* Beatus ille. Studien zum «Lob des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters. Tübingen, 1981. Державин знал некоторых из немецких поэтов, культивировавших похвалу деревенской жизни — Эвальда фон Клейста и Фридриха фон Гагедорна; см. его краткую автобиографию «Нечто о Державине»: *Кононко Е. Н.* Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 83.

[35] Я. К. Грот цитирует в своем комментарии к этому переводу рукописный фрагмент 1780-х гг. с начальной строчкой «Блажен тот, кто отдален от света....» (*Державин Г. Р.* Сочинения / 2-е академическое изд. СПб., 1869. Т. 2. С. 105). Не первая ли

русифицирует оригинал, римская усадьба превращается в русскую. К Горацию восходит также поздняя вершина поэтического творчества Державина: «Евгению. Жизнь Званская» (1807) — похвала деревенской жизни в форме дружеского послания. Державин писал «Жизнь Званскую» через несколько лет после ухода со службы. Званка была поместьем в северо-западной России, недалеко от Новгорода, где пожилой Державин любил проводить летние месяцы: это был его Сабинум; господский дом был построен в классическом стиле. Державин начинает «Жизнь Званскую» с фразы «Блажен, кто...», русским эквивалентом горациевой формулы «Beatus ille, qui...».[36]

Во II эподе Горация заслуживает особенного внимания образ римского ростовщика Альфия, который выступает в качестве лирического субъекта. Он представляет себе деревенское счастье со всевозможными подробностями, после чего снова обращается к своим нечистоплотным делам. Этим неожиданным финалом Гораций сводит на нет прекрасную иллюзию деревенской жизни. В отличие от подавляющего большинства немецких[37] и русских[38] переводчиков, Державин в своем переводе II эпода не убрал этот финал, а сохранил его, причем римский ростовщик превратился в русского откупщика.

Иначе обстоит дело в «Жизни Званской», где никакая ирония не мешает идеальности деревенской картины. Кроме того, лирическим субъектом является здесь не фиктивный, как у Горация, а автобиографический персонаж: сам автор в роли довольного собой и своей деревенской жизнью барина. В третьей строфе стихотворения встречается указание на пожилой возраст Державина. В восемнадцатой строфе читаем, что он любит уединяться в «святилище Муз», т. е. в своем кабинете, чтобы общаться с Горацием и Пинда-

---

это попытка Державина переводить II эпод или подражать ему? Дальнейшие образцы поэтической похвалы деревенской жизни в творчестве Державина: «Н. А. Львову» (1792), «Капнисту» (1797), «Деревенская жизнь» (1802). См. также переложение 1 псалма «Истинное счастье» (1789), начинающееся с горацианской формулы «Блажен тот муж, кто...».

[36] См. анализ «Жизни Званской»: *Смолярова Т. И.* Зримая лирика: Державин. М., 2011. С. 259–557.

[37] См.: *Lohmeier A.-M.* «Beatus ille» S. 77–78.

[38] См.: *Busch W.* Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964. S. 230. Автор нашел в общей сложности 19 русских переводов II эпода.

ром и воспевать «на лире» в том числе «сельску жизнь». В конце стихотворения лирический субъект, т. е. поэтический Державин, предается меланхолическим размышлениям о смерти и бренности бытия. Последняя строка напоминает эпитафию; называются два стихотворения Державина, которые больше всех остальных способствовали его литературной славе — оды «Бог» и «Фелица»:

Здесь Бога жил певец, — Фелицы.

В «Жизни Званской» есть много общего со II эподом Горация. Так, изображение деревенского счастья получает свое полное воплощение на контрастном фоне, который создается в начале стихотворения. Однако у Державина этот фон занимает больше места, чем у Горация. Также бросается в глаза, что контрастные мотивы Горация заметно отличаются друг от друга — речь идет и об ужасах войны, и о морской буре, и о надменных вельможах. Державин, напротив, рисует единую сферу бытия — петербургский двор, пышный театр великодержавной власти, административный центр Российской империи и его, Державина, рабочее место.

Вспомним в этой связи чрезвычайно неприятные и унизительные для Державина обстоятельства, при которых он в свое время покинул службу.[39] С этой точки зрения выражается в «Жизни Званской» горечь бывшего министра, который был вытеснен со службы, но теперь наслаждается деревенским покоем и свободой: то, что на самом деле было служебным поражением, осмысляется теперь как освобождение от ига службы (одно из стихотворений, которые Державин написал по поводу своей отставки, называется «Свобода»). Все это напоминает басню о лисице и кислом винограде.[40]

Правда, такое чтение «Жизни Званской» было доступно лишь тем читателям, которые знали жизненные обстоятельства Державина. Однако ничто не мешало другим читателям заметить, что в первых строфах стихотворения разоблачается петербургский двор как мир суеты и карьеризма, безграничной алчности ко «злату» и престижу, как мир, в котором задают тон высокомерные вельможи

[39] См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина… С. 547.

[40] Это представление постоянно навязывается при изучении европейской традиции данного жанра; см.: *Lohmeier A.-M.* «Beatus ille»… S. 267–404.

и соблазнительные «сирены» — мир пустого блеска и безнравственности.

В этих первых строфах «Жизни Званской» не трудно узнать традиционные мотивы европейской критики придворной жизни;[41] однако в данном случае они приобретают новую — автобиографическую — актуальность. Дмитриев имел более мягкий характер, чем Державин, однако он также не скупился на резкие слова о своей гражданской службе, о начале которой он пишет: «Отсюда начинается <... мое> знакомство с происками, эгоизмом, надменностью и раболепством двум господствующим в наше время страстям: любостяжанию и честолюбию».[42]

Вспомним, что Державин находился уже несколько лет в отставке, когда писал «Жизнь Званскую». Поэтому деревенская идиллия изображена у него не как предмет тоскливого желания, как у Горация, а как счастливое настоящее. Тем резче вырисовываются сомнительные ценности придворной жизни. Им противостоят «настоящие» ценности личной независимости, свободы и прежде всего того «сладостного досуга», о котором мечтал Карамзин. Этот досуг является главной темой «Жизни Званской». Званский отшельник ушел от петербургской «узости» и «тесноты» и нашел деревенскую «свободу» — широкое пространство для спокойного, иногда и грустного размышления, для поэтического творчества и для радостного созерцания чувственного мира, красочное многообразие которого открывается ему в неторопливом течении прекрасного летнего дня.

Экскурс I:
Лень и праздность

Понятия лени (= свойство характера) и праздности (= соответствующее поведение)[43] имеют в России XVIII в. два основных значения. Первое значение относится к той общечеловеческой слабости, о которой идет речь в известной пословице «Праздность есть

---

[41] См.: *Kiesel H.* «Bei Hof, bei Höll». Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen, 1979.

[42] *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. С. 76, 83–84.

[43] См.: *Живов В. М.* Время и его собственник… С. 71–92: «Праздность (слово и понятие)».

матерь всех пороков».[44] Второе — специфическое — значение возникает, как мы видели, в контексте русской служебной этики XVIII в. Согласно этой этике труд представляет собой нравственную ценность не сам по себе, как это характерно для западноевропейской буржуазии, а только как определенная разновидность труда, т. е. государственная служба (последствием этого узкого понимания труда было пренебрежение такими неслужебными формами труда, как торговля или сельское хозяйство). Лень и праздность получают в этих условиях привативное значение не только по отношению к абстрактным понятиям труда и трудолюбия, но также и к исторически конкретному понятию российской государственной службы: лентяем называется тот дворянин, который не служит или не служит достаточно долго.

С этой точки зрения существовали в русской литературе XVIII в. три разновидности лентяев. Это были, во-первых, влюбленные пастухи и пастушки пасторальной поэзии со своим dolce far niente. Однако это были вымышленные персонажи — они жили не в русской действительности, а в поэтической Аркадии. Иначе обстояло дело со второй разновидностью литературных лентяев — со щеголями и щеголихами сатирической словесности. Они в глазах современников представляли собой печальное последствие петровских реформ — слепого подражания западноевропейским порокам. Третья разновидность российских лентяев также встречается в сатирической литературе; к ним примыкают в XIX в. как «Старосветские помещики» Гоголя, так и «Обломов» Гончарова. В описании деревенской родины Обломова мы неслучайно сталкиваемся с прозрачным намеком на помещиков фонвизинской комедии «Недоросль».[45]

То, что объединяет щеголей и щеголих, с одной стороны, и отсталых помещиков — с другой, это не только социальная, но и историческая коннотация: щеголи и щеголихи являются представителями послепетровского настоящего, отсталые же помещики — допетровского прошлого. При этом играет существенную роль типичный для исторического сознания XVIII в. дуализм «двух Россий» — ста-

---

[44] См.: Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Т. 4. С. 1065: «Праздность».

[45] *Гончаров И. А.* Обломов: Роман в четырех частях. Л., 1987. С. 110: «Времена Простаковых и Скотининых миновали давно».

рой и новой.[46] Этой схемой руководствуется, например, М. В. Ломоносов, когда пишет в своей похвальной речи в память Петра I, что великий царь «превратил» своими реформами «вред в пользу, леность в прилежание».[47] И. И. Голиков пишет в своих «Деяниях», что Петр I был «врагом праздности», и что «праздность» стала «постыдною» при нем[48] — т. е. она как будто не осуждалась в допетровской России.

Мы читаем подобное и в похвальной речи А. П. Сумарокова в память Петра: допетровская Россия знала только невежество, тьму, грубость, суеверие и «праздность». Праздность была корнем всех зол: она «ослепила» людей, так что они думали, что «новость и порядок <...> суть тяжкие грехи: вторая ересь».[49] Та же самая мысль встречается у Карамзина. Его путешественник считает, что «брадатые предки наши» отличались грубостью, невежеством, «скукой» (о которой пойдет речь ниже) и той же «праздностью».[50] Подобно Сумарокову, историческая семантика лени и праздности сочетается у Карамзина, как мы видим, с целым рядом отрицательных ассоциаций. Они характерны для распространенного в XVIII в. восприятия допетровской России; это русская версия «мрачного средневековья».

Праздность и лень имеют, кроме исторического, еще и культурно-географическое значение. Мы уже познакомились с одним вариантом этого значения в связи с редактором новиковского «Трутня»,

---

[46] См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 338–380.

[47] *Ломоносов М. В.* Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; СПб., 2011. Т. 8. С. 541.

[48] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам // Петр в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии) / Отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2006. С. 215.

[49] *Сумароков А. П.* Слово похвальное о государе императоре Петре Великом. Сочиненное ко дню тезоименитства ея императорскаго величества (Елизаветы Петровны. — *И. К.*) 1759 года // Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 2. С. 250.

[50] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника… С. 254 («Париж, Маия... 1790»).

который по своей лени превосходит даже «наиленивейших гишпанцев». Вторая разновидность данного значения более распространена. Мы сталкиваемся с ним, например, в «Записках» М. Н. Муравьева. Говоря о петровских реформах, он противопоставляет «трудолюбивым европейцам» «азиатцев, осужденных к неге <...>».[51] К этим «ленивым азиатцам» принадлежит также лирический субъект державинской оды «Фелица» в честь Екатерины II: татарский «мурза» Державина представляет собой восточную разновидность ленивого помещика. Тем ярче вырисовывается, с другой стороны, «европейское» трудолюбие императрицы; вспомним, что лентяй Обломов носит «халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу <...>».[52]

Сюда примыкает также незаконченная стихотворная комедия «Лентяй» (1800–1805) И. А. Крылова. Ее героем предстает еще один прототип Обломова с говорящим именем Лентул, который своей ленью ничем не уступает первому прототипу Обломова — фиктивному редактору «Трутня». Лентул, который проводит свои дни в непробудном сне, уподобляется в шестом действии крыловской комедии восточному «хану» и «султану».[53] В свою очередь, непрерывный сон является не только личной слабостью Лентула, но также историческим остатком «азиатской» праздности, лени и «неги» допетровских времен. В одной проповеди архиепископа Платона 1770 г. мы находим эксплицитный вариант этого мотива: Россия прошлого представляется здесь «дремлющей» страной, пробуждения которой «крайне опасались» «недоброжелатели».[54]

---

[51] *Муравьев М. Н.* <Из отдельных записей> // Петр I в русской литературе XVIII века. С. 249. У Карамзина допетровская Россия может также ассоциироваться с «азиатскими» условиями (см.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях <1811>. М., 1991. С. 33, 34).

[52] *Гончаров И. А.* Обломов. С. 8. Анализ символики обломовского халата см.: *Thiergen P.* Oblomovs Schlafrock // Festschrift für Erwin Wedel zum 65. Geburtstag. München, 1991. S. 465–477.

[53] *Крылов И. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 1. С. 514.

[54] *Платон (Левшин П. Г.).* Слово при случае совершаемых молитв над гробом Петра Великаго по причине одержанныя флотом Российским над Оттоманским флотом во Архипелаге славныя победы, 1770 года, июня 24 дня // Петр в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 237.

Экскурс II
Свободное время

Нет службы без свободного времени. Однако в русской культуре XVIII в. свободное время имело значение, которое не сводилось только к отдыху от службы и к заинтересованности государства в восстановлении трудовой силы служащих. Свободное время было также объектом реформенной деятельности в духе петровской культурной революции. Эта деятельность носила воспитательный характер; она должна была способствовать преодолению исторического прошлого, которое дискредитировалось как «варварское». Речь идет, говоря словами Норберта Элиаса, о «процессе цивилизации»,[55] только с той разницей, что понятие «цивилизации» имеет в данном случае не универсальное значение, как у Элиаса, а совпадает с более конкретным понятием петровской европеизации.

Свободное время стало в России XVIII в. объектом культурной политики. Это явствует из указа 26 ноября 1718 г., которым при Петре I были введены «ассамблеи»: человеку новой России следовало проводить свободное от работы время «европейским» образом, играя в карты, куря, танцуя и беседуя. В этих мероприятиях участвовали, как известно, и женщины, которые освободились таким образом от своей традиционной изоляции в тереме.

Реформаторские попытки этого рода имели место и после Петра I. Однако при этом сужалась социальная перспектива. В петровских ассамблеях участвовали, кроме дворян, также купцы и мастера-ремесленники. Теперь реформенные попытки относились только к благородному сословию. Нужно было создать новую дворянскую культуру по западному образцу: русский дворянин должен был отличаться не только от своих «брадатых предков», но также от нижних слоев населения. Нужно было легитимировать свой привилегированный статус не только законами, но также и европейской утонченностью личного поведения. С этой точки зрения, культурное значение свободного времени в России XVIII в. заключалось в том, что оно предоставляло дворянину возможность для демонстрации европеизированного поведения.

---

[55] См. знаменитую книгу: *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1997.

Екатерина II занимает в этом контексте особое место. Устраивая свои «petites soirées»,[56] она пыталась создать в Эрмитаже что-то вроде французского салона. Как хозяйка этих мероприятий она хотела играть роль знаменитой держательницы салона мадам Жофрен, с которой переписывалась.[57] Здесь должна была царствовать атмосфера изящной непринужденности; придворный этикет был приостановлен. У входа можно было читать: «Asseyez-vous, si vous voulez, / Où il vous plaira, / Sans qu'on vous le répète cent fois» — «Садитесь, пожалуйста, / Где хотите, / И не заставляйте меня / Повторять эту просьбу сто раз».

Екатерина знала, что она, в отличие от мадам Жофрен, не могла надеяться в своем «салоне» на неписанные законы благовоспитанности. Поэтому она сформулировала полушутливым тоном «десять заповедей» для своих гостей. Эти правила были написаны на деревянной таблице, которая сохранилась до сих пор; ее можно осматривать в Эрмитаже. Пятое из этих правил гласило: «Говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих тамо находящихся уши или голова не заболела», а девятое правило: «Кушать сладко и вкусно, а пить со умеренностию, дабы всякий всегда мог найти свои ноги, выходя изо дверей».[58]

В реформе внеслужебного поведения участвовали также российские подданные. Их усилия были, однако, направлены не на придворную знать, как у Екатерины, а на обыкновенных дворян. Одним из этих реформаторов был Карамзин как автор «Писем русского путешественника»: дидактическое содержание этого произведения сводится к личностному идеалу как чувствительного, так и просвещенного honnête homme à la russe.[59] При этом следует учесть, что само путешествие Карамзина, как будто не имеющее никаких практических целей, представляло само по себе образец интеллигентного препровождения свободного времени.

---

[56] См.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург <1887>. М., 1990. С. 206.

[57] См.: *Zaborov P. R.* Katharina II. und Madame Geoffrin // Katharina II., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg.: C. Scharf. Mainz, 2001. S. 319–330.

[58] См. каталог выставки: Treasures of Catherine the Great. London, 2000. P. 17.

[59] См.: *Клейн И.* «Искусство жить» у Карамзина // Художественный перевод. Сравнительное изучение культур: (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 232–245.

Другие реформаторы руководствовались более простыми ценностями, чем Карамзин. С одной стороны, они настаивали на том, чтобы занятия дворянства на досуге не были «грубыми», как в допетровском прошлом, а «благородными». Кроме этого, они проповедовали принципы пользы и нравственности. Эти педагогические усилия выражаются особенно наглядно в названиях литературных журналов: «Праздное время, в пользу употребленное» (1759–1760), «Полезное увеселение» (1760–1762), «Невинное упражнение» (1763), «Полезное с приятным» (1769), «И отдых в пользу» (1804).

Другой журнал назывался «Вечера» (1772). В программном введении редактор рекомендует своим читателям заниматься в свободное время не таким пустым развлечением, как игра в карты, а сочинением стихов.[60] Подобное можно читать и в посвященном Екатерине II стихотворении Державина «Благодарность Фелице» (1782): «Когда небесный возгорится / В пиите огнь, он будет петь; / Когда от бремя дел случится / И мне свободный час иметь, — / Я праздности оставлю узы, / Игры, беседы, суеты; / Тогда ко мне приидут Музы, / И лирой возгласишься ты».[61] Стихотворство противопоставляется здесь таким «праздным» занятиям как игра в карты и (банальные) разговоры. В качестве внеслужебной деятельности оно при этом подвергается сакрализации, которая отличается от карамзинской сакрализации поэзии лишь своим условно-мифологическим характером. Отметим, впрочем, некую парадоксальность приведенных стихов: в Российской империи даже Музы должны придерживаться служебного регламента; furor poeticus допусти́м только после работы. Известный нам уже ролевой конфликт между вдохновенным поэтом и совестливым чиновником выражается здесь особенно отчетливо.

В реформе свободного времени участвовал не в последнюю очередь деревенский житель и дворянин А. Т. Болотов. В его воспоминаниях[62] нельзя не заметить дидактического импульса, который пронизывает все это объемистое произведение: это своего рода учебник деревенского savoir vivre. В этом отношении сочинение Болотова

---

[60] Вечера. 1772. Т. 1. С. 6.

[61] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1864. Т. 1. С. 105–106.

[62] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т. 1–3.

является таким же типичным текстом XVIII в., как «Письма русского путешественника». Подобно Карамзину, Болотов изображает себя как человека европеизированной русской культуры, примеру которого должны следовать читатели. При этом вопрос о желательном для деревенского дворянина препровождении свободного времени занимает много места.

Главные ценности здесь — «невинность» и «польза». Выдвигая эти ценности, Болотов любит противопоставлять себя окружающей среде, занятия которой очень далеки от «пользы» и «невинности»: речь идет о пьянстве, распутстве, травле зайцев, уж не говоря о карточной игре. В другом тексте Болотов издевается над помещиком, который никогда не берет книги в руки, предпочитая проводить свободное время таким грубым, по мнению Болотова, занятием, как охота.[63]

Мы уже знаем, что «скука» предстает в «Письмах русского путешественника» рядом с праздностью, невежеством и грубостью одним из характерных признаков допетровского прошлого. То же самое читаем в воспоминаниях Болотова. Изображая себя человеком новой России, Болотов поэтому подчеркивает, что он не скучал в плохую погоду, как его деревенские соседи, но что он, напротив, бывал очень занят:

«<...> в сие время, не будучи так много развлекаем наружными предметами, имел я более и времени и досуга заниматься своими книгами, пером, кистями и разными другими любопытными и занимательными упражнениями, доставлявшими мне всегда тысячи минут приятных. Итак, принялся я опять за свои книги <...>, когда чтением оных, когда писанием, когда переводами чего-нибудь, когда переписыванием набело, или рисованием чего-нибудь, а когда то прискучит, то разными рукоделиями, а особливо переплетанием книг и оклеиванием их разными мною распещряемыми бумагами и другим тому подобным».[64]

Болотов занимается в свободное время также коллекционированием книг, садоводством, минералогией и медициной, впоследствии также сочинением стихотворений. Кроме того, он следит за своими манерами — будучи провинциалом, он предпринимает экскурсии

---

[63] «Забавы живущего в деревне» (начало 1790-х годов). Текст воспроизводится в: *Newlin*. The Voice in the Garden. Evanston Illinois, 2001. P. 196.

[64] *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения… Т. 3. С. 128.

в дворянское общество Москвы, чтобы приучиться к светскому лоску.

Среди изящных занятий, которые Болотов рекомендует своим читателям, занимает особое место домашний театр. Он устраивает для себя и своих детей спектакли, рисует кулисы и даже пишет пьесы. Болотов следует при этом «театромании», распространенной тогда как в Европе, так и в России. Из анонимного предисловия к «Драмматическому словарю» (1787) мы узнаем о воспитательном значении, которое имеет театр именно для провинциального дворянства. Автор хвалит «начальников, управляющих отдаленными городами», которые «придумали с корпусом тамошнего дворянства заводить благородные и полезные забавы; везде слышим театры, построенные и строящиеся»: вспомним театр, заведенный Державиным во время его губернаторства в Тамбове.

По мнению автора «Драмматического словаря», дворяне во многих уголках империи занимаются сочинением и переводом драматических произведений; кроме того, «дети благородных людей, и даже разночинцев, восхищаются более зрением театрального представления, нежели гонянием голубей, конскими ристалищами или травлею зайцев и входят в рассуждения о пиесах». Осуждая строгими словами кулачный бой «и другие веселия <...> прежних веков», автор радуется, что благодаря «премудрой обладательнице нашей (Екатерине II. — *И. К.*)», российское дворянство полюбило искусства, что теперь оно, «пользуясь просвещением нынешнего времени», находит «свою забаву <...> в чтении книг, музыке, в зрении театра и в протчих безбуйственных удовольствиях».[65]

---

[65] Драмматический словарь. СПб., 1880 (репринт изд.: СПб., 1787). [6], [4–5].

Е. Д. КУКУШКИНА, В. И. СИМАНКОВ

СЮЖЕТ «ЧУДОВИЩНЫЙ ШАНТАЖ» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ

К числу распространенных сюжетов мировой литературы, которые пришли в Россию в XVIII в., относится сюжет о вероломном властителе (управителе / судье / губернаторе) и несчастной женщине (невесте / сестре / жене), которая вынуждена пожертвовать честью, чтобы спасти жизнь своего возлюбленного (жениха / брата / мужа). При этом участь последнего — вне зависимости от нравственного выбора героини — как правило, уже предрешена.

В истории литературы отсутствует устойчивый и универсальный термин, которым можно обозначить столь мрачный сюжет. В англоязычных исследованиях творчества Шекспира было предложено называть сюжетных предшественников его пьесы «Мера за меру» (1603 или 1604, опубл. 1623) повествованиями о «чудовищном шантаже» (monstrous ransom).[1] Название это, может быть, и не совсем удачное, но вполне приемлемое, поскольку позволяет уйти от ненужных повторений.

Наиболее ранняя фиксация этого сюжета относится к 1523 г., когда в свет вышло сочинение Мартина Лютера «О светской

[1] *Lascelles M.* Shakespeare's *Measure for Measure*. London, 1953. P. 7; *Smith J. H.* Charles the Bold and the German Background of the «Monstrous Ransom» Story // Philological Quarterly. 1972. Vol. 51. № 2 (April). P. 380–393; *Walsh R.* [*J.*]. Charles the Bold and the „monstrous ransom" story // The Bulletin of the Society for Renaissance Studies. 1988. Vol. 5. P. 1–13.

© Е. Д. Кукушкина, В. И. Симанков, 2017

власти».[2] В его основу легли проповеди, прочитанные им в 1522 г. в Веймаре при герцогском дворе. В своей книге Мартин Лютер обращается к герцогу Иоганну Саксонскому. Говоря о том, чем должен руководствоваться правитель в сложных ситуациях, он пишет: «Справедливое, хорошее решение может и должно приниматься не на основании книг, а на основе здравого смысла, как если бы не существовало никаких книг. Подобное свободное решение дают любовь и естественное право, наполненные разумом; из книг вытекают ограниченные и недостаточно четкие суждения». Как пример правильного решения он приводит историю, которую рассказывают о герцоге Карле Бургундском. «Один дворянин взял в плен своего врага. Жена пленника стала просить об его освобождении. Дворянин, однако, согласился на это лишь при условии, что она переспит с ним. Будучи благочестивой, женщина вместе с тем очень хотела освободить мужа. Придя к мужу, она спросила, может ли она ради его освобождения согласиться на предложение дворянина. Муж, страстно желая освободиться и сохранить свою жизнь, разрешил это жене. Но дворянин, переспав с женщиной, на следующий день приказал отрубить ее мужу голову и показал ей казненного. Она пожаловалась герцогу Карлу. Тот вызвал дворянина и приказал ему взять в жены эту женщину. Когда сыграли свадьбу, [Карл] приказал отрубить дворянину голову, а женщине отдал его поместье и выдал ее вновь замуж, и, таким образом, чисто по-княжески наказал порок». Мартин Лютер так комментирует рассказанную им историю: «Смотри, такого решения ему не могли бы подсказать никакой Папа, никакой юрист, никакая книга. Оно принято при помощи чистого разума, который вознесся выше всех книг законов, рассудил на-

[2] Von weltlicher oberkeyt / [Von] Martinus Luther. Wittenberg, 1523. [Без пагинации («Mansagt von Hertzog Carol von Burgund…»)]. В своем сочинении Лютер напоминает, что подобную историю можно отыскать у св. Августина в его беседе о Нагорной проповеди. Действительно, у св. Августина есть рассказ об антиохийском консуле Акиндине, сюжет которого имеет отдаленное сходство с историей о «чудовищном шантаже», поскольку в нем отсутствуют ключевые детали (например, убийство мужа). Рассказ об Акиндине получил некоторое распространение — главным образом потому, что попал в словарь Бейля, а затем и к молодому Вольтеру, который использовал этот сюжет в рассказе «Кози-Санкта», чтобы высмеять религиозные представления янсенистов. Иного литературного следа история из св. Августина, по-видимому, не оставила.

столько хорошо, что всякий должен одобрить это и найти у самого себя в сердце настоящее право. Поэтому следует считать содержащееся в своде законов право ниже разума, из которого оно вытекает, как из родника права. А забвение связи права с родником ведет к пленению разума буквами».[3]

История, рассказанная Лютером, лежит у истоков множества версий этого сюжета, появившихся в XVI в. Современные историки до сих пор затрудняются определить, был ли этот эпизод на самом деле и о ком в действительности идет речь, поскольку в одних источниках говорится о наместнике Карла Отважного, в других — о самом герцоге Бургундском, в третьих — роль протагониста отводится отцу герцога, Филиппу Доброму. Широк разброс в географической привязке анекдота: Бургундия, Зеландия, Италия.

В 1988 г. Ричард Уолш опубликовал статью, в которой привел сведения о фламандской хронике 1531 г. В ней обстоятельно изложено происшествие, случившееся во время правления Карла Отважного (герцога Бургундского). Указано время и место действия — август 1469 г., Гаага.[4] Следует, однако, заметить, что американского исследователя существенно опередил голландский проповедник Исак ван Хардервийк (1784–1847), также указавший на фламандскую хронику.[5] Разыскания Хардервийка, опубликованные в 1833 г., прошли почти незамеченными и выпали из поля зрения шекспироведов, а также историков, занимающихся эпохой Карла Отважного.

Учитывая, что временной зазор между сочинением Лютера и фламандской хроникой составляет всего восемь лет, можно предположить, что источником Лютера была некая фламандская или голландская летопись, опубликованная до 1523 г., однако документальных подтверждений этой версии пока не обнаружено.

В XVI и XVII вв. история, произошедшая во время правления Карла Отважного, получила широкое распространение в европей-

---

[3] *Лютер М.* Избранные произведения. СПб., 1994. С. 162–163. (Перевел Ю. А. Голубкин).

[4] Dits die excellente Cronike van Vlaenderen. Antwerpen: Vorsterman, 1531. F. 148v–149r.

[5] Bijdrage ter beoordeeling van de waarheid des verhaals aangaande de regtspleging van Karel den Stouten / [Door] Isak van Harderwijk, Predikant // Vaderlandsche Letteroefeningen. Amsterdam, 1833. St. 2. Bl. 650–657.

ской литературе. Так, Шекспир заимствовал этот сюжет из сборника Джиральди Чинтио (1504–1573) «Hecatommithi» (1565, новелла «История Эпитии»). Новелла заканчивается трагически, брат Изабеллы лишается жизни. Другим источником Шекспира была пьеса Джорджа Уэтстона (предположительно 1544–1587) «Промос и Кассандра» (1578), также восходящая к новелле Чинтио, но вводящая новые сюжетные подробности (комические сцены, подмена женщины и предъявление головы другого казненного), в результате которых шекспировская «Мера за меру» утратила прежний трагизм.[6]

В XVIII в. все сочинения, использующие «чудовищный шантаж» в качестве главного сюжетообразующего мотива, распадаются на две группы, в зависимости от того, к какому историческому или псевдо-историческому событию они восходят.[7]

ЛИНИЯ ПЕРВАЯ («Ринсолт и Сапфира», «Орландо и Серафина»). В 1712 г. в знаменитом английском «Спектаторе» появился очерк Роберта Стиля, предложившего свою версию происшествия, случившегося во время правления Карла Отважного.[8] Стиль указал, что заимствовал сюжет из «Исторического и критического словаря» П. Бейля (как известно, этот «Словарь» послужил основой нескольких выпусков английского «Зрителя»), однако еще раньше он был изложен в «Увещаниях и прикладах политических» (1605) Юста Липсия. Р. Стиль дает действующим лицам вымышленные имена — Ринсолт и Сапфира (ни в одном историческом источнике такие имена не встречаются).

Версия «чудовищного шантажа», сконструированная в «Спектаторе», нашла широкий отклик в европейской литературе. Помимо непосредственных переводов этого очерка следует отметить также отдельные прозаические,[9] стихотворные[10] и драматические перело-

---

[6] Обзор литературы, посвященной источникам шексировской пьесы «Мера за меру», см.: *Gillespie S.* Shakespeare's Books: A Dictionary of Shakespeare's Sources. London, 2001.

[7] Рассматриваемый сюжет достигнет своего «апогея» в сочинениях маркиза де Сада. См.: *Delon M.* Chantage et trahison: la récurrence d'un scénario sadique dans la littérature française du dix-huitième siècle // Le Siècle de Voltaire: Hommage à René Pomeau / Éd. par C. Mervaud et S. Menant. Oxford, 1987. [Vol.] 1. P. 365–379.

[8] The Spectator. 1712. № 491 (Sept. 23).

[9] Rhinsault et Sapphira, histoire tragique. Avec Les Quatre Fleurs, conte. Paris, 1736.

[10] Rhynsolt und Lucia [S. den Spectator. Vol. 7. № 491] // Lehrgedichte und Erzählungen von C. F. Gellert. Leipzig, 1754. S. 116–122. Франц. прозаический пер.: Contes

жения. В Германии свои драматические версии представили, в частности, К. Ф. Мартини[11] и И. В. Розе,[12] в Италии — Камилло Федеричи,[13] в Англии — некий сочинитель, оставшийся неизвестным.[14]

В 1760 г. появился и первый русский перевод 491-го номера «Спектатора»: «Описание печального приключения, случившегося во владение Карла Отважного, герцога Бургундского / Переведено с французского П. П. [= П. Пастуховым]».[15] П. И. Пастухов получил образование в Сухопутном шляхетном корпусе, из которого был выпущен в 1761 г. поручиком армии, но остался при корпусе. В 1759–1760 гг. он опубликовал несколько переводов нравоучительного характера с немецкого и французского языков в журнале «Праздное время», издававшемся в типографии корпуса, а в 1760 г. редактировал этот журнал.[16] Известный сюжет трактуется как история о злодействе, нарушении нравственных правил и неминуемом наказании за это. Злодеем предстает Клодий Ринсолт, «родом немец», не имеющий «другого дарования, кроме храбрости», человек «из числа тех жестокосердных духов, кои находят удовольствие в нарушении невинности и красоты». Став по поручению «несрав-

---

poétiques de M. Gellert. Rhynsolt & Lucie // Choix de Poésies Allemandes, par M. Huber. Paris, 1766. T. 1. P. 326–329. В свою очередь, на основе переложения Геллерта, а также трагедии Х. Л. Мартини (см. примечание ниже), была создана пьеса неизвестного автора: Danvelt und Lucia. Ein Lustspiel in fünf Aufzügen / [Von J. A. K.]. Frankfurt und Höchst, 1778.

[11] Rhynsolt und Sapphira. Ein prosaisches Trauerspiel in dreyen Handlungen / [Von C. L. Martini, 1728–1801]. Altona und Leipzig, 1755.

[12] Rhynsolt und Lucie. Ein Trauerspiel in fünf Handlungen // Proben dramatischer Gedichte / [Von Johann Wilhelm Rose, 1742–1801]. Nürnberg, 1768. S. 1–100.

[13] Il duca di Borgogna, o siano i falsi galantuomini. Commedia in cinque atti in prosa / [Del Camillo Federici, 1749–1802]. Venezia, 1789.

[14] Zapphira: A Tragedy, in Three Acts. London, 1792.

[15] Праздное время, в пользу употребленное. 1760. [Ч. 4]. 9 сент. С. 170–175. Источник русского перевода: Recit d'une triste avanture, arrivée sous Charles le Hardi, Duc de Bourgogne // Le Spectateur, ou le Socrate moderne <…>. Traduit de l'anglois. Amsterdam, 1721. T. 5. P. 170–177. Сведения об английском оригинале: *Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 90 (№ 79).

[16] *Фоменко И. Ю.* Пастухов П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 413.

ненного в милостях и правосудии» герцога Карла губернатором Зеландии, Ринсолт влюбился в красавицу Сафиру, жену богатого купца Павла Данвельта. Чтобы устранить его со своего пути, Ринсолт обвинил купца в переписке с герцогскими неприятелями, которым он якобы обещал сдать город, посадил его в тюрьму и приговорил к смерти. Накануне дня казни Сафира «упала ему в ноги и, обняв оные, просила помощи». Однако «страсть истребила из него все следы человечества». Ринсолт объявил Сафире при каких условиях простит ее мужа. Она встретилась с мужем в тюрьме и тот, «почитая за стыд признаться, что страх смерти его к тому принуждает, промолвил несколько слов, кои значили, что не почтет он ее неверною». Сафира «предалась на произволения губернатора», после чего тот сказал ей «с веселым видом», «чтоб взяла она мужа своего из темницы» и что он принял меры «дабы впредь не было помешательства нашему свиданию». Женщина находит мужа казненным. «Призывая на помощь того, который мстит скоро или поздно за утесненную невинность», она приходит с жалобой к герцогу. Разоблаченный Ринсолт, «опамятовшись после изумления», заявляет, что готов жениться на Сафире. Их тотчас обвенчали, после чего Ринсолт был немедленно казнен. Таким образом, герцог Карл выступает в повести орудием божественной власти.

В 1794 г. та же версия рассказа, но теперь под названием «Ринзольт и Люция», появилась в новом переводе А. Ф. Лабзина. При этом переводчик воспользовался не стихотворным переложением Геллерта, хотя именно эти сведения указаны в конце публикации, а французской прозаической переделкой Михаэля Губера (Мишеля Юбера).[17] Об этом свидетельствуют текстуальные совпадения перевода с прозаическим вариантом.

Долгом «ученых людей, особливо писателей» Лабзин считал возможность «оживлять нравственность, подавать правила и таким образом утверждать основания общества». По его мнению «живо изображенная нравственность вдыхает почтение и поощряет к принятию подобных правил, и такие сочинения никогда не могут по-

[17] Ринзольт и Люция / Из Геллерта [Перевел с франц.] А. Л....н [= А. Лабзин] // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 4. № 91. С. 93–99. Французский источник русского перевода см. в примеч. 10.

честься вовсе бесполезными».[18] Нравственные наставления читателям Лабзин увидел, очевидно, и в рассказе о шантаже. В этом варианте сюжета появились новые детали, новые подробности в описании чувств персонажей, а также комментарии от лица рассказчика. Ринзольт «употребляет во зло силу правосудия» и использует подложные клеветнические письма, чтобы устранить Данвельта. «Что не возможно пороку, подкрепляемому силою?» — задается вопросом рассказчик. (У Геллерта речь идет не о «силе», а о «высокой должности» персонажа). Сцена свидания Люции с мужем построена как драматический диалог с лаконичными ремарками, изображающими их страдания. Герои находятся «в ужаснейшем волнении». Выбор между посрамлением добродетели жены и жизнью также делает муж, признав свое малодушие. Вскоре Люция находит мужа «обезглавленна и плавающа в крови своей». Она не желает ничего, кроме отмщения, и является ко двору Карла. Стыд не позволяет ей объясниться на словах, и она обращается к нему с письмом: «Карл читает, и глаза его наполняются слезами, славнейшими для него слезами, нежели для добродетели, которой служит она свидетельством. Государи! Какая похвала! Карл читает, и из глаз его катятся слезы!..». В финале Ринзольта также ведут на казнь.

Существенные изменения, которые произошли с сюжетом в России, демонстрирует одна из повестей, вошедшая в сборник И. В. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки» (СПб., 1785–1786. Ч. 1–2). Рассказ «О персидском шахе Али Бее и о любимце его, помрачившем добрые дела свои прелестьми одной женщины»,[19] как и другие тексты его книги, по-видимому, скомпонован из разных источников. В. Д. Рак отмечает его связь с очерком Стиля из «Спектатора», обнаруживает в нем элементы сюжетов из «Гептамерона» Маргариты Наваррской и не исключает влияния других печатных или рукописных источников, которые могли оказаться в поле зрения автора-компилятора.[20]

---

[18] Судья, драма / перевод Александра Лабзина из сочинений г. Мерсьера. М., 1788. С. 3. Предисловие переводчика.

[19] Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785. Ч. 1. С. 153–156.

[20] См.: *Рак В. Д.* Материалы к изучению сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки» // XVIII век. СПб., 2002.

Рассказ имеет условный «восточный» колорит. Повествование сохраняет свою структуру: персонаж, облеченный властью, нарушает закон и нравственные правила и в финале приговаривается к смерти. Однако характеры действующих лиц, мотивация их поступков и некоторые детали сюжета существенно изменены. В центре сюжета трагедия личности, нравственное падение человека, подчинившегося демонической силе, то есть подчинившего разум страсти. На это указывает и название повести.

Начало повествования, выдержанное в радостных тонах, контрастирует с последующим развитием событий. Баязет, бывший министр, «превосходящий разумом всех придворных, правдолюбивый, ласковый и приятный в обхождениях со всеми», «коим весь народ был доволен», «ото всех любим и почитаем», придя «к совершенной старости», стал губернатором провинции. «В один летнего времени веселый и приятный праздничный день вздумалось ему проехать по городу с друзьями своими во открытых колесницах и верхами нарядным образом». Народ смотрел «в великом множестве». Увидев стоящую на балконе красивую женщину, жену купца, Баязет «распалился запрещенною любовью». Впредь его поступками руководит «виноватый враг человеческого рода», который «старается распалять слабые наши телесные чувствии». В рассказе показано, как Баязет теряет свои лучшие качества, подчиняясь наущениям дьявола. По его совету он отсылает мужа красавицы в Испагань и ночью «в странном наряде» приходит в ее дом. Увидев «совершенную красоту» женщины, губернатор «лишась разума, помрачил прежние свои добродетельные дела тьмою». Гордая женщина, хоть и «трепетала от страха», отвергла его ухаживания и «отворотя печальное и смущенное лицо свое, поспешно пошла в другие покои и, хлопнувши дверьми, заперла оные, оставя губернатора в великом недоумении». Отказалась она и от «великих даров» его. Эмоциональное напряжение рассказа все возрастает. Нравственная гибель Баязета, победа зла в его душе показаны через вторжение в него демонического начала: «Тут-то дьявол садится в черную свою колесницу, запряженную двумя драконами, кои по воздуху скоро рассекают густую мрачность, водворяясь в губер-

---

Сб. 22. С. 143–148. См. также: *Рак В. Д.* Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 507–515.

наторский дом и сердце, ибо он в сем деле уверен был, что будет управлять его душою. Это было его добро». Баязет еще осознает свое падение и его последствия: «Окаянный ведал о скрытном зле, владевшим им, он знал и о пребудущем», но он уже обречен: «Ярость овладела его мыслию и совестью, он позабыл и стыд, и честь». Смерть купца, который «скончал невинно жизнь свою на эшафоте», становится местью женщине за ее несговорчивость. Овдовев и испытывая еще большее отвращение к губернатору, она тайно уехала в Испагань и письменно просила государя о защите своей чести. Шах сначала подумал, что она сумасшедшая, так как не мог поверить, чтобы «на любимца его показана была ко обвинению хотя тень справедливости», но увидел «из речей ее острый и проницательный разум и самую правду». Когда шах приказал Баязету жениться на вдове, тот «упавши в ноги государя, от радости ничего не мог промолвить, целовал землю, на которой стояли Али-Беевы ноги и полу платья в знак повиновения и благодарности». Но вдова решительно отказалась от этого брака «над не остывшим мужа… трупом», который «всякую минуту представляется и требует …справедливое отмщение»: «Когда я на брак с ним покуситься себе дозволю, то меня весь свет почитать будет вероломною и непостоянною женщиною, продавшею целомудрие свое на великость тленного достоинства». Однако «по усильной Шаха просьбе» бракосочетание состоялось, затем, как и в других вариантах сюжета, последовала передача всего имущества губернатора его жене и казнь Баязета. Но повествование на этом не заканчивается. Финал рассказа имеет фольклорную основу. Шах сам пленился красотой женщины и, еще более, ее добродетелью и постоянством и «пожелал ее, яко невиданную редкость, иметь в своем серале, однако не наложницею, но настоящею супругою <…>, с которою прижиты и пущены в свет многие принцы и принцессы. Первые прославлялись героями и победителями неприятелей, а последние не уступали в красоте и добродетели своей матери».

Сюжет «чудовищный шантаж» лег в основу еще одного повествования, действие которого происходит на Востоке. В 1789 г. в «Типографической компании» была напечатана в переводе с французского языка «турецкая повесть» «Роланд и Серафина» (Ч. 1–2). Ни автор, ни переводчик указаны не были. В уточнениях к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века»

об издании сказано, что французский оригинал до сих пор не установлен, однако при этом замечено, что источником французского текста является анонимный английский роман «Orlando and Seraphina: a Turkish Story», вышедший в двух частях в Лондоне в 1787 г.[21]

Автора английского романа удалось установить, обратившись к каталогу издательства «The Minerva Press», основанного У. Лейном.[22] Им оказался некий «господин Николсон» (Mr. Nicholson), подробные биографические сведения о котором, впрочем, отсутствуют. Наряду с интересующим нас сочинением, Николсон написал еще несколько беллетристических произведений.[23] «Турецкая повесть» «Орландо и Серафина» сразу была переведена на немецкий[24] и французский языки.[25]

Несмотря на жанровое определение «повесть», это пространное эпистолярное сентиментальное сочинение можно отнести к жанру романа. Оно состоит из семидесяти восьми писем одиннадцати персонажей: султана Османа, первосвященника Ибрагима, врача Гасан-Али, молодой гречанки Авроры, великого визиря Гамеда, начальника евнухов Зелима, янычара Агмед Али, Серафины, ее мужа Роланда и приятельницы Юлии, а также Карлоса, друга Роланда. Их переписка складывается в занимательную и трогательную историю Серафины.

Историческая точность некоторых деталей романа позволяет предположить, что его автор пользовался какими-то документальными источниками, по-своему интерпретируя их. Действие романа можно отнести к 1620–1621 гг., ко времени войны между Портой, возглавляемой Османом II, и Речью Посполитой. После того как армия Османа разбила польское войско под командованием Роланда, его жена Серафина стала невольницей Османа. Он потрясен ее кра-

---

[21] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975. С. 120 (№ 6040).

[22] *Blakey D.* The Minerva Press, 1790–1820. London, 1939. P. 141.

[23] The village of Martindale. London: Printed for W. Lane, 1787. Vol. 1–2; Catharine, or the Wood of Llewellyn. London: Printed for W. Lane, 1788. Vol. 1–2; The solitary castle, a romance of the eighteenth century. London: Printed for W. Lane, 1789. Vol. 1–2.

[24] Orlando und Seraphine, eine türkische Geschichte. Leipzig, 1787. Th. 1–2.

[25] Roland et Séraphine, histoire turque / Traduit de l'Anglois. Bruxelles et Paris, 1788. Pt. 1–2.

сотой и «сделался несчастным человеком», так как его сердце «воспрещает поступать с нею как с невольницею». Осман клянется, что никогда не употребит свою власть во зло «ни против несогласия, ни против ее добродетели». Ибрагим советует Осману «побеждать и преодолевать свои страсти», как и положено мусульманину. В отчаянии Осман просит врача исцелить его от любви и «привесть в прежнее состояние поврежденный ум», ведь Серафина стала ему дороже «всей Оттоманской империи». Вздохи, обещания, дары Османа не трогают Серафину, которая оплакивает своего мужа Роланда, считая его погибшим. Но он жив, избран посланником в Константинополь и намеревается освободить супругу. Во время встречи султана с Роландом происходит схватка, в результате которой Роланд оказывается в заключении в Семибашенном замке. Осман нарушает свою клятву и требует «вознаграждения» от Серафины за жизнь ее мужа, но она «с гордостью и презрением» отвергает его условия. Осман потрясен ее добродетелью. Он приходит к мысли, что Серафина упорствует, так как не может нарушить христианский закон. Тогда он приказывает убить Роланда и устроить свое бракосочетание с Серафиной. Но в Порте начинаются волнения. Янычары требуют от султана исполнения обещания идти в Мекку.

Роман отличается от других интерпретаций этого сюжета наличием нескольких кульминационных моментов, вставным сюжетом о судьбе гречанки Авроры и отсроченной развязкой. Активность персонажей придает роману динамичность, а эпистолярный жанр позволяет раскрыть перед читателями мысли и переживания героев. В подробном описании чувств Османа и его неустанных попыток завоевать Серафину, возможно, отразился турецкий эпос о великой любви Османа I к Малхун Хатун и его долгой борьбе за ее руку и сердце.

Конфликт романа разрешается благодаря решительности Агмеда Али, возглавившего восстание янычар для спасения своей невесты Авроры, пленницы султана. Осман был заключен в Семибашенный замок и на следующий день убит, что соответствует исторической действительности, а Роланд освобожден. Во время свадьбы Агмеда Али и Авроры спасенный Роланд воссоединяется с Серафиной. Роман заканчивается письмом Серафины к Авроре, обращенным и к читателям: «Если минувшие мои несчастия будут кому-нибудь известны, то я думаю, что они могут послужить по-

лезным нравоучением молодым людям, показывая им, что в отчаяннейшем и бедственнейшем состоянии находят утешение, и что оно также нередко преобращается в благополучнейшую и приятнейшую жизнь…».

Анонимного русского переводчика заинтересовал этот увлекательный и трогательный роман в письмах, напоминающий «нравоучительную повесть» Ричардсона «Памела, или Награжденная добродетель», с которой в 1787 г. уже познакомился российский читатель.[26]

ЛИНИЯ ВТОРАЯ. Она представлена двумя интерпретациями («Сильвия и Молешоф», «Сидней и Дженни»), в основании которых лежит история о полковнике Перси Кирке (ок. 1647–1691), отличившемся особой жестокостью при подавлении мятежа Джеймса Монмутского (1685). Рапен де Туара, автор «Истории Англии», так излагает эту версию: «Однажды пришла к нему юная девица и бросилась к нему в ноги, умоляя спасти ее отца. Кирк обещался исполнить ее просьбу, если только девушка пожертвует своей честью. Утолив свою буйную страсть, он пошел еще дальше в своем бесчеловечии — подвел девушку к окну и показал ей родителя, висевшего на столбе у харчевни. Это невыносимое зрелище так подействовало на бедную девушку, что та лишилась чувств».[27] Шотландский историк Д. Юм, сочиняя свой вариант английской истории, сообщил ту же версию, но уже с новыми подробностями и с особенным вдохновением. Согласно Юму, девушка пришла просить о жизни не отца, но брата. Поддавшись на шантаж, она провела с ним целую ночь, чтобы утром увидеть зловещую картину, которую до самого рассвета подготавливали верные слуги полковника. И, наконец, после

---

[26] *Костюкова В. В.* Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 322–334.

[27] Histoire d'Angleterre, par Mr. De Rapin Thoyras. La Haye, 1727. Tom. 10. P. 31 («Une action qu'il fit dans une autre ville, passe toute imagination…»). Этот пассаж из «Английской истории» Рапена де Туара (часто цитировавшийся маркизом д'Аржансом в «Каббалистических письмах» и других сочинениях) вдохновил Р. Додсли на создание собственного очерка о полковнике Кирке. См.: The Second Book of the Chronicle of the Kings of England <…>. Written in the Manner of the ancient Jewish Historians / By Nathan Ben Saddi, a Priest of the Jews [= Robert Dodsley]. London, 1741. P. 33–39 (James II).

случившегося девушка не просто лишилась чувств, но навсегда утратила рассудок.[28]

Сомнения в аутентичности истории с полковником Кирком и несчастной девушкой стали появляться в английской печати уже в конце XVIII — начале XIX в.[29] Современный английский исследователь Джон Чайлдс, автор первой и единственной монографии о полковнике Кирке, также пришел к выводу о том, что насильственное вписывание того или иного исторического лица в сценарий с «чудовищным шантажом» есть пропагандистский трюк, направленный на расправу с политическим или идеологическим оппонентом.[30] Действительно, подтверждение этому тезису можно отыскать во множестве в жизнеописаниях тех или иных исторических личностей: Оливье ле Ден (ум. 1484), Анн де Моморанси (1492–1567), Жозеф Лебон (1765–1795) и т. д. И всюду действует один и тот же сценарий с «чудовищным шантажом».

К уже приведенным аргументам против подлинности истории с полковником Кирком можно добавить следующее. Сцена с окном, фигурирующая во многих версиях об английском полковнике, имеет довольно старое происхождение. Так, в одной из новелл Франсуа де Бельфоре (1530–1583), основоположника жанра «трагических историй» и крестного отца «Ромео и Джульетты», имеется эта же сцена.[31] Демонстрация повешенного возлюбленного через окно при-

---

[28] The History of Great Britain / By David Hume, Esq. The second edition corrected. London, 1759. Vol. 2. P. 384 («One story, commonly told of him, is memorable for the treachery, as well as barbarity, which attended it…»).

[29] *Toulmin J.* The History of the Town of Taunton, in the Country of Somerset. Taunton, 1791. P. 166–167 (Note †); A Second Series of Curiosities of Literature / By I. D'Israeli. Second edition, corrected. London, 1824. Vol. 2. P. 169–179 (Political Forgeries and Fictions).

[30] *Childs J.* General Percy Kirke and the Later Stuart Army. London [etc]: Bloomsbury, 2014. P. 111 («Since the fifteenth century remarkably similar variants of the same basic theme had circulated in England, Burgundy and France usually as propaganda aimed at those under some degree of political disfavour»).

[31] Acte cruel d'un Capitaine, faisant pendre un soldat, pour jouyr de sa femme, & la louable punition qu'en fit le deffunct seigneur de Brissac, Maréchal de France // Les Histoires Tragiques <…> / Par François de Belle-Forest, Comingeois. Paris: Bordeaux, 1582. T. 6. P. 173–200.

сутствует и во множестве народных итальянских и каталанских баллад, зародившихся, вероятно, не ранее XVI в.[32]

Интерпретация первая. В 1770 г. в Париже вышел анонимный сборник сочинений, в котором после героической драмы «Две королевы» была без указания автора помещена новелла К.-Ж. Дора «Сильвия и Молешоф».[33] Эта новелла сразу же наделала много шума, поскольку Д. Дидро обвинил сочинителя в плагиате.[34] Однако обвинение было безосновательным. В примечании к новелле Дора открыто и в подробностях пишет об использованных им источниках: «Анекдот, служащий основанием сей пиесе, предан потомству в аглинской Рапиновой Истории и Спектаторе. Геллерт взял из него материю для своей повести, под названием: Ринзольт и Люция. <…> Помфрет, аглинский стихотворец, не побоялся более углубиться в то смутное и страшное чувство, которого требовала подобная картина. Между тем знающие подлинник увидят, что я его не придерживался. Кирк — на аглинском — в тишине наслаждается плодом своего злодеяния: но я рассудил, что подобное чудовище не могло остаться без наказания, не возмутив всех чувствительных душ». Новелла Дора была тотчас переведена на немецкий язык.[35] Она послужила основой для немецкой трагедии «Молешоф и Сильвия, или Любовь и верность».[36]

Русский перевод новеллы появился в 1794 г.[37] Его предпринял М. С. Бранкевич, учившийся в то время в Киево-Могилянской академии. Издатель «Приятного и полезного препровождения времени», помещая новеллу Дора в переводе М. С. Бранкевича, напомнил чи-

---

[32] *Graves A. B.* Italo-Hispanic Ballad Relationships: The Common Poetic Heritage. London, 1986. P. 19–23. («Cecilia, bela Cecilia…»).

[33] Les Deux Reines, drame héroïque en cinq actes et en prose, suivi de Sylvie et Moléshoff, imitation libre de l'anglois / [Par Claude-Joseph Dorat]. Paris, 1770.

[34] Подробнее см.: *Proust J.* A Propos du «Shérif» // Les Cahiers Haut-Marnais. 1963. Vol. 75. P. 162–170.

[35] Sylvie und Moleshoff, nach dem Französischen des Hrn. Dorat. Frankfurt am Mayn, 1770.

[36] Moleshof und Sylvie oder Liebe und Treue, Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen von Graf à Ponte Leon. Regensburg, 1783.

[37] Сильвия и Молешоф / [Перевел с франц.] М. Б-ч [= М. Бранкевич] // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 4. № 91. С. 193–209; № 92. С. 210–215.

тателям, что хотя они видели перевод «Ринзольта и Люции» из Геллерта (он был напечатан в том же номере журнала), тем не менее, им «не неприятно будет взглянуть на известный уже предмет, пространнее и другим автором обработанный».

Наказав злодея-шантажиста в своем варианте сюжета, Дора превзошел других авторов в описании жестокостей, свидетельницей которых стала женщина, и нравственных страданий, выпавших на ее долю. Повествование ведется от первого лица. Сильвия рассказывает в письме подруге Целии о трагических событиях, жертвой которых она стала. Это позволило автору глубже показать внутренний мир героини и мотивацию ее поступков.

Молешоф, муж Сильвии, сторонник герцога Монмутского, после подавления мятежа арестован генералом Кирком. Сильвия дает пространную и уничижительную характеристику этому «чудовищу», подчеркивая его жестокость и цинизм: «смертные приговоры произносил он с таким веселым видом, с каким другой раздает благодеяния», «усмешка его была знаком казни». Друзья Молешофа просили отложить его казнь, но Кирк «презирал их слезы, веселился ими и смеялся вздохам дружества». Сильвия «поверглась к его ногам» и умоляла простить мужа или казнить ее вместе с ним. Кирк предложил женщине снова прийти к нему, «когда ночь покроет шатры сии <…>, может быть, я сжалюсь над слезами твоими». Сильвия подробно описывает охватившие ее чувства: «…когда душа изнемогает в тоске и беспорядок царствует в наших мыслях, то малейший луч успеха пробуждает надежду и облегчает наши страдания. Мы думаем, что далека от нас опасность, между тем как она висит над нашею головою, и нетерпеливость достигнуть счастия изображает нам его лестными красками, которые обманывают нас, скрывая от взоров наших бездну, в которую мы спешим низвергнуться». О серьезной опасности оставаться в городе предупреждает Сильвию муж, которого она видит в темнице. Известие, что она просила за него, повергло его «в крайнее уныние»: «Человек, готовящийся умереть, должен выше ценить честь, которая останется после него, нежели все сии тленные сокровища, которые навсегда он потеряет. Отдели судьбу свою от моей, повергнись последний раз в мои объятия и — простимся навек!».

Однако Сильвия, обнадеженная Кирком, спешит к его палатке. Возле нее она видит «старца, простертого на теле убитого сына»,

женщину, «стенящую и рвущую на себе волосы» возле дерева, на котором повешен ее супруг, и их детей, голодных и изнуренных. Кирк прибегает к хитрости. Он говорит, что имеет строжайшее повеление государя не щадить бунтовщиков, а Молешоф «виноватее других». Отпустить его — значит потерять милость государя или даже погибнуть. Но он готов отважиться на это при одном условии: «проведи эту ночь со мною, и завтра Молешоф свободен». Это предложение вызвало негодование Сильвии и ее решительный отказ: «…ежели судьба определила мне оплакивать его кончину, то я готова окропить прах его слезами добродетели».

К.-Ж. Дора включил в повесть эпизод, которого нет ни в одном переложении сюжета. Чтобы сломить волю Сильвии, Кирк грозит отдать женщину в палатку своим воинам: «Там, сударыня, проведешь ты ночь. Не думай, чтобы они дали тебе много времени проливать добродетельные слезы о участи твоего супруга». Это заставило Сильвию подчиниться: «Что оставалось мне делать? Ах, Целия, Целия! Что бы ты сама сделала?».

Наутро, увидев убитого мужа в руках палача, она теряет сознание. Ее относят домой, но ночью, «схватив кинжал», она направляется к лагерю: «Глаза мои сверкали, волосы были растрепаны. Во мраке, одна, сопровождаемая тению моего супруга…». Воспользовавшись тем, что стража и Кирк спят, она со словами «познай вдову Молешофову» «трижды вонзает в его сердце кинжал свой». Этот эпизод и его значимые детали: палатка, женщина-вдова, кинжал, — возможно, навеяны автору мотивами библейского рассказа о Юдифи и Олоферне.

Завершая свой рассказ, Сильвия сообщает подруге, что король простил ее, но пишет она «умирающею рукой»: «меня не будет на свете, когда ты получишь сие ужасное письмо».

Интерпретация вторая. В том же 1770 г., в котором была напечатана новелла Дора, появилась еще одна французская вариация сюжета о чудовищном шантаже, напечатанная в книге Ж.-Б.-К. Делиля де Саля (1741–1816) «О философии природы», изданной в Амстердаме.[38] Это сочинение к 1804 г. выдержало семь изданий. Неболь-

[38] Démonstration de l’immortalité de l’âme [= Histoire de Jenny Lille] // De la Philosophie de la Nature / [Par Jean-Baptiste Claude Delisle de Sales]. Amsterdam, 1770. T. 2. P. 317–351.

шую часть второго тома занимала «Повесть Иеннии Лиллии». Сюжет, как указал сам Делиль де Саль, он позаимствовал из «Истории Англии» Д. Юма (1766). Персонажами повести стали Кирк, безосновательно приговоренный им к смерти Сидней и его невеста Иенни. Появился и положительный персонаж — судья Джефрейс. Сюжет не имел поучительного финала: Иенни погибает, а Кирк остается безнаказанным. Повесть имеет рамочную структуру. История несчастной девушки предваряется вступлением автора, в котором он, опираясь на этический аргумент Платона, доказывает бессмертие души, а завершается его размышлениями о самой повести. Делиль писал, что «если жизнь таких же несчастных, как его героиня Иенни не вознаградится и после смерти своей, а преобразится в вечное ничтожество, свет сей будет не что иное, как произведение злого начала, и сам Бог, что ужасно и выговорить, свирепый мучитель. А поскольку первейшее начало есть благо, следовательно, душа бессмертна». Большое место в размышлениях Делиля занимает тема дружбы.

По-видимому, именно эта тема заинтересовала поручика Смоленского драгунского полка А. И. Глебова. Выполненный им перевод появился в печати в 1786 г. без указания имени автора сочинения.[39] Глебов посвятил его своему родственнику и другу И. Д. Шепелеву. Позже повесть переводилась еще трижды, но всегда вне авторского контекста.[40]

В 1787 г. на перевод Глебова или, возможно, на один из немецких переводов, обратил внимание Н. Н. Сандунов, в то время заканчивавший Московский университет. Он переделал повесть в трагедию «Сидней и Энни». В ней появились новые действующие лица, а характер Кирка существенно усложнен. Как видно из его монологов, иногда он чувствует нечто похожее на угрызение совести,

---

[39] Повесть Иеннии Лилли // Путь мыслить о безсмертии души: Взято de la Philosophie de la nature. О любомудрии природы / Из сочинения г. Z*; Перевел с французскаго С. Д. П. П. А. Г. [= Смоленского драгунского полка поручик Александр Глебов]. СПб., 1786.

[40] Повесть о Эннии Лиллии / Перевел с французск. из книги под заглавием De la Philosophie de la Nature, М. Судаков // Новые ежемесячные очинения. 1791. Ч. 64 (октябрь) С. 83–95; Ч. 66 (декабрь) С. 45–60; Энни / Переведена с французского [П. Домогацким]. М., 1802; Женни Лиль. СПб., 1810.

но сам восстает против этих чувств. Работу над текстом пьесы Сандунов закончил в 1789 г. Сообразуясь с необходимостью соблюдать благопристойность на сцене, он внес изменения в сюжет. Сидней гибнет на эшафоте, Энни умирает от горя, однако ее честь не поругана, а Кирк гибнет от меча ее отца. Трагедия «Сидней и Энни» была представлена на сцене Петровского театра в Москве дважды в 1790 г. В печать она не попала и сохранилась в единственном рукописном экземпляре в собрании СПбГТБ.[41]

В конце XVIII в. сюжет о «чудовищном шантаже», но уже существенно смягченный, стал вписываться в новый исторический контекст. В 1798 г. издатель журнала «Приятное и полезное препровождение времени» П. А. Сохацкий опубликовал переведенный с немецкого языка небольшой рассказ «Любовь в тюрьме. Подлинное происшествие».[42] Персонажи рассказа — жертвы «новофранкского народовластного тиранства, которые в начале 1794 г. томились в тюрьмах главного их города». Среди них был старик с шестнадцатилетней племянницей Шарлоттой В., «прекрасною и богатою девицею», которая в детстве осталась сиротой. Ее красота «привлекла на себя взоры одного из тех чудовищ, которые, заседая во французском кровавом судилище, распространяли вокруг себя ужас и потушали в себе малейшие искры чувствований человечества». Этот злодей (имя его не названо) в записке предлагал Шарлотте пожертвовать своей невинностью под угрозой ее и дяди тюремного заключения и эшафота. Шарлотта, беспокоясь больше о судьбе дяди, нежели о своей собственной, была в нерешительности, но под влиянием дяди «разорвала записку и бросила в глаза нарочному». Несколько

---

[41] Подробно о пьесе Сандунова, а также о трагедии И. А. Феслера (1756–1839) «Сидней» на тот же сюжет см.: *Кукушкина Е. Д., Симанков В. И.* Трагедия Н. Н. Сандунова «Сидней и Энни» и репертуарная политика Петровского театра в 1780-е годы // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб., 2015. С. 83–99 (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). Текст пьесы Н. Н. Сандунова опубликован в настоящем сборнике в разделе «Публикации». С. 326–368.

[42] Любовь в тюрьме. Подлинное происшествие / [Пер. с нем. П. А. Сохацкий?] // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 17. С. 22–26. Источник русского перевода: Die Liebe im Gefängniß. Eine wahre Begebenheit / [Von] Schreiber [= Aloys Schreiber, 1761–1841] // Leipziger Monatsschrift für Damen. 1795. Bd. 6. Juny. S. 234–239.

месяцев они провели в тюрьме. Вместе с ними оказался молодой лекарь. Они проводили время в беседах «о предопределении человека, о драгоценности несчастий в жизни, о ходе человеческого рода чрез столь многоразличные лабиринты». Один из заключенных, священник, обвенчал Шарлотту и лекаря. «Ниспровержение кровожадного Робеспьера, сего чудовища, желавшего на трупах трон себе воздвигнуть», вскоре переменило их участь, они получили свободу.

Средневековый сюжет насыщался новыми деталями и интерпретациями. В 1792–1793 гг., вскоре после переложения Н. Н. Сандунова, на сцене Петровского театра с успехом шла пьеса «Амалия и Монроз».[43] Это был перевод драмы Л.-Ф. Фора «Amélie et Montrose», опубликованной анонимно в Париже в 1783 г. В 1812 г. пьеса была представлена под названием «Амалия и Монроз, или тиранство Кромвеля» в переложении Ф. Ф. Иванова.[44] Тексты не были напечатаны, они сохранились только в рукописях СПбГТБ (шифры: I.18.2.65 и I.18.2.64). Сличение их позволяет утверждать, что они принадлежат одному автору, очевидно, Ф. Ф. Иванову, но текст второй пьесы стилистически выправлен.

В центре пьесы Амалия и ее жених Монроз, который вынужден был бежать из страны после казни отца, противника Кромвеля, но вернулся и был арестован. Тиранство Кромвеля состоит в том, что он отказывается простить Монроза, несмотря на просьбы Амалии: «Он видел меня у ног своих, умирающую, и, казалось, моему отчаянию радовался». Но в целом это другая история. Она рассказывает о дружбе, верности и предательстве. Есть в ней и нечто, похожее на шантаж, но уже не столь чудовищный. Герои пьесы оказываются перед сложным нравственным выбором. Отец убеждает дочь: чтобы спасти любимого, она должна выйти замуж за другого. Монроз ставит Амалии условие: если она с ним не уедет, он сдастся властям. Друг Монроза убеждает его: если не согласится бежать, то они оба погибнут. Пьеса завершается вполне благополучно: взбунтовавшийся народ освобождает Монроза.

---

[43] *Ельницкая Т. М.* Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы, 1750–1800 // История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 439.

[44] *Ельницкая Т. М.* Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы, 1801–1825 // История русского драматического театра. М., 1977. Т. 2. С. 453.

В 1833 г. А. С. Пушкин в своем переложении известного сюжета избрал его «шекспировский» вариант.[45] Показывая в поэме «Анджело» сколь слаб бывает человек и как опасна власть, которая следует только сухой букве закона, Пушкин завершает повествование актом милосердия, тем атрибутом власти, который освящен христианской моралью.

---

[45] Суммарные сведения с обзорной библиографией см.: *Долинин А. А.* «Анджело» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1: (А–Д). С. 37–52.

Л. РОССИ

ПОЭМА В ПРОЗЕ «КНИДСКИЙ ХРАМ» Ш.-Л. МОНТЕСКЬЕ И ЕЕ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ*

Основные темы истории русской рецепции творчества Ш.-Л. Монтескье (1689–1755) обозначены уже в конечных репликах диалога К. Н. Батюшкова «Вечер у Кантемира» (1816):

<…> Кантемир <…> сказал аббату Гуаско: — Признайся, любезный друг, Монтескье умный человек, великий писатель... но... —

— Но говорит о России, как невежда, — прибавил аббат Гуаско. Скромный Кантемир улыбнулся, пожелал доброй ночи аббату, и они расстались.[1]

С одной стороны, почти безоговорочный авторитет учений и творчества французского мыслителя как в официальных, так и в «оппозиционных» кругах,[2] с другой — обостренное внимание к их соотношению с конкретной русской действительностью.

И последующая наука придерживалась подобных критериев. Уже в первые десятилетия прошлого века русские и западные исследо-

---

* В основе данной работы лежит доклад «Русский перевод поэмы в прозе „Книдский храм“ Шарля Луи Монтескье», прочтенный на IX международной конференции Study Group on Eighteenth Century Russia, Лёвен 17–22 июля 2014, http://www.sgecr.co.uk/leuven2014.html. Сердечно благодарю Н. Ю. Алексееву и Н. Д. Кочеткову за полезные замечания и советы на разных этапах ее написания.

[1] *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. С. 51.

[2] Ср.: *Разумовская М. В.* Монтескьё (Montesquieu) // Русско-европейские литературные связи. XVIII век. СПб., 2008. С. 157–158.

© Л. Росси, 2017

ватели осветили начальные этапы ознакомления России с творчеством Монтескье, связанные с личными и творческими отношениями французского писателя и А. Д. Кантемира,[3] а затем, через двадцать лет, с работой Екатерины II над «Наказом».[4] Позднее внимание привлекла «публикация произведений Монтескье в 1789–1799 годах»,[5] а именно запоздалые переводы «Персидских писем». Сегодня известно, когда и кто переводил Монтескье, что он писал о России и как переводили его замечания.[6] Подробно анализировались не только русские переводы основных работ французского автора,[7] но и оригинальные произведения, представляющие собой менее очевидные примеры восприятия его учения.[8]

Примечательно при этом, что специфика русской рецепции творчества писателя в сравнении с другими литературами усматривается в том, что «идейное влияние Монтескье <…> оказывается значительно сильнее жанрового», тогда как в других странах, например,

---

[3] По утверждению Аббата Гуаско, Кантемир переводил «Персидские письма», и есть основания утверждать, что его «Сатиры» увидели свет при участии французского философа. **(**См.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. XII–XIII; *Ehrhard M.* Le prince Cantemir à Paris (1738–1744): un ambassadeur de Russie à la Cour de Louis 15. Paris, 1938. P. 202; *Алексеев М. П.* Монтескье и Кантемир // Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 144**)**.

[4] *Вальденберг В. К.* Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // Философский век. СПб., 2004. Альманах 26: История идей в России: исследования и материалы. С. 259–276.

[5] *Плавинская Н. Ю.* Публикация произведений Монтескье в 1789–1799 годах // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 171–189.

[6] *Минути Р.* Образ России в творчестве Монтескье // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 31–41; *Васильева Е. Н.* Монтескье и Россия: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2010.

[7] *Плавинская Н. Ю.* 1) Как переводили Монтескье в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004, С. 281–286; 2) «Персидские письма» Монтескье в русских переводах XVIII века: к вопросу о цензуре // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières. М., 2008. Вып. 2. Кн. 1. С. 437–453; 3) «Трудности перевода». Монтескье в русских изданиях XVIII — начала XIX в. // Vorträge des Deutschen Historischen Institut Moskau. 2015. № 22. S. 1–54.

[8] *Фоменко И. Ю.* Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. С. 167–184; *Васильева Е. Н.* Монтескье и Россия…

«Персидские письма» «вызвали волну» подражаний.[9] Неудивительно, поэтому, что сопоставление переводов с оригиналами таких сочинений, как «Размышления о причинах величества римского народа» и трактата «О духе законов», а также «Персидских писем», привело к выявлению признаков самоцензуры, свидетельства «болезненного восприятия просветительской критики российских порядков».[10]

Неудивительно также, что до недавнего времени не привлекали особенного внимания ни рецепция небольшого литературного произведения Монтескье, поэмы в прозе «Le Temple de Gnide»[11] (1725,[12] 1742), ни два его перевода, о существовании которых известно давно.[13] Дело в том, что сама поэма, «фривольная пастораль»,[14] в настоящее время «редко становится предметом специальных исследований»,[15] возможно в связи с тем, что она трудно согласуется с современным образом Монтескье как просветителя и сатирика. Теперь, в своей обобщающей работе Н. Ю. Плавинская напоминает, что эта «галантная безделица» «в свое время <…> имела успех

---

[9] *Васильева Е. Н.* Монтескье и Россия… Заключение.

[10] *Плавинская Н. Ю.* «Персидские письма»… С. 452. Ср.: *Плавинская Н. Ю.* Как переводили Монтескье в России. С. 286.

[11] *Montesquieu Ch.-L.* Le Temple de Gnide 1725 // Montesquieu Ch.-L. Œuvres Complètes, VIII, Oxford-Napoli. 2003. P. 389–420 (323–427). Далее ссылки на это издание даны в тексте (TG). См.: *Dornier C.* «Le Temple de Gnide» // A Montesquieu Dictionary [en ligne], sous la direction de Catherine Volpilhac-Auger, ENS de Lyon, septembre 2013. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/en/article/1376475968/fr (Дата обращения: 11 апреля 2017).

[12] Так как второе, журнальное, издание, напечатанное в Амстердаме в 1725 г., носило ложную дату 1724, до недавнего времени в науке укрепилась датировка 1724 (См.: *Dornier C.* Introduction // *Montesquieu Ch.-L.* Le Temple de Gnide 1725. P. 327, 349–350).

[13] Храм Книдийский г. Монтескиеу / С французского переводил И. С. СПб., 1770; Храм Венеры на острове Книде. Поэма в семи песнях. Творение гна Монтескю / Перевод с французского. М., в вольной типографии Гария и компании, 1804; Оба издания числятся в «Опыте российской библиографии…» В. Сопикова (СПб., 1815. Ч. 3. С. 397. № 6308, 6309). Далее ссылки на эти издания даны в тексте (ХК, ХВ).

[14] *Левин Ю. Д.* Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы, Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 166.

[15] *Плавинская Н. Ю.* [*Рец.*:] «Revue Montesquieu»: Revue bisannuelle // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières. М., 2009. Вып. 2. Кн. 2. С. 117–122.

в Европе и пользовалась вниманием критиков», в том числе Ж. Даламбера, и признает, что «российский читатель тоже не остался равнодушным: Академическая типография напечатала „Храм Книдийский“ половинным тиражом, но раскупалась книга быстрее, чем предыдущие: из 600 экземпляров за 10 лет разошлось 400».[16] Однако первенство такой безделицы перед работами, занимавшими в литературном и философском творчестве Монтескье центральное место, и литературный контекст публикации не выясняются.

Для нас же литературное произведение Монтескье и его русские переложения представляют интерес и как образцы литературного жанра поэмы в прозе, и в перспективе определения одного из составных элементов русского сентиментализма.

Двойственность лежит в основе теперь забытого сочинения: два автора, Монтескье, скрывающийся под маской анонимного переводчика, и — также анонимный — вымышленный древнегреческий поэт, две любовные пары, два семантических уровня, две редакции, 1725 и 1742 гг., два предисловия, два жанровых определения, две реакции: недоумение и успех. Русская рецепция соотносится преимущественно со вторым этапом этой литературной судьбы, но до определенной степени обусловлена первым. С него мы и начнем.

Опубликовав анонимно якобы в Амстердаме свой шедевр «Персидские письма» (1721), тридцатилетний Монтескье в первой половине 1720-х гг. наслаждался славой, принесенной их успехом, пользовался вниманием женщин.[17] Он был своим человеком у первого министра короля Франции Людовика XV, герцога Бурбонского (1692–1740), посещал его замок Шантийи, целиком обставленный и украшенный мифологическими образами, где собиралось общество женщин, ученых, художников, придворных, занятых инсценировкой живых картин[18] и литературой полу-домашнего типа, малыми жанрами с элементами похвалы или комплимента.[19] Среди них была его любовница мадам де Граве, в обществе царила сестра гер-

---

[16] *Плавинская Н. Ю.* «Трудности перевода»... С. 23.

[17] *Geffriaud Rosso J.* Montesquieu et la féminité. Pise, 1977. P. 97–104.

[18] *Vian L.* Histoire de Montesquieu, sa vie et ses Œuvres. Paris, 1878. P. 72–73.

[19] *Dornier C.* Montesquieu et l’esthétique galante // Revue Montesquieu. 2001. № 5. P. 8.

цога, Мария-Анна де Бурбон-Конде, или мадемуазель де Клермон (1697–1741).[20]

По свидетельству аббата Гуаско (1712–1781), уже после ее смерти сам Монтескье признался ему, что «Книдский храм» был вдохновлен знакомством с мадемуазель де Клермон и желанием написать «поэтическую картину неги».[21] Работа вышла анонимно в 1725 г. Как известно, город Книд в Малой Азии славился статуей Афродиты работы Праксителя, полностью обнаженной, но как бы защищающейся рукой от постороннего взгляда. Эта целомудренная Венера и царствует в семи песнях сочинения, якобы найденного в Константинополе среди книг греческого епископа. В первом издании, в более подробном, блестящем предисловии переводчика, целью поэмы прямо названо противопоставление истинной, сердечной любви — любви чувственной.

В этом предисловии произведение несколько раз названо поэмой, а автор — поэтом, хотя перевод, как в переложениях античных текстов Анны Дасье, — прозаический и текст даже не разбит на песни. Здесь же находим комментарий к художественным приемам якобы античного автора: только в конце первой песни становится ясно, что описание Книда и Храма Венеры дано от имени одного из героев, сына Антилоха и любовника пастушки Темиры; в конце второй песни среди просителей богини выделяется второй герой — Аристей, влюбленный в аристократку Камиллу; а рассказ об их знакомстве с возлюбленными отложен до последующих, четвертой и пятой песен (TG: 390).

Повсюду при описании двух любовных пар восхваляются чистосердечность, простота и умеренность, они противопоставляются ложному и порочному отношению к любовной страсти просителей богини и жителей других античных местностей. Как подчеркивает переводчик, отношения Аристея и Камиллы исключительно платонические, между тем как сын Антилоха испытывает к Темире чувственную страсть, и оба мужчины готовы предаваться сомнениям,

---

[20] С ними обычно по-разному соотносят героинь произведения (Ср.: *Dornier C.* Introduction… P. 326).

[21] *Guasco G. B. O.* Lettres familières du président de Montesquieu, baron de la Brede, à divers amis d'Italie. [Florence], 1767. P. 31–32.

ревности, ярости. Женщины же, от богини до граций и возлюбленных героев, отличаются нежностью, уравновешенностью и, говоря языком будущего «Опыта о вкусе», тем «не знаю что», которое прельщает больше совершенной красоты.

Впрочем, сладострастные описания сами по себе довольно соблазнительны, а атмосфера всепоглощающей влюбленности мало по малу дурманит читателя. Вместе с тем, картина изнеженных нравов жителей Сибариса, от которых удалился рассказчик (TG: 406–408), представляет собой прозрачную сатиру на нравы парижан, а такие эпизоды, как молитва «наивных» пастушек (TG: 399) и успокоение ревнивых любовников жертвами Вакху (TG: 415), не лишены иронии. В конце седьмой песни есть беглый намек на объятие в знак примирения Аристея и Камиллы, между тем как детально описаны попытки рассказчика «уловить Амура» на фигуре Темиры. Реакция возлюбленной угадывается под изящным «эпическим» уподоблением ее славке, защищающей своих птенцов, а серия внутренних рифм приводит к известной неоднозначной концовке «Она обняла меня, и я принял ее милость, увы! не надеясь стать виноватым» (TG: 418), восхищающей читательниц.[22]

Следует маленькая идиллия якобы того же автора, которую Монтескье добавил, возможно как корректив слащавому тону поэмы.[23] Реакции на это издание были немногочисленными, и отнюдь не восторженными, автора упрекали то в неблагопристойности, то в использовании слишком современной лексики для воспроизведения «античного» текста.[24]

После нескольких переизданий, судя по всему — в 1742 г., якобы в Лондоне, а на самом деле в Париже, вышло новое, также анонимное, издание «Книдского Храма». Редакция, которая вошла в большое посмертное издание «Сочинений» Монтескье 1758 г. и послужила оригиналом для многочисленных стихотворных переложений и переводов на иностранные языки, в том числе и русский, отлича-

---

[22] *De Gomez M. A.* Lettre critique sur le «Temple de Gnide», 1725 // Mémoire de la critique. Montesquieu / Textes choisis et présentés par Catherine Volpilhac-Auger. Paris, 2003. P. 59.

[23] *Geffriaud Rosso J.* Montesquieu et la féminité... P. 411.

[24] *Marais M.* Mémoires // Mémoire de la critique. Montesquieu… P. 51; *De Gomez M. A.* Lettre critique… P. 59–60.

ется присутствием эпиграфа из эпиталамы императора Галлиена,[25] и более коротким, ностальгически шутливым предисловием французского переводчика. Здесь произведение названо уже «маленьким романом», и уподоблено «картине, где подобраны самые приятные предметы» (TG: 392), но начало семи песен точно обозначено, по образцу «Телемака» Фенелона.[26]

На этот раз успех был ошеломляющим. Как уже говорилось, в слове похвальном, посвященном Монтескье Ж. Даламбером в «Энциклопедии» (1755) «Храму» отведено почетное место, и его эстетические достоинства перечисляются без всякой иронии.[27] Любопытно отметить, что к более позднему времени восходят самые «наивные» прочтения этого произведения: Ж.-Ж. Руссо в четвертой «Прогулке одинокого мечтателя» (1777) обвиняет автора в безнравственности при сладострастных сценах, а также во лжи о якобы найденной рукописи.[28] Ж. П. Марат в похвальном слове, представленном Академии города Бордо в 1785 г., долго и с восторгом пишет об этой «верной картине человеческого сердца, по-разному взволнованного любовью».[29]

С новым веком популярность «Храма» начала спадать. Достойно внимания издание 1881 г., своего рода «открытие» уже забытого произведения. В «Письме вместо предисловия» библиофил Октав Узанн (1851–1931) представляет некоей Мадам «красивый храм из розового мрамора с фронтоном в стиле рококо», упоминает «отплытие на остров Цитеру в мире изысканных условностей» и «платье в стиле Ватто».[30]

---

[25] *Dornier C.* Introduction… P. 328, 354, 357. На титульном листе первого русского перевода находим латинский и русский тексты и неточное определение «Оставшийся отрывок брачной песни Императору Галлиену» (ХК: [1]).

[26] *Moore F.* Prose Poems of the French Enlightenment. Delimiting Genre. Farnham, 2009. P. 107.

[27] *D'Alembert J.* Éloge de M. le président de Montesquieu (1755) // Mémoire de la critique. Montesquieu. P. 277–278. Также см.: *Fréron E.-C.* [Sur «Le Temple de Gnide»] L'Année littéraire, 1760 // Mémoire de la critique. Montesquieu... P. 377–382.

[28] *Rousseau J.-J.* Les rêveries du promeneur solitaire // Rousseau J.-J. Oeuvres complètes. T. 3. Genève, 2012. P. 507–508.

[29] *Marat J.-P.* Éloge de Montesquieu présenté à l'Académie de Bordeaux le 28 mars 1785 <…> publié avec une introduction par Arthur de Brézetz. Libourne, 1883. P. 12.

[30] *Uzanne Oct.* Lettre en guise de préface. A Madame X*** au sujet de cette nouvelle édition du «Temple de Gnide» // Montesquieu J.-L. Le Temple de Gnide suivi de

Немногочисленные современные литературоведческие работы, специально посвященные произведению, выделяли, прежде всего, его автобиографическую сторону,[31] затем связь с эстетикой женственности, мечтой о феминизации общества, выражением которых стал «Опыт о вкусе»,[32] и даже с политическими произведениями автора.[33] Если современникам писателя легче было опознать реминисценции из «Адониса» Дж. Б. Марино или «Телемака» Фенелона,[34] и общую анакреонтическую атмосферу,[35] то исследовательница 1970-х гг. выделила сцену между Аристеем и Камиллой как предвестие преромантической чувствительности.[36]

Для нас особый интерес представляют исследования, отмечающие соотнесенность «Книдского Храма» со стихотворными течениями XVII в. (галантность и пастораль) и их актуализацию такими приемами, которые предвещали будущее смешением жанров и заменой поэзии прозой.[37] Именно эти качества во Франции обусловили популярность произведения Монтескье во второй половине XVIII в. Что касается России, не забудем, что первый русский перевод И. И. Сичкарева[38] вышел в 1770 г., и, таким образом, стал участником кратковременного и не решающего, но высоко экспериментального сезона 1766–1770 г., наряду с «Письмами Эрнеста и Доравры» Ф. А. Эмина, «Пересмешником» и «Пригожей поварихой» М. Д. Чулкова, «Нумой, или Процветающим Римом» М. М. Хераскова, «Велизарием» Мармонтеля (в переводе Екатерины и ее гостей во время

Arsace et Isménie. Rouen, 1881. P. 10–11. «Отплытие (паломничество) на остров Цитеры (Киферу)» — намек на известную картину в двух вариантах (Париж, 1717; Берлин, 1718) А. Ватто (Watteau, 1684–1721), символа рококо в живописи.

[31] Обзор критики см.: *Dornier C.* Introduction… P. 333.

[32] *Geffriaud Rosso J.* Montesquieu et la féminité… P. 400–409.

[33] Кроме работ, названных К. Дорнье, см.: *Moore F.* Prose Poems of the French Enlightenment… P. 101–120.

[34] *Fréron E.-C.* P. 378, 380.

[35] *D'Alembert J.* Éloge… P. 277.

[36] *Geffriaud Rosso J.* Montesquieu et la féminité… P. 395. О русских переводах этой сцены см. ниже.

[37] *Dornier C.* Montesquieu et l'esthétique galante…; *Moore F.* Prose Poems of the French Enlightenment… P. 120–123.

[38] *Ермолаева Л. И.* Сичкарев И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 127.

путешествия по Волге и П. Курбатова), «Иосифом» Битобе в переводе Д. И. Фонвизина. Заметим, однако, что в 1768–1769 гг. ни Херасков, ни Фонвизин не подчеркивали жанровые особенности своих сочинений,[39] а русское издание «Книдского Храма» ослабляет некоторые приемы, примененные автором: его имя значится на титульном листе, после предисловия «французского переводчика» встречается заметка о том, что «прямый Книдского Храма сочинитель» — Монтескье (ХК: [4]), а слова «petit roman» (TG: 392) переводятся как «небольшая любовная повесть» (ХК: [2]).

Вместе с тем, по нашему мнению, для России конца 1760–1770-х гг. особенно актуальной мог оказаться другой аспект — причастность «Книдского Храма» к культуре рококо целым рядом существенных черт. Помимо впечатляющего сходства с живописью Ватто, отмеченного Узанном,[40] современные исследователи видят в произведении Монтескье стремление к счастливой жизни в уединенном «красивом местечке», будь то замок или дворец,[41] центральную роль женщины как предмета разделенной любви, а также как признанной законодательницы изящности, нежности, умеренности.[42] В основополагающей статье 1960 г. Реми Сайсселина цитата из первой песни «Книдского храма»[43] служит примером не трагического, а нежного характера любви в культуре рококо.[44]

Идея существования рококо в английской, французской, немецкой литературах развивается в ряде исследований прошлого века и сегодняшнего дня, хотя и не получает всеобщего признания. Что касается русской литературы, в 1970-е гг. американский исследователь Г. Б. Сегель в полемике по поводу расширения хронологиче-

---

[39] *Росси Л.* «Иосиф». Фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе: проблемы жанра и рецепции // Litterarum fructus: Сб. ст. к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 130, 139–140.

[40] Ср.: *Geffriaud Rosso J.* Montesquieu et la féminité… P. 411.

[41] Ср.: *Saisselin R. G.* The Rococo as dream of happiness // Journal of aesthetics and Art criticism (Winter 1960). P. 148, 151.

[42] Там же. Ср. также: *Brady P.* Rococo Style versus Enlightenment Novel. Genève, 1984. P. 77, 85.

[43] L'Amour a ôté de son carquois les traits cruels, dont il blessa Phedre & Ariane, qui mêlez d'amour & de haine servent à montrer sa puissance… (TG: 399). Русский перевод см. ниже. примеч. 65.

[44] *Saisselin R. G.* The Rococo as dream of happiness… P. 149.

ских рамок русского барокко сделал попытку причислить к рококо малые жанры Сумарокова, некоторые послания и «легкие» стихотворения М. Н. Муравьева, «Фелицу» и анакреонтические песни Державина[45] и, главное, — «Душеньку» Богдановича, уподобляя ее шедеврам А. Попа («Похищение локона», 1712) и К. М. Виланда («Музарион», 1768). Он писал: «Аналогично барокко, рококо никогда не было *течением*, как классицизм, романтизм или символизм. Его хронологические рамки еще труднее поддаются определению, и было бы ошибочно назвать его прежде всего литературной *эпохой* (здесь и далее курсив мой. — *Л. Р.*). Оно получило свое название в последующую эпоху, первоначально применительно к пластическим искусствам. Но, как и барокко, рококо обладало специфическими чертами *стиля* и специфическим лицом».[46]

Исследователи, занимавшиеся этой темой, также колеблются между определениями рококо как «стиля эпохи»,[47] «течения, с оговорками»[48] и, недавно, «понятия, или культурной модальности».[49] Вместе с тем, до сих пор убедительной кажется идея «рококо как (последней. — *Л. Р.*) мечты о счастье» монархов и благородного общества старого режима.[50]

Что среди них была Екатерина II, показывают, между прочим, приобретение в 1769 г. картины Ватто «Затруднительное предло-

---

[45] Мы бы добавили прежде всего «На рождение в севере порфирородного отрока» (1779).

[46] *Segel H. B.* Baroque and Rococo in Eighteenth-Century Russian Literature // Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 15. №. 4 (Winter, 1973). P. 565.

[47] *Brady P.* Rococo Style… P. 19–32.

[48] Отмечались примеры смешения стилей или причастности определенного автора к рококо только в некоторых произведениях или годах (См.: *Weisgerber J.* Les Masques Fragiles: Esthétique et formes de la Littérature Rococo. Lausanne, 1991. P. 64–67).

[49] *Hyde M. L.* Afterword. The Rococo dream of happiness as «a delicate kind of revolt» // Rococo echo. Art, History and Historiography from Cochin to Coppola. Oxford, 2014. P. 338.

[50] *Saisselin R. G.* The Rococo as dream of happiness… В более зрелых работах автор уже не отделяет рококо от барокко (См.: *Saisselin R. G.* The Enlightenment Against the Baroque: Economics and Aesthetics in the Eighteenth Century. Berkeley, 1992). Вместе с тем, его ранние удачные формулировки до сих пор цитируются (см. выше).

жение» для галереи «Эрмитажа» и само кокетливо-смиренное название «Эрмитаж».[51] В перечне первых пяти книг, утвержденных к переводу Собранием, старающимся о переводе иностранных книг, находилась и безделица Монтескье.[52] Мы не склонны объяснить это чистой случайностью.[53] В то время переводчик Иван Сичкарев состоял «регистратором при Кабинете е. и. в.» и участвовал в журнале «Всякая всячина» (1769), редактировавшимся Г. В. Козицким.[54] Он мог «угадать» намерения самой Екатерины или, по крайней мере, ее близкого окружения.[55] Далекий от дидактизма сатирических журналов, «маленький роман» Монтескье мог представить более или менее образованным читателям «картину» идеальной страны под покровительством благосклонной богини, идеальных отношений между влюбленными и, таким образом, способствовать тому «смягчению нравов», которое и было целью просвещенного абсолютизма.[56]

Однако непреодолимое противоречие лежало между целью перевода (если такой она и была) и средствами переводчика. Вообще такого типа прозаический текст представлял большие трудности для русского языка 1770 г. Такие слова как «plaisir / plaisirs», «grâce / grâces» не поддавались однозначному истолкованию.[57] К тому же, Сичкарев в тот же год переводил настоящую «еллиногреческую»

---

[51] Ср.: *Saisselin R. G.* The Rococo as dream of happiness… P. 148.

[52] *Семенников В. П.* Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II: 1768–1783 гг. Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 9, 37, 47; *Плавинская Н. Ю.* «Трудности перевода»… С. 14.

[53] Ср.: *Левин Ю. Д.* Начало 1760 — середина 1780-х годов… С. 153.

[54] *Ермолаева Л. И.* Сичкарев И. И. … С. 127.

[55] «Храм» не входил в Екатерининский собственноручный т. н. «список книг, рекомендованных к переводу» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 427. Л. 1, 2–2 об., 4. Ср.: *Плавинская Н. Ю.* «Трудности перевода»… С. 10).

[56] О воспитательных планах Екатерины и о ее отношениях к *политической* мысли Монтескье см.: *Iwiński A. D.* Культурная политика Екатерины II: к вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // Slavia Orientalis. 2015. Т. 66. № 2. S. 229–243.

[57] Ср.: «<L'amour> tomba sur le sein de Psichée: Ah! dit-il, je commence à sentir que je suis le Dieu des plaisirs» (TG: 396). «Потом <Купидон> упав на лоно Психии, вскричал: Ах! я начинаю ощущать, что я бог веселия» (ХК: 8). «Cette pudeur, qui est la première des grâces» (TG: 396). «И стыдливость, которая есть первою Грациею» (ХК: 8). В переводе 1804 г. мы найдем слова «удовольствие» и «приятности» соответственно (ХВ: 12, 13).

книгу, «Различные истории» Клавдия Элиана (165–235).[58] Он выбрал умеренно высокий слог с частыми инверсиями, а в воспроизведении географических названий последовательно отдавал предпочтение греческому варианту. За исключением немногочисленных ошибок, он хорошо понимал французский язык, но его тяжеловесные фразы не делали оригинал привлекательным, архаизируя и лишая его второго — современного — семантического уровня.

В начальном описании Книда мы читаем «l'air ne s'y respire qu'avec la volupté» (TG: 393). Хотя буквально это значит «там всегда приятно дышится», как первые недоброжелательные рецензенты, так и последний переводчик понимали, что речь идет и об удовольствии другого типа и писали «Ce poème ne respire que la volupté» («Эта поэма дышит сладострастием»),[59] «Воздух дышит роскошию» (ХВ: 5). А Сичкарев отдал предпочтение буквализму и физиологии вдыхания: «воздух, дыханием внутрь вовлекаемый, приятностями своими всякаго пленяет» (ХК: 2). Неуместна также его русификация терминов, особенно в том случае, когда они употребляются в переносном смысле: «скопцы» и «скоморохи» (ХК: 12; 33) для обозначения евнухов и шутов («bouffons», TG: 397; 406; ср. ХВ: 18; 49).

В то время в России культура рококо, мечта о приятном времяпрепровождении благородного общества, была актуальной для тех читателей, которым книга Монтескье была доступна в оригинале. Достойны внимания слова М. Н. Муравьева в письме сестре от конца августа 1777 г.:

> Нынешние два дни читал я прекрасную книгу: «Considérations sur <...> la grandeur et la décadence des Romains» par mr le président Montesquieu, son «Temple de Gnide», petit poème en prose, joli au possible, ses fragments sur le goût etc. Это такие книги, qu'il faut relire, quand on les a lus.[60]

---

[58] См.: *Ермолаева Л. И.* Сичкарев И. И… С. 127.

[59] Journal des Savants // Mémoire de la critique. Montesquieu… P. 55.

[60] «„Размышления о <…> величии и падении римлян" г. президента Монтескье, его „Книдский храм", маленькую поэму в прозе, до невозможности прелестную, его фрагменты о вкусе и т. д. Это такие книги, которые надо перечитывать, если даже не читал» (*Муравьев М. Н.* Письма отцу и сестре 1777–1778 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 282). Очевидно, что речь идет об издании: Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. Nouvelle édition, à laquelle on a joint un Dialogue de Sylla et d'Eucrate, le Temple de Gnide et l'Essai sur le Gout, Fragment. Amsterdam, 1776.

Здесь примечательны точное определение жанра произведения, восторженный тон, и, наконец, факт, что, несмотря на существование русского перевода «Храма», молодой писатель читал его и даже говорил о нем по-французски.

Как известно, именно в те годы Муравьев культивировал малые стихотворные жанры, навеянные естественностью и непринужденностью французского салона.[61] Но с культурой рококо связана и часть его неизданной прозы, как светской, так и педагогической, обращенной к будущей жене Александра I, и даже домашней.[62] И если мечта Муравьева о счастье оставалась в ограниченных пределах семейного круга, то культурная программа Карамзина начала 1790-х гг. основалась на той «феминизации» нравов и ценностей,[63] которая близко напоминает идеи Монтескье в его произведении.

Но культурная панорама кардинально изменилась уже к концу 1790-х гг.,[64] и тем более когда в 1804 г. в Москве, в лавке содержателя университетской типографии Егора Гари стал продаваться второй анонимный перевод «Книдского Храма», который, конечно, остается за пределами русского — переводного и оригинального — рококо.

Составители третьего тома «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.», кажется, не опознали переводчика; возможно, это был студент Московского университета, не способный отличать Федру от Федра.[65] И он обращался к не слишком

---

[61] *Зорин А. Л* «Вслед шествуя Анакреону…» // Цветник. Русская легкая поэзия XVIII–XIX вв. М., 1987. С. 5–53.

[62] *Росси Л.* Сентиментальная проза М. Н. Муравьева: новые материалы // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 114–146. См. также: *Зорин А. Л.* 1) Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 188–201; 2) Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016. С. 180–197.

[63] *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 265–271; *Hammarberg G.* From the Idyll to the Novel: Karamzin's Sentimentalist prose. Cambridge. 1991. P. 93–121.

[64] О враждебном отношении Карамзина к прециозной культуре около 1797 г. см.: *Серман И. З.* Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 8, 182–210.

[65] Процитированную характеристику Книдской любви (примеч. 44) Сичкарев правильно переводил: «Купидон вынул из колчана своего стрелы, поразившие некогда Федру и Ариадну, которые смешенную имея любовь с ненавистью, изъявляют силу его…» (ХК: 15), между тем как анонимный переводчик пишет: «Амур вынул

просвещенному читателю, которому надо было объяснить, кому посвящен храм Книда. Не совсем исключено, однако, что упоминанием Венеры автор хотел подчеркнуть эротическое содержание произведения. Его понимание текста не всегда верно, часто он обобщает, сокращая или распространяя оригинал. В отдельных случаях его лексика ближе к современной, но иногда он пользуется «кричащими» славянизмами. Попыткой стилистической дифференциации можно, пожалуй, объяснить различные слова, обозначающие речь Венеры, то влюбленной в Адониса, то покровительницы Темиры: «Как! говорила она, я люблю смертного? Ах! я чувствую, что его обожаю!» (ХВ:10); «Богиня рекла мне…» (ХВ: 32). Но трудно понять выбор слов «градские девы», в том месте, где Сичкарев писал «того города девицы» (ХК:11), для обозначения тех, которые «в честь ей жертвуют своею невинностью, и чрез сию мнимую набожность обогащаются» (ХВ: 17). Еще труднее понять, знал ли автор, о чем идет речь, когда решил перевести слово «courtisane / courtisanes» (TG: 397, 400) калькой «придворная / придворные» (ХВ: 18, 29).[66]

Для нас примечательно, что переводчик, пропустив как предисловие, так и конечную идиллию, от себя добавил подзаголовок «Поэма в семи песнях», отсутствующий у Монтескье. В этом он напоминает не столько писателей, сколько читателей средне-высоких прозаических повествований конца 1770 — начала 1800-х гг.[67] Что касается идеи молодого переводчика опубликовать именно это произведение, то, парадоксально, определенную роль могло играть издание в Университетской типографии, у Клаудия и затем у Люби, Гария и Попова последних частей «Сочинений» М. М. Хераскова: в 1801 г. — «Кадм и Гармония. Древнее повествование», в 1802 г. — «Полидор, сын Кадма и Гармонии», в 1803 г. — «Нума Помпилий, или Процветающий Рим». Примечателен в IV книге «Кадма и Гармонии» рассказ бедного старца Офара о сибаритах, об их разврате и о пагубном влиянии на Фессалийское царство: если под их маской

из своего колчана жестокие стрелы, которыми пронзил он Федра (так!) и Ариану. Сии стрелы, будучи смешаны с любовью и ненавистью, показывают его могущество» (ХВ: 23).

[66] Ср. у Сичкарева: «непотребная женщина / непотребные женщины» (ХК: 12, 19).

[67] Речь идет о свидетельствах Ф. Н. Муравьевой и А. Т. Болотова (См.: *Росси Л.* «Иосиф»… С. 123, 125, 140).

Монтескье высмеивал парижан, то Херасков метил вообще в современных (1789) французов.[68] В «Предисловии» можно было читать что хотя, по мнению Хераскова, «сам Фенелон чувствовал, что его Телемаку свойственнее проза, нежели стихи», тем не менее, он считал, что «уподоблять можно творца Телемака величайшим Пиитам», так как «не одни стихи, но наипаче изобретения, естественность, украшения, привлекательность слога, убедительное нравоучение и остроумие стихотворца составляют».[69] В этом ключе, возможно, следует читать и «Храм Венеры на острове Книде. Поэма в семи Песнях».

В заключение следует сказать несколько слов о стиле произведения Монтескье, о его умении воспроизвести самые тонкие оттенки чувства и о том, как с ними справились русские переводчики. Возьмем любовные признания Аристея:

Quelquefois elle [Camille] me dit en m'embrassant, Tu es triste; Il est vrai, lui dis-je, mais la tristesse des amans est délicieuse; je sens couler mes larmes, & je ne sçai pourquoi, car tu m'aimes; je n'ai point de sujet de me plaindre, & et je me plains; ne me retire point de la langueur où je suis, laisse-moi soupirer en même-tems mes peines & mes plaisirs.

Dans les transports de l'amour mon ame est trop agitée: elle est entraînée vers son bonheur sans en joüir; au lieu qu'à present je gouste ma tristesse même: n'essuye point mes larmes; qu'importe que je pleure, puisque je suis heureux (TG: 411).

Перевод Сичкарева:

Иногда, обнимая она меня, говорит мне: «Ты печален». «Конечно, так, — ответствую я ей; — *но печаль влюбленных приятна*: текут из очей моих слезы, а для чего, я не знаю, ибо ты меня любишь, я не имею никакой причины жаловаться, но жалуюсь: не отнимай от меня уныния моего, дай мне воздыхать теперь о мучениях и о веселиях моих.

В любовных восхищениях дух мой тревожился чрезмерно влеком ко счастию своему, не наслаждаяся оным: и ныне, напротив того, и *печаль мне приятна*. Не отирай слез моих: нет нужды, что я плачу, лишь бы я счастлив был (ХК: 47).

Перевод 1804 г.:

Иногда говорила она, обнимая меня: «Ты печален!» «Это правда, — отвечал я ей; — *но печаль любовников непонятна*: часто текут слезы из моих глаз, я и сам

---

[68] *Херасков М. М.* Кадм и Гармония. Древнее повествование. М., 1801. Часть первая, поправленная и пополненная. С. 128–130.

[69] Там же. С. 9.

не знаю, от чего; ибо ты меня любишь. Я не имею причины на тебя жаловаться, но жалуюсь: ах! не растрогивай упоенного любовью моего сердца! позволь мне воздыхать о моих удовольствиях!

В восторге любви душа моя стремится к своему благополучию; я чувствую, что *печаль моя сладостна*. Не отирай моих слез. Какая нужда в том, что я плачу, будучи благополучен? (ХВ: 69–70).

И благодаря таким нелегким упражнениям, в русле рококо возник новый язык, язык Пушкина: «печаль моя светла».

М. ФЕРРАЦЦИ

КОМЕДИЯ ДЕЛЬ АРТЕ И КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА В РОССИИ XVIII ВЕКА

В своей работе «„Дама-невидимка“ Кальдерона и другие „домовые духи“ в России XVIII века» И. С. Христенко поставила вопрос о восприятии в России пьесы «La dama duende» Педро Кальдерона де ла Барка и исследовала влияние, оказанное кальдероновской героиней на русскую театральную культуру второй половины века Просвещения.[1]

В поисках первых русских переводов пьесы Христенко подчеркивала большую разницу между театром западных стран и русским театром. На Западе первые переводы «La dama duende» появились сразу после ее первого представления (1629). В России первый перевод пьесы был опубликован только в 1894 г. («Невидимка» анонимного автора).[2] При этом кальдероновский мотив Дамы-неви-

[1] *Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века» // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 273–292. «La dama duende», одна из самых известных пьес «плаща и шпаги» Кальдерона, развивает очень простую историю. Молодая вдова, донья Анхела, живет в Мадриде в доме своих братьев, где в гостях у старшего брата живет и дон Мануэль, красивый молодой человек высоких идеалов. Используя потайную дверь, влюбленная Анхела оставляет в его комнате подарки и нежные послания. Возникает ряд комических ситуаций, главным героем которых является Косме, слуга дона Мануэля, убежденный, что все происходящее — дело рук домового или Дамы-невидимки. Комедия счастливо заканчивается свадьбой Анхелы и дона Мануэля.

[2] За ним последовали переводы в стихах К. Д. Бальмонта («Дама Привидение», 1919) и Т. Л. Щепкиной-Куперник («Дама-невидимка», 1940).

© М. Ферраццци, 2017

димки, как замечала исследовательница, в России был известен и ранее. Впервые он встречается в анонимной пьесе, напечатанной в двух изданиях в 1780 и 1783 гг. под названием «Домовой, или Женская хитрость». На титульном листе обоих изданий уточняется, что читателю предлагается перевод: с немецкого языка в издании 1780 г., с французского — в издании 1783 г.

Христенко продолжает свое исследование, сопоставляя кальдероновский подлинник с его немецкими и французскими версиями и подробно иллюстрируя процесс ассимиляции в России испанского сюжета. В целом, ее работа развивает два тесно связанных между собой тезиса. Во-первых, несмотря на «доминирующую роль комедии среди драматических жанров во второй половине века, а также активную переводческую деятельность того времени», кальдероновский мотив Дамы-невидимки дошел до России только в конце XVIII в., а, во-вторых, русский читатель познакомился с ним «через переводы-переделки на французском или немецком языках», что не удивительно, «учитывая первостепенную роль Франции и Германии как посредников между западной культурой и Россией в XVIII в.».[3]

Богатство и разнообразие фактических данных, предлагаемых Христенко в ходе своей работы, в особенности некоторые ее замечания, побудили меня задуматься над взаимоотношениями на российской почве между театральным творчеством Кальдерона, в частности его пьесами «плаща и шпаги», и их разными европейскими версиями, с одной стороны, и итальянской комедией дель арте, — с другой.

«La dama duende» в XVIII веке

Прежде всего, быстрое и широкое распространение мотива Дамы-невидимки в Западной Европе заставляет вспомнить о трех труппах итальянских музыкантов и комедиантов,[4] гастролировавших при

---

[3] *Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона... С. 275.

[4] Более полно о турне итальянских комедиантов при аннинском дворе см.: *Mooser R.-A.* Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII ème siècle. Mont-Blanc. Genève, 1948–1951. T. 1 (Des origines à la mort de Pierre III). P. 39–178; *Феррацци М.* Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны: 1731–1738. М., 2008. С. 17–62; 262–279.

русском дворе во время царствования императрицы Анны Иоанновны. Как известно, первая из них, отправленная в Москву польским королем и саксонским курфюрстом Августом II для участия в коронационных торжествах, пробыла в Москве с февраля 1731 г. до первых дней 1732. Ею руководил Томмазо Ристори, комик, специализировавшийся в роли Скарамуша, уже давно служивший при дрезденском дворе. Во время своего пребывания в России труппа Ристори развлекала Анну и ее придворных широким репертуаром не только интермедий, серенад и кантат, но и сценариев комедий дель арте.[5] Тексты сценариев не сохранились, но благодаря письмам барона И. Лефорта, в ту пору представителя саксонского двора в России, до нас дошли французские переводы их названий (около 25) и иногда краткие пояснительные примечания об их постановках.[6] В депеше, отправленной 7 мая 1731 г. к графу ди Ланьяско, служившему в то время при саксонском кабинете министров, Лефорт писал:

Jeudi passé les comédiens représentèrent la pièce de la Dame démon et la servante Diable...[7]

Пер.: В прошлый четверг комедианты представили пьесу «Госпожа бесовка и служанка дьяволица»…

Поскольку текст сыгранного Ристори и его труппой сценария до нас не дошел, невозможно подвергнуть его подробному анализу, однако на основе его названия кажется возможным выдвинуть несколько замечаний исторического характера.

Во-первых, данное название сразу отсылает к пьесе «Arlequin persécuté par la dame invisible. La dama demonia» («Арлекин дамою

---

[5] Как известно, актеры комедии дель арте пользовались не письменным текстом, а более или менее протяженным и подробным сценарием. Чаще всего в нем фиксировались только узловые пункты сюжета, сценическое развертывание которого доверялось мастерству исполнителей.

[6] Переписка Лефорта на французском языке, хранящаяся в Центральном архиве Дрездена (Sachsisches Hauptstaatsarchiv), была напечатана в приложении к кн.: *Mooser R.-A.* Annales de la musique et des musiciens en Russie… С. 365–379. Ее русский перевод можно найти в кн.: Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740 гг. / Сост. Л. М. Старикова. М., 1995. С. 136–215.

[7] *Mooser R.-A.* Annales de la musique et des musiciens en Russie… С. 369; Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны… С. 195.

невидимой преследуемый. Дама-бесовка»), представленной в Париже прославленным итальянским комиком Луиджи Риккобони по прозвищу Лелио 25 мая 1716 г.[8] В своих «Заметках и воспоминаниях об Итальянском театре в XVIII веке» Т. С. Гёлет комментирует подробности этого парижского спектакля, на котором лично присутствовал:

Cette pièce est tirée de la Dama Duenda (так! — *М. Ф.*) de l'espagnol. C'est la même que d'Ouville, frère de l'abbé Boisrobert, et Hauteroche, ancien comédien, ont donné en vers au Théâtre Français. Il y a dans l'italienne une scène de sommeil admirable, jouée par Lelio (Riccoboni le père) dans la plus grande perfection. La pièce en tout est extrêmement divertissante.[9]

Пер.: Эта пьеса извлечена из испанской «Dama Duenda». Она та же, что Д'Увиль, брат аббата Буаробера, и Отрош, в прошлом комедиант, давали в стихах во Французском театре. В итальянской пьесе есть восхитительная сцена сна, игранная Лелио (Риккобони-отцом) с величайшим совершенством. Пьеса в целом в высшей степени забавна.

---

[8] Луиджи Риккобони (Модена, 1676 — Париж, 1753) начал свою артистическую деятельность в Италии. В 1716 г. в возрасте 40 лет он был вызван в Париж французским регентом Филиппом Орлеанским для того, чтобы возродить Итальянский театр. В 1729 г. он решил бросить сцену и посвятил себя исследованиям театральной истории и теории. В источниках он часто упоминается как «Риккобони-отец», чтобы отличить его от сына Франческо, который тоже был комедиантом и театральным теоретиком. Л. Риккобони был близко знаком с А. Д. Кантемиром и через него отправил российской императрице Елизавете Петровне свой трактат «De la Réformation du Théâtre» (1743). Об этом см.: *Ferrazzi M.* 1) Из предыстории российского театра: А. Д. Кантемир и итальянский актер и театральный деятель Луиджи Риккобони // Literatura rosyjska XVIII-XXI w. Dialog idei i poetyk. Русская литература XVIII–XXI вв. Диалог идей и эстетических концепций. Russian Literature from the Eighteen century to the Present. A Dialogue of Ideas and Poetics / Pod. Redakcią Olgi Głowko. Lódź, 2008. S. 43–56. 2) Le teorie riformatrici di Luigi Riccoboni nella Russia del XVIII secolo» // Drammaturgia. XIII. № 3. 2016 (в печати).

[9] *Gueullette Th.-S.* Notes et souvenirs sur le Théâtre-Italien au XVIIIe siècle. Droz. Paris, 1938. P. 72. Т.-С. Гёлет (Gueullette, 1683–1766), адвокат и советник короля, был страстный любитель парижского Итальянского театра. Не все собранные им весьма богатые материалы были использованы для составления «Заметок и воспоминаний...». Многие из них вошли в известную «Histoire de l'Ancien Théâtre Italien depuis son origine en France» («История Старого Итальянского театра от его начала во Франции)», изданную братьями Франсуа и Клодом Парфе (Parfaict) в 1753 г.

В своем описании, назвав испанский источник,[10] за исключением пьесы «L'esprit follet» Колле, написанной после его смерти, Гёлет перечисляет французские версии, указанные и Христенко: «L'Esprit follet ou la Dame invisible» Д'Увиля (1639), с которой во Франции начался большой успех пьес «à l'espagnole», и «La dame invisible» Отроша (1684). Но для нас интереснее всего его указание, что сыгранная Риккобони пьеса была «итальянской». Действительно, сценарии, извлеченные из испанской «La dama duende», встречаются не только во французском, но и в итальянском театре. Их экземпляры находятся в самых старых рукописных сборниках. Например, в одном сборнике Ватиканской библиотеки[11] интересующий нас сценарий носит название «La dama demonio» («Дама-бесовка»), а в сборнике, хранящемся в Национальной библиотеке Неаполя,[12] имеется сценарий под названием «La donna creduta spirito folletto» («Дама за домового принятая»), героиня которого во многом напоминает «Даму-бесовку». Сценарий под названием «La dame diablesse» («Дама-чертовка», французский перевод какого-то итальянского подлинника) встречается и среди «Сюжетов итальянских комедий, не напечатанных в сборнике Герарди» («Sujets de comédies italiennes non imprimées dans le recueil de Gherardi»), хранящихся в Париже

[10] Возможно, что Гёлет не считает нужным упомянуть имя Кальдерона, потому что, как известно, в его время проблеме авторства художественного произведения не уделялось особого внимания. Ему, возможно, также было известно, что мотив Дамы-невидимки в испанском театре был использован и до Кальдерона. Как справедливо напоминает Христенко, считается, что кальдероновская пьеса «явилась переделкой одноименной несохранившейся пьесы Тирсо де Молины» (см.: *Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона… С. 278). Добавлю, что Тирсо в свою очередь, похоже, заимствовал мотив Дамы-невидимки из произведений итальянцев Мазуччо да Салерно (1410–1475) и Маттео Банделло (1485–1561). Первый развивает этот мотив в своей XXVI новелле из «Новеллино», второй — в XXVI новелле четвертой части своего сборника и заимствует его у Мазуччо (см., напр.: *Masuccio Salernitano.* Il Novellino nell'edizione di Luigi Settembrini / A cura di S. S. Nigro, Biblioteca Unversale Rizzoli. Milano, 1990. P. 359–365; *Bandello M.* Le novelle, Edizioni dell'Orso. Alessandria, 1996. Quarta parte. P. 167–173). Таким образом, первоисточник сюжета не испанский, а итальянский.

[11] Cod. Vat. Lat. 10244. Об этом см.: *Pandolfi V.* La commedia dell'Arte. Storia e testo. Firenze, 1957. T. 1. P. 296.

[12] Gibaldone de' soggetti da recitarsi all'impronto. Alcuni proprij e gl'altri da diversi. Raccolti di D. Annibale Sersale Conte di Casamarciano. Biblioteca Nazionale di Napoli. MS. A. A. XI. 41. О нем см.: *Pandolfi V.* La commedia dell'Arte... P. 356.

в Национальной библиотеке.[13] Упомянутые «Дама-бесовка» и «Дама-чертовка» фигурируют и в репертуаре Старого Итальянского театра, действовавшего в Париже в 1660–1697 гг.

Итак, поскольку актеры, выступавшие при Аннинском дворе, были итальянцами и играли на итальянском языке, кажется почти несомненным, что для представления сценария, названного Лефортом «Госпожа бесовка и служанка дьяволица», они использовали именно один из перечисленных выше сценариев. Это, по всей вероятности, был сценарий из Парижской Национальной библиотеки, в котором среди персонажей оказывается также Скарамуш, чьей ролью прославился Томмазо Ристори.[14] Отнести дату вступления в Россию кальдероновского сюжета к началу 1730-х гг. кажется, поэтому, вполне обоснованным, и столь же обоснованным кажется утверждение, что приход Дамы-невидимки из Испании в Россию впервые случился не в переделках французских и немецких драматургов, а благодаря старинному итальянскому сценарию.

«La dama duende» и комедия дель арте

Приведенная выше история «Дамы-невидимки» позволяет сделать еще одно замечание. Не только сценарий, поставленный Т. Ристори, но и пьеса «Домовой, или Женская хитрость», упомянутая

---

[13] Coll. Soleinne, F. Français, ms. 9329. Евариcто Герарди, один из наиболее известных актеров Старого Итальянского театра, составил многотомный сборник сценариев («Théâtre italien»), ставший ценным подспорьем для многих комиков дель арте.

[14] Сюжет этого сценария (1683–1684) таков: Капитан Оттавио, находяшийся в городе по личным делам со слугой Арлекином, случайно спасает Доктора, отца Чинцио и Евларии. Очарованная доблестью юноши, Евлария забывает свою любовь к Скарамушу и, притворяясь дьяволицей, подстраивает с помощью слуги Медзеттина целый ряд «бесовских» шуток, чтобы привлечь внимание прекрасного иноземца. В конце Евлария раскрывает обман, объявляя, что готова выйти замуж за столь отважного юношу, которому ее отец обязан жизнью. Доктор, Чинцио и Оттавио с радостью дают согласие на свадьбу (см.: Il Théâtre Italien di Gherardi: Otto commedie di Fatouville, Regnard e Dufresny presentate da Marcello Spaziani. Edizioni dell'Ateneo. Roma, 1966. P. 664–680). Как нетрудно установить, за исключением некоторых подробностей (замена имен оригинала именами, характерными для комедии масок, спасение Доктора рукой Оттавио и любовь Евларии к Скарамушу) текст из Парижской Национальной библиотеки, как и другие итальянские сценарии, близок и к испанскому источнику, и к его французским переделкам.

Христенко явно показывают, что кальдероновская героиня вступила в Россию в платьях, сшитых по ее фигуре старинной итальянской комедией дель арте. Как неоднократно замечалось, уже у Кальдерона присутствуют элементы, возводимые к традиции импровизационной комедии.[15] Во Франции, когда Д'Увиль написал свой «Esprit follet», французская комедия, еще в поисках своих жанровых и стилистических черт, обращалась к испанскому театру, не забывая все-таки великий урок итальянцев. Что касается Отроша и Колле, в своей работе Христенко справледиво подчеркивает, что, по сравнению с кальдероновским подлинником, в их переделках «рыцарско-фантастические элементы в интриге уступают место элементам комическим, и произведение с каждым разом все более приближается к легкой комедии положений» и, в поддержку своего утверждения, добавляет: «Не случайно А. Чоранеску полагает, что переделки и имитации комедий Кальдерона во французском театре первой половины XVIII в. сделали из испанского драматурга главного предвестника жанра водевиля».[16] Замечание интересно и побуждает к дальнейшему исследованию. Со своей стороны, я бы заметила, что и Отрош, и Колле многим обязаны комедии дель арте. Показательно, что мотивы, которые сама Христенко называет «неизменными во всех версиях» комедии («трюк с секретной дверью, роль слуги-шута, который боится домовых, и, конечно, движущая сила всех перипетий — любовь»[17]), — это характерные мотивы импровизационной комедии. Яркой чертой «improvvisa» является также роль служанки. «В отличие от комедии Кальдерона, — пишет Христенко, — где почти вся инициатива в создании и реализации интриги принадлежит донье Анхеле, теперь все ее нити находятся в руках служанки, которая поражает своей активностью»:[18] активность, нам

---

[15] Об этом см.: *D'Antuono N. L.* El repertorio calderoniano de la *commedia dell'arte* // Studia Aurea. Actas del III Congreso de la AISO. III. Toulouse-Pamplona, 1993. P. 141–149. Более общий вопрос отношений итальянских комиков с Испанией, помимо других работ Д'Антуоно, рассмотрен Профети. См.: *Profeti M. G.* Arlecchino in Spagna // *Gallo A. [et alii]*. Per ridere. Il comico nei secoli d'oro. Alinea. Firenze, 2000. P. 49–78.

[16] *Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона... С. 279 и примеч. 28.

[17] Там же. С. 280.

[18] Там же. С. 283.

сразу напоминающая находчивость и живость знаменитых служанок комедии масок — Смеральдины, Финетты и Кораллины.

Стоит еще добавить, что при общем взгляде на разные переделки «La dama duende» со всей очевидностью выясняется, что в них качество взаимосвязей действующих лиц оригинала и его социальный фон (в частности, мотив дворянской чести, связанный с главным героем) отступают на второй план. Все внимание концентрируется на героине и на цепи устроенных ею смешных недоразумений, в которых главную роль играет суеверный слуга героя, убежденный, что все происходящее — дело рук злого домового. В итоге испанский подлинник сводится к «бродячему мотиву», который каждый переводчик-перелагатель развивает в соответствии с культурным уровнем и народными традициями своей публики. Дух времени не преминул оставить какие-то следы и на русской версии: например, как справедливо подчеркивает Христенко, в ней, по «типичному для русского классицизма приему»,[19] герой пьесы, в подлиннике дон Мануэль, переименован в Здравосудова, условные «говорящие» имена носят и другие персонажи: Миролюб, боевой товарищ Здравосудова, и Прелест, поклонник Флорины. Кажется несомненным, однако, что пером анонимного переводчика водило не стремление противопоставить свет разума и здравого смысла тьме невежества и суеверия, а скорее, как уже было с итальянскими, французскими и немецкими предшественниками, желание привлечь и развеселить будущих зрителей. Настолько же несомненным представляется то, что в достижении данной цели фундаментальное содействие оказал творческий метод комедии дель арте.[20]

---

[19] Там же. С. 280.

[20] Характерно, что, как выявила Христенко, в свое время подобный путь прошла и пьеса «The Drummer, or The Haunted House» (1716) Дж. Аддисона. В 1736–1737 гг. Детуш (Philippe Néricault, dit Destouches, 1680–1754) вольно перевел ее на французский язык («Le tambour nocturne, ou le Mari devin»), а в 1764 А. А. Нартов опубликовал русскую версию французской переделки («Привидение с барабаном»). И в этом случае русский переводчик, небрежно относясь к подлиннику, верно следовал одной, в данном случае французской, его обработке, где «акцент с легкости словесного юмора в репликах героев переносится на комизм положений», так что произведение Аддисона, признаваемое «одной из первых комедий нравов просветительского типа», было предложено русской публике в «слегка утрированном, приближающемся к фарсу варианте». В версиях «Дамы-невидимки», как и в «Le tambour

«La dama duende» в XX веке

На основе вышесказанного, думается, допустимо также замечание по поводу удивительно широкого внимания, вызванного кальдероновской пьесой в первые десятилетия XX в., на которое Христенко ссылается в начале своей статьи. В своей работе «Between love and hate: Calderon de la Barca in Tsarist Russia and the URSS (1702–1984)» американский исследователь Дж. Вайнер напоминает, что в театральный сезон 1923–1924 гг. вторая студия МХАТа предложила своей публике новую постановку «Дамы-невидимки», которая была встречена так тепло, что ее повторили тринадцать раз и летом вывезли на гастроли в Нижний Новгород, Казань, Самару и Саратов. В 1924–1925 гг. пьеса была представлена пятьдесят раз и летом студия привезла ее в Свердловск и Ново-Николаевск. Ободренный расположением публики, В. И. Немирович-Данченко решил включить ее на следующий год в репертуар МХАТа, который лишь в сезон 1925–1926 гг. представил ее сорок пять раз. В целом пьеса была поставлена более ста раз.[21] По мнению Вайнера, причиной такого крупного успеха является то, что, в отличие от большинства произведений Кальдерона, «La dama duende», как, впрочем, и другие пьесы «плаща и шпаги» испанского писателя, не несет ярко выраженного идеологического содержания. Кальдерон, аргументирует Вайнер, был убежденным сторонником римской католической церкви и испанского политического экспансионизма и империализма. Это черты, которые не могли благосклонно принять ни царская Россия, ни Советский Союз, два политических строя, во время которых театром пользовались для того, чтобы установить официальный контроль и поддержать официальную государственную стратегию.[22] По Вайнеру, значит, ответственность как за остра-

---

nocturne», а следовательно, и в «Привидении с барабаном», снижение общего тона прототипа реализуется через его контаминацию с комическими мотивами, использованными в старинных сценариях импровизационной комедии. См.: *Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона... С. 287–290.

[21] *Weiner J.* Between love and hate: Calderon de la Barca in Tsarist Russia and the URSS (1702–1984) // *Reichenberger K., Caminero J.* Calderón dramaturgo. Universidad de Deusto / Ed. Reichenberger. Kassel, 1991. P. 219 и сл.

[22] Ibid. P. 193, 195.

кизм, которому были подвергнуты символистские пьесы Кальдерона, в особенности его высоко оцениваемые в Западной Европе «autos sacramentales», так и за большой успех, достигнутый в России комедиями типа «La dama duende», лежит на причинах политического характера.

В принципе, с замечаниями Вайнера можно во многом согласиться, но, на мой взгляд, в ближайшие до- и послереволюционные годы популярности «Дамы-невидимки» в России, по крайней мере в некоторых отношениях, содействовали и культурные тенденции времени. Общеизвестно значительное влияние, которое импровизационная комедия оказала на театральные эксперименты многих режиссеров начала века: Е. В. Вахтангова, А. Я. Таирова, К. М. Миклашевского и особенно В. Э. Мейерхольда. Как я неоднократно подчеркивала в своих работах,[23] в 1913 г. в «Студии» на Бородинской один из ближайших соратников Мейерхольда В. Н. Соловьев организовал цикл лекций о комедии масок, во время которых советовал своим ученикам непосредственно соприкоснуться со сценариями, поставленными итальянскими комиками при дворе Анны Иоанновны в 1730-е гг. В начале 1920-х гг. тот же Соловьев, которому принадлежат и другие работы, навеянные комедией дель арте,[24] поставил в Театре народной комедии пантомиму «Проделки Смеральдины», извлеченную из комедии «Марки гасконец величавый», исполнявшейся в 1734 г. второй итальянской труппой при Аннинском дворе. Стоит еще напомнить роль, сыгранную журналом «Любовь к трем апельсинам», издававшимся Мейерхольдом в 1914–19l6 гг. Именно на страницах «Любви к трем апельсинам» были опубликованы не только теоретическая часть лекций Соловьева, но и три старых итальянских сценария и две интермедии, сыгранные в Петербурге в 1733–1734 гг.[25]

---

[23] См., напр.: *Феррацци М.* 1) Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны… С. 204–206; 2) Петербургское турне семейства Сакко (1733–1734) // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 49.

[24] Например, «Арлекин ходатай свадеб», поставленный Мейерхольдом в 1911 г. и «Арлекин, пристрастный к картам».

[25] Это были: «Игра в приму», «Братья-соперники», «Несчастия Пульчинеллы», «Подрятчик Оперы в островы Канарийские» и «Влюбившийся в самого себя, или Нарцисс».

В первые два десятилетия XX в. внимание, уделенное комедии дель арте было поразительно сильно на уровне не только театральной практики, но и теоретических исследований. В 1900 г. в «Русской старине» публиковался известный труд В. В. Сиповского «Итальянский театр в С.-Петербурге при Анне Иоанновне (1733–1735 гг.)».[26] В нем исследователь обнародовал неизвестный до того сборник из тридцати девяти русских переводов итальянских комедий и интермедий, поставленных в Петербурге второй и третьей итальянскими труппами и в свое время напечатанных в типографии Академии наук. В 1913 г. в нескольких выпусках «Ежегодника Императорских театров» появилась работа В. Н. Всеволодского-Гернгросса «Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче»,[27] в которой автор привел новые документы о деятельности итальянских актеров в России, а также элементарные сведения об актерской импровизации. В 1914–1917 гг. была издана фундаментальная для изучения «improvvisa» книга К. М. Миклашевского «La commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI–XVII–XVIII столетий».[28] В 1917 г. открытие Сиповского подтвердил В. Н. Перетц, опубликовав русские переводы тридцати девяти сценариев, из которых его предшественник указал только названия.[29]

Приведенный перечень историко-театральных изданий заставляет думать, что высокое число постановок «La dama duende» Кальдерона в начале XX в., следует связать не столько или, вернее, не только с политической уместностью, как думает Вайнер, но и

---

[26] *Сиповский В. В.* Итальянский театр в С.-Петербурге при Анне Иоанновне (1733–1735 гг.) // Русская старина. 1900. Т. 102. № 6. С. 593–611.

[27] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче // Ежегодник Императорских театров. 1913. Вып. 3. С. 1–34; Вып. 4. С. 40–62; Вып. 6. С. 35–76 (Отд. изд.: Театр в России при императрице Анне Иоанновне. СПб., 1914).

[28] *Миклашевский К.* La commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI–XVII–XVIII столетий. Пг., 1914–1917. Миклашевский был не только теоретиком, но и практиком. Сотрудник Н. Н. Евреинова при Петербургском Старинном театре, он содействовал многим экспериментальным спектаклям в качестве не только режиссера и актера, но и составителя сценариев.

[29] *Перетц В. Н.* Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты. Пг., 1917.

с тем, что в России в это время «Даму-невидимку» воспринимали и представляли как импровизационную комедию, как особо удачный пример той формы «чистого театра», в котором бóльшая часть представителей современного авангарда находила чрезвычайно ценный источник стимулов для художественного обновления.

Кальдерон в петровском театре[30]

В духе комедии дель арте была представлена и первая кальдероновская драма, предложенная русской публике. Имеется в виду пьеса «О принце Пикельгаринге, или Жоделете», исполненная в Москве труппой Кунста-Фюрста в первом русском публичном театре, построенном на Красной площади по повелению Петра I. В РГАДА хранятся два перечня пьес, входивших в репертуар Кунста-Фюрста.[31] В первом («Перечень старинным комедиям, переведенным на русский язык») интересующая нас пьеса указана с вышеупомянутым названием «О принце Пикельгаринге, или Жоделете»; во втором («Описание комедиям, что каких есть в Государственном Посольском приказе майя по 30-е число 709 году») — с названием «Тюрмовой заключник, или Принц Пикельгаринг». Подлинный рукописный текст пьесы не сохранился, но, к счастью, в 1874 г. Н. С. Тихонравов его опубликовал.[32] Представляя публикацию научному

---

[30] Когда настоящая работа была закончена и отдана в печать, вышло репринтное переиздание весьма редкой и труднодоступной работы: *Тихонравов Н. С.* Примечания ко второму тому «Русских драматических произведений 1672–1725 годов» / Науч. ред. Л. М. Старикова. М., 2016. В этой работе Тихонравов дал пояснительный комментарий к пьесе «Принц-Пикельгаринг», который во многом сходится с результатами изысканий, отраженными в этом разделе моей работы. Выражаю свое сожаление о том, что не имела возможности раньше познакомиться с текстом Тихонравова; однако, созвучность некоторых моих наблюдений с наблюдениями такого маститого исследователя составляет для меня большую поддержку в науке.

[31] РГАДА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 21, 31 («Комедиальные дела»). Искренно благодарю Л. М. Старикову за любезно предоставленные мне материалы из ее неопубликованной работы.

[32] См.: *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672–1725 гг. СПб., 1874. Т. 2. С. 105–195. У Тихонравова, своего источника точно не назвавшего, пьеса носит название «Принц Пикель-Гяринг, или Жоделет». Потом уточняется: «Комедия», «Самый свой тюрмовый заключник».

сообществу, исследователь уточняет, что эта комедия является переделкой пьесы Т. Корнеля «Le geôlier de soi-même ou Jodelet prince» (1657), а та извлечена из «El Alcayde de si mismo» (1651) Кальдерона, комедии «плаща и шпаги», пользовавшейся, как и «La dama duende», большим успехом во всех странах Западной Европы.[33] Автор немецкой версии, использовавшейся в труппе Кунета — комедиант Иоганн Фельтен,[34] который во второй половине XVII в. совершил коренной переворот в немецкой театральной культуре. Со своей странствующей труппой Фельтен освежил старый барочный репертуар обращением не только к современным комическим и тра-

[33] *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672–1725 гг. СПб., 1874. Т. 1. С. XXXV–XXXVI. Вот краткий пересказ пьесы: Сицилийский принц Федерико приезжает инкогнито в Неаполь, часто находящийся в состоянии войны с его страной. Он намерен видеть принцессу Маргариту (потом Лауру и Изабеллу), красоту которой все восхваляют. При дворе он участвует в турнире, во время которого убивает Дона Педро, племянника короля и жениха Маргариты. Король приказывает арестовать незнакомого рыцаря, но Федерико удается убежать. Бенито, бедный и невежественный поселянин, случайно находит латы, которые Федерико, чтобы его не узнали, спрятал в лесу и из любопытства и тщеславия надевает их на себя. Сторожа, приняв его за принца, сажают его в тюрьму. Федерико, ставший под чужим именем другом Елены, сестры Дона Педро, назначен начальником крепости, в которой живет Елена и заключен невинный мужик (отсюда название пьесы). С Бенито посажен и оруженосец Федерико, который, чтобы защитить молодого рыцаря, ведет себя так, будто поселянин — в самом деле сицилийский принц. Елена влюбляется в Федерико, чьей настоящей личности еще не знает, но молодой человек все думает о Маргарите, чье сердце покорил во время тайной встречи. Ряд qui pro quo, вызванных переодеваниями, завершается прибытием в Неаполь брата Федерико, который, публично признавая его, разъясняет все недоразумения. Пьеса заканчивается свадьбой двух влюбленных. По повелению короля и Бенито женится на своей бывшей невесте.

[34] Фельтен (Johannes Velten, 1640–1692) дебютировал на театральном поприще в Лейпцигском университете, где добился степени магистра. В 1672 г. он поступил в труппу Карла Паульсена, комика, первым постаравшегося обновить традиционный немецкий репертуар, ставя переводы иностранных, в частности, мольеровских, пьес. После смерти Паульсена, Фельтен, женившись на его дочери, принял на себя руководство коллективом. Юношеский опыт, университетская образованность, хорошее знание французского, английского и итальянского языков позволили ему еще больше расширить репертуар своей труппы, придавая ему европейский масштаб. Он достиг такой славы, что в 1685 г. саксонский курфюрст Иоганн Георг III призвал его к своему двору, где Фельтен и его компания пробыли около пяти лет, до смерти мецената, и создали первый немецкий придворный театр.

гическим французским произведениям, но и к героическим пьесам испанского театра. В его спектаклях Пикельгяринг («Копченая Селедка»), комический персонаж, принесенный в Германию в XVII в. т. н. «английскими комедиантами», в чьей игре большое значение придавалось импровизации,[35] выступал рядом с героями античности и библейскими лицами, хотя в предлагаемых историях нередки были и отзвуки ближайшей современности. Кунст, вышедший «из школы Фельтена»,[36] включил самые удачные пьесы своего предшественника — и среди прочих переделку «El Alcayde de si mismo» — в свой московский репертуар, сразу переведенный на русский язык дьяками Посольского приказа.[37]

В настоящее время можно пополнить ценную реконструкцию Тихонравова другими не всегда учтенными деталями. Прежде всего, стоит обратить внимание на двойное заглавие корнелевской переделки («Le geôlier de soi même ou Jodelet prince»), по крайней мере, частично объясняющее почему в перечнях РГАДА русский перевод пьесы носит два разных заглавия (в первом «О принце Пикельгяринге, или Жоделете»; во втором «Тюрмовой заключник, или Принц Пикельгяринг»). Уместно в связи с этим напомнить, что в 1655 г., когда Т. Корнель издал свою версию кальдероновского «El Alcayde de si mismo» (дата, приведенная Тихонравовым, 1657, не точна), во Франции появилась и другая версия испанского произведения: «Le gardien de soi-même» («Сторож самого себя») П. Скаррона. В обеих переделках, специально написанных для трупп двух самых посещаемых парижских театров,[38] комический персонаж (Бенито в испанском подлиннике) указан под именем актера, которому доверено исполнение его роли: Жоделет (Julien Geoffrin Bedeau) у Кор-

---

[35] «Английскими комедиантами» назывались актеры, которые, прибыв из Англии, распространили на немецкой почве артистические приемы елизаветинского театра. Маска Пикельгяринга в некоторых областях, особенно юго-восточных, была заменена маской Гансвурста («Ивана Сосиски»), типичного местного крестьянина.

[36] *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения... Т. 2. С. XXXII–XXXIII.

[37] Как известно, переводы были предназначены для молодых людей, которых Кунст обязывался обучать актерскому искусству. Представления на немецком и русском языке чередовались.

[38] Первая — для Отеля Марэ (Hôtel du Marais); вторая — для Бургундского Отеля (Hôtel de Bourgogne).

неля и Филипен (Philippin) у Скаррона.[39] Обе постановки были благосклонно приняты, но особенно шумным был успех Жоделета, которого недаром почитали лучшим комиком своего времени. Нет сомнения, что именно повсеместная известность Жоделета-Жоффрена Бедо убедила Фельтена воспользоваться версией Корнеля, хотя не исключено, что немецкий комедиант знал и переделку Скаррона.[40] Действительно, своей первой пьесой «Жоделет, или Господин слуга» (1643), сыгранной Жоделетом, Скаррон приобрел очень широкую популярность, и способствовал быстрому увеличению комедийного репертуара. Считается, что это он ввел на французскую сцену удачный персонаж плутоватого, очень внимательного к своим физическим потребностям, часто непочтительного, но и

---

[39] Жюльен Жоффрен Бедо (конец XVI в. — 1660), комик, специализировавшийся в роли слуги. Выступал с труппами и Бургундского Отеля, и Отеля Марэ, пользуясь в обоих местах небывалым успехом. Многочисленны пьесы, написанные для него самыми крупными комедиографами времени: «Жоделет, или Господин слуга» («Jodelet ou le maistre valet») (первая постановка 1643, первое издание 1645) и «Три Доротеи, или Жоделет битый» («Les trois Dorotées ou le Jodelet soufflеté»), позже переименованная в «Жоделет дуэлянт» («Jodelet duelliste», первая постановка 1645, первое издание 1647) П. Скаррона; «Жоделет астролог» («Jodelet astrologue», 1646) Д'Увиля; упомянутые «Le geôlier de soi-même ou Jodelet prince» Тома Корнеля и «Le gardien de soi-même» П. Скаррона (обе: 1655). В 1647 г. персонаж Жоделета-слуги был использован и Жилле де ла Тессонери (Gillet de la Tessonerie, ок. 1620 — ок. 1660) в пьесе «Лукавец» («Le déniaisé»). В 1659 г., за год до смерти, актер увенчал свою карьеру, исполнив роль виконта Жоделета в мольеровской пьесе «Смешные жеманницы» («Les précieuses ridicules»). В 1660 г., уже после его смерти, в Париже была представлена «Притворная смерть Жоделетова» («La feinte mort de Jodelet»), комедия, посвященная Мольеру актером и автором Гильомом Маркуро Брекуром (Guillaume Marcoureau, dit Brécourt, 1638–1685).

Филипен (Claude Deschamps, sieur de Villiers, 1600–1681), член королевской труппы, звезда Бургундского Отеля. Он был не только актером, но и театральным автором. В 1659 г. он написал трагикомедию «Каменный гость, или Преступный сын» («Le Festin de pierre ou le Fils criminel»), считавшуюся одним из источников комедии Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» («Dom Juan, ou le Festin de pierre»).

[40] В одной реплике русского перевода, опубликованного Тихонравовым (с. 114) Жоделет называет неаполитанскую принцессу (в тексте Корнеля «Изабелла») именем из кальдероновского подлинника («Маргарита»). Дж. Вайнер предполагает в связи с этим, что Фельтен для своей версии обратился не только к Корнелю, но и к самому Кальдерону. См.: *Weiner J.* Mantillas in Muscovy. The Spanish Golden Age Theater in Tsarist Russia, 1672–1917. Kansas-City, 1970. P. 15.

не лишенного здравого смысла слуги, которого Мольер, чья труппа не зря регулярно ставила пьесы Скаррона, обессмертил под именами Маскариля и Скапена.[41]

Несмотря на внешнюю верность испанскому источнику, и Корнель и Скаррон внесли в свои переделки немаловажные отличия от него. Некоторые имена действующих лиц переменены, некоторые роли устранены или переработаны. Главное — рыцарская обстановка и любовная линия оригинала отступают на второй план. С треугольника Федерико-Елена-Маргарита, где у Кальдерона любовь болезненно сталкивается с чувством долга и чести, у французских перелагателей внимание перемещается на комические недоразумения, порожденные путаницей между принцем и поселянином. Высокому рангу, присвоенному Жоделетом-Филипеном вместе с платьем, противопоставляется поведение персонажа и его речь: жест и слово используются как средство ярких комических эффектов. В своей версии, остающейся пока нам неизвестной, Фельтен, вероятно, последовал примеру своих французских предшественников и для того, чтобы подчеркнуть шутовскую сущность своей работы, в немецком тексте пьесы имя «Жоделет» сопроводил или заменил именем «Пикельгяринг». Отсюда присутствие этого имени в заглавиях русской версии,[42] в которую, ввиду русской культурной обстановки того времени, дьяки-переводчики вряд ли внесли новые элементы.

Во всех изменениях, внесенных в свои работы перелагателями кальдероновского подлинника, нетрудно узнать влияние комедии дель арте. Это неудивительно: драматический жанр, возникший в Италии в эпоху Возрождения, комедия дель арте быстро нашла вторую родину во Франции Екатерины и Марии Медичи. Переводя в середине XVII в. пьесу «El Alcayde de si mismo», Корнель и Скаррон усиливают комичность кальдероновского Бенито и придают своим Жоделету-Филипену свойства, характерные для известнейших шутовских образов старой итальянской комедии (тщеславие,

---

[41] См.: *Magne E.* Scarron et son milieu. Paris, 1924. P. 131–132.

[42] Напомним, что на Руси уже знали Пикельгяринга. Он стал известен во время театральных представлений, организованных пастором И. Г. Грегори для царя Алексея Михайловича в пьесе «Темир-Аксаково действо».

хвастовство, грубость).[43] Что касается Фельтена, важно подчеркнуть, что он не только продолжал ставить пьесы Мольера, к чьему репертуару уже обратился его тесть, но начал предлагать своей публике спектакли на манер итальянской комедии дель арте, пользуясь материалами вышеупомянутого сборника Э. Герарди, содержащего пьесы из репертуара парижского Старого Итальянского театра.[44] Нет сомнения, что в своей переделке корнелевского «Geôlier», умножая комические места своего образца, Фельтен придерживался художественной специфики импровизационной комедии. По всей вероятности, простонародные остроты, вульгаризмы и непристойные намеки, которыми пересыпана речь Пикельгяринга и которых почти нет у Корнеля, — плод фельтеновского воображения, считавшегося не только с традицией «английских комедиантов», но и с опытом первых комиков дель арте, приехавших в Германию. Эти актеры, вероятно, были не весьма искусны и старались компенсировать невозможность языковой коммуникации рискованными, часто выходящими за границы приличий жестовыми и словесными шутками. Симптоматично, что при переводе фельтеновской версии дьяки Посольского приказа заметили с негодованием, что «в комедии Кунста „мало было пристоинства“».[45]

Итак, нет сомнения, что комедия Кальдерона «El Alcayde de si mismo» дошла до России через французское и немецкое посредни-

---

[43] Здесь, между прочим, не лишним кажется напомнить, что, по мнению некоторых исследователей, основной сюжет пьесы Кальдерона «El Alcayde de si mismo», действие которой недаром развертывается в Италии, так же как и сюжет «Дамы-невидимки», — итальянского происхождения. Об этом см.: *D'Antuono N. L.* El repertorio calderoniano de la commedia dell'arte... P. 148–149.

[44] После смерти Фельтена (1692) руководство труппы перешло к его жене Катарине, решительной сторонице итальянской импровизационной комедии. Представления на итальянский лад с участием масок стали центральными и в репертуаре новых трупп, собранных некоторыми актерами, ушедшими из труппы покойного магистра Лейпцигского университета.

[45] См.: *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения... Т 1. С. XXXVI. Важно подчеркнуть, что, помимо грубого шутовства, русская пьеса отличается от корнелевской версии и другими элементами. В частности, в ней две принцессы-героини меняются титулами, и фабула заканчивается только одним браком. Кроме того, часты пропуски и неясные места, так что понимание истории не всегда легко. Установить, на ком лежит ответственность за эту небрежность в переводе источника — на Фельтене или на русских дьяках — пока невозможно.

чество. Если, однако, учесть вышеприведенные данные, нельзя не признать, что, как позднее «La dama duende», «El Alcayde de si mismo» также предстал русской публике в облачении комедии дель арте. Связь русско-немецкой переделки со старой итальянской комедией подчеркнута в самом тексте, где в реплике, которой пьеса заканчивается (ее нет ни у Кальдерона, ни у Корнеля), Жоделет восклицает:

> Ныне лежит мое почитание в глубочайшем навозе. Жаль мне пригожая одежда! Жаль мне дикая боровица! Получил я бы Лауру в жену. Хотел я в сю нощь *принц-гарлекином* (курсив мой. — *М. Ф.*) назваться![46]

Упоминание Арлекина, самой любимой маски комедии дель арте, заставляет нас вспомнить о будущем: еще несколько десятилетий, и сам Арлекин, часто снабженный характерными национальными чертами, будет выступать не только на подмостках народного и любительского театра, но и в комедиях А. П. Сумарокова, первого национального драматурга.

---

[46] Там же. Т. 2. С. 195.

Р. БОДЭН

ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА: КАРАМЗИН, РАБЛЕ И ПОЭТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»*

Вопрос об отношении Н. М. Карамзина к Французской революции хорошо изучен.[1] Среди исследователей творчества автора «Писем русского путешественника» доминируют три точки зрения. Для приверженцев первой, Карамзин был непримиримым врагом революции с самого ее начала. Этому мнению, характерному для советской историографии 1930–1940-х гг., которая его объясняла классовыми соображениями писателя, но также для американского историка Ричарда Пайпса,[2] противостоит более умеренная точка зрения В. В. Сиповского и Л. Г. Кислягиной, для которых Карамзин сначала одобрил изменение политического курса во Франции, до того, как испугался событий сентября 1792 г., и которые его отнесли к вра-

* Данное исследование было представлено в виде доклада на конференции «Николай Карамзин и его время», устроенной Варшавским университетом 19 и 20 мая 2016 г.

[1] Об этом вопросе, см. обзорную статью: *Вагеманс Э.* Карамзин и французская революция // Slavica Gandensia. 1988. № 15. P. 93–107.

[2] См. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 425, 428. *Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Ann Arbor, 2005. P. 35 (1-е изд. 1959).

© Р. Бодэн, 2017

гам Революции.[3] Наконец, для приверженцев третьей, Карамзин остался верен Революции до конца, о чем якобы свидетельствуют его огорчение в 1793 г. при вести о падении Майнца, завоеванного прежде французскими революционными войсками,[4] или же предание о том, как он прослезился при вести о кончине Робеспьера.[5]

Подробное изучение пребывания Карамзина в Страсбурге показало, как Революция действительно напугала писателя с самых первых ее проявлений летом 1789 г., подтвердив этим первую точку зрения, но освободив ее от классового пафоса, вдохновившего раннюю советскую интерпретативную традицию.[6] Будучи в Эльзасе в августе этого года, Карамзин был поражен революционным насилием, увиденным на улицах Страсбурга и в эльзасских деревнях, и вместо того, чтобы устремиться в Париж смотреть на развитие политической ситуации, как это предполагал Ю. М. Лотман,[7] ускорил свой отъезд в более спокойную Швейцарию, где он остался вплоть до весны 1790 г. не только для того, чтобы поработать над рукописью «Писем», как это предполагал И. З. Серман,[8] но еще и в ожидании успокоения ситуации во Франции.[9]

Столкнувшись с революционным насилием в Эльзасе, молодой русский писатель оказался безоружным, когда ему пришлось изобразить его на страницах «Писем русского путешественника». Дело в том, что Карамзин намеревался написать травелог в духе Стерна, Дюпати или Верна, в котором было место для описания умилитель-

---

[3] *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 432; *Кислягина Л. Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина 1785–1803 гг. М., 1976. С. 84–131.

[4] *Берштейн Е. В.* О политических настроениях Карамзина в 1793 году // Русская литература. 1988. № 1. С. 172–174.

[5] *Лотман Ю. М.* Политическое мышление Радищева и Карамзина и опыт французской революции // Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 611.

[6] *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.

[7] *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. СПб., 1997. С. 74–78 (1-е изд.: 1988).

[8] *Серман И. З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 201.

[9] *Baudin R.* Karamzin en France: entre pays rêvé et pays réel // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe» / Sous la direction de R. Baudin. Paris, 2014. P. 20.

ного, но не страшного. Об этом свидетельствует, например, разочарование, выраженное в Лионе русским путешественником, когда он жалуется на то, что французы, которых занимает исключительно Революция, не готовы ему помочь разыскать могилу Аманды и Амандуса.[10] Для того, чтобы остаться верным своему художественному замыслу, Карамзину пришлось преуменьшить значение политических событий, свидетелем которых он стал, как это понял еще Сиповский.[11] Именно этому служит в контексте французского эпизода «Писем» постоянное использование штампа о ветренности французов. Используя его, писатель изображает Революцию как очередную моду, подталкивая читателя к мысли, что, как любая другая мода, она рано или поздно пройдет. Этому же служит использование, при описании Революции, театральной метафоры, изученной разными исследователями за последние годы.[12] Изображение главного политического события эпохи как театрального зрелища и депутатов Народного собрания как актеров тоже помогало преуменьшить тревожный характер Революции.

Однако для нейтрализации значения Революции, Карамзин прибегает еще к одной метафоре, что особенно видно при изучении эльзасского эпизода «Писем». На улицах Страсбурга, революционное насилие описывается как карнавальное явление, многие традиционные элементы которого присутствуют в карамзинском тексте. Среди них, можно упомянуть всеобщее пьянство, всеобщий смех, временное отвержение социальной иерархии и превращение реальности в спектакль, в котором размывается граница между публикой и самим зрелищем.[13] Присутствие этих элементов, однако, вовсе

---

[10] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Под ред. Ю. М. Лотмана, Н. А. Марченко и Б. А. Успенского. Л., 1987. С. 208 (1-е изд.: 1984). (Письмо 90, «Лион, Марта… 1790»).

[11] *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»… С. 162.

[12] *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина… С. 136–137. *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg… P. 147–155. *Stermberger M.* Karamzin dans les théâtres de France: théâtre, théâtralité et révolution dans les «Lettres d'un voyageur russe» // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe»… P. 176–192.

[13] *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789)… P. 133–147.

не означает, что карамзинский текст карнавален, в том смысле, в котором это понимал М. М. Бахтин. Как рассказчик, русский путешественник не учавствует в карнавализации, которую он описывает, а придерживается нейтральной описательной позиции. Поэтому, эльзасский эпизод «Писем» можно определить как текст, содержащий элементы карнавальной поэтики, но не как карнавальный текст. Тем не менее, присутствие этих элементов объясняет, почему карамзинский текст при описании Революции упоминает автора, имя которого обычно ассоцируется с карнавальной поэтикой: имя Рабле.

Итак, данная статья будет посвящена теме «Карамзин и Рабле». Детальное изучение использования ссылок на творчество Рабле во французском эпизоде «Писем» поможет затронуть три вопроса: что́ знал Карамзин о творчестве французского писателя? Почему он посчитал нужным его ассоцировать с Революцией? Как эта ссылка помогла ему осмыслить исторические события, свидетелем которых он стал во Франции.

1. Карамзин и Рабле: источники знаний

Степень известности Рабле в России XVIII в. тесно связана с его статусом во французской литературе того времени. Позиция Рабле во французском литературном каноне XVIII в. была противоречива.[14] С одной стороны, Рабле упоминался часто, в том числе под пером тех писателей, которые определяли доминирующий литературный вкус времени. Вольтер, например, его неоднократно вспоминал в «Философских письмах» и в «Храме вкуса».[15] Эти частые ссылки свидетельсвуют о том, что автор «Гаргантюа» пользовался статусом классика. Об этом свидетельствует также тот факт, что Рабле входит в число знаменитостей, перечисляемых в книге 1788 г. «Знаменитости новых времен» («Les illustres modernes»).[16]

---

[14] *Cooper R.* «Charmant mais très obscène»: some French eighteenth-century readings of Rabelais // Enlightenment Essays in memory of Robert Shackleton / Ed. G. Barber & C. P. Courteney. Oxford, 1988. P. 39.

[15] *Baecque A. de*. Les éclats du rire. La culture des rieurs au XVIIIe siècle. Paris, 2000. P. 181.

[16] Les illustres modernes; ou Tableau de la vie privée des principaux personnages des deux sexes, qui, depuis la renaissance des Lettres, ont acquis de la célébrité en Europe, tant en politique ou dans les armées, que dans les arts, les sciences & la vie contemplative. Paris, 1788. T. 1. P. 67–68.

Однако те самые писатели, которые его цитировали, подчеркивали его грубость и экстравагантность. Тот же Вольтер, например, писал о нем следующее:

> Рабле в своей экстравагантной и темной книге распространял крайнюю веселость и еще более крайнюю дерзость. Он раздавал эрудицию, пакости и скуку. За хорошую двустраничную сказку платишь томами глупостей; и всего несколько особ со странным вкусом хвастаются тем, что понимают и ценят книгу целиком, остальные же смеются шуткам Рабле, но презирают его книгу. На него смотрят как на первого из шутов, и можно только сожалеть о том, что человек, одаренный столь великим умом, так скверно его использовал; он был пьяным философом, который писал только в моменты опьянения.[17]

Именно в этом контексте возникла практика выборочного чтения и публикации произведений Рабле.[18] О такой практике свидетельствуют два издания произведений Рабле, подготовленных под редакцией аббатов Перо (Péreau) и де Марси (de Marcy) в 1752 г.[19] В этих изданиях, опубликованных под названиями «Избранные сочинения» («Œuvres choisies»)[20] и «Современный Рабле» («Le Rabelais moderne»),[21] тексты Рабле были очищены от грубых и скабрезных элементов, в том числе от сексуальных намеков и от эпизодов или деталей, шокирующих «разумных» читателей века Просвещения.

---

[17] *Voltaire.* Lettres philosophiques / Edition critique par O. Ferret et A. McKenna. Paris, 2010. P. 153: «Rabelais, dans son extravagant et inintelligible livre, a répandu une extrême gaité et une plus grande impertinence; il a prodigué l'érudition, les ordures et l'ennui; un bon conte de deux pages est acheté par des volumes de sottises. Il n'y a que quelques personnes d'un goût bizarre qui se piquent d'entendre et d'estimer tout cet ouvrage; le reste de la nation rit des plaisanteries de Rabelais et méprise le livre. On le regarde comme le premier des bouffons; on est fâché qu'un homme qui avait tant d'esprit, en ait fait un si misérable usage; c'est un philosophe ivre qui n'a écrit que dans le temps de son ivresse».

[18] *Tatin-Gourier J.-J.* Ginguené: Rabelais à la lumière des événements révolutionnaires // Ginguené. Idéologue et médiateur / Textes réunis par E. Guitton. Rennes, 1995. P. 193.

[19] *Baecque A. de*. Les éclats du rire. La culture des rieurs au XVIIIe siècle… P. 181.

[20] Œuvres choisies de M. François Rabelais, docteur en médecine de la faculté de Montpellier, chanoine de Saint Maur des fossés, & curé de Meudon. Genève, 1752.

[21] Le Rabelais moderne, ou Les œuvres de Maître François Rabelais, docteur en médecine, mises à la portée de la plupart des lecteurs, avec des éclaircissements historiques, pour l'intelligence des allégories contenues dans le Gargantua & dans le Pantagruel. Amsterdam, 1752.

В издании де Марси также удалялись из основного текста темные моменты, которые редактор переносил в сноски.[22]

В России Рабле воспринимался в подобном ключе. С одной стороны, его имя было известно. Оно встречалось как на страницах русской периодики XVIII в.,[23] так и в текстах тех иностранных писателей, которые его упоминали и которые читались в оригинале или в переводах. Среди прочих примеров, достаточно упомянуть десятую сатиру Буало, доступную во французском оригинале и в русском переводе (она была опубликована в «Живописце» Новикова в 1772 г.), или тексты Вольтера, произведения которого были широко известны в России как в оригинале, так и в переводах. Наконец, Рабле был известен русским читателям Стерна, так как английский писатель часто упоминает французского гуманиста в «Тристраме Шанди». Вместе с тем, сами тексты Рабле были малодоступны и не встречаются в каталогах русских книгопродавцев XVIII в.[24]

Ситуация, однако, изменилась к концу века, как во Франции, так и в России, в том числе, по крайней мере во Франции, под влиянием политических событий. В 1789 г. в Гааге вышло издание в трех томах под названием «Сочинения мэтра Франсуа Рабле» («Œuvres de maître François Rabelais»).[25] В том же году в парижсих театрах был поставлен комический балет в трех актах автора Франсуа Парфэ (Parfait) под названием «Панург» («Panurge»).[26] Наконец, Рабле стал

---

[22] Le Rabelais moderne… Préface. P. IX.

[23] *Брандис Е.* От Эзопа до Джанни Родари: зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М., 1965. С. 21.

[24] По сведениям П. И. Хотеева, экземпляр пятитомного издания произведений Рабле 1711 г. попал в фонды библиотеки Академии наук в 1718 г. вместе с библиотекой Арчибальда Питкерна (см.: *Хотеев П. И.* Французская книга в библиотеке петербургской Академии наук (1714–1742) // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 15). Наличие этого экземпляра, однако, вряд ли может послужить доказательством широкого распространения творчества Рабле в России в XVIII в. Характерно в этом отношении, что произведения Рабле не встречаются среди книг, продававшихся в Московской академической лавке в 1749–1760 гг., несмотря на то, что, как указано выше, в одном только 1752 г. вышли два разных издания произведений французского гуманиста-сатирика (см.: *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории… С. 112–170).

[25] Œuvres de maître François Rabelais, anciennement publiées sous le titre de Faits et Dicts du Grand Gargantua et de Pantagruel. La Haye, 1789.

[26] *Baecque A. de.* Les éclats du rire. La culture des rieurs au XVIIIe siècle… P. 183.

главным героем разных политических памфлетов. Как указывает Антуан де Бек, в мае 1789 г. вышел антиреволюционный памфлет под названием «Письмо Рабле священникам-депутатам Генеральных штатов» (« Lettre de Rabelais aux curés députés aux états généraux»). А через год после этого, в апреле 1790 г., было издано антимонархическое «Письмо Рабле 94 составителям Деяний апостольских» («Lettre de Rabelais aux 94 rédacteurs des Actes des Apôtres»).[27] Вслед за этими памфлетами, в августе 1790 г., вышел еще анонимный текст под названием «Гаргантюа на диете, или Опрокинутый котелок» («Gargantua à la diète ou la marmite renversée»).[28]

Итак, во Франции первых месяцев Революции, Рабле обрел новую актуальность. Именно поэтому он должен был привлечь внимание русского путешественника, который, как известно, был завсегдатаем парижских театров, и активно посещал книжные лавки, где он мог даже купить издание Рабле.[29]

Вновь обретенная актуальность Рабле вышла за границы революционной Франции и пережила период пребывания Карамзина в Париже. В 1790 г., то есть в год возвращения Карамзина в Россию после путешествия по Европе, в Петербурге, в типографии Брейткопфа, была издана книга под названием «Повесть славнаго Гаргантуаса, страшнейшего великана из всех до ныне находившихся в свете».[30] Как показал В. Ф. Шишмарев, эта короткая книжка была переводом не произведения Рабле, а всего лишь лубочного романа, послужившего источником вдохновения для французского гуманиста и широко распространившегося во Франции в XVII и XVIII вв.[31] Тем не менее, эта публикация не могла не обратить внимание читательской публики на Рабле, с которым было тесно связано имя известного великана Гаргантюа.

---

[27] *Baecque A. de*. Les éclats du rire. La culture des rieurs au XVIIIe siècle… P. 184.

[28] Gargantua à la diète, ou La marmite renversée. Paris, s. d. (август 1790 г.) Упоминается под номером BHVP 603006 в книге: *Elyada O.* Presse populaire & feuilles volantes de la Révolution à Paris 1789–1792. Paris, 1989.

[29] О посещении Карамзиным парижских театров и книжных лавок, см.: *Baudin R.* Karamzin en France: entre pays rêvé et pays réel… P. 17, 29.

[30] Повесть славного Гаргантуаса, страшнейшего великана из всех до ныне находившихся в свете / Переведена с могольского. СПб., 1790.

[31] *Chichmaref V.* Gargantua en Russie // Revue du seizième siècle. 1927. P. 349–350; *Шишмарев В. Ф.* Повесть славного Гаргантуаса // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 222–226.

Во Франции актуальность Рабле не ограничилась первыми месяцами Революции. Ссылки на писателя продолжали использоваться на протяжении всего революционного десятилетия, за которым, как известно, внимательно следил Карамзин,[32] и во время которого он работал над текстом «Писем».[33] Рабле и его персонажи вошли в визуальную культуру Французской революции, особенно в виде мотива обжорства Гаргантюа, который использовался для обличения паразитизма короля в карикатурах 1791 и 1792 гг.: «Гаргантюа нашего века или оракул божественной бутылки» («Le Gargantua du siècle ou l'oracle de la dive bouteille») и «Бывший большой стол современного Гаргантюа с семьей» («Le ci devant grand couvert de Gargantua moderne en famille»). В письменной культуре Рабле стал главным героем книги Пьер-Луи Женгене (Ginguené) 1791 г. «Об авторитете Рабле в нынешней Революции» («De l'autorité de Rabelais dans la Révolution présente»).[34] В 1793 г., после разгрома монархии, имя Рабле вошло в педагогическую литературу нового режима как имя обличителя королей, о чем свидетельствует «Республиканский альманах» («l'Almanach des Républicains») П. Силвена Марешаля (P. Sylvain Maréchal), в котором можно прочитать:

> В его время нельзя было называть вещи своими именами. Нельзя было свободно изъясняться, как ныне, по поводу королей и говорить, что даже лучший из них не стоит ни гроша. Рабле решил шутить и смеяться над ними в своем Гаргантюа. Рабле обладал чувством независимости.[35]

---

[32] О продолжительном интересе Карамзина к эволюции политической ситуации во Франции, см.: *Иванов М. В.* Проблемы истории и французская революция в творчестве Карамзина 1790-х гг. // Русская литература. 1974. № 2. С. 134.

[33] О хронологии работы Карамзина над текстом «Писем» см.: *Марченко Н. А.* История текста «Писем русского путешественника» // *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника… С. 607–612.

[34] *Ginguené P.-L.* De l'autorité de Rabelais dans la Révolution présente, et dans la constitution civile du clergé, ou institutions royales, politiques et ecclésiastiques, tirées de Gargantua et de Pantagruel. Paris, 1791.

[35] *Maréchal P. S.* Almanach des Républicains, pour servir à l'instruction publique. Paris, 1793. Février. 22. « Rabelais ». P. 29: «De son tems, on ne pouvoit pas appeler un chat un chat. On ne pouvoit pas s'expliquer franchement comme aujourd'hui, sur le compte des rois, et dire que le meilleur n'en vaut rien. Rabelais prit le parti d'en rire et de s'amuser à leurs dépens dans son Gargantua. Rabelais avoit le sentiment de l'indépendance».

Учитивая актуальность имени Рабле во французском революционном контексте, не удивительно, что русский писатель решил его упомянуть во французской части «Писем».

2. Ссылка на жизнь Рабле в тексте «Писем» и ее использование

В тексте карамзинского травелога, Рабле упоминается дважды, каждый раз в особом ключе. Самое длинное упоминание встречается в конце парижского эпизода, в описании деревни Медон:

> В местечке Медон жил некогда Франциск Рабле, Автор романов Гаргантюа и Пантагрюэль, наполненных остроумными замыслами, гадкими описаниями, темными аллегориями и нелепостию. Шестой-надесять век удивлялся его знаниям, уму, шутовству. Быв несколько времени худым монахом, Рабле сделался хорошим Доктором, выпросил у Папы *отпускную*, и прославил Монпельерской Университет своими лекциями;* ездил в Рим пошутить над туфлем своего благодетеля, взял на себя должность приходского священника в Медоне, усердно врачевал тело и душу своей паствы, и писал романы, в которых простосердечный Лафонтен находил более ума, нежели в философских трактатах, и которые без всякого сомнения подали Стерну мысль сочинить *Тристрама Шанди*. Рабле жил и умер шутя. За несколько минут до смерти своей сказал он: «занавес опускается, комедия вся. Je vais chercher un grand peut-être».** Духовная его состояла в следующих словах: *ничего не имею; много должен; остальное бедным*.
>
> * Так, что по сие время, в память ему, на всякого новопринимаемого Доктора в Монтпелье надевают Раблееву мантию, которая не редко напоминает басню *осла во львиной коже*.
>
> ** Я отправляюсь на поиски великого «быть может»[36].

В этом письме, ссылка на Рабле помогает выполнить дидактическую функцию, свойственную тексту Карамзина. Она укладывается в проект снабдить читателя информацией о Париже и его окрестностях, что соответствует репутации травелога как энциклопедии европейской жизни.[37] Не исключено, что Карамзин решил рассказать о жизни Рабле во время посещения деревни Медон под влиянием книги Дюлора (Dulaure) 1786 г. «Новое описание окрестностей

---

[36] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника… С. 292 (Письмо 117, «Париж, Июня…»).

[37] *Cross A. G.* N. M. Karamzin. A Study of his Literary Career 1783–1803. Carbonsdalle and Edwardsville, 1971. P. 71.

Парижа» («Nouvelle description des environs de Paris»).[38] Однако информация о Рабле у Дюлора крайне сжата, поэтому осведомленность Карамзина о жизни Рабле очевидно опирается на другой источник. Вероятно на одну из многочисленных «Жизней Рабле» («Vie de Rabelais»), которые прикладывались к изданиям его произведений, в том числе в уже упомянутых изданиях 1752 и 1789 гг., с которыми мог ознакомиться русский писатель. Эти биографические очерки, которые все восходят к одному и тому же образцу, содержат большинство деталей, переданных Карамзиным читателям, от медицинской карьеры Рабле до отпускной индульгенции, полученной от папы, от лекций в Монпелье и истории об университетской традиции с пальто писателя до шутки над туфлей главы католической церкви в Риме, от карьеры священика в Медоне до заботы Рабле как о здоровье, так и о спасении прихожан. Наконец, эти биографические очерки содержат рассказы о предсмертном высказывании Рабле и о его завещании, упомянутые Карамзиным в вышеприведенном отрывке.

Что касается мнения Карамзина о Рабле, отзыв о его романах как о произведениях, «наполненны[х] остроумными замыслами, гадкими описаниями, темными аллегориями и нелепостию», и упоминание того, что «шестой-надесять век удивлялся его знаниям, уму, шутовству» свидетельствуют о конформизме молодого русского писателя, который более или менее повторяет общепринятое мнение современников о французском гуманисте. Подобно Вольтеру, Карамзин отдает должное Рабле, упоминая его ум («un homme qui avait tant d'esprit» у Вольтера) и знания («érudition» у него же), тем не менее порицая его «гадкие описания» («les ordures», согласно Вольтеру), нелепость («son livre extravagant» у него же) и темноту («son livre inintelligible» у «фернейского патриарха»). Несмотря на такую двусмысленность оценки Карамзиным Рабле, ссылка на Стерна, которая позволяет предположить, что Рабле был известен Карамзину еще по чтению «Тристрама Шенди», показывает, что мнение русского писателя о Рабле было в целом положительно.

---

[38] *Dulaure J. A.* Nouvelle description des environs de Paris, contenant les détails historiques & descriptifs des maisons royales, des villes, bourgs, villages, châteaux, & remarquables par des usages ou des événemens singuliers, & par des beautés de la Nature & des Arts. Paris, 1787. Seconde partie. P. 98: «Meudon» (1-е изд. 1786).

В контексте данного исследования, однако, главное не в этом, а в присутствии в цитате Карамзина термина «аллегория». Использование Карамзиным этого термина по поводу романов французского гуманиста показывает, что Путешественник был знаком с интерпретативной традицией, доминирующей с XVII в., согласно которой романы Рабле были романами с ключом и прибегали к фикции, чтобы описать современную им ситуацию.[39] Сам ключ часто прилагался к романам в изданиях, современных Карамзину, например, в издании, вышедшем в Женеве в 1782 г. под названием «Сочинения Франсуа Рабле, доктора медицины» («Les œuvres de François Rabelais, Docteur en médecine»).[40] Согласно ключу, за Гаргантюа скрывается король Франциск I, за Грангузье — Людовик XII, а за Пантагрюэлем — Генрих II.

Восприятие романов Рабле как произведений с ключом подразумевало существование в них скрытого подтекста. За очевидным, фикциональным сюжетом приключений Гаргантюа и Пантагрюэля, эти романы на самом деле рассказывали о другом мире, а именно о французской и европейской политической жизни XVI в. Такая интерпретативная традиция скоро породила другую: в романах Рабле стали видеть картину не только другого мира, но и будущего мира. На такую интерпретацию читателей навело существование среди произведений Рабле известного гадания под названием «Пантагрюэлево предсказание» («Pantagrueline prognostication»), претерпевшего не менее шести изданий в XVI в. Это гадание было шуточным и написано Рабле для того, чтобы высмеять популярные в его время гадания, питавшиеся распространенным в эпоху Возрождения интересом к астрологии.[41] Об этом, однако, знали не все, и к его гаданию стали относиться с той же серьезностью, что и к гаданиям его современника Нострадамуса.[42] В частности, в 1771 или 1772 гг.

---

[39] Об этом см.: *Grève M. de.* Les érudits du XVIIe siècle en quête de la clef de Rabelais // La réception de Rabelais en Europe du XVIe au XVIIIe siècle. Paris, 2009. P. 69–102.

[40] Les œuvres de François Rabelais, Docteur en médecine. Genève, 1782. P. XVII: «Clef de Rabelais. Pour entendre les termes obscurs de cet ouvrage».

[41] *Screech M. A.* Introduction // *Rabelais F.* Pantagrueline prognostication pour l'an 1533. Paris; Genève, 1974. P. XII.

[42] Ibid. P. XXIII. Дело в том, что Рабле считали астрологом, притом серьезным, так как он был и врачом.

Ашиль-Гийом Ле Бег де Прель выпустил книгу под названием «Какая будет погода сегодня утром, сегодня вечером, завтра, и т. д., предсказания, полезные для пахарей, садовников… дополненные пророчествами тени Мэтра Рабле на високосный 1772 год» («Quel temps fera-t-il ce matin, ce soir, demain, etc., présages utiles aux laboureurs, jardiniers… suivis des prédictions de l'ombre de Me Rabelais pour l'année bissextile 1772»).[43] Как видно, в книге Ле Бег де Преля, Рабле упоминался именно в качестве пророка. Таким же образом, в уже упомянутом издании Рабле, вышедшем в Гааге в 1772 г. под названием «Сочинения Мэтра Франсуа Рабле…» («Œuvres de maître François Rabelais, anciennement publiées sous le titre de Faits et Dicts du Grand Gargantua et de Pantagruel»), в качестве дополнения к основному тексту было опубликовано «Пантагрюэлево предсказание», что показывает интерес, который оно вызывало у французских читателей того времени.

Оба эти текста свидетельствуют о популярности пророчеств во Франции XVIII века, о чем писал еще Л.-С. Мерсье в своей «Картине Парижа».[44] Как известно по мемуарам баронессы д'Оберкирх, эта популярность достигла неслыханного уровня накануне Революции и в первые ее месяцы.[45] Такая возрастающая популярность объяснялась смесью энтузиазма и тревоги, испытываемой публикой перед политическими событиями нового типа, развивающимися перед их глазами, к тому же с необыкновенной скоростью.[46] Среди прочих пророчеств, вызванных политической ситуацией, можно упомянуть знаменитое пророчество Казотта, впоследствии описанное писателем Лагарпом в его тексте 1806 г. «Ужин Казотта».[47]

---

[43] *Le Bègue de Presle A. G.* Quel temps fera-t-il ce matin, ce soir, demain, etc., présages utiles aux laboureurs, jardiniers… suivis des prédictions de l'ombre de Mr Rabelais pour l'année bissextile 1772. Londres, s. d. (1771 или 1772).

[44] *Mercier L. S.* Tableau de Paris. Amsterdam, 1782. Tome 2. P. 297–303.

[45] Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française, avant 1789 dédiés à sa majesté Nicolas Ier empereur de toutes les Russies publiés par le comte de Montbrison, petit-fils de l'auteur. Bruxelles, 1854. P. 295.

[46] *Ramón Solans F. J.* Etre immortel à Paris. Violence et prophétie durant la Révolution française // Annales. Histoire, Sciences sociales. 2016. № 2. P. 357.

[47] Благодарю Е. Э. Лямину за то, что она обратила мое внимание на этот текст.

Именно в этом контексте появился труд Женгене, упомянутый в начале этого исследования. Опубликованная в 1791 г. под названием «Об авторитете Рабле в нынешней Революции», книга революционного журналиста являлась гипертекстом романов Рабле, состоящим из разных отрывков оригиналов.[48] В этих отрывках Женгене видел описания, предсказывающие пороки французского общества последних лет старого режима, послужившие, по его мнению, источником Революции. Среди этих пороков можно упомянуть привилегии корыстного духовенства, дурное воспитание королей, их любовь к войне и их безмерную стоимость для государственных финансов.[49] Как было уже сказано, последний аспект затрагивался также в революционных карикатурах 1791–1792 гг. в виде сопоставления обжорства Людовика XVI с обжорством Пантагрюэля.

Аллегорическое чтение литературного текста, однако, — чтение свободное по определению. Поэтому в текстах писателей XVI в., якобы предсказавших революционные события конца века XVIII, можно было видеть либо сочувствие этим событиям, как это делал Женгене, либо, наоборот, их порицание. Именно это и увидел Карамзин в отрывке «Гаргантюа», процитированном в парижском эпизоде «Писем русского путешественника» и использованном русским писателем для осмысления революционных событий.

3. Ссылка на «Гаргантюа» и осмысление Французской революции

Эта вторая ссылка на Рабле встречается в письме 98 («Париж, Апреля 1790»). В этом письме Путешественник передает размышления своего знакомого, таинственного «Аббата Н*». Аббат печалится об исчезновении светской жизни в столице под влиянием революционных событий и начала эмиграции (в письме 97). Он также волнуется о возможных последствиях политического хаоса, порожденного Революцией, и видит их предсказание в отрывке из 58 главы книги Рабле о Гаргантюа, названном «Загадкой-предсказанием» («Enigme en prophétie»):

---

[48] *Tatin-Gourier J.-J.* Ginguené: Rabelais à la lumière des événements révolutionnaires… P. 194–195.

[49] Ibid. P. 196–197.

В заключение сообщу вам несколько стихов из Рабеле, в которых знакомец мой, Аббат Н*, находит предсказание нынешней революции.

Gargantua, ch. LVIII.

Enigme et (sic! — *P. Б.*) Prophetie

Je fays sçavoir à qui le veut entendre,
Que cet hyver prochain, sans plus attendre,
En ce lieu où nous sommes,
Il sortira une manière d'hommes,
Las du repos et faschez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,
Suborner gents de toutes qualitez,
A différends et partialitez,
Et qui voudra les croire et escouter,
Quoy qu'il en doive advenir et coûter.
Ils feront mettre en débats apparents
Amys entre eux et les proches parents.
Le fils hardi ne craindra l'impropere
De se bander contre son propre père.
Mesme les Grands, de noble lieu saillis,
De leurs subjects se verront assaillis,
Et sur ce point naistra tant de meslées,
Tant de discords, venues et allées,
Que nulle histoire, où sont les grands merveilles,
N'a fait récit d'émotions pareilles.
Alors auront non moindre authorité
Hommes sans foy, que gents de vérité;
Car touts suivront la créance et estude
De l'ignorante et sotte multitude,
Dont le plus lourd sera reçu pour juge.
O dommageable et penible deluge!
Deluge, dis-je, et à bonne raison;
Car ce travail ne perdra sa saison,
Et n'en sera la terre délivrée,
Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
De flots de sang…

Французской старинной язык, может быть, для вас темен. Я переведу:

«Объявляю всем, кто хочет знать, что не далее, как в следующую зиму, увидим во Франции злодеев, которые явно будут развращать людей всякого состояния и поссорят друзей с друзьями, родных с родными. Дерзкой сын не побоится восстать против отца своего, и раб против господина, так, что в самой чудесной Истории не найдем примеров подобного раздора, волнения и мятежа. Тогда нечестивые, вероломные сравняются властию с добрыми; тогда глупая чернь будет давать законы,

и бессмысленные сядут на месте судей. О страшный, гибельный потоп! потоп, говорю: ибо земля освободится от сего бедствия не иначе, как упившись кровию».[50]

На эту цитату в свое время обратил внимание Жан Брейяр.[51] Французский исследователь отметил искажение Карамзиным оригинального текста Рабле, в котором упоминается не кровь, а вода. На самом деле, в последнем стихе оригинального текста Рабле читается: «Jusques à tant qu'il en sorte à grand erre / Soubdaines eaux»,[52] а в цитате Карамзина: «Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée / De flots de sang…». По мнению Брейяра, Карамзин заменил одно слово другим, чтобы негативно охарактеризовать Революцию, вызывавшую в нем возрастающее отвращение на протяжении 1790-х гг. Замечание совершенно верно, однако оно не исчерпывает вопрос. Вариант Карамзина не только заменяет одно слово другим: он глубоко искажает весь текст Рабле, сокращая целые стихи или группы стихов. В оригинальном тексте можно читать следующее (я подчеркиваю пропущенные стихи или формы, не сохранившиеся в пересказе Карамзина):

Je fois sçavoir à qui le veult entendre
Que cest hyver prochain, sans plus attendre,
Voyre plus tost, en ce lieu où nous sommes,
Il sortira une maniere d'hommes
Las du repoz et faschez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,
Subourner gens de toutes qualitez
A différent et partialitez.
Et qui vouldra les croyre et escouter
(Quoy qu'il en doibve advenir et couster),
Ils feront mettre en débatz apparentz
Amys entre eulx et les proches parents;
Le filz hardy ne craindra l'impropère
De se bender contre son propre père;

[50] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника… С. 228–230 (Письмо 98, «Париж, Апреля… 1790»). Тогда как в карамзинском тексте читается «Enigme et Prophetie», в тексте Рабле читается «Enigme en Prophetie».

[51] *Брейяр Ж.* Париж, город страха в «Письмах русского путешественника» Николая Карамзина // Семиотика страха. Париж; Москва, 2005. С. 74–75.

[52] *Rabelais F.* Œuvres complètes / Edition de Guy Demerson. Paris, 1973. P. 204–205. Данное издание воспроизводит текст издания 1542 г.

Mesmes les grandz, de noble lieu sailliz,
De leurs subjectz se verront assailliz,
Et le debvoir d'honneur et révérence
Perdra pour lors tout ordre et différence,
Car ilz diront que chascun à son tour
Doibt aller hault et puis faire retour;
Et sur ce poinct aura tant de meslées,
Tant de discordz, venues et allées,
Que nulle histoyre, où sont les grands merveilles,
A faict récit d'esmotions pareilles.
Lors se verra maint homme de valeur,
Par l'esguillon de jeunesse et chaleur
Et croire trop ce fervent appétit,
Mourir en fleur et vivre bien petit.
Et ne pourra nul laisser cest ouvrage,
Si une fois il y met le couraige,
Qu'il n'ayt emply par noises et débatz
Le ciel de bruit et la terre de pas.
Alors auront non moindre authorité
Hommes sans foy que gens de vérité;
Car tous suyvront la créance et estude
De l'ignorante et sotte multitude,
Dont le plus lourd sera receu pour juge.
O dommaigeable et pénible déluge!
Déluge, dy-je, et à bonne raison,
Car ce travail ne perdra sa saison
Ny n'en sera délivrée la terre
Jusques à tant qu'il en sorte à grand erre
Soubdaines eaux,[53]

Как видно из сопоставления цитат, разница между текстами не ограничивается изменением одного, хоть и ключевого слова. Вместе с тем, постараться объяснить все изменения, внесенные в текст, политическим намерением бесполезно. Дело в том, что эти изменения являются последствием использования русским писателем определенного издания Рабле, уже упомянутого здесь: издания, выпущенного в 1752 г. под названием «Современного Рабле» («Le Rabelais moderne»).

[53] *Rabelais F.* Gargantua // Rabelais F. Œuvres complètes. Edition de Guy Demerson. Paris, 1973. P. 204–205. Данное издание воспроизводит текст издания 1542 г.

Как объяснял в предисловии к «Современному Рабле» его редактор, аббат де Марси, он хотел сделать романы Рабле доступными для более широких кругов читателей, и поэтому считал нужным как модернизовать язык оригинала, так и убрать из текста самые темные места.[54] Именно этим объясняется сокращение в тексте Карамзина 12 стихов, подчеркнутых выше.

Итак, искажение текста французского классика идет от использования издания де Марси. Как было сказано выше, однако, этот факт не объясняет превращения воды в кровь, или вернее объясняет его только частично. В тексте де Марси значится:

Car ce travail ne perdra sa saison,
Et n'en sera la terre delivrée,
Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
De flots soudains:[55]

В тексте Рабле читалось не «De flots soudains», а «Soubdaines eaux». Как видно, де Марси изменил порядок слов оригинального текста XVI в. Оставалось немного до превращения синтагмы де Марси «flots soudains» в синтагму «flots de sang». Как факт, вторая часть этих синтагм не только одинакова в обоих случаях по количеству слогов, но они еще составляют фонетический хиазм:

Sou|dains
De|sang

Ритмически-звуковое сходство между прилагательным «soudains» и словосочетанием «de sang» очевидно способствовало замене одного слова другими. Однако маловероятно, чтобы замена была результатом невнимательности, ввиду ее очевидного политического значения. Так или иначе, эта замена сделала из аббата анти-Женгене и отнесла Рабле к лагерю врагов нового режима, позволив использовать его тексты с целью описания хаоса Революции и ее потенциально кровавых последствий.

---

[54] Le Rabelais moderne… T. 1. Préface de l'éditeur. P. VI, IX.

[55] Ibid. T. 2. P. 229: Enigme & prophétie. Как видно, использование этого издания объясняет также превращение, отмеченное выше, заглавия «Enigme en prophétie» в «Enigme et prophétie».

За этим выводом, однако, остается неразрешенный вопрос: кто же изменил текст Рабле, чтобы в него ввести политически значимые перемены? Таинственный Аббат Н*, или сам Карамзин?

К сожалению, ни один из каталогов французской революционной памфлетной литературы не упоминает аббата с фамилией, начинающейся с буквы Н, который был бы автором политического памфлета. Таким же образом, в этих каталогах не упоминается ни одного памфлета, использующего тексты Рабле с контрреволюционной целью.[56]

Из-за невозможности назвать источник, который мог бы использовать Карамзин, допустимы два сценария: согласно первому, мы можем предположить, что Карамзин реально встретился с каким-то аббатом в Париже в 1790 г. и что тот обратил его внимание на возможность увидеть в тексте «Гаргантюа» пророчество Революции. Очевидно, теория, будь она собственная теория аббата, или теория, услышанная им, была разработана на основе издания де Марси 1752 г. Аббат, возможно, показал искаженный текст этого издания (с превращением воды в кровь) молодому русскому писателю, который его переписал и сообщил читателям «Писем русского путешественника». Такой сценарий соответствует интерпретации травелога Карамзина, разработанной Г. Панофски в ее книге о Карамзине в Германии.[57] По мнению исследовательницы, текст Карамзина исключительно документален и все, что в нем описывается, отражает реальность, увиденную, или пережитую писателем. В пользу этого первого сценария может послужить тот факт, что, помимо аббата Н*, Путешественник упоминает еще его брата, некоего «графа Н*», с которым, согласно тексту «Писем», он познакомился в Женеве, и который его попросил передать письмо аббату в Париж.[58]

---

[56] Были просмотрены следующие каталоги: *Martin A., Walter G.* Catalogue de l'Histoire de la Révolution française. Paris, 1936–1955; *Saricks A. A.* Bibliography of the Franck E. Melvin collection of pamphlets of the French Revolution. Lawrence, 1960; *Elyada O.* Presse populaire & feuilles volantes de la Révolution à Paris 1789–1792…

[57] *Panofsky G. S.* Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010.

[58] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника... С. 224 (Письмо 97. «Париж, Апреля… 1790»).

Возможен, однако, второй сценарий, который можно было бы назвать «лотмановским», и который предполагает бóльшую творческую автономность со стороны молодого русского писателя.

Согласно этому сценарию, можно предположить, что аббат является вымышленным персонажем, воплощающим парижский культурный тип «салонного аббата», так же, наверно, как аббат Д* из письма 115, и что пророческое прочтение Рабле придумал сам Карамзин. Отметив актуальность Рабле во время своего пребывания в Париже, Карамзин купил издание де Марси[59] и, отдав должное французскому писателю двумя упоминаниями в тексте «Писем», разработал собственную интерпретацию текста «Гаргантюа». Его к этому побудила книга Женгене, обратившая его внимание на то, что можно было видеть в Рабле пророка Революции.

Тут, конечно, не хватает одного звена, побудившего Карамзина увидеть в Рабле еще и врага Революции. Такое звено, однако, существует, и его Карамзин, пожалуй, нашел в самой России, в то самое время, когда он работал над текстом «Писем русского путешественника» после возвращения из-за границы. Речь идет об анонимном памфлете, опубликованном в Санкт-Петербурге в 1792 г. под названием «Роялистский альманах, или контрреволюция, предсказанная господином Мишелем Нострадамусом» («Almanach royaliste, ou la Contre-Révolution, predite par Mr. Michel Nostradamus»).[60]

Этот памфлет — один из многочисленных текстов, провозглашающих Нострадамуса пророком Революции. Такие тексты стали

---

[59] По поводу возможного приобретения Карамзиным издания де Марси, можно сделать два замечания. Во-первых, можно предположить, что издательский проект де Марси привлек внимание Карамзина своей близостью к лингвистическим концепциям модернизатора русского литературного языка: для того, чтобы увеличить читательскую публику и дать ей доступ к сокровищам литературного наследия страны, нужно писать ясно и модернизировать первоисточники. Во-вторых, можно отметить с улыбкой легкое «мошенничество» со стороны молодого писателя, который снисходительно снабжает своих читателей переводом стихов, под предлогом того, что «французский старинный язык [может быть для них] темен», несмотря на то, что он их сам взял из модернизированного варианта оригинала Рабле!

[60] Almanach royaliste ou la Contre-Révolution prédite par Mr. Michel Nostradamus. Pour l'année bissexte 1792. Traduite en vers français par le moindre de ses interprètes Shyralmo. SPb., 1792.

публиковаться с самого начала Революции, и в генеральном каталоге Французской национальной библиотеки упоминается не меньше семи примеров за период с 1789 по 1799 г.[61]

Очевидно, эта традиция дошла до России, где тоже ощущалась потребность найти ответы о Революции в аллегорическом прочтении текстов прошлого. Согласно уже упомянутой баронессе д'Оберкирш, пророчество Казотта было известно будущей императрице Марии Федоровне, которая узнала о нем от самого Лагарпа еще до начала Революции.[62]

Тексты, связывающие Революцию с именем Нострадамуса, часто имели контрреволюционный смысл.[63] Неудивительно поэтому,

---

[61] Помимо «Роялистского альманаха», каталог Французской национальной библиотеки упоминает: 1) <*Syonnet Gautier de L. J.*>. Prophéties de Michel Nostradamus. Paris, impr. De Valleyre aîné, 1789; 2) Nouvelles prophéties de Nostradamus aux Parisiens. S. l., 1790; 3) Prophéties annoncées à tous les peuples de l'univers par Nostradamus, sur les événements les plus remarquables qui doivent arriver sur la terre pendant cette année. Paris, Dumaka, s. d. (ок. 1790); 4) *Montmignon d'Odoucet M.* Révolution française, les événements qui l'ont provoquée, accompagnée, & ceux qui la suivront, pronostiquées par les prophétiques Centuries de M. Michel Nostradamus; avec la clef pour savoir le vrai sens de ses Prophéties… Par M. d'Odoucet. S. l., 1790; 5) Les grandes Prédictions du grand Nostradamus, trouvées dans la grande culotte de peau de messire Honoré Barnave (An II de la liberté). S. l., (1793); 6) Qui vivra verra. Prophéties annoncées à tous les peuples de l'univers, par Nostradamus, sur les événemens les plus remarquables qui doivent arriver sur la terre pendant cette année (1795–1799); 7) <*Landriot P.*>. Prophéties de Michel Nostradamus, dont il y a trois cens qui n'ont jamais été imprimées, trouvées en une bibliothèque laissée par l'autheur. Riom, 179<?> Вышеупомянутый каталог Мартэна и Вальтера упоминает также, под номером 14745: Prophétie de Nostradamus accomplie. L'ordre, la marche et l'entrée des princes et autres émigrans à Paris. 2e édition, plus correcte. S. l. 1792. Наконец, книга Эдгара Леони о Нострадамусе также упоминает: La Révolution françoise par les prophétiques centuries de Michel Nostradamus. S. l., 1790 (под № 31) и Prophétiques anciennes et nouvelles, avec des réflexions sur les rapports parfaits qu'elles ont entre elles. S. l., 1791 (под № 32). См.: *Leoni E.* Nostradamus and his Prophecies. Mineola, 2000 (1-е изд.: 1964).

[62] Mémoires de la baronne d'Oberkirx… P. 296. Об этом, см. также: *Décote G.* L'Itinéraire de Jacques Cazottte (1719–1792), de la fiction littéraire au mysticisme politique. Paris, 1984. P. 343. О русской рецепции пророчества Казота в России см.: *Вацуро В. Э.* «На буйном пиршестве задумчив он сидел» // Лермонтовская энциклопедия М., 1981. Благодарю Е. Э. Лямину за то, что она обратила мое внимание на эту статью.

[63] Например: Prophétie de Nostradamus accomplie. L'ordre, la marche et l'entrée des princes et autres émigrans à Paris. 2-e édition, plus correcte. S. l., 1792.

что такое издание вышло в свет в Санкт-Петербурге, где находились эмигранты, сбежавшие из Франции и роялисты, отказавшиеся по политическим причинам вернуться на родину.

Таким образом, возможно — при отсутствии упоминаний в специализированной литературе контрреволюционных памфлетов, вдохновленных творчеством Рабле и / или контрреволюционного аббата, который мог бы их сочинить — что Карамзин прочитал «Роялистский альманах или контрреволюцию», и вдохновился им для разработки собственного контрреволюционного прочтения современника Нострадамуса Рабле. Как факт, текст роялистского альманаха 1792 г. содержит два упоминания крови, в том числе в виде потока.[64]

Разумеется, что такой сценарий приписывает Карамзину большую долю творческой смелости, предполагая, что он мог сам исказить текст Рабле в издании де Марси. Однако только он совместим с тем фактом, что в специализированной литературе отсутствуют памфлеты, использующие Рабле в роли пророка Революции и опубликованные до или во время пребывания Карамзина в Париже, и памфлеты, использующие Рабле в роли врага Революции после того, как Женгене сделал его ее пророком в 1791 г.

Все это показывает, насколько важна хронология в изучении данного вопроса. Именно о ней и пойдет речь в заключении к данной статье.

Заключение

Возвращаясь к хронологии использования Рабле в контексте литературы Французской революции, интересно отметить, что во Франции образ Рабле и его произведения были сначала использованы врагами нового режима, о чем свидетельствует памфлет 1789 г., упомянутый в начале этого исследования: «Письмо Рабле священникам-депутатам генеральных штатов». Использование Рабле и его творчества в поддержку Революции появилось только потом, начи-

[64] В памфлете кровь упоминается два раза, сначала на с. 15 (в 9 абзаце), а потом на с. 19 (в абзаце 9 и 10, в последнем речь идет о потоке крови). Отметим также, что оформление памфлета предвосхищает текст Карамзина тем, что автор сначала приводит цитату на старо-французском языке, а затем предлагает читателю перевод на современный язык.

ная с 1790 г., сначала для поношения монархии, а потом, например в 1793 г., для преподавания детям ценностей новорожденной республики. У Карамзина же хронология другая, что объясняется особенностями хронологии его работы над «Письмами». Молодой русский писатель обратил внимание на Рабле во Франции в 1789–1790 гг., когда французский сатирик использовался в памфлетах как сторонников, так и противников Революции, но вернулся к ссылкам на его жизнь и творчество только в середине 1790-х гг., когда работал над текстом «Писем». В это время во Франции Рабле уже стал использоваться исключительно сторониками Революции, в том числе, под пером Женгене, как ее пророк. У Карамзина он тоже получил эту роль пророка, но вместе с тем остался врагом Революции, — наверное, под влиянием чтения петербургского памфлета о Нострадамусе — как в то время, когда Карамзин заинтересовался им в 1789–1790 гг. В результате этой русской синхронизации диахронии французской рецепции Рабле в творчестве русского писателя французский гуманист стал одновременно и пророком Французской революции, и ее судьей, а его творчество — не апологией политического карнавала, а предупреждением о его возможных пагубных последствиях.

ПУБЛИКАЦИИ

Л. А. КУРЫШЕВА

О НОВОНАЙДЕННОЙ «ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ ЕГО»*

В РО РНБ имеется несколько рукописей из коллекции известного петербургского знатока древностей, коллекционера, профессора Петербургского университета И. А. Шляпкина (1858–1918). В их числе — рукописный сборник XVIII в., который до сих пор не привлекал внимания исследователей. В его составе мною было обнаружено ранее неизвестное беллетристическое сочинение Повесть о некоем царе и о дщери его.

Основу повести составляет сказочный сюжет АТ 709 «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)», широко представленный в фольклоре народов Европы.[1] До последнего времени первые фиксации сказочного сюжета о мертвой царевне в России связывались с концом XVIII в. — 1820-ми гг. К этому периоду относятся два текста. Печатная Сказка о старичках-келейчиках 1795 г. представляет собой литературную обработку сказочного сюжета.[2] Среди бумаг А. С. Пуш-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00214.

[1] *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 50; Сравнительный указатель сюжетов: Восточно-славянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179; 709 Snow White // Aarne–Thompson–Uther Classification of Folk Tales. URL: http://www.mftd.org/index.php (дата обращения: 24.05.2016).

[2] Сказка о старичках-келейчиках // Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок / Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. М., 1795. Ч. 2. С. 87–96.

© Л. А. Курышева, 2017

кина имеется несколько конспективных записей народных сказок, в том числе и на наш сюжет.[3] Эти записи были сделаны поэтом в конце 1824 — начале 1825 г., в период ссылки в Михайловское.[4] Кроме того мы находим интересную параллель в рукописной повести середины XVIII в. о французской королевне Фларенте и итальянском королевиче Георгии: месть мачехи и чудесное воскресение девицы соответствует эпизоду сказочного сюжета AT 709.[5]

Помимо палеографического описания памятника в задачи настоящей статьи, предваряющей публикацию Повести о некоем царе и о дщери его, входит решение вопроса о датировке памятника через анализ литературной традиции, в которой написана повесть.

Новонайденный литературный памятник находится в сборнике «Повести» из собрания И. А. Шляпкина в ОР РНБ. Ф. 865, № 273.[6] Сборник размером в четвертку, без переплета, без окончания, 66 л.; Л. 29–32 сохранились не полностью; написан скорописью XVIII в.,

---

[3] Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л., 1961. С. 123. Вопросу о том, являются ли эти записи воспроизведением сказок по памяти или непосредственным конспектированием со слов исполнителя, посвящена работа: *Иванова Т. Г.* Еще раз о пушкинских записях народных сказок // Культура и история: Актуальные проблемы теории и истории культуры. СПб., 2004. С. 110–123.

[4] По мнению М. К. Азадовского, наряду с этой записью на замысел стихотворной «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» оказала влияние сказка братьев Гримм того же типа «Белоснежка» («Schneewittchen»), знакомство Пушкина с которой состоялось через французский перевод (см.: *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938. С. 84). Относительно степени влияния гриммовской сказки на сказку Пушкина были высказаны сомнения **(**см.: *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960. С. 156–158 (Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та. Сер. филологических наук. Т. 44. Вып. 13)**)**. Как бы ни решался вопрос об источниках пушкинского произведения, последующие записи народной сказки типа 709 нередко содержат следы влияния «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (см.: *Бараг Л. Т., Новиков Н. В.* Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1986. Т. 2. С. 406).

[5] Вопросу о том, как связана новонайденная повесть с версиями сказки, представленными рукописной «гисторией» о Фларенте и Георгии, печатной сказкой 1795 г. и пушкинским конспектом «Царевна заблудилась в лесу», я намерена посвятить особую статью.

[6] На первом листе рукописи экслибрис: «Библиотека И. А. Шляпкина № 235» (цифры номера внесены от руки). По-видимому, рукою И. А. Шляпкина красным карандашом отчеркнуты названия некоторых повестей и документов.

почерк двух разных рук, которые сменяют друг друга на протяжении всей рукописи. Повесть о некоем царе и о дщери его — на л. 47 об.–51 об.

В первых тетрадках рукописи (Л. 1–30 об.) четко просматриваются водяные знаки — герб Амстердама (львы и щит без постамента) и буквы RIARDEL. По данным Т. В. Дионовой, в русских рукописях такая голландская бумага использовалась в 1719–1727 гг.[7] Далее в рукописи следуют листы без филиграней (Л. 31–56 об.). Последние тетради сохранившейся части сборника сложены из бумаги с водяным знаком, включающим герб Амстердама и плохо различимые буквы (предположительно B MOEB или P MOLB), которым не найден никакой аналог в известных нам альбомах филиграней С. А. Клепикова, З. В. Участкиной, Т. В. Дионовой.[8]

Собственно литературный конвой повести состоит из беллетристических сочинений, получивших распространение в России начиная с XVII в. (Повесть о семи мудрецах, Повесть об Акире Премудром, Повесть о царе Аггее). Исключение составляет Повесть о воине Аквитане. Как показало исследование Э. Малек, последняя была создана не ранее начала XVIII в. и не позднее 1729 г.[9] Сохранившуюся часть сборника завершают пять исторических документов 1736 г., имеющих отношение к русско-турецкой войне.[10]

---

[7] *Дианова Т. В.* Филиграни XVII–XVIII вв. Герб города Амстердама. М., 1998. № 319. Согласно Клепикову, № 1354 — в 1720–1740 гг. (см.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959).

[8] Сердечно благодарю за консультацию сотрудников Отела рукописей РНБ Ж. Л. Левшину и Е. А. Филонова.

[9] *Малэк Э.* Источники и литературная история Повести об Аквитане // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 105.

[10] Содержание сборника: 1) Повесть душеполезная о седми мудрецах и о цесаре Елиазаре и о сыне его Диоклетиане (Л. 1–43); 2) Повесть о Акире премудром и о сыне его Анадане (Л. 43–47 об.); 3) Повесть о некоем царе и о дщери его (Л. 47 об.–51 об.); 4) Без загл. <Повесть о воине Аквитане> (Л. 51 об.–54); 5) Сия повесть предивная и душеполезная зело о царе Аггее, како похули слово Божие (Л. 54–56); 6) Известие о воинских действах против турок и татар, сего 1736 году (Л. 57–60); 7) Экстракт из реляции генерала-фельдмаршала графа фон Миниха отправленной с места баталии за Перекопьскою линеею, 20 мая, 1736 году (Л. 60 об.–61 об.); 8) Продолжение журнала о воинских действах против турок и татар (Л. 61 об.–63); 9) Копия с письма, отправленного по указу Ея императорского

Живой интерес переписчика к началу русско-турецкой кампании указывает на то, что сохранившаяся часть сборника активно формировалась в 1736 г. Сопоставление с данными о времени использования обозначенного типа бумаги позволяет определить период создания сборника промежутком конца 1710-х — конца 1730-х гг.

Обратимся теперь к языковым и литературным особенностям Повести о некоем царе и о дщери его. По языку, грамматическим формам и лексике, повесть принадлежит старой, допетровской повествовательной традиции. Здесь мы встречаем формы аориста и имперфекта, которые, как известно, имели хождение в книжном языке вплоть до XVII в. Однако наряду с ними имеется и употребление современной формы прошедшего времени на *-л*, хотя и в значительно меньшем количестве. В литературном плане повесть также принадлежит повествовательной традиции допетровской эпохи. В ней нет никаких следов знакомства с «новой» литературой, переводным европейским романом или так называемой «петровской» повестью. Более того, сказочная основа новонайденного памятника позволяет причислить его к кругу памятников русской рукописной беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в., отличительной чертой которых стало активное использование сказочных сюжетов.[11]

Величества Самодержицы Всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везирю, апреля 12 дня 1736 года (Л. 63 об.–66); 10) В Сантпетербурге в 21 день июня 1736 из Кубани на сих днях от 31 маия получены следующие известия (без окончания. — *Л. К.*) (Л. 66 об.).

[11] О роли сказочного фольклора в формировании русской беллетристики второй половины XVII — начале XVIII в. см.: *Еремин И. П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII вв. // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 12–21; *Демкова Н. С., Лихачев Д. С., Панченко А. М.* Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 476–561; [*Панченко А. М.*] Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. С. 336, 346; *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 127–149 (из Содержания: Сказочный вымысел). В приведенных работах высказана мысль о влиянии фольклора на формирование рукописной беллетристики и

Анализируя особенности сказочного вымысла в русской беллетристике переходной эпохи, Е. К. Ромодановская высказала наблюдение о том, что у авторов этого периода существует ряд «излюбленных» сюжетов.[12] К ним относится и сюжет о разборчивой невесте, и целый класс сюжетов о невинно гонимой или оклеветанной девушке (падчерице, невестке), которую преследует «злая жена» (мачеха, свекровь).[13] Следует отметить, что во многих памятниках рукописной литературы XVII — первой четверти XVIII в., в том числе записях былинных пересказов, злое начало воплощено в образах жен-изменниц, зачастую обладающих колдовскими способностями. Это Клеопатра из Повести об Иване Пономаревиче,[14] Улита из Повести о начале Москвы, жена Соломона из Повести о рождении и похождениях царя Соломона,[15] жена Михайлы Потока Авдотья Лебедь Белая из Сказания о трех богатырях, жена Ивана Годиновича Настасья.[16] Еще один образ «злой жены» мы находим в русской оригинальной Повести о царице и львице (конец XVII в.): завязкой в ней служит преследование невестки злой свекровью. По тематике и функционально-сказочной структуре эта повесть сходствует с но-

---

заимствовании ею у сказочного эпоса элементов поэтики, типа героя, сюжетов. Несколько иную точку зрения высказал Е. А. Костюхин. Настаивая на общности древнерусской литературы и фольклора, на синтетическом «фольклорно-мифологическом сознании древнерусского книжника», исследователь, в частности, предположил, что волшебная сказка «оформилась у нас под сильным литературным влиянием и вошла в обиход едва ли ранее XVII–XVIII вв.» (см.: *Костюхин Е. А.* К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 561).

[12] *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени… С. 135.

[13] Там же. С. 136–137.

[14] *Панченко А. М.* Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики… С. 488–489.

[15] *Ярошенко-Титова Л. В.* «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 257–273.

[16] *Астахова А. М., Митрофанова В. В.* Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII веков // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 71. Еще одно популярное сочинение XVII в. на тему «злых жен» — «Беседа отца с сыном о женской злобе», об этом см.: *Титова Л. В.* «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

вонайденной Повестью о царе и дщери его. И та, и другая входят в класс сказочных сюжетов о невинно гонимых героинях, по структуре — в подтип волшебных сказок с функциональной завязкой: «Вредитель наносит одному из членов семьи вред».[17] В обеих повестях «злая жена» действует по наущению дьявола, ненавидящего добродетель. Положительная характеристика невинно гонимой жены (падчерицы, невестки) дана через акцентирование в героине кротости, любви и почитания к отцу, нищелюбия и странноприимства («Повесть о некоем царе и дщери его»), благонравия, кротости, благочестия, почитаемой всеми добродетели («Повесть о царице и львице»):

Дщерь же царева творяше милостыню на всяк день, своими руками подаяще и трапезу убогим поставляше. Лютый же враг, искони ненавистник творящым милостыни, вложи в мысль царице <…> Тогда лукавый враг разже сердце у царицы яростию великою («Повесть о некоем царе и дщери его». Л. 48);

Мати же царева, завиствуя на царицу, невестку свою, яко любит ея царь и за добродетель ея почитаема бе от всех, и не любяше ея <…> обрете тогда подобно время злобе своей и научением вражиим нача смышляти, да наведет на царицу пагубу.[18]

Показательно, что в обеих повестях дальнейшее зло, творимое через слуг, совершается как бы против их воли, но из страха перед властью «злой жены». Кроме того, обращает на себя внимание двояко трактуемая сказочная фантастика. В новонайденной повести, как и в других беллетристических произведениях второй половины XVII — начала XVIII в., сказочная категория чудесного представлена в двух родах. Магические способности мачехи-царицы объяснены через дьявольское пособничество: «Царица же <…> диавольским коварством сотвори сорочьку вельми прекрасну» (Л. 50). А оживление царевны и братьев происходит через божественное вмешательство, через чудо: «И вси дивишася о великом чюдеси и радовашеся радостию великою зело и прославляше Бога» (Л. 51). Волшебный предмет — зеркало, знакомый по поздним версиям

---

[17] *Пропп В. Я.* Морфология русской сказки. Л., 1928. С. 40–43.

[18] Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. М., 1988. XVII век. Кн. 1 / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. С. 427. Цитата дана в модернизированной орфографии.

сказки, функционально замещен фигурой нищего, который становится и невольным орудием мести мачехи.

В отличие от Повести о царице и львице, которая появилась благодаря обработке переводного рыцарского романа и стала русской «религиозной повестью, не лишенной, однако, и занимательного элемента»,[19] в Повести о царе и дщери его ярко выраженный дидактический элемент отсутствует. Однако мотивы поведения главных персонажей, логика всего сюжета пронизаны не секуляризованным мировоззрением: зло творится по воле дьявола, божественный промысел действует в мире через чудо, и люди помнят о том, в чем коренится источник всех благ. Таким образом, сюжет, повествовательные приемы и идейное наполнение новонайденной повести связано с традицией беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в.[20]

Находка литературного памятника в сборнике конца 1710-х — конца 1730-х гг. — Повести о некоем царе и о дщери его, в основе которой лежит сказочный сюжет AT 709, до сих пор известного в русской словесности по литературной обработке конца XVIII в. и пушкинской записи народной сказки, подтверждает популярность сказочного сюжета AT 709 в России уже в раннее время и пополняет наши представления о фонде сюжетов рукописной беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в.

---

[19] *Чалкова Т. Ф.* О структуре и жанровой специфике «Повести о царице и львице» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 109.

[20] Проведенное Т. Ф. Чалковой сопоставление русского перевода популярного средневекового романа об Оттоне и Олунде с его оригинальной переделкой — «Повестью о царице и львице» (см.: *Чалкова Т. Ф.* О структуре и жанровой специфике... С. 101–109), а также привлечение хронологически близкого беллетристического материала, позволили сделать обобщения относительно характерных черт целого класса повестей этого времени. Е. К. Ромодановская отмечает две разнонаправленные тенденции рукописной беллетристики переходного времени, на одном полюсе которого возникает тип повести, «маскирующейся» под переводной роман (иностранные имена героев, якобы реальная география, бытовые и социальные реалии своего времени), и другой, воспроизводящий черты волшебной сказки, но структурированной по законам новеллы (безымянность героев, подчеркнуто неопределенное время и место действия) (см.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени… С. 141–149).

Публикуемая ниже Повесть о некоем царе и о дщери его является списком с более раннего текста. Об этом свидетельствуют грамматические ошибки, описки, повторы, темные места и логические пропуски. Например, мы встречаем повтор через строку «повеле ея обмыти» (Л. 51). В эпизоде с преследованием падчерицы мачеха призывает нищего и дает ему «другую» сорочку (Л. 50), хотя по смыслу имеется только одна сорочка, которую царица повелела изготовить и затем отравила. Еще одно темное место находим в эпизоде с внезапным возникновением в доме братьев их неприятеля — змея. Возможно, в протографе вместо появления змея из третьей комнаты («изыде ис третею змий», Л. 49) речь шла об издаваемом им треске («и с трескею»). Текст повести публикуется в соответствии с правилами, принятыми в «Трудах Отдела древнерусской литературы».

Текст

Повесть о некоем царе и о дщери его

л. 47 об.

Бысть некий царь, имея у себе царицу красну зело и не обретах такия во окрестных странах и государьствах, имея у себе едину дщерь, подобну красотою ей же, царице, матери своей. Живяста же царица с царем своим, и по времени царица бысть близ смерти от великия немощи. И призва царя своего и рече ему: «Возлюбленный мой царю, како жил еси со мною в любви, молю тя, не моги понять после меня иной себе жены, аще поймеш себе жену, то будет дому твоему // похищение и напасть велия. Токмо едино прошу тя, *л. 48* отдай, государь, дщерь нашу в супружество. И будет дому твоему наследник и государьству твоему владетель и правитель». И по увещению ея много царь времени по смерти царицы своея не женися. И нача ближнии князи и велможи царю своему глаголати: «Государю наш, что ты сердце свое изнуряеш и долгое время не пойш себе царицы, а нам, государь, после себя правителя не оставляеш? И все наше царство тщетно будет». И царь, забыв заповедь жены своея, повелевает им прибрать девицу такову, яко и прежняя его царица была прекрасна. Князи же и вельможи начаши избирати и изыски-

вати такову девицу. И егда же обретоша, пришедше царю и сказаша яко: «Приискали тебе, государь, прекрасну девицу, а иные не могли обрести». Посла же царь корету по нея, и привезоша ю ко царю. Царь же поня ю себе царицею и живяше.

Времяни же малу минувшу, пойде царь с силою ратию на некую дальную страну. Дщерь же царева творяше милостыню на всяк день, своими руками подаяще и трапезу убогим поставляше[а]. Лютый же враг, искони ненавистник[б] творящым милостыни, вложи в мысль царице. По некоем времяни призва к себе царица единаго нищаго. Прииде нищый и поклонися царице до земли. Глагола царица к нищему: «Вы ходите по всему нашему царьству и по иным странам и государьствам. И где видал такову прекрасную девицу, что я, царица?» И нищий рече: «Государыня наша, царица прекрасная, аз бывал во многих государьствах и странах и во градех и негде, государыня, не видал такой прекрасной девицы, что здесь у нашего царя дщерь царевна, и тою несть краснее». Тогда лукавый враг разже сердце у царицы яростию великою, повеле призвати от раб ближьних своих и рече им: «Что вы у меня хощете, и я вам воздам и устрою вас близ себе. Точию сотворите повеленная: да убейте царевну красоты ея ради, дабы в нашем царстве краше меня не было. Аще моего повеления не сотворите, и аз вас предам скорой смерти». Они же убоявшеся смерти и рекоша: «Государыня царица, сотворим твоя повеления, яко же волиши». Царица же шед скоро к царевне и позва ея в поле гулять. Она же не отречеся, но глаголя: «Добре, поедем, государыня моя». И прослезися о здравии царя, отца своего. Царица же седе в корету, а царевну повеле посадити в другую корету. И поехаша из царства вон. Царица же путем своим поеде, царевну же
л. 48 об. повеле вести во ину страну ради смертнаго убийства. // И завезоша ея на некия дикия леса и непроходимыя, и повелеша ея ис кореты изыти, и сказаша ей повеленная от царицы, что повелено ей сотворити, скорой смерти предати. «Аще ли сего не сотворим, то сами от царицы зле умрем». И сия им изрекшим, зряше на царевну и вельми плачюще и не ведуще, что сотворити ей. Царевна же рече им с плачем горьким: «Господие мои, воля ваша буди и со мною,

[а] *В ркп. далее в квадратных скобках* убогим.

[б] *Исправлено, в ркп.* ненавистик.

токмо прошу, не попомните грубости моей к вам, да не оскверьните тела моего». Они же зряще на ню, плачюще и не ведуще, что сотворити ей. Она же рече к ним: «Господие мои, аще хощете мя живу пустити, и вы отрежте мизинный перст и с перьстнем от руки моея и отнесите царице, и возвестите, что „повеленная тобою сотворили, царевну убихом и знак ея являем в правду“». Они же, слышавше сие, рекоша: «Буди, госпоже наша, по твоей воли». И отъяша от руки ея мизинный перст и с перстнем, и оставиша ея в пусте месте, а сами возвратишася во царство к царице. Егда же приидоша, и поклонишася царице и рекоша: «Государыни наша, повеленная нам от тебе сотворихом»; и отдаша мизинный перст с перстнем. Царица же оных посланных пожаловала и учредила их ближними у себе. И повеле царица учинити болван древян, сама же нача горко плакати, возвещая, яко царевна, егда бысть в походе с нею, внезапу умре. И творяще царица поминовение по ней.

Царевна же Божиими судбами ходаше много непроходимыми лесами никому знаема и не видех ни зверей, ни птиц. Пища же ея бяше от земли былие. Ходящу же ей много время, и се изыде на поле, и узре на поле полаты каменные велми красныя. Она же пришед в полаты и ничтоже виде, точию девять срачиц с порты в крови и вельми дироваты. Егда же увиде сие царевна, вельми убояся. Прииде во вторую полату и виде множество птиц устроения ради в снедь приготовлены. Царевна же пойде в третию полату и виде множество хлеба и муки, и пшена, и протчих потребных в снедь, точию ничто же устроено. И виде котел велик и размышляя, что бысть сие яко полаты красныи, вся потребная, а живущих в них не бе. И не[в] дольго медля и взем огнь и возгнети пеш, и срачицы и порты кровавые взем и, во оной котел положив, // измы по обычаю и [г]портному не- *л. 49*
кииму[г] дироватые места, омых, уплати. И вся снедная яже на потребу учреди и на столе постави. Сама же укрыся в тайно место, зря, кто приидет в полаты сия. И мало медля, се шум велик бысть, и виде пришедших девять братов, и начаша между себе дивитися, глаголюще: «Что сие, братие? Кто в полаты наша вниде, и кто из нас з бою возвращахся в полаты и сие учреждал, а нам в бою измену

[в] *Добавлено, в ркп.* нет.

[г–г] *Исправлено, в ркп.* портном некиим.

являет?» И егда пришли во вторую полату и видят стол и вся учрежденная на нем в снедь уготованна, и наипаче братия удивишася. Царевна же изыде ис потаеннаго места и пойде тако в особую полату. Егда же изыде ис третею змий и зря на красоту ея и нача ей глаголати: «О, царевна, где есть братия или, убояся мене, бежали?» Она же нача лстити ему, глаголя: «Зде братия, пьяны лежат, а меня они увели от отца и от матери и надо мною много насмеялись, и я их перепоила пьяным». Змий же рече к царевне: «Ты, царевна, того не ведаеш, что у меня с ними бой велик и брань многи лета идет. Аще же их убиеш, и я тебя царицею за себя возьму или что хощеш, то и воздам тебе». Она же позва его во особую полату. Змий же возрадовася зело и вшед с нею в полату. Она же посади его за стол и принесе ему вареные цветы и влия в челюсти его. Он же, триглавый, нача зияти, и потом нача его рвати на малыя части. Она же от страха великаго пришед, хотя мал час промолкнути. Тогда возбудися больший[д] брат и нача вопити велиим гласом: «О, братия моя милая, востаните вскоре, ныне бо все мы погибохом, но пришел нам урочный час, все есмы повинны смерти». Воставше же братия начаша великим гласом стонати, зряще на царевну, глаголюще: «Кто ты нам такая явися изменница или ты от лютаго зверя змия послана есть?». Она же не могох терпети таковаго их стенания и вопля. И рече к ним царевна: «О, братия моя драгая, не воздыхайте болезненно, но идите во оную храмину и узрите змия того от руки Божия убита». Братия же шедше в полату вскоре и видеша лютаго змия убита и лежаща мертва, и возрадовашася радостию великою зело, и прославиша всещедраго Бога, и лобьзаша царевну, // поклоняющеся ей[е], *л. 49 об.* глаголаху: «Сестро наша, поведай нам, что хощеши, сотворим тебе». Она же рече: «Братия моя, аще умру в доме вашем, [ж]то и[ж] мне потребно есть».

Братия же прочистища дороги на прихождение нищим и странным, царевне же повелеша милостину давати. И прихождаху нищых и странных множество. По времени же прииде нищий от царства отца ея. Царевна же виде нищаго и призва его к себе и нача вопрошати нищаго о здравии царя и царицы. Нищий же поведа ей, яко

[д] *В ркп. написано над строкой.*

[е] *Исправлено, в ркп.* ему.

[ж–ж] *Исправлено, в ркп.* той.

«царь наш и царица здраво пребывают, токмо государыня наша питательница царевна преставилась в похоте с царицею, и привезоша ея мертву и погребоша ея честно. Отец же ея и поныне поминовение творит, а нам, убогим, не нажить таковыя питательницы[з], что она была к нам, сиротам». Царевна же нищаго в полаты у себе напита его. Нищий же сидя и дивися красоте ея и мня во уме своем, яко «сия девица красотою уподобися нашей преставльшейся царевне, токмо лишь[и] нет единого мизинного перста». И отъиде нищий.

По времини же прииде нищий во свое царство и прииде ко царю на поминовение царевны с протчими нищими ясти хлеба. И узре царица нищаго и повеле ему сести близ себя. Нищий же поклонися царице, царица же вопроси его: «Ходиш ты, нищий, по многим странам и государьствам и градам, и есть ли в коей стране и государстве краше меня кая жена или девица». Нищий же усумнеся и поклонися царице и рече ей: «Государыня наша царица, есть в северной дальной стране в месте пусте в поле стоят полаты каменныя велики и прекрасны зело, а живут в них девять братов царевичи, и у них есть сестра девица велми красна и лепа, уподобися нашей государыни умершей царевне, только у левые руки мизинного перста нет. И спрашивала она про царя твоего и про тебя, царицу, и про умершую царевну». Царица же возьярися диавольским навождением и вскоре призва к себе ближних рабов, которые тою царевну возили ко убийству. Они же пришедше поклонишася царице, она же их нача вопрошати с великим пристрастием о царевне. Они же ей сказаша: «Государыня наша царица, егда мы у царевны мизинный перст от руки ея // с перстнем отъяли, тогда не вем, с кую страну *л. 50*
наехали незнаемыя люди и ея, царевну, у нас отняли. И тебе, царице, того мы[к] сказать не смели, бояся смерти». Царица же повеле нищему приити[л] к себе в удобное время и диавольским коварством сотвори сорочьку вельми прекрасну, златом и сребром и жемчюгом учрежденну. И повеле ея натерьти лютым зелием. И призва к себе нищаго и даде ему другую сорочьку, и повеле ему отнести прекрасной де-

---

[з] *Исправлено, в ркп.* питательница.

[и] *Исправлено, в ркп.* лише.

[к] *В ркп. надписано над строкой.*

[л] *В ркп. плохо читается, размыты чернила.*

вице, и написа ей грамотку советную сице: «что тебя люди наши утеряли, и я их великим растерзанием предавала и про тебя жестоко расспрашивала, и они мне сказали, что неведомо какия незнаемыя люди наехали и тебя увезли, только един мизинной твой перст с златым перстнем ради знамения явили». Нищий же взя грамоту и пошел к девяти братом.

И по мале прииде нищий к полатам и прошаше милостыни. Узрев же девица нищаго, и взя его к себе в полату и вопроси его. Он же отдаде от царицы советную грамотку. Она же распечатав и прочте, и прослезися зело о таковом писании, и приня срачицу, а нищаго накормя и отпусти его. Братиям же тогда бывшим в поле, нача девица приготовляти им пищу и прочая потребная на обед готовляше. И егда устрой[м] и постави на столе, и пойде во особую полату, и взя с собою срачицу, и надела на себя и умре от нея.

По времяни же приехаша братия и вшед в полаты своя и видеша стол наполнен различьными брашны. И рече больший брат: «Братия моя драгая, где есть сестра наша?» Они же с великою печалию вскочивше, искаше ю. Менший же узрев брат ея в полате мертву лежащу, и великою печалию застонав и ударив о землю: «Увы нам, братия, оставшимся от сестры нашей, грех ради наших за нас умре». И сошедшимся братиям зрящим ю мертву лежащу, а меншаго брата еле жива, и [н]об оной[н] вельми плачюще и рыдающе. Сотвориша же братия гробницу сребрянну и четыре столпа среди двора своего поставиша, и цепи железныя протягнуша, и полату каменную устро-
л. 50 об. иша, что невозможно ни от человек, // ни от зверей, ни от гадов коснутися. И положиша тело ея в гробницу и повесиша в полате, и сами сошедше и на столпе тако написавше: «В той полате, у девяти братов преставльшаяся сестра, такожде братия падоша на копия за сестру свою». Тако поставиша копия противу грудей своих и рекоша: «Да не будем живы ни един ради нашея Богом данныя сестры, и умрем вси мы над нею», а сами падоша на копия.

По мале же времени из некоторого царства королев сын поехал на охоту с людми своими в поле и увиде некоего предивна зверя бе-

---

[м] *Исправлено, в ркп.* устой.

[н–н] *Исправлено, в ркп.* обоих.

гуща. И королевич погна за зверем и отста людей своих. Зверь же бежа к полатам девяти братьям. Королевич же гна за ним, зверь же невидим бысть. Королевич виде полаты и на столпах полату каменную и написание, иже написано: «У девяти[о] братов преставися сестра, такожде и братия падоша на копия за сестру свою». И королевич прослезися зело, хотя видети девицу, но невозможно. И пойде королевич до лесу, и нашед суковатое древо, и принесе и поставие и влезъши по древу, и видеша гробницу, и узре в ней прекрасную[п] девицу аки сном уснувшу. И объя его печаль велия о девице. Узрев же королевич того ж зверя в поле бегуша, и вскоре вскочи и седе на коня своего, и погна за зверем, приведе его к своим людем и невидим бысть. И королевич нача во уме своем держати про умершую девицу и часто поминати красоту ея. И нача спрашивать старейших своих своего града, кто бывал у девяти братов и от короля, отца своего, з данию бывал. И потом королевич <*нрзб.*> далече в поле ради проносу. И взял с собою ближних своих, и гроб з девицею постави в корету, и поехал во свое царство, и привез тайно к себе на двор. И постави в сокровенное место и ни повеле никому от раб своих ходити. Сам же на всякое время прихождаше к ней и открываше гробницу, и плакася горко, на красоту ея смотря. И лице его красоты своея изменися. Мати же его, королевича, смотря на сына своего красоту погибшую, изумеся и нача размышляти: «Како сын мой изменися от красоты лица своего, что у сына моего за превеликое сумнение, что сын мой // на всяк день слезы из очей своих испущает?» И посла его гулять в поле, сама ж взем ключи и смотри в полате его и ничто же обрете, токмо замкнут[р] един чюлан тайны. Егда же приехал в дом королевич, мати же его запоила пьяным питием и взя у него ключ чюланный, и отомкнув, и виде гробъницу. Егда же откры и узре мертвую девицу лежащу вельми прекрасну, и повеле ея обмыти и поставити во своей полате. И нача мыслити, что сын ея ону мертвую прекрасную девицу блуда ради держит, и повеле ея обмыти. Егда же сняша с нея сорочьку, и девица, воспрянув яко от сна своего, убудилась, и даша ей одежду подобающую и сказаша

л. 51

[о] *Исправлено, в ркп.* деяти.

[п] *Исправлено, в ркп.* прекасную.

[р] *Исправлено, в ркп.* замкнув.

сыну своему. Он же от великия радости вскочи и притече к ней, возопи гласом великим, глаголя: «О, мати моя государыни, како могла девицу сию воскресити?» И она ему сказа подробну. И девица нача молити королевичеву матерь, чтобы отпустила их с сыном ея, королевичем, посмотрить братию свою и похоронить с честию. Мати же отпусти их. Королевич же поеде к девяти братиям з девицею. И егда приехаша ко братиям и отвориша полату и виде их мертвых, и начаша горько плакати и копия из них вынимати. Егда же отъяша из них копия, братия восташа и быша живы и целы. И вси дивишася о великом чюдеси и радовашеся радостию великою зело и прославляше Бога.

Братия же отпустиша королевича с честию, а сестру у себя оставиша. Поидоша же братия в полаты своя и сотвориша пир велик, и начаша девицу подробну соспрашавать, како ей смерть прииде. И братия зело радовахуся и прославаша Бога о таковом великом чюдеси. И рекоша братия к сестре своей: «Аще, сестра наша, хощеш за королевича итти замуж, то мы тебя отдадим с великою честию». И девица отвещав: «Воля Божия да буди, аз за него, королевича, в супружество хощу итти и у отца своего хощу благословение[с] прияти». Братия же нарядиша сестру в драгоценное платие // и поехаша *л. 51 об.*
к королевичю и сотвориша меж собою приятство и веселишася. И поехаша во град з девицею к царю, отцу[т] ея, и королевича взя с собою. Егда же быша близ царства отца ея, и сташа в поле и послаша посланника своего ко царю, чтобы царь изволил взять дочь свою с великою честию. И посланник пришед ко царю и грамоту вручи царю. Царь же прочьте грамоту и с яростию посланному рече: «Что вы ездите разбоем или обманом под царство мое?» И посла к ним послов своих, такожде написа яко: «У мене дочь была и умерла». Девица же написа отцу грамоту своею рукою и посла з двумя братьями своими. Они же, пришедше к царю, поклонишася и грамоту отдаша. Царь же грамоту прочет, не имя веры. Они же рекоша царю: «Аще хощеши, царю, да поставим ея пред тобою». И повеле царь привести девицу. Братия же взяв девицу честно и королевича и поставиша пред царя. Егда же узре царь девицу, смотря ю и

[с] *Исправлено, в ркп.* благословени.

[т] *В ркп. далее в квадратных скобках* своему.

разуме, яко дщи[у] его есть, скочив с места своего, объем ю, плакася горко и спроси ея. Она же поведа отцу своему вся по ряду. И отдаде ея королевичю в жену. И призва царь жену свою и повеле ея посадити к диким зверям, братию вельми одариша и отпустиша восвояси. Королевичю же приказа свое царство. Сам же царь поживе сто лет и умре.

[у] *Исправлено, в ркп.* тщи.

Т. В. КОСТИНА

УЧЕНИКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ 1751–1765 гг.*

Начавшая занятия в январе 1726 г. Академическая гимназия до 1755 г. была единственной гимназией в России, а после, до окончания своего существования в 1805 г., оставалась одним из самых больших в стране учебных заведений. По предварительным оценкам за весь период ее существования в гимназии училось более 2,5 тыс. человек.

Два наиболее полных списка гимназистов за первую половину XVIII в. были погодно опубликованы еще в конце XIX в. в «Материалах для истории императорской Академии наук». Это: 1) «Генеральный список учеников, принятых в 1726 году в Гимназию Санкт-Петербургской императорской Академии наук по 1765 год»[1] и 2) «Index discipulorum qui Anno 1726 in Petropolitanum Gymnasium recepti sunt».[2] На момент публикации эти списки хранились в Архиве

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-00010.

[1] Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 217–226, 325–330, 431–433, 605–612, 694–695; СПб., 1886. Т. 2. С. 88–91, 245–247, 417–421, 556–559, 850–852; СПб., 1886. Т. 3. С. 298–300, 584–585, 867–868; СПб., 1887. Т. 4. С. 292, 533–534, 795–797; СПб., 1889. Т. 5. С. 475, 1037–1038; СПб., 1895. Т. 7. С. 241, 759–762; СПб., 1895. Т. 8. С. 332–333, 735–736; СПб., 1897. Т. 9. С. 633–638; СПб., 1900. Т. 10. С. 211–218, 714–720 (Далее МАН).

[2] МАН. Т. 1. С. 226–232, 330–343, 434–437, 613–622, 696–697; Т. 2. С. 91–94, 247–250, 421–426, 559–564, 853–857; Т. 3. С. 300–304, 586–587, 869–871; Т. 4.

© Т. В. Костина, 2017

Академии наук в Связке 70 а под литерами «B» и «C»; в настоящее время помещены в P I, Оп. 70. Д. 9: «Index discipulorum…» и Д. 20: «Генеральный список учеников…» Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН). Поскольку издание «Материалов…» прервалось в 1900 г., публикация списков оборвалась на данных 1750 г. Последним гимназистом, отмеченным в «Материалах…», оказался Г. С. Нестеров, вписанный в «Генеральный список учеников» 13 декабря 1750 г. под порядковым номером 820.[3]

К сожалению, эти списки не отражают полной численности гимназистов. Ведение основных списков, называемых в немецкоязычных рапортах «matricul des gymnasii» (матрикул гимназии), имело в разные годы свои особенности.[4] Например, после того как 24 марта 1735 г. немецкие классы были отделены от латинских, в список вносились только ученики латинских классов, а за учеников немецких классов отчитывались отдельными списками.[5] В настоящий момент ведется работа по восстановлению персонального состава учащихся Гимназии. И хотя собранные данные нельзя назвать полными, выявлено, что до 1750 г. включительно в ней обучалось 1133 человека, что на 38% больше, чем вошло в «Генеральный список учеников».

Существенная неполнота списка стала основанием для неверных оценок масштаба деятельности Гимназии за отдельные периоды ее существования, закрепившихся в историографии. До сих пор единственным обобщающим трудом по ее истории является работа Д. А. Толстого, написанная еще в 1880-е гг.[6] Несмотря на многочисленные разрешенные в этой работе проблемы истории Гимназии, в отношении численности учащихся сведения в ней неверны. Как полные рассматривал списки и Э. Амбургер, изучая национальный

С. 293–394, 535–539, 797–800; Т. 5. С. 476–477, 1038–1039; Т. 7. С. 242, 763–768; Т. 8. С. 334–337, 737–739; Т. 9. С. 638–647; Т. 10. С. 219–220, 720–730.

[3] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 19. Л. 73 об.

[4] См., напр.: МАН. Т. 3. С. 310.

[5] 24 марта 1735 г. латинские классы были отделены в управлении от немецких. Ректором немецких классов был назначен М. Шванвиц (см.: МАН. Т. 2. С. 644–645). Сохранились рапорты, предоставляемые Шванвицем и другими учителями немецких классов: СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 70. Д. 5. Л. 8–14 об.; Ф. 3. Оп. 1. Д. 823.

[6] *Толстой Д. А.* Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885.

состав гимназистов за 1726–1750 гг.; полученные им статистические выкладки могут быть уточнены.[7]

В то же время, несмотря на неполноту, опубликованные за 1726–1750 гг. списки стали важным источником не только для изучения истории Гимназии, но, прежде всего, для учета данных об образовании широкого круга лиц. Поскольку Гимназия давала первоклассное гуманитарное образование, вполне естественно, что среди ее учеников было значительное число писателей и переводчиков, которым посвящены статьи «Словаря русских писателей XVIII века». За первую четверть века существования Гимназии в ней учились В. Е. Адодуров, И. И. Акимов, И. И. Голубцов, В. И. Лебедев, В. Е. Теплов, С. Ф. Тодорский, И. И. Шестаковский,[8] И. П. Яхонтов и др. Востребованность «Генерального списка учеников» как источника биографий писателей, переводчиков, ученых, государственных деятелей, преподавателей побуждает продолжить прервавшееся издание до окончания ведения «Генерального списка учеников», т. е. до 1765 г.

Вполне естественно, что часть сведений об учебе писателей в Гимназии за период 1751–1765 гг. **(**И. И. Богаевский, И. У. Ванслов, В. Ф. Зуев, И. И. Лепехин, В. П. Светов (Цветов)**)** была известна авторам статей о них в «Словаре русских писателей XVIII века», однако публикуемый «Генеральный список» позволяет сделать ряд дополнений как малозначительного, так и существенного характера.

Существенно дополняют сведения из «Генерального списка учеников» статью об И. П. Пырском (в гимназических списках встречаются написания Пырской, Пярской и Пырский). Из публикуемого списка и других источников гимназического делопроизводства следует, что он, по-видимому, был сыном канцеляриста, а в 1766 г. сам начал службу регистратором в Сенате. Обучался в Академической гимназии на своем коште с 6 февраля 1762 г. по ноябрь 1766 г. По-

---

[7] *Amburger E.* Die nichtrussischen Schüler des Akademischen Gymnasiums in St. Petersburg 1726–1750 // Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961. S. 183–213.

[8] Иосиф Иванович Шестаковский посещал занятия в Академической гимназии с 28 июня 1746 по 1751 г., когда он был произведен в адъюнкты. При этом ему было позволено ходить на те лекции в Академический университет, на которые он пожелает (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 102. Л. 248–248 об.; Оп. 9. Д. 37. Л. 7).

сещал, по меньшей мере, верхний немецкий и геометрический классы (1764 г.). Учитель немецкого языка Яков Кожик отмечал, что Пырской имеет «успехи преизрядные, поступки и прилежание добропорядочные и учится прилежно». В выданном Пырскому в 1766 г. аттестате указывалось, что обучался он «немецкому и французскому языку, арифметике, геометрии, географии, рисованию: и по экзамене оказал изрядные успехи, а особливо в немецком языке, так что он ведомости и исторических нравоучительных авторов разумеет, и с немецкого языка на российской, так и с российского на немецкой переводить может, грамматику и правописание знает, так что к переводу употреблен быть может».[9]

Используя «Генеральный список учеников» и другие документы гимназического делопроизводства, можно исправить и дополнить статью о В. Г. Костыгове. По данным делопроизводства Академического университета, он родился 15 февраля 1748 г.[10] Солдатская служба отца далеко не в полной мере характеризует происхождение Костыгова, поскольку в гвардейских полках солдатами служило и значительное число дворян. Возможно, информация о том, что его отец служил в пятой роте лейб-гвардии Измайловского полка, поможет найти новые сведения о нем. 18 сентября 1760 г. Костыгов был принят на пробу в Гимназию на трехмесячный срок, который, по-видимому, затянулся до 4 мая 1761 г., когда он был переведен на казенный кошт. Начав обучение с нижних урядных классов, Костыгов уже 8 сентября 1764 г. был зачислен в верхний латинский класс, а 20 декабря 1765 г. переведен в Академический университет. С 10 декабря 1768 г. до 23 марта 1769 г. был учителем российского класса в Гимназии.[11]

В случае с М. Е. Головиным публикуемый список указывает точную дату вступления в Академическую гимназию — 2 марта 1765 г. Благодаря академической службе 15 января 1775 г. он был исключен из подушного оклада.[12] Гимназическое делопроизводство

---

[9] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 300. Л. 239–244; Д. 826. Л. 255 об., 261 об.; Д. 1125. Л. 17; Д. 826. Л. 221 об.–222.

[10] Там же. Д. 826. Л. 254.

[11] Там же. Д. 825. Л. 337; Д. 826. Л. 254; Д. 827. Л. 37; Д. 828. Л. 451; Оп. 9. Д. 1065. Л. 2; Р. IV. Оп. 5. Д. 18 (1768). Л. 148.

[12] СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 5. Д. 25 (1775). Л. 23 или см. оригинал: Журналы Комиссии Академии наук за 1775 год. Книга № 546.

позволяет установить и дату рождения Д. Д. Легкого — 15 октября 1739 г. Это соответствует и некоторым указаниям на его возраст как гимназического ученика, которые разнятся.[13] До отъезда в Страсбургский университет ему поручалось с 15 августа 1763 г. временно, а с 22 января 1764 г. постоянно преподавание в верхнем российском классе Гимназии.[14] В случае с П. И. Челищевым можно уточнить, что 2 сентября 1757 г. он был зачислен в нижний французский класс Гимназии. К биографии Н. И. Поливанова можно было бы добавить, что он родился в Петербурге.[15]

Возможно, специалисты смогут, привлекая другие источники, идентифицировать с писателями гимназистов Петра Андреева, Ивана Ивановича Беляева, Андрея Львова, Алексея Филатьева.

Неполнота «Генерального списка учеников» оставила за его пределами еще несколько русских писателей XVIII в., посещавших занятия в ней в рассматриваемый период. Информацию об их учебе удалось установить из других источников. По неустановленной причине не попали в «Генеральный список учеников» имена Архипа и Михаила Ивановых. Академик скульптуры с 1777 г., переводчик Архип Матвеевич Иванов и его старший брат, известный художник Михаил Матвеевич Иванов, как известно, в 1762 г. были приняты в число воспитанников Петербургской Академии художеств.[16] Однако до этого, в ноябре 1761 г. они как солдатские дети были присланы на пробу на 2 месяца в Академическую гимназию. В январе 1762 г. Архип был переведен на казенный кошт, а Михаил признан «не способным».[17]

Прошение о принятии в гимназию и рапорты учителей позволяют реконструировать сведения о родителях и учебе Василия Андриановича Ушакова. Он был сыном канцеляриста Кабинета е. и. в. в чине регистратора Андриана Дмитриевича Ушакова, обратившегося с прошением о принятии сына в Гимназию 10 декабря 1755 г., по которому

---

[13] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1125. Л. 9 об.

[14] Там же. Оп. 1. Д. 827. Л. 103; Р. IV. Оп. 5. Д. 14 (1764). Л. 150.

[15] *Данилевский Р. Ю.* Поливанов Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 459.

[16] *Григорьян К. Н.* Иванов Архип Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 349.

[17] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 826. Л. 29.

19 января 1756 г. Василий Ушаков был зачислен своекоштным гимназистом в нижний немецкий класс. Учитель И. Т. Терентьев, обучающий в нижнем арифметическом классе, отчитывался о его занятиях: «Учит деление, понятия и прилежания изрядного».[18]

Публикуемый источник содержит также сведения о близких родственниках писателей, способные пополнить их биографии. Об учебе в Академической гимназии Я. Б. Княжнина известно его биографам, но, возможно, их заинтересует, что с 28 сентября 1751 г. в ней же учился его младший брат, Федор Княжнин. А поступивший в Гимназию в 1754 г. Андрей Кондратович был родственником сразу двух переводчиков XVIII в.: сыном Кирияка Андреевича и отцом Александра Андреевича Кондратовичей.[19]

Из информации о зачисленном в 1754 г. сыне И. К. Россохина, Петре Россохине,[20] можно заключить, что его отец, переводчик, с 1738 по 1754 г. продолжал находиться в чине прапорщика, не получая повышения по службе. К биографии С. С. Волчкова «Генеральный список учеников» позволяет прибавить, что в 1755 г., когда двое его сыновей (Семен и Михайло) были зачислены в Гимназию, он находился в чине асессора. Из других источников устанавливается, что в декабре 1755 г. он служил в Академии наук и был уже коллежским асессором. Дети обучались на своем коште.[21] Сохранилось дело о недопуске детей Волчкова в немецкие классы учителями Магнусом и Я. Кожиком, причем С. С. Волчков упоминал о конфликте, возникшем между ним и Магнусом.[22]

Учились в Гимназии двое детей С. П. Крашенинникова (1711–1755): Василий Степанович и Степан Степанович. Хотя в «Генеральный список учеников» попал только Степан, из других источников известно, что Василий был зачислен в нее тогда же, 3 сен-

---

[18] Там же. Д. 205. Л. 208–209; Оп. 9. Д. 68. Л. 1 об.; Д. 125. Л. 1 об., 5, 14.

[19] Александр Андреевич Кондратович также учился в Академической гимназии. Он был принят на казенной кошт 18 декабря 1775 г. в отделение для малолетних, в котором находились дети от пяти до четырнадцати лет. К этому времени его отец служил в чине коллежского асессора (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 280. Л. 21).

[20] *Лепехин М. П.* Россохин Илларион Калинович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 62–68.

[21] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 196. Л. 441; Д. 205. Л. 180; Оп. 9. Д. 125. Л. 1 об., 20.

[22] Там же. Оп. 9. Д. 925. Л. 3.

тября 1763 г. До этого он с 28 февраля 1762 г. находился в Москве при докторе К. И. Щепине, ученике С. П. Крашенинникова, под руководством которого начал свое образование. В Гимназию Степан был зачислен в нижний, а Василий в средний латинский классы.[23] Напомню, что уже в 1760 г. А. П. Сумароковым была опубликована «Цидулка. К детям покойного профессора Крашенинникова», в которой он писал с горькой иронией:

Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек,
По гербу вы бы Рцы с большим писали крюком,
В котором состоят подьячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы,
И статься бы могло, что б ездили вы цуком <…>[24]

Двое из шести детей Крашенинникова пошли по стопам отца. Будучи студентами Академии, Степан принял участие в экспедиции И. А. Гильденштета, а Василий — в экспедиции С. Г. Гмелина.

Почти половину периода, охваченного публикуемым источником, с 24 марта 1758 г., Академическая гимназия находилась под непосредственным управлением М. В. Ломоносова.[25] Хотя его деятельности во главе учебных заведений Академии посвящена отдельная монография,[26] публикуемый список открывает для изучения этой темы новые перспективы. Так, обращает внимание падение

---

[23] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 254; Д. 294. Л. 142; Д. 826. Л. 30–37; Оп. 9. Д. 1065. Л. 4 об.–5; Р. IV. Оп. 5. Д. 15 (1765). Л. 152.

[24] Праздное время, в пользу употребленное. 1760. Авг. 26 дня. С. 141. Дети Крашенинникова упомянуты также Сумароковым в «Опекуне» (1764), и это дочери: «А честного-то человека детки пришли милостины просить, которых отец ездил до Китайчетова царства и был во Камчатном государстве и об этом государстве написал повесть. Однако сказку-то его читают, а детки-то его ходят по миру; а у дочек-то его крашенинные бостроки, да и те в заплатах. Даром то, что отец их во Камчатном был государстве, и для того-то, что они в крашенинном таскаются платье, называют их крашенинкиными» (*Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 5. С. 13).

[25] С 1 января 1751 г. до 24 марта 1758 г. прошло 7 лет 2 месяца и 24 дня, а после определения, по которому Ломоносов возглавил учебную часть Академии, 7 лет 9 месяцев и неделя.

[26] *Кулябко Е. С.* М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962.

численности гимназистов, произошедшее за период 1758–1765 гг. Если с января 1751 г. до 24 марта 1758 г. в «Генеральный список учеников» было вписано 386 детей, то после назначения Ломоносова руководителем учебной части всего 249, т. е. в 1,5 раза меньше.[27] Предстоит выяснить, было ли это следствием неполноты «Генерального списка учеников», или спад численности произошел по иным причинам. Отток гимназистов мог быть вызван открытием Академии художеств в 1757 г., где занятия начались в 1758 г., и преобразованием Инженерной школы в Соединенную артиллерийскую и инженерную дворянскую школу (1758), еще через четыре года сделанную Артиллерийским и Инженерным Шляхетным кадетским корпусом. Так или иначе, снижение потока поступавших в гимназию объясняет решение К. Г. Разумовского и М. В. Ломоносова, принятое в начале 1760 г., расширить круг казеннокоштных учеников Гимназии с 20 до 60 человек.[28]

Отдельную исследовательскую проблему составляет изучение регламентирующих документов Гимназии и их проектов, созданных Ломоносовым во второй половине 1750-х гг. Известно, что обсуждение регламентов Академической канцелярией затянулось на два с половиной года.[29] В результате 14 февраля 1760 г. президентом К. Г. Разумовским и самим М. В. Ломоносовым был подписан «Штат новоучрежденный, по которому сколько при императорской Академии Наук в Университете и Гимназии надлежит содержать профессоров и прочих чинов и какое кому производить жалованье, тож и какую сумму на расходы употреблять».[30]

Согласно этому документу Гимназия была разделена на «Урядные школы»[31] и «Школы нынешних нужнейших европейских язы-

---

[27] В рабочей базе данных, в которую к настоящему моменту, помимо «Генерального списка учеников» внесены данные из сохранившихся отчетов учителей и прошения за отдельные годы, учтено 459 учеников с начала 1751 г. до 24 марта 1758 г. и 312 учеников с 24 марта 1758 г. до конца 1765 г.

[28] Санкт-Петербургские ведомости. 1760. 22 февраля. № 15. С. 9.

[29] *Кулябко Е. С.* М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук… С. 98

[30] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 562–564.

[31] Урядный — хорошо, по приличию расположенный (см.: Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 5: От Р до Т. С. 296). В штате М. В. Ломоносова к урядным школам были отнесены латинские и русские классы, а также классы гимназических

ков». В последнее время было выявлено, что «внутренняя структура Гимназии, ведение списка ее учеников (порядок матрикуляции), система преподавания и воспитания оказывались в прямой зависимости от взглядов руководства Гимназии и менялась каждый раз при перемене инспектора, иногда даже чаще, по мере возникающей необходимости».[32] Публикуемый список показывает, что так произошло и со «Штатом новоучрежденным…». Определение гимназистов в урядные школы (урядные классы) происходило с января 1759 до конца 1760 г. Практическое употребление регламентирующих документов расходилось по времени с их официальным утверждением.

Публикуемый ниже список также позволит специалистам углубиться в изучение социального и национального состава гимназистов, что расширит наши представления о произведенных Ломоносовым преобразованиях в Гимназии.

* * *

Основным источником данной публикации выбран «Генеральный список учеников» в той его части, где в него внесены гимназисты 1751–1765 гг., т. е. начиная с середины листа 73 об. до листа 120. «Index discipulorum…» дает более полные сведения, но он обрывается 7 июля 1752 г. Сведения из этого списка, дополняющие «Генеральный список учеников», указываются в квадратных скобках. При этом может быть изменена форма слова. Например, в «Index discipulorum…» указан «нижний французский класс», а «Генеральном списке учеников» «в нижнем классе». В тексте приводится как «в нижнем [французском] классе». В случаях, когда форма слов не позволяла сделать вставку, дополнения внесены в виде постраничных примечаний.

наук. За консультацию по прояснению смысловых оттенков слова «урядный» благодарю К. Н. Лемешева.

[32] *Костин А. А., Костина Т. В.* «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта 1739 г. и его подготовка // Проекты образовательных реформ первой половины XVIII в. / Сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М., 2015. С. 222.

Оригинал «Генерального списка учеников» представляет собой беловой список в переплете, недостаточно парадном для поднесения, но вполне подходящем для хранения. Сохранность дела свидетельствует о том, что к нему вряд ли обращались для справок.

Создавался список предположительно единовременно, в 1766 г.[33] Написан он четырьмя почерками.[34] Порядок записей велся не строго: начало нового года то начинали с новой страницы, то не выделяли совсем; в одну ячейку могли вписывать братьев и даже целую группу гимназистов, объединенных по месту, откуда они прибыли;[35] в одном случае оставлена пустая строка с номером.[36] В связи с этим, число внесенных в список учеников не совпадает с числом записей: за 1751–1765 гг. в 591 строку оказалось записано 635 учеников.

Как и в «Материалах для истории императорской Академии наук», для унификации внешнего вида всех записей и облегчения поиска номер записи в «Генеральном списке учеников» вынесен из столбца «Имя, отчество, возраст», в отдельный, первый столбец. Год записи в подлиннике повторяется на каждой странице в первой ячейке — в публикации соответствующая дата приводится один раз, перед первой записью за год. В целях экономии места и лучшего восприятия список публикуется без последнего столбца «отстал», т. к. на протяжении почти всего оригинала этот столбец не заполнен. Исключение составляют записи у гимназистов под № 965 (про Александра Магнуса Арндса сказано, что он «отстал с благодарением») и № 1030 (про Илию Трепольского, что он «уволен»). Эта информация перенесена в соседний столбец и публикуется в квадратных скобках.

---

[33] Надпись на л. 1: «Генеральной список учеников принятых в 1726 году в Гимназию Санктпетербургской Императорской Академии наук по 1765 год» сделана почерком переписчика, заполнившего первые 12 листов с оборотами списка (см.: СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 20. Л. 1–12 об.).

[34] Первый: Л. 1–12 об., второй: Л. 13–18 об. (начало) и 19 об.–82; третий: Л. 18 об. (конец) — 19; четвертый: Л. 83–120 (т. е. до конца списка).

[35] Например: «838 Алексей Ашимов, Николай Сунгуров, Михайло Крупитской, Иван Юров. служители его сиятельства графа Кир<ил>ы Григорьевича Разумовского» или «1239 лейб-гвардии Измайловского полку солдатские дети Петр Душечкин, Иван Григорьев, Иван Соколов».

[36] Строка № 901.

Пропуски переписчика восстанавливаются с использованием угловых скобок. Орфография подлинника приводится в соответствие с современными нормами там, где это не противоречит фонетической реконструкции подлинника (*салдатъ* → *солдат*; *немецкïя* → *немецкие*; но сохраняется написание *башмашный*). Написания имен собственных сохраняются (*Василей*, *Переясловль*). Начальное «е» при необходимости передается как «э»: например, *експедитор* → *экспедитор*. Пунктуация полностью модернизируется.[37]

Генеральный список учеников за 1751–1765 гг.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1751 год				
821	генваря 8	Фридрих Фере, родился в Петербурге	учитель [французского языка] в кадетском корпусе [Данило Фере]	в нижнем [французском] классе [и проч.]
822	генваря 11	Герасим Родет, родился в Оренбурге	[Оренбургской экспедиции] лекарь [Иван Родет]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
823	генваря 14	Петр Рудаковский	польский уроженец Степан Рудаковский	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
824	генваря 21	Иван Петров, родился в Петербурге	конюх	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
825	генваря 25	Иоган Георгий Кнап, родился в Петербурге	[Яган Георг Кнап] хлебник	в нижнем [французском] классе [и проч.]
826	генваря 25	Андрей Кнап, родился в Петербурге	[Яган Георг Кнап] хлебник	в нижнем [французском] классе [и проч.]

[37] За помощь в разработке принципов передачи текста источника и в составлении алфавитного указателя благодарю А. А. Костина.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
827	генваря 25	Андрей Раевский, 12 лет	[Семен Раевский] бригадир	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
828	февраля 13	Карл Фридрих Гауптфогель, родился в Петербурге	живописец[1]	в нижнем классе[2]
829	февраля 13	Николай Стрежнев, родился в Петербурге, 14 лет	[Лейб-гвардии Преображенского полку] солдат [Иван Стрежнев]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
830	февраля 26	Николай Хитров, родился в Петербурге, 9 лет	Алексей Хитров камергер и кавалер	в нижнем [фразцузском] классе [и проч.]
831	марта 3	Христиан Фридрих Короли, родился в Петербурге, 7 лет	купец [Християн Короли]	в нижнем [фразцузском] классе [и проч.]
832	марта 11	Иоган Георг Кин, родился в Петербурге	лекарь при артиллерии[3]	в нижнем [латинском] классе [и проч.]
833	марта 14 [на пробу]	Николай Садовников, родился в Петербурге, 11 лет	[бывшей провиантской конторы] копиист [Федор Садовников]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
834	марта 15 [на пробу]	Петр Егоров, родился в Петербурге, 12 лет	[Измайловского полку] солдат [Егор Филипов]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
835	марта 15	Дмитрей Лехкой	[Измайловского полку] солдат [Дмитрей Лехкой]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]

[1] В «Index discipulorum…»: Johann Hauptvogel.

[2] В «Index discipulorum…»: Die untere Lateinische Classe.

[3] В «Index discipulorum…»: «Главнои Артилерии бывшеи лекарь Гегор Генрих Кин». Вероятно, ошибка переписчика. Должно быть: Георг Генрих Кин.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
836	марта 20	Алексей Власов, родился в городе Трубчевске	Алексей Власов	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
837	апреля 1	Федор Думной, родился в Петербурге	[Степан Думной] отставной гранодер Семеновского полку	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
838	апреля 15	Алексей Ашимов,[4] Николай Сунгуров, Михайло Крупитской,[5] Иван Юров, служители его сиятельства графа Кир<ил>ы Григорьевича Разумовскаго		в нижнем [немецком] классе [и проч.]
839	апреля 18	Иван Лепехин	солдат	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
840	апреля 22	Готфрид Мил, родился в Петербурге	[Александр Мил, бывшей] таможенный инспектор	в нижнем [латинском] классе [и проч.]
841	апреля 22	Петр Панкратьев, родился в Петербурге, 8 лет	комиссар при [Канцелярии] Академии наук	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
842	апреля 23	Иоган Фридрих Корнелиус, родился в Петербурге, 11 лет	нотариус публичный [Християн Вильгельм Корнелииус]	в нижнем [латинском] классе [и проч.]

[4] Ранее был принят в Гимназию 4 июня 1748 г. как Алексей Ашитков, вписан в «Генеральный список учеников» под № 668. В других списках также фигурирует написание фамилии Ашитков (см.: СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 20. Л. 59 об., 75; Р. IV. Оп. 5. Д. 2 (1752). Л.131–132).

[5] Ранее был принят в Гимназию 4 июня 1748 г. как Михайло Крупитский, вписан в «Генеральный список учеников» под № 669.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
843	апреля 27	Лев Навроцкой	[Андреян Навроцкой] директор	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
844	маия 2	Козма Богуш, родился в Петербурге, 11 лет	[Максим Богуш] придворный певчий	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
845	маия 11	Иоган Удам, родился в Петербурге, 10 лет	[Карел Удам] поручик	в нижнем [латинском] классе [и проч.]
846	маия 11	Степан Воронин, родился в Петербурге, 8 лет	[Иван Воронин] поручик и Лейб-компании гранадер	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
847	маия 13	Иоган Христиан Прейзер, родился в Петербурге, 9 лет	Академической книжной лавки бухгалтер	в нижнем [латинском] классе [и проч.]
848	маия 22	Иван Сарычев, родился в Петербурге	[Василей Сарычев] вагенмейстер	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
849	маия 23	Александр Шамшев, родился в Петербурге	[Яков Шамшев полковой] квартермистр Преображенского полку	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
850	маия 30 [на пробу]	Павел Шумской, родился в Петербурге, 14 лет	[Максим Шумской] фурьер Измайловского полку	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
851	июня 28 [на пробу]	Алексей Хилковский, малороссиянин, 11 лет		в нижнем классе [тож]
852	июня 28	Александр Рубцов, родился в Петербурге	[Санктпетербургского гарнизонного[6] полку] поручик	в нижнем [французском] классе

[6] В оригинале: гварнизонного. По-видимому, ошибка писца, начавшего писать «гвардии».

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
853	июня 28	Петр Старицын, родился в Кронштате	бухгалтер Конторы кронштатских строений	в нижнем [немецком] классе
854	июля 2	Андрей Игуменов, родился в Петербурге	[Санктпетербургской] купец	в нижнем классе [тоже]
855	июля 25	Дмитрей Горемыкин, родился в Петербурге	[Морских полков] поручик	в нижнем классе [тоже]
856	июля 27 [прислан на пробу]	Петр Ширяев, родился в Петербурге, 11 лет	[Лейб-гвардии Преображенского полку] солдат	в нижнем [немецком] классе
857	июля 30	Готфрид Циммер-манн, родился в Петербурге, 11 лет	[Конюшенной конторы] переводчик	в нижнем [латинском] классе
858	июля 30	Степан Буйнов, родился в Петербурге, 11 лет	[Преображенского полку] солдат	в нижнем [немецком] классе
859	августа 1	Михайло Каменский, родился в Москве, 12 лет	[бывший] камер-юнкер	в среднем классе[7]
860	августа 1	Князь Григорей Волконской, родился в Петербурге, 8 лет	генерал-провиянтмей-стер	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
861	августа 1	Алексей Краповиц-кий, родился в Петербурге, 6 лет	сержант Лейб-компании	в нижнем классе [тож]
862	августа 1	Герасим Савин, родился в Петербурге, 12 лет	сержант Лейб-компании	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
863	августа 1	Михайло Сердюков, родился в Вышнем Волочке, 7 лет	коллежский асессор	в нижнем классе [тож]
864	августа 13	Петр Хлуденов, родился в Петербурге	[драгунских полков] поручик	в нижнем классе [тож]
865	августа 23	Людвиг Гречь, родился в Петербурге	профессор в Кадетском корпусе	в нижнем [латинском] классе

[7] В «Index discipulorum…»: «вышный французский класс и проч.».

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
866	сентября 28	Федор Княжнин, родился в Петербурге, 9 лет	коллежский асессор	в нижнем [французском] классе
867	октября 2	Лев Щедрин, родился в Петербурге, 12 лет	[Преображенского полку] солдат	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
868	октября 20	Константин Борисов, родился в Петербурге	солдат Преображенского полку	в нижнем классе [тож]
869	октября 23	Василей Анкудинов, родился в Петербурге, 13 лет	сержант отставной [роты] Преображенского полку	в нижнем классе [тож]
870	октября 23	Иоган Фридрих Шаршмит, родился в Петербурге	мастер каменного дела	в нижнем [латинском] классе
871	ноября 14	Иоган Фридрих Людвих, родился в Юрьеве, 15 лет	секретарь Юстиц-коллегии	в верхнем классе[8]
872	декабря 11 [на пробу]	Михайло Поляков, родился в Петербурге, 10 лет	подмастерья академической	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
873	декабря 11 [на пробу]	Николай Тыраков,[9] родился в Петербурге	солдат Углицкого пехотного полку	в нижнем классе [тож]
1752 год				
874	генваря 8	Федор Костерин, родился в Кронштате, 10 лет	морского флота мичман	в нижнем [французском] классе
875	генваря 8	Николай Лаптев, родился в Петербурге, 9 лет	прапорщик инженерный	в нижнем классе [тож]
876	генваря 14	Павел Посников, родился в Петербурге, 11 лет	секретарь Правительствующего Сената	в нижнем [немецком] классе

[8] В «Index discipulorum…»: «верхний латинский, нижний французский класс и проч.».

[9] В некоторых гимназических списках фигурирует как Тыранов (см., напр.: Ф. 3. Оп. 9. Д. 37. Л. 9 и 11 об., 14).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
877	генваря 23 [прислан на пробу]	Сава Дмитрев[10], родился в Петербурге, 12 лет	форфейтер Кадетского корпуса	в нижнем классе [того ж]
878	генваря 23 [на пробу]	Петр Давыдов, родился в Петербурге	солдат Семеновского полку	в нижнем классе [тож]
879	генваря 27	Николай Языков, родился в Петербурге, 12 лет	статский советник	в верхнем классе[11]
880	генваря 28	Тимофей Андреевской, родился в Петербурге, 10 лет	гранадер Лейб-компании	в нижнем [немецком] классе
881	февраля 1 дня	Никита Молочков, родился в Петербурге, 13 лет [на пробу прислан]	солдат Преображенского полку	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
882	февраля 12	Карл Гопиус, родился в Дудергофе, 13 лет	пастор финской кирхи	в нижнем [латинском] классе
883	февраля 17	Андрей Арнаутов, греческой нации		в нижнем [латинском] классе
884	февраля 17	Карл Гримварт, 13 лет	служитель в доме господина барона Сиверса	в нижнем классе [тож]
885	февраля 18 [на пробу]	Андрей Беляев, родился в Петербурге, 11 лет	барометрического дела подмастерья	в нижнем классе [тож]
886	февраля 19	Илья Томилов, родился в Петербурге, 9 лет	придворный кафешенк	в нижнем [француз-ском] классе
887	февраля 20	Иоган Фридрих Шмидер, родился в Петербурге, 14 лет	ружейный мастер [при кадетском корпусе]	в нижнем [латинском] классе
888	февраля 20	Георг Христоф Шмидер, родился в Петербурге, 12 лет	ружейный мастер [при кадетском корпусе]	в нижнем [латинском] классе

[10] В другом источнике он же — Тимофеев Сава Дмитриевич (см.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 37. Л. 10).

[11] В «Index discipulorum…»: «верхний французский и немецкий класс и проч.».

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
889	февраля 20	Иоган Швангер, родился в Петергофе, 13 лет	Санктпетербургский купец	в нижнем [латинском] классе
890	февраля 22 [на пробу]	Степан Никифоров, родился в Петербурге, 12 лет	[Преображенского полку] солдат	в нижнем классе [тож]
891	февраля 28	Петр Бахирев, родился в Петербурге, 13 лет	кабинетский секретарь	в нижнем [француз-ском] классе
892	февраля 28	Петр Караулов, родился в Петербурге, 12 лет	советник	в нижнем классе [верхний французский класс и проч.]
893	марта 4	Алексей Варлашев, родился в Петербурге, 10 лет	гранадер Лейб-компании	в нижнем [француз-ском] классе
894	марта 9 [на пробу]	Петр Степанов, родился в Петербурге, 8 лет	плотник Преображенского полку	в нижнем [латинском] классе
895	марта 9	Иван фон дер Жандер, родился в Голландии	[бывший] директор медных заводов в Красном Селе	в нижнем классе [тож]
896	марта 17	Матвей Молчанов, родился в Селе Ленва [Вятской Епархии вотчин господ баронов Строг<а>новых]	священник	в нижнем [латинском] классе
897	марта 18[12] [на пробу]	Иван Петров, родился в Петербурге, 8 лет	секретарь[13]	в нижнем классе [тож]
898	марта 19 [на пробу]	Иван Долгой, 10 лет	солдат	в нижнем классе [тож]
899	апреля 2	Иван Григорьев, родился в Петербурге, 10 лет	подканцелярист	в нижнем классе [тож]
900	апреля 2	Карл Фридрих Лангейбек, родился в Петербурге, 10 лет	сахарный мастер	в нижнем классе [тож]

[12] В «Index discipulorum…», вероятно, ошибочно: «марта 8 дня».

[13] В оригинале «Ива секретарь». По всей видимости, писец начал снова писать имя гимназиста, но прекратил и оставил написанное незачеркнутым.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
901	апреля 9	[Иван Токарев. Живописного дела ученик, прислан в Гимназии при промемории из Герольдмейстерской конторы]		[арифметической и геометрической классы]
902	апреля 9 [на пробу]	Петр Никитин[14], родился в Петербурге, 9 лет	сержант Преображенского полку [Бомбардирской роты]	в нижнем [немецком] классе
903	апреля 9	Георг Ернст Вейтбрехт, родился в Петербурге, 9 лет	профессор Академии наук	в нижнем [латинском] классе [и проч.]
904	апреля 9	Петр Басков, родился в Петербурге, 10 лет	[Главного магистрата конторы ратсгер]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
905	апреля 9	Павел Басков, родился в Петербурге, 9 лет	[Главного магистрата конторы ратцгер]	в нижнем [немецком] классе [и проч.]
906	апреля 16	Дмитрей Селезнев, родился в Петербурге		в верхнем [французском] классе [и проч.]
907	апреля 27	Людвик Майзе, родился в Петербурге, 10 лет	лекарь придворный	в нижнем [французском] классе
908	апреля 29 [на пробу]	Иван Балакшин, родился в Петербурге, 10 лет	гранадер Семеновского полку	в нижнем [латинском] классе [и проч.]
909	маия 1	Иван Бабаев, родился в Петербурге, 10 лет	фершель армейской[15] нации	в нижнем классе [тож]
910	маия 1	Николай Ивановской, родился в Петербурге, 11 лет	Портовой таможни канцелярист	в нижнем [французском] классе [и проч.]

[14] Он же Андреев Петр Никитич (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 37. Л. 12; Д. 57. Л. 7)

[15] Ошибка переписчика, «Index discipulorum…»: «армянской нации».

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
911	маия 12	Роман Русимов, родился в Санкт-Петербурге, 9 лет	мастер фершельного немецкого цеха	в немецком нижнем классе
912	маия 25	Василей Ивков, родился в Петербурге, 10 лет		в нижнем классе [тож]
913	маия 25	Сергей Болотников, родился в Петербурге, 7 лет	лейтенант морского флота	в нижнем классе[16]
914	маия 29	Фридрих Миллер, родился в Петербурге, 13 лет	служитель в доме его сиятельства графа Алексея Петровича Бестужева	в нижнем [латинском] классе
915	июня 3	Василей Крюковской, родился в Петербурге, 7 лет	гранадер Лейб-компании	в нижнем [французском] классе
916	июня 11	Алексей Григорьев,[17] родился в Петербурге, 11 лет	солдат Преображенского полку	в нижнем [латинском] классе
917	июня 11	Ермолай Шибаев, родился в Петербурге, 10 лет	солдат Преображенского полку	в нижнем классе [тож]
918	июня 12	Михайло Бороздин, родился в Пскове, 11 лет	асессор коллежский	в верхнем классе[18]
919	июня 16	Степан Романов, родился в Петербурге, 11 лет	солдат Преображенского полку	в нижнем [латинском] классе
920	июня 16	Дмитрей Орлов, бывший провиянтмейстер, прислан в гимназию из Собственной канцелярии		в среднем [немецком] классе
921	июня 22	Иван Протанский, родился в Петербурге, 12 лет		в нижнем [немецком] классе

[16] В «Index discipulorum…»: «французский и немецкий классы».

[17] В других источниках он же — Андреев Алексей Григорьевич (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 37 Л. 13 об., 15 об.).

[18] В «Index discipulorum…»: «верхний немецкий и французский классы».

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
922	июня 26	Иван Соколов, родился в Петербурге, 12 лет	Двора Ея императорского величества тафелдекер	в нижнем [немецком] классе
923	июля 2	Яков Шпинов, родился в Петербурге, 9 лет	солдат Семеновского полку	в нижнем [немецком] классе
924	июля 7	Максим Трилинский, родился в Киеве, 17 лет		в среднем [немецком] классе
925	июля 15 дня	Петр Бухвастов, 9 лет, С. Петербург	секретарь	нижний немецкий класс и проч.
926	июля 17 дня	Василей Албурх, С. Петербург, 11 лет	Конюшенной конторы закройщик	нижний немецкий и латинский классы
927	августа 7 дня	Иван Комаров, С. Петербург, 10 лет	канатного дела подмастерия	нижний немецкий класс
928	августа 14 дня	Николай Федоров, С. Петербург, 15 лет		верхний французский и немецкий классы
	сентября 4 дня	Федор Вешняков, 9 лет, Николай Вешняков, 7 лет, С. Петербург	живописного художества мастер	нижний французский класс и проч.
929	сентября 11 дня, на пробу	Петр Назаров, 9 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс
930	сентября 30 дня, на пробу	Василей Шебалин, 10 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож
931	октября 7 дня	Дмитрей Родионов, С. Петербург	солдат	нижний немецкий класс и проч.
932	октября 12 дня, на пробу	Иван Юдин, 10 лет, С. Петербург	Преображенского полку гранадер	тож
933	того ж числа, на пробу	Василей Усачев, 12 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
934	октября 14 дня	Александер Соковнин, 15 лет, Алексей Соковнин, 13 лет, Москва	действительный статский советник	верхний французский класс и проч.
935	октября 15 дня, на пробу	Алексей[19] Матвеев, 10 лет, С. Петербург	Преображенского полку плотник	нижний латинский класс
936	того ж числа, на пробу	Ефим Сиднев, 12 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож
937	октября 16 дня	Осип Иванов, города Переясловля		нижний латинский класс
938	октября 21 дня	Никита Верзин, города Смоленска, 16 лет		нижний немецкий класс
939	того ж числа	Иван Сарычев, С. Петербург	Придворной Конюшной конторы вагенмейстер	тож
940	ноября 9 дня, на пробу	Семен Антонов, 10 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож
941	того ж числа, на пробу	Петр Виноходцов,[20] 10 лет, С. Петербург	тоже	тоже
942	ноября 18 дня	Кондрат Волф, С. Петербург, 14 лет	пономарь немецкой кирхи, что на Васильевском острову	нижний латинский класс
943	декабря 1 дня	Иван Хлебников, С. Петербург, 12 лет	стремянный конюх	нижний немецкий класс
944	декабря 3 дня	Иван Лем, 16 лет, С. Петербург	придворный певчий	тож
945	декабря 10 дня, на пробу	Степан Кузнецов, 10 лет, С. Петербург	солдат	нижний латинский класс

[19] В рукописи «Алексей» зачеркнуто и поверх вписано карандашом другим почерком «Василий», однако по прошению о приеме в Гимназию устанавливается, что принят был Алексей Архипов, сын Матвея Архиповича Архипова (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 170. Л. 118–122).

[20] Более известен как Иноходцев Петр Борисович (1742–1806) — астроном, академик Академии наук (1779) и Российской академии (1785).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
946	декабря 14 дня	Алексей Менко, 10 лет, Калмыцкой земли	отставной прапорщик	тож
947	декабря 21 дня	Николай Сибилев, 10 лет, С. Петербург	Придворной конторы канцелярист	нижний немецкий класс
1753 год				
948	генваря 11 дня, на пробу	Петр Шураев, 11 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс
949	генваря 12 дня, на пробу	Федор Суровцов, 11 лет, С. Петербург	Портовой таможни унтер-цолнер	тож
950	генваря 13 дня	Семен Второй, прислан из Св. Правительствующего Синода		нижний немецкий класс
951	генваря 15 дня	Петр Книпер, 9 лет, С. Петербург	приказчик	нижний латинский класс
952	генваря 16 дня	Самуел Фридрих Грас, Готфрид Грас, С. Петербург	медного и золотильного дела мастер	тож
953	генваря 25 дня	Филип Дьячков, 7 лет, родился в Сибири	садовый мастер	нижний немецкий класс
954	того ж числа	Федор Курбатов, 8 лет, в Сибири	заводской мастер	тож
955	генваря 26 дня, на пробу	Дмитрей Дыгин, 12 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
956	того ж числа	Имя[21] Грасман, Христофор Грасман	хлебник	тож
957	генваря 27 дня, на пробу	Евдоким Татаринов, 12 лет, С. Петербург	Преображенского полку барабанщик	тож
958	генваря 29 дня, на пробу	Федор Татаринов, 12 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож

[21] Графическая ошибка писца, должно быть: Илия.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
959	генваря 30 дня	Василей Фешин, 7 лет, Петр Фешин, 6 лет, С. Петербург	прапорщик	нижний немецкий класс и проч.
960	того ж числа	Иван Фадеев, 7 лет, С. Петербург	секретарь	тож
961	февраля 8 дня, на пробу	Киреевский,[22] греческой природы, 14 лет	купец	тож
962	февраля 9 дня, на пробу	Николай Перекислов, 11 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
963	февраля 11 дня	Карл Фридрих Пруснов, Лифляндия, 15 лет		нижний латинский класс
964	февраля 13 дня	Антон Улрих Колумбус, 13 лет, С. Петербург	управитель	тож
965	февраля 26 дня	Александр Магнус Арндс, шведской нации		нижний французский класс [отстал с благодарением]
966	марта 2 дня	Николай Григорьев, 12 лет, С. Петербург	Преображенского полку барабанщик	нижний латинский класс и проч.
967	марта 10 дня, на пробу	Андрей Луковников, С. Петербург, 9 лет	тередорщик	тож
968	марта 12 дня	Николай Ащерин, 14 лет, С. Петербург	капитан-поручик гвардии	нижний французский класс и прочая
969	марта 13 дня, на пробу	Николай Бахтурин, 9 лет, С. Петербург	солдат	нижний латинский класс
970	марта 15 дня, на пробу	Конон Калинин, 11 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож
971	марта 17 дня	Капитон Лаптьев, 13 лет		нижний французский класс

[22] Петр Иванович Киреевский (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 174. Л. 126–131).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
972	того ж числа, на пробу	Петр Соболов, 10 лет, С. Петербург	Преображенского полку фершель	нижний латинский класс и проч.
973	марта 30 дня, на пробу	Иван Анисимов, 11 лет, С. Петербург	того ж полку солдат	тож
974	апреля 19 дня	Леонтий Магницкий, 10 лет, Москва	подпоручик	нижний французский класс и проч.
975	апреля 27 дня	Карл Бретшнейдер, 10 лет, С. Петербург	переводчик	тож
976	апреля 29 дня, на пробу	Афонасей Долгов, С. Петербург, 12 лет	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
977	мая 3 дня	Петр Зиновьев		нижний французский класс
978	мая 13 дня	Феодосий Крипунов,[23] 12 лет	провинциальный подъячий	нижний немецкий класс и проч.
979	мая 24 дня, на пробу	Иван Детков, С. Петербург	канцелярист	тоже
980	июня 7 дня	Антон Улрих Салмениус, Выборского уезда, 13 лет	пастор	латинский класс и проч.
981	июня 8 дня	Александр Хомейков, 9 лет, С. Петербург	лейб-гвардии Семеновского полку подпоручик	нижний французский класс
982	июня 12 дня	Фердинанд Тоби,[24] 11 лет, С. Петербург	столярного дела мастер	тож
983	июня 17 дня	Дмитрей Зыков, С. Петербург, 13 лет	морской артиллерии капитан	нижний немецкий класс и проч.
984	июня 23 дня	Гаврило Тверитенов	прислан из собственной Ея императорского величества Вотчинной конторы	средний немецкий класс

[23] Он же Хрипунов (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 37. Л. 17).

[24] Он же Дових (см.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 125. Л. 1).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
985	того ж числа	Петр Есаулов, 13 лет, С. Петербург	служитель в доме его сиятельства графа Алексея Григорьевича Разумовскаго	нижний немецкий класс и проч.
986	июля 6 дня	Петр Бабкин, 11 лет, С. Петербург		нижний французский класс
987	июля 7 дня	Давыд Есаулов	тож	тож
988	июля 27 дня	Николай Форстман, шведской нации		нижний арифметический класс
989	августа 2 дня	Яган Кентнер, 13 лет, Фридрих Кентнер, 12 лет, С. Петербург	банщик	нижний латинский класс
990	августа 10 дня	Яган Шенинг, 8 лет, С. Петербург	учитель Кадетского корпуса	нижний французский класс и прочая
991	того ж числа	Барбот де Маргини,[25] 10 лет, французской нации	ландмилицких полков майор	тож
992	августа 17 дня	Егор Протопопов, 10 лет, С. Петербург	подканцелярист	нижний латинский класс и проч.
993	августа 18 дня	Христиан Емануель Гопиус, 15 лет, Дудергоф	на Дудергофской мызе пастор	тож
994	августа 23 дня	Николай Левин, 13 лет, Москва		средний немецкий класс и проч.
995	августа 25 дня	Иван и Алексей Кириловы	вяземский купец	нижний немецкий класс
996	сентября 16 дня	Семен Стефановский, 11 лет, С. Петербург	придворный певчий	тож
997	сентября 28 дня	Федор Обухов, 11 лет	коллежский асессор	нижний немецкий класс и проч.

[25] Барбот де Марни, Егор (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 37. Л. 18 об.).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
998	сентября 22 дня, на пробу	Дмитрей Балашев, 11 лет, С. Петербург	Ингарманландского[26] полку солдат	тож
999	октября 6 дня, на пробу	Петр Попов, 9 лет, С. Петербург	Преображенского полку солдат	тож
1000	сентября 29 дня, на пробу	Матвей Савельев[27], С. Петербург	тож	тож
1001	октября 12 дня	Матфей Чертов, 11 лет	дворянин	тож
1002	ноября 2 дня	Иван Канунин, 9 лет, С. Петербург	фершель	нижний латинский класс
1003	ноября 3 дня	Матвей Иванов, 15 лет, С. Петербург		нижний французский класс
1004	но<я>бря 3 дня, на пробу	Семен Грачов, С. Петербург, 11 лет	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1005	ноября 12 дня, на пробу	Семен Сердюков, 12 лет	Преображенского полку фурьер	тож
1006	декабря 31 дня, на пробу	Иван Искус, 15 лет, С. Петербург	певчий	тож
1754 год				
1007	генваря 10 дня на пробу	Василий Нюхолков, 10 лет, С. Петербург	морского корабельного флота квартирмейстер	нижний латинский класс и проч.
1008	генваря 11 дня	Иван Бокарев, С. Петербург, 10 лет	ботового и шлюпного дела подмастерия	нижний немецкий класс и проч.
	генваря 11 дня на пробу	Иван Венгеров, 10 лет, Иван же Венгеров, 8 лет, С. Петербург	Ингерманландского пехотного полку солдат	нижний латинский класс и проч.

[26] Т. е.: «Ингерманландского».

[27] Он же — Осипов Матвей Савельевич (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1125. Л. 3 об.–4; Р. IV. Оп. 5. Д. 6. Л. 33; Д. 8. Л. 142; Ф. 3. Оп. 1. Д. 826. Л. 56; Оп. 9. Л. 37. Л. 21; Д. 125. Л. 18, 20).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1009	генваря 12 дня	Федор Клеопин	дворянин	арифметический класс
1010	генваря 18 дня	Николай Тимофеев, 9 лет, С. Петербург	Канцелярии Академии наук регистратор	нижний немецкий класс и проч.
1011	генваря 21 дня	Данило Миллер, 12 лет	морского флота штурман	нижний французский класс и проч.
1012	генваря 14 дня	Трофим Тимофеев, 13 лет	священник в Сарском селе[28]	нижний латинский класс и проч.
1013	18 генваря на пробу	Федор Паков,[29] 12 лет, С. Петербург	хлебник в кадетском корпусе	нижний латинский класс и проч.
1014	генваря 21 дня на пробу	Афанасий Кузовлев, 9 лет, С. Петербург	Астраханского полку солдат	тоже
1015	генваря 5 дня	Дмитрей Метлин, С. Петербург	канцелярии от строений секретарь	средний немецкий класс и проч.
1016	генваря 27 дня	Александр Кожевников, 12 лет, С. Петербург	Ингерманландского полку подпоручик	тоже
1017	февраля 15 дня на пробу	Петр Россохин, 8 лет, С. Петербург	прапорщик	нижний латинский класс и проч.
1018	февраля 13 дня	Захар Кисельников, 9 лет, С. Петербург	купец	нижний французский класс и прочая
1019	февраля 28 дня	Иван Михайлов, 14 лет, Степан Михайлов, 13 лет, С. Петербург	священник Преображенского полку	нижний немецкий класс и проч.
1020	марта 4 дня	Петр Башаринов, С. Петербург	Юстиц коллегии канцелярист	нижний латинский класс и проч.
1021	марта 9 дня на пробу	Михайло Герасимов	священник Преображенского полку	тоже

[28] Т. е. в Царском селе.

[29] Возможно, Панов.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1022	марта 14 дня	Михайло Соблизий		тож
1023	марта 15 дня	Петр Андреев, 12 лет, С. Петербург	священник	тоже
1024	марта 16 дня	Иван Григорьев, 8 лет, С. Петербург	Юстиц конторы регистратор	тож
1025	марта 19 дня	Павел Панкратьев, 11 лет, С. Петербург	канцелярии Академии наук комиссар	тоже
1026	марта 23 дня	Иоахим Гензен, 14 лет, Любек		нижний французский класс
1027	апреля 7 дня	Иван Свиязев, 11 лет, С. Петербург	диакон	нижний латинский класс и проч.
1028	апреля 13 дня	Алексей Свечин, 7 лет, С. Петербург	Мануфактур-коллегии секретарь	нижний французский класс и проч.
1029	апреля 14 дня	Петр Епифанов, 11 лет, С. Петербург	капитан при полиции	тоже
1030	апреля 14 дня	Илия Трепольский, 11 лет, С. Петербург	певчий	тож [уволен]
1031	апреля 20 дня	Борис Барковский, С. Петербург	барабанщик	нижний немецкий класс
1032	апреля 28 дня	Семен Душинский, города Киева		средний немецкий класс
1033	апреля 28 дня	Павел Книпер, 10 лет, С. Петербург	купец	нижний латинский класс
1034	апреля 30 дня	Християн Фридрих Балк, 11 лет, Карл Християн Балк, 9 лет, С. Петербург	лейб-гвардии Конного полку лекарь	нижний латинский класс и проч.
1035	мая 3 дня	Андрей Тарумов, 10 лет, Астрахань	гавенмейстер	нижний немецкий класс и проч.
1036	мая 3 дня	Василей Козмин, 12 лет, С. Петербург	портовой таможни досмотрщик	нижний латинский класс и проч.
1037	мая 13 дня на пробу	Андрей Кондратович, 12 лет, С. Петербург	Академии наук переводчик	нижний немецкий класс и проч.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1038	мая 16 дня	Александр Кологривов, 8 лет, С. Петербург	Камор-коллегии асессор	нижний французский класс и проч.
1039	мая 20 дня	Иван Готлиб Буш, 9 лет, С. Петербург	слесарь в Кадетском корпусе	тож
1040	июня 8 дня	Иван Афанасьев, 13 лет, С. Петербург	священник	нижний латинский класс и проч.
1041	июля 1 дня	Петр Клеппов, 10 лет, С. Петербург	коллежский асессор	нижний французский класс и проч.
1042	июля 2 дня	Семен Шугов, 12 лет	поручик	тоже
1043	июля 2 дня	Матвей Ильин, Москва, 16 лет	диакон	тоже
1044	июля 2 дня	Алексей Семенев, калмыцкой нации, 12 лет		тоже
1045	июля 4 дня	Николай Львов, 10 лет, С. Петербург	секретарь	нижний немецкий класс и проч.
1046	июля 12 дня	Козма Гриницкий, 10 лет, С. Петербург		тоже
1047	июля 16 дня	Иван Одинцов, 11 лет, С. Петербург	гвардии подпоручик	тоже
1048	июля 19 дня	Александр Парфенов, 10 лет, С. Петербург	канцелярист	нижний немецкий класс и проч.
1049	июля 29 дня на пробу	Ефим Дятлов, 12 лет, С. Петербург	солдат	нижний латинский класс и проч.
1050	августа 9 дня на пробу	Яков Пахомьев, 14 лет, С. Петербург	за комисаря в Гоф-интендантской конторе	тоже
1051	августа 27 дня	Захар Бесецкой, С. Петербург		средний немецкий класс
1052	сентября 19 дня	Петр Ситников, 15 лет, С. Петербург	фабрикант	верхний немецкий класс и проч.
1053	сентября 23 дня	Яган Саломон Михелман		нижний латинский класс и проч.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1054	сентября 28 дня	Карл Петр Греч, 10 лет, С. Петербург	Кадетского корпуса профессор	тоже
1055	сентября 29 дня	Бернт Ловен, 14 лет, немецкой нации	шляпочный мастер	нижний латинский класс и проч.
1056	сентября 29 дня	Андриан Васильев, 12 лет, С. Петербург	сенатский секретарь	верхний французский класс
1057	сентября 30 дня	Степан Щукин, 12 лет, С. Петербург	лейб-гвардии солдат	нижний немецкий класс и проч.
1058	сентября 30 дня	Александр Белоусов, 11 лет, С. Петербург	тоже	тоже
1059	октября 3 дня	Алексей Филатьев, 14 лет, Москва	купец	верхний латинский класс и проч.
1060	октября 20 дня	Стефан Федоров, 11 лет, С. Петербург	матроз	нижний латинский класс и проч.
1061	октября 31 дня на пробу	Семен Палладьев, 11 лет, С. Петербург	переплетного художества ученик при Академии	тоже
1062	ноября 9 дня	Степан Максимович, малороссиянин		средний латинский класс и проч.
1063	ноября 10 дня на пробу	Алексей Севериков,[30] 10 лет, С. Петербург	Ингерманландского полку гранадер	нижний латинский класс и проч.
1064	ноября 23 дня	Алексей Некрасов, С. Петербург		нижний французский класс и проч.
1065	декабря 13 дня	Федор Алексеев, 7 лет	шлюпного дела камендор	нижний немецкий класс и проч.
1066	декабря 14 дня на пробу	Аврам Телегин, С. Петербург	барабанщик	нижний латинский класс и проч.

[30] Написание фамилии вызывало сложности у переписчиков, из-за чего в источниках встречаются варианты Сиверинов, Северинов и Серевиков. Более распространенным, в том числе в латинском написании, является Севериков (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 469. Л. 145; Д. 662. Л. 103 об.–104; Оп. 9. Д. 70. Л. 1; Д. 125. Л. 18; Р. IV. Оп. 5. Д. 8. Л. 34, 142).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1755 год				
1067	генваря 12 дня	Правительствующего Сената юнкор[31] Иван Меркурьев, 15 лет		верхний французский класс
1068	генваря 13 дня	Александр и Алексей Остафьевы	Военной коллегии актуариус	нижний немецкий класс и проч.
1069	генваря 31 дня	Иван Вулф, 14 лет, Москва	бригадир	верхний немецкий и нижний французский классы
1070	генваря 31 дня	Иван Ломеновский, 9 лет, Малороссия	бунчуковый товарищ	нижний французский класс и проч.
1071	генваря 30 дня	Осип Смолянинов, 10 лет, С. Петербург	архитектуры гезель	тож
1072	февраля 7 дня	Архип Голощепов, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу	солдат Астраханского пехотного полку	нижний латинский класс и проч.
1073	февраля 14 дня	Трофим Федоров, С. Петербург		тож
1074	февраля 20 дня	Семен и Михайло Волчковы, С. Петербург	асессор	нижний латинский класс и проч.
1075	февраля 23 дня	Петр Масса, 8 лет, С. Петербург	садовник	нижний французский класс и проч.
1076	марта 13 дня	Петр Андреев, С. Петербург	Коммерц-коллегии секретарь	тож
1077	марта 15 дня	Иван Маров, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу	капрал при Академии	нижний латинский класс и проч.
1078	марта 20 дня	Яков Козлов, С. Петербург, 12 лет	купец	нижний немецкий класс и проч.
1079	марта 22 дня	Иван Петровский, 14 лет, Малороссия, прислан на пробу	войсковой товарищ	верхний[32] латинский класс и проч.

[31] Т. е. юнкер.

[32] Исправлено из «нижний».

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1080	апреля 13 дня	Иван Антонов, 12 лет, С. Петербург		тож[33]
1081	мая 1 дня	Яким Тил,[34] 10 лет, С. Петербург	портной	нижний французский класс
1082	мая 2 дня	Михайло и Егор Внуковы, С. Петербург	артиллерии подпоручик	тож
1083	мая 10	Иван Семенов, С. Петербург	пограничной таможни канцелярист	нижний немецкий класс и прочая
1084	мая 8 дня	Александр Белоусов, С. Петербург, прислан на пробу[35]	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1085	того ж числа	Степан Щукин, С. Петербург, прислан на пробу[36]	тоже	тоже
1086	мая 10 дня	Яган Кристофор Миддендорф, 15 лет	приказчик	нижний французский класс и проч.
1087	мая 5 дня	Фердинанд Тоби, 13 лет, С. Петербург[37]	столярного дела мастер	тоже
1088	мая 11 дня	Иван Манкошев, 7 лет, С. Петербург	секретарь	нижний латинский класс
1089	мая 18 дня	Иван Львов, С. Петербург, 10 лет	поручик	нижний французский класс и прочая
1090	того ж числа	Николай Бауков,[38] С. Петербург, 12 лет	тож	тож

[33] Т. е. нижний латинский класс.

[34] Встречается написание фамилии Тиль (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 10–11).

[35] Ранее вписан под № 1058 в нижний немецкий класс.

[36] Ранее вписан под № 1057 в нижний немецкий класс.

[37] Ранее вписан под № 982 в нижний французский класс.

[38] Ошибка писца; в прошении о принятии в гимназию фигурирует как Байков (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 199. Л. 349–354).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1091	мая 19 дня	Сергий и Василий Львовы, С. Петербург	Главной провиантской канцелярии прокурор	тож
1092	мая 24 дня	Михайло Мязякин, 12 лет, Малороссия	гайдук	нижний немецкий класс и проч.
1093	мая 24 дня	Кристиан Мейер, 11 лет, С. Петербург	камерир	нижний французский класс и проч.
1094	мая 25 дня	Петр Кеслин, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу	лакей	нижний латинский класс и проч.
1095	мая 25 дня	Иван Васильев, 11 лет, Царское село, прислан на пробу	дьякон	нижний латинский класс и проч.
1096	мая 30 дня	Правительствующего Сената титулярный юнкер Петр Епифанов, 15 лет, С. Петербург		верхний французский и танцеваль-ный классы
1097	июня 5 дня	Яган Густав Унферцахт, 13 лет, С. Петербург	гродоровального[39] художества мастер	нижний латинский класс и проч.
1098	того ж числа	Федосей Горев, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу	лейб-гвардии Семеновского полку солдат	тож
1099	того ж числа	Петр Тунцелман, 9 лет, С. Петербург	Юстиц-коллегии регистратор	тож
1100	июня 22 дня	Яган Вилгелм Карл и Фридрих Цетлеры, С. Петербург	Кадетского корпуса учитель	тож
1101	июня 30 дня	Василей Бобров	Суздальского пехотного полку капитан	нижний немецкий класс и проч.
1102	июля 3 дня	Михайло Горохов, 12 лет, С. Петербург	канцелярист Военной коллегии	нижний немецкий класс и проч.
1103	того ж числа	Иван Малиновкин, 10 лет, С. Петербург	Канцелярии Академии наук канцелярист	тож

[39] Т. е. гридировального.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1104	июля 7 дня	Алексей Кожаннов,[40] 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу	солдат гвардии	нижний латинский класс и проч.
1105	июля 10 дня	Алексей Постухов, Москва, 13 лет	купец	нижний немецкий класс и проч.
1106	июля 13 дня	Петр Попов, 11 лет, С. Петербург, прислан на пробу	Ингерманландского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1107	июля 14 дня	Томас Машмейер, 10 лет, С. Петербург	браковщик	нижний французский класс и проч.
1108	июля 25 дня	Михайло Архипов, 10 лет, С. Петербург	монетной канцелярии протоколист	тож
1109	июля 25 дня	Василей Басов, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу	гранадер[41]	нижний латинский класс и проч.
1110	июля 26 дня	Алексей Окунев, 11 лет, С. Петербург, прислан на пробу	Преображенского полку солдат	тож
1111	того ж числа	Иван Антонов, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу[42]	тож	тож
1112	июля 28 дня	Егор Рубцов, 12 лет, С. Петербург	копиист	тож
1113	августа 3 дня	Андрей Львов, 10 лет, С. Петербург	управитель	нижний французский класс и проч.
1114	августа 17 дня	Иван Беляев, 13 лет, С. Петербург, прислан на пробу	отставной сержант гвардии	нижний латинский класс и проч.
1115	августа 21 дня	Василей Светов, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу	Астраханского пехотного полку солдат	тож

[40] Ошибка переписчика; фамилия ученика Коханнов, что устанавливается по его прошению о принятии в Гимназию: «Челобитная бывшего лейб-гвардии Преображенского полку солдата Кирилы Каханнова сына его Алексея» (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 662. Л. 122 об.).

[41] Т. е. гренадер.

[42] Ранее вписан под № 1080 в нижний латинский класс.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1116	августа 24 дня	Андрей и Алексей Бейера, Тула	генерал-майор	нижний французский класс и проч.
1117	того ж числа	Никофор Товаров, 14 лет, Москва	мундшенк	тож
1118	того ж числа	Дмитрей Молоствов, 15 лет, Москва	майор отставной	тож
1119	того ж числа	Александр Чечерин, 11 лет, С. Петербург	гвардии капитан	тож
1120	того ж числа	Карл Фридрих Модерах, 8 лет, С. Петербург	Академии наук адъюнкт и гимназии инспектор	нижний латинский класс и проч.
1121	августа 31 дня	Илья Левицкий, 9 лет, С. Петербург	подпоручик	тож
1122	сентября 11 дня	Григорей Козлов, 15 лет, С. Петербург		нижний французский класс
1123	сентября 13 дня	Петр Морозов, 11 лет, С. Петербург, прислан на пробу	книжной лавки сторож	нижний латинский класс и проч.
1124	октября 29 дня	Петр Яковлев, 12 лет, С. Петербург	купец	нижний немецкий класс и проч.
1125	ноября 6 дня	Николай Фролов, 11 лет, С. Петербург	поручик	тож
1126	ноября 13 дня	Николай Железнов, 9 лет, С. Петербург	Кабинета Ея императорского величества бухгалтер	тож
1127	декабря 8 дня	Матвей Ланге, 12 лет, С. Петербург	купец	нижний латинский класс и проч.
1128	декабря 12 дня	Остафий Момотов, малороссиянин, 15 лет		нижний немецкий класс
1129	декабря 14 дня	Иван Дидрих, 8 лет, С. Петербург	портовой таможни досмотрщик	нижний французский класс и проч.
1756 год				
1130	генваря 10 дня	Иван Смирной, 12 лет, С. Петербург	Петербургской портовой таможни гавенмейстер	нижний немецкий класс и проч.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1131	генваря 12 дня	Василей Баженов, Александр Игнатьев, Иван Кузнецов, Иван Семенов, ученики Московского университета	присланы в гимназию от его превосходительства камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова	
1132	генваря 16 дня	Петр и Михайло Окуневы, С. Петербург	бригадир	нижний французский класс и проч.
1133	генваря 19 дня	Гаврило Каданцов, 9 лет, С. Петербург	от артиллерии архитекторский гезель	тоже
1134	генваря 31 дня	Иван Герварт Мор, 11 лет, Выборг, прислан на пробу на 3 месяца	кухмистер	ушел без апшита
1135	марта 13 дня	Иван Шишкин, С. Петербург, 10 лет	Статс-конторы секретарь	нижний латинский класс и проч.
1136	марта 17 дня	Стефан Соболев, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1137	марта 15 дня	Иван Романов, С. Петербург, 12 лет	прапорщик	нижний французский класс и проч.
1138	апреля 4 дня	Недоросль Алексей Литвинов, 14 лет		нижний французский класс и немецкий
1139	марта 28 дня	Василей и Иван Бороздоны,[43] С. Петербург	полевой артиллерии подполковник	французский и немецкий классы и проч.
1140	апреля 22 дня	Кондрат Бехер,[44] 11 лет, С. Петербург	столярного дела мастер	нижний французский класс и проч.

[43] В рукописи третья буква о в фамилии Бороздоны перечеркнута синими чернилами или карандашом. Верное написание фамилии этих учеников Бороздины, что устанавливается по «Реестрам учеников Академической гимназии» за 19 июня 1756 — 24 мая 1765 г. (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 125. Л. 1, 18 об.).

[44] В другом источнике фигурирует как Боокер Готтлиб Конрад (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 125. Л. 1 об.).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1141	апреля 26 дня	Тимофей Филин<п?>ов, 10 лет, С. Петербург	С. Петербургский купец	нижний немецкий класс и проч.
1142	мая 4 дня	Иван Дягилев, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу на три месяца	Измайловского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1143	мая 30 дня	Ефрем Попов, 10 лет, С. Петербург	дьячок	нижний немецкий класс и проч.
1144	июня 4 дня	Алексей Богданов, С. Петербург, 12 лет	секретарь Канцелярии от строений	верхний арифметический класс
1145	июня 6 дня	Яган Станислав, С. Петербург, 12 лет	С. Петербургской портовой таможни екер	нижний французский класс и проч.
1146	июня 15 дня	Иван Дубровский, 15 лет	купец	средний немецкий класс
1147	июня 17 дня	Василей Колотилов, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 2 месяца	отставной солдат	нижний латинский класс и проч.
1148	июня 19 дня	Иван Лаптев, С. Петербург, 12 лет	капитан-командор	нижний французский класс и проч.
1149	июня 25 дня	Князь Андрей Енгаличев, 12 лет, С. Петербург	Семеновского полку прапорщик	нижний французский класс и проч.
1150	июля 4 дня	Петр Проухов, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	Преображенского полку гомбоист[45]	нижний латинский класс и проч.
1151	июля 15 дня	Князь Иван Енгаличев, 13 лет, С. Петербург	отставной титулярный советник	нижний французский класс и проч.
1152	августа 28 дня	Богдан Бережинской, 14 лет, Малороссия	Малороссийского Черниговского полку сотник	тоже

[45] Т. е. гобоист.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1153	сентября 13 дня	Иван Старов, Гаврило Никифоров, Московского университета ученики	присланы от его превосходительства камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова	нижний французский класс
1154	сентября 16 дня	Александр Муравьев, 10 лет, Кронштат	Кронштатскаго полку майор	тоже
1155	октября 7 дня	Иван Ломокин, 12 лет, Великие Луки	Великолуцкий купец	нижний немецкий класс и проч.
1757 год				
1156	генваря 15 дня	генваря 15 дня Семеновского полку солдат князь Гаврило Мышецкой		нижний арифметический класс
1157	генваря 27 дня	Василей Мылников, 10 лет, С. Петербург	садового дела подмастер	нижний немецкий класс и проч.
1158	февраля 17 дня	Иван и Александр, Федор Веленины, С. Петербург	купец С. Петербургский	тоже
1159	февраля 19 дня	Андрей Водопьянов, С. Петербург, 10 лет	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1160	марта 3 дня	Иван Марков, 12 лет, С. Петербург	башмашный мастер	нижний немецкий класс и проч.
1161	марта 8 дня	Григорей Осипов, 14 лет, С. Петербург	бригадир и лейб-гвардии сержант	французский и немецкий классы
1162	марта 8 дня	Василей Лихарев, 12 лет, Псков	подполковник	тоже
1163	марта 8 дня	Петр и Михайло Сумороцкие, Псков	подполковник	нижний французский класс и проч.
1164	того ж числа	Дмитрей Рокотов, 13 лет, Псков	майор	тоже
1165	апреля 13 дня	Иван и Никита Митрофаны, С. Петербург	Государственной Адмиралтейской коллегии бухгалтер	тоже
1166	мая 11 дня	Федор Васильев, 10 лет, С. Петербург	Правительствующего Сената секретарь	тоже

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1167	мая 14 дня	Александр Корнилов, 11 лет, С. Петербург	канцелярист	тоже
1168	мая 28 дня	Андрей Шмидер, 12 лет, С. Петербург	ружейный мастер	тоже
1169	июня 3 дня	Иван Слащов, 10 лет, С. Петербург	Канцелярии от строений коллежский асессор	тоже
1170	июля 14 дня	Матфей Рокотов, 11 лет, Псков	капитан	нижний французский класс и проч.
1171	августа 12 дня	Иван Селиванов, 10 лет	солдат Кабардинского полку	нижний латинский класс и проч.
1172	сентября 2 дня	Петр Чанщев,[46] 10 лет	секунд-майор	нижний французский класс и проч.
1173	сентября 18 дня	Асаф Петров, 10 лет, С. Петербург	Главного магистрата конторы секретарь	тоже
1174	сентября 20 дня	Михайло Юдин, 12 лет, С. Петербург	тередорщик слюды при Академии	нижний немецкий класс и проч.
1175	октября 15 дня	Семен Симонов, С. Петербург	прислан из Главной дворцовой канцелярии	арифметический класс
1176	октября 23 дня	Матвей Чепарин, 10 лет, С. Петербург	дома господина генерала-майора Ржевского служитель	нижний немецкий класс и проч.
		Дмитрей Герасимов, прислан в гимназию для обучения на его коште 1757 года ноября 7 дня. Определен в нижний немецкий и арифметический классы. Отец его типографии Академический баты<р>щик[47]		

[46] Ошибка переписчика; правильно: Челищев (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1025. Л. 1).

[47] В подлиннике информация о Дмитрии Герасимове вписана в столбце «отстал» под № 1174 и 1175.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1758 год				
1177	генваря 23 дня	Иван Коморов, 10 лет, С. Петербург	фитильного дела мастер	нижний французский класс и проч.
1178	генваря 29 дня	Петр Елдезин, 11 лет, С. Петербург	Астраханского пехотного полку поручик	нижний немецкий класс и проч.
1179	марта 10 дня	Николай Афросимов, 12 лет, С. Петербург		тоже
1180	марта 26 дня	Гаврило Старицын, Кронштат, прислан на пробу на три месяца	бухгалтер в Кронштатской канторе	нижний латинский класс и проч.
1181	марта 27 дня	Иван Боувер, 12 лет, прислан по указу из Правительствующего Сената для обучения на казенном коште	смоленский шляхтич	нижний латинский, средний немецкий и арифметический классы
1182	мая 6 дня	Иван и Фридрих Антоверы, С. Петербург	купец	нижний латинский и французский классы и проч.
1183	того ж числа	Готфрид Бракер, С. Петербург	трактирщик	тоже
1184	мая 12 дня	Дмитрей Котов, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу до усмотрения	Преображенского полку солдат	нижний латинский класс и проч.
1185	мая 25 дня	Петр и Иван Невицы, С. Петербург	золотых дел мастер	нижний латинский и французский классы и проч.
1186	того ж числа	Яков Соколов, 10 лет, С. Петербург	артиллерии сержант	арифметический и рисовальный классы

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1187	мая 29 дня	Петр Дудин, Архангелогородской губернии	крестьянин	в нижний французский, рисовальный и арифметический классы
1188	июня 3 дня	Карл-Фридрих Буш, 10 лет, С. Петербург	слесарный мастер	нижний латинский и французский классы
1189	июня 26 дня	Алексей Беклешев, Кронштат	морского флота от солдат капитан	средний немецкий класс и проч.
1190	июля 2 дня	Дмитрей Курятников, С. Петербург, 10 лет	придворный лакей	нижний немецкий класс и проч.
1191	июля 12 дня	Иван Георг Людвих Александр Берлин,[48] 12 лет	камердинер	нижний французский класс и проч.
1192	июля 1 дня	Василей и Иван Грековы, один 16, а другой 15 лет, С. Петербург, присланы на пробу на 3 месяца	цолнер	нижний латинский класс и проч.
1193	июля 7 дня	Карл Магнус Горн, С. Петербург, 12 лет	Шляхетского кадетского корпуса гофмейстер	тоже
1194	июля 8 дня	Гаврило Крауз, Кронштат, 13 лет	Морского кадетского корпуса учитель	тоже
1195	июля 8 дня	Александр Ригер, Кронштат, 12 лет		тоже
1196	июля 24 дня	Николай Старицын, 10 лет, Кронштат	бухгалтер Конторы кронштатских строений	нижний немецкий класс и проч.

[48] Прошение о приеме в Гимназию этого ученика или учеников не выявлено при просмотре «Текущих дел» Канцелярии Академии наук за июнь — август 1758 г. (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 323–325). Пока, к сожалению, восстановить смысл записи с точностью не представляется возможным, из-за чего запись также не включена в алфавитный указатель имен.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1197	августа 24 дня	Николай Кромин, 11 лет, С. Петербург	Военной коллегии протоколист	средний немецкий и арифметический классы и проч.
1198	сентября 23 дня	Захар Басков, 7 лет, С. Петербург	С. Петербургской портовой таможни штенпельмейстер[49]	нижний немецкий и арифметический классы и проч.
1199	октября 19 дня	Симеон Тимофеев, 10 лет, С. Петербург	канцелярии Академии наук регистратор	нижний российский, арифметический и немецкий классы
1200	октября 26 дня	Федор Фишер, 11 лет, С. Петербург	Академии наук профессор	письменный и танцевальный классы
1759 год				
1201	генваря 13 дня	Петр Тирен, С. Петербург, 11 лет	капитан драгунского полку	нижние урядные школы прислан на пробу на 1 месяц
1202	генваря 15 дня	Георгий Готлиб Корнелиус, С. Петербург, 10 лет	титулярный советник в должности асессора в Коммерс-коллегии	нижний латинский класс и проч.
1203	генваря 19 дня	Вилгелм Кнаут, 12 лет, С. Петербург	берейтер	тоже
1204	марта 10 дня	Емельян Алексеев, С. Петербург, 11 лет, прислан на пробу на 2 месяца	бывший при Дворе работник	нижний латинский класс и прочие урядные школы
1205	марта 16 дня	Григорей Белов, 8 лет, С. Петербург	Фигурной палаты тередорщик	один нижний российский класс

[49] Т. е. штемпельмейстер.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1206	марта 17 дня	Василей Третьяков, 10 лет, С. Петербург		нижний французский и арифметический классы
1207	марта 11 дня	Алексей Иванов, С. Петербург, прислан на пробу до нового 1760 году	Семеновского полку солдат	нижние классы урядных школ
1208	марта 31 дня	Алексей Надейнов, С. Петербург, 10 лет	Коммерц-коллегии канцелярист	нижний немецкий и арифметические классы
1209	апреля 23 дня	Николай Лопухин, С. Петербург, 10 лет	контр-адмирал российского флота	нижний французский класс и проч.
1210	апреля 23 дня	Лев Шокуров, 12 лет, Москва	подполковник от армии	нижний латинский класс
1211	апреля 23 дня	Михайло Кочубей, 9 лет, Глухов	генерал обозный в Малороссии	нижний французский класс
1212	того ж числа	Иван Ханенько, 16 лет, Малороссия	генерал-хоружий	нижний французский класс и проч.
1213	мая 14 дня	Иван Шне, 12 лет, С. Петербург	вольный кухмейстер	нижний французский класс
1214	июня 10 дня	Иван Михайлов, 12 лет, С. Петербург	аптекарский помощник	нижний латинский класс и проч.
1215	июня 17 дня	Петр Любецкий, 10 лет, С. Петербург	рисовальный подмастер	нижний российский и арифметический классы
1216	июня 18 дня	Алексей Рудаков, 11 лет, С. Петербург	пунсонного художества ученик	нижний немецкий и российский классы
1217	июня 21 дня	Федор Саблин, С. Петербург, 10 лет		нижний немецкий и арифметический классы

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1218	июля 9 дня	Степан Микулин, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца, имеет определен быть в типографию	лейб-гвардии Семеновского полку солдат	нижний российский класс и проч.
1219	августа 3 дня	Петр Мигунов, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	магазейн-вахтер при Адмиралитействе	нижние классы
1220	августа 25 дня	Андрей Иванов Тульский, купеческий человек		нижние классы
1221	сентября 17 дня	Григорей Белов,[50] 9 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 1 месяц	мастеровой человек в Академической службе	нижний российский класс
1222	сентября 29 дня	Карл Донарт, С. Петербург, 9 лет	бывший Камер-конторы канцелярист	нижний французский и российский классы
1223	октября 9 дня	Николай Тургенев, С. Петербург, наборного дела ученик		нижний немецкий класс
1224	того ж числа	Иван Рудаков, Владимер Болшанов, Андрей Яковлев, наборного дела ученики		тоже
1225	октября 18 дня	Петр Горн, 9 лет, С. Петербург	гофмейстер Шляхетного сухопутного кадетского корпуса	нижний французский класс и проч.
1226	ноября 18 дня	Август Гриббот, 15 лет, Голштиния	асессор Голштинии	тоже
1227	ноября 20 дня	Иван Мадебург, 15 лет, С. Петербург	аптекарь Адмиралтейской аптеки	тоже
	ноября 29 дня	Алексей Шишуков, С. Петербург, наборного дела ученик	книжной лавки сторож	нижний немецкий класс

[50] Ранее записан под № 1205.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1760 год				
1228	генваря 10 дня	Андрей Гринштель, 14 лет, Иван Гринштель, 12 лет, С. Петербург	медного и золотых дел мастер	нижний французский и арифметический классы
1229	генваря 18 дня	Петр Балей, 13 лет, Карл Балей, 12 лет, С. Петербург	морского флота штаб-лекарь	тоже
1230	февраля 1 дня	Вилим Фридрих Гессель, 11 лет, Карл Густав Гессель, 9 лет, города Нарвы	титулярный советник	тоже
1231	февраля 1 дня	Дмитрей Федотьев, 10 лет, С. Петербург	садовый мастер	нижние классы
1232	февраля 1 дня	Сигмунд и Карл Миллер, кадеты, С. Петербург	профессор Академии наук	тоже
1233	февраля 24 дня	Андрей Степанов сын Каргаполов, 10 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	государственный крестьянин	нижние урядные классы
1234	марта 9 дня	Николай Мордвинов, инженер-прапорщик		нижний французский класс
1235	марта 1 дня	Григорей Симонов, прислан на пробу на 3 месяца	Семеновского полку солдат	нижние урядные классы
1236	марта 1 дня	Петр Николаев, прислан на пробу на три месяца	Академический солдат	тоже
1237	марта 1 дня	Никита Баранов, прислан на пробу на 3 месяца	Статс-конторы капрал	тоже
1238	марта 1 дня	Академической рисовальной палаты ученик Петр Григорьев и брат его Егор Григорьев, присланы на пробу		тоже

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1239	марта 8 дня	лейб-гвардии Измайловского полку солдатские дети Петр Душечкин, Иван Григорьев, Иван Соколов. Присланы на пробу на 3 месяца		тоже
1240	марта 8 дня	Яков Хадетов[51], прислан на пробу на 3 месяца	Камор-коллегии копист	тоже
1241	марта 8 дня	Иван Быков, прислан на пробу на 3 месяца	Ярославский купец	тоже
1242	марта 8 дня	Василей Венедиктов	священник	нижние урядные классы
1243	марта 8 дня	Илья Любовников	капитан и Лейб-компании гренадер	нижний немецкий и другие классы
1244	марта 13 дня	Алексей Горязин, прислан на пробу на 3 месяца	камер-лакей	нижние урядные классы
1245	марта 13 дня	Никита Иванов,[52] прислан на пробу на 3 месяца	С. Петербургской рентереи капрал	тоже
1246	марта 15 дня	Недоросль Пантелей Мондурнов, прислан на пробу на 3 месяца	отставной недоросль	тоже
1247	марта 15 дня	Никита Лехкой, прислан на пробу на 3 месяца	солдат	тоже
1248	марта 15 дня	Вернер Гессель, 14 лет, города Нарвы	титулярный советник	нижний француз-ский и ариф-метический классы
1249	апреля 13 дня	Алексей Карганин, прислан на пробу на 3 месяца	С. Петербургский купец	нижние урядные классы

[51] Графическая ошибка писца; должно быть: Хаустов.

[52] Он же — Федотов Никита Иванович (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 100; Д. 827. Л. 20).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1250	тогож числа	Иван Иванов,[53] прислан на пробу на 3 месяца	Невского пехотного полку солдат	тоже
1251	тогож числа	Яков Бодиско, С. Петербург, 11 лет	купец	нижний латинский и французский классы
1252	того ж числа	Ефим Морозов, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу		нижние урядные классы
1253	апреля 28 дня	Григорей Иванов, С. Петербург, 9 лет, прислан на пробу на 3 месяца	солдат	тоже
1254	того ж числа	Марка Арсенов, С. Петербург, 12 лет, прислан на пробу на три месяца	Измайловского полку капрал	тоже
1255	маия 1 дня	Карл Сметский, С. Петербург, 11 лет, прислан на пробу на 3 месяца	Измайловского полку солдат	тоже
1256	мая 1 дня	Петр Шипунов, С. Петербург, 12 лет, прислан на пробу на 3 месяца	Измайловского полку солдат	нижние урядные классы
1257	того ж числа	Иван Фролов, С. Петербург, 13 лет, прислан на пробу на 3 месяца	Академический тередорщик	тоже
1258	мая 10 дня	Иван Август и Генрих Гаврило Флуг, Дерпат[54]	Сухопутного кадетского корпуса адъюнкт	нижние классы
1259	мая 13 дня	Дмитрей Федотьев,[55] С. Петербург, прислан на пробу	ведомства Канцелярии от строений садовый мастер	нижние урядные школы

[53] Он же — Осипов Иван Иванович (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 111; Д. 827. Л. 22).

[54] Т. е. Дерпт (место рождения).

[55] Ранее записан под № 1231.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1260	того ж числа	Данило Древников, С. Петербург, прислан на пробу	Измайловского полку солдат	тоже
1261	мая 25 дня	Федор Косов, С. Петербург, 10 лет, прислан на пробу	Преображенского полку барабанщик	тоже
1262	того ж числа	Егор Савельев, 11 лет, С. Петербург, прислан на пробу		тоже
1263	июня 13 дня	Степан Степанов, 13 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	партикулярной верфи бухгалтер	нижние урядные классы
1264	июня 21 дня	Григорей Фрис, 13 лет, Малороссия	служитель дому его сиятельства графа Кирилы Григорьевича Разумовского	нижний арифметический класс и проч.
1265	июня 22 дня	Иван Семенов, С. Петербург, 12 лет, прислан на пробу на 3 месяца	лейб-гвардии Преображенского полку сержант	нижние урядные классы
1266	того ж числа	Никифор Воронин, С. Петербург, 10 лет, прислан на пробу на 3 месяца	Государственной Коллегии иностранных дел сторож	те же классы
1267	июля 6 дня	Никита Сергеевич,[56] 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	Гвардии Измайловского полку солдат	те же классы
1268	июля 6 дня	Алексей Таузаков, 12 лет, С. Петербург	коллежский асессор	нижний немецкий класс и проч.
1269	июля 7 дня	Иван Яхонтов, 15 лет, напольных[57] полков сержант		средний немецкий класс и проч.
1270	июля 7 дня	недоросль Федор Стогов, 14 лет	подполковник	нижний французский класс и проч.

[56] В прошении о приеме в гимназию фамилия мальчика Артемьев, а отец мальчика — Сергей Артемьев (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 136; Д. 827. Л. 30).

[57] Т. е. действующих.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1271	июля 9 дня	Вилиан Мортов, 11 лет, С. Петербург	купец	тоже
1272	августа 9 дня	Николай Поливанов, 8 лет, С. Петербург	Коммерц-коллегии секретарь	нижний немецкий класс и проч.
1273	августа 25 дня	Иностранной коллегии копист Александр Буховецкий		тоже
1274	сентября 3 дня	Алексей Говорков, 7 лет, С. Петербург	Правительствующего Сената регистратор	тоже
1275	сентября 9 дня	Хрисанф Иевский, 10 лет, С. Петербург	наборщик	тоже
1276	сентября 12 дня	Иоахим Ларсон, 14 лет, Ревель	пергаментного дела мастер	нижний французский класс и проч.
1277	сентября 18 дня	Василей Костыгов, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	лейб-гвардии Измайловского полку солдат	нижние урядные классы
1278	октября 6 дня	Александр Рыбин, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	Преображенского полку фельшер	тоже
1279	октября 26 дня	Иван Честихин, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	партикулярной верфи комиссар	нижние урядные школы
1280	ноября 22 дня	Християн Берг, 14 лет, С. Петербург	камердинер	нижний французский класс и проч.
1281	октября 25 дня	Петр Павлов, С. Петербург, 10 лет	Санктпетербургский купец	нижние немецкие классы и проч.
1282	ноября 27 дня	недоросль Василей Подводин, 9 лет, С. Петербург	дворянин	нижний немецкий класс и проч.
1283	декабря 12 дня	Василей Волков, 12 лет, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	гренадер Ингерманландского полку	нижний латинский класс и проч.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1761 год				
1284	генваря дня	Александр Захаров, 9 лет, С. Петербург	канцелярист	нижний немецкий класс и проч.
1285	февраля 7 дня	Василей Рыбин, прислан на пробу на 3 месяца, С. Петербург	Преображенского полку отставной капрал	
1286	марта 24 дня	Иван Бельской, С. Петербург, 9 лет	купец	нижний немецкий класс
1287	марта 28 дня	Василей Иевской, С. Петербург, прислан на пробу на 3 месяца	наборщик	нижний латинский класс и проч.
1288	мая 4 дня	Петр Душечкин,[58] 12 лет	солдат Измайловского полку	тоже
1289	мая 4 дня	Федор Косов,[59] 16 лет	солдат Преображенского полку	тоже
1290	июня 19 дня	Петр Фрейганг, 8 лет	сенатский секретарь	нижний класс
1291	июня 19 дня	Федор Фрейганг, 7 лет	сенатский секретарь	нижний класс
1292	сентября 29 дня	Василей Волков,[60] 11 лет	солдат	тоже
1293	ноября 9 дня	Вильгельм Рихман, 13 лет	профессор физики	тоже
1294	ноября 9 дня	Фридрих Рихман, 8 лет	профессор физики	тоже
1762 год				
1295	генваря 9 дня	Никита Наседкин, 13 лет	солдат Измайловского полку	тоже
1296	февраля 7 дня	Иван Пырской, 11 лет	канцелярист	тоже
1297	марта 26 дня	Иван Греф, 11 лет	купец	тоже

[58] Ранее записан под № 1239.

[59] Ср. с Федором Косовым под № 1261.

[60] Ср. с Василием Волковым под № 1083.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1298	маия 20 дня	Фридрих Цетлер,[61] 11 лет	учитель в Кадетском корпусе	нижний класс
1299	мая 23 дня	Николай Демило, 7 лет	Академии учитель	тоже
1300	августа 22 дня	Михайло Лебедев, 9 лет	Академии переводчик	тоже
1301	сентября 22	Николай Синицын, 10 лет	камер-лакей	тоже
1302	ноября 5	Степан Ростовцев, 18 лет	придворный закройщик	тоже
1303	декабря 7	Алексей Юркевич, 12 лет	полковой обозный	тоже
1763 год				
1304	апреля 8	Петр Орлов, 10 лет	асессор Канцелярии от строений	нижний класс
1305	маия 8	Андрей Михеев, 9 лет	солдат отставной	тоже
1306	мая 28	Алексей Чижов, 9 лет	инструментальный мастер	тоже
1307	августа 7	Николай Сорокин, 10 лет	надворный советник	тоже
1308	августа 22	Николай Бухарин, 15 лет	бригадир	тоже
1309	августа 22	Михайло Бухарин, 13 лет	бригадир	тоже
1310	августа 26	Федор Хомотин, 11 лет	полковник	нижний класс
1311	августа 26	Алексей Ресницын, 11 лет	актуариус	тоже
1312	сентября 3	Степан Крашенинников, 11 лет	профессор ботаники	тоже
1313	сентября 23	Степан Алексеев, 16 лет	майор	тож
1314	ноября 7	Иван Вакслов[62]		
1764 год				
1315	генваря 16	Василей Зуев, 12 лет	солдат Семеновского полку	тоже

[61] Ранее вписан под № 1100 в нижний латинский класс.

[62] Ошибка переписчика; правильно — Ванслов (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 826. Л. 256).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1316	генваря 27 дня	Христиан Рудольф Екгард, 7 лет	купец	нижний класс
1317	генваря 27	Иоган Рудольф Екгард, 11 лет	купец	тоже
1318	февраля 26	Сергей Трусов, 10 лет	поручик	тоже
1319	марта 3	Николай Деген, 10 лет	браковщик	тоже
1320	марта 9 дня	Алексей Тоузаков, 10 лет	коллежский асессор	тоже
1320	марта 9	Трофим Тоузаков, 9 лет	коллегский асессор	тоже
1321	марта 13	Степан Чубелев, 17	копист Главной дворцовой канцелярии	нижний класс
1322	марта 18	Василей Беров, 11 лет	мещанин С. Петербургский	тоже
1323	маия 17	Семен Тарбеев, 12 лет	солдат	тоже
1324	маия 17 дня	Петр Деев, 15 лет	солдат	тоже
1325	маия 17	Ефим Губарев, 12 лет	сторож сенатский	тож
1326	маия 17	Степан Кошкарев, 11 лет	сержант	тоже
1327	маия 17	Иван Кашкарев, 10 лет	сержант	нижний класс
1328	маия 17	Андрей Рыбин, 12 лет	фельшер	тоже
1329	июня 8	Отто Генрих Кохман, 11 лет	кухмейстер	тоже
1330	июня 10	Федор Авдеевской, 26 лет	значковый товарищ	тоже
1331	июня 17	Николай Чебенев	купец	тоже
		Иосиф Петров		тож
1332	августа 4	Василей Беляев, 13 лет	купец	нижний класс
1333	августа 26	Алексей Борисов	отпущенный человек статс-дамы Натальи Михайловны Измайловой	тоже
1334	августа 26	Иван Одинцов, 9 лет	лекарь	тоже
1335	августа 26	Иван Любецкой, 10 лет	живописный подмастерье	тоже
1336	августа 26	Василей Гречяков, 11 лет	священник	тоже

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1337	сентября 6	Михайло Черницкой, 13 лет	магазейн-вахтер	тоже
1338	сентября 6	Иван Соколов, 16 лет	маляр	нижний класс
1339	сентября 6	Михайло Теребинин, 14 лет[63]	солдат	тож
1340	сентября 6	Михайло Ерофеев, 12 лет	переводчик Иностранной коллегии	тоже
1341	сентября 6	Александр Коровашкин, 15 лет	отставной солдат	тоже
1342	сентября 6	Степан Жегалов, 14 лет	матрос	тоже
1343	сентября 6	Николай Быстров, 14 лет	подканцелярист	тоже
1344	сентября 6	Петр Княжев, 14 лет	подмагазейн-вахтер	нижний класс
1345	сентября 6	Пантелей Евтенев, 13 лет	солдат	тоже
1346	сентября 6	Яков Киселев, 16 лет	солдат	тоже
1347	сентября 6	Иван Лисицын, 17 лет	солдат	тоже
1348	сентября 6	Матвей Бирилев, 17 лет	матрос	тоже
1349	сентября 6	Афонасей Фролов, 15 лет	солдат	тоже
1350	сентября 6 дня	Михайло Брохин,[64] 17 лет	подмастерье	нижний класс
1351	сентября 6	Федор Богакин,[65] 18 лет	солдат	тож
1352	сентября 6	Иван Харлампьев, 17 лет	плотник	тоже
1353	сентября 6	Фома Михайлов, 14 лет	работник в корпусе[66]	тоже

[63] Исправлено; было: 12 лет.

[64] В других источниках фигурирует как Блохин Михаил (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 281. Л. 54–55 об.; Оп. 9. Д. 1125. Л. 17 об.).

[65] По-видимому, ошибка писца. В других источниках гимназист фигурирует как Балакин (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 281. Л. 54–55 об.; Оп. 9. Д. 1125. Л. 17 об.).

[66] Вероятнее всего, имеется в виду Сухопутный шляхетный кадетский корпус.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1354	сентября 6	Андрей Шишкин, 14 лет	матрос	тоже
1355	сентября 6	Степан Губин, 16 лет	кузнец	тоже
1356	сентября 6	Иван Сидоров, 18 лет	камендор[67]	нижний класс
1357	сентября 6	Семен Гусев, 19 лет	капрал	тоже
1358	сентября 6	Петр Лукин, 19 лет	сержант	тоже
1359	сентября 6	Яков Лобанов, 15 лет	подканцелярист	тоже
1360	сентября 7	Михайло Константинов, 13 лет	дьякон	тоже
1361	сентября 7	Андрей Константинов, 12 лет	дьякон	тоже
1362	сентября 9 дня	Матвей Русинов, 12 лет	купец	нижний класс
1363	сентября 17	Иван Бернов, 10 лет	бывшей Коммерц-коллегии канцелярист	тоже
1364	сентября 17	Андрей Семенов, 14 лет	подканцелярист	тоже
1365	октября 19	Петр Алексеев сын Ковалев, 9 лет	Статс-конторы секретарь	тоже
1366	октября 21 дня	Иоган Рел, 12 лет	повар придворный	тоже
1367	октября 22	Андрей Васильев сын Шмаров, 13 лет	капитан-поручик морского флота	тоже
1368	октября 27	Михайло Валдаев, 11 лет	придворный истопник	тоже
1369	октября 27	Петр Васильев, 13 лет	сержант отставной	нижний класс
1370	декабря 9	Михайло Лебедев, 9 лет	переводчик	тоже
1371	декабря 9	Николай Кондрашев, 9 лет	флейщик[68]	тоже
1372	декабря 9	Василей Замараев, 11 лет	господский служитель	тоже
1373	декабря 9	Семен Замараев, 9 лет	господский служитель	тоже
1765 год				
1374	генваря 15 дня	Андреан Алексеев, 13 лет	корабельного флота шкипер	тоже

[67] Т. е. командор.

[68] Т. е. флейтист.

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1375	генваря 15	Илья Кошманов, Пехотного Смоленского полку фурьер	боярский человек	нижний класс
1376	генваря	Иван Рукомойкин, 8 лет	подмастерье Академии	тоже
1377	генваря 19	Михайло Степанов, 12 лет	подканцелярист	тоже
1378	генваря 24	Егор Морозов, 12 лет	Измайловского полку сержант	тоже
1379	февраля 5	Венедикт Миловицкой, 6 лет	майор	тоже
1380	февраля 15	Иван Ивсенов сын Мочалин, 12 лет	прапорщик С. Петербургского гарнизонного полку	тоже
1381	февраля 26	Сергей Азиков, 9 лет	дворецкий	нижний класс
1382	февраля 26	Дмитрей Азиков, 8 лет	дворецкий	тоже
1383	марта 2	Михайло Евсеев Головин		тоже
1384	марта 3	Федор Дугин, 14 лет		тоже
1385	апреля 15	Федор Мейло,[69] 9 лет	подкомиссар	тоже
1386	апреля 15	Александр Долганов	подканцелярист	тоже
1387	апреля 26	Иоган Карл, 12 лет	медник	нижний класс
1388	маия 3	Егор Колесов		тоже
1389	маия 3	Семен Бекеев		тоже
1390	маия 16	Иоган Христофор Дункер, 9 лет	придворный золотарь	тоже
1391	маия 19	Андрей Корьяченко, 25 лет	секретарь	тоже
1392	маия 20	Роман Кривецкой, 20 лет		тоже
1393	маия 31	Иоган Генрих Людвиг, 10 лет	у<чи>тель в Кадетском корпусе	нижний класс
1394	июня 12	Христиан Минден, 15 лет	экспедитор	тож
1395	июня 12	Аренд Минден, 12 лет	тож	тож

[69] Он же — Мейель Федор Карпович (см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 289. Л. 126, 192; Оп. 9. Д. 1125. Л. 16 об.).

№ записи	Год месяц день	Имя, отечество, возраст	Кто был отец	Класс
1396	июня	Иван Попов, 11 лет	капитан	тож
1397	июля 19	Гаврило Железников, 14 лет	секретарь	тож
1398	июля 19	Василей Иванов, 12 лет	поручик	тоже
1399	июля 19	Николай Абазов, 12 лет	переводчик	тоже
1400	июля 19 дня	Иван Носков		нижний класс
1401	июля 29	Варлаам Венделеев, 12 лет	солдат	нижний класс
1402	августа 18	Андрей Сегер, 14 лет	штаб-лекарь	Тож
1403	августа 18	Мартин Сегер, 11 лет	тож	Тож
1404	августа 31	Тихон Шпилевской	придворный певчий	Тож
1405	октября 4	Иван Богаевской, 16 лет	протопоп	Тож
1406	октября 8	Дмитрей Семенов	учитель латинского языка	Тоже
1407	октября 15	Федор Золотарев	недоросль	нижний класс
1408	октября 18	Самуйло Дмитреев 12 лет	столяр	Тож
1409	ноября 12	Степан Власов 11 лет	канцелярист	Тож
1410	декабря 5	Николай Мошков, 7 лет	титулярный советник Алек. Яковлев сын Мошков	Тож
1411	декабря 21	Родион Плясунов, 13 лет	унтер-офицер	Тоже

Е. Д. КУКУШКИНА

Н. Н. САНДУНОВ. «СИДНЕЙ И ЭННИ». ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ (1787–1789)

Список пьесы хранится в Санкт-Петербургской Государственной Театральной библиотеке. Шифр: I.XX.3.45. (1787). Рукопись в картонном переплете, оклеенном коричневатой бумагой, с кожаными уголками. В левом верхнем углу бумажная наклейка: Центральная библиотека Императорских театров. Чуть выше центра обложки наклеена голубая бумага в форме сердечка с надписью: Трагедия Сидней и Энни в 3 действиях. № 5 (зачеркнут) 7.

Текст представляет собой скоропись двух почерков на 62 листах. Первый почерк четкий и мелкий (Л. 1–38 и 54 об.–62). Бумага этой части рукописи датируется 1782–1784 гг. Часть третьего действия (Л. 39–54) написана другим, более крупным почерком. Голубоватая бумага этой части рукописи имеет водяной знак «1789».

В верхней части титульного листа: «Читал А. Барсов». В нижней его части тем же почерком написано: «Сия трагедия может представлена быть на Петровском театре в Москве, кроме потерянных мест в сем экземпляре, мною по страницам подписанном. Цензор Антон Барсов».

В список действующих лиц вписаны фамилии актеров Московского театра: А. А. Украсова, В. П. Померанцева, М. С. Синявской, П. Федотова, Н. Д. Сахарова, Е. И. Залышкина, М. Полянской.[1]

---

[1] История текста пьесы и сведения о ее постановке подробно изложены в статье: *Кукушкина Е. Д., Симанков В. И.* Трагедия Н. Н. Сандунова «Сидней и Энни» и

© Е. Д. Кукушкина, 2017

Сидней и Энни. Трагедия в трех действиях

Переведена с немецкого 1787 года

Действующие лица:

М о н т р о з, г. Украсов
Л и л л и, сначала Стукли г. Померанцов
Э н н и, дочь его М. Синяв.
В и л м о н, слуга Энни. Федотов
С и д н е й, г. Сахаров
К и р к е, полковник и президент военного суда. Залышкин
П о л л и, горняшная девушка Энни. Полян
Д р у г о й с л у г а
О ф и ц е р и з Д о в е р а
О ф и ц е р с к а р а у л о м
С о б р а в ш и й с я в о е н н ы й с у д
Т ю р е м щ и к

Действие I

Я в л е н и е 1 - е

Театр представляет комнату с письменным столиком

М о н т р о з (*сидя, пишет*)

С л у г а. К вам письмо от полковника Кирке.

М о н т р о з. Подай. Надобен ли ответ?

С л у г а. Я думаю, что не надобен, затем что письмоподатель уже ушел.

М о н т р о з. Поди (*слуга уходит*). От полковника Кирке? От такого человека, в душе которого вечность и должность, сердце и чувства давно уже погашены, в душе которого добродетель и закон никогда не имели места (*вздохнув*), и однако ж пользуется он милостями монарха, и ничего не стоящий Джефрейс, подобный ему

репертуарная политика Петровского театра в 1780-е годы // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб., 2015. С. 83–99 (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6).

в злобе и превосходящий его в слабостях, отдает ему в руки меч справедливости. Несчастная та страна, где истинному патриоту запрещен доступ к монарху, к монарху, которого слабая душа совсем обессиливает в подобных оборотах окружающих его льстецов, которого мало видящее око ослепляется ложным блеском доказательства! Однако ж я должен прочесть, что он пишет (*читает*): «Милорд! Приятнейшая новость, о которой я должен вас уведомить есть та, что проницательность нашего министра открыла великое число заговорщиков с герцогом Монмутом, которых для заключения в оковы я уже отдал надлежащий приказ. Государственная казна выигрывает чрез сие великую сумму, так как наказанием сих преступников откроются многие знатные места. Я уведомляю вас о сем для того, что вы, как истинный патриот, в сем счастливом для нас случае, а особливо для вас самих, не можете быть равнодушны, тем более, что как скоро я и министр будем иметь случай у короля сделать что-нибудь в вашу пользу, то не преминем представить ему цену ваших к отечеству заслуг. Кирке».

Злодей, я знаю яд, скрывающийся под вашею лестью. Боже мой! Должен ли я дойти до того, чтоб и Джефрейс и Кирке обещали мне свое покровительство как милость и, позволяя мне быть участником в их преступлениях, надеялись бы, что я почту сие за неложное счастие? (*Рассердясь*) Но что меня удерживает, что я не отвечаю на сии столь поносные пороки моим презрением, которого они достойны? (*с жару берет перо*). Так, я представлю, представлю зеркало перед глаза непотребного Кирке, в котором должен будет он увидеть себя и свое гнусное сердце без всяких прикрас. Потом я удалюсь из несчастного моего отечества и в чужих странах, довольствуясь приятною соленостью, не чувствуя угрызений совести, спокойно буду ожидать конца дней моих. (*Бросая перо*) Нет, не нужно теперь мне спешить. Я скрою мое имя и узнаю имена сих несчастных и выведаю — может быть какого благородного человека я избавлю от смерти. (*Звонит, входит слуга*). Я еду со двора *(Слуга уходит и опять в скорости приходит).*

С л у г а. Какой-то незнакомый старичок хочет с вами видеться наедине.

М о н т р о з. Кто он таков?

С л у г а. Он хочет сам открыть вам свое имя.

М о н т р о з. Впусти его (*слуга выходит*).

Явление 2-е

Монтроз и Стукли, *которого вводит слуга*

Монтроз (*подходя к Стукли*). Какую вы имеете нужду?

Стукли. Простите, милорд, если я на несколько минут прерву ваши дела. Будучи совершенно уверен, что ваш родитель был истинный друг несчастному лорду Лилли, я пришел спросить, не имеете ли вы какого известия об оставленной его дочери? Жива ли она? И в каком она состоянии?

Монтроз. Я с охотою скажу вам, сколько я об ней знаю. Но позвольте мне вас спросить, с кем я имею честь говорить? Я удивляюсь, видя в вас такое сострадание к несчастному лорду Лилли и к его дочери, чаятельно, столько же несчастной, как и он.

Стукли. Имя мое Стукли. Я был верный друг вашему родителю, так, как и он злосчастному лорду Лилли, я участвую во всех злоключениях сего лорда и жертва королевских убийц. Нашед средство избежать казни, удалился я во Францию. Там искал я случая вступить в службу, и будучи в ожидании получить место, прожил я маленькое свое имение, полученное от моего друга при моем побеге. Надежда меня обманула, и я странствовал долгое время, пока наконец сделали меня морским поручиком в королевской датской службе. В продолжении последних десяти лет служил я капитаном в различных странствованиях и своею умеренностью приобрел себе небольшое имение, потом, взяв отставку, возвратился сюда, чтоб разделить оное с злополучною дочерью моего друга, о которой сколько я ни старался узнать, но не имел никакого известия, так, как и об моей супруге. Кромвель умер, и я конечно найду себе прибежище в освобожденном моем отечестве.

Монтроз. Вы возвратились в отечество в такое время, в которое всякой честной человек хочет его оставить. Ах! Я не знаю, имеет ли Англия причину при теперешнем правлении менее воздыхать, нежели когда бы его не было? Однако ж я не премину вам всем тем служить в ваших предприятиях, чем только могу. Между достойнейшими презрения первыми членами сего государства находятся такие, которые только для некоторых выгод называются моими друзьями. Но мы должны быть осторожны. Будьте уверены, я все силы приложу вам помочь, хотя бы я не имел никакой другой побудительной к тому причины, как только то, что вы друг лорду Лилли, которого память я всегда почитаю.

С т у к л и (*тронутый*). Почтенный муж! Прими мою чувствительнейшую благодарность. Итак, могу ли я надеяться, что лорд Лилли, если он еще жив, найдет в вас себе такого же друга и такого же защитника, как и в вашем родителе? О, милорд! Я с нетерпением желаю слушать о дочери моего друга. Великодушный и почтенный муж! Известием об оной истребятся ли из памяти моей перенесенные мною несчастия? Или еще ускорятся торопящиеся уже к гробу дрожащие мои ноги и похитится у меня последняя надежда при угасающей моей жизни быть счастливым, чтобы чело мое, покрытое сединою, покоилось в объятиях дочери злосчастного моего друга до тех пор, пока смерть не сомкнет моих глаз и побледневшие мои уста с препинанием не произнесут ей последнего моего благословения.

М о н т р о з. Я бы вас и теперь уведомил о сей несчастной, но я сперва постараюсь, как можно, узнать об ней обстоятельнее (*входит слуга*).

С л у г а. Карета ваша готова.

М о н т р о з. Хорошо (*слуга уходит*). Теперь останьтесь в моем доме. Вы меня тем крайне одолжите. Отдохните до моего возвращения, а я пойду во дворец и сделаю порядочное расположение к доставлению вам защиты и безопасности.

С т у к л и. Великодушный муж!

М о н т р о з. Не благодарите меня! И не выхваляйте! Пожалуйте в эту комнату и прикажите, что вам угодно (*отходят в разные стороны*).

Я в л е н и е 3-е

Комната Эннина. С и д н е й и потом В и л л и а м

В и л л и а м. Госпожа моя не приказала мне никого впускать, кто бы то ни был. Я боюсь, сударь, ее прогневить.

С и д н е й. Мне надобно с нею говорить! Поди скажи ей, что лорд Сидней пришел, что он пришел, чтобы в последний раз с нею проститься, чтоб… Что же ты? Поди скорее, вот тебе кошелек, и надейся от меня большего награждения.

В и л л и а м (*не принимая кошелек).* Нет, милорд. Вы ошибаетесь во мне, когда считаете меня в числе мне равных. Я беден, это правда, но верный слуга моего господина. Я ничего не имею, кроме

честного сердца и воспоминовения моей верности, с которою я служил 40 лет несчастному родителю моей госпожи, (*прослезясь*) награждают меня за труды мои.

С и д н е й (*перебивая*). Что ты говоришь о несчастном родителе? Ты его знаешь? Жив ли он? Скажи мне, отчего он несчастен? *(В исступлении, сам с собою*) Несчастен! Отец сего ангела несчастен. (*Слуге*) Ах! Скажи мне! Какое его несчастие? Когда ты истинный и верный слуга, то скажи скорей! Открой мне его состояние! Сделай меня счастливейшим человеком! Дай мне случай пожертвовать моим имением, жизнью, и всем, всем для дражайшей Энни и ее родителя! О, Боже! Сия бы счастливейшая была минута в жизни моей. Скажи мне! Я назову тебя моим другом, братом. Ты будешь иметь участие в моем имении, ты должен сохранить дни мои и быть свидетелем моего с Энни благополучия.

В и л л и а м *(отирая слезы*). Взгляните на эти слезы. Они пролились теперь в воспоминовение благороднейшего и честнейшего моего господина. Они льются из глубочайшего источника скорбной моей души и усугубляются в присутствии того, которого душа ему подобна (*целует его руку*). О, милорд! Ваше благородное сострадание к несчастию других проникло во внутренность моего сердца. Давно уже не вижу ничего, кроме жестокости гонения.

С и д н е й *(перебивая его речь*). Скажи же, покажи мне источник его злополучия, чтоб я поспешил, поспешил скорее, нежели в любви, и осушил его слезы.

В и л л и а м. Они осушены (*с доверенностью взяв его за руку*). Так, милорд, его слезы осушены, дабы наши вечно проливались. (*Отирает глаза и тяжело вздыхает*). Ах! Его уже нет на свете, он был жертвою ожесточенного безумия королевских убийц.

С и д н е й (*про себя*). Достойнейшая любви, прекраснейшая Энни, сие-то было причиною твоей горести, которая прелестный твой вид помрачала глубокою задумчивостью? Сие было источником тех слез, в которых утопали любви исполненные твои глаза? О, если б я мог осушить, если б мог истребить сии слезы, которые затмевают цветущие розы прекрасного твоего лица и лишают тебя наслаждений удовольствия жизни сей. (*слуге*) Скажи мне, когда скончала жизнь свою сия несчастная жертва добродетели.

В и л л и а м. Назад тому двадцать пять лет.

С и д н е й. Да опочивает спокойно прах твой, да прослезится над гробницею твоею всякой сын отечества, и да произнесет с почтением имя твое.

В и л л и а м. Милорд, я надеюсь, что ей не противно будет, если я об вас доложу.

С и д н е й. Постой! Скажи мне обстоятельнее о смерти твоего господина.

В и л л и а м (*отходя*). Нет, извините, я не могу, я уже и так много вам сказал (*уходит*).

Я в л е н и е 4-е

С и д н е й (*один, в размышлении ходит взад и вперед, плачет, и в великом беспокойстве по некотором молчании*). Он уже давно умер, но она еще проливает слезы. Они текут из очей ее в воспоминание о несчастном родителе (*помолчав, с чувством становится на колени*). Блаженный и чистейший дух, зри горесть твоей несчастной дщери! Оставь свое священное пребывание, приди, отри слезы скорбящей дщери твоей. Рассей все страшные метания от ослабевших ее очей. Излей приятное удовольствие в ее утомленную душу, распространи веселие во всю ее жизнь, пусть душа ангела сего отверзнется для впечатления во оную любви и нежности, как оная отверста была болезненному воспоминанию твоих несчастий! А ты, Энни! Предмет всех моих желаний, признай во мне вернейшего и страстнейшего любовника. Избери во мне супруга, которой разделяя с тобою твою скорбь, облегчит болезнь твою. (*Вставая)* Так, я оную облегчу, я достигну намерения своего, хотя бы по совершении оного должен был оставить свет сей. Если бы только тогда уже исходящий из меня дух, хотя слабо произнести мог имя Энни, и прежде, нежели он прейдет в другие пределы, мог бы я еще узреть лиющиеся из очей твоих обо мне слезы сожаления. (*Осмотрясь*) Она здесь!

Я в л е н и е 5-е

Э н н и и С и д н е й

С и д н е й (*Подбежав к ней и поцеловав ее руку*). Дражайшая Энни, прости мне, что я прежде, нежели удалюсь от тебя навеки, прежде, чем неизмеримые моря разлучат меня с тобою, разлучат

меня с тою, с которою лишь с одной дни мои могут быть мне приятны и удовольствия жизни моей усладительны, чтобы я пред сим жестоким разлучением еще однажды ощутил сию небесную добродетель, которая тебе столько свойственна, чтобы я мог привесть тебя в сострадание и в сожаление о несчастном любовнике? Еще целую руку сию, получением которой все желания мои ограничиваются и которую, о, Боже! не могу о сем помыслить, в последний раз орошаю моими слезами? Неужели употребишь ты к тому все свои силы, дабы на несчастнейшего человека, коего все преступление состоит в том, что он желал защитить украшение вашего пола и гнев вашего отечества с мучительным взирать равнодушием, видя отверстую ему гробницу, видя так, как его череп в глубоком рве, прекратя жизнь его, прекратить вместе[1] и память о нем (*с скорбью*) О Энни! Я еще много льщу себе, не равнодушие, но ненависть ты ко мне чувствуешь и презрение моего с тобою разлучения.

Э н н и. Постой, милорд! Ты раздираешь мое сердце. Не ненависть, не презрение, и не равнодушие меня с тобою разлучает. Возможно ли мне, милорд, ненавидеть того, которого трехлетняя постоянная нежность ни малейшего не причинила мне оскорбления, который и теперь подает мне благороднейшие доказательства любви своей, которого ни порицание света, ни хула злословящих не отвратила посвятить сердце и руку неизвестной породы девице, который еще счастие и удовольствие желает разделить с тою, которая с самого рождения сопровождаема несчастием, которой скорбь в цветущих ее летах затмевала каждую ее сердечную склонность болезнию и горестию? Могу ли я его ненавидеть? Можно ли мне презирать того, который будет всегда удивлением нашего отечества и достойным любви знатнейших особ? Которого великие заслуги еще в самом начале показывали в нем истинного патриота и надежного защитника государства? И была ли бы я достойна хотя малейшего сожаления, если бы я, видя толикие заслуги в любви достойнейшем человеке, могла быть к нему равнодушна? О, милорд! Хотя бы я не была бедна, хотя б мое происхождение было столь же знатно, как и твое, если б мое сердце было столь же отверсто к впечатле-

[1] *Подчеркнутые слова отчеркнуты на полях и рукой цензора в нижней части листа написано:* NB. Тут есть описка или пропуск.

нию в оное радости, как и твое, *(горестно)* почитать тебя и отдаться в объятия добродетельнейшего и нежнейшего супруга, насыщаться исполненными любви его взорами и в его жарчайших объятиях спокойно ожидать конца дней своих, было бы для меня завиднейшею участью и…

С и д н е й *(перерывая ее слова)*. Энни! Дражайшая Энни! Твоя добродетель умерщвляет меня. Ах, Энни! Ты возвращаешь мне спокойствие моей жизни. Восхитительное постоянство твоей любви прогоняет мрачность ночи, меня окружающей, и твой прелестный взор истребляет последний туман смертельной горести. Исчезают все страшные отчаяния воображения и открывается мне вход ко всем удовольствиям. Так, Энни! Я хочу, обручась с тобою, проходить единые поля увеселения, удаляясь, сколько возможно, от часов, могущих возмутить спокойствие дней наших. Ты должна до последних дней, до последних часов моих быть единым предметом моей любви; я буду прогонять каждое темное воспоминание, могущее помрачать небесный блеск очей твоих, оказывая тебе жарчайшую и ежедневно возрастающую к тебе мою любовь. Я буду отвращать малейшие огорчения, дабы твои расцветающие прелести не могли их почувствовать; я буду испытывать сокровеннейшие таинства природы и из недр ее сокровищ буду избирать блаженнейшие увеселения, дабы ежедневно окружать тебя новым благополучием, услаждать чувствительную твою душу счастием и удовольствием и вкушать с тобою в высочайшей степени земное блаженство.

Э н н и. Сидней, мысли твои восхитительны. Благополучна та, которая в твоих объятиях при твоем добродетельном сердце провождать будет жизнь свою, и которая своими ласками ответствуя твоей любви, нелицемерною верностию составит благополучие дней твоих. Но мой рок хочет, чтобы я никогда не вкусила из того сосуда, который определяет твое сердце к сладчайшим чувствованиям. И то самое, назначенное мне судьбою, злополучие с самого моего рождения прекратится вместе с моею жизнью и соединит меня с теми, от которых я произошла. Все, чего только несчастная Энни желать себе, может, состоит в том, чтоб скорее достигнуть того места, в котором она, так как и все, позабудет свои злосчастия, тогда последняя моя мысль о свете и последнее мое желание устремится на Сиднея. Да наградит его небо достойною его супругою,

и да насладит она чувствительное сердце всеми удовольствиями жизни сей.

С и д н е й. Ах! Дражайшая Энни! Ты желаешь мне счастия и не решишься сама соделать мне оное, мучишь душу свою воспоминанием прошедшего и не надеешься лучшего жребия, который приближается к твоему сердцу. О, Энни! Позабудь все прошедшие горести, погрузи оные в недро друга, приемлющего участие в твоем несчастии, дабы я мог изгнать оные из нежного твоего сердца. Не умерщвляй меня, не отнимай у меня сего блистающего луча надежды, который ты сама произвела в душе моей, и не погрузись чрез то вместе с ожидающими тебя радостями в бездну глубокой нощи. (*Упадая к ее ногам)* Энни! Я заклинаю тебя сладчайшим воспоминанием твоего родителя, прошедшими его и твоими страданиями, заклинаю тебя всеми удовольствиями, которые, верь мне, последуют за твоими несчастиями, прошу тебя, открой мне причину твоей скорби, умножающей прелести лица твоего, объяви мне вину слез твоих, покрывающих прекрасные твои взоры, привлекающие к тебе мое сердце, сжалься, смягчись, Энни, открой мне горесть твою, дабы я мог хотя облегчить ее, если нет возможности совсем прекратить ее.

Е н н и (*Поднимая его, плачет и отирает слезы*). Сидней! Единый друг несчастной Энни! Чувствования твоего нежнейшего сердца трогают мою душу и вливают в оную небесное удовольствие, которое ощущает несчастная Энни в сию райскую минуту. Выслушай меня. (*Берет его за руку и принуждает садиться*). Выслушай, любезный друг! Я пролью всю тяжесть несчастия моего в грудь твоего дружества. Лорд Лилли, отец мой, имением своим и чином обязан был Карлу Первому. Он был вернейший друг и слуга сего несчастного государя, который в Лондоне на эшафоте лишился жизни. Отец мой, не имея сил усмирить королевских убийц, имел по крайней мере случай от их жестокости спасти истинного наследника короны, сего блаженного монарха, и сделать его от всяких поисков безопасным. Сей благородный поступок открылся в последнем году Кромвелева царствования. Отец мой заключен был в тюрьму, и легко было уверить в преступлении его тирана Кромвеля, дабы чрез то совершенно истребить угрызение своей совести. Я была тогда одного году. Отец мой взял меня на руки перед своими судьями и показал меня собравшемуся народу. «Англичане, — вскричал он, —

когда моей крови не довольно к утолению жажды неистового безумия и бешенства, то вы видите единую мою отрасль, умертвите нас вместе, и пусть кровь наша смесится с кровью нашего короля! Род мой исчезнет, но его имя произносимо будет потомством вместе с именем отечества. А ты, дочь моя, если жизнь твоя не прекратится вместе с моею, не забывай никогда, что ты англичанка, и что стыдом и жизнию обязана ты милости королевских убийц, ничем не можешь сего загладить, как быв мне во всем подобна».

С и д н е й (*в изумлении упадает к ее ногам*). Достойнейшая любви несчастнейшая дочь почтенного родителя! Сколь справедливо сие начало твоей горестной судьбы, твоего мучения и твоих слез! Пусть, пусть они проливаются, пусть они соединятся с моими слезами! О Энни! Как соболезнование распространяется по всем моим чувствам. Твоя душа исполнена твердости невероятной. Но продолжай, дражайшая, жалостное твое повествование.

Э н н и (*поднимает его и отирает слезы*). Друзья моего родителя испросили ему милость у Кромвеля, чтобы жребий его был совершен не публично, но в Довере пролилась кровь отца моего. И едва я достигла тех лет, в которых могла помыслить о несчастии моего родителя, как должно было вновь оплакивать слабости матери моей. Она не имела в себе никаких недостатков, кроме слабостей, которым обыкновенно подвержен наш пол, и она была более несчастлива, нежели достойна наказания. Презрение и беспрестанные гонения, которые от несчастного моего отца распространились на всех нас, принудили ее переменить свое имя и вступить в супружество с некоторым чудовищем, членом в парламенте, который состоял тогда в республике из королевских убийц. Кромвель умер, и ненависть народа с ярости обратилась на королевских убийц. Мать моя и ее супруг убежали в Голландию. Недро безопасности и вольность сея страны не могли защитить убийц Карла I. Четверо англичан вознамерились отмстить за своего государя. В один вечер ворвались они в тот дом, в котором мы жили, и с бешенством напали на супруга моей матери. Он тотчас схватил свою шпагу, чтобы от них защищаться, мать же моя с раскрытою грудью и с яростными и отчаянными глазами поверглась в средину сражающихся. Сколь бы достоин был сей поступок удивления, если бы она сию неустрашимость употребила на защищение моего отца! Ярость матери моей и все старания ее супруга были тщетны. Кромвелев друг повергся

мертв к ногам его поражающих, и мать моя, пораженная ударом, упала в беспамятстве на его тело. В самое то время я с родственницею моей матери прогуливалась в саду, крик сражающихся принудил нас возвратиться домой. И мы пришли пред окончанием сего кровавого действия. Терзаема будучи страхом и сожалением, бросилась я к борющейся с смертию матери моей, которая по нескольких минутах испустила дух свой.

С и д н е й. Боже! Возможно ль снесть столь многие страдания.

Э н н и. Я с той родственницей чрез несколько времени выехала из Голландии. Приехала в Англию, где возобновились источники слез моих и моей горести. Сидней, я думаю, что изъявила вам сильнейшее доказательство моего почтения, вверив ужаснейший жребий мой. Отец мой умер на эшафоте, мать моя сочеталась с убийцею своего государя и моего родителя. Я не имею никакого достоинства, не имею достатка и не известна никому, кроме единого милосердного Бога. Если б я утаила мое происхождение и имя моего несчастного отца, то презрела бы сама себя и была бы презираема оставшимися хотя малым числом благородных душ. Я открываю род свой и тем усугубляю бремя несчастий моих и, может быть, вновь обращаю на себя гонителей. Так, я беспрестанно буду утопать в несчастиях и стыде. (*Сидней берет ее за руку*). Сожалей, Сидней, сожалей о несчастной Энни, но не презирай ее.

С и д н е й (*в беспамятстве бросается к ногам ея в величайшей страсти*). О, Энни! Обожаемая мною Энни! Тебе посвящаю я жизнь мою! Ты испытала всю тяжесть превратностей человеческих. Ты претерпела все жесточайшие несчастия жизни сей. Так! Тем самым ты достойнее обожания! Разделяй со мною жребий мой, забудь в моих объятиях свои страдания и успокойся под тению любви обожающего тебя Сиднея!

Э н н и (*с восторгом бросается в объятия Сиднея, оба пребывают в молчании, потом в восхищении*). Сидней! Тебе не можно быть моим. Сожалей обо мне, и потом убегай меня вечно.

С и д н е й. Мне убегать тебя, Энни? Оставить тебя? Тебя оставить? Бог и я только, может быть, одни в природе, которые тебя любят! Мне удалиться от тебя? Нет, Энни! Нет, я не оставлю тебя в твоей участи. Восхитительное твое признание, произнесенное сими прекрасными устами и запечатленное слезами твоими, умножают пылающую во мне к тебе любовь. Так, Энни! Признаюсь тебе,

до сего времени чувствовал я к тебе почтение и нежность, но теперь переменилась она в неограниченную любовь. Так, Энни, я тебя обожаю. Отдай мне свою руку, позволь, чтоб я имел счастие утешать тебя в потерянии твоего родителя, в неблагодарности твоего отечества и в презрении целого света (*с нежностью хочет обнять ее*).

Э н н и (*хочет также броситься в его объятия*). Дражайший Сидней! (*вдруг изумляется*). Но нет! До чего довела меня безмерная любовь? Сидней! Нежность твоя и сия постоянная и добродетельная любовь могут со временем сделаться тебе источником страшных бедствий, чего Бог тебя да сохранит! Так, дражайший Сидней! Ты будешь участником моего злосчастия и гонений, которые начались с самого моего младенчества. Я приведу тебя на край погибели. О, Боже! Кто может о том помыслить! В цветущих твоих летах повергну тебя с собою в готовящуюся мне пропасть и буду причиною преждевременной твоей смерти.

С и д н е й. Когда определено быть несчастной тебе, пусть буду и я столько же злополучен! Но позволь мне быть одну минуту счастливым и потом я умру с удовольствием, спокойно испустя дух мой в объятиях прекрасной моей Энни! Обожаемая мною Энни! Которая и по смерти моей в знак своей верности прикоснется к бледным моим устам и оросит щеки мои последними слезами сожаления, а иногда приближится к праху, сокрывающему кости Сиднея. Любезная Энни! Смерть в твоих объятиях будет для меня райским удовольствием, с которым ничто в свете кроме тебя не сравнится. (*Упадая к ее ногам*) О, Энни! Почувствуй мои слезы, лиющиеся с жарчайшего источника стесненной моей груди. Будь послушна гласу любви! Склони, склони нежные твои чувства к состраданию. Согласись, чтоб благополучные дни жизни нашей текли во взаимных и беспрерывных удовольствиях. *(Встает)* Что я вижу? Энни! Мои слова тебя трогают! О Боже! Сие участие в моей горести! Сей взор! О, любовь! Ты чувствуешь ко мне сострадание? (*Становится на колени и с нежности простирает руки к Энни*). Итак, могу ли я обнять мою супругу?

Э н н и (*с нежностью бросается в его объятия*). Так, Сидней, ты ее обнимаешь. (*Оба пребывают несколько времени в неподвижности, между тем как Энни нежно поднимает Сиднея*). Сидней! Я не окончу моей жизни, не вкусив наперед того счастия, которое

мне обещает твоя добродетель и твоя любовь, не ожидая от справедливого провидения, чтоб оно ниспослало нам высочайшую радость, приводящую в забвение и самые несноснейшие злострадания.

С и д н е й. Благодарю тебя, благодарить буду вечно за твою ко мне любовь, душа души моей. Ах, Энни! Если б мог я тебе хотя слабо изъяснить в сию райскую минуту чувствуемую мною беспредельную радость, отдаленнейший вид будущего благополучия. Единый только тот счастливый день оного, который нас ожидает, ты б без сомнения предала забвению все смертельные горести и все страдания, сколь они продолжительны ни были, и предалась бы любви и удовольствию. Ах, Энни! Когда мы, соединя руки наши, и имея горящие любовию сердца… *(вдруг оглядывается*) Постой! Не слышишь ли ты какого шуму?

Э н н и. Боже мой! Что это? (*Мучась, упадает в руки Сиднея*). О, Сидней! Это не из моего дому люди… Это… О Боже! Я не знаю, что я должна думать…(*двери между тем отворяются*).

Я в л е н и е 6-е

Прежние и В и л л и а м

В и л л и а м (*прибегает с смущенным видом*). Спасайтесь, сударь! Ради Бога, спасайтесь! Караул силится войти к нам на двор, он ищет вас.

Э н н и. Боже…

С и д н е й (*зверским голосом*) Спасаться? От чего? Непричастный преступлению не страшится правосудия. Но против насилия я умею (*обнажает шпагу*) защищать себя, Энни и сей дом (*берет одной рукой Энни и нежно прижимает ее к своей груди*). Не опасайся ничего, дражайшая Энни. Это какое-нибудь насилие, или ошибка или что-нибудь другое, ничего не значащее.

Я в л е н и е 7-е

Те же и офицер со стражею

О ф и ц е р (*К Сиднею, который перед ним стоит без всякого страху*) Государь, не вы ли лорд Сидней?

С и д н е й. Так, государь мой, я.

О ф и ц е р. Очень хорошо. Именем короля я вас арестую, теперь вы мой пленник, отдайте свою шпагу и идите за мною.

С и д н е й (*с удивлением*). Именем короля? (*смотря на Энни с удивлением*).

Э н н и. Боже, умилосердись! (*в великом мучении*).

О ф и ц е р. Не мешкайте, сударь, или я… имею власть…

С и д н е й. Она не нужна. Покажите мне данное вам повеление. Если оно основательно и справедливо, то я немедля следую за вами.

О ф и ц е р (*подавая ему ордер*). Вот оно.

С и д н е й (*рассматривает оное, качает головою и с своею шпагою отдает ему повеление*). Извольте, государь мой. Я сей час за вами пойду, сказав несколько слов моей супруге.

О ф и ц е р. Пожалуйте поскорее.

С и д н е й (*обнимает Энни*). Прости, жизнь моя! Прости, Энни! (*целует ее*). Сей сладчайший поцелуй прекраснейших губ, сии слезы, льющиеся из очей, пылающих любовью, не могли бы ободрить меня, если б не был я безвинен. Божусь тебе, Энни, не опасайся ничего. Сердце Сиднеево не очернено подлым поступком и так чисто, как освещающее меня солнце. Скрепись и не давай усиливаться в душе твоей скорби и унынию.

О ф и ц е р. Милорд! Вы выводите меня из терпения.

С и д н е й. Тотчас! (*к Энни*) Прости, Энни! (*целуя ее)* Прости! Мы скоро опять увидимся (*предается страже, офицер следует за ним, а Энни также хочет за ним идти, с ужасным криком*).

Э н н и. Сидней! Супруг мой! Дражайший Сидней! (*упадает в обморок на землю*).

С и д н е й (*оборачивается к ней, чтоб в последний раз проститься, но стража его уводит*). Боже, помоги ей!

Действие 2-е

Явление 1-е

Представляется комната полковника Кирке и собранный военный суд

К и р к е. Ну! Государи мои, я надеюсь, что теперь получим достовернейшее известие о сообщниках монмутовых. Я бы весьма счастлив был, если б мог избавить мое отечество от оставшихся

возмутителей. Нам должно радоваться, что получили в наши руки лорда Сиднея. Он должен нам во всем открыться, а если не так, то один за всех примет истязание. Я за него сам примусь и буду стараться подложным обещанием милости привести его к признанию. (*Звонит. Входит тюремщик*) Введи сюда Сиднея (*тюремщик уходит*).

Явление 2-е

Те же и Сидней

(*входит с благородным видом и кланяется суду*)

Кирке. Лорд! Тебя обвиняют, что ты был участником в возмущении герцога Монмута.

Сидней (*с усмешкою и спокойным великодушием*). Милостивый государь, я был другом королевскому брату, но не был против него бунтовщиком.

Кирке. Монмут был злодей! Злодей, достойный извержения из числа смертных, следовательно, и друзья его того же достойны. И должно ли вам быть столько упорну в своей продерзости, что вы не хотите признаться в обвиняемом всеми и порочном с Монмутом дружестве?

Сидней. Меня все знают. И для того, защищая мою невинность, могу я без всякого зазрения сказать о себе, что все мои поступки и дела честны и справедливы, так что и теперь, обвиняем судом, не буду я столь подл, чтоб унижаясь перед судьею, стал ему ласкательствовать или, опасаясь страшных следствий несправедливого определения, отрекся бы от дружества такого человека, которому я обязан вечною благодарностию. Он сохранил мою жизнь. Я почитал его, когда он был благополучен, и воздыхал, когда он заблуждался. Он сделался преступником, но я памяти его никогда не постыжуся.

Кирке. Но, как известно, то вы знали о его возмущении?

Сидней. Почтение, которое имел ко мне Монмут, не дозволяло ему даже и подумать, чтоб сделать из меня бунтовщика. Сражение при Седгеморе сделало известным, как мне, так и всем, его предприятия, его преступление и убийство.

Кирке. Но по окончании сражения при Седгеморе сей злодей имел у вас убежище?

С и д н е й (*с благородною гордостию и несколько презрительным к нему видом*). Государь мой! Я уже вижу, что мне остается жить еще несколько часов, но и теперь не буду я ни подлецом, ни лжецом. Так, я был известен об его умысле и старался избавить герцога Монмута от поносной казни. Если б он остался победителем, я бы навсегда удалился из Англии, но когда он стал несчастлив, то я всегда думал о нем, как о своем друге.

К и р к е. Ну, если может быть еще для вас будет сделана милость, которую вы должны стараться не иным чем заслужить, как открытием военному совету всех своих сообщников, которые вам, конечно, известны.

С и д н е й. Я не преступник и не лжец. Но одно из сих название, неотменно, должен буду принять на себя, если буду ответствовать на вопрос ваш так, как вы требуете и желаете.

К и р к е. Сидней, смелость твоя меня удивляет, ни один узник не говаривал так перед своими судьями. Но что ты думаешь о его величестве короле Якове и о его министре Джефрейсе?

С и д н е й *(с досадою)*. Господин полковник! Делайте мне приговор.

К и р к е. Отвечай, я спрашиваю тебя именем короля.

С и д н е й. Вы хотите того? Извольте! Я почитаю моего государя, и охотнее бы жертвовал моею кровию за него, нежели пролить оную на эшафоте. Но когда фанатик сделан его министром и такой солдат, который бы казнил граждан и истинных патриотов отечества, когда (*с крайним презрением*) меч правосудия отдан в руки бесчеловечного Кирке, то он не достоин владеть Англиею.

К и р к е (*звонит, встает, и за ним весь военный совет, а потом ругательным тоном*). Пойдемте, государи мои, время уже обедать, сей бунтовщик должен умереть! Если бы он не был лорд *(с важностию)*, то б должен бы быть повешен. (*Совет военный уходит в его кабинет, а Сидней с тюремщиком в большие двери*).

Я в л е н и е 3-е[2]

Комната Энни

Э н н и (*Одна. Сидит перед портретом своего отца с потупленными и заплаканными глазами*). Лейтесь, слезы, лейтесь, приводите

[2] *Ошибка в нумерации.*

мне на мысль моего родителя, жертвовавшего своею жизнию несчастному отечеству, приводите мне на мысль того, кто обладает моим сердцем, добродетельнейшего и дражайшего моего Сиднея. О, Боже! Которого волю столь же почитаю, сколь чувствую и самое наказание. Еще ли мало стеснена была страданиями душа моя? Или я должна из пропасти мучения ощутить беспредельную радость, почувствовать услаждение благополучных дней и в сем мечтании провесть несколько минут, дабы, возбудясь от мечтания, видеть, как будет исчезать привидевшееся мгновенное блаженство? И имея чувства, объятые радостным восхищением, низверглась бы обратно в глубочайшую бездну мучения. (*Рыдая*) И чтоб каждый удар не утомляющейся природы почувствовать сугубым бременем. Милостивый Боже! Что сделала я перед моим рождением? Что? Когда и в самом младенчестве моем стремились на меня реки злосчастия? О, Сидней! Сию ли радость приготовляешь ты твоей Энни? Сей ли путь, покрытый цветами, по которому должны мы идти? О, любезный Сидней! Что будет с тобою? Добродетельная твоя душа хотя и вселяет в сердце мое усладительную надежду, что ты безопасен, но можно ли избавиться своею невинностию от гонения или несправедливости? Так, так, от сих двух страшных чудовищ зависит твоя судьба.

Явление 4-е

Энни и Виллиам *с письмом*

Виллиам. Это письмо к вам. Мне кажется, что оно от лорда Сиднея, затем, что его принес тюремщик из Довера.

Энни (*распечатывает письмо с превеликой радостию*). Ах! Он еще жив! Любезный мой Сидней. О Виллиам! Не говорит ли тебе чего-нибудь твое сердце? Скажи мне, Виллиам, увижусь ли я с ним еще? Исторгнет ли Бог сию невинную и беззлобную душу из окрововляющих когтей сих душегубцев? Или челюсти сих чудовищ обагрятся кровию единаго первого и последнего предмета моих желаний, кровию моего дражайшего? Что чувствует твое сердце, Виллиам? Я не могу изъяснить моих предчувствований. Страх и надежда объемлют меня попеременно. Но что я медлю? Прочту это письмо, в нем описана судьба дражайшего Сиднея. Судьба его сопряжена неразрывным союзом с моею (*читает*). «Дражайшая Энни, несчаст-

ная супруга!». Боже! (*продолжает читать*) «Твое предсказание исполнилось. Меня приговорили к определенной казни бунтовщика. Я должен умереть» (*Энни, которая при первом слове пришла в содрогание, упадает без чувств на руки Виллиама*).

В и л л и а м. Боже! Боже, умилосердись над нею! Помогите! Помогите! Полли!

П о л л и *(прибегает*). Боже мой! Что такое сделалось? *(испугавшись*) Она мертва. Можно ли ей помочь? Я побегу поскорее.

В и л л и а м. Нет! Подай только воды! Скорей! Это обморок! (*Полли убегает и вскоре опять приходит, оба стараются привести ее в чувство*).

Э н н и (*открывает глаза и упадает на колени*). Милостивый Боже и Создатель! Ты лишил меня удовольствия жизни сей. Молю тебя, услыши последний мой вопль! Да в сию жестокую минуту внезапно низринусь во гроб! До покроет смерть утомленные мои глаза ужасным своим покрывалом прежде, чем бесчеловечные лишат жизни дражайшего моего Сиднея, и да свободный мой дух спешит к блаженной тени моего любезного, вступившего уже может быть, в страны вечности, пусть спешит он в объятия той жены, которую ты не предопределил ему на сем свете. Удостой, удостой сего ангела в жилище вечного мира при источнике твоего блаженства, в моих объятиях в первый еще раз вкусить нектар небесного веселия. О, дражайший Сидней! Я уже забываю свирепость твоих убийц, целую уже с почтением десницу всесильного, почитая себя вечно соединенною с тобою в необозримом пространстве вечности, на лоне милосердого Бога. Виллиам, дай мне письмо стенающего в темнице моего любезного, дай мне его, я хочу его дочитать. Я сохраню его и на сей груди принесу в те места, где вторично увижу Сиднея.

В и л л и а м (*подает ей письмо*). Пожалуйте, не читайте его, не умножайте тем своей печали; вы уже и так себя изнурили, не прервите той слабой нити, которою душа ваша еще поддерживается.

Э н н и. Ах, если бы она прежде прервалася! Подай! (*Хочет читать, но не может, отдает письмо Виллиаму*). Глаза мне не служат. Докончи ты.

В и л л и а м (*пожимает плечами*). Вы приказываете (*читает*). «Твое предсказание исполнилось. Меня приговорили к казни, опре-

деленной бунтовщикам. Я должен умереть. Но умру добродетельным и тебя достойным. Так, Энни, я бы спокойно вошел на эшафот, с радостию и веселием о будущей жизни и с усмешкою бы предался сну смерти, когда б только твое страдание и твоя скорбь не поражала моей души. Но, Энни! Истреби печаль из сердца твоего, сотворенного только для одних веселостей и блаженства. Я буду твоим предшественником. Дух мой будет ожидать тебя там, где не знают ненависти гонения и гнусных страстей, там, любезная Энни, где страдавший в сей жизни дух покоится в вечной радости, где самый тленый наружный вид в недрах земли пребудет до приведения онаго в совершенство. Там будет покоиться дух мой. Я писал к любезному моему другу лорду Монтрозу и просил его, чтоб он утешал тебя. Отец его был другом твоему родителю. Сей почтенный и достойный имени истинного патриота муж с радостию будет стараться тебе помочь. Прости, Энни! Полковник Кирке, мой гонитель и мой судья, он ускоряет свершить казнь мою. Жить остается мне несколько часов, мне должно ими пользоваться. Я буду приуготовлять себя к переселению, и каждая минута, которая мне еще остается, должна быть посвящена тебе, обожаемая мною. Прости, Энни! Вечно прости! Сидней».

Э н н и (*до конца письма была одержима отчаянием и скорбью, потом встает с решительным видом*). Вели заложить карету (*Вилиам уходит*).

Явление 5-е

Э н н и, *одна*

Э н н и. Кирке его судья? Сколь ни свирепа его душа, но он еще человек. О! Я склоню его сердце, склоню, хотя бы оно было крепче камней, приведенных в движение Орфеевою песнию. Или скорбь моя и заключение дражайшего Сиднея не сильны будут придать языку моему убеждений красноречия, дабы сердце сего тирана тронуть к состраданию? Если ж горесть моя не будет в сем успешна, то отчаянием и яростью будет принуждено смягчиться зверское его вероломство, потом горькие слезы, проливающиеся из глаз стенящей Энни и живое представление красоты и превосходства Сиднеева подвигнут к состраданию безжалостную его душу. Он меня простит! Простит!

Явление 6-е

Энни и Виллиам

Виллиам. Карета подана.

Энни. Ты поезжай со мною. Молись о любезном моем Сиднее! А ты, о, бесконечный и милосердный Боже! Подай силу словам моим к убеждению сего изверга! Будь мой помощник! Мой избавитель! (*уходит, и Виллиам за нею).*

Явление 7-е

Комната полковника Кирке

Кирке *(в задумчивости сидит в креслах*). Не знаю, привидение ли добродетели или напоминовение вечности и глупые насмешки лорда Монтроза встревожили мою душу? Но неужели в самом деле женская слабость должна ею обладать? Отчего в первый еще раз такое терзание? Отчего сие угрызение совести? (*в задумчивости*) Правда, он должен быть извинен! Я бы на его месте другого нимало не тронул и ниже бы о том подумал. Но нет, сей добродетельный и набожный побродяга есть змея, лежащая пред моими и Джефрейсовыми ногами. Она должна быть подавлена и истреблена прежде, нежели сберет свой яд и уязвит своим жалом мою пяту. Так! Ха-ха-ха! Посмотрим, как будет он защищаться своею добродетелию завтра, когда узнает ложное свое мнение, и когда, пробудясь от сна, будет принужден оставить слабое свое мужество, как будет уже на третьей станции вне света! Ха-ха-ха! Там вспомнит он о моем приговоре. Я извинюсь ему в то время худою своею памятью. И в то-то время я должен буду перенесть стон небес и ада, ангелов и дьяволов, все должен я буду, должен перенесть. Ха-ха-ха! Мне и гораздо должно себя поберечь, чтобы набожная его капля слез не совлекла меня в преисподнюю. При всем том, однако ж, безрассудный этот меня гораздо осторожнее, что не попадается в мои сети, сплетенные мною довольно искусно. Но что ж? Я еще не отчаиваюсь. Я буду торжествовать! И ты от меня, конечно, не скроешься, я тебя погублю. (*Садится писать и опять в беспокойстве удерживается*). Но что меня удерживает окончить мое намерение? Гм! Гм! Что ж бы во мне так действовало? Как, хотя бы то и происходило от воображения вечной жизни, страшного суда и неизбежной вечности? Хотя бы… Прочь! Прочь удалитесь от меня воображения!

Они тернии на пути, по которому я идти должен, и кто б то ни был, препятствующий мне на пути к счастию, должен быть жертвою разгневанному моему честолюбию. Хотя бы то был мой брат, мой друг, для меня все равно (*Ходит в ярости взад и вперед*). Как стоял этот мальчишка передо мною! С какою дерзостию защищал он свою вину! С каким хладнокровием ругал он короля, меня и Джефрейса! Приими же теперь, молокосос, плоды твоего упорства и твоего презрения. Умри! (*Со свирепостию садится писать*).

Явление 8-е

Кирке и Энни

Энни (*За кулисами*). Пустите меня! Пустите! Мне должно с ним говорить. Дело касается до Сиднея, моего супруга (*в отчаянии упадает к его ногам, от горести не могши дышать, обмывает его колени слезами и говорит, рыдая*). Милорд! Вы осудили к смерти лорда Сиднея! Милорд! Он ни в чем не винен! Он добродетелен! Он мой супруг!.. Сжальтесь!.. Простите!.. Простите моего любезного Сиднея! (*орошает его руки слезами, в ожидании на него смотрит*).

Кирке. Какая миленькая птичка! Она очень приманчива! Я буду очень глуп, если из рук своих ее выпущу.(*С влюбленным видом к Энни*) Правда, ангел мой! Я один, от которого зависит судьба его. Жизнь твоего супруга в моих руках. Но, красавица моя, если я склонюсь на твою сторону? Если судьбу его отдам в твою волю? Если… Если я его тебе опять возвращу?.. Тогда…

Энни (*с поспешностью перебивает его речь, обрадовавшись*). Если вы мне его возвратите…О, Боже! Когда бы я вторично имела его в своих объятиях, тогда бы… О, милорд! Тогда были бы вы справедливы пред небом, а предо мною великодушнейшим в свете. Тогда бы, милорд, благодарные мои слезы орошали ваши руки. Тогда бы я до конца дней моих ежедневно возсылала усердные молитвы о вас и ненарушимом благополучии вашего дому. Тогда бы по Сиднею первые вы занимали место в моем сердце.

Кирке (*в сторону*) О! Если так, то мы и согласны. (*К Энни*) Ну, красноречивая моя красавица! (*поднимает ее, просит садиться и обнимает ее одною рукою*). Тебе хочется, чтоб я освободил твоего мужа, ведь это нелегко сделать. Ну, однако ж, если я его возвращу, то за какую цену?

Э н н и (*которая, закрасневшись, отодвигает немного стул, но Кирке к ней на стуле подвигается, и между тем, как он страстно ее обнимает*). Милорд! (*просит его*).

К и р к е (*обнимая ее*). Как, моя красавица! Преступник будет наслаждаться такими прелестьми? Эта белая и нежная грудь достанется бунтовщику?

Э н н и. Сидней бунтовщик! Боже! Нет, Сидней не преступник! Но милорд! Хотя бы он и был (*с ласкательным видом*), окажите ему свою милость, о которой я вас теперь прошу.

К и р к е. Миленькая! Как приятно любовные ее взгляды считать своими! Но за какую же цену?

Э н н и. Боже мой! Чем может наградить королевских министров за освобождение Сиднея бедная и несчастная Энни, которая от родителей своих получила в наследство одни только бедствия, гонение и убожество? О, милорд! Хотя бы я была обладательницею целого света, то унизила бы добродетель и почла в обиду добродетельным мужьям, если б отважилась подкупить их большею наградою.

К и р к е. Красавица моя! Ты имеешь у себя такое сокровище, которое я почитаю превосходнейшим всех милостей владетелей и драгоценнейшим всех сокровищ целого востока. Эти глазки, эти розовенькие губки, эта беленькая и пухленькая грудь… Ах! Если б мог я надеяться, если б…

Э н н и (*с презрением, встав*). Варвар! Я тебя понимаю! В моем стыде ищешь ты награды за ненавистную твою милость. Хочешь смягчиться злодеянием, а осквернением брачного ложа быть справедливым! Хочешь новым злодейством сделать покров, который бы, ослепив свет, покрыл прежние твои бесстыдства.

К и р к е (*хочет ее обнять*). Богинька моя! Как приятен для меня и самый твой гнев.

Э н н и (*отталкивая его от себя, говорит с большою яростию*). Прочь! Прочь, недостойный! Изверг человеческого рода! Я лучше соглашусь быть несчастною, нежели быть достойною наказания. С первого моего взгляду почувствовала я отвращение от низкой и черной твоей души. Какой стыд! Поверглась к ногам сего чудовища, омыла моими слезами руки сего изверга. Мерзкое твое перед Богом и перед людьми предложение доказывает мне совершенно невинность любезного моего Сиднея. Держи его, проклятый, в окровавляющих своих когтях, терзай его! Омойся, мучитель, кровию непо-

винного! Дай насытиться алчущему твоему взору, смотря без малейшей жалости на неизобразимую горесть рыдающей жены! Если крови Сиднея недовольно будет к обагрению тиранского твоего дому, то пусть и моя кровь соединится с ручьями его крови! Услаждай взор твой последним содроганием умирающих наших членов! Увеселяй слух свой стоном и воплем умерщвляемых тобою англичан до тех пор, пока рекою пролитой крови не снесен будешь в ад, извергнувший тебя на свет сей! (*С внезапным удивлением*). Ах! Не мой ли это любезный Сидней? Смотри, какое имеет он исполненное радости и веселия лицо? Смотри, смотри! Как умирающие его глаза, в последний раз закрываясь, соглашаются на прощение своих убийц. Ах, не чувствуешь ли ты сего тихого зефира? Как он медлит чистую его душу перенесть в жилище покоя. (*С великим криком, содрагаясь*). Боже! Он умирает! (*приходит в себя*). Сиднею умереть? Умереть? (*Опять упадает к ногам Кирке*). Милорд! Смотри на меня, вторично лежащую у твоих ног. Если сердце твое не совсем еще окаменело, если хотя малейшая искра сострадания скрывается в твоей душе, то возврати мне моего Сиднея, сию жертву добродетели; почувствуй от того в первый раз в жизни твое благородное удовольствие великодушного поступка; возврати в объятия стенящей Энни, возврати мне мое благополучие! Моего супруга! Отдай мне его вторично, чтобы я могла просить нестесненным сердцем Бога о всегдашнем тебе благословении! О, милорд! Милорд! (*слезы препятствуют ей говорить*).

К и р к е. Нет, сударыня! Ни твое рыдание, ни бешенство и проклятия всех женщин не в состоянии принудить меня пожертвовать предрассуждению моим благополучием! В этот вечер должно мне быть счастливейшим человеком или тебе не видать более супруга. (*Ласкаясь*) Снисходя нежности твоих прелестей, приду я к тебе сам, и в твоем доме, ангел мой, повергнусь пред тобою. Сего дни в вечеру я непременно буду в твоем доме и открою тебе пылающую мою любовь. Приду к тебе один, без всякой свиты. И когда не найдя ни малого к тому препятствия, то Сидней будет помилован, и ты получишь своего супруга, а ежели не так, то трепещи!

Э н н и. Нет, жестокий варвар! Нет, убийца! Тиран, превосходящий всех тиранов своею свирепостию! Не думай, чтоб зверский твой голос мог привесть меня в трепет! Нет, варвар! Мой дух нимало не страшится угроз твоих. Совершай свое злодейство и погрузись

в гнусных своих пороках до последней минуты, когда отверзнется на тебя ад! Умерщвляй его и поглоти страшным своим зевом его добродетель! Или, если ты хочешь, то вместо его и я охотно взойду на эшафот! Ты увидишь во мне не менее, как и в Сиднее, с какою гордостию невинность взирает на своих злодеев. Супруга Сиднея страшится только Бога и поношения, но не меча тирана.

К и р к е (*с злобною шуткою*). Обожаемая мною фурийка! Нынче в вечеру ты увидишь, довольно ли я буду великодушен простить тебя за твои слова. (*С уверением*) Нынче в вечеру, нынче в вечеру (*хочет идти*).

Э н н и (*заступает ему дорогу*). И так останься извергом человечества! Бичем своих соотечественников. Будь в слепоте по конец дней твоих! Когда потом спадет покрывающая глаза твои завеса, когда торжествующие предвестники ада с страшным шумом приближатся к твоему одру, когда в то время почувствуешь ты весь ужас осуждения, сойдешь в страну проклятия, и прежде, нежели коснешься огненной пропасти, с содроганием стоять будешь на том берегу, где вечная тьма покроет твои глаза. Когда в сей мрачности ничего более представляться тебе не будет, как одни только изображения твоих бесстыдств и в некотором отдалении внесенное в книгу судеб число твоих преступлений, ввергнувших тебя в вечное мучение, когда в сие время проснется совесть твоя и ты падешь в мщение ада, когда с радостным неистовством всех фурий начнется твое мучение (*со слезами*), тогда вспомни ты о слезах Сиднея и Энни (*в ярости, убегает*).

К и р к е (*стоит несколько минут, как окаменелый, и потом*). Хорошо, очень хорошо, что она ушла! Я думаю, что эта глупенькая сделала бы меня наконец суеверным. (*Легкомысленно*) Ну, погоди немного, моя красавица, сегодня в вечеру ты мне должна простить! Ха-ха-ха! Сегодня в вечеру. Ха-ха-ха! (*уходит*).

Явление 9-е

Комната лорда Монтроза.

М о н т р о з и л о р д Л и л л и *(входят)*

М о н т р о з (*в великой радости*). Пожалуйте сюда! Вот вам милостивое решение. Я застал короля в тот час, в которой он, по моему

мнению, впервые склонен был к состраданию. Я рассказал ему всю вашу историю, также и то, каким образом избегли вы смертной казни, и когда я увидел, что в глазах его появились слезы, то отважился даже и то открыть, что отец мой доставил вам ту свободу. Сначала объявил я ему только, что вы еще живы и охотно желаете оставшиеся дни жизни вашей провести в своем отечестве под его покровительством и что в таковой его милости вы нимало не сомневаетесь.

Л и л л и. Так. Это, конечно, ему польстило!

М о н т р о з. Правда, для него это лестно. Но для него еще было лестнее, когда я, получа от него милость на мою просьбу, сказал, что вы, надеясь на его правосудие, уже здесь и, единственно от дорожного беспокойства, не можете так скоро приближиться к его трону.

Л и л л и (*с чувствительностью обнимает Монтроза*). Прими мои благодарные слезы, сие неложное доказательство моего чувствительного сердца, тронутого твоим благодеянием. Язык мой не силен изъявить того, что моя душа в сию благополучную минуту моей жизни чувствует, благодеяние твое пребудет вечно в моем сердце и благодарность незагладимая…

М о н т р о з (*прерывая его речь*). Пожалуйте, не описывайте мне вашу душу, я ее знаю. Успокойтесь и посвятите остаток дней ваших всем радостям. Завтрашний день увидите вы меня столь же благодарным и равномерно тронутым, когда я буду изъяснять мою признательность и благодарность. Так, почтенный лорд, мой отец спас вашу жизнь, а завтра вы спасете мою. Завтра должны вы защитить жизнь моего друга, благороднейшего англичанина, и прекратить отчаяние вашей любезной дочери.

Л и л л и. Моей дочери? Так она еще жива? И вам известно ее жилище и ее состояние? Ах! Милорд, для чего я еще не в ее объятиях? О, радостный вестник моего благополучия оставшихся дней моих! Отвези меня к ней. (*Вдруг приходит от радости в короткое размышление*). Скажи мне, могу ли я иметь сию радость? Добродетельна ли она? И…

М о н т р о з. С одной стороны, вы счастливейший отец… но…

Л и л л и. Но… Что такое — но? Вы хотели сказать о несчастии. Может ли добродетель быть несчастлива?

М о н т р о з. За несколько пред сим я имел столь же малое сведение о вашей дочери, как и вы, но это письмо несчастного моего друга дало мне навсегда совершенное об ней понятие. Выслушайте: «Монтроз! Участник благополучных дней моих! Одно только воспоминовение дражайшего твоего ко мне дружества облегчает мою скорбь. Знай, что я признан защитником Монмута, и по нескольких часах я уже не буду жив. Возьми мои векселя и бриллианты, которые сберег верный мой слуга, он тебе их вручит; а ты отдай их безутешной моей супруге, которая вчерашнего дня, не могши более скрывать давно тайную ею от меня любовь, предалась простертым моим объятиям и признанием своей непорочной любви соделала меня счастливейшим человеком пред тем самым временем, как из ее объятий повели меня, наподобие пленника, в Довер. Я любил ее три года, удивлялся ее добродетели, и любил ее, не зная, чья она дочь. Но вчерась открылась она мне, что она дочь умершего на эшафоте лорда Лилли. Будь ты ей помощником и утешителем, когда уже более меня не станет. О, Боже! Как рвется сердце мое, чтобы с тобою проститься в последний раз! Но когда уже злобный рок и стенящей моей супруге заграждает вход к последнему объятию, то могу ли я надеяться, чтоб не было возбранено в том моему другу. Я умираю спокоен, уверен будучи совершенно, что супруга моя будет иметь себе в твоем дружестве вечное утешение. Прости, любезный друг! Прости, прости навек! Сидней!»

Л и л л и. Несчастный Сидней! Любезный мой сын! Пойдем, мой друг, поспешим в объятия плачущей моей дочери. Радость увидеть отца, почитаемого уже мертвым, и который был столь долгое время ею оплакиваем, без сомнения, облегчит скорбь ее. Пойдем.

М о н т р о з. Теперь еще не время, потерпите немного. Я бы и сам не мог столь долго терпеть, если б не имел чего-нибудь большего, нежели одну только надежду, и если б я не знал, что друг мой будет от казни освобожден и возвратится в объятия вашей дочери. (*В восхищении*) О, приятное воображение! Так, любезный друг, завтра возвратим мы твоей дочери ее любовника. Как скоро я открыл, каким образом отец мой испросил вам милость у Кромвеля в тайном Совете и каким образом помощию доверского офицера вымышленною вашею смертию ваших неприятелей ослепил и успокоил, тогда король с удивлением сказал: Конечно, он достойной человек, когда

друзья его столько на себя предприимали. Завтра представьте мне его: я хочу его видеть.

Л и л л и *(вне себя)* Ах! Пойдемте сегодня! Пойдемте прежде, нежели ваш друг, а мой любезный сын, будет окровавлен! Ускорим нашим приходом! Я приближусь к его трону дрожащими стопами, как безутешный отец, прерывающимся старости голосом и слезами моими смягчу его душу, повергну пред ним чело мое, покрытое сединою, и буду лежать до тех пор у ног, пока он выслушает меня, пока не возвратит мне друга Монтроза и любезного моей дочери.

М о н т р о з. Это не очень хорошо. Прежде, нежели приступить к государю, должен я упросить всех моих друзей, как истинных, так и ложных, чтобы они поддерживали у короля нашу просьбу. Невозможно тогда употребить всей осторожности, когда доходит до того, чтоб преодолеть сильных неприятелей и тронуть сердце закосневшего в нечувствительности монарха. (*Звонит, входит слуга*). Вели подвезти карету. (*Лакей уходит, а он продолжает к Лилли*). Успокойтесь на несколько времени, и когда окончу я это дело, то мы пойдем к страдающей вашей дочери. А вы до тех пор представляйте друга отца ее, затем, что нечаянная перемена скорбнейшей печали в чрезвычайную радость может ей быть смертельною. (*Слуга входит*).

С л у г а. Карета ваша подвезена. (*Уходит*).

Л и л л и (*при выходе Монтроза*). Бог да благословит твои предприятия!

Я в л е н и е 10-е

Спальня Энни в беспорядке. П о л л и

П о л л и (*Одна. Убирает комнату, берет склянку с лекарством*). Так! Это должно быть сонным напитком, и однако ж при всем том я сомневаюсь, что бедная Энни едва ли будет и сегодня спать спокойно. (*Ставит склянку на уборный столик*). Он ей редко помогает. (*Шутливо*). Я с моей стороны никогда его не употребляю, и госпожа моя может то засвидетельствовать: она об охоте моей к сну столь же уверена, как и я о худом действии ее лекарства. Я слышу, кто-то сюда идет. Конечно, несчастная моя госпожа. Дай Бог, чтоб я ее теперь увидела в лучшем состоянии и хотя несколько веселее давишнего! Так, это она.

Явление 11-е

Энни, Виллиам и Полли

Э н н и (*с растрепанными волосами, утомленная и обессиленная, в глубоких вздохах, вводится Виллиамом*). Я здесь, и отчаяние мое со мною. *(Полли приближается к ней робко и боязливо*). Сожалей о мне, Полли! Сожалей об нем! Он должен умереть… Умереть! (*Заплакав*). Такой муж, которому и бессмертие была бы малая награда! Увы! Я призывала всех себе на помощь, и от монарха до самого последнего, приближающегося к его трону, не было ни у кого отверстого сердца к моим жалобам и моим вздохам. Они все остались тиграми… Все, все!... И самая последняя моя просьба не могла их тронуть. Увы, Полли! Мне льстила усладительная мысль, (*с прискорбием*) я хотела прижать его к моей груди, держать несколько минут в объятиях, и… Боже мой, и то мне возбранено! Умереть в сих объятиях. (*Упадает на креслы и потом к Виллиаму и Полли*) Оставьте меня одну! (*Полли отходит, однако ж останавливается у дверей нерешимою*).

В и л л и а м. Сделайте милость, сударыня, не предавайтесь вашей скорби; позвольте мне здесь остаться, мне несносно оставить вас в теперешнем положении, я носил вас в младенчестве вашем на моих руках…

Э н н и. Оставь меня, любезный Виллиам, мне надобен покой.

В и л л и а м (*пожимает плечами и идет тихо и в задумчивости, говорит сам с собою*). Покой… Ах! (*К Полли*). Любезная Полли, нам не должно от нее отходить далеко, ее отчаяние весьма опасно (*уходит*).

Явление 12-е

Э н н и (*одна)*. Вечный Боже! Нет, не ты распростер надо мною сию чрезмерную горесть. Нет, ты, без сомнения, источник всякого блага, и благо сие изливается щедрою рукою на смертных, сотворенных тобою. И я, несчастнейшая супруга, сие несомненное уверение чувствую в оскорбленной моей душе. Сидней умрет, и с ним добродетель. Боже! Если душа моя непорочна, если добродетель моя погрузится в гроб со мною, предускори принять меня под твою десницу! Избавь меня прекращением дней моих от бесчестия, которому бы я, может быть, подвергнулась для свободы Сиднея. (*Долгое время в размышлении*). Нет! Для него только, для одного любез-

ного моего Сиднея бьется сие сердце. Если уже и тебя не станет больше, и я, несчастная, буду еще жива после твоей смерти, и то никто не займет сего сердца, хотя бы он был и тебе подобен! (*Вдруг встает с ужасом*) Увы! Он уже спорит там с своими мучителями! Как он терзается! Ах, дражайший Сидней! Скрепись! Преодолей! О, бедствие! О, злое несчастие! Он повергается уже на землю! Смертная бледность покрывает лицо его! С каким неистовством его мучат! Испуская последние вздохи, просит он милости! Вон стоит его судья Кирке, неумолимый! Увы, он дает уже знак (*Распростерши руки, с великим криком*) Сидней! Сидней! Ах! Он меня видит, зовет меня и просит моей помощи! (*с великим содроганием*) Увы! Свирепый совершитель казни уже исторгает свой меч! (*с великим криком и распростертыми руками выступает несколько шагов вперед*). Постой! Сжалься! Удержись, тиран. (*Упадая на колени*) Удержись! Я тебе жертвую! (*При сем последнем слове встает вдруг и хочет вскорости уйти, но бессильно упадает на руки Полли, которая вместе с Виллиамом прибежала, и в таком положении пребывает несколько времени*).

Явление 13-е

Энни, Виллиам и Полли

Полли (*поддерживая Энни*). Виллиам! Что с нею сделалось?

Виллиам. Чувства ее ослабели. О, Боже! Скорбь ею совсем овладела.

Энни (*успокоясь*). Где я?.. Где он?.. Ах! Виллиам, видел ли ты его? Или его уже нет?..

Виллиам. Кого, сударыня? Успокойтесь, здесь никого не было, кроме Полли и меня.

Энни. Так! Мой Сидней. (*Печально*) Где он? Увы! Это было одно привидение, страшное и приятное (*Сидит малое время в задумчивости*). Но не могла бы я его спасти? И может ли опорочить душу мою принятое мною в сей крайности средство? Может ли силою извлеченное беззаконие остаться вечно достойным мщения небес преступлением? Не будет ли окровавленная тень его преследовать меня на всяком месте? При воспоминании дражайшего его имени не будет ли угрызаема совесть моя, и сон, долженствующий приводить в забвение все мои горести, не будет ли прерываем ужасными мечтаниями? Так, я тебя избавлю! Виллиам, сойди вниз,

не запирай дверей и не отказывай никому, я ожидаю в сию ночь известие о моем Сиднее. (*Виллиам уходит*). Теперь я засну, чтоб не так распознать чудовища, и дабы предприятие мое было непоколебимо, Полли, подай мне обыкновенный мой сонный напиток.

П о л л и (*подает ей склянку и чашку*).

Э н н и (*наливая*). Сегодня должно мне положить вдвое больше. Так, я тебя избавлю! Я тебя освобожу! И умру, если не перенесу стыда! Ты останешься жив и когда-нибудь, вспомня обо мне, прольешь слезы (*Встает и ложится на кровать, потом, через минуту, засыпая*) О! Если б сон сей был мне сном вечным! (*Засыпает, и Полли уходит*).

Явление 14-е

Монтроз, Лилли и Виллиам

В и л л и а м (*Дает им знать, чтоб они шли тише*). Говорят, что она почивает. Ах! Ей нужен покой! Правда, она охотно бы променяла спокойствие на то известие, которое вы ей хотите сказать, но пожалуйте, не прерывайте ее сна; она очень обеспокоена… Завтра, милорд, завтра…

М о н т р о з. Хорошо, Виллиам, пойдемте. Нам не должно ее беспокоить.

Л и л л и. Преодолею себя, если так должно! (*Подходя к ней*). Но дайте мне хоть посмотреть на нее и удовольствовать слабые мои глаза, посмотря на ту, которую я столь долго не видал. Как она лежит, невинная! Как ясно изображается скорбь на лице ее.

М о н т р о з. Пойдемте! (*Почти сильно оттягивает его*).

Л и л л и (*К Виллиаму*). Завтра, завтра придем мы прежде, нежели она проснется. Прощай, мой друг!

Действие третье

Явление 1-е

Театр представляет тюрьму. Утро

С и д н е й (*спит, потом, проснувшись*). Благодетельная Природа! Благодарю тебя за усладительный сон! В дни счастия едва ли наслаждался я столь приятным спокойствием, все мои лета проте-

кли как часы, часы же в ожидании поносной смерти пролетели мгновенно. Но преселение в жилище блаженных будет еще скоротечнее. Одна ты только, Энни, ты, которая остаешься в неблагодарном свете, в запутанности порочных… Ты только одна производишь во мне смертную скорбь. Пройдут ли так же неприметно и скоротечно и твои горестные дни… Нет! Они не будут для тебя минутным чувствованием. День будет для тебя продолжительною вечностию, а минута целым веком. Дни твои будут для тебя тягчайшим бременем, под которым добродетельная душа всегда будет испускать горестные вздохи. С каким мучением рвется она теперь, трепещущая голубица, в когтях отчаянного сетования. О, спеши, спеши пройти последний час несносной для меня жизни, извлеки дух мой из сего тела, его обременяющего! Пусть он, прелетев в блаженные поля неизмеримого пространства, приспеет к утешению погруженной в слезах моей любезной. Пусть он невидимо подкрепит душу ее к пренесению той горести, в которую ввергнул ее жребий мой. Пусть он, приняв когда-нибудь исходящий ее дух и соединясь с оным, поспешит обратно к престолу Бесконечного! (*Колокол бьет три раза*). Се глас смерти! Глас ее зовет меня к продолжительному и прохладному успокоению. Скрепись, душа моя! И не содрогайся от воображения смерти!

Явление 2-е

Сидней и офицер

Офицер. Вас ожидают.

Сидней. Тотчас! (*Становится на колени и, проведши малое время в безмолвной молитве, встает с решительным* видом). Боже! (*Выходя*) Боже! Помоги мне! (*Уходят*).

Явление 3-е

Комната Энни. Энни и Полли

(*Энни сидит в беспорядке в креслах, Полли стоит возле нее)*

Энни (*слабым голосом*). Нет, Полли, разве только вечный сон меня успокоит. Как долга была для меня эта ночь! Усилие мое было бесполезно. Я хотела заснуть. Заснуть? Умереть хотела я. Если ты при мне была, Полли, не был ли здесь какой незнакомый? Скажи… нет… не умертви меня… Желаю и страшусь от тебя узнать истину.

П о л л и. Я все при вас была, сударыня, и здесь никого не было.

Э н н и. Не обманывай меня, Полли.

П о л л и. Вы во всю ночь, сударыня, глаз не закрывали, вы бы могли увидеть.

Э н н и. Видеть! Ах! Полли, могла ли бы я после того жить хотя одну минуту. Боже! Ты, которого десница покрывала меня с самого моего рождения, охрани несчастную Энни, которую чрезмерная страсть подвергла было беззаконию, которую временная страсть… временная! Но временную ли любовь чувствую я в моем сердце. Нет, вечную, вечную и непорочную любовь! Может ли же непорочная любовь быть временною? Нет. Она добродетель и должна быть так же бессмертна, как и моя душа. Если смерть не приведет к забвению ощущаемого нами здесь, то души, питающие любовь, и по преселении своем, там, любезный Сидней, наслаждаясь тихим спокойствием, соединимся мы с тобою к прославлению творца своего. Боже! Ты, сотворяя смертных, влиял в сердца их чувствуемую тобою к ним любовь, сию небесную добродетель. Тебе угодно было влиять ее в сердце Сиднея и Энни, не дай злобному ухищрению погасить огня сего, подкрепи, чтоб слабое творение, не могши более противиться чрезмерной горести, для сбережения сердца, пылающего с ним одним пламенем, для ощущения временного услаждения, не сделалось достойным вечного угрызения и муки, вместо чаемого покоя и радости возмездия за претерпеваемые нами испытания в сей жизни. Порази злодея сего на пагубном его пути, ниспослав Ангела-избавителя (*Упадает в бессилии на землю. Полли, подняв ее, сажает в беспамятстве в креслы*).

П о л л и (*сквозь слезы*). Боже мой! Что с нею будет? Виллиам еще не идет. Ах, как упрям этот старик при всем своем добродушии! Так и не утерпел, побежал, оставя меня одное. Я не знаю, что мне делать! Боже избави, если он долго не придет.

Э н н и (*опомнившись, с веселым спокойствием*). Что, бедная Полли, ты не весела? Чем ты печалишься?

П о л л и. Можно ли, сударыня, глядя на вас, не плакать?

Э н н и. Разве я тебе жалка кажусь, Полли? Скажи мне, отчего?

П о л л и. Ах, сударыня, вы так изнурили себя.

Э н н и. Скажешь мне, Полли, чем? Разве не примечаешь ли ты во мне какой особливой перемены?

П о л л и. Нет, сударыня, теперь слава Богу.

Э н н и. Да, я чувствую, что мне гораздо прежнего лучше. Я весела и здорова, только еще чувствую в себе некоторую слабость. (*Увидя Виллиама, тихо вошедшего, у которого на глазах слезы*) И ты, Виллиам, здесь? (*Виллиам подходит к ней ближе, силясь удержать тайну*). Ты о чем-то плакал? Или еще на меня глядя плакать хочешь? (*Виллиам хочет говорить*). Вижу, вижу, слезы твои мне говорят. Ты жалеешь обо мне. Что ж делать? (*Виллиам хочет говорить, но слезы ему препятствуют*). Ты что-то хочешь мне сказать? Говори, Виллиам, не бойся ничего. Радость или печаль ты мне сказать хочешь, все равно. Не думай меня чем-нибудь еще поразить. Нечаянность для того только страшна и опасна, кто ничего не ожидает, а я всего надеюсь. Собрав последние силы, я просила милосердного Бога и надеюсь, что он меня услышал, и хотя еще чем-нибудь накажет в сей жизни, но скоро исполнит просьбу мою. Я теперь равнодушна. Сердце мое от множества чрезмерных мучений тверже камня: ни радость, ни печаль его не тронет. Говори, Виллиам, говори.

В и л л и а м (*плача сквозь радость*). Извольте (*слезы мешаю ему говорить*).

Э н н и. Говори, не опасайся чем-нибудь меня еще огорчить; слезы твои меня предупредили.

В и л л и а м (*в сторону*). Нет, он ей не велел открывать. (*Энни)* Вас желает видеть (*с принуждением*) чужестранец.

Э н н и. Чужестранец! Пускай войдет. Ну, видишь, Виллиам, я тверда!

В и л л и а м. Дай Бог, чтоб вы, его увидя, были столь же тверды (*уходит*).

Я в л е н и е 3-е

Э н н и и П о л л и

Э н н и. Дай Бог, чтоб вы, и его увидя, были столь же тверды! Что значат эти слова? Но что бы они ни значили, я должна видеть этого чужестранца. Слезы его, робость… Я не знаю, что я должна думать. Полли, поди приведи его поскорее. Сердце мое новым каким-то чувством наполняется, но если это он! (*Виллиам и Лилли входят тихо*).

Явление 4-е

Прежние, Лилли, Виллиам и Полли

Виллиам. Бога ради, осторожнее, сударь, с нею говорите.

Лилли. Знаю, друг мой, знаю. Боже, подкрепи меня. (*Подходит к Энни, смотрит на нее с горестною нежностию*).

Энни (*увидя Лилли*). Как вдруг у меня сердце обмерло! Какое-то новое чувствование родилось. Скажи мне, Виллиам, что принес с собою этот чужестранец?

Лилли. Благословение вашего родителя и желание, чтоб вы всегда были благополучны.

Энни (*прерывает*). Благословение моего родителя? Где он? Неужели он еще жив? Ах! Что удерживает его известить о том несчастную свою Энни, которая сегодня бы, может быть, впоследние облобызала бы его чело и руки.

Лилли. Впоследние? (*в сторону*) Что я слышу?

Энни. Энни не может более страдать под бременем угнетающих ее несчастий. Небо сжалится над ее невинностию и прекратит дни ее. Она лишилась тех, для которых жизнь ей дорога была. Отец и супруг похищены уже злобою и насилием, нет больше ничего для нее на свете. Слабость ее души подкрепляет только непорочность и добродетель.

Лилли. Лилли! Вот то, что ты найти желал.

Энни. Где теперь мой супруг? Что с ним будет? Где родитель мой? Ах! Думает ли он найти бедную Энни в таком горестном и мучительном страдании? И что скажет он?

Лилли (*с радостною гордостию*). Лорд Лилли! Вот дочь твоя!

Энни. Я вижу его пред собою. Черты лица его мне неизвестны. Боже мой! Он желает и страшится мне себя открыть. Так, он ищет меня. Где моя Энни? Где дочь моя, которую я давал бунтующему народу в залог моей верности к отечеству и государю и которую я ни по чему более не могу узнать, как по одной только душе? Ах! Я его больше не вижу! Родитель мой, не страшись узнать твоей Энни, она соблюла непорочность своего сердца и добродетель, достойную души твоей, приди, извлеки ее из ужасной бездны, в которую стремится ее низвергнуть злоухищрение и злоба. Защити против насилия невинную душу. Ах! Если б ты был, то бы Энни не рвалась и не страдала горестию и отчаянием. Родитель мой, где ты, где?

Л и л л и. Здесь, дочь моя, обними своего отца (*Энни бросается в его объятия. Оба пребывают в молчании несколько времени*).

Э н н и. Родитель мой!

Л и л л и. Дочь моя!

Э н н и. Небо услышало мольбу мою.

Л и л л и. Энни! Дражайшая моя дочь! Едина отрасль лорда Лилли, жертвовавшего тобою своему государю и представлявшего тебя залогом любви к своему отечеству, тебя ли я обнимаю?

Э н н и. Так, родитель мой, так. Эти руки держали меня перед жестоким народом, их целовала я тогда, и теперь их же орошаю радостными моими слезами.

Л и л л и. Благодарю Бога, что он не лишил меня последнего утешения, жизнь моя протекла в несчастиях, но, нашед ту, для которой только она мне была драгоценна, и нашед столько добродетельною, предаю забвению все и почитаю старость свою блаженною. Любезная дочь, в объятиях твоих проведу я остатки жизни моей. Будь спокойна; Кромвелевы единомышленники все истребились, и я надеюсь опять быть счастливым. Лорд Монтроз, друг мой, испросил мне у короля милость, и я теперь под его покровительством. Но, не соверша твоего благополучия, я быть не могу спокоен. Я знаю, что лорд Сидней…

Э н н и. Ах! Он приговорен к смерти.

Л и л л и. Лорд Монтроз имеет ему письменное прощение от короля. Он поехал просить Кирке.

Э н н и (*прерывает его речь, содрогнувшись, услышав имя Кирке*). Какое имя произнесли вы! Этот бесчеловечный, этот варвар, этот тиран… простите мне… Я его просила… Боже! Ты видел, как стенала перед ним Энни, ты видел внутренность гнусного его сердца. Я просила сего аспида, зияющего на добродетель ядовитою хитростию, я проливала ручьи горьких слез, прося освободить невинного Сиднея. Цены требовал изверг сей за его освобождение, цены, которую находил он в моей невинности. Ужас и презрение были ему ответом на его предложение. Исполнение смертного приговора желала я тогда над собою видеть. Жалобы и слезы, орудие бессильных, были последнее мое, но тщетное, усилие тронуть сего мучителя. Глух был он к моим стенаниям, слеп к моему отчаянию, нем на мои клятвы и нечувствителен к моим вздохам. Тартар, представленный мною перед глаза его со всеми ужасами, которым он под-

вергнется за свои злодеяния, тартар не мог устрашить его. Где оставалось искать помощи? К кому оставленная всеми Энни прибегнуть могла? К одному отчаянию. Закон, честность, добродетель были заглушены в гнусной его душе бесстыдством, дерзостью и преступлением. Имеет ли порок что-нибудь священного? Порок назначил мерзким языком его ночь сию ночью или Сиднеевой смерти и торжества моей непорочности, или ночью поругания моей невинности и освобождения моего супруга. Любовь, ужас, Сидней, мой родитель… Ах! В каком жестоком страдании была я, уже зрела себя на краю пропасти, в которую влекла меня беспредельная любовь. Родитель мой! Проклятия или сострадания твоего достойна я за столь неумеренную любовь? Порочно ли то пламя, которое воспаляет добродетель? Прости меня, небо ко мне милосердно, оно не допустило совершиться со мною отчаянному намерению, оно ниспослало мне в тебе Ангела-избавителя.

Л и л л и. Довольно. Все ли, дочь моя? Весь ли яд в сердце мое излила немилосердная судьба? Или несчастному твоему отцу еще какого бедствия страшиться должно? Говори, говори, довершай, на что еще ему должно отваживать жизнь свою? Немного уже ее осталось: несколько часов или несколько только минут, которые для меня могут быть усладительнее, нежели вся моя жизнь. Я употреблю их для защищения чести моей дочери, для которой только я и берег жизнь свою, и возвращу ей ее супруга, а себе любезного сына, почтенного и добродетельного лорда. Будь спокойна, Энни, лорд Лилли, твой отец, здесь, и на то только здесь, чтоб видеть отрасль свою цветущею, чтоб защитить ее.

Э н н и. Родитель мой! (*упадает к ногам*).

Л и л л и. Кто-то идет. Скройся, Энни. Виллиам, проводи ее.

Я в л е н и е 5-е

Л и л л и

Л и л л и. Лилли! Вот та минута, в которую ты или окончишь твою жизнь, или с которой ты начнешь жить. Так, мне должно или торжествовать, или умереть, и смерть, и жизнь сия для меня приятна. Но что тратить время? Боже! Ты зришь крайность, до которой я доведен. Честь, невинность, человечество, все меня против него ожесточает. (*Вынимает кинжал*) Друг несчастных и мститель беспо-

мощных, ты мне дан блаженным моим государем, тобою поражаемы были его злодеи, ты мне теперь нужен. Не сделай удар свой исцелимым, будь послушен руке, тобою поражающей. Эта последняя жертва и последняя услуга, которой от тебя просит Лилли. <…>[3] Варвар! Вот кинжал, который поразит тебя за твое злодеяние. Вот то железо, которое ты осквернишь мерзкою своею кровию. Здесь повергну я тебя, или паду сам. Вот та дряхлая рука, от которой ты умереть должен! Смотри, она уже вознесена, готова разить. Кто удерживает руку мою? Кто останавливает мое мщение? Есть что-то принуждающее меня своим гласом. Я слышу его. Боже мой! Он вопиет мне: Дерзкой! Тебе ли мстить? Тебе ли убивать подобного себе? Бог отмщевает преступления. Брось, брось сие пагубное орудие. О, глас души моей! Я тебя слышу, слышу, повинуюсь и исполняю то, что ты мне велишь (*Бросает кинжал, потом по некотором молчании*) Кто ж защитит Энни? Кто спасет невинность ее от насилия? Кто, если не я? Кто, если не отец ее? Оставленная всеми, где найдет себе защиту? Что с нею будет? Ее честь, ее невинность, ее добродетель… Нет, Бог не попустит быть им поруганными, он послал меня к ней для ее избавления, я должен ее избавить (*Поднимает кинжал. Увидя входящего Кирке, про себя*). О, чудовище.

Явление 6-е

Кирке и Лилли

Кирке (*не видя Лилли*). Наконец я пришел. Ну, красавица моя, вот я сдержал свое слово, сдержишь ли ты? Как не сдержать? И не хотя, принуждена будет. Я шутить не люблю. Я еще ни разу не торжествовал над такою невинностию. Нет нужды, что я ее обману, польстя ей. Это ничего, это победы моей не умаляет. Как бы ни будь, лишь бы успеть в своем желании. Двери везде отворены. Это так, как мы условились. Людей никого не видно, это все предвещает об удаче. Счастлив Кирке в этой богине, очень счастлив! Торжество мое над всеми глупыми монтрозовыми убеждениями будет непременно. Смешон этот человек. Откажи себе в том, чего хочется. И для чего ж? Для одного людского мнения? Для чего мне не пользоваться, коли случай есть, для чего не повеселиться над

[3] *Далее 9,5 строки текста зачернены.*

этою бедняжкою, коли она мне в руки попала и коли моя совесть меня в том не укоряет? Я несколько замешкался, но это ничего. Жар во мне от того не простыл, а я еще больше чувствую в себе огня, теперь я без опасности могу здесь повеселиться, сделать, что надо. Я вижу дверь, она верно в ее спальню, войдем.

Л и л л и (*который во всю его речь горел нетерпеливостию*). Остановись, злодей! Знаешь ли, в чей дом завело тебя неистовое намерение твое?

К и р к е (*холодно*). Нет. Да мне и нужды нет знать, чей он.

Л и л л и. Он принадлежит почтенному лорду Лилли. В нем живет его дочь, честная и благородная девица.

К и р к е. О! Она-то мне и нужна, проводи меня к ней.

Л и л л и (*в сторону*). К смерти твоей показать тебе путь я готов (*отталкивая его*). Ты ее не увидишь.

К и р к е. Старик! Ты с ума сошел. У нас с нею есть дело.

Л и л л и. Со мною ты должен его иметь.

К и р к е (*захохотав*). С тобою! А вот как выйду от нее (*силится дойти*).

Л и л л и (*не пускает*). Нет, ты к ней не войдешь.

К и р к е. Судьба ее супруга зависит от меня.

Л и л л и. Справедливость и невинность Сиднея должны его оправдать.

К и р к е. Ничто не сильно того сделать, кроме невинности прекрасной Энни.

Л и л л и. Кровь твоя прежде обагрит мои руки, нежели ты ее невинность.

К и р к е. Старый дурак! Ты, видно, не узнал, кто я таков? Я полковник Кирке, президент военного суда.

Л и л л и. Ты смеешь назваться судьею! Какое имя дерзаешь ты поносить собою? Судья! Судья, от которого зависит участь его сограждан, от которого всякой должен надеяться себе покровительства и защиты, который избран быть представителем у правосудия бедному против богатого, обиженному против притеснителя! Судья! Который должен в лице милосердого государя не допускать вкореняться порокам между сограждан, а ты их питаешь. Судья! Который должен слабых и беспомощных защищать, а ты стремишься в неистовстве своем их подавить и истребить. Судья! Который должен преступников осуждать к наказанию, соболезнуя о них, а ты не только

виновного, но и невинного осуждаешь на смерть с услаждением варварских своих чувств. Судья! Как легко произносит сие священное имя гнусной твой язык! Есть ли хоть одна минута в твоей жизни, в которую бы ты хоть несколько почувствовал то тихое и небесное удовольствие, какое чувствует справедливый судья, исполнитель законов истинных? Есть ли хоть одно место, где бы ты мог без внутреннего трепету быть, и которое бы ты не осквернил каким-нибудь злодеянием? Есть ли хоть один человек, которому бы ты не сделал какого-нибудь зла и который бы не проливал горьких слез на небо за твои обиды. Скажи, чувствуешь ли ты в душе своей те угрызения совести, которые небо, еще милосердуя, ниспосылает в души беззаконников для исправления их? Но нет, в твоем охладевшем сердце давно уже утух сей небесный огонь. Не дерзай более называться судьею, отрекись сего достоинства и не будь больше мучителем.

К и р к е. Если бы я не почитал тебя сумасшедшим, то дорого бы тебе стоило такое нравоучение, но я оставляю это уверение для другого времени, а теперь есть у меня гораздо приятнее…

Л и л л и. Злодей! Мстить хочешь ты мне и мщение сие почитаешь увеселением? Спешишь исполнить мерзкое предприятие и называешь приятнейшим услаждением. Но не думай достичь желания своего.

К и р к е. А кто бы мне мог в том препятствовать?

Л и л л и. Добродетель Энни… и моя рука…

К и р к е. Ха-ха-ха! Старичок, ты слишком надеешься… добродетель Энни. Она сама согласилась и мне назначила этот час сделать меня счастливым. Ну а ты уж гораздо поустарел, чтоб мог мне быть соперником.

Л и л л и (*про себя*). Я не знаю, что меня еще удерживает! (*К Кирке*) Подлый и бесстыдный клеветник. Как дерзнул ты порочить гнусным своим языком честную и благородную девицу перед тем, который ее знает, который уверен в ее невинности и добродетели, как в своем собственном бытии (*Энни входит*). Смотри, дерзкий беззаконник, с ужасом смотри на сего невинного ангела, непорочность которого должна быть бичом твоей гнусности. Трепещи, злодей, видя ясный свет лица ее, устрашись проницательного ее взгляду, могущего поразить тебя. С почтением и раскаянием пади пред нею и тщись умилостивить оскорбленную тобою добродетель,

проси, чтоб простила она твое оскорбление, и Бог, видя ее мягкосердие, да отпустит тебе твое беззаконие. Или гром и огнь истребит тебя от земли, тобою оскверняемой.

Э н н и. Мучитель! Зачем ты здесь? Или еще пришел ты терзать меня? Не льстись напрасно, торжество твое миновалось, душа моя от варварства твоего свободна. Дражайший мой супруг лорд Сидней прощен. Не всегда злодеи, тебе подобные, могут ослеплять своих государей, истина рано или поздно им открывается. Она первая исполнитель справедливых своих законов. Да. Сидней прощен, ты скоро увидишь его в сих объятиях, скоро увидишь, к своему мучению, что любовь соединит нас с ним навек.

К и р к е. Однако ж я прежде сего должен быть счастливым в твоей красоте.

Э н н и. И ты смеешь льститься?

К и р к е. О, наверное у нас с тобою все уже слажено. Я тебе твоего Сиднея освобожу, а ты мне должна заплатить за то.

Э н н и. Презрением и проклятием. Не за освобождение его, но за твое гнусное желание. За какую милость твою, думаешь ты, Энни дерзнет подвергнуться вечной казни.

К и р к е. Так ты не боишься, что я все могу сделать с твоим Сиднеем?

Э н н и. Ничего. Он прощен, прощен, говорю я тебе, и прощен самим государем.

К и р к е. Нет, сударыня, ты напрасно ласкаешься. Он у меня в руках, из которых ничто его освободить не может, ниже сам король. Вырвать его у меня так легко, как у льва растерзанную им добычу. Я никому в этом не поверю.

Л и л л и. Государь, закон и его невинность лишают тебя неистового сего удовольствия.

К и р к е. Да, да, увидим. Он бы конечно был невинен, если б я того хотел. Однако ж, сударыня, я посмотрю, как ты не исполняешь того, за чем я пришел.

Э н н и. Злодей! Не скверни больше дому моего, не мучь более души моей, вид твой для меня вид ужасной фурии, зияющей страшною пастью своею на невинность. Удались от меня.

К и р к е. Удалиться? Так ты хочешь, чтобы я приходил ни за чем? О! Нет, я тебя хочу уверить, что я не такой человек, я своему слову

господин. Я умею держать мое слово честно. <…>[4] (*Хочет ее увесть*).

Л и л л и. Дерзость твоя уже далеко простирается, варвар! Смерть или прощение у сей девицы избирай себе.

К и р к е. Смерть? Нет, еще рано. Я хочу пожить. Прощение? За что? Разве я ее обижаю? Ничуть не бывало. Я хочу… сделать… ей милость.

Э н н и. Прочь, недостойный.

К и р к е. Из сожаления к ней…

Л и л л и. Из сожаления? Крокодил, плачущий над головою пораженного им человека, ждущий, чтоб из черепа, разваливающегося от ядовитых его слез, выпавший мозг был пищею его. Алчностно!

К и р к е (*не слушая, ведет ее*). Пойдем, пойдем.

Л и л л и. Смерть, говорю я тебе, неистовый, или прощение?

К и р к е (*злобно*). Так, сударыня, ты не соглашаешься? Сидней твой тебе не жалок?

Э н н и. Ни соболезнование об нем, ни любовь к нему не принудят меня торжествовать тебе.

К и р к е (*дрожа с досады, холодно*). Я больше и не желаю. Теперь он без избавления погиб (*в сторону, в досаде бьет себя рукою в щеку*) Гм! Гм! Сам от себя потерял, упустил время. (*Вслух*) Нужды нет, не в этом, так в другом найду свое удовольствие; Я своего не потеряю. Дело сделано. (*С жалостною насмешкою*). Бедненькая! Как ты мне жалка! Над тобою, верно, пошутили, знать хотели тебя обрадовать, ха-ха-ха… Нет, право, ты очень скоро увидишь своего лорда.

Э н н и. Злобная твоя насмешка показывает отчаянную твою досаду, терзающую тебя в том, что ты уже не имеешь больше силы над ним. Удались, чудовище, не отравляй взглядом своим моих чувствований, которые с сладким восхищением наполнят мою душу, когда я буду в объятиях своего супруга.

К и р к е (*с злобною насмешкою*). Твоего супруга! (*важно*) Поди, посмотри, он ждет тебя, вон там.

Э н н и (*увидя сквозь окно на эшафоте убитого Сиднея, кричит с ужасом*). Чудовище! (*упадает в креслы. Кирке хочет уйти, но Лилли и Виллиам заступают ему дорогу*).

---

[4] *Далее 4 строки густо зачернены.*

Л и л л и. Злодей! Что ты сделал.

К и р к е (*с спокойным хладнокровием*). Ничего. Я хотел быть наследником Сиднеевым. Но вижу, что Энни не сдержала своего слова (*хочет уйти*).

Л и л л и. Если Энни не сдержала своего слова, так лорд Лилли, ее отец, свое сдержит. Не думай, чтоб порок и злодеяние могли торжествовать над добродетелью и невинностию, не думай, чтоб Бог не наказал их. Сия дряхлая рука еще имеет столько силы, чтоб поразить изверга (*убивает Кирке, который падает на землю ничьмя*)… Боже!.. Боже! Отпусти мне. Правосудие требовало жертвы. Энни! Энни! Любезная моя дочь! Ты отомщена! (*Становится на колени перед Энни*). Боже мой! Она умерла!

В и л л и а м *(кричит в ужасе*). Милосердой Боже! Тело Сиднеево уже бездушно. (*Лилли и Полли, вскочив, подбегают к окну*).

Л и л л и. Возможно ли? Монтроз имеет ему письменное прощение. Он ли это, Виллиам? Точно ли он?

В и л л и а м. Он! Точно он! (*Полли и Виллиам плачут, Лилли становится опять на колени*).

Л и л л и. Бедное, несчастное дитя! Так ли суждено мне найти тебя? В объятиях смерти? Так ли мне суждено было?

Я в л е н и е 7-е

Прежние и М о н т р о з

М о н т р о з (*Запыхавшись, в ужасном бешенстве вбегает в двери, с растрепанными волосами, с шпагою в руке. Увидя Энни*). Ах! Боже мой. Что я вижу. Она умерла?

Л и л л и, П о л л и, В и л л и а м *(вместе*) Умерла! Умерла!

М о н т р о з. А! Мой друг! Это ужаснейшая минута в моей жизни! День, который встревожил всю мою душу! Расставшись с тобою, полетел я в Довер, чтобы другу моему вручить милостивую ему грамоту. Приехав туда, услышал я, что он уже с час, как отвезен на место казни. Бешенство и ужас возмутили дух мой. Вскоча на лошадь, поскакал к тому месту и, показывая всем милостивую грамоту, кричал как отчаянной: «Освободите Сиднея, освободите невинного». Я достиг при великом ко мне народном стечении до того места, на котором видел несчастного моего друга давно уж умерщвленным, и не застал тут даже и мучителя его. Кирке, как вам известно, обе-

щал вчера отложить его казнь. Я принуждал народ к отмщению за сие тайное убийство, вбежал в его палаты. О, если б я его нашел! Я бы, схватив его и оковав как преступника, повел бы его на то самое место, где трепеталось тело несчастного! Раздробил бы его члены и низринул бы его в ад, извергши сего злодея. Народ разоряет его дом и ищет его по всем местам.

Л и л л и (*горестно*). Друг мой! Помогает ли мщение собственной нашей болезни. Смотри, вот гнусное его тело повержено мною бездушно. Ярость моя и его неистовство, с коею он устремлялся на невинность, соделали меня убийцем, но чувствует ли дочь моя от того хоть малое облегчение?

М о н т р о з (*устремя глаза свои на Кирке*). Злобная радость наполняет удовольствием, гневом пылающее мое сердце. Веселюсь, видя поруганным и униженным порок. Изверг! Стыд человечества! Пораженный, пал ниц и мертвый скрываешь лицо свое от глаз наших! Непогребенный, пусть брошен будет на растерзание хищным птицам и алчным зверям. А ты, непорочная и блаженная душа! Переселившаяся в высочайшие места, зри горесть несчастного отца твоего, зри проливающиеся слезы его над твоим телом, подкрепляй невидимым твоим присутствием дух его, услаждай оскорбленное его сердце сладостною надеждою узреть тебя во оном свете в жилище блаженных, где добродетель торжествует над пороком.

А. О. ДЁМИН

ТРАГЕДИЯ К.-Ж. ДОРА «ПЕТР ВЕЛИКИЙ» В ПЕРЕВОДЕ ИЗ АРХИВА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Предмет предлагаемой публикации — русский перевод XVIII в. трагедии К.-Ж. Дора «Петр Великий» в рукописи из архива Г. Р. Державина. Произведение интересно как редкое свидетельство восприятия этой трагедии в России, а также дополняет наши скудные сведения о ранних театральных интересах Державина.

Литературная история «Петра Великого» Дора в ряду других французских трагедий XVIII в. на русскую тему рассмотрена П. Р. Заборовым.[1] В промежутке между 1738 и 1779 гг. были созданы шесть пьес, действие которых так или иначе было связано с историей Петровской эпохи:

1. «Меншиков» (1738) П. де Морана;
2. «Петр Великий» (ок. 1755, публ. 1766) Ж.-Г. Дюбуа-Фонтанеля;
3. «Царевич» (1750-е гг.) кавалера де Ватана;
4. Трагедия о Петре I в трех редакциях (1760, 1767, 1779) К.-Ж. Дора;
5. «Меншиков» (1772) Ж.-А. Маршана и П.-Ж.-Б. Нугаре;
6. «Меншиков, или Изгнанники» (1775) Ж.-Ф. Лагарпа.

Драматурги использовали в своих произведениях три основных сюжета: события вымышленного заговора против Петра, куда был

[1] *Заборов П. Р.* Россия во французской трагедии XVIII века // Восприятие русской культуры на Западе. Очерки. Л., 1975. С. 32–58. Переиздание: *Заборов П. Р.* Россия и Франция: Литературные и культурные связи. СПб., 2011. С. 5–27.

© А. О. Дёмин, 2017

вовлечен Меншиков, казнь царевича Алексея Петровича и ссылка Меншикова в Березов.

Три пьесы из этого перечня не имели сценической истории. Среди препятствий на их пути к театральной публике нередко было деятельное противодействие российского правительства, ревниво относившегося к репутации русского двора за рубежом. Так, в 1738 г. А. Д. Кантемир решительно воспротивился попытке Морана посвятить «Меншикова» императрице Анне Иоанновне. Для постановки в Бургундском отеле и французской публикации автору пришлось переделать свою трагедию, перенести ее действие в Ассирию и назвать ее «Фаназар» («Phanazar»).[2] В 1775 г. русский посланник в Париже князь И. С. Барятинский протестовал против трагедии Лагарпа, увиденной им в придворном театре Фонтенбло, и добился исключения ее из театрального репертуара.

Дора обратился к написанию трагедии о Петре I во второй половине 1750-х гг., будучи начинающим автором. На выбор сюжета, вероятно, повлияли ставшие ему известными «русские» трагедии Морана и кавалера Ватана. В качестве сюжетной основы он, вслед за Мораном, использовал историю заговора против Петра I под руководством некоего родственника царя Амильки с участием Меншикова.[3] Амилька вовлекает царского фаворита в заговор, используя его страсть к своей дочери Амете, Меншиков долго колеблется, примкнуть ли ему к заговорщикам, пока сам царь не раскрывает злоумышление и не прощает мятежников. Как сообщает автор в предисловии к изданию 1767 г., он убоялся трудностей, связанных с продвижением к публике опасного животрепещущего политического сюжета, поэтому на скорую руку переделал трагедию на восточный лад.[4] Он перенес действие из Петербурга в Самарканд,

---

[2] Первоначальный текст и посвящение российской императрице попали в отдельное гаагское издание 1739 г., а затем в собрание сочинений Морана 1751 г.

[3] Исторический анекдот был напечатан в приложении к французскому переводу сочинения ганноверского резидента при русском дворе Х. Ф. Вебера «Преображенная Россия» (1721), выпущенному в 1725 г., а затем многократно переиздававшемуся. Приложение, присутствующее во всех французских изданиях, озаглавлено: «Письмо, содержащее жизнеописание и портрет князя Меншикова». См., напр.: Mémoires anecdotes d'un ministre étranger résident à Saint Petersbourg. La Haye, 1737.

[4] См.: [*Dorat C.-J.*] Amilka ou Pierre-le-Grand, tragédie / Précédée d'un discours où se trouvent des fragments d'un Czarowits, par le chevalier de Vatan. Paris, 1767. P. 15.

Петра превратил в Тимура (Тамерлана), Амильку — в Зеангира, Меншикова — в Зулейку, не обратив внимание, что это женское имя из «нравственной повести» К.-П.-Ж. Кребийона-сына «Диван» (Le Sopha, 1742), и т. д. Свое имя сохранила лишь героиня, оставшись Аметой. В таком виде трагедия попала к королевскому цензору и драматургу П.-Ж. Кребийону-отцу, который принял в молодом драматурге живое участие и помог ему исправить и доработать вялое, лишенное интереса пятое действие. В таком виде «Зулейка» («Zulica») попала на сцену Французской Комедии («Comédie française») на улице Фоссе-Сен-Жермен-де-Пре 7 января 1760 г., (в главных ролях выступили знаменитые Лекен и мадемуазель Клерон) и в печать. Она вызвала комедийную пародию — «Неуверенный» («L'Incertain») юного П.-Ж.-Б. Нугаре, поставленную в Тулузе. От современников не ускользнул российский подтекст трагедии, о чем свидетельствуют рецензии на спектакль.

Новое обращение Дора к тексту пьесы было, видимо, вызвано недавней публикацией в Лондоне трагедии «Петр Великий» (1766) Ж.-Г.-Дюбуа-Фонтанеля, упомянутой в предисловии, а также недавние связи с русским двором. В 1765 г. французская периодическая печать, умело направляемая М. Гриммом, широко освещала покупку императрицей Екатериной II библиотеки Д. Дидро, создавая образ государыни, шествующей по пути просвещения своего народа и покровительства наукам вослед императору Петру I. Важной частью этой кампании было распространение стихотворного похвального послания Екатерине, сочиненного Дора также по просьбе Гримма. В 1767 г. Дора подготовил новое издание послания, сопроводив его пространным предисловием, где впервые обнародовал известное ему от Гримма письмо И. И. Бецкого от 16/5 марта 1765 г., извещавшее о согласии императрицы приобрести библиотеку Дидро.[5] Публикация трагедии, прославлявшей просветительскую деятельность российского монарха, в ее первоначальном виде, вероятно, показалась автору весьма уместной и желательной. Новая редакция, в трех действиях, получила заглавие «Амилька, или Петр Великий», вместо Тимура, Зеангира и Зулейки появились

[5] Подробнее см.: *Desné R.* Quand Cathérine II achetait la bibliothèque de Diderot // Thèmes et figures du Siècle des Lumières. Mélanges offerts à Roland Mortier / Edités par R. Trousson. Genève, 1980. P. 73–94.

Петр I, Амилька и Меншиков, Азор стал Азовом, Омар — Гольштейном. Драма вернула себе исконный, русский, колорит и обрела счастливый конец. Петр, потрясенный широтой заговора, куда оказались вовлечены самые близкие ему люди, в порыве отчаяния готов добровольно погибнуть от меча Амильки, явив тем самым свою беззаветную преданность делу преобразований, к которым Россия оказалась не готова. Амилька поражен благородством этого порыва и со слезами на глазах заключает Петра в объятия, моля о прощении и провозглашая себя сторонником его начинаний.

Автор предусмотрительно не стал предлагать новую пьесу театрам, о чем писал в стихотворном послании А.-М. Лемьеру, шутливо сравнивая евангельского апостола Петра, шагавшего по водам, со своим «заурядным» Петром, который потонул бы, будучи послан автором «на волны шумные партера».[6] Однако именно эта редакция трагедии Дора о Петре I получила наибольшую известность и распространение. Она вошла в прижизненное полное собрание сочинений писателя, затем была издана дважды в 1779 и 1780 г., переведена прозой на немецкий и нидерландский язык.[7]

В третий и последний раз Дора переделал свою трагедию о Петре I к 1779 г., когда 1 декабря, за пять месяцев до кончины автора, она была представлена актерами Французской комедии. Редактирование, по-видимому, началось уже при подготовке текста пьесы для издания в полном собрании сочинений: в ней появилось множество ремарок, отсутствующих в издании 1767 г. Немалую роль, вероятно, сыграла живая личная неприязнь к Ж.-Ф. Лагарпу, подогреваемая литературным и идеологическим соперничеством. Ходили упорные слухи о том, что Дора был автором анонимного уничижительного разбора в журнале «Année littéraire» первой трагедии Лагарпа «Граф Варвик» («Le Comte de Warwick»), игранной во Французской

---

[6] См., напр.: *Dorat C.-J.* A M. Lemierre en lui envoyant Pierre le Grand // Poésies de Dorat. Genève, 1777. T. 2. P. 72–74.

[7] См.: Amilka ou Pierre le Grand // Collection complète des œuvres de M. Dorat Neuchatel, 1776. T. 6: Contenant ses pièces de théâtre. P. 439–509; *Dorat C.-J.* Amilka ou Pierre-le-Grand, tragédie / Précédée d'un discours où se trouvent des fragments d'un Czarowits, par le chevalier de Vatan. Paris, 1779; *Dorat C.-J.* Amilka ou Pierre le Grand, tragédie / Précédée d'un discours où se trouvent des fragments d'un Czarowits, par le chevalier de Vatan. Toulouse, 1780.

комедии с большим успехом в 1763 г., Лагарп отвечал злой эпиграммой на Дора, широко известной в Париже в 1767 г. Дора занял резко критическую позицию по отношению к энциклопедистам, Лагарп пользовался покровительством и дружбой Вольтера. Через графа А. П. Шувалова он в 1774 г. был выбран литературным корреспондентом цесаревича Павла Петровича, что дало ему повод к сочинению трагедии на русский сюжет. Его «Меншиков», сыгранный единственный раз при дворе в Фонтенбло, имел сомнительный успех и вызвал неудовольствие русского посла князя И. С. Барятинского, который потребовал исключить из трагедии упоминания о намерении Меншикова жениться на вдове Петра I Екатерине I и о гибели его сына Александра, однако получил вежливый, но решительный отказ автора. Стараниями Барятинского пьеса была изъята из репертуара и напечатана только в 1781 г.[8] Между тем в Петербурге полным ходом шли работы по сооружению первого конного памятника Петру I. В этих обстоятельствах понятно стремление Дора вывести свою русскую трагедию на главные подмостки Европы. Автор озаглавил драму «Петр Великий», вернул ей традиционные очертания: сочинил роль Софии, наперсницы Аметы, разделил текст на пять действий и возобновил кровавый финал, знакомый зрителю по «Зулейке». Амилька теперь закалывался на сцене, как некогда Зеангир, а царь просил Меншикова утешить его дочь, сам же намеревался «укротить народ свой благодеяниями». Помимо предисловия, в основном повторявшего предисловие 1767 г., Дора поместил в издание напыщенное посвящение «манам Корнеля»: «Царь Петр извел Россию из ничтожества. Пьер Корнель извлек театр из хаоса», и небольшой ответ на критику опрометчиво неосторожного поведения Петра с заговорщиками. Действительно в драматических положениях пьесы много общего с «Цинной» Корнеля. Хотя поста-

[8] Текст предваряло развернутое историческое вступление, где отдельным примечанием трагедии покойного к тому времени Дора был брошен упрек в грубых погрешностях против истории (см.: Menzicoff ou les Exilés, tragédie, devant leurs Majestés sur le théâtre de Fontainebleau, au mois de novembre 1775. Par M. de la Harpe. Paris, 1781. P. 17). Подробнее об обстоятельствах сочинения, постановки и восприятия трагедии Лагарпа см.: *Droixhé D.* La Harpe, *Menzicoff ou les exilés* et la presse // Lumières sans frontières. Hommage à Roland Mortier et Raymond Trousson. Paris, 2016. P. 219–241.

новка имела более чем скромный успех, «Петр Великий» остался единственной французской трагедией на русскую тему, увидевшей подмостки Французской комедии в XVIII столетии не в измененном виде.

Перевод «Петра Великого» из архива Державина, в свою очередь, является в настоящее время единственной известной попыткой донести одну из французских трагедий на русскую тему до русского читателя. Произведение известно по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в составе архива Г. Р. Державина. Рукопись ИРЛИ Ф. 96 (Державин). Оп. 14. № 23. 55 л. в четвертую долю листа содержит четыре тетради, сшитые нитками, бумага кремового цвета. Вся бумага одинаковая производства фабрики А. Н. Гончарова в Полотняном заводе, белая дата 1787 г.[9] На Л. 3–55 чернилами разлинованы поля: слева 10 мм, справа, сверху и снизу — 20 мм. Л. 54–55 без записей. Текст вписан двумя разными почерками. Основной — аккуратный, скорее, мелкий, со слабым нажимом, им переписана большая часть пьесы. Второй — более крупный, размашистый и небрежный, с сильным нажимом и толстой линией, им переписаны: вторая половина Л. 8 об — до конца Л. 11 об. первой тетради и вся третья тетрадь: Л. 32–43. Во фрагментах, переписанных этим почерком, отличается также орфография имен собственных: «Менщиков» вместо «Меньщиков», «Азоф» вместо «Азов», «Гольстейн» вместо «Голстейн». Кроме того в рукописи имеется несколько исправлений, почерк которых можно отождествить с почерком Державина. На титульном листе рукописи указано, что трагедия переведена в Тамбове, следовательно, она могла стать известна и достаться Державину в годы его губернаторства в этом городе (1786–1788). С учетом даты производства бумаги (1787) и показателя залёжности до года можно предположить, что копия была изготовлена в 1788 г.

Оригиналом перевода стала вторая редакция трагедии Дора. Указание на титульном листе «Переведена из Театра г. Дората», а также сравнение текстов позволяет сделать вывод, что непосредственно для перевода использовалось издание в «Полном собрании сочине-

[9] *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. Таблица, № 21.

ний» 1776 г., отличающееся от отдельного издания 1767 г. ремарками. Перевод выполнен прозой и является полным и точным. В настоящее время трудно судить о его авторстве в отсутствие прямых документальных указаний. Можно заметить, однако, в 1780-е гг. в тамбовской типографии А. П. Нилова печатались переводы с французского языка, принадлежавшие его супруге Е. К. Ниловой (урожд. Бороздиной) и ее воспитаннице М. Г. Орловой.[10]

Рассмотрение публикуемого текста уточняет наши представления о литературных интересах Державина в период его губернаторства в Тамбове. Известно о его широких просветительских начинаниях в этом городе: учреждении народных училищ, типографии, театра. Хотя Державиным было развернуто каменное строение в Тамбове, только в начале 1787 г. было предпринято строительство театрального здания в технике фахверка по проекту архитектора Лукини, оставшееся незавершенным.[11] Театральные представления давались в губернаторском доме, устраиваемые женой губернатора Е. Я. Державиной (Бастидон). Об их репертуаре почти ничего не известно. Для открытия театра и народного училища Державин написал «Пролог», представленный 24 ноября / 5 декабря 1786 г. и предварявший исполнение комедии М. И. Веревкина «Так и должно».

На театральные интересы поэта в 1786–1788 гг. проливает свет список книг, вывезенных им из Тамбова в село Державино вместе с театральными костюмами.[12] Он включает 31 название русских и переводных французских и немецких драм, изданных в 1770-х — 1780-е гг. Среди иностранных авторов — П. Корнель, Ж. Расин,

---

[10] Об их литературной деятельности см.: *Муравьева О. С.* Нилова Е. К. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2: (К–П). С. 357–358; *Кочеткова Н. Д.* Орлова М. Г. // Там же. С. 390–391.

[11] Вероятно, швейцарский итальянец на русской службе, «мастер каменных строений» под руководством Дж. Кваренги Джузеппе Лукини (1756–1829), которого не следует путать с другим, известным Джованни Лукини (1784–1853), архитектором здания петербургской Таможни, в котором ныне находится ИРЛИ. Первое постоянное театральное здание в Тамбове было возведено в 1815 г.

[12] О селе Державино см.: *Солдатова Л. М.* Вотчина поэта в Оренбургской губернии (по архивным материалам) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. ст. СПб., 2015. Вып. 10. С. 104–143. Перечень книг в составе описи имения 1804 г. см.: Там же. С. 121–122, его библиографическая расшифровка Н. П. Морозовой: С. 134–137.

Ж.-Б. Мольер, П.-Ж. Кребийон, Вольтер, Ж.-Б. Руссо, Л. Буасси, Ф. Детуш, Ж.-Г. Дюбуа-Фонтанель, Г. Э. Лессинг, Х. Ф. Геллерт и др. Трагедия Дора «Петр Великий» находит свое место среди пьес на темы русской сказочной древности и истории из этого списка: «Новгородский богатырь Боеславич» и «Подражание Шакеспиру <…> из жизни Рюрика» (оба: 1786) Екатерины II, «Димитрий Самозванец» (1771, переиздание: 1786) А. П. Сумарокова, «Идолопоклонники, или Гориславa» (1782) М. М. Хераскова. Таким образом, ее, наряду с другими, можно считать одним из произведений формировавших представления Державина об исторической драматургии, к которой он обратился в первые годы XIX в. Пылкие цветистые прения главных героев трагедии о сути и путях петровских реформ вряд ли могли оставить его равнодушным, тем более что темой своего «Пролога» Державин избрал именно петровские преобразования, проложившие в Тамбов дорогу наукам и искусствам, что изображалось в театральном действе.

Текст перевода публикуется по рукописи ИРЛИ Ф. 96 (Державин). Оп. 14. № 23 с указанием архивной фолиации. Орфография и пунктуация приведена к действующим современным нормам за исключением написаний имен собственных. Произведены следующие регулярные замены индивидуальных написаний: *чтиться → тщиться*; а также некоторых распространенных написаний эпохи: *щастье, щастливый → счастье, счастливый; олтарь → алтарь; отсудствие, присудствие → отсутствие, присутствие; имяна → имена, истинна → истина, лутчий → лучший*; к современным нормам приведено написание окончаний прилагательных на *-ой / -ий*, склонение местоимения *оба*, дательный падеж единственного числа слов: *воля, буря, стража*, а также формы слов: *лицо, Творец, отец*. Конъектуры обозначены угловыми скобками, при необходимости поясняются подстрочным примечанием.

Петр Великий[1] *л. 2*

Трагедия

Переведена с французского из Театра г. Дората в Тамбове

Действующие лица *л. 2 об.*

П е т р, император российский
М е н ь щ и к о в, его любимец
А м и л ь к а, князь, сродник царский
А м е т а, дочь Амильки
<Г о л с т е й н>,[2] капитан гвардии императорской
А з о в, наперсник Амильки
С т р а ж и

Действие в С.-Петербурге, в царских чертогах

Петр Великий *л. 3*

Действие I

Я в л е н и е I

А м и л ь к а, А з о в

А м и л ь к а. Ступай, любезный Азов, ступай за мною: ночь темным покровом своим объемлет места сии и скрывает мои замыслы. Видел ли ты стрельцов? Верны ли они мне? Не утай[3] от меня ничего.

А з о в. Надейся на их ревность. Все, кажется, способствует высоким твоим намерениям; и гордые сии смертные горят желанием служить тебе. Известно мне, каким духом сердца их оживотворяются: они беспрестанно // стремятся вырваться из-под руки, их угне- *л. 3 об.*
тающей, еще они страшны и готовы к мщению, потребен им только

[1] *Л. 1–1 об. без текста.*
[2] Голштейн
[3] *Так.*

вождь, способный их ободрить, но скажи мне, что причиною твоей ко мне недоверчивости тогда, когда дружба моя толико благоразумию твоему вверяется.

А м и л ь к а. Познай, друг мой, глубину моих замыслов, познай меня и внутренность души моей. Давно уж оплакиваю я все бедствия моего отечества, пора избавить Россию от зверства царского. Он презрел человека, которого должен был сразить для своей безопасности; он оставил меня жить; пусть теперь трепещет. Мщение мое совершится, если обладаю я сердцами. Может быть, неизвестен тебе источник моей ненависти? Ты сослан был в отдаленнейшие места по повелению царскому и в сей день ты должен все узнать. Едва восшел он на престол, как предприял уже истребить всех нас:
л. 4 ручьями // проливаемая кровь потопляла царство наше. Украшенные пороки, ненавистные художества, праздностию произведенные, из стран теплых им призваны были и, явяся меж нами, среди развалин домов наших, в снегах и льдах распространили корень свой; все видели, как одобрял он их успехи и собственными своими руками распространял ветви их. Сего еще мало: совлекшись величества своего сана, искал он их сам, из страны в страну переезжая. Я, познавая всю цену его отсутствия, расположил сердца всех к возмущению. Все ненавидели царя и ужасную власть его: я вдохнул возмущенным расположения души моей; счастие, казалось, споспешествовало моим намерениям, и скипетр переносился уже мною в другие руки: я торжествовал; но вдруг явился Петр: весь народ вострепетал и покорился своему государю. Он возвратился, окруженный многочисленным сопровождением женоподобных мужей, //
л. 4 об. вредных художников, изменников, кои без угрызения совести оставили отечество свое и перенесли в страну сию подлое свое искусство. Право благородства и духовенства, все низвержено было новою властию. Сила его превозмогла все мои ухищрения. На берегах Невы явилося множество зданий великолепных, и Петр казался Богом, коего мстительные взоры проницали мысли и сердца. Присутствие его, признаюся, обуздало дерзость мою, и с самого начала дало почувствовать мое падение. Он, конечно, узнал о моем умышлении, но, опасаяся потаенных врагов и притворяясь милосердым, казалося, что гордо презирал необходимо нужное мщение. С того времени сколько претерпел я обид! Сколько превратностей и унижения! Я вижу Меньщикова, обожаемого при дворе сем, неисчет-

ные чины покрывают низкость его происхождения, он гордо похищает мои права и мой сан; он повелевает войсками и здесь дает законы. Я вижу нововведенные // сии художества, исчадия праздности, *л. 5* унижающие превосходство древних обычаев наших, и Россию, во внутренности сердца своего проклинающую блеск оков своих и стенящую о своих пустынях.

А з о в. Но художества сии обращают завистливые взоры всей Европы на гордую Россию: Евксин и Дон, нагруженные сокровищами, новыми своими даньми обогащают наши гавани.

А м и л ь к а. О! подлая роскошь, порабощающая нас! Поревнуем бодрости предков наших славян. Неустрашимые сии смертные, храбрые победители, прежде суетных даней сих имели ли повелителей? Не думай, чтоб, умерщвляя царя, я ограничивал дерзость мою восшествием на его престол. Престол, кровию обагренный, окруженный бедствиями, поверь мне, недостоин моих подвигов. Иного рода честолюбие меня возбуждает // и ожи<во>творяет. Пусть буду жертвою своего предприятия, лишь бы оно совершилось! Я мщу за мое *л. 5 об.* отечество; все к тому меня принуждает: ненавидящие тиранов страшатся заступать места их. Перенесемся мысленно, Азов, в печальные те страны, которые издревле определены несчастным жертвам государства, покрытые мразом и мрачным небом, никогда не согреваемые дневным жаром. Вообразим себе наших сограждан, охладелых в мрачной стране сей, влекущих поносные цепи их с печальным воплем; жадная власть неограниченная, презирающая угрызения совести, омывает кровию престол, воздвигнутый на мертвых телах. Друзья несчастные, я вам пребуду верен: не изменю призывающему меня гласу вашему. Участвуй и ты, мой Азов, в моей печали, участвуй и во гневе, честь отмщения нам одним принадлежит. Дадим угнетенному народу сему иного повелителя, кто б то ни был, лишь бы достоин был сего звания. //

А з о в. О! дабы мог узреть я действие благоразумного твоего *л. 6* рвения.

А м и л ь к а. Сей день последует смерть царская, а дабы вернее были мои поражения, то вооружаю я любимую им руку и избрал к сему руку самого Меньщикова.

А з о в. Как! Как можешь ты склонить его к сему? Каким образом, какие способы к тому употребишь?

А м и л ь к а. Любовь; жестокая любовь сия слепа в своем исступлении и часто неустрашима бывает по единой слабости своей. Ты знаешь мою дочь: едва явилися двору сему нарождающиеся ея прелести, как Меньщиков, им покоряся, нашел и ее не нечувствительну
л. 6 об. к первым его исканиям. Он просил меня о совершении // их брака; но я, предвидя, что некогда любовь сия потребна будет моему мщению, употребил хитрость к воспрепятствованию его, прежде нежели царь о том уведомлен быть мог. Амета под ложным видом по повелению моему должна была удалиться, не могши проникнуть моего намерения. Вообрази себе тут отчаяние Меньщикова: он хотел погубить меня и сам себя умертвить, он угрожал… Царь был тогда отлучен, а мне потребно было еще медлить, и я презирал гнев его. Он пылает еще любовию, и долговременное ея отсутствие усугубляет жестокость его к ней страсти. Самая сия Амета, предмет его горячности, с утреннею зарею здесь должна явиться. Веришь ли ты, друг мой, что в сии часы смущения и исступления, в кои слышится один токмо повелительный глас любви, сей слишком вероимчивый любовник, надеждою обольщенный, не дерзнет мне отка-
л. 7 зать // в руке своей? Я недолго буду медлить с ним, и если он хотя мало поколеблется, то знаю, чем поразить его; оставлю ему необходимое и жестокое избрание быть несчастным или преступником.

А з о в. Остерегись, Амилька! Сколь ни велико искусство твоей хитрости, но сомневаюсь я, чтоб он с нами сообщиться согласился: он душевно предан царю, и Меньщиков, влюбленный, исступленный, и в самом бешенстве всегда пребудет добродетелен.

А м и л ь к а. Как мало знаешь ты любовь, ее буйство и заблуждения человеческой слабости! Я тебе за него отвечаю: мое мщение и гнев внидут в сердце его под видом прелестей счастия. Но если он и не согласится, если слабая рука его содрогнется от опасности
л. 7 об. страшного сего отцеубийства, тогда возжгу я пламень // возмущения, я множество имею способов, готовых послужить моим желаниям.

А з о в. Итак, тайна сия младой Амете…

А м и л ь к а. Одному тебе ее я <в>верил, дочь моя о сем ничего не знает: я страшусь ее боязливой добродетели. Я хотел укрыться от ея взора и оставил бы ее еще в заточении; но нужно мне теперь ее присутствие для побеждения ея любовника. Один ея взгляд его погубит: должно, чтоб она, не зная о том, была орудием сего про-

исшествия, жертвою моего высокого намерения и моя сообщница. Если умру я, то должна и она умереть со мною. Вот в чем состоит все мое предприятие.

А з о в. Я во всем на тебя полагаюся, клянусь в верности к тебе до последнего моего издыхания. Прешедшие твои мне благодеяния живо изображены в памяти моей: // счастлив буду, последуя за тобою на путь славы. Одним словом, не бойся, не щади усердия моего к твоей услуге. Спасший жизнь мою обрел право располагать ею. *л. 8*

А м и л ь к а. Довольно будь уверен в моей благодарности: я слышу шум. Идут, выйди. Идет Меньщиков.

Явление II

Меньщиков, Амилька

М е н ь щ и к о в. Ты ли здесь, Амилька? В темноте ночной какая причина призывает меня и тебя приводит в царские чертоги? Конечно, польза государства нас здесь соединяет.

А м и л ь к а. Ты узнаешь мое намерение. Говори тише, внимай; я отверзаю очи мои: ненависть моя к тебе почти угасла, я причиною твоего несчастия и хочу прекратить оное. //

М е н ь щ и к о в. Прекратить? Как?.. Какая речь? Ах, жестокий! *л. 8 об.* Я не должен уже льститься счастием. Ты то довольно знаешь; тщетно надеяться мне на помощь твою; поражение твое уже неисцельно, сердце сие, на мучение которого ты устремился, уже привыкло к болезням своим от долговременного терпения; не предлагай теперь мне ничего и не льстися успокоить скорбь мою.

А м и л ь к а. Я изреку только одно слово, и она исчезнет.

М е н ь щ и к о в. Что слышу я! Какой луч производит он в сердце моем!

А м и л ь к а. В каком расположении духа надеешься ты увидеть в местах сих дочь мою? Мила ль она еще тебе?

М е н ь щ и к о в. Ах! Что ты говоришь? О Боже! Я! Люблю ли я ее! Свидетельствуюсь небом, ему одному известна вся жестокость несчастной сей любви. Я обожаю ее, и пламя сие, возбуждаемое препятствиями, в отсутствие ее еще усугубилось. // Ты един опроверг блаженство моей жизни; я соединился с Аметою, ты ее у меня похитил. И как могу ее забыть? На добродетели основанная, склон- *л. 9*

ность сия занимает все мысли и чувствования мои. Сколько крат сердце мое, убегая жестокой неволи пышного ига, к ней отлетает! Сколько тайных мучений претерпевает оно в блистательном недре дворца. Бесконечное уныние дни мои ядом напояет; во многих производя зависть мнимым благосостоянием моим, исчезаю я в слезах; все напоминает мне прелести Аметы, и когда предпринимал я все возможные средства к моему возвышению, тогда все мое честолюбие заключалося в одном желании быть ее достойным. Но почто ласкать меня суетною надеждою? Ах! сколь далеко, государь, простираешь ты свое мщение. Страшный определитель жестокой моей судьбы, оставь спокойно умереть несчастного. Почто к мучению моему ты горести присовокупляешь? Оставь меня питаться снедающим меня огнем. Я обожаю Амету, и неправедная ненависть ни
л. 9 об. на одну // минуту не исторгнет ее из сердца моего.

А м и л ь к а. Я возвестил уже тебе, что суетный гнев сей угасает. Я не противлюсь любви твоей к моей дочери.

М е н ь щ и к о в. Кто? Ты!

А м и л ь к а. Для ободрения твоего пламени и твоей надежды сама она сюда возвращается, и ты скоро ее увидишь.

М е н ь щ и к о в. Ее увижу?

А м и л ь к а. Сейчас восходящая заря прельщенному взору твоему любовницу твою представит. Так, я повторяю, ты можешь ласкаться соединен быть с Аметою; рука ее наградою будет твоему ко мне усердию. //

л. 10 М е н ь щ и к о в. Я обладать буду обожаемою мною! И ты можешь!

А м и л ь к а. Постой, ты должен заслужить ее.

М е н ь щ и к о в. Я готов, государь, и все предприиму; повелевай моим сердцем, моею рукою, все в твоей власти. Но как могу я верить сей премене, не обманываюсь ли я?.. Свершай, даруй мне жизнь. О Боже! Если ты обольщаешь меня!.. Нет, отпусти мне сие сомнение; я преступлением его почитаю! С какою радостию нареку я тебя отцом моим!

А м и л ь к а (*в сторону*). Воспользуемся сим восхищением его.

М е н ь щ и к о в. Скажи, что делать я должен? Скажи.

А м и л ь к а. Намерения мои велики и опасны. Соглашаешься ли ты в них быть мне помощником.

М е н ь щ и к о в. Кто, я? Соглашаюся ли!

А м и л ь к а. Испытай твое мужество прежде вступления в обязательство. //

М е н ь щ и к о в. Но знаешь ли ты меня? Что значат слова сии? *л. 10 об.*

А м и л ь к а. Слова сии человека, по долгому опыту своему все предвидящего. Известна мне, поверь, власть предрассуждения. Великие души часто более бывают слабости сей подвержены. Может быть, что в гнев приводят тебя мои речи, и подозрения тебе обидны; но увидишь, Меньщиков, сколь нелегко тебе себя преодолеть должно будет. Славная награда, мною тебе предлагаемая, едва может сравниться с услугою мне твоею. Одним словом, я требую от тебя великой жертвы; потребны мне сердце и рука неустрашимая. Ты должен прервать союз, который почитаешь священным; ты должен, предпочтен будучи мною, не страшным оком взирать на подвиг свой, дерзай, приими кинжал сей… Ты трепещешь!.. Сего довольно. Вот чего я страшился и что мне предсказано было; я сохраню тайну мою. Прощай. //

Явление III *л. 11*

М е н ь щ и к о в, *один*

М е н ь щ и к о в. Кровь моя во мне хладеет!.. Надежда моя исчезает… Ужас занимает ея место. Как, вооружать меня кинжалом! Какие его замыслы? Ах! варвар, ты б должен его вонзить в грудь мою. Как дерзаешь ты избирать меня на поражение жертв твоих?.. Так язык его готов был изречь повеление мне быть преступником. Драгоценнейшая Амета, едва просиял мне слабый свет, как чувствую поверженного себя в страшную тьму. Но невзирая на это, останусь тебе верным, сколь <рок>[4] мой мне ни противен. Единое воспоминание о имени твоем в забвение приводит все претерпенные мною мучения; сердце мое последовало за тобою в твои пустыни. Но что же то за услуга, которой требует от меня // Амилька? Кто бы *л. 11 об.* мог быть тот смертный, которого поручает он мне умертвить? Осквернить руки мои убивством! Кому? Мне! Нет, не хочу присовокупить ужаса сего к моему несчастию. Удалюсь от вредного сего человека, могущего меня обольстить; уже и так слишком много моим он духом овладел. Удалиться от него! Великий Боже! Отец

[4] рог

Аметы, он обещает наградить любовь мою! Ах, как скоро предался я его ухищрению. Известна мне довольно мрачная твоя душа, неумолимый тиран; я отрекаюсь от твоих благодеяний, пойду вслед варвару, узнаю, если можно, какой ков он соплетает; <восстановя>[5] волнение возмущенного духа, предамся любви, не изменяя добродетели.

Конец первого действия //

л. 12

Действие II

Явление I

Амилька, *один*

Амилька. Дочь моя уже в местах сих, я страшусь ее увидеть! Я смертный приговор произнесу нежному ее сердцу и поражу печалию ее любовь; по долгом ее мучении зачем призвал я ее к вящему страданию? Что я делаю? Должен ли я теперь предаваться отеческой любви? <Сие ли действие моего справедливого негодования?>[6] Почто уважать способы, коль произведут они желаемый успех? Удержи вопль твой, природа, не дерзай восставать противу ненависти моей; чти высокое предприятие, в которое влечет меня правосудие. Сердце мое признает твои права; оно раздраженно ныне, и, отмстя, сильнее почувствует цену твою. Пусть Меньщиков трепе-
л. 12 об. щет о погибели своей любовницы; // и если то будет нужно, то представлю ее ему умирающую; дорого заплатит он мне за страх, мне явленный; и дочь моя в сей день… Идут, и вот она.

Явление II

Амета, Амилька

Амилька. Я должен, дочь моя, сам возвестить тебе, дабы о супружестве с Меньщиковым ты уже не помышляла; не льстись сею надеждою; она тебе пагубна; и сего же дня избираю тебе супруга. Так я уже определил: хотя сопротивляется тому твое сердце,

---

[5] востоновя

[6] *Вставка на поле тем же почерком, другими чернилами.*

но сан твой сего от тебя требует; ты должна согласиться. Я не мог помыслить, чтобы Амета, ослепленная, дерзнула вторично мне быть преслушна.

А м е т а. Ах! почто должно мне, государь, всегда тебе сопротивляться? И власти отеческой // утушать чувствия родительской любви? *л. 13* Не поражай, о государь! новыми ударами сердце, давно страждущее от тебя. Оно не пременилося; я признаюся в том; раны его неисцельны. Единый дражайший мне по тебе смертный есть тот, кого любила я, оставляя сии места. Почто призвал ты меня из отдаленного убежища моего, где, не прогневляя тебя, я спокойно смерти ожидала? Почто возжигаешь было пламя, которое льстилась я преодолеть? Иль только для того, чтоб его паки угнетать? Ах, отпусти мне, по крайней мере, если болезнь моя взывает по праву к жалости, долженствующей жить в душе твоей ко мне. Будь родитель, в печальные для меня часы сии не отвращайся от объятий моих, смягчись. Но ах, ты ничему не внемлешь! Ты всегда являешь мне гневом и яростию исполненное чело. О родитель мой, кто ж отныне может умилостивить тебя, если дочь твоя, утопающая в слезах, к сожалению тебя не преклоняет. //

А м и л ь к а. Что слышу я? Сие ли глас должного твоего ко мне *л. 13 об.* почтения? И ты льстишься преодолеть меня своею упорностию и оскорблением? Если я обещал руку твою изменнику Меньщикову, то должен был паки ее возвратить; трепещи иль покоряйся мне.

А м е т а. Он изменник! Он, герой сей, коего усердие обещает царству нашему верного защитника; тот, который наставлен тобою в великом искусстве военном, на подвиге чести брал участие в лаврах твоих; и который в мирное время стремится за славою, увенчан рукою победы и, споспешествуя намерениям царя, коему он сердечно предан, жертвует своим покоем благосостоянию подданных его. Если мог он изменить высоким таким добродетелям, то отрекусь его; скажи мне, в чем винен он.

А м и л ь к а. Я упомяну только об одном весьма важном, и которое противно моему честолюбию. Его природа…[7] //

А м е т а. Как! Не столь же ли она была низка, когда соглашался *л. 14* ты на супружество, противное ныне твоему честолюбию? Ты забы-

---

[7] *Имеется в виду его рождение (naissance). Возможно, имелось в виду слово* «порода», *испорченное при переписке.*

вал тогда высокий сан твой и не полагал препятствием превосходство твоей крови. Ах! с тех пор, как лилася его кровь за его монарха, достоин он стал соединиться с твоею, он стал тебе равным. Меньщиков, в число героев помещенный, испроверг поношение своей природы. Не взирая на тысячу соперников, завидящих его дарованиям, сам он исходатайствовал тебе звание, которое прочие наследуют. Небо, определившее ему проводить младенчество его в бедности, кажется, что употребило всевозможную прилежность на совершенство его души; и младой смертный сей — благоразумный, храбрый, искусный в политике и военном деле, в лучшем цвете дней своих, несравненно превосходнее пышных сих бояр, преданных ухищрениям и подлому ласкательству. Но кто же тот, с кем соединить меня ты хочешь? Не скрывай от меня руку, меня убивающую. Кто будет моим супругом? //

л. 14 об. А м и л ь к а. Тщетно то узнать теперь ты тщишься. Ты узнаешь его тогда, когда предстанешь алтарю для вечного с ним обязательства.

А м е т а. О брак ужасный! Немилосердный долг! Возможно ли вступить в страшное обязательство сие? Лишиться навек того, кого сердечно люблю!

А м и л ь к а. Старайся укротить твое исступление, не любовь должна определять участь нашу.

А м е т а. Я пожертвую тебе, коль то тебе угодно, покоем моих дней, счастием и самою жизнию, но, расторгая узы толь драгоценные моей души, не вступлю я в обязательство, ужасом меня поражающее. Ты мне не отвечаешь? Просьбы мои, слезы к умолению, увы! не в силах преодолеть тебя?.. Итак, покорюся твоей воле: влеки

л. 15 меня ко алтарю, коль // непременен жестокий твой приговор, я исполню, и в самую ту же минуту в присутствии твоем принесу на жертву себя единому предмету моей любви, смерть моя в несчастливый сей день соделает меня верною природе и любви.

Явление III

М е н ь щ и к о в *вдали*, А м и л ь к а, А м е т а

А м и л ь к а. Идет Меньщиков; помни, что должна ты ему сказать. Он тебя, конечно, ищет.

А м е т а. Мне ль о сем его уведомлять? Могу ли я…

А м и л ь к а (*в сторону*). Так должно. Я предвижу скорбь его и возвращуся паки, дабы воспользоваться смущением его души. (*Уходит*). //

Я в л е н и е I V

л. 15 об.

М е н ь щ и к о в, А м е т а

М е н ь щ и к о в. Не ошибаюсь я; Амета то, она. Итак, вижу я тебя по всех жестоких мучениях твоего отсутствия? Ах, возлюбленная Амета! Возведи на меня взор твой, слезами отягченный. Как, я у ног твоих? И благоприятствующее нам небо соединяет нас и участь нашу облегчить обещевает! Прошли все наши мучения.

А м е т а. Ах, как ты обольщаешься! Страшись лучше присутствия моего.

М е н ь щ и к о в. Тебя ль я слышу? Ах! не напояй ядом прелестьми исполненные сии минуты; не присовокупляй ужаса к чистейшей радости моей. Ни земля, ни небеса не воспрепятствуют мне быть счастливым, коль ты тако меня любишь. Слезами моими и жестоким // моим мучением колико заслужил я узреть тебя, верную *л. 16* ко мне! Но почто ж ты очи твои от меня отвращаешь? Неужели не мил я тебе? Успокой мое смущение.

А м е т а. Постой, Меньщиков; укоризна сия меня оскорбляет. Как дерзаешь ты подозревать меня в неверности? Не опасайся ничего от пылающего к тебе сердца сего, верного своим клятвам, но всегда несчастного; страшись только судьбы моей, упорно меня гонящей, и не льстись счастием видеть увенчанную любовь нашу. Сей день, являющийся тебе днем нашего блаженства, низвергнет, может быть, обоих нас в гроб. Несчастие наше совершилося. Трепещи, я повторяю, трепещи, и ненавидь место и день, нас соединяющий. Отец мой в сей день определил участь нашу; он разлучает нас; и уже иному обещает руку мою.

М е н ь щ и к о в. Что я слышу! Изменник! Но истинно ли // то, *л. 16 об.* государыня? О! гонящий меня рок! О! несчастное пламя! Ах! если бы знала ты…

А м е т а. Что?

М е н ь щ и к о в. Сейчас варвар сей обольщал меня обманчивою надеждою. Он обещал мне все и… Но должен ли я скрывать?

А м е т а. Продолжай.

М е н ь щ и к о в. Я страшусь ужасной тайны. Если дерзнет он… Я трепещу от воспоминания…

А м е т а. Со всем тем отец мой, кажется, все приготовляет к несчастному сему часу; но дабы сразить более тебя и меня. скрывает он от меня имя твоего совместника, мне ненавистного, и, тайно возжигая жестокий брачный светильник, без жалости предает меня моему мучителю. //

л. 17 М е н ь щ и к о в. И ты покоряешься ему? Нет, сего я не снесу, он мной ругается; все почтение мое к нему преобращается в бешенство. Трепещи, тиран!.. Мщение мое найдет тебя везде и пронзит твою грудь. А ты как можешь согласиться на законопреступный брак сей? И можешь ли повиноваться власти гордого сего тирана? И ты любишь сего бесчеловечного отца, покоряющего тебя закону своему страхом смерти? Ты видела ль… Чело его, печаль и зверство означающее, являло устрашенным взорам моим новую бурю; конечно, он стремится к новым крайностями и обоих нас в злодеяние свое влечь желает.

А м е т а. Что сказал ты? Куда влечет тебя слепой той гнев? Познай чувствования мои и почитай моего родителя. Я терплю от него безвинно; но сие не препятствует мне сохранять все право, которое иметь он должен над сердцем моим. Он изгнал меня в заточенье, лишает меня того, что мне всего дороже, ненависть его меня гонит; //

л. 17 об. а я люблю его и погибну, спасая <его жизнь>[8]. Если он и преступает свой долг, но я должна свой исполнить; потерпим без роптания и не попустим угаснуть в нас гласу природы.

М е н ь щ и к о в. О твердость, о добродетель бесподобная! Прости, о государыня, исступление, свойственное несчастным сердцам. С самого того времени, как похищены были от меня прелести твои, очи мои погружалися в слезах; должен будучи бременем, которое необходимо налагается на любимцев царских, единая надежда быть твоим сердце мое утешала; я был неутомим в трудах, дабы удостоиться тебя, и искал успокоения под тению престола. Тою же пылая страстию, оставила и ты сии места; наконец луч надежды меня ободряет, но, увидя тебя, я должен уступить тебя другому! И в самый тот же день он будет обладать тобою! Немилосердый человек,

---

[8] *Исправлено в ркп.:* жизнь его

коего ничто не умягчает, принуждает тебя, покориться воле его? Какой ужасный переход из спокойствия в отчаяние! Я уже не познаю себя… // Сверши твое намерение; предстань, жестокий Амилька; *л. 18* какой жертвы от меня потребуешь? Страшися исступления раздраженного любовника.

А м е т а. Что?

М е н ь щ и к о в. Чтоб заслужить тебя, готов я все исполнить.

А м е т а. Но что ты предпремлешь? О Боже! Я вижу родителя моего.

Я в л е н и е V

А м и л ь к а, М е н ь щ и к о в, А м е т а

М е н ь щ и к о в. Так, так-то, государь, ты, не страшася, ругаться смеешь чистосердечием моим? В чем состояло твое намерение? О, если б не Амета, сейчас бы я отмстил жестокую сию обиду. Посмотрим, доколе хочешь ты испытывать сердце неустрашимое и презирающее угрозы твои. //

А м и л ь к а. Я скоро укрощу гордую неустрашимость твою, дерз- *л. 18 об.* кий; как смеешь ты мне произносить сии слова?

М е н ь щ и к о в. И более сего еще осмелюсь я.

А м е т а. Жестокий, что ты делаешь?

А м и л ь к а (*Меньщикову*). Я имею нужду говорить с тобою.

А м е т а. Родитель мой.

А м и л ь к а. Оставь нас. (*Амета уходит*).

Я в л е н и е VI

А м и л ь к а, М е н ь щ и к о в

А м и л ь к а. Откуда гнев сей? Сколь ты несправедлив! // Ты сам *л. 19* причиною своих мучений; сам ты их на <себя>[9] налагаешь. Дочь моя тебе вручалась; и от одного слова твоего <зависело>[10] твое с нею соединение, но вид железа тебя устрашил. Сей ли преданности она от тебя ожидала? Тебе ли ею владеть? Но нет, ты можешь еще того достигнуть; и благородная твоя горделивость не столько

[9] себе

[10] зависило

меня оскорбляет, колико она мне лестна. Итак, коль хочешь, дабы дочь моя тебе единому определена была и сего же дня навеки с тобою сопряглася, сверх того и другие причины, так как и блистательнейшие прелести, коль любишь ты славу, вооружить должны руку твою. По сем признании, реши свою судьбу, скажи, ты любишь Амету, я жду ответа твоего.

М е н ь щ и к о в. В какое новое смущение слова твои меня повергают! Желал бы я все обещать, но колеблюсь… Ах! я обожаю
л. 19 об. Амету, и любовь моя одерживает верх… Так, тщетно // содрогается сердце мое, Амета преодолевает. Изменить ей есть величайшее злодеяние. Что будет со мною? Повелевай; я готов повиноваться. Повиноваться! Но на какое злодеяние ты меня определяешь? Нет, я ничего не обещеваю. Варвар, не продолжай далее… О небо! порази меня громом твоим прежде моего падения, порази жертву, еще достойную тебя.

А м и л ь к а. Смущение сие довольно мне являет; я вижу, что возвещает оно мне. Амета тебя страстно любила, и сердце твое ее отмещет, ты никогда не любил ее. Не ропщи более и престань винить справедливый отказ, ты удовольствован будешь; союз супружества навек обяжет ее твоему сопернику. Гордись своим ты саном, гордись презрением меня и зри его, наслаждающегося определенною тебе наградою. Сейчас иду исполнять.

М е н ь щ и к о в (*вне себя*). Не определяй еще… Постой… По-
л. 20 гибни // брак сей и ужасное его празднество! Какою хитростию слова твои сердце мое возмущают и проницают постепенно его рану! Торжествуй, жестокий! Я повинуюсь… Отверзай пропасть! Да погибну с тобою в моем злодеянии! Хладеет во мне кровь… взор мой тьмою объемлется… Какая бездна предо мною… Кинжал!.. Праведный Боже!

А м и л ь к а (*вручая ему кинжал*). Дерзай вооружить им руку твою, я приемлю сие предзнаменование. О! дух мщения, утверди его неустрашимость. Если соответствовать он будет моему желанию, то клянусь, что в сей же день в награду за толикую услугу Амета будет его.

М е н ь щ и к о в. Ну, препоручаю себя увлекающей меня судьбе. Что должен делать я?

А м и л ь к а. Служить моей ненависти. Одолжить меня твоею мстительною рукою, принести на жертву тирана.

М е н ь щ и к о в. <Какого>[11] тирана? //

А м и л ь к а. Царя. *л. 20 об.*

М е н ь щ и к о в. Царя.

А м и л ь к а. Его.

М е н ь щ и к о в (*бросая кинжал*). Моего государя! Что слышу я! Возможно ли! Теперь-то я узнал ужасную тайну сию! Не внимаю более ничему.

А м и л ь к а. Как ты можешь колебаться? Ты отрекаешься супружества с Аметою? Помысли о сем… Ты молчишь и, конечно, познаешь твои выгоды и самую твою опасность… Внемли. Как может толико ослеплять тебя любовь к царю. Он тайно, может быть, уже ищет твоей погибели. Познай все опасности, коим подвержены царские прислужники, предупреди гибель твою; в местах сих за тишиною последует всегда буря. Любимец царский, коего оковам все завидуют, в самые лучшие дни свои // превратности ожидать дол- *л. 21*
жен, несчастный сей в самой своей славе, окруженный громовыми ударами, всегда должен трепетать, приближаяся к престолу. Бледная зависть и беспокойная гордость недремлющим оком изрывают погибель его. Блеск счастия его не <допускает>[12] его узреть напасть; ему льстят, он торжествует; и гроб его отверст.

М е н ь щ и к о в (*в сторону*). О ужасный умысел!

А м и л ь к а. Предупреди подобную сему участь. Отважься токмо, успех последует верно. Я сам с охотою бы предприял на себя удар сей, но известна тебе безмерная осторожность царская. Я, будучи предметом его недоверчивости, ненавидим его прислужниками, едва имею вход в сии чертоги. Одним словом, на тебе одном основывается вся моя надежда; и тебе поручаю мщение мое.

М е н ь щ и к о в (*в сторону*). И я буду в состоянии! //

А м и л ь к а. Теперь ты все знаешь; и ничто не подвизает тебя; *л. 21 об.*
но я еще повторяю тебе, повелевая и налагая закон мой. Если ты изменишь мне, то Амета погибнет; прежде нежели испущу душу, принесу ее в глазах твоих на жертву мщению моему. <Не должно оно будет только тем, чтоб отдана она была твоему сопернику>;[13]

---

[11] Какова

[12] допускают

[13] *В ориг.:* «C’est trop peu que l’hymen la donne à ton rival…» — «Слишком мало того, что брачный союз отдаст ее твоему сопернику…».

я сокрушу союз, толь мало мне отмщевающий, трепещи моего исступления, страшись о ее жизни.

М е н ь щ и к о в. Варвар.

А м и л ь к а. Говори, иль навеки ее теряешь.

М е н ь щ и к о в. Я чувствую, что заблуждаюся. Нет, оставь меня, злодей.

А м и л ь к а. Поди, беги, недостойный любовник, беги, ожидай действия гнева моего.

М е н ь щ и к о в. О Боже! //

л. 22 А м и л ь к а. Слабость твоя оживотворяет и усугубляет гнев мой. Амета погибнет и погибнет жертвою твоею.

М е н ь щ и к о в. Ах! я послужу тебе, свидетельствуюсь небом.

А м и л ь к а. Коль так, то чтоб прежде наступления ночи ты здесь уже был; все будет готово, но помни о твоем обещании.

Я в л е н и е V I I

Г о л с т е й н, капитан гвардии, М е н ь щ и к о в

М е н ь щ и к о в. Что я обещал! Где я! Какая слабость! Сберу расстроенные мысли мои. Несчастный! Что я сделал? Жестокий противу воли моей сообщает меня к своему злодеянию. Зачем ты, любезный мой Голстейн, что скажешь ты мне? //

л. 22 об. Г о л с т е й н. Царь повелел мне объявить тебе волю свою.

М е н ь щ и к о в (*в сторону*). Что я слышу!

Г о л с т е й н. Проснясь, тотчас послал он за мною. Велел призвать мне и тебя и с нами о чем-то советовать желает; душа его, погруженная в мрачную грусть, кажется исполненною некою важною тайною; я страшусь приближиться к нему… Но что я вижу? Чело твое смятение означает, и взоры полны ужасом.

М е н ь щ и к о в (*в сторону*). О изменник Амилька! О ненавистный обет!

Г о л с т е й н. Но что за бледность лицо твое покрывает, и что за страшное смущение?

М е н ь щ и к о в (*в смущении и жалости*). Царь призывает нас,

л. 23 Голстейн, и чело его, говоришь ты, кажется угнетенным // под бременем печали! Ах! я сему верю… Опасности со всех сторон его окружают… Сколько бедствий и горестей престол его <объемлют>.[14]

---

[14] *Вписано почерком Державина.*

Г о л с т е й н. Я вижу текущие слезы твои.

М е н ь щ и к о в. Поди к государю, беги; никогда помощь твоя не была ему толь нужна. Беги, не оставляй его; бесплодная моя преданность особливо в часы сии не может быть ему полезна.

Г о л с т е й н. Но какая новая опасность…

М е н ь щ и к о в (*намеряется ему говорить и удерживается*). Возлюбленный Голстейн, я последую за тобою. (*В сторону*). Скроем, колико можно, смущение мое.

Конец второго действия //

Действие III

л. 23 об.

Я в л е н и е I

Ц а р ь, М е н ь щ и к о в, Г о л с т е й н, с т р а ж и ц а р с к и е

Ц а р ь (*стражам*). Удалитесь. (*Меньщикову и Голстейну*) Вы останьтесь здесь, верная ваша ко мне дружба должна особливо в сии часы доказать ваше ко мне усердие. Царство сие исполнено страшными заговорами, и пламя крамол со всех сторон возгорается; тщетно труды ваши, соединенные с моими, потушать <оный>[15] тщилися; более внешних врагов я подданных своих страшиться должен. Увенчанный солдат, разоряющий Север, восстающий на меня, тщетно в надменности своей ругается неудачам нашим; опустошения, смерть и кровь следы его означают, имя его погибнет под развалинами, не имеющими основания, // но я начертаю мое имя на *л. 24* неподвижных столпах. Пусть возжигает он победу за победою; он тем научает меня побеждать себя, мужественные сердца испытываются превратностями, и училище несчастия предшествует успехам. Карл не страшен мне. Но когда неустрашимость моя и побежденная не низложена, сопротивляется буре, когда прихожу в недро областей моих для успокоения, то должен вооружаться к жестокой войне и опасаться подданных моих… Так, ослепленная Россия, свободнее став под законами моими, мнит себя порабощенну. Художества, призванные мною в ее недро, вместо просвещения возбуждают

[15] «Оный» *соотносится с французским* «feu», *а не с русским* «пламя».

варварство ее. Рожденная к рабству и определенная жить во мраке, кажется, что страшится она света, ее ослепляющего; стрельцы против меня возопияли паки и гордо требуют древних прав своих.
л. 24 об. Не известно ли вам что-либо к оправданию их? Прежде // приступления к их наказанию, хочу познать я ваше мнение. На сейчас предаю поражения мои в ваши руки и удерживаю их, дабы тем справедливее они были. Вещайте.

Г о л с т е й н. Ты повелеваешь быть мне чистосердечным. И общее благо молчать мне воспрещает. Как! Ты хочешь, государь, когда раздирают неисчетные крамолы государство твое, когда смертные сети на всех путях твоих поставляются, ты хочешь, усугубляя ропот, поражать новыми ударами и растравлять наши раны! Ах! не приспело еще время истребить все скопища сии. Царствуй благодеяниями; не всегда любимы бывают те смертные, коими в удивление приводятся народы, и любовь с сих времен да утвердит власть славного царствования твоего. Отважные памятники, величие души твоей и блеск великих дарований, высокие намерения,
л. 25 спомоществуемые самым // небом: все возвещает в тебе величайшего на свете государя; но должно увенчать толикие превосходства и, будучи восстановителем твоего народа, должен ты учинить его счастливым.

Ц а р ь. Чего ж не делал я для дикого сего народа! Он зрел меня, презирающего пышное спокойство, сошедшего с престола и среди опасностей стремящегося приобресть ему добродетели и художества иностранные. Сам он приуготовляет себе бедствие, от коего стенает, и я бы был милосерд, коль не был бы он бесчеловечен. Народ дикий и жестокосердый, которого лютость довольно мне известна, чего желает он? Не от меня ли он обрел право дерзать мыслить, редкое сие преимущество, кое здесь все ободряет и инде все порабощает? В число прочих народов мною помещенный, за что всегда готовый к измене, <благостию моею <освещаемый>,[16] не хочет он
л. 25 об. видеть мои благодеяния в мнимом ими зле>?[17] Осуждающим // строгость государей часто неизвестны бывают нравы их подданных.

---

[16] освящаемый

[17] *В ориг.:* «Il refuse de voir, quand ma bonté l’éclaire, dans le mal que j’ai fait, le bien que je veux faire» — «Когда доброта моя его просвещает, отказывается видеть во зле, что я твою, добро, что я сотворить хочу».

Почто, увы, не царствую я в тихих странах тех, где мягкосердые подданные обожают царей своих, где скипетр, им законом врученный, служит отрадой народам и ужаса в них не производит? И я подобно бы им познавал цену милосердия и внутреннюю радость, следующую за благодеяниями; но могу ли в сей стране, неспособной к внушению блаженства, предать сердце мое сладчайшей сей добродетели? Царство мое есть бесплодная и несчастная пустыня, долженствующая покрыта быть кровию для ее удобрения.

М е н ь щ и к о в (*во исступлении*). Так, конечно, так должно, и в сей час то всего нужнее, государь, должно впечатлеть страх в возмутителей. Может быть, в сей час они собираются и умышляют. Упущение единого мгновения часто бывает причиною падения целого государства. Не презирай, государь, сего совета. // Не взирай *л. 26*
ни на что, поверь мне, строгость твоя праведна. Должность монарха состоит в наказании преступления; дай волю гневу твоему и отврати взнесенные на тебя поражения.

Ц а р ь (*Голстейну*). Удалися, Голстейн. (*Меньщикову*). Я имею нечто сказать тебе. Останься. (*Голстейн уходит*).

Я в л е н и е II

Ц а р ь , М е н ь щ и к о в

М е н ь щ и к о в (*в сторону*). Чего желает он? Осмелюсь ли его уведомить. //

Ц а р ь. Ты уверяешь меня, но по какой причине премена сия *л. 26 об.*
в тебе произошла, ты соответствуешь гневу моему? Ты!

М е н ь щ и к о в. Мне известна дерзость врагов твоих; и защищая их, изменил бы я тебе.

Ц а р ь. Сего довольно. Но скажи мне, кто б был сей гордый вождь, который ободряет буйство возмущенных? Безопасность моя, друг мой, зависит от познания его; потщися найти его между моими вельможами. Я мню, что то Амилька, сей оставленный князь, его я должен был наказать, но простил! Известно мне искусство его в возмущении к распложению умысла и произведению его. В глубокой хитрости давно он искусился, и я, ненавидя его буйство, всегда почитал превосходный его разум. //

М е н ь щ и к о в (*в смущении*). По толиких благодеяниях твоих *л. 27*
к нему можно ли подумать, государь, чтоб дерзнул он толь злой

воздвигнуть ков? Но опасность, которой подвержен ты и твое государство… Милосердие, великий государь! часто подает повод к неблагодарности.

Ц а р ь. Должно за ним присматривать; ненависть его ко мне ныне паки может возродиться, и он самую мою к нему благость во зло мне употребить может. Отымем от возмутителей опасную для нас сию подпору их. Я поручаю тебе о сем попечение, препоручаю тебе мою жизнь. Хотя я непрестанно окружен сетями, но не страшуся их, коль ты еще мне верен. Твоими неутомимыми попечениями утверждается мой престол, и я противополагаю опасностям моим токмо сердце мое и твою дружбу. (*Выходит*). //

л. 27 об.

Явление III

Меньщиков, *один*

М е н ь щ и к о в. О мой государь! О великая душа! О злодейством исполненные рабы! Ах, мне ль тебя убить, когда милость твоя ко мне толь велика! Убийцею быть твоим, о Боже! Рука сия да поразит прежде собственное сердце мое тысячью ударами; нет, я должен предаться движению моего духа и прервать узы, к злодейству меня влекущие. Я должен служить моему царю, спасти его в сей день и погубить изверга, забыв любовь… Забыть Амету! Несчастный, я обожаю ее, дочь злодея, и государь о том не знает! Сколько слабости, увы! в беспрестанном борении, коль медленно возвращается сердце мое к добродетели! О добродетель! Коея законы я почитал всегда священными, услаждение души моей, как мог
л. 28 я тебя оставить? Так ли могут быть // увлечены от тебя игралищем судьбы искренно тебя любящие. Единое мгновение несчастного заблуждения низвергает нас в вечное поношение и повреждает честь всей предшедшей нашей жизни. Какие права человека и страшной его участи, если не в его власти пребывать всегда добродетельным! Амета!.. Дражайшее имя! Она идет; я трепещу. Что приводит ее в печальные места сии?

Явление IV

Амета, Меньщиков

М е н ь щ и к о в. Ну, что сказал тебе жестокий твой отец? Осмелился ли он?

А м е т а. Радость в очах его блистает. Он торжествует внутренно, принося меня в жертву, но, может быть, что ненависть // его тобою *л. 28 об.* смягченна; ты упросишь его.

М е н ь щ и к о в. Его упросить, сего жестокосердого!

А м е т а. Как?

М е н ь щ и к о в. Ах! оставь меня.

А м е т а. Чтоб я тебя оставила, о небо! нет, ты должен мне сказать…

М е н ь щ и к о в. Что хочешь ты узнать?

А м е т а. Но что за тайна то, коей я не могу познать?

М е н ь щ и к о в. Ужасом исполненная тайна.

А м е т а. Что говоришь ты? Я содрогаюсь. Неужели предался ты злодеянию?

М е н ь щ и к о в. Так, я злодей! //

А м е т а. Нет, не верю я сему; нет, то невозможно, но успокой *л. 29* мое смущение и страшное подозрение сие. Заклинаю тебя любовию и <самим>[18] несчастием нашим, извести о всем; вещай иль я умираю.

М е н ь щ и к о в. Как можешь ты принуждать меня прервать сие молчание?

А м е т а. Я настою в том, жестокий, и твой мне в том отказ.[19]

М е н ь щ и к о в. От ужасной тайны сей зависит твоя жизнь.

А м е т а. Не обольщай меня суетными сими словами. Так ли владею я твоею душою? Чего страшишься ты от Аметы, чего страшишься от любви моей?

М е н ь щ и к о в. Так знай! Знай, что несчастный союз // должен *л. 29 об.* соединить нас с тобою в сей лютый день; какой день и какой союз! Какая страшная пропасть, в которой добродетель предается наградою за злодеяние! Отпусти мне признание, которое ты из меня исторгла. Так, рука твоя будет наградою злейшему преступлению. Должно мне сделаться ненавистным чудовищем, чтоб быть твоим. Должно, повелевает немилосердый твой отец, по совершении мне

---

[18] самым

[19] *Фраза не завершена. В ориг.:* «et ton refus m'offense» — «и отказ твой меня оскорбляет».

жесточайшего на свете злодеяния окровавленною рукою влещи тебя ко алтарю.

А м е т а. Я от ужаса леденею. Возможно ль, чтоб отец мой?

М е н ь щ и к о в. Сего царя, которому я предан, и коего ты толико почитаешь, великодушный сей государь, который неисчетными благодеяниями ежеминутно предупреждает мои желания; тот, коего в превратностях его единая дружба моя утешает… Дражайшая Амета. //

л. 30 А м е т а. Что ж?

М е н ь щ и к о в. Хотят, чтоб умерщвлен был мною.

А м е т а. Не обманывается ли мой слух? Где я? Свершай, несчастный, скажи, что обещал ты?

М е н ь щ и к о в. Все; некий злой дух отъял употребление чувств моих. Любовь, увы! любовь поколебала твердость мою.

А м е т а. И ты еще живешь! Являешься моему взору! И не стремишься пасть к ногам твоего государя! Ты любишь его и покушаешься на его жизнь! Изменник, беги далече от меня, уноси с собою твое бешенство. Вот какое действие бедственной моей к тебе любви! Я была причиною злодеяния, не ведая о том! Жестокий отец мой соплетает ков злодейства, убийца любовник мой, а государь мой жертва злобы их. Природа, любовь, я обеих вас ужасаюсь. Так, *л. 30 об.* я чувствую, // что все права ваши в душе моей исчезают. Но чего дерзаешь ты желать? Ты хочешь мне предложить руку твою, дымящуюся кровию твоего государя? И возжигая светильник несчастного сего брака, ругаться мнишь над его гробом ужасным сим торжеством? Ты мнишь, что Амета, к преступлениям обыклая, согласится на сие убийство и может вооружить измену твою? Я не удерживаю тебя; беги, беги прославиться убийством, стремися поместить себя в число знаменитых преступников, достопамятных примеров человеческой злобы, дели казнь и вечное поношение с подлыми убийцами, коих злодейственные руки, не содрогаясь, подъемлются на отцеубийство, на престол, где присутствует величие Божие; чудовище, адом изрыгнутое для принесения ему в жертву царей и наказания народов.

М е н ь щ и к о в. Ты убиваешь меня!.. Ах! останься; ах! можешь *л. 31* ли, жестокая, раздирать // руками твоими смертельную мою рану? Останься; ты не должна судить меня; и тем паче ругаться мною. Ты

должна о мне жалеть; угнетая меня строгостию твоею, помысли, Амета, помысли, для кого я стал преступник. В жестокой моей доле вместо того, чтоб меня оставить, отважься признать меня, отважься простить мою вину. Не спеши отречься от любви законной; одна чрезмерная моя к тебе любовь причиною была моего преступления, но верь, что малодушное и презренное в очах твоих сердце сие по самом своем преступлении еще добродетельно, еще достойно тебя, оно очищается угрызениями совести. Я низглагаем настоящим временем, но ободряем будущим. О, сколь далек я, о мой царь, от покушения на жизнь твою. Я все исправлю и должен делать то, бегу. Ты будешь мною довольна.

А м е т а. О небо! что ты предприемлешь? //

М е н ь щ и к о в. Во всем признаться пред царем и объявить о… *л. 31 об.*

А м е т а. О ком?

М е н ь щ и к о в (*в исступлении*). О отце твоем.

А м е т а. Постой, не дерзай объявить о нем, старайся уничтожить его намерения, не обнаруживая его злодеяния; сему закону, мною тебе налагаемому должна повиноваться любовь твоя ко мне, помысли, что не могу я пережить смертный ему приговор. Но я пойду к нему. О Боже! Даруй слезам моим силу на побеждение сердца его.

М е н ь щ и к о в. Куда идешь ты?.. Опасайся злобы варвара сего. Знаешь ли, Амета, какой удар он тебе приуготовляет; если произнесешь ты одно слово, в жестоком его исступлении он умертвит тебя.

А м е т а. Родитель мой!.. //

<М е н ь щ и к о в>.[20] Ах, неизвестны ему чувствования сего зва- *л. 32*
ния. Давно уже услаждается он твоими слезами; теперь потребна ему кровь твоя. Убегай его зверства; скрой тайну мою в сердце твоем. Я сам потщусь склонить жестокого сего князя; он преклонится, может быть, для собственных польз своих; но страшись недоверчивых его взоров и останься в сих местах.

А м е т а. Что отваживаешься ты мне предлагать? Нет, хотя бы он еще виновен был, должна я его чтить и в самое то время, как

[20] *Здесь и далее до второго вхождения на л. 35:* Менщиков.

угнетает меня его рука. Родитель мой может перемениться, я тем себе ласкаю, но, хотя бы и умертвить меня он предприял, то должна я оставаться в его власти.

М е н ь щ и к о в. Обещай, по крайней мере…

А м е т а. Идут; я оставляю тебя. //

л. 32 об. М е н ь щ и к о в. Не измени себе.

А м е т а. Колико страшусь я твоей слабости? Ах, если родитель мой нас обоих в сих местах увидит!.. Но зрела я раскаяние твое, я сим довольна: прости.

Я в л е н и е V

Г о л с т е й н, М е н ь щ и к о в

Г о л с т е й н. Одни ли мы?

М е н ь щ и к о в. Одни, вещай.

Г о л с т е й н. Слух носится о возмущении, что в сей же день царь будет убиен. <Легкомысленный народ слуху сему внемлет>.[21] //

л. 33 М е н ь щ и к о в. Но слышно ли, кто начальник умысла сего?

Г о л с т е й н. Стрельцы, как то сказали мне, ты можешь вообразить, мой друг, колико раскаиваюсь я, что мог их защищать пред государем. О несчастное действие опасного извещения! Они в то время, как я предстательствовал за них, умышляли сие злодеяние. Сколь тягостно носить любовь царей, если лучший совет им <может быть>[22] вреден? Если для предохранения жизни их должно всегда, увы! вооружать руки их на погибель подданных.

М е н ь щ и к о в. Престань страшиться. Царь наш праведен и умеет познавать истинного сего друга.

Г о л с т е й н. Жизнь его в опасности. //

л. 33 об. М е н ь щ и к о в. Нет, в безопасности она; твоей он верности ее препоручил; усугубляй ее. Твое непреодолимое усердие да не допустит к нему вход и вернейшим его слугам. Стреги чертог царский, пока усилия мои, твоими подкрепленные, учредят все извне!

<Конец третьего действия>

---

[21] *Вписано почерком Державина.*

[22] *Вставка на поле почерком переписчика, другими чернилами.*

Действие IV

Явление I

Амилька, <Азов>[23]

Амилька. Меньщиков в местах сих обещал меня ожидать.

Азов. Как отваживаешься ты ждать его у врат чертогов царских? Не страшишься ли ты, что он, будучи извещен… Часто громовые удары при ясном небе поражают. //

Амилька. Верь, что все я предусматриваю; все тихо и все *л. 34* исполнится по моему желанию; Меньщиков наш, я умел его поработить; он не может на меня донесть, не изменяя сам себе и не лишась Аметы, которая в моей власти и здесь споспешествует надежде моего мщения. Я предсказал тебе, что раздраженный любовник падет в наши сети. Есть страсти, коих власть неограниченная покоряет себе все должности и повреждает добродетель; из сих-то, во внутренности сердца своего преданных страстям, благоразумный вождь заговора избирает себе сообщников; честолюбие, любовь и мрачная зависть, искусством управляемые, переменят Россию.

Азов. Но ежели царь…

Амилька. Царь ничего не знает и не может подозревать тайного умысла сего. Но коль должны мы, Азов, // беспрестанно опа- *л. 34 об.* саться и всегда страшиться слабости смертных существ, и наш часто порок по суетных исступлениях смущается и трепещет от гласа совести, то употребим все и не изменим друг другу. Меньщиков идет. Поди, беги, уготовляй все к возмущению.

Явление II

Меньщиков, Амилька

Амилька. Избрал ли ты место и определил ли время? Иль еще отлагаешь ожидающее тебя счастие? Алтарь уж готов; любовница твоя горит к тебе любовию; торжество тебя ожидает; а царь еще живет! Твой взор смущен, колеблются твои стопы. Я не зрю железа, долженствующего вооружить руку твою. //

Меньщиков. Я обещал, я то знаю, рука моя тебе должна зло- *л. 35* деянием, но останавливаюся еще для оплакивания жертвы. Ах!

---

[23] *Здесь и далее:* Азоф.

Ежели бы я мог, споспешествуем небом, возвратить добродетель в развратившееся твое сердце; ежели бы мог я укротить разъяренную ненависть сию, которая обоих нас ныне влечет к злодейству, признайся, государь, я могу тебе услужить более, не предаваясь дерзости убийства великого сего мужа.

А м и л ь к а. Как?..

М е н ь щ и к о в. Не бойся ничего, я даю тебе в том слово. Какого ж смертного принесть на жертву ты мне повелеваешь? Как! Не стра-
л. 35 об. шишься ль ты, чтоб, готовясь к поражению, // трепещущая моя рука не повергла железа? Как предстану я сему челу, славою окруженному, кое несчастия, столько же как и победы <возвышают>.[24] Чело, в коем представляется устрашенному взору моему величество монарха и душа друга? Воззри на наше царство: один сей вид долженствовал бы смягчить тебя; в пространной сей, но издревле бесплодной стране, ты видишь, процветают нравы, добродетели и законы; помысли, что мы были, и зри, что мы теперь: из неукротимых зверей царь сделал человеков. Его глас оживотворил усыпленную Россию: из тиновистых блат произрастает Петербург, сквозь невежество и суетные его прения свет просиял под кровом хижин наших. Течет время в полезных трудах, и кажется, что уносит с собою все предбудущие бедствия наши. Повиновение владычествует над диким
л. 36 стремлением; и, управляя храбростию, усугубляет мужество. // Прелести неисчетных удовольствий, прежде нам неизвестные, постепенно умягчают наши нравы; и на ледянистых горах, в коих природа кажется мертвою, является нам небо не столь уже суровым. Единый смертный, един он произвел сию премену; сам он сооружает великие памятники сии, став рабом своего народа и сам себе мучитель, жертвует он себя всего подданным своим по безмерной к ним любви; а два неблагодарные из них, жадные его крови, вооружаются за его благодеяния пронзить его сердце!

А м и л ь к а. Как мог я до сих пор внимать таким словам, о небо! Как дерзаешь ты изображать мне то, что всего более меня раздражает? Сии толь славные труды, толь пышные памятники не прельщают, но оскорбляют взор мой; <я ненавижу царя, и тщетны твои ухищрения>;[25] слава его питает мою ненависть, и перемена его в царстве есть преступление в моих глазах.

---

[24] возвышает

[25] *Вставка на поле тем же почерком, другими чернилами.*

М е н ь щ и к о в. Не отрекайся, государь, от прежнего // сияния *л. 36 об.*
твоего! Все будет исправлено! Царь благодеяниями своими может истребить следы долговременной его к тебе немилости. Твой сан, твои деяния известны, известно мне, каких почестей и наград они достойны! Но сам ты, государь, старался ли когда искать милости твоего царя и смягчать его против тебя гнев? Ему ли должно уступать? Ах! может быть, несчастный государь сей стенает во внутренности сердца своего о своей строгости и, изнемогая под бременем трудов своих, жалеет о подданном, <могущем>[26] быть толь <полезным>[27] его отечеству, коль славно будет для меня, если я обезоружу двух толь великодушных особ, кои созданы на то, чтоб любить друг друга!

А м и л ь к а. Чтоб любить друг друга! Какая речь! Страшись справедливого моего гнева! Чего желаешь ты?

М е н ь щ и к о в. Смягчить тебя и спасти жизнь твою. // По смерти *л. 37*
царской неужели мнишь ты владеть со славою престолом, убийством осквернённым! Ты должен всего страшиться. Враги царские, раскаяся, будут о нем жалеть. Смерть его воздвигнет светило на его добродетели, ты будешь свидетелем почестей гроба его. Они исторгнут у тебя окровавленную диадиму, железо то, коим меня ты вооружаешь, пронзит грудь твою. Остановись: узри, как скиптр твой сокрушается, все права уничтожаются, весь Север пылает пламенем, и <Россия>[28] испущает последний свой вздох. Мужество твое тщетно будет стремиться медленными усилиями преодолевать бурю; разъяренный народ не признает уже никаких законов и мнит отмщать за самое небо, отмщая за своих царей. Оставь вредное свое намерение…

А м и л ь к а. Беги! Покоряйся лицемерию; произноси клятвы, *л. 37 об.*
отрицаемые слабостию твоею! // Ласкай тирану и ползай у ног его; мне потребно иное сердце и иная рука.

М е н ь щ и к о в (*по некотором молчании*). Ну, коль тако уже должно, коль участь моя к честолюбию твоему должна быть пригвождена, не трать времени, Амилька, скажи; мне должно знать, какие способы, какое время, какое место должен я избрать? Кто со-

---

[26] могущим

[27] полезну

[28] Россиа

умышленники наши? Уверен ли ты в усердии их? Могут ли они воспомоществовать законопреступной сей руке? <Бояре>,[29] стрельцы…

А м и л ь к а. Я проницаю твои намерения. Ты тщетными сетями сими мнишь обольстить меня? Но ухищрения твои бедственны тебе будут; подлец, ты изменяешь мне? Но Амета в моей власти; она, конечно, знает все; я представлю тебе награждение, ты понимаешь меня и знаешь, что я обещал тебе. //

л. 38

Явление III

Амета, Амилька, Меньщиков

А м и л ь к а. Но что вижу я? Амета.

М е н ь щ и к о в. Какая неожиданная радость!

А м е т а. Я, государь, тебя ищу.

А м и л ь к а. Что понуждает тебя предстать взору моему?

М е н ь щ и к о в. Ах! я оживаю.

А м е т а. Я прихожу смягчить тебя иль умереть у ног твоих.

А м и л ь к а. Когда дерзаешь ты мне изменять, тщетны старания
л. 38 об. твои обезоружить мой гнев. Страшись ярости и власти // отеческой. Несчастная, ступай за мною.

М е н ь щ и к о в (*став между Аметой и Амилькой*). Нет, жестокий!.. Я буду защищать ее против законопреступного отца, и прежде, нежели ты отымешь единый предмет моей любви, увидишь меня, погибшего или поражающего самого тебя.

А м е т а. Что будет со мною?

А м и л ь к а. Ах, какое поношение! Я вижу моих врагов и не могу отмстить.

М е н ь щ и к о в. Трепещи.

А м и л ь к а (*вынимая меч*). Кому? Мне трепетать!

А м е т а. Что делаешь ты?

А м и л ь к а (*к Амете*). Изменница! Как можешь ты сопротивляться стремлению моему? Повинуйся. //

л. 39 М е н ь щ и к о в. Гей, стражи, сюда. (*Стражи входят*). Я повелеваю вам именем царским стеречь Амету. (*Амильке*). Беги, несчастный, твой государь тебя узреть здесь может, я повторяю, иль в сих

[29] Бояри

местах тебя удержат. Я ненавижу твоего злодейства и должен бы был наказать тебя в сей час… но чту еще в тебе родителя Ametы, той, которую я обожаю.

А м и л ь к а. Немилосердое божество! Я уже зрю, все сопротивляется моим желаниям. Ну, я оставляю места сии на несколько времени; но скоро возвращусь, вооруженный мщением моим, потопить их в крови, принесть на жертву моих врагов; и обоих вас моему гневу. Повергнуть ее, умирающую, к ногам ее любовника. //

Явление IV

л. 39 об.

Амета, Меньщиков

А м е т а. Престань удерживать меня! Я должна следовать за ним. И по какому праву дерзаешь ты почитать меня невольницею твоею?

М е н ь щ и к о в. Я! Чтоб предал я тебя подлому сему убийце, который, видел я, как желал пронзить твою грудь? Нет, я не признаю в нем твоего родителя; сам он отрекся величественных свойств звания сего. Сердца наши не должны покоряться узам, которые он сам прервал. Ты слышала ль? Жестокий! Я содрогаюсь… до какой степени злость его природу оскорбила!..

А м е т а. Ах! Меньщиков, успокой меня, заклинаю тебя браком, долженствующим нас соединить, возврати спокойство // сему сердцу, *л. 40* исполненному ужасных подозрений. Отец мой виновен, я ненавижу его злодеяние; но должна ли я оставить его? Изобрети способ к спасению его жизни; нет невозможного усилиям любви. Потщись избавить его от удара, угрожающего ему. Амета в слезах помилования его просит.

М е н ь щ и к о в. Помилования! Кровию моею желал бы я его купить! Но когда испрошу я ему оное, пожелает ли он его принять? Я все делал; я следовал за ним до края бездны; я стал сообщником его, дабы его обезоружить. Что же наконец скажу тебе? Жизнь царская в опасности; я чувствую, что я делюсь между Аметою и им. Произноси мой приговор, я повинуюсь вышнему сему закону. Желаешь ли, чтоб царь, сей благодетель мой, коего толико я люблю, поражен был рукою беснующегося подданного и перед глазами твоими испустил дух свой, отважишься ли повелеть мне… //

А м е т а. Какое дерзкое исступление! *л. 40 об.*

М е н ь щ и к о в. Скажи, чего желаешь ты?

А м е т а. Я желаю, чтоб спасен тобою был мой родитель. Как! Ты можешь колебаться? Ну, так свершилось все со мною. Сего же дня повлекут меня вместе с ним на казнь! Коль ничто тебя не смягчает, казнь моя, из уст твоих произнесенна.

М е н ь щ и к о в. Неужели бедствия мои толь велики? Ты ли сие произносишь, жестокая, и так ли утешаешь ты меня? Ты, влекомая на казнь… ну, иду…

А м е т а. Отпусти мне; в горестные сии часы лишаюсь я рассудка. Но не должна ли я хранить верность к родителю моему; он преступник для тебя, но мне священны его права. Похочешь ли, откры-
л. 41 вая // его злодеяние, поставить между нами ужасную сию преграду и расторгнуть наши узы? Но более сего должна тебе сказать, поверь мне, что родитель мой, невзирая на злодеяние свое, почитает добродетель, он ищет царской гибели, мня защищать отечество свое. Государь идет, укроемся от гневных его взоров.

М е н ь щ и к о в (*Амете*). Полагайся на меня во всем. (*Страже*). Последуйте за нею.

Я в л е н и е V

Ц а р ь, М е н ь щ и к о в

Ц а р ь. Все известно мне: умышляют, покушаются на жизнь мою. Зри варварство неукротимого народа… Друг мой, но я его преодолею. Окружен убийцами, в опасности крайней жалею я только о нем. Невзирая на его дерзость ненаказанную, не может
л. 41 об. он // никогда удручить моего духа. Но не узнал ли ты чего? Я чувствую, с тобою находяся, колико дружба утешает царей. Дай успокоиться мне в недре сердца твоего от бедствий управления государством.

М е н ь щ и к о в. Ах, государь, коль велика твоя милость! Пошли меня в сей час исправить… отмстить за тебя неблагодарному народу, бунтовщикам, коих щадят еще громовые поражения; я должен поощрить твой гнев. Не трать времени; сколь счастлив я, если пролию всю кровь мою за твои ко мне милости! Казни.

Ц а р ь. Я то делать должен и так определил. Несносно стало мне уж царствовать среди непрестанных бурь, страшиться всегда взнесенных поражений ядом и железом; изменники, убийцы не бу-

дут мне подданные. Да разрушится и истребится скопище сие, // недостойное жизни, данной им Творцом. Подлая толпа сия, пре- *л. 42*
слушная моим законам, да трепещет от слуха единого имени моего. Счастлив иль несчастлив по сем я буду, мне все уже равно. Не укротит жалость раздраженное мое честолюбие; и из кровавых развалин вокруг меня не спасу ничего, кроме имени великого царя… Ах! Меньщиков, ты видишь, в какое заблуждение ведет меня мой гнев. О небо! неужели быть должно варваром, чтоб быть правосудным.

М е н ь щ и к о в. Нет, не варвар ты; следуй стремлению гнева твоего. Да погибнут изменники от поражений твоих. Дозволь…

Ц а р ь. Приятно мне усердие твое, и лестно твое рвение; но благоразумию противно обнаружить его действие, и прежде обеспечиться мы должны успехом // в деле сем, узнать начальника тайного *л. 42 об.*
сего умысла. Его никто не именует. Я сему дивлюся; но тебе известно, кто тот неблагодарный, кого я подозреваю. Дом его стражи мои уже окружили. Но тщетно было то. Уже он скрылся.

М е н ь щ и к о в. Но дщерь его, возвратившуюся в сей град, именем твоим повелел я содержать под стражею. Она здесь; сей залог, государь, может, по крайней мере, несколько удержать злодейское стремление.

Ц а р ь. Его дщерь! Что слышу я! Изменник, может быть… Ах, какое новое подозрение производишь ты в моей душе! Она в толь юных летах, легковерна, а как скоро может злоба развратить слабое сердце и рассудок. Часто видима бывала красота, во злодеянии возбуждающая убийственную руку изменника. Она наущаема своим отцом. //

М е н ь щ и к о в. Она! Амета! Великий Боже! Не предавайся, го- *л. 43*
сударь, гнусному сему подозрению. Я ужасаюся оного. Нет, государь, нет, не отважится приступить злодеяние к великой сей душе. Известно то тебе; когда в счастливейшие дни рождающиеся приятности ее в местах сих явилися, тогда все видели в ней превосходство красоты и добродетели ее. Коль шестилетнее заточение от нас ее скрывало, то в недрах ли злосчастия могла она привыкнуть к злодеянию? Амета… Ах, государь! Она вся та же, верно преданная должностям своим, кои сердечно любит. В то время, как подозреваешь ты ее в измене, готова она пролить всю кровь свою. //

л. 43 об.

Явление VI

Царь, Меньщиков, <Голстейн>[30]

Голстейн. Жизнь твоя в опасности; совещают уже погибель твою; чертоги окружены возмутителями. Начальник их Амилька.

Царь. Вам стеречь Амету и оградить места сии. Не бойтесь ничего, мои друзья; я хочу явиться смущенному их взору. (*Меньщикову*). Ты следуй за мною; ступай сражаться за твоего царя.

Конец четвертого действия //

л. 44

Действие V

Явление I

Амета, *одна*

Амета. Итак, название любовника, отца и государя, сии толь драгоценные и священные имена одно мучение приносят мне! О! ужасные брега, о! земля бесплодная, где в заточение, увы! я родителем сослана была; <пустыни>[31] Архангельска, свидетели горестей моих, пещеры, кои толь часто я слезами моими орошала и в коих единое жалостное эхо на вопль нежной души моей отвечало! Когда я оставляла вас, кто б мог тогда сказать, что некогда я буду оплакивать ужасное ваше жилище? Могла ль я ожидать сего бедствия, угнетающего меня! Меньщиков разъяренный! Отец мой неумолимый!.. Я зрю, как стремятся они поражать друг друга. Варвары, все
л. 44 об. удары ваши на сердце мое // упадают. Остановитесь… Почто не могу я!.. Ах, нет сил более воздержаться; бегу на помощь их.

Явление II

Голстейн, Амета

Амета. Голстейн, чего должна страшиться я?

Голстейн. Царь торжествует; возмутители прогнаны и бегут вдоль сего канала. Изменник Азов издыхает.

---

[30] *Здесь и до конца л. 43 об.:* Гольстейн.

[31] пустыня

А м е т а. Что ж сделалось с отцом моим? Вещай, уже нет надежды печальному сердцу моему.

Г о л с т е й н. Он явился сначала, предводительствуя возмущенными, и мужество его долго сопротивлялось усилиям нашим; но видя, что сверхъестественная храбрость царская принуждает и влечет к себе колеблющуюся победу, по трупам мертвых // пролагая путь *л. 45* к чертогам сим, он вдруг помчался. Тут Меньщиков вскричал мне: «Беги, я полагаюсь на твое усердие, спаси Амету; ты будешь отвечать мне за нее». Победоносный государь уже возвращается с ним, и сейчас будут здесь. Я слышу шум; идут: так, сам государь идет.

Я в л е н и е III

Ц а р ь, М е н ь щ и к о в, А м е т а, Г о л с т е й н

Ц а р ь (*Меньщикову*). Ступай, великодушный друг, подпора сердечно любящего тебя монарха. Твоей неустрашимости я должен престолом моим и жизнию; надейся всегда на справедливую награду мою. Да предстанет изменник; он в моей уже власти. Голстейн, вели его ввести. (*Голстейн уходит*). //

Я в л е н и е IV *л. 45 об.*

Ц а р ь, А м е т а, М е н ь щ и к о в

А м е т а (*к Царю, бросаясь к ногам его*). Ах! дозволь предстать мне пред тобою. Я знаю, государь, что ненавистен тебе должен быть мой вид, что законопреступный взгляд мой тебя прогневляет. Я оплакиваю бедственную дерзость несчастного отца; но не отваживаюсь просить ему пощады. Сей князь, некогда почтенный при твоем дворе, должен ныне погибнуть по твоему суду, ах! повели, по крайней мере, чтоб совокупно с ним за злодеяние отцово Амета казнена была.

Ц а р ь. Ты достойна добродетельнейшего отца. Я жалею о твоем несчастии; участь твоя ужасна, но ты должна забыть то, от кого ты рождена.

А м е т а. Нет, государь, я вижу, что я вместе с ним должна быть осуждена. Когда // тебя[32] с ним общая опасность угрожала; то правда, *л. 46*

[32] *Так*.

что меж вами делилися тогда сердечные желания мои. И если бы злодеяние его было успешно, то, конечно, бы была я жертвою моего к тебе усердия; и за тебя отмстила бы бесчеловечному отцу собственною моею смертию; ничто бы, государь, не в силах было удержать моей руки. Но он один теперь, побежден, оставлен всеми; смерть его полезна может быть спокойствию твоего престола, и в сей крайности должна, конечно, дочь его, сотовариществуя ему в его <падении>,[33] умереть с ним вместе; в сей лютый и пагубный ему день я зрю уж в нем родителя, а не злодея.

Меньщиков. Какая речь! Ах, государь! И ты попустишь, чтоб нею толикие добродетели погибли! Я не могу уж более скрывать съедающего меня пламени, что с нею ни воспоследует, я сам тому ж подвергнусь. Я люблю ее сердечно. //

л. 46 об. Царь. Что слышу я! Любовь могла тебя соединить с кровию моего злодея, и ты о сем меня не уведомил! Узы сии могли казаться тебе дозволенными!

Меньщиков. Я сделал более сего: познай все мои преступления. О небо! Амилька идет, о дражайшая Амета!

Амета (*бросаяся к отцу*). Родитель мой…

Амилька. Оставь меня.

Царь (*к Амете выходящей*). Останься здесь…

Амета. Я трепещу.

Явление V

Амилька, *в цепях и окружен стражею*, Голстейн, Царь, Амета, Меньщиков //

л. 47 Царь (*Амильке, не являя гнева*). Зри бедственный конец твоего честолюбия; стыд и угрызения совести, вот что ты приобрел.

Амилька. Стыд!.. Но наслаждайся благоприятным тебе счастием. Я приготовил тебе смерть среди твоих чертогов; мои товарищи меня оставили, преодоленны будучи твоими; я поражен ударом небесным тогда, когда находился уже на степени престола. В одно мгновение разрушило оно[34] все мои расположения. Но пусть так. Я оставляю тебя, окруженного убийцами, страшные подозрения да

[33] падение

[34] *Имеется в виду* «небо».

умножат твои мучения! Я не хочу изменять и ни о ком не объявлю, и буду гнать тебя и по смерти моей. Веди меня; я бегу.

Ц а р ь (*спокойно*). Воины, удержите его. Но что ж то за тайна, Меньщиков, которой я не знаю? Какими окружен я сетями и чего еще бояться должен я? Кто сии убийцы и сообщники его?

М е н ь щ и к о в. Я. //

Ц а р ь (*с удивлением и жалостию*). Ты мне изменяешь? *л. 47 об.*

М е н ь щ и к о в. Повергаюся к ногам моего государя. Уже время мне обнаружить себя перед тобою; так, я преступник и содрогаюся, о сем помышляя; неблагодарный друг и подданный, я обещал бесчеловечному сему убить тебя собственною моею рукою. Он, во зло употребляя мое смущение, возбуждая страсть мою, воспользовался слабостию моего сердца. Я не мог тогда обличить его злодейства и теперь должен умереть, если он осужден будет на казнь. Я достоин смерти и не прошу помилования. Преступление мое ужасно.

Ц а р ь (*поднимая его, милостиво*). Твое раскаяние его уничтожает.

М е н ь щ и к о в. Ах! не разлучай двух виновных рабов; иль сверши твое милосердие.

А м е т а. Смягчися; склонись к моей просьбе; я трепещу о участи отцовой. Возможно ль, государь, // чтоб к милости тебя не преклонили слезы природы и любви? *л. 48*

А м и л ь к а (*<с> злобным видом*). Пощади меня от стыда бесплодной горести твоей. Я побежден тираном, смерть единое мое убежище.

А м е т а (*к Царю*). Ах, государь!

Ц а р ь (*по нескольком размышлении*) (*к Амете*). Успокойся. (*Амильке*). По всему, что видишь ты, суди теперь, Амилька, какая участь есть царей. Я ношу, стеная, когда завидуют все мне, и тяжесть моего престола, и бремя собственной моей жизни. Окружен бедствиями, удручен без помощи, все, даже до самой дружбы, вооружается на дни мои. Отважься царствовать… возвратите ему оружие его. (*К Меньщикову, который являет телодвижением свое удивление*). Сними с него оковы. Не бойся ничего, оставь нас одних. //

М е н ь щ и к о в. Кто, я! Чтоб я вас оставил! *л. 48 об.*

Ц а р ь. Я то повелеваю.

М е н ь щ и к о в. Нет, государь; мой долг удерживает меня здесь.

Ц а р ь (*голосом несколько грозным*). Поди, я повторяю, и стража да отступит.

А м и л ь к а (*удивленный, в сторону*). Что предприемлет он? И что хощет мне сказать? (*Все выходят*).

Я в л е н и е VI

Ц а р ь, А м и л ь к а

Ц а р ь. Амилька, не зри во мне царя. Забудь мой сан и взирай токмо на человека, которого ты видишь пред собою. В моих руках и власти находилася законопреступная твоя жизнь; но я чувствую,
л. 49 что существует // удовольствие несравненно сладостнее мщения. Я возвратил тебе твои права; защищай их, ты то можешь. Оправдай твои дела и злобу на меня. Вещай.

А м и л ь к а. Речь таковая меня в смущение приводит, я должен был убить тебя, а не беседовать с тобою.

Ц а р ь. Но что же производит в тебе таковую жажду моей крови?

А м и л ь к а. Бедствия государства.

Ц а р ь. Скажи лучше, желание быть на моем месте.

А м и л ь к а. Любовь к отечеству, истина. Твоя злоба без жалости терзала недро соотчичей моих. Чертоги сии, обремененные бесполезными украшениями, основаны на костях моих сограждан; ты, украшая твое тиранство пышностию художеств, не можешь сту-
л. 49 об. пить, не попирая жертв // твоих; и по сем вопрошаешь меня, какая причина вооружает меня и озлобляет против тебя.

Ц а р ь. Я извиняю тебя и жалею о тебе; непроницаемая тьма скрывает от тебя лучи, которые меня освещают. Пространное и отважное основание, высокие намерения, великие и верные к тому способы, вот в чем состоят все мои преступления. Правда, что проливал я кровь, но то необходимо было нужно; рука моя никогда не попускалася на то, чего делать ей было не должно. Жестокость, коею меня ты упрекаешь, могла бы назваться злобою в частном человеке, но в царе есть добродетель. Отверзи твои очи, зри древнюю Россию, управляющуюся единым побуждением телесных чувств, томящуюся в скотском невежестве. Прежде нежели моя неустрашимость предприяла ее исправить, была та презрительная тина, которую должно было оживотворить. И в сем бедственном ее состоянии не-
л. 50 обходимо нужно было лишить ее // нескольких капель крови для очищения всего тела. Сии художества, они самые…

А м и л ь к а. Да погибнут они! Они обессилили сердца и дух наш. Ими самые преступления преобращаются в законы. Украшенные злодеяния не переменяют свойств своих. Оставь, оставь полуденным жителям яд сей. Сия бесплодная земля, ледянистые горы и вечный мраз, украшение наших стран, должны были тебе явить намерение природы. Она знает разделять дары свои соразмерно свойствам каждой стране; Север определен ею на произведение победителей. Сообрази ты сам в себе, какие принесли плоды чудесные дела, кои уж толь давно занимают бессонные ночи?[35] Междоусобие внутри и извне войну, бесконечные попечения, вот цена твоих трудов. Ты должен сражаться, ты должен истреблять; с мечом в руках приступаешь ты к просвещению нас; все государство соединилося восстать против тебя, какая же польза в просвещении и художествах твоих? Первые семена далеко // распространили корень свой. *л. 50 об.*
Народ, содрогаясь от убийства и обагрен в своей крови, не забывает жестокостей твоих, сердца их еще наполнены горестию сею.

Ц а р ь. Я ожидал сего, я предвидел сии бури. Известны мне человеки; привержены к обычаям своим, жестоко они мстят за презрение их, во что бы то ни стало. Согбенны под привычками, сохраняют они впечатление их; и в неукротимом бешенстве своем не прощают великодушным смертным, стремящимся к пользе их. Россия должна была вооружиться против благодетеля своего; но законодатель не взирает на настоящее время. Он зрит предбудуще, непременное судилище, бесстрастное и нелицеприятное, тогда-то добродетели, ругаяся противникам своим, находят преданных себе и самих мстителей. Тогда все пользы уже соединятся; неблагодарность умирает, и ненависть конец приемлет. Бессмертное убежище спокойных почестей — гробница великого человека, — и первый жертвенник его. Торжество мое несомненно: // мне мнится, что я вижу, как от века *л. 51*
в век под правительством счастливейших меня монархов утверждаются мои основания. Тогда-то, Амилька, удивленная Россия познает цель, к коей руки мои ее влекли; я начертал путь всем наследникам моим; они, конечно, будут следовать по нем, оживотворяемы духом моим, и древо твердое, насажденное моими руками, покроется плодами для потомства моего.

---

[35] *Пропущено слово* «твои». *Ср. ориг.:* «tes veilles».

А м и л ь к а. Блистательные сновидения сии, великолепная надежда прилична может быть герою, а не политику. Россия рождена на то, чтоб побеждать и отваживаться на все; ее бы должно приучать к войне, а не к наукам; должно от нее скрывать сей законопреступынй луч, который, ты то знаешь, и самому тебе уж вреден. Народ видит, рассуждает, но то ко вреду уж твоему; просвещенные подданные скоро становятся тиранами; слепое повиновение надежнее всего; неверно тогда действуют руки, когда ропщет дух; и на-
л. 51 об. род, // невежеством ограниченный, всегда бывает страшнее и счастливее.

Ц а р ь. Нет, невежество и зверское побуждение, которое толико ты защищаешь, не может составить счастие человеков. Рассудок должен соединять подданного с монархом, и несчастный человек должен познавать свои права. Пусть тысяча мечей на жизнь мою вооружатся, пусть народ мой опровергнет все отечество на меня, я возмог, по крайней мере, отверзть очи нескольким человекам; и лучше хочу сто раз погибнуть ими, нежели истощеваться, владея хижинами и печально пасти презрительных скотов. Пусть <развержится>[36] пропасть под ногами моими, я горю славою и презираю смерть.

А м и л ь к а. Недолго будет она медлить. Ты окружен бедствиями, и меч уже висит над твоим престолом.

Ц а р ь. Ну, так почто же медлишь ты? Ты можешь ускорить сию толь близкую минуту собственною своею рукою. Неукротимый
л. 52 смертный, // свершай злобу твою, повергай отечество твое в прежнюю тьму. Гаси светильник, мною возжженный, и возвращай не оживотворенную Россию прежнему ее ничтожеству. Прекрати мои бедствия и сократи ежечасные страхи мои; злоба твоя теперь действовать может, я возвратил тебе оружие твое. Приступай, терзай сию грудь, отверстую пред тобою, отважься удовольствовать себя, рази монарха твоего.

А м и л ь к а. Познай меня: враг, колико бы ни был мне ненавистен, но обезоруженный, становится для меня священным. (*Особо*). Он возмутил всю внутренность души моей.

Ц а р ь. Нет, продолжай твое предприятие; иль будь мне друг, иль убийца мой.

---

[36] развержется

А м и л ь к а (*в великом беспорядке*). Твой друг!

Ц а р ь (*в восхищении*). Я торжествую; и душа моя, увеличенная, // теперь мнит, что укрощает всю Россию, покоряя себе сердце твое. *л. 52 об.*

А м и л ь к а. Не могу уже противиться толикой твоей твердости, непреоборимая сила увлекает волю мою. Паду к твоим ногам.

Явление VII

Царь, Амилька, Голстейн

Г о л с т е й н. Твоя стража в беспокойстве и силою стремится видеть тебя, государь.

Ц а р ь. Впусти их.

Явление VIII

Царь, Амилька, Голстейн, Меньщиков, Амета

М е н ь щ и к о в. Могу ль сему я верить? Какое лестное знаменование! //

А м е т а. О небо!.. Родитель мой у ног монарших! *л. 53*

А м и л ь к а. Вы видите, что может власть великия души. (*К Меньщикову*). Все принуждает меня нарещи тебя моим зятем. Я стыжусь тех крайностей, в которые тебя влекла моя злоба; но император твой тебя своим примером прощать научает.

Конец

И. Ю. ФОМЕНКО

КНИЖНЫЙ ПОДАРОК КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЖЕСТ: ПЕРЕПИСКА С. Р. ВОРОНЦОВА И Л. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

В фонде семьи Воронцовых в РГАДА хранится переписка 1799 г. Л. И. Голенищева-Кутузова и С. Р. Воронцова о посылке «английскому королю Георгу III и английскому адмиралтейству» нескольких экземпляров перевода на русский язык книги знаменитого мореплавателя Дж. Кука «Путешествие в южной половине земного шара и вокруг оного, учиненное в продолжении 1771, 73, 74 и 75 годов английскими королевскими судами Резолюциею и Адвентюром под начальством капитана Иакова Кука. С французского перевел Логгин Голенищев-Кутузов. Напечатано по высочайшему повелению» (СПб., 1796–1800. Т. 1–6.). Книга содержала научное описание знаменитого путешествия, составленное самим мореплавателем и участниками экспедиции с приложением карт и рисунков, перегравированных с оригинала. Инициатива перевода книги на русский язык принадлежала писателю и картографу Логгину Ивановичу Голенищеву-Кутузову (1769–1846), в те годы разделявшему руководство Морским кадетским корпусом со своим отцом президентом Адмиралтейств-коллегии Иваном Логгиновичем Голенищевым-Кутузовым (1729–1802). Первые три тома шеститомного издания вышли в свет еще при Екатерине II, в правление Павла I работа была продолжена.

© И. Ю. Фоменко, 2017

В 1799 г., после выхода из печати четвертого тома книги, переводчик вознамерился подарить свой перевод английскому королю Георгу III и «лордам Адмиралтейства». Связанный с этим эпизодом комплекс документов состоит из четырех небольших дел. В него входят письмо вице-президента Адмиралтейств-коллегии Г. Г. Кушелева к Л. И. Голенищеву-Кутузову, два письма переводчика (послу России в Англии С. Р. Воронцову и английскому королю Георгу III), два письма С. Р. Воронцова к Л. И. Голенищеву-Кутузову и письмо С. Р. Воронцова отцу переводчика И. Л. Голенищеву-Кутузову.[1] Переписка хотя и небольшая, но содержит важные материалы к истории издания и распространения тиража книги. Так, Л. И. Голенищев-Кутузов сообщает С. Р. Воронцову, что Павлу I «благоугодно было при восшествии на престол высочайше повелеть мне продолжить начатое мною еще при покойной императрице преложение на российский язык описания о втором путешествии капитана Кука, сего знаменитого мореплавателя и книгу сию напечатать на императорское иждивение».[2] Здесь же любопытная информация о деловых взаимоотношениях Л. И. Голенищева-Кутузова с С. Р. Воронцовым: «Имея по высочайшему его императорского величества повелению в смотрении моем хранилище всех морских карт и составляя нужные для флота атласы, обязан я вашему сиятельству покорнейшею благодарностию за доставление толь хороших иностранных карт, каковые от вашего превосходительства присланы, ибо они мне весьма много послужили к одному уже изданному и другому ныне издаваемому Морскому атласу о Северном море, коих буду иметь честь доставить вам по экземпляру».[3] Имеются в виду «Морской атлас для плавания из Балтийского моря к Английскому каналу, по высочайшему повелению с новейших иностранных карт издан Морского кадетского корпуса генерал-майором Голенищевым-Кутузовым. 1798 года» (СПб., 1798) и «Морской атлас для плавания из Белого моря к Английскому каналу и в Балтийском море. Составлен и издан Морск. кад. корпуса генерал-майором Голенищевым-Кутузовым 1800 года» (СПб., 1798). Таким образом, благо-

[1] РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 1. Д. 1758; Оп. 4. Д. 80, 191, 197 (в дальнейшем при цитировании этих материалов указываются номера описи, дела и листа).

[2] Оп. 4. Д. 197. Л. 2.

[3] Там же. Л. 3.

даря переписке выявляются существенные детали деятельности и С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова.

Несомненный интерес представляет и дипломатический сюжет, связанный с посылкою экземпляров перевода «Путешествия» Дж. Кука в Англию. Посредником между императором и переводчиком выступил вице-президент Адмиралтейств-коллегии Григорий Григорьевич Кушелев. Как явствует из его письма к Л. И. Голенищеву-Кутузову от 2 июня 1799 г. из «Павловского», Павел I одобрил намерение переводчика. Сообщив, что четвертая часть издания была поднесена императору и принята «с благоугодностью и изъявлением высочайшего благоволения <...> трудившемуся в переводе», Кушелев уведомил Л. И. Голенищева-Кутузова, что ему «высочайше позволено <...> послать оных экземпляров в Англию, к королю, членам Адмиралтейства тамошнего и прочим чиновникам, кому заблагорассудите».[4]

В развернутом письме С. Р. Воронцову от 21 июля (1 августа) 1799 г. Л. И. Голенищев-Кутузов подробно обосновал свое намерение и обратился к нему за содействием: «Для доставления <...> экземпляров я не мог избрать другого средства как просить о том ваше сиятельство, яко российского при Великобританском дворе министра». В письме содержится подробное описание отсылаемых материалов:

> Препровождаю к вам, милостивый государь, четыре экземпляра, из коих каждый в четырех томах описания и один том карт; для короля, лордов Адмиралтейства, для Лондонского королевского общества и для лорда Гренвиля, на каждом экземпляре надписано, кому оный предназначен, каждый находится в особенном с таковою же надписью ящике и с приложением письма.<...> Книга, подносимая мною его величеству королю, на языке, ему неизвестном, но содержит описание знаменитейшего подвига, по его повелению и его попечением совершенного. <…> Надеюсь, что таковое от россиянина приношение тем паче будет приятно, что книга переведена по повелению его императорского величества, удостоена всемилостивейшего благоволения, по высочайшему позволению подносится его величеству королю и что повеление о преложении оной на российский язык служит доказательством сколь полезным государь император почитать изволит путешествия, предпринятые и совершенные по повелению Георгия III, августейшего его императорского величества союзника. *NB*. Препровождаю к вашему сиятельству копии с письмом к его величеству королю.[5]

---

[4] Оп. 4. Д. 197. Л. 1.

[5] Там же. Л. 3.

Итак, один из экземпляров перевода предназначался самому С. Р. Воронцову, один министру иностранных дел У. Гренвилю (1759–1834), «во изъявление моего почитания к особе толь много соучаствовавшей утверждению счастливого между Россией и Англией союза», один королю Георгу III и один Адмиралтейству. Существенно, что в письме речь идет о посылке четырех томов описания путешествия и «тома карт», то есть «Атласа». Действительно, к 1799 г. были изданы только четыре тома, содержащие перевод текста, написанного самим Дж. Куком. Пятый том, куда входили дополнения участника экспедиции Форстера, вышел позже, в 1800 г., и в момент переписки, работа над его переводом еще велась. Письмо позволяет уточнить дату выхода из печати «Атласа», который в «Сводном каталоге русской книги XVIII века» описан как шестой том «Путешествия в южной половине земного шара» без указания года издания.[6] Очевидно, что трудоемкая работа по подготовке гравюр, под руководством такого опытного картографа как Л. И. Голенищев-Кутузов, велась крайне оперативно и была завершена уже к 1799 г.

В ответных письмах С. Р. Воронцов принимает на себя обязанность передать экземпляры книги по назначению. Однако с вручением книги королю все оказалось не так просто. Письма С. Р. Воронцова Л. И. Голенищеву-Кутузову содержат сведения, позволяющие лучше представить роль русских дипломатов XVIII в. в формировании царских библиотек России и Европы. В отпускном письме к Л. И. Голенищеву-Кутузову от 16 (27) августа 1799 г. он соглашается участвовать в передаче книги, но предостерегает переводчика от дипломатической ошибки (передачи книги вместе с личным письмом королю):

Милостивый государь мой Логгин Иванович! Письмо Вашего превосходительства от 21 числа июля с приложенными копиями письма от его сиятельства графа Григория Григорьевича Кушелева к Вам, и Вашего к его величеству, здешнему королю я вчерашнего дня получил с особенным удовольствием. Я радуюсь, помышляя о Ваших полезных упражнениях и трудах, употребленных на перевод сочинения славного мореплавателя капитана Кука. <...> По получении же оных, назначенный от Вас для меня экземпляр приму я с чувствительнейшею благодарностью и признательностью. Также и экземпляры, назначенные для Лондонского королевского

[6] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1962. Т. 1: А–И. С. 235.

общества, для лордов Адмиралтейства и для лорда Гренвиля, не оставлю я вручить куда следует. Что же касается до экземпляра, назначенного от Вас на вручение его величеству королю при письме, то я тут почитаю за нужное приметить Вам вообще: нет обычая, чтобы люди знатных фамилий и отличившиеся заслугами и другими достоинствами, поднося сочинения государю, сопровождали бы оные своими письмами. Сие делают либо те бедные авторы, кои, поднося сочинение, ожидают себе подарков, что, я уверен, не есть Вашим предметом; либо хвастливые и бесстыжие французы, чтобы везде хвастать, что они писали к государям. Но кто захотел бы подражать их французскому нахальству. <...> Сделав таковое объяснение, после которого не сомневаюсь, что Вы со мной согласитесь, чтобы, вручая лорду Спенсеру экземпляр, назначенный для лордов Адмиралтейства, вручил бы я тут ему и другой без письма, а токмо прося его поднесть оный от Вас его величеству королю, чем и намерение Ваше исполнено, и всякая благопристойность соблюдены будут <...> Кроме же таковой благопристойности и этикету, я и по должности своей не должен и не могу подавать здешнему королю, к которому я аккредитован, как токмо те письма, кои присылают ко мне от самого государя императора.[7]

Таким образом, при передаче книги С. Р. Воронцов предполагал воспользоваться посредничеством «первого лорда Адмиралтейства» Дж. Спенсера (1758–1834).

В письме, отосланном в тот же день отцу переводчика, С. Р. Воронцов еще раз подтвердил свое твердое намерение не вручать Георгу III адресованное ему послание Л. И. Голенищева-Кутузова: «Когда я получу отправленное число экземпляров, то назначенный для меня приму я с чувствительнейшею благодарностию Вам и его превосходительству Логгину Ивановичу. Другие также вручу по их назначениям, и тогда же буду просить лорда Спенсера по назначению поднесть один его величеству королю, удержав только письмо, по причинам, упоминаемым в письме моем любезному Вашему сыну».[8] Неотправленное письмо английскому королю и поныне хранится в фонде Воронцовых в РГАДА.[9]

Так или иначе, в конце октября 1799 г. книга была получена, о чем Воронцов с благодарностью сообщил Голенищеву-Кутузову в письме, посланном «с английским курьером из Лондона от 29 окт. (9 нояб.)»:

---

[7] Оп. 4. Д. 191. Л. 1–2 об.

[8] Оп. 4. Д. 80. Л. 1.

[9] Оп. 1. Д. 1758.

Милостивый государь мой Логин Иванович! Книгу о мореплавании капитана Кука я токмо сегодня получил в целости и в совершенном порядке, и не мог довольно налюбоваться прекрасным экземпляром, который Вы для меня прислать изволили, и за который приношу Вам покорнейшую мою благодарность. Прочие экземпляры будут поднесены по их надписям, его величеству королю, Лордам Адмиралтейства, лорду Гренвилю и Королевскому Социетету, в свое время не упущу Вам о том изложить. Остаюсь с истинным и совершенным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга.[10]

Описывая придворный этикет, тот неписанный порядок, который соблюдался при поднесении и принятии книжных даров, С. Р. Воронцов делится с переводчиком драгоценным личным опытом, приводя примеры своего участия в передаче английских книг русским императорам и членам их семей:

Покойный славный здешний лорд Бьют, который воспитал здешнего короля, был долго первым министром, имел совершенную доверенность своего государя, знал все этикеты; любя всегда ботанику, удалившись от <будничных?> дел издал превеликолепное ботаническое сочинение, которое и было напечатано токмо 6 или 7 экземпляров; из коих поднося один покойной императрице, он токмо прислал свое сочинение ко мне без письма и просил меня вручить оное ее императорскому величеству. Лорд Макартни также человек отличных сведений, заслуг и достоинств, и который будучи долго посланником в России, имел счастье персонально быть известен государю императору, по возвращении из Китая, когда вояж его был напечатан, то желая поднести по экземпляру оного его императорскому величеству и также государыне императрице, он также без письма прислал токмо мне упомянутые два экземпляра своего сочинения, прося о доставлении оных их императорским величествам, при засвидетельствовании глубочайшего его благоговения.[11]

Речь идет о роскошно изданном труде по ботанике Джона Стюарта 3-го, графа Бьюта (John Stuart 3rd Earl of Bute; 1713–1792) «Botanical tables, containing the different Family's of British plants distinguished by a few obvious parts of Fructification rang s in a synohtical method» (London, 1785), известном также как «Bute botanical tables». Лорд Бьют, всегда увлекавшийся ботаникой, уйдя в отставку всецело ей предался. Имеется даже сорт цветка, названный его именем. Экземпляр книги, некогда подаренный им Екатерине II по инициа-

[10] Оп. 4. Д. 191. Л. 3.

[11] Там же. Л. 2–2 об.

тиве С. Р. Воронцова,[12] ныне хранится в Эрмитажном собрании РНБ (шифр 5.14.3.209). Однако книга не так редка, как писал С. Р. Воронцов, по крайней мере, она имеется в основных библиотеках Европы. В письме от 18 (29) мая1786 г., сообщая А. А. Безбородко о посылке книги, Воронцов хотя и отметил, что «лорд Бьют пребогат и щедр, ему никакой нужды нет в подарках», далее добавил: «весьма прилично было бы если бы в. с. изволили мне написать на французском языке письмо, изъявляющее удовольствие государыни с некоторыми лестными выражениями к сочинителю».[13] Однако отправление письма с изъявлением монаршей благодарности затянулось, о чем свидетельствует <…> отпускное письмо С. Р. Воронцова к А. А. Безбородко, отправленное из Лондона 23 октября (3 ноября) 1789 г.:

Милостивый государь господин граф! Три года назад я имел честь послать Вашему сиятельству <…> труд, посвященный ботанике <…> в роскошном переплете и в футляре из ценных пород дерева. Эти книги были переданы мне милордом Бьютом, ибо он <…> счел возможным осмелиться преподнести ей сей труд, автором которого он является. Я имел честь написать об этом Вашему сиятельству (29 мая по новому стилю 1786 года) и <…> надеялся, что эти книги <…> помогут ему снискать одобрение [императрицы]. <…> Положение, занимаемое милордом Бьютом и его манера мыслить ставят его выше обычных свидетельств одобрения, <…> простой комплимент очень обрадует его и <…> в случае, если ее императорское величество соизволит присовокупить к этому несколько знаков щедрости, столь ей всегда свойственной, то небольшая коллекция сибирских минералов будем как раз тем, что доставит милорду Бьюту больше всего удовольствия. — Так и не получив ответа по этому поводу, я не знаю, какова дальнейшая судьба этих книг, и нахожусь в весьма затруднительном положении по отношению к милорду Бьюту и его друзьям, поскольку всем хорошо известно, что ее императорское величество всегда удостаивала своим вниманием авторов, произведения которых она получала. Милорд Бьют должен был мне поверить на слово, что он не стал исключением».[14]

Далее опытный дипломат подсказывает и выход из щекотливого положения:

Покорнейше прошу Вас, господин граф, соблаговолить предоставить мне какой-либо повод, чтобы сказать что-нибудь лестное этому знаменитом старику, кото-

---

[12] *Захарова О. Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений. М., 2013. С. 107–108.

[13] Архив князя Воронцова. Кн. 9. М., 1876. С. 466–467.

[14] Оп. 1. Д. 1432. Л. 1–2.

рый однажды правил Англией и который благодаря своим политическим взглядам всегда доброжелательно относится к нам и выступает против союза Великобритании с Пруссией. Если ваше сиятельство соизволит написать мне на французском языке письмо, которое я смогу показать всем и в котором причина, по которой об этих книгах не говорилось, будет объяснена тем, что они прибыли в то время, когда ее императорское величество находились в путешествии, я воспользуюсь им как оправданием, которое иначе мне очень трудно найти в глазах милорда Бьюта, поскольку, независимо от моего личного мнения, положение, занимаемое мною, не позволяет мне вызывать недовольство человека такого уровня.[15]

Второй сюжет связан с послом Англии в России в 1764–1767 гг., лордом Джорджем Макартни (George Macartney; 1737–1806), который в 1792–1794 гг. посетил Китай с неудавшейся дипломатической миссией. Научные материалы экспедиции были опубликованы участником посольства Дж. Л. Стонтоном (G. L. Staunton; 1737–1801) в книге «Authentic accoint of an embassy to the emperor of China» (Лондон, 1797). Видимо, она и была поднесена «их императорским величествам». В 1804 г. книга была издана в переводе на русский язык.[16]

Переписка дополняет образ С. Р. Воронцова как «комиссионера» царской семьи, представленный О. Ю. Захаровой.[17] Кроме того, она позволяет внести ряд дополнений в имеющиеся биографические и библиографические пособия, такие как «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» и «Словарь русских писателей XVIII века», в котором помещена биография Л. И. Голенищева-Кутузова, составленная М. П. Лепехиным.[18]

---

[15] Там же.

[16] *Стонтон Дж. Л.* Путешествие во внутренность Китая и в Тартарию, учиненное в 1792-м 1793-м 1794-м годах лордом Макартнеем посланником англинскаго короля при китайском императоре, с присовокуплением реляции оного посольства, путешествия предпринятого при сем случае кораблями Лионом и Индостаном, и весьма любопытных известий о гишпанских, португальских и голландских селениях, где сии корабли останавливались, выбранных из бумаг лорда Макартнея, сира Эразма Говера, начальника экспедиции, и других особ, принадлежащих к посольству, сиром Георгом Стонтоном, членом Лондонскаго Королевского общества и полномочным министром при китайском императоре. С приложением ландкарт и естампов. Перевод с французского. М., 1804–1805. Ч. 1–4.

[17] *Захарова О. Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. С. 106–115.

[18] Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: А–И. Л., 1988. С. 203–204.

Изучение переписки раскрывает дальнейшие возможности выявления экземпляров книг семьи Романовых в фондах отечественных библиотек и русских императорских даров в библиотеках Европы.

ПРИЛОЖЕНИЕ[19]

Письмо Л. И. Голенищева-Кутузова
С. Р. Воронцову от 21 июля (1 августа) 1799 г.

Милостивый государь, граф Семен Романович!

Его императорское величество, как известно Вашему сиятельству, удостаивая флот особенного высочайшего своего начальства, изволит распространять внимание свое на все, что может служить к пользе и приумножению познаний морских офицеров. Между толь многими о сем всемилостивейшем попечениями благоугодно было при восшествии на престол высочайше повелеть мне продолжить, начатое мною еще при покойной императрице преложение на российский язык Описание о втором путешествии капитана Кука, сего толико знаменитого мореплавателя, и книгу сию напечатать на императорское иждивение. По окончании издания каждого тома я имел счастие подносить оный ее императорскому величеству и удостаиваться изъявлений высочайшего благоволения, ныне же при поднесении четвертого и последнего тома, получил всемилостивейшее дозволение послать экземпляр сей книги его величеству королю великобританскому, лордам Адмиралтейства и прочим чиновникам в Англии, по моему рассуждению. как ваше сиятельство усмотреть изволите из прилагаемой у сего копии с письма ко мне от его сиятельства графа Григория Григорьевича Кушелева. Вследствие сего высочайшего позволения, препровождаю к Вам, милостивый государь, четыре экземпляра, из коих каждый в четырех томах описания и одного тома карт; для короля, лордов Адмиралтейства, для Лондонского королевского общества и для лорда Гренвиля, на каждом экземпляре надписано, кому оный предназна-

[19] Краткую информацию о публикуемых документах см.: *Фоменко И. Ю.* Книжный подарок как дипломатический жест. По материалам переписки Л. И. Голенищева-Кутузова и С. Р. Воронцова // Музейные библиотеки в современном обществе. Книга как подарок. XIII научно практическая конференция 19–21 апреля 2016 г. Тезисы докладов. М., 2016. С. 78–80.

чен, каждый находится в особенном с таковою же надписью ящике и с приложением письма. Пятый же при сем препровожденный экземпляр, переводивший подносит Вашему сиятельству во изъявление нелестного сердечного почитания, коим он давно на примере отца к особе Вашей расположен, паче же с того времени, когда Вы оказали толикое попечение обеим Российского флота офицерам и толикие к ним милости.

Книга, подносимая мною его величеству королю, на языке, ему неизвестном, но содержит описание знаменитейшего подвига, по его повелению и его попечением совершенного, описание одного из тех морских путешествий, чрез которые царствование Георга III соделалось эпохою в истории, а потому преложение мое имеет право быть в руках сего государя и я счел приятною должностию оное поднести его величеству. Надеюсь, что таковое от россиянина приношение тем паче будет приятно, что книга переведена по повелению его императорского величества, удостоена всемилостивейшего благоволения, по высочайшему позволению подносится его величеству королю и что повеление о преложении оной на российский язык служит доказательством, сколь полезными государь император почитать изволит путешествия, предпринятые и совершенные по повелению Георгия III, августейшего его императорского величества союзника. Лордам Адмиралтейства приношение моей книги принадлежит потому, что их неусыпные попечения о надлежащем отправлении и снабдении капитана Кука, бдительное предусмотрение обо всем, что могло ему быть нужно, более всего способствовали толь успешному совершению сего путешествия, Королевскому обществу, так как первому ученому в Англии собранию, коего и капитан Кук и сопутствовавшие Банкс, Форстер и прочие ученые мужи были члены; лорду Гренвилю во изъявление моего почитания к особе толь много соучаствовавшей утверждению счастливого между Россией и Англией союза.

Для доставления часто упоминаемых экземпляров, я не мог избрать другого средства как просить о том Ваше сиятельство, яко Российского при Великобританском дворе министра. Зная же, что Вы любите Отечество, я уверен, что Вам приятно будет доставить Королю Английскому плод трудов соотечественника Вашего, доказывающий, сколь в России упражняются в полезных наука и сколько же уважают подвиги мореплавателей Великобританских. Поручая книги мои в покровительство Ваше, за нужное нахожу еще сказать Вашему сиятельству, что оное содержит журнал капитана Кука, соединенный с записками господина Форстера и представляет прекрасное описание путешествия. Описание о третьем путешествии перевожу я с английского и ныне приступил уже к преложению доставлен-

ного от Вашего сиятельства описания о путешествии капитана Ванкувера.

Имея честь под главным начальством отца моего начальствовать Морским кадетским корпусом, имея по высочайшему его императорского величества повелению в смотрении моем хранилище всех морских карт и составляя нужные для флота атласы, обязан я Вашему сиятельству покорнейшею благодарностию за доставление толь хороших иностранных карт, каковые от Вашего превосходительства присланы, ибо они мне весьма много послужили к одному уже изданному и другому ныне издаваемому Морскому атласу о Северном море, коих буду иметь честь доставить Вам по экземпляру.

НВ. Препровождаю к Вашему сиятельству копию с письма его величеству королю.

РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 4. Д. 197. Л. 2–3

Письмо Л. И. Голенищева-Кутузова английскому королю Георгу III

Sire!

Your Majesty's Reign, most renowned for its many famous events, is an epoch remarkable in the annals of mankind, on account of the See Voyages performed by your command. How large a part of the inhabited Globe was concealed from us in a State of almost impenetrable obscurity, till you majesty's accepsion to the throne of Great Britain. The successor Voyages round the World, undertaken by Byron, Wails, Carteret, the three of the immortal Capitan Cook, and the last by Capitan Vancoower have unfolded the most remote Regions of the terrestrial Globe and added lustre to the distinguished fame of British Navigators. It was not the gain of Dominion founded on lucrative views that induced George the III to plan such enterprises: his sole object was the increase of knowledge and the good of mankind. When the Circumnavigator of Your Majesty returned home enriched with the knowledge quite new and valuable to the world, you were then pleased to think of benefiting all Europe by ordering all those discoveries to be published without delay.

Your Majesty's most August Ally, my most Gracious Sovereign in the midst of his unremitted solicitudes for the welfare of his Empire, eminently granting his protection to sciences, but in particular favoring his Navy by keeping it under his most special direction, and extending his attention to all that can contribute to the knowledge of the See officers, was pleased to order me to translate into Russ the three Voyages of Capitan Cook and to have it published at his Imperial Majesty cost. Hastening to fulfil the order of my most Gracious Sovereign and

having an argent desire to impart such important knowledge to my Countryman, I dedicated to this translation, the little time unoccupied in my Office, and began with this Capitan Cook and Mr. Forster combined account of the second expedition of this Navigators, the most important of the thee voyages. This work of mine being now finished, I humbly presume, with his Imperial Majesty's permission to offer to Your Majesty a copy of my translation:

Although the book is in a language probably unknown to Your Majesty, it has a claim to be in your hands as the author and promoter of the renowned enterprises.

Sire! deign to receive this my small offering attended with the most profound veneration, which I shall ever entertain for the wisdom, fortitude and virtues of your Majesty

Sire!

You Majesty's

most humble, obedient and devoted Servant

L. G. Coutousov

General-Major of the Imperial Noble Corps of Marine Cadets

20 (31) Jully 1799

РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 1. Д. 1758

Пер.:

Ваше величество!

Правление Вашего величества, известное многими славными событиями, это эпоха замечательная в анналах человечества благодаря морским путешествиям, предпринятым под Вашим руководством. Какая значительная часть обитаемого земного шара была скрыта от нас почти непроницаемой завесой, пока Вы не заняли престол Великобритании. Успешные кругосветные путешествия, предпринятые Байроном, Вейлсом, Картеретом, бессмертным капитаном Куком и последнее капитана Ванкувера, открыли самые отдаленные районы земного шара и добавили блеска к выдающейся славе британских морских путешественников. Не усиление Доминиона, основанное на понятиях выгоды, заставило Георга III планировать такие предприятия, его единственной целью было умножение знаний и благо человечества. Когда мореплаватели Вашего величества вернулись из кругосветных плаваний домой, обогащенные знаниями новыми и драгоценными для мира, Вам было отрадно озаботиться пользой всей Европы, организовав незамедлительную публикацию описаний их открытий.

Августейший союзник Вашего величества, мой суверен, среди забот о процветании своей империи, поддерживает науки и особенно покрови-

тельствует морскому флоту, содержа его под своим особым руководством и уделяя внимание всему, что может способствовать образованию морских офицеров. Он соблаговолил поручить мне перевод на русский язык путешествия капитана Кука и распорядился опубликовать его за свой счет.

Спеша выполнить пожелание моего суверена и имея горячее желание распространить такие важные знания среди моих соотечественников, я посвятил этому переводу немногое время, свободное от моих служебных занятий, и начал с отчета капитана Кука и мистера Форстера о второй экспедиции, самой важной из трех. Моя книга теперь окончена, и я скромно предполагаю, с позволения моего Императора преподнести Вашему величеству экземпляр моего перевода.

Хотя книга написана на языке неизвестном Вашему величеству, она имеет основания оказаться в Ваших руках как творца и организатора данного предприятия.

Ваше величество, соблаговолите принять мое скромное подношение с самым искренним благоговением перед мудростью, стойкостью и благодетелью Вашего величества.

Вашего величества
всенижайший, покорнейший и преданнейший слуга
Л. И. Кутузов
Генерал-майор Императорского морского кадетского корпуса
20 (31) июля 1799

Письмо С. Р. Воронцова Л. И. Голенищеву-Кутузову от 16 (27) августа 1799 г. (отпуск)

Милостивый государь мой Логин Иванович! Письмо Вашего превосходительства от 21 числа июля с приложенными копиями письма от его сиятельства графа Григория Григорьевича Кушелева к Вам, и Вашего к его величеству здешнему королю я вчерашнего дня получил с особенным удовольствием. Я радуюсь, помышляя о Ваших полезных упражнениях и трудах, употребленных на перевод сочинения славного мореплавателя капитана Кука, своими откровениями толико поспешествовавшего к общеполезному просвещению, а наипаче к распространению географических познаний.

Вашего превосходительства преложение важного сего сочинения на отечественный наш язык не токмо препохвально старается открыть источник к вящему российских любителей наук но и таковой показывает нашим морским офицерам пример ревности и охоту к подобным предприятиям, что, наконец, послужит и к славе любезного нашего отечества.

В письме Вашем не означено, с кем посланы сюда упоминаемые в оном пять экземпляров перевода, а затем я и остаюсь токмо в ожидании, <покуда> оные ко мне принесены будут. По получении же оных, назначенный от Вас для меня экземпляр приму я с чувствительнейшею благодарностью и признательностью. Также и экземпляры, назначенные для Лондонского королевского общества, для лордов Адмиралтейства и для лорда Гренвиля, не оставлю я вручить куда следует. Что же касается до экземпляра, назначенного от Вас на вручение его величеству королю при письме, то я тут почитаю за нужное приметить Вам вообще: нет обычая, чтобы люди знатных фамилий и отличившиеся заслугами и другими достоинствами, поднося сочинения государю, сопровождали бы оные своими письмами. Сие делают либо те бедные авторы, кои, поднося сочинение, ожидают себе подарков, что я уверен, не есть Вашим предметом; либо хвастливые и бесстыжие французы, чтобы везде хвастать, что они писали к государям. Но кто захотел бы подражать их французскому нахальству. Покойный славный здешний лорд Бьют, который воспитал здешнего короля, был долго первым министром, имел совершенную доверенность своего государя, знал все этикеты; любя всегда ботанику, удалившись от <будничных?> дел издал превеликолепное ботаническое сочинение, которое и было напечатано токмо 6 или 7 экземпляров; из коих поднося один покойной императрице, он токмо прислал свое сочинение ко мне без письма и просил меня вручить оное ее императорскому величеству. Лорд Макартни также человек отличных сведений, заслуг и достоинств, и который будучи долго посланником в России, имел счастье персонально быть известен государю императору, по возвращении из Китая, когда вояж его был напечатан, то желая поднести по экземпляру оного его императорскому величеству и также государыне императрице, он также без письма прислал токмо мне упомянутые два экземпляра своего сочинения, прося о доставлении оных их императорским величествам, при засвидетельствовании глубочайшего его благоговения. Кроме же таковой благопристойности и этикету, я и по должности своей не должен и не могу подавать здешнему королю, к которому я аккредитован, как токмо те письма, кои присылают ко мне от самого государя императора.

Сделав таковое объяснение, после которого не сомневаюсь, что Вы со мной согласитесь, чтобы, вручая лорду Спенсеру экземпляр, назначенный для лордов Адмиралтейства, вручил бы я тут ему и другой без письма, а токмо прося его поднесть оный от Вас его величеству королю, чем и намерение Ваше исполнено и всякая благопристойность соблюдены будут.

РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 4. Д. 191. Л. 2–2 об.

Письмо С. Р. Воронцова Л. И. Голенищеву-Кутузову (отпуск)

29 окт. (9 нояб.)
Генерал-майору г. Кутузову С английским курьером. Лондон, октября 29 / ноября 9 1799

Милостивый государь мой Логин Иванович!

Книгу о мореплавании капитана Кука я токмо сегодня получил в целости и в совершенном порядке, и не мог довольно налюбоваться прекрасным экземпляром, который Вы для меня прислать изволили, и за который приношу Вас покорнейшую мою благодарность. Прочие экземпляры будут поднесены по их надписям, его величеству королю, Лордам Адмиралтейства, лорду Гренвилю и Королевскому Социетету, что в свое время не упущу Вам о том изложить. Остаюсь с истинным и совершенным почтением Вашего превосходительства покорнейший слуга.

РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 4 Д. 191. Л. 3

Письмо С. Р. Воронцова И. Л. Голенищеву-Кутузову (отпуск)

Лондон. Августа 16/27 1799

Когда я получу отправленное число экземпляров, то назначенный для меня приму я с чувствительнейшею благодарностию Вам и его превосходительству Логгину Ивановичу. Другие также вручу по их назначениям, и тогда же буду просить лорда Спенсера по назначению поднесть один его величеству королю, удержав только письмо, по причинам, упоминаемым в письме моем любезному вашему сыну.

РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 4. Д. 80. Л. 1

Письмо С. Р. Воронцова А. А. Безбородко (1789) (отпуск)

/1/ CopieA S<on> E<xellence> M<onsieu>r le C<om>te
de Bezborodko
Milord Bute
Londres ce 23 oct<ob>re/3 nov<emb>re 1789

M<onsieur> le C<om>te,

Il y a trois ans que j'eus l'honneur d'envoyer à V<otre> E<xellence> par le canal de M<onsieu>r de Sutherland un ouvrage de botanique en 9 vol<umes>

en quatre manifestement reliés et renfermés dans une casette de bois rares: le tout m'avoit été remis de la part de Milord Bute, qui connoissant le gout que S<a> M<ajesté> I<mpériale> a pour les sciences et la protection dont Elle les honore, croyoit pouvoir oser Lui faire l'hommage de cet ouvrage, dont il est auteur. Je me fis l'honneur d'en écrire à V<otre> E<xellence> (le 29 mai N<ouveau> St<yle> 1786 par l'expedieur du courier Poggenpohl) et de lui dire, que j'esperois que ces livres auxquels Milord B<ute> avoit cherché de joindre tous les accessoires qui pouvoient en augmenter le prix et les rendre plus dignes d'etre présentés à S<a> M<ajesté> I<impériale>, lui en procureroit l'approbation. J'ajoutois qu'en outre de la merite intrinseque, ces livres avoient celui de la rareté, Milord Bute n'en ayant fait imprimer que douze /2/ exemplaires, qu'a l'exeption de la Reine d'Angleterre S<a> M<ajesté> I<mpériale> étoit la seule Souveraine à qui il l'en avoit offert ; je prenois ensuite la liberté de dire à V<otre> E<xellence> que le rang de Milord B<ute> sa maniere de penser, le mettoient au dessus des temoignages ordinaire d'approbation et qu'un simple compliment le flatteroit beaucoup et que dans le cas que S<a> M<ajesté> I<mpériale> voulut y joindre quelques marques de cette générosité qui l'accompagne partout, une petite collection d'echantillons de mineraux de Siberie seroit ce qui feroit le plus de plaisie à Milord B<ute>. — N'ayant jamais de reponses à cet égard, j'ignore quel a été le sort de ces livres et je me trouve dans une situation embarassante auprés de Milord B<ute> et de ses amis; parce qu'il est si connu que S<a> M<ajesté> I<mpériale> a toujours honoré de son attention les auteurs dont Elle a reçu les ouvrages, que Milord B<ute> doit /3/ me croire la cause de ce qu'il n'a pas été fait inaction du sien: Je vous supplie M<onsieur> le C<om>te de vouloir bien me fournir le moyen de dire quelque chose de flateur à cet illustre viellard qui une fois a gouverné l'Angleterre et dont les opinions politiques toujours été en notre faveur et contraire à l'alliance de G<ran>de Bretagne avec la Prusse. Si V<otre> E<xellence> avoit la bonté de m'ecrire en françois une lettre ostensible, où la cause de n'avoir pas parlé de ces livres seroit attribuée à ce qu'ils sont arrivés pendant le voyage de S<a> M<ajesté> I<mpériale>, je m'en servirois pour ma justification auprés de Milord Bute, que j'ai fort à cœur d'obtenir, car indépendament de mon personnel, je ne suis pas sans inconvenient pour la place que j'occupe etre opposé à donner du mecontentement à un gomme du rang et qui a les… <письмо обрывается>

РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 1. Д. 1432

Пер. О. Е. Ивановой:

/1/Копия
Его сиятельству господину графу Безбородко
Милорд Бьют

Лондон, 23 октября/3 ноября 1789 года

Милостивый государь, господин граф!

Три года назад я имел честь послать Вашему сиятельству через господина Сатерленда труд, посвященный ботанике, в 9 томах в четвертую часть листа, в роскошном переплете и в футляре из ценных пород дерева. Эти книги были переданы мне милордом Бьютом, ибо он, зная о пристрастии ее императорского величества к наукам и о протекции, которой она их удостаивает, счел возможным осмелиться преподнести ей сей труд, автором которого он является. Я имел честь написать об этом Вашему сиятельству (29 мая по новому стилю 1786 года через почтового экспедитора Погенполя) и сообщить вам, что я надеялся, что эти книги, которые милорд Бьют постарался снабдить всеми необходимыми дополнениями, которые могли бы повысить их значимость и сделать их более достойными, чтобы быть представленными ее императорскому величеству, помогут ему снискать одобрение. Я добавлял, что, помимо присущим им достоинств, у этих книг есть еще одно достоинство, а именно редкость, поскольку милорд Бьют распорядился отпечатать только двенадцать экземпляров, что за исключением английской королевы ее императорское величество была единственной правительницей, которой он их преподнес. Затем я взял на себя смелость сообщить Вашему сиятельству, что положение, занимаемое милордом Бьютом и его манера мыслить ставят его выше обычных свидетельств одобрения, что простой комплимент очень обрадует его и что в случае, если ее императорское величество соизволит присовокупить к этому несколько знаков щедрости, столь ей всегда свойственной, то небольшая коллекция сибирских минералов будет как раз тем, что доставит милорду Бьюту больше всего удовольствия. — Так и не получив ответа по этому поводу, я не знаю, какова дальнейшая судьба этих книг, и нахожусь в весьма затруднительном положении по отношению к милорду Бьюту и его друзьям, поскольку всем хорошо известно, что ее императорское величество всегда удостаивала своим вниманием авторов, произведения которых она получала. Милорд Бьют должен был мне поверить на слово, что он не стал исключением. Покорнейше прошу Вас, господин граф, соблаговолить предоставить мне какой-либо повод, чтобы сказать что-нибудь лестное этому знаменитом старику, который однажды правил Англией и который благодаря своим политическим взглядам всегда доброжелательно относится к нам и выступает против союза Великобритании с Пруссией. Если Ваше сиятельство соизволит написать мне на французском языке письмо, которое я смогу показать всем и в котором причина, по которой об этих книгах не говорилось, будет объяснена тем, что они прибыли в то время, когда ее

императорское величество находились в путешествии, я воспользуюсь им как оправданием, которое иначе мне очень трудно найти в глазах милорда Бьюта, поскольку, независимо от моего личного мнения, положение, занимаемое мною, не позволяет мне вызывать недовольство человека такого уровня… <письмо обрывается>.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ А. П. СУМАРОКОВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ (1966–2016)[1]

Составление предлагаемых «Материалов для библиографии…», состоящих из трех разделов («Издания», «Исследования» и «Справочно-библиографический отдел»), было первоначально подчинено научно-издательским целям (подготовка академического Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова в Отделе по изучению русской литературы XVIII века Пушкинского Дома). В указателе отражена отечественная литература о Сумарокове за пятьдесят лет, с 1966 по 2016 г. (т. е. появившаяся после выхода справочника В. П. Степанова и Ю. В. Стенника под редакцией П. Н. Беркова[2]), а издания произведений Сумарокова — с 1958 г. (т. е. вышедшие после БП-1957). Сведения, находящиеся в указателе литературы о Сумарокове, опубликованном Е. П. Мстиславской (М., 2002), существенно дополнены.[3]

В настоящей публикации использован широкий круг источников. Помимо работ, специально посвященных Сумарокову, и монографий по темам, касающимся его творчества, это труды общего

---

[1] На русском языке, опубликованной в СССР по 1991 г. включительно; в России и странах — бывших республиках Советского Союза с 1992 г.

[2] Русская литература XVIII века. Библиографический указатель / Сост. В. П. Степанов, Ю. В. Стенник; под ред. П. Н. Беркова. М.; Л., 1968.

[3] Сведения за 2017 г. приводятся выборочно.

© А. Ю. Соловьев, 2017

характера по истории литературы и тех или иных ее областей, учебные пособия для вузов. Кроме того, значительная часть описанных работ — исследования, не посвященные Сумарокову непосредственно, но затрагивающие важные аспекты его творчества (прежде всего, опубликованные в специализированных изданиях по русской литературе XVIII в. — продолжающихся сборниках «XVIII век», «Проблемы изучения русской литературы XVIII века», «Литературная культура России XVIII века»). Исследования по смежным с литературоведением дисциплинам (языкознание, история, педагогика, музыковедение и др.) привлекались выборочно, только если они содержали необходимые для издания сведения. Исследования, представленные только в сети Интернет, не включены в настоящие «Материалы…».

Вступительные статьи и комментарии к публикациям текстов Сумарокова за единичными исключениями не попали в раздел исследований, так как все авторитетные публикации отражены в первом разделе «Материалов…», с указанием составителей, редакторов, авторов статей и примечаний, а также источников текста. В раздел «Издания» не вошли публикации, в которых текст произведений Сумарокова воспроизводится по другим современным изданиям.

Все переиздания приводятся при первой публикации, с указанием соответствующих страниц. При наличии существенных дополнений переиздания описываются отдельно. В «Материалы…» не включены переиздания произведений современников Сумарокова и мемуаров, в которых он упоминается, однако учтены переиздания научных работ, впервые вышедших до 1966 года. Рецензии на работы, посвященные Сумарокову, приводятся по возможности все, рецензии на труды общего характера — только если Сумароков упомянут в самих рецензиях.

При описании работ, относящихся к Сумарокову косвенно, указываются страницы, на которых речь идет о нем и его произведениях. В монографиях о Сумарокове обозначено количество страниц. Разделы коллективных трудов, написанные разными авторами, распределены по отдельным записям. Сборники, полностью или в значительной части посвященные Сумарокову, описаны суммарно, имена авторов работ расположены по алфавиту.

В аннотациях кратко уточняется содержание работы, если это необходимо, сообщается, какие архивные материалы и новые био-

графические сведения вводятся в научный оборот, а также, если это не ясно из заглавия, какие произведения Сумарокова в ней упоминаются.

В каждом разделе записи расположены в хронологическом порядке, в пределах одного года в алфавитном порядке авторов и заглавий. Работы, оказавшиеся недоступными de visu, отмечены знаком астериск (*).

ИЗДАНИЯ

1958

Русская эпиграмма (XVIII–XIX вв.) / Предисл., подгот. текста и примеч. В. А. Мануйлова [и М. И. Гиллельсона]. Л., 1958.

«Коль мыслишь, что тебя любить я перестала…». С. 36; «Судьи приказных дел у нас не помечали…». С. 36; «Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку…». С. 36; «Танцовщик, ты богат; профессор, ты убог…». С. 37; <На М. В. Ломоносова> («Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер…»). С. 37; «Окончится ль когда парнасское роптанье?..». С. 37; «„Вчера свершился мой, жена, с тобою брак…». С. 37.

По собраниям сочинений, сборникам эпиграмм и журнальным публикациям (подробности не указаны).

Русский фельетон / Сост., подгот. текста, вступ. заметки и коммент. А. В. Западова и Е. П. Прохорова. М., 1958.

О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублей. С. 6–8.

По публикации в ТП.

1960

Русская стихотворная пародия: XVIII — начало XX в. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л., 1960. — (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Тресотиниус. Явление 3. С. 91–93; Сонет, нарочно сочиненный дурным складом для показания, что если мысль и изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении все то сочинителю никакого плода, кроме посмешества, не принесет. С. 94; Песня («О приятное приятство…»). С. 95–96; Дифирамв («Позволь, великий Бахус, нынь…»). С. 97–98; Ода вздорная I. С. 98–100; Ода вздорная II. С. 100; Ода вздорная III. С. 101–103; Обезьяна-стихотворец. С. 103–104; Дифирамв Пегасу. С. 109–111.

По первым публикациям.

Русские писатели о переводе. XVIII–XX вв. / Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова; вступ. статья А. В. Федорова. Л., 1960.

[Основные принципы перевода] Епистола о русском языке (отрывок). С. 51.

Сост. И. З. Серман.

По ПСВС-I.

1961

Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред. И. В. Малышева; подгот. текста и примеч. Л. Б. Светлова [Лехтблау]. М., 1961.

Некоторые статьи о добродетели. С. 339–349; О разумении человека, по мнению Локка. С. 350–351; О несправедливых основаниях. С. 351–354; Сон — счастливое общество. С. 354–357; Перевод письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю. С. 357–358; Господину Пасеку: вот наш бывший разговор. С. 359–360; О новой философической секте. С. 361–362; К добру или худу человек рождается. С. 362–364; О слове «мораль». С. 364–365; О домостроительстве. С. 365–367; Эпистола о русском языке. С. 367–370; О благородстве (сатира). С. 370–372; Пиит и друг его (сатира). С. 372–375; О честности (сатира). С. 375–376.

По первым публикациям и ПСВС-II.

Хрестоматия по русской литературе XVIII века. 3-е изд. / Сост. А. В. Кокорев. М., 1961.

Наставление хотящим быти писателями. С. 160–164; Димитрий Самозванец. С. 164–191; Опекун (в сокращении). С. 192–206; Рогоносец по воображению (в сокращении). С. 206–212; Хор ко превратному свету. С. 212–214; О благородстве. С. 214–216. Притчи: Болван. С. 216–217; Кисельник. С. 217; Голова и члены. С. 218; Овца. С. 218; Пир у льва. С. 218–219; Отстреленная нога. С. 219–220; Жалоба («Во Франции сперва писал стихи мошейник…»). С. 220. Эпиграммы: «Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор…». С. 220–221; «На что стояти мне, как будто пред богами…». С. 221; «Танцовщик, ты богат, профессор, ты убог…». С. 221. Песни: «Сокрылись те часы, как ты меня искала…». С. 221; «Уж прошел мой век драгой…». С. 222–223. О стихотворстве камчадалов. С. 223; О домостроительстве. С. 223–224.

По ПСВС-II.

4-е изд. 1965.

1962

Гуревич М. М. Из несобранного литературного наследия А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Вып. 5. С. 392–395.

Идиллия, Силен. С. 392–394.

По первому изданию (конволют Отдела рукописной и редкой книги БАН).

1964

История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. М., 1964. Т. 2: Эстетические учения XVII–XVIII веков / Ред.-сост. В. П. Шестаков.

Слово на открытие Академии художеств (отрывки). С. 755–757; О неестественности (фрагмент). С. 758; О стихотворстве камчадалов (фрагмент). С. 758.

По ПСВС-II.

1965

Песни и романсы русских поэтов / Вступ. статья, сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965. — (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

«О места, места драгие!». С. 60–62; «Знать, судьба мне так судила…». С. 62–63; «Где ни гуляю, ни хожу…». С. 63–64; «Лишив меня свободы…». С. 64–65; «Негде, в маленьком леску…». С. 65–66; «Уже восходит солнце, стада идут в луга…». С. 66; «Знаю, что стыдишься и крепишься молвить…». С. 67; «Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю…». С. 67; «Клав искать себе стал места…». С. 68; «К тому ли я тобой, к тому ли я пленилась…». С. 69; «Тщетно я скрываю сердца скорби люты…». С. 70; «Позабудь дни жизни сей…». С. 71; «Сокрылись те часы, как ты меня искала…». С. 72; «Ты сердце полонила…». С. 73; Хор сатир. С. 73–74; «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой…». С. 74; «Чем тебя я оскорбила…». С. 75–76; «Прости, моя любезная, мой свет, прости…». С. 76; «„Не терзай ты себя…». С. 76–77.

По ПСВС-I и БП-1957.

1966

Русская басня / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Н. Л. Степанова. М., 1966.

Притчи:

Волк и Ягненок. С. 45–46; Скупой. С. 46–47; Кошка. С. 47–48; Яйцо. С. 48–49; Мыший суд. С. 49–50; Блоха («Минерва, вестно всем, богиня не плоха…»). С. 51; Спорщица. С. 52; Пир у Льва. С. 52–53; Мышь и слон; Овца. С. 54; Жуки и пчелы; Сова и Рифмач. С. 55; Коловратность. С. 56;

Безногий солдат. С. 56–57; Подьяческая дочь. С. 58–59; Болван. С. 59–60; Кобель и Сука. С. 60; Волки и овцы. С. 61; Заяц. С. 61–62; Протокол. С. 62–63; Суд. С. 63–64; Кисельник. С. 64; Девка; Лев и Клоп. С. 65; Стрекоза. С. 65–66; Сатир и гнусные люди. С. 66–67; Кот и мыши. С. 68–69; Новый календарь. С. 69–70; Надутый гордостью Осел. С. 70; Две крысы. С. 71; Высокомерная Муха. С. 72; Соловей и Кукушка. С. 72–73; Порча языка. С. 73–74; Чинолюбивая Свинья. С. 74–75; Калигулина лошадь. С. 75; Стряпчий. С. 75–76; Заяц и Лягушки. С. 76; Ось и бык. С. 76–77; Хвастун. С. 77–78; Портной и мартышка. С. 78; Деревенские бабы. С. 78–79; Ворона и Лиса. С. 79–80; Пиит и богач. С. 80–81; Горшки. С. 81; Ремесленник и купец. С. 81–82; Просьба мухи. С. 82–83; Мышь медведем. С. 83–84; Блоха («Блоха, подъемля гордо бровь…»). С. 84; Коршун в павлиных перьях. С. 84–85; Два рака. С. 85; Волк и Журавль. С. 86; Мужик с котомкой. С. 86–87; Тяжелый комар. С. 87; Пахарь и обезьяна. С. 88; Отрекшаяся мира мышь. С. 88–89; Лисица и виноград. С. 89.

По изданиям: Притчи, кн. 1–2 (СПб., 1762); ПСВС-I, ч. VII.

1968

Мастера русского стихотворного перевода / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Г. Эткинда. Л., 1968. Кн. 1.

Пауль Флеминг. Сонет великому граду Москве. С. 81; Жак Барро. Сонет («Великий боже! твой исполнен правдой суд…»). С. 81–82; Сафо. Ода («Разных, Афродита, царица тронов…»). С. 82–83; Жан-Батист Руссо. Ода («Ты, Фортуна, украшаешь…»). С. 83–87; Жан Расин. Повествование Терамена Тезею о смерти Ипполита из «Федры» Рассиновой. С. 87–89.

По ПСВС-I.

1969

Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. статья и сост. А. Н. Соколова; подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969. — (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Наставник. С. 45; Сказка («Мужик у мужика украл с двора корову…»). С. 46; Сказка («Жил некакий мужик гораздо неубого…»). С. 46–47; Терпение. С. 47–48; Старик со своим сыном и осел. С. 49–50; Безногий солдат. С. 50–51; Скупой. С. 52–53; Кошка. С. 53; Пряхи. С. 54–55; Отстреленная нога. С. 55; Старый муж и молодая жена. С. 56; Злая жена и отчаянный муж. С. 56–57; Совет боярский. С. 57–58; Парисов суд. С. 58–59; Хвастун. С. 59–60; Деревенские бабы. С. 60–61.

По последним прижизненным публикациям (в том числе: Притчи, кн. 1–3. СПб., 1762–1769).

1970

Русская литература XVIII века / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1970.

Лирические и сатирические стихотворения:

Ода Е. И. В. Всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743. С. 107–108; Эпистола о стихотворстве. С. 108–112; Ода анакреонтическая («Плясною своей любезна…»). С. 112; Ода анакреонтическая («Завидны те мне розы…»). С. 112; Сонет («Не трать, красавица, ты времени напрасно…»). С. 113; О благородстве. Сатира. С. 113–114; Ода духовная. Из 145 псалма. С. 114; Станс граду Синбирску на Пугачева. С. 114–115.

Притчи:

Жуки и пчелы. С. 115; Болван. С. 115; Спорщица. С. 115–116; Шершни. С. 116; Соболья шуба. С. 116; Воля и неволя. С. 116; Ось и Бык. С. 116; Ворона и Лиса. С. 116; Шалунья. С. 116–117.

Эпиграммы:

«Всем сердцем я люблю и вся горю любя…». С. 117; «Ты смирен, мой жених, осанист и прекрасен…». С. 117; «Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке…». С. 117; «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог…». С. 117; «Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор…». С. 117.

Песни:

«Сокрылись те часы, как ты меня искала…». С. 117; «Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..». С. 117–118; Песенка («Савушка грешен…»). С. 118; «Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя…». С. 118; «Прости, моя любезная, мой свет, прости…». С. 118; «Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой…». С. 119; «Негде, в маленьком леску…». С. 119.

Пародия:

Ода вздорная I. С. 119–120.

Трагедия:

Димитрий Самозванец. С. 120–136.

По первым публикациям и по последним прижизненным изданиям.

1972

Русская поэзия XVIII века / Вступ. статья и сост. Г. П. Макогоненко, примеч. П. А. Орлова. М., 1972. — (Библиотека всемирной литературы. Сер. 1, т. 57).

Оды торжественные:

Ода Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743 года. С. 158–162.

Оды духовные:

Из 145-го псалма. С. 162–163.

Оды анакреонтические:

«Пляскою своей, любезна…». С. 163.

Эпистолы:

Эпистола о стихотворстве. С. 164–178.

Элегии:

«Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..». С. 178–180.

Сонеты:

«О существа состав, без образа смешенный…». С. 180.

Сатиры:

О благородстве. С. 180–183.

Притчи:

Жуки и пчелы. С. 183; Безногий солдат. С. 183–185; Болван. С. 185; Лисица и статуя. С. 186; Спорщица. С. 186–187; Соболья шуба. С. 187; Пир у льва. С. 187–188; Коловратность. С. 189; Ось и бык. С. 189; Сатир и гнусные люди. С. 189–191; Шалунья. С. 191; Пучок лучины. С. 191; Голуби и коршун. С. 192; Брат и сестра. С. 192.

Сказки:

Сказка I («Мужик у мужика украл с двора корову…»). С. 192–193.

Эпиграммы:

«Ты очень ей любим, она в твоей вся воле…». С. 193; «Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала…». С. 193; «Милон на многи дни с женою разлучился…». С. 193; «„Я обесчещена“, — пришла просить вдова…». С. 194; «Не вознесемся мы великими чинами…». С. 194; «Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку…». С. 194; «Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке…». С. 194–195; «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог…». С. 195; «Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор…». С. 195; «По смерти Откупщик в подземную страну…». С. 195.

Эпитафии:

«Прохожий! Обща всем живущим часть моя…». С. 196.

Песни:

«Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю…». С. 196; «Негде, в маленьком леску…». С. 196–197; «Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..». С. 197–198; «Савушка грешен…». С. 198; «Любовь, любовь, ты, сердце к утехам взманя…». С. 198–200; «Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой…». С. 200; «Прости, моя любезная, мой свет, прости…». С. 200–201; «Если девушки метрессы…». С. 201.

Пародии:

Ода вздорная II. С. 201–202.

Разные стихотворения:

Справка. С. 202–203; Море и вечность. С. 203; Расставание с музами. С. 203; Жалоба («Во Франции сперва стихи писал мошейник…»). С. 203–204.

По ПСВС-I и БП-1957.

1973

Музыкальная эстетика в России XI–XVIII веков / Сост., пер. и вступ. статья А. И. Рогова. М., 1973.

Эпистола о стихотворстве (отрывок); Мадригалы I и III. С. 183.

По первой публикации (Ежемесячные сочинения. 1756. Март. С. 273).

1975

Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Вступ. статья Л. Ф. Ершова; сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л., 1975. — (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

«Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться…»; «Скупой окраден был и чуть не удавился…»; «Восстал незапно вихрь, а в злую ту погоду…». С. 73; «Клеон раскаялся, что грабил он весь свет…»; «Коль в винность я, мой свет, тебе чрез это впал…»; «Стоя при водах, ощущаю жажду…»; «Клеон прогневался, и злобою безмерной…». С. 74; «Клавина смолоду сияла красотою…». С. 74–75; «Ты очень ей любим, она в твоей вся воле…»; «Она уже твоя, однако не навек…»; «За что неверною тебе я прослыла?..»; «Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала…»; «Всем сердцем я люблю и вся горю любя…». С. 75; «Милон на многи дни с женою разлучился…»; «„Я обесчещена“, — пришла просить вдова…»; «Клеон при смерти был и был совсем готов…». С. 76; «Построил ныне ты пространный госпиталь…»; «Кто хвалит истину, достоин лютой казни…»; «Пеняешь ты мне, муж, тебе-де муж постыл…»; «Не раз ты мне, жена, неверность учинила…». С. 77.

Эпитафии:

«На месте сем лежит презнатный дворянин…»; Эпитафия скупому; Другая эпитафия скупому; Эпитафия подьячему. С. 78; «Здесь Делий погребен, который всех ругал…»; «На месте сем лежит безмерно муж велик…»; Эпитафия <М. В. Ломоносову>. С. 79; «Два были человека…». С. 79–80; На пожалование высокопоставленному лицу ордена Золотого Руна; «Ты будущей себя женою утешаешь…»; «Кто в чем когда-нибудь молвою возвышен…». С. 80; «Преподлый суевер от разума бежит…»; «Пожалуй, не зови меня безверным боле…»; «Судьи приказных дел у нас не помечали…»; «На то лишь бытие твое тебе дано…»; «Напрасно, муженек, грустишь и унываешь…». С. 81; «Танцовщик! Ты богат. Профессор!

Ты убог…»; «Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор…»; «Живу на свете я уж лет десятков шесть…»; «По смерти Откупщик в подземную страну…». С. 82; Ученый и богач; Стряпчий; «Наместо соловьев кукушки здесь кукуют…». С. 83; «Окончится ль когда парнасское роптанье?..». С. 83–84; «Всегда болван — болван, в каком бы ни был чине…». С. 84; Александр и Парменион. С. 84–85; Шалунья; Невеста за столом. С. 85; Посол осел. С. 85–86; Астролог; Цыганка; «Фуфона свой портрет писати заказала…». С. 86; «Хотя, Марназов, ты и грешен…»; «Фирюля день и ночь во сне препровождает…». С. 87.

Тексты С. подготовлены В. Е. Васильевым.

По первым публикациям, ПСВС-I, в ряде случаев текст уточнен по архивам.

1977

Русская басня XVIII — XIX веков / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова. Л., 1977. — (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Жуки и Пчелы; Сова и Рифмач. С. 75; Волк, ставший пастухом. С. 76; Мышь городская и Мышь деревенская. С. 76–77; Волк и Журавль. С. 77; Мужик с котомой. С. 78; Старик со своим сыном и Осел. С. 78–80; Отрекшаяся мира Мышь. С. 80; Подъяческая дочь. С. 80–81; Гора в родах. Шубник. С. 82; Лисица и Терновый куст. С. 83; Осел во Львовой коже. С. 83–85; Лисица и Статуя. С. 85; Кисельник. С. 86; Змея и Пила. С. 86–87; Феб и Борей. С. 87–88; Пир у Льва. С. 88–89; Шершни. С. 89; Коловратность; Собака и Вор. С. 90; Комар. С. 91; Дуб и Трость. С. 91–92; Голова и члены. С. 92–93; Свеча. С. 93; Противуестественник. С. 93–94; Петух и жемчужное Зерно; Девка. С. 94; Ослова кожа. С. 95; Обезьяна-стихотворец. С. 95–96; Блоха («Блоха, подъемля гордо бровь…»). С. 96; Ось и Бык. С. 96–97; Сатир и гнусные люди. С. 97–98; Соловей и Кукушка. С. 98–99; Ослища и Кобыла. С. 99–100; Арап. С. 100–101; Чинолюбивая Свинья. С. 101; Непреодолеваемая природа; Ружье. С. 102; Калигулина лошадь; Истина. С. 103; Надежда; Пучок лучины. С. 104; Змея согретая. С. 105; Деревенские Бабы. С. 105–106; Волосок. С. 106–107; Горшки; Единовластие. С. 108–109; Недостаток времени. С. 109–110.

По первым журнальным публикациям, ПСВС-I и изданиям Притч 1762 и 1769 годов.

1978

Русская литературная критика XVIII века: Сб. текстов / Сост., ред., вступ. статья и примеч. В. И. Кулешова. М., 1978.

Ответ на критику (с сокращениями). С. 110–112; Наставление хотящим быти писателями. С. 112–117; Некоторые строфы двух авторов (отрывок). С. 118–119; К несмысленным рифмотворцам. С. 119–121; О стопосложении (с сокращениями). С. 121–124; Критика на оду (с сокращениями). С. 124–126.

По ПСВС-II.

Русская критика XVIII–XIX веков: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Сост. В. И. Кулешов. М., 1978.

Некоторые строфы двух авторов. С. 14–15; К несмысленным рифмотворцам. С. 15–17.

По ПСВС-II.

1979

Русская литература XVIII века, 1700–1775: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Сост. В. А. Западов. М., 1979.

Эпистола о стихотворстве. С. 141–150; О стихотворстве камчадалов (отрывок). С. 150; О неестественности. С. 150 (отрывок); Слово на открытие Академии художеств (отрывки). С. 151–153; О стопосложении (отрывки). С. 153–155; Ответ на оду В. И. Майкову. С. 155–156; Синав и Трувор (в сокращении). С. 156–169; Димитрий Самозванец (в сокращении). С. 169–183; Тресотиниус (в сокращении). С. 184–191; Опекун (в сокращении). С. 191–205; Рогоносец по воображению (в сокращении). С. 206–212; Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу в день его тезоименитства июня 29 числа 1771 года. С. 212–215; Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу на первый день 1774 года. С. 215–216; Элегия («Терпи, моя душа, терпи различны муки…»). С. 217.

Песни:

«Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..». С. 217–218; «Тщетно я скрываю сердца скорби люты…». С. 218; Песенка («Савушка грешен…»). С. 219; «Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой…». С. 219; «Не гордитесь, красны девки…». С. 219.

Сонет («О существа состав, без образа смешенный…»). С. 220; Ода анакреонтическая («Пляскою своей, любезна…»). С. 220; Ода сафическая («Долго ль мучить будешь ты, грудь терзая…»). С. 220–221; Противу злодеев («На морских берегах я сижу…»). С. 221; Противу злодеев («Ты ямбический стих во цвете…»). С. 221–222; Ода на суету мира. С. 222–223; Жалоба. С. 224.

Сатиры:

О благородстве. С. 224–226; Пиит и друг его. С. 226–229.

Притчи:

Жуки и пчелы. С. 229; Болван. С. 229–230; Коловратность. С. 230; Ось и бык. С. 230–231; Шалунья. С. 231; Посол осел. С. 231.

Эпиграммы:

«Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться…». С. 231–232; «„Я обесчещена“, — пришла просить вдова…». С. 232; «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог…». С. 232; «Грабители кричат: „Бранит он нас!“» С. 117; Другой хор ко превратному свету. С. 232–234.

Пародии:

Песня («О приятное приятство!..»). С. 234–235; Ода вздорная II. С. 235–236; Ода вздорная III. С. 236–237; Письмо о некоторой заразительной болезни. С. 237–239; Сон. Счастливое общество. С. 239–242; О домостроительстве. С. 242–244.

По ПСВС-II.

1980

Письма русских писателей XVIII века / Ред. и вступ. статья Г. П. Макогоненко. Л., 1980.

Письма. С. 68–181.

Публ. и примеч. В. П. Степанова.

По архивам и первым публикациям.

1986

Русская басня / Под общ. ред. В. П. Степанова; сост., вступ. статья и примеч. Н. Л. Степанова. М., 1986.

Волк и Ягненок. С. 32–33; Скупой. С. 33–34; Кошка. С. 34–35; Яйцо. С. 35–36; Мыший суд. С. 36–37; Блоха («Минерва, вестно всем, богиня не плоха…»). С. 37–38; Спорщица. С. 38; Пир у Льва. С. 40–41; Мышь и Слон; Овца. С. 41; Жуки и Пчелы; Сова и Рифмач. С. 42; Коловратность. С. 42–43; Безногий солдат. С. 43–44; Подьяческая дочь. С. 44–45; Болван. С. 45–46; Кобель и Сука. С. 46–47; Волки и овцы. С. 47; Заяц. С. 47–48; Протокол. С. 48–49; Суд. С. 49; Кисельник; Девка. С. 50; Лев и Клоп; Стрекоза. С. 51; Сатир и гнусные люди. С. 51–53; Кот и мыши. С. 53–54; Новый календарь. С. 54–55; Надутый гордостью Осел. С. 55; Две Крысы. С. 56; Высокомерная Муха. С. 56–57; Соловей и Кукушка. С. 57–58; Порча языка. С. 58; Чинолюбивая Свинья. С. 58–59; Калигулина лошадь. С. 59–60; Стряпчий; Заяц и Лягушки. С. 60; Ось и Бык. С. 60–61; Хвастун. С. 61–63; Портной и Мартышка. С. 63; Деревенские бабы. С. 63–64; Ворона и Лиса. С. 64–65; Пиит и Богач; Горшки. С. 65; Ремесленник и купец. С. 66; Просьба Мухи. С. 66–67; Мышь Медведем. С. 67–68; Блоха («Блоха, подъемля гордо бровь…»). С. 68; Коршун в павлиных перьях. С. 68–69;

Два Рака; Волк и Журавль. С. 69; Мужик с котомой. С. 70; Тяжелый Комар. С. 70–71; Пахарь и Обезьяна. С. 71; Отрекшаяся мира Мышь. С. 71–72; Лисица и виноград. С. 72; Волк, ставший пастухом. С. 73; Мышь городская и Мышь деревенская. С. 73–74; Старик со своим сыном и осел. С. 74–75; Гора в родах. С. 75–76; Шубник. С. 76; Лисица и терновый куст. С. 76–77; Осел во львовой коже. С. 77–78; Лисица и Статуя. С. 80; Змея и Пила. С. 80–81; Феб и Борей. С. 81–82; Собака и вор. С. 82; Комар. С. 83; Дуб и Трость. С. 83–84; Голова и члены. С. 84–85; Свеча. С. 85; Противуестественник. С. 85–86; Петух и жемчужное зерно. С. 86; Ослова кожа. С. 86–87; Обезьяна-стихотворец. С. 87; Ослища и Кобыла. С. 87–88; Арап. С. 88–89; Непреодолеваемая природа. С. 89; Ружье. С. 89–90; Истина. С. 90; Надежда. С. 90–91; Пучок лучины; Змея согретая. С. 91; Волосок. С. 92–93; Единовластие. С. 93–94; Недостаток времени. С. 94–95.

По изданиям: Притчи, кн. 1–3 (СПб., 1762–1769) и ПСВС-I, т. 7.

Русская сатирическая проза XVIII века: Сб. произведений / Сост., вступ. статья, коммент. и словарь Ю. В. Стенника. Л., 1986.

Разговоры мертвых:

Скупой и мот. С. 23–25; Высокомерный и низкомерный. С. 25–27; Господин и слуга. С. 27–29; Медик и стихотворец. С. 29–31.

О думном дьяке, который с меня взял пятьдесят рублев. С. 325–328;

Сон. Счастливое общество. С. 353–357.

По первой публикации (ТП).

1988

Песни и романсы русских поэтов: В 2 т. 3-е изд. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988. Т. 1. — (Библиотека поэта. Большая сер.).

С. 66–82.

Русская эпиграмма: XVIII — начала XX в. / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; вступ. статья М. И. Гиллельсона. 3-е изд. Л., 1988. — (Библиотека поэта. Большая сер.).

«Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться…»; «Скупой окраден был и чуть не удавился…»; «Восстал незапно вихрь, а в злую ту погоду…». С. 56; «Клеон раскаялся, что грабил он весь свет…»; «На месте сем лежит презнатный дворянин…»; «Коль в винность я, мой свет, тебе чрез это впал…»; «Клеон прогневался, и злобою безмерной…». С. 57; «Клавина смолоду сияла красотою…». С. 57–58; «Ты очень ей любим, она в твоей вся воле…»; «Коль мыслишь, я любовь свою к тебе скончала…»; «Всем сердцем я люблю и вся горю любя…»; Эпитафия скупому; Другая эпитафия скупому. С. 58; Эпитафия подьячему; «Милон на многи дни с женою разлучился…»; «„Я обесчещена“, — пришла просить вдова…»; «Клеон

при смерти был и был совсем готов…». С. 59; «Построил ныне ты пространный госпиталь…»; «Здесь Делий погребен, который всех ругал…»; «Кто хвалит истину, достоин лютой казни…»; «Пеняешь ты мне, муж, тебе-де муж постыл…»; «Не раз ты мне, жена, неверность учинила…». С. 60; [На пожалование высокопоставленному лицу ордена Золотого Руна] «Нетрудно в мудреца безумца превратить…»; «Ты будущей себя женою утешаешь…»; «Пожалуй, не зови меня безверным боле…»; «Судьи приказных дел у нас не помечали…». С. 61; «Напрасно, муж, грустишь и сердцем унываешь…»; «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог…»; «Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор…»; «По смерти Откупщик в подземную страну…»; «На месте сем лежит безмерно муж велик…». С. 62; Эпитафия <М. В. Ломоносову>; «Наместо соловьев кукушки здесь кукуют…»; «Окончится ль когда парнасское роптанье?..». С. 63; «Всегда болван — болван, в каком бы ни был чине…»; Александр и Парменион; Шалунья. С. 64; Посол осел; Астролог; «Фуфона свой портрет писати заказала…»; Цыганка. С. 65.

По первым изданиям, ПСВС-I и БП-1957.

1990

Сумароков А. П. Драматические соч. / Сост. Ю. В. Стенник. Л., 1990. 479 с. — (Библиотека русской драматургии).

Трагедии:

Хорев. С. 36–82; Синав и Трувор. С. 83–133; Артистона. С. 134–188; Семира. С. 189–246; Димитрий Самозванец. С. 247–292.

Комедии:

Тресотиниус. С. 294–308; Чудовищи. С. 309–333; Пустая ссора. С. 334–345; Приданое обманом. С. 346–361; Опекун. С. 362–386; Рогоносец по воображению. С. 387–411; Вздорщица. С. 412–433;

Драма:

Пустынник. С. 434–450.

По БП-1957 («Хорев», «Семира», «Димитрий Самозванец») и по ПСВС-II (остальные произведения).

Русская литература — век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной, К. Ю. Лаппо-Данилевского, М. П. Лепехина, С. И. Николаева, В. Д. Рака, Ю. В. Стенника, В. П. Степанова; вступ. статья Н. Д. Кочетковой. М., 1990.

Недостаток изображения. С. 104; Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову. С. 105; Стихи Дюку Браганцы. С. 105–106; «Жива ли, Ка́ршин, ты?..». С. 106–107; К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова. С. 107–108; Ода анакреонтическая («Ежели бы можно было...»). С. 108; «Негде в маленьком леску...». С. 108–109; Песня («Успокой смятенный дух...»).

С. 109–110; Гимн Венере. С. 110; Сонет («Не трать, красавица...»); Ода анакреонтическая («Завидны те мне розы...»). С. 111; Ода анакреонтическая («Пляскою своей, любезна...»). С. 112; Станс («Могу ли я сказать...»). С. 112–113; «Другим печальный стих рождает стихотворство...». С. 113–114; «Летите мои вздохи...». С. 114; Идиллия («Без Филисы очи сиры...»). С. 114–115; Песня («Ты сердце полонила...»). С. 115; «Престанешь ли моей докукой услаждаться...». С. 115–116; Песня («Покорив мое ты сердце...»). С. 116; Москве. С. 116–117; Ода («В разлуке мучася тоской...»). С. 117; «Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..». С. 118; «Не грусти, мой свет!..». С. 118–119; Элегия («В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи…»); Отрывок («Взор твой к злополучию...»). С. 119; Рондо («Не думай ты...»). С. 120; Песня («Позабудь дни жизни сей...»). С. 120–121; Дитирамб («Вижу будущие веки…»). С. 121–122; Ода о добродетели. С. 123–124; «Благополучны дни...». С. 124–125; Ода («Снимешь ли страстей ты бремя...»). С. 125–126; Ода государыне Екатерине Второй на день ее рождения 1768 года апреля 21 дня. С. 126–128; О люблении добродетели. С. 128–129; Противу злодеев. С. 129–130; Из 35 псалма. С. 130; Из 145 псалма. С. 131; К неправедным судьям. С. 131–132; Сонет на отчаяние. С. 132; Зряще мя безгласна. С. 132–133; Ода («Долины, Волга, потопляя...»). С. 133; Ода на суету мира. С. 133–135; На суету человека. С. 135; Из 3–16–63 псалмов. С. 136–137; Жалоба («Во Франции сперва стихи писал мошейник…»). С. 137; «Страдай прискорбный дух, терзайся, грудь моя...». С. 137–139; «Все меры превзошла теперь моя досада...». С. 139; Сонет («Когда вступил я в свет...»). С. 140; Последний жизни час. С. 141.

Вступ. статья к текстам С., подгот. текста и примеч. В. П. Степанова.

По первым публикациям, по ПСВС-I, по изданиям: *Сумароков А. П.* Элегии любовные (СПб., 1774); *Сумароков А. П.* Стихотворения духовные (СПб., 1774); *Сумароков А. П.* Разные стихотворения (СПб., 1769); Письма русских писателей XVIII века (Л., 1980).

1991

Русская литература — век XVIII. Трагедия / Сост., подгот. текстов и коммент. П. Е. Бухаркина, Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной, К. Ю. Лаппо-Данилевского, Г. Н. Моисеевой, В. Д. Рака, Ю. В. Стенника; вступ. статья Ю. В. Стенника. М., 1991.

Хорев. С. 27–70; Синав и Трувор. С. 71–116; Димитрий Самозванец. С. 117–158.

Подгот. текста и примеч. Ю. В. Стенника.

По ПСВС-I и БП-1957 («Димитрий Самозванец»).

Русская элегия XVIII — начала XX века / Сост., вступ. статья, подгот. текста, примеч., биогр. справочник Л. Г. Фризмана. Л., 1991.

«Лишась, дражайшая, мне взора твоего…». С. 56–58; «Чего ты мне еще, зло время, не наслало…». С. 58–59; «Терпи, моя душа, терпи различны муки…». С. 59–60; «Я чаял, что свои я узы разрешил…». С. 60; «В болезни страждешь ты… В моем нет сердце мочи…». С. 61; К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова. С. 61–62; «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!». С. 62–63; «Отчаянье мой дух, как фурия, терзает…». С. 63–64; «Все меры превзошла теперь моя досада…». С. 64–66; Ко Степану Федоровичу Ушакову, губернатору Санктпетербургскому, на преставление графа Алексея Григорьевича Разумовского. С. 66–67; К г. Дмитревскому на смерть Татианы Михайловны Троепольской, первой актрисы Императорского придворного театра. С. 67; Элегии любовные (I–XII). С. 68–76.

По первым публикациям, сб. «Разные стихотворения» (СПб., 1769) и ПСВС-I.

1994

Мусин-Пушкин А. И. Письмо к А. П. Сумарокову // Аксенов А. И. С любовью к Отечеству и просвещению: А. И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994. С. 149.

Публикация письма, сопровождавшего ответ Вольтера Сумарокову (от 30 апр. 1769 года).

По изд.: Отрывки из переписки А. П. Сумарокова (1755–1773) // Отечественные записки. 1858. Т. 116. С. 584–585.

Источник: Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1994. № 5.

О перьвоначалии и созидании Москвы. С. 114–119.

Вступ. статья, подгот. текста и примеч. О. Любченко.

По изд.: ТП (январь).

1996

Русская словесность. 1996. № 1.

Истолкование личных местоимений Я, Ты, Он, Мы, Вы, Они. С. 14–15.

Подгот. текста Г. И. Романовой.

По изд.: ТП (апрель).

1997

Москва в описаниях XVIII века / Подгот. текста, статьи С. С. Илизарова; коммент. И. Р. Грининой и С. С. Илизарова. М., 1997.

О первоначалии и созидании Москвы. С. 30–34; Краткая московская летопись. С. 35–44.

По первым публикациям с уточнениями по ПСВС-I и ПСВС-II.

1998

Русская стихотворная эпитафия / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб., 1998. — (Новая библиотека поэта).

Эпитафия («Прохожий! Обща всем живущим часть моя…»). С. 67; Эпитафия («Рупиллий потонул близ острова сего…»); Эпитафия («На месте сем лежит презнатный дворянин…»); Эпитафия собаке; Эпитафия скупому. С. 68; Другая эпитафия скупому; Эпитафия подьячему; Эпитафия («Два брата здесь лежат: один во весь свой век…»); Эпитафия («Тому, кто здесь лежит, сплесть должно похвалы…»). С. 69; Эпитафия («Здесь доктор погребен врачебныя науки…»); Эпитафия («Здесь Делий погребен, который всех ругал…»); Эпитафия государыне царице Наталии Кирилловне; Эпитафия Карлу XII, королю Шведскому. С. 70; Эпитафия («Под камнем сим лежит пречестный человек…»). С. 70–71; Эпитафия («Под камнем сим лежит богатства собиратель…»); Эпитафия («На месте сем лежит безмерно муж велик…»); Эпитафия <М. В. Ломоносову>. С. 71; К надгробию Александры Федотовны Ржевской; Эпитафия («Под жерновом лежит на этом месте мельник…»); Эпитафия («Тот, чей ты видишь гроб, свой прожил век изрядно…»). С. 72.

Тексты С. подготовлены С. И. Николаевым.

По первым изданиям (в том числе ПСВС-I и ПСВС-II).

2003

Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). М., 2003. Вып. 2.

О истреблении чужих слов из русского языка. С. 425–427; О путешествиях. С. 427–429; О французском языке <Сатира VI>. С. 430–432; Французской язык <Притча XXI (книга IV)>. С. 432.

Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. И. Щербакова.

По первым публикациям с исправлениями по ПСВС-I и ПСВС-II.

Новая юность. 2003. № 4.

Гамлет. С. 41–98.

2005

Петров А. В. Оды «На Новый Год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография. Магнитогорск, 2005.

Ода Государыне Императрице Екатерине Второй на первый день нового 1763 года. С. 254–256; Ода Государыне Императрице Екатерине Второй на первый день 1764 года. С. 256–257; Ода Государыне Императрице

Екатерине Второй на первый день 1767 года. С. 257–259; Ода Государыне Императрице Екатерине Второй на первый день 1774 года. С. 259–260; Ода Государю Цесаревичу Павлу Петровичу на первый день 1774 года. С. 260–261; Ода Государыне Великой княгине Наталии Алексеевне на первый день 1774 года. С. 262–263.

По изданию «Од торжественных» (СПб., 1774).

2006

Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии. СПб., 2006.

Ода на государя Петра Великого. С. 188–194; Дитирамб. С. 194–196; Ода («Россия счастлива Петром…»). С. 196–197; <Надписи>. С. 198; Российский Вифлеем. С. 199; Слово похвальное о государе императоре Петре Великом. С. 199–204; <Надписи 1760–1770-х годов>. С. 205–206.

Подгот. текстов С. и коммент. Н. Ю. Алексеевой и В. П. Степанова.

По первым публикациям.

2007

Русская басня XVIII и XIX века. СПб., 2007.

Притчи. [Книги первая–шестая и «остальные притчи».] С. 69–181.

Изд. подгот. Г. Г. Мартынов, отв. ред. Б. А. Градова.

По изданиям «Притч» 1762 и 1769 гг. и по ПСВС-I.

2009

* *Сумароков А. П.* Духовныя стихотворения, или предложение псалмов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4 (спец. вып.). С. 315–377.

По ПСВС-I.

Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. Приложения: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи / Изд. подгот. Р. Вроон. М., 2009. [144] + 696 с.

Сборники «Оды торжественные» (СПб., 1774) и «Елегии любовные» (СПб., 1774). С. [7–142:] Репринтное воспроизведение.

Редакции и варианты.

Оды:

«Ея Императорскому Величеству… Анне Иоанновне… Поздравительныя Оды в Первый День Новаго Года 1740». С. 225–231; Ода… Елисавете Петровне … в 25 день Ноября 174<3>. С. 232–238; Ода… Петру Феодоровичу… в день Возшествия Его на… Престол Декабря 25 дня 1761. С. 239–244; Ода («К тебе, Москва, к тебе взову!..»). С. 245–248; Ода Гри-

горию Александровичу Потемкину. 1774. С. 249–251; Ода… Екатерине Алексеевне… на Торжество Мира с Портою Оттоманскою 1775 года июля <10> дня. С. 252–256.

Элегии:

«Я чаял, что свои я узы разрешил…». С. 257; «Смущайся, томный дух <,> настали грусти люты…». С. 258.

Коммент. Р. Вроона, К. Хэролд, А. Л. Осповата, М. Л. Гаспарова.

По первым публикациям и ПСВС-I.

Рец.: Revue des études slaves. 2010. LXXXI. Fasc. 4. P. 593–594 (Rai-Gonneau E.).

2010

Общественная мысль России XVIII века: В 2 т. М., 2010. Т. 2: Philosophia moralis / Сост., вступ. статья и коммент. Т. В. Артемьевой. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века.)

Основание любомудрия. С. 35–39; Слово VII. О любви ко ближнему. С. 40–44; Слово VIII на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Екатерины. С. 45–48.

По ПСВС-I.

[Некоторые статьи о добродетели. С. 7–18; О разумении человека, по мнению Локка. С. 19–20; О несправедливых основаниях. С. 21–23; Перевод письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю. С. 24–25; Господину Пасеку: вот наш бывший разговор. С. 26–28; О новой философической секте. С. 29–30; К добру или худу человек рождается. С. 31–33; О слове «мораль». С. 34. По изд: Н. И. Новиков и его современники. М., 1961.]

ИССЛЕДОВАНИЯ

1966

Березина В. Г., Дементьев А. Г., Есин Б. И., Западов А. В., Сикорский Н. М. История русской журналистики XVIII–XIX веков: Учебник для вузов СССР. 2-е изд., испр. и доп. М., 1966.

С. 32–35.

3-е изд., испр. М., 1973. С. 30–33.

Бомштейн Г. И. Ломоносов и национально-историческая тема в русской литературе и искусстве // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л., 1966. — (XVIII век. Сб. 7).

С. 91. Речь «На открытие императорской Санктпетербургской Академии художеств».

Валагин А. К вопросу о песнетворчестве А. П. Сумарокова // Материалы XXI науч. студенческой конф. Тарту, 1966. Ч. 3: Филология. История. Педагогика. Психология. С. 23–24.

Вытженс Г. П. А. Вяземский и русская литература XVIII в. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л., 1966. — (XVIII век. Сб. 7).

С. 336 — важность выбора С. французского театра в качестве образца (с точки зрения Вяземского).

Кулакова Л. И. Полемика по вопросу о сатире в русской литературе XVIII века // Очерки по истории русской литературы / Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1966. Т. 309. С. 57–106.

С. 72 — оценка С. в полемике между «Всякой всячиной» и «Трутнем».

Морозов А. О воспроизведении текстов русских поэтов XVIII века // Русская литература. 1966. № 2. С. 175–193.

С. 180–181, 185–191 — неоправданная модернизация в изданиях С. в серии «Библиотека поэта».

1967

Бутырцева Н. С. Изображение крестьянства в комедиях А. П. Сумарокова // Филологический сборник / Министерство высшего и среднего специального образования Казахской ССР. Алма-Ата, 1967. Вып. 6–7. С. 82–93.

Гудошников Я. И. Сумароков — крупный автор песенной поэзии XVIII века // Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы: Тезисы докладов X науч.-теоретической и методической конф., организуемой кафедрой русской литературы (25–27 мая 1967 года) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1967. С. 51–55.

Заборов П. Р. Вольтер в русских переводах XVIII века // Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 110–207.

С. 127–140 — переводы С. из Вольтера («Микромегас», начало «Заиры»). «Хорев», «Мнение во сновидении о французских трагедиях».

См. также:

Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978. С. 14–25.

Кулакова Л. И. Проблема характера в русской комедии XVIII века // Межвузовская науч. конф. литературоведов, посвященная 50-летию Октября. Программа и краткое содержание докладов. Л., 1967. С. 11–12.

С. 11 — комедии С. и традиции французского классицизма.

Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 3–109.

С. 36–37 — переводы С. и И. А. Дмитревского из «Зрителя» в ТП.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века (в сокращении) // Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 208–281.

С. 225–228 — полемика С. с «Рассуждением о науках и искусствах».

То же в:

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 563.

Самаренко В. П. Новые материалы к биографии А. П. Сумарокова // Учен. зап. / Астраханский пед. ин-т им. С. М. Кирова. Астрахань, 1967. Т. 11. Вып. 4: Вопросы литературы. С. 91–96.

Дело о долге С. перед П. А. Демидовым (31 мая 1773 — 13 сентября 1787). Хранится в ГАМО (Ф. 32, оп. 17, ед. хр. 11595, св. 197). Включает опись недвижимого и движимого имущества С., подробное описание дома.

Слободская Н. И. Сонеты Пауля Флеминга в переводах А. П. Сумарокова // Некоторые вопросы русской литературы. Волгоград, 1967. С. 140–150. — (Учен. зап. Волгоградского гос. пед. ин-та им. А. С. Серафимовича. Вып. 21).

То же в:

Слободская Н. И. Сонеты Пауля Флеминга в переводах А. П. Сумарокова // Научные доклады литературоведов Поволжья. Материалы 6 зональной конф. литературоведческих кафедр ун-тов и пед. ин-тов. Астрахань, 1967. С. 76–77.

1968

* *Воронина Д. Д.* К вопросу о просторечии XVIII века (на материале «притч» А. П. Сумарокова) // Труды докладов науч. конф. молодых ученых Московского гос. ун-та. М., 1968. С. 293–296.

Гудошников Я. И. Поэзия Михайло Попова и традиции Сумарокова в ней // Проблемы изучения художественного произведения (методология, поэтика, методика): Тезисы докладов XI науч.-теоретической и методической конф., организуемой кафедрой русской литературы (23–25 мая 1968 года) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1968. Ч. 1. С. 76–77.

Западов А. В. Забытая слава: Историческая повесть (об А. Сумарокове). 2-е изд. М., 1968. 352 с.

Переиздание книги 1965 г.

3-е изд.: Забытая слава. Опасный дневник. М., 1976.

Рец. на 3-е изд.: Арьев А. История и слава // Звезда. 1977. № 2. С. 216–218.

Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968.

С. 69–88, 96–97, 140.

«Слово на открытие Академии художеств», «Две эпистолы».

Серман И. З. Русская поэзия середины XVIII века. Сумароков и его школа // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1968. Т. 1. С. 90–119.

С. 91–108.

1969

Вишневский К. Д. Становление трехсложных размеров в русской поэзии // Русская, советская поэзия и стиховедение / МОПИ им. Н. Крупской. М., 1969. С. 207–217.

С. 207 — первенство С. в практическом и теоретическом освоении амфибрахия.

Горшков А. И. История русского литературного языка. М., 1969.

С. 224–229.

«Эпистола о стихотворстве», идиллия «Клариса», «Ода государыне императрице Екатерине Второй на день ее рождения 1768 года апреля 21 дня», «Опекун».

Западов В. А. Державин и русская рифма XVIII в. // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. С. 54–91.

С. 62–63, 70, 79 (реминисценции из од С. в «Оде на знатность» Державина).

Ионин Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века.

С. 164 — усвоение продолжателями С. анакреонтики только по двум одам, опубликованным в «Ежемесячных сочинениях».

* *Касаткина Е. А.* Основной конфликт в русской трагедии XVIII века: (Трагедия Сумарокова и Ломоносова) // Учен. зап. / Тамбов. пед. ин-т. Тамбов, 1969. Вып. 29. С. 57–74.

Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. М., 1969.

С. 131–136.

Кулакова Л. И. Проблема характера в русской комедии XVIII века (К вопросу о генезисе русского реализма) // Проблемы жанра в истории русской литературы. Л., 1969. С. 39–57. — (Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 320).

С. 41–45 — теория и практика С.-комедиографа, в том числе черты «слезной комедии», commedia dell'arte и русского балаганного театра.

«Эпистола о стихотворстве», «Опекун», «Лихоимец», «Рогоносец по воображению», «Мать — совместница дочери».

Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина: из истории русского реализма. М., 1969.

С. 124–125 — обращение С. к народной стихии (сюжеты, речь) в жанрах басни и комедии.

Серман И. З. Русская поэзия XVIII века (от Ломоносова до Державина): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1969.

С. 20–27 — литературная борьба 1750-х гг.; принципы рационалистического психологизма в творчестве С.

Серман И. З. Этическая проблематика трагедий А. П. Сумарокова и древнерусская традиция // Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII–XX веков». Тезисы докладов. Л., 1969. С. 7.

Слободская Н. И. Сумароков — переводчик немецких поэтов // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. Казань, 1969. С. 300–305. — (Ломоносовские чтения. Вып. 2–3).

Перевод басен Х. Ф. Геллерта («Кукушка», «Рецепт», «Хвастун») и стихотворение «Достойная любви» как вольное изложение 25-й лекции из «Моральных лекций» — «О браке и его обязанностях».

Соколов А. Н. Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе // Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Сост. А. Н. Соколов. Л., 1969. С. 5–42.

С. 7, 29, 32.

Федоров В. И. А. П. Сумароков (1717–1777) // Елеонская А. С., Орлов О. В., Сидорова Ю. Н., Терехов С. Ф., Федоров В. И. История русской литературы XVII–XVIII веков: [Учеб. пособие для студентов-филологов]. М., 1969. С. 336–359.

Федоров В. И. А. П. Сумароков — теоретик русского классицизма // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII науч.-теоретической и методической конф., организованной кафедрой русской литературы (29–31 мая 1969 г.) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1969. С. 72–73.

Оригинальное и заимствованное в эпистолах С.

Фрейдкина И. С. К истории становления жанра басни в России (По материалам русской литературы конца 50-х — начала 60-х гг. XVIII века) // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. Материалы докладов XII науч.-теоретической и методической конф., организованной кафедрой русской литературы (29–31 мая 1969 г.) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1969. С. 76–77.

В том числе о притчах С. (сатирическая «ветвь» жанра — противоположная моралистической).

Шарков О. П. Периодизация русской журналистики XVIII века и проблема жанров // Русская журналистика XVIII–XIX вв. (Из истории жанров). Л., 1969. С. 3–24.

С. 12–13.

1970

Герасимова Т. П. Пародия и ее место в литературной полемике Ломоносова и Сумарокова: (1760–1763) // Вопросы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1970. С. 148–160. — (Учен. зап. Волгоградского гос. пед. ин-та им. А. С. Серафимовича. Вып. 30).

Приемы и средства полемики в баснях С. и Ломоносова, направленных друг против друга («Осел во львовой коже», «Обезьяна-стихотворец» — С.; «Свинья в лисьей шкуре» — Ломоносова).

Гудошников Я. И. У истоков русской лирики: (А. П. Сумароков как поэт-песенник) // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1970. № 3 (57). С. 14–24.

Истрина М. В. А. П. Сумароков в изданиях Новикова 80-х годов XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Журналистика. 1970. № 3. С. 79–82.

Актуальность творчества С. для Новикова и его времени.

Поспелов Г. Н. Проблемы литературного стиля. М., 1970.

С. 126–163 — «художественная система» С. как выражение идеологии общенационально-прогрессивной дворянской государственности.

«О благородстве», «Димитрий Самозванец», ода Екатерине на шестую годовщину воцарения (1768).

Серман И. З. Русский классицизм как историко-литературная и эстетическая проблема // Вопросы литературы. 1970. № 9. С. 96–113.

С. 103–107 — личностное начало и этическая цель в баснях и трагедиях С.

Стенник Ю. В. Русский классицизм и фольклор (Сумароков и его школа) // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 137–179.

С. 138–163.

Песни: «В роще девки гуляли…», «О ты крепкий, крепкий Бендер град…», «Где ни гуляю, ни хожу…»; «Хор ко превратному свету», «О стихотворстве камчадалов», «Пустая ссора», «Рогоносец по воображению».

1971

Берков П. Н. К текстологии псалма 76 (75), 5 // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1971. Вып. 1. С. 100–106.

С. 101 — разночтение в строке данного псалма у С. с Елизаветинской библией (подтверждающее использование им немецкого перевода).

Ершов Л. Т. Трагический характер в «Димитрии Самозванце» Сумарокова и «Борисе Годунове» Пушкина // Вопросы литературы: Науч. труды / Новосибирский гос. пед. ин-т. Новосибирск, 1971. Вып. 36. С. 35–41.

Москвичева Г. В. Жанры русского классицизма: Из лекций по спецкурсу. Горький, 1971. Ч. 1.

«Хорев», «Семира», «Димитрий Самозванец», «Опекун», «Рогоносец по воображению».

Впервые в:

Москвичева Г. В. Классицизм в русской литературе XVIII века (Жанр трагедии и комедии). Горький, 1961.

Орбели Р. Р. Грузинский перевод XVIII в. трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // Мацне (Вестник). Сер. языка и литературы / Академия наук Грузинской ССР. Отделение общественных наук. Тбилиси, 1971. № 2. С. 33–44.

Прозаический перевод атрибутируется Д. П. Цицианову. Материалы ЛО Архива АН СССР. Ф. 3. Оп. 1. № 148, 149, 150 — по истории публикации трагедии и перевода ее на французский язык; Разряд II. Оп. 1. № 131 — наборная рукопись. Сведения о переводах комедий С. на грузинский язык в 1790-е годы Г. Авалишвили. Библиогр. на грузинском языке в примеч.

Тарковский Р. Б. Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Вып. 26. С. 85–92.

То же, в сокращенном виде в: *Тарковский Р. Б.* Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII–XX веков». Тезисы докладов. Л., 1969. С. 7–9.

Хаджиабдич Я. Русская стихотворная сказка и французский conte XVIII — первой половины XIX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1971.

С. 6–8.

«Две дочери подьячих», «Мужик и кляча», «Пряхи», «Сказка I», «Сказка II».

Холшевников В. Е. Логаэдические размеры в русской поэзии // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971. С. 429–436.

С. 433 — «Благополучны дни…» как логаэд (полемика с П. Н. Берковым).

1972

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

С. 74–75 — языковая программа С.

Благой Д. Д. От Кантемира до Радищева и Карамзина // Благой Д. От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 26–99.

С. 40–41, 44–45 — драматургия С.

Работа на основе доклада в Москве на съезде славистов 1958 года.

2-е изд. М., 1979.

Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века / Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского. Пенза, 1972. С. 129–258. (Труды кафедры русской и зарубежной литературы. Учен. зап. Сер. филологическая. Т. 123).

С. 181–182, 212–214, 217.

Ган В. Популяризаторы XVIII века // Знание — сила. 1971. № 10. С. 41–42.

С. 42 — авторство разговоров в царстве мертвых «Александр и Герострат» и «Кортец и Монтецума» приписывается А. В. Суворову.

То же в:

Ган В. Письмо в редакцию // Знание — сила. 1972. № 2. С. 48.

Гудошников Я. И. Очерки истории русской литературной песни XVIII–XIX веков. Воронеж, 1972.

С. 12–36.

Динерштейн Е. А. Лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» и его автор // Журналистика и литература. М., 1972. С. 72–87.

С. 78–80 — сопоставление сведений о С. «Известия…» и «Слова похвального Сумарокову» Дмитревского.

Кулешов В. И. История русской критики XVIII–XIX веков. Учеб. пособие для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М., 1972.

С. 24–29.

2-е изд., испр. и доп. 1978. С. 30–35.

3-е изд., испр. и доп.: *Кулешов В. И.* История русской критики XVIII — начала XX веков. М., 1984. С. 29–34.

4-е изд., дораб. 1991. С. 28–33.

Лавров В. Мнимое авторство, или еще одно напоминание о том, что историю надо уважать // Литературная газета. 1972. 12 января.

Опровержение атрибуции В. Гана «Разговора в царстве мертвых между Александром Великим и Герострáтом» и «Разговора между Кортец и Монтецума» А. В. Суворову.

То же в:

Лавров В. И всё-таки не Суворов! // В мире книг. 1973. № 12. С. 90.

Морозов А. А. О некоторых принципах датирования текстов русских поэтов XVIII века // Русская литература. 1972. № 2. С. 111–116.

С. 114–116 — оспариваются датировки П. Н. Берковым притч «Жуки и Пчелы», «Заяц и Лягушки», «Филин», «Коловратность», стихотворения «Вывеска», песенки «Савушка грешен…» и «Дифирамва Пегасу».

Николаев Г. А. О поэтических вольностях в русской поэзии первой половины XVIII века: (Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский) // Развитие синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века. [Казань], 1972. С. 142–147.

Попов И. В. У истоков русской литературной критики: (Ломоносов и Сумароков в их отношениях к критико-публицистической традиции) // Вопросы русской литературы: Науч. труды / Куйбышевский гос. пед. ин-т. Куйбышев, 1972. Т. 99. С. 5–42.

Портнов В. «Чувствуй точно, мысли ясно...»: К 255-летию со дня рождения А. П. Сумарокова // Литературный Азербайджан. 1972. № 11. С. 136–141.

Степанов Н. Просветительский реализм (Фонвизин, Хемницер, Новиков, Радищев, Крылов, Грибоедов) // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М., 1972. Т. 1. С. 43–121.

С. 53–56 — натурализм в притчах С.

1973

Алексеева А. Александр Петрович Сумароков // Русские писатели в Москве. М., 1973. С. 49–57.

2-е изд. 1977.

Версия места рождения С.: в Москве, в Большом Чернышевском переулке, топография маскарадного шествия «Торжествующей Минервы».

Буденек Е. Ф. К вопросу о традициях и новаторстве в развитии русской басни: (А. П. Сумароков) // Традиции и новаторство: (Из истории фольклора и литературы). Кишинев, 1973. С. 17–35.

Голенищев-Кутузов И. Александрийский стих в России и на Западе // Голенищев-Кутузов И. Славянские литературы. М., 1973. С. 372–395.

С. 391–394 — спор Тредиаковского и С. о дактилической цезуре.

Горохова Р. М. Торквато Тассо в России XVIII века (материалы к истории восприятия) // Россия и Запад: из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 105–163.

С. 135 — возможный источник сведений С. о Тассо («Краткий словарь ученых» Иёхера). С. 136–138 — «Аминта» как источник эклоги С. «Дафна». С. 138 — атрибуция С. эклоги «Климена», опубликованной в «Модном ежемесячном издании» (1779, ч. II, май, с. 118, 119).

Серман И. З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973 (по указателю).

Рец.: Лапкина Г. Далекий и близкий XVIII век // Вопросы литературы. 1974. № 6. С. 275–280.

Федоров В. И. А. П. Сумароков // Орлов О. В., Федоров В. И. Русская литература XVIII века: Учебник для студентов факультетов русского языка и литературы пед. ин-тов. М., 1973. С. 125–147.

Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973.

С. 24–30.

«Все меры превзошла теперь моя досада…», «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..», «Уже ушли от нас играния и смехи…».

Рец.: Вигилянский В. Элегия и романтизм // Вопросы литературы. 1974. № 9. С. 282–287.

1974

Западов В. А. Русский стих XVIII — начала XIX века (ритмика): Лекция. Л., 1974.

С. 15–16 — спор С. с Тредиаковским относительно пиррихия перед цезурой в александрийском стихе. С. 24–45 — уточнение результатов подсчетов К. Тарановского по шестистопному и четырехстопному ямбу с учетом стиха трагедий С.

Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. С. 50–81.

С. 65–66, 76–78 — традиция Феофана в творчестве С., оценка его в русле полемики с Ломоносовым.

Морозов А. А. Судьбы русского классицизма // Русская литература. 1974. № 1. С. 3–27.

С. 16–20, 25–26 — черты барокко и рококо в произведениях С.

Рудов М. А. Жанр басни в русской литературе. Издания. Историография. Тематика семинарских занятий. Фрунзе, 1974.

С. 17–18.

Сенников Г. И. О сатирических «снах» в русской литературе XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Сб. трудов. Л., 1974. Вып. 1. С. 66–74.

С. 71.

«Сон. Счастливое общество».

Стенник Ю. В. Драматургия Петровской эпохи и первые трагедии Сумарокова (К постановке вопроса) // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. С. 227–249.

1975

Баевский В. С., Ибраев Л. И., Кормилов С. И., Сапогов В. А. К истории русского свободного стиха // Русская литература. 1975. № 3. С. 89–102.

С. 89 — верлибр в переложениях псалмов С.

Вытженс Г. Немецкие переводы русских писателей в последней трети XVIII века // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. С. 154–159.

С. 154–156 — переводы Д. Остервальдом произведений С. («Семира», «Первый и главный стрелецкий бунт»).

Гончаров Б. П. Стиховедческие взгляды Тредиаковского и Ломоносова. Реформа русского стихосложения // Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 73–91.

С. 85 — стиховедческие взгляды С.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 168–322. — (Труды по русской и славянской филологии. Т. 24).

С. 226 — атрибуция статьи «О московском наречии».

См. также: *Успенский Б. А.* Избр. труды. Т. 2 (Язык и культура). М., 1995. С. 331–566; С. 534; 2-е изд., испр. и перераб. М., 1996. С. 411–683; С. 650 — упоминание Бобровым С. в «Происшествии…».

Матяш С. А. Русская басня XVIII — начала XIX вв. и басня В. А. Жуковского // Проблемы литературных жанров: Материалы второй науч. межвузовской конф. 30 сентября — 4 октября 1975 года. Томск, 1975. С. 37–38.

С. 38 — В. А. Жуковский и А. Е. Измайлов как последователи басенной традиции С.

Пигарев К. В. Историко-литературные опыты в России XVIII в. // Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 92–116.

С. 101–105.

«Эпистолы…».

Тарановский К. Ф. Ранние русские ямбы и их немецкие образцы // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. С. 31–38.

То же в:

Тарановский К. Ф. 1) О поэзии и поэтике. М., 2000; 2) Словарь языка М. В. Ломоносова. СПб., 2010. Вып. 1: Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова / Сост., автор предисловия, примеч. Е. В. Хворостьянова.

Специфика ямбического стиха в творчестве Ломоносова и С. 1740-х гг.

«Ода Елисавете Петровне (в 25 день ноября)», переложение 143-го псалма, «Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения», «Хорев», «Гамлет».

Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. М., 1975.

С. 103–130.

2-е изд. 1982. С. 128–163.

Чередниченко Т. Песенная поэзия А. П. Сумарокова // Традиции русской музыкальной культуры XVIII века. Труды Гос. музыкально-пед. ин-та им. Гнесиных. М., 1975. Вып. 21. С. 113–141.

Использованы архивные материалы.

1976

Александрова Е. А. Формы конфликта и характер театральности трагедий классицизма: (На материале трагедий А. П. Сумарокова) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Л., 1976. Вып. 2. С. 17–27.

Гаррард Дж. «Русский Скаррон» (М. Д. Чулков) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 178–185.

С. 181 — отношение С. к двум типам бурлескной поэмы — «высокому» и «низкому».

Докусов А. М. Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1976.

С. 21–24, 500–501 — петербургские адреса С.

«Письмо к приятелю в Москву».

Кулакова Л. И. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 16–23.

С. 21 — стихотворение Муравьева на смерть С. и отношение к нему Новикова.

Любавин М. Девятая трагедия Сумарокова // Альманах библиофила. М., 1976. Вып. 3. С. 216–220.

Датировка смерти Т. М. Троепольской (18 июня 1774 г.) на основании датировки элегии С. на ее смерть, напечатанной в отдельном издании трагедии «Мстислав».

Мартынов И. Ф., Шанская И. А. Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х гг. в русской рукописной книге (Сборник А. А. Ржевского) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 131–148.

С. 136 — список элегии «Все меры превзошла теперь моя досада…» в конволюте Ржевского.

Михеева Т. С. Торжественные оды А. П. Сумарокова // Традиции и новаторство в русской литературе. М., 1976. Вып. 2. С. 3–28.

Степанов В. П. Новиков и Чулков (Литературные взаимоотношения) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 49–76.

С. 53 — полемика С. со «Всякой всячиной» в «И то и сьо».

Херасков М. М. Письма к Г.-Ф. Миллеру / Публ. Л. М. Пастушенко // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 205–208.

С. 206 — интерес Хераскова к опере С. «Альцеста».

Эльяш Н. И. Драматургия русского классицизма. А. П. Сумароков. М. В. Ломоносов // Русский драматический театр. Учебник для ин-тов культуры, театральных и культурно-просветительских учеб. заведений / Под ред. проф. Б. Н. Асеева и проф. А. Г. Образцовой. М., 1976. 36–43.

1977

Акимова Г. Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса // Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 96–108.

С. 100–108 — анализ объема предложения и принципов синтаксического развертывания в одах Ломоносова и С. в сравнении с их прозой.

Асеев Б. Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. 2-е изд. М., 1977.

С. 184–212, 217–231, 251–255.

Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.

С. 24–42, 86–90, 134–137, 168–170.

Водовозов Н. В. «...Прекрасный наш язык способен ко всему...» // Русская речь. 1977. № 4. С. 133–142.

Жизнь и творчество С.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. От истоков до конца XVIII века // История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1 (по указателю).

В конце тома репертуарная сводка.

Кузьмин Б. А. А. П. Сумароков: (220 лет со дня рождения) // Кузьмин Б. А. О Голдсмите, о Байроне, о Блоке...: Статьи о литературе. М., 1977. С. 262–265.

Переиздание статьи: Литературное обозрение. 1938. № 3.

Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977.

С. 18–20 — «естественный» человек в воззрениях С.

Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.

Переиздание работы 1927 г.

Федотов О. И. Рифма Сумарокова // Язык и стиль: Метод, жанр, поэтика. Волгоград, 1977. С. 118–139.

1978

Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в. Л., 1978.

С. 14–25 — интерес С. к Вольтеру.

С. 108 — указание на другой перевод письма Вольтера («Весенний цветок». 1808. Кн. 2. С. 76–81).

См. также:

Заборов П. Р. Вольтер в русских переводах XVIII века // Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 127–140.

Корман Б. О. Жанровое мышление и самосознание личности в русской лирике 30–60-х гг. XVIII в. // Жанр и композиция литературного произведения: Межвузовский сб. Калининград, 1978. Вып. IV. С. 18–28.

С. 24–26.

«Уже ушли от нас играния и смехи», «В болезни страждешь ты», «Станс» («Сам себя я ненавижу»), «Страдай, прискорбный дух», «К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова».

См. также:

Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система. Ижевск, 1978. С. 20–23.

Кривошеева (Буданова) В. А. Характер и особенности воззрений на природу русских писателей XVIII века: (А. П. Сумароков, Н. Г. Курганов) // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1978. Вып. 5. С. 3–10.

Любимов Б. «Отец нашего театра»: К 200-летию со дня смерти А. П. Сумарокова // Театр. 1978. № 1. С. 107.

Москвичева Г. В. Русский классицизм: Пособие для учителей. М., 1978.

В главах об отдельных жанрах классицизма рассматриваются как общие принципы творчества С. в данном жанре (оды, басни), так и отдельные произведения: трагедии «Хорев», «Семира», «Димитрий Самозванец», сатиры «Пиит и друг его», «Кривой толк», «О благородстве», комедии «Опекун», «Рогоносец по воображению», элегия «На смерть сестры авторовой».

2-е изд. (учеб. пособие для студентов филол. специальностей). М., 1986.

Рычкова Г. П. Сатирическая проза в журнале А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1978. [Вып. 3.] С. 3–13.

Степанов В. П. Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 111–115.

Атрибуция С. надписей к гравюрам Е. Чемесова: к портретам Екатерины II (1762), Г. Г. Орлова (1764), И. Г. Орлова (1765).

Стенник Ю. В. Некоторые вопросы изучения русской сатиры XVIII века // Русская литература. 1978. № 2. С. 68–86.

С. 82–83.

1979

Буданова В. А. Общественно-политические и философские идеи в русской литературе второй половины XVIII века: (А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин, В. И. Майков, В. В. Капнист, Н. Г. Курганов). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1979. 15 с.

Гудошников Я. И. Основные жанровые разновидности русской песенной лирики // Проблемы литературных жанров. Материалы 3-й науч. межвузовской конф. 6 февраля — 9 февраля 1979 г. Томск, 1979. С. 125–126.

С. как «виднейший представитель» увеселительных кантов XVIII века.

Душечкина И. В. Своеобразие литературной борьбы середины XVIII в. (Критика-пародия-миф) // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Тарту, 1979. С. 13–34. — (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 491: Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXXI).

«Предисловие к „Некоторым строфам двух авторов“», «О правописании», «Примечание о правописании», «О стопосложении», «Вздорные оды», «Критика на оду», начало перевода «Телемака», «Тресотиниус».

Иванов В. В. Из наблюдений над одой XVIII века. 1. Ода 1747 г. Ломоносова // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 174–189.

С. 175–180.

«Критика на оду», «Вздорные оды», «Дифирамб Пегасу».

Луцевич Л. Ф. Основные принципы переложения псалмов А. П. Сумароковым // Проблемы литературных жанров. Материалы 3-й науч. межвузовской конф. 6 февраля — 9 февраля 1979 года. Томск, 1979. С. 93–94.

Михеева Т. С. Жанровое своеобразие торжественных од Сумарокова // Преемственность в развитии жанров русской литературы: Сб. трудов. М., 1979. С. 3–20.

Продолжение работы, опубликованной тем же автором в 1976 г., посвящено одам 1740–1761 гг.

Совалин В. С. Жанровые функции ритма в песнях А. П. Сумарокова // Проблемы метода и стиля в русской литературе XVIII–XIX вв.: Сб. трудов. М., 1979. С. 27–53.

Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века. М., 1979.

С. 53–55, 58, 61–66.

«Две эпистолы».

Федоров В. И. От классицизма к романтизму. Формирование нового художественного стиля // История романтизма в русской литературе. Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790–1825). М., 1979. С. 42–70.

С. 49–53 — личностное начало в творчестве С.

1980

Лукичева З. В. К вопросу о возникновении русского нравоописательного очерка // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 3–10.

С. 6–8.

«О неестественности».

Луцевич Л. Ф. Поэзия А. П. Сумарокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 24 с.

Луцевич Л. Ф. Своеобразие жанра переложения псалмов А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 10–19.

* *Луцевич Л. Ф.* Торжественные оды А. П. Сумарокова / Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1980. 17 с. — Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 5265 от 24.04.80 г.

Луцевич Л. Ф. Элегии А. П. Сумарокова // Жанр: (Эволюция и специфика). Кишинев, 1980. С. 14–23.

Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 3–41.

В т. ч. о письмах С.

Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

С. 146–150, 170–174.

«Хорев», «Синав и Трувор», «Семира», «Димитрияда», «Димитрий Самозванец».

О «Димитрии…» см. также: *Моисеева Г. Н.* Пути развития драматургии XVIII века // Русская драматургия XVIII века. М., 1986. С. 12–13.

Моисеева Г. Н., Стенник Ю. В. Литературно-общественное движение 1730-х — начала 1760-х годов. Становление классицизма // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 491–522.

С. 516–517.

Посконин В. В. Естественно-правовые воззрения М. М. Щербатова и А. П. Сумарокова // Известия высших учеб. заведений: Правоведение. 1980. № 6. С. 58–64.

Савельева Л. И. Античность в русской поэзии конца XVIII — начала XIX века. Казань, 1980.

С. 6–10.

Сокольникова А. К. Интерпретация лирики поэтов XVIII века читателем первой половины XIX века (по рукописным сборникам) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 139–152.

С. 140 — искаженное восприятие песен С. «Негде в маленьком леску…» в рукописном сборнике (ГБЛ. Ф. 218. № 260) и «Ах, ты, крепкий, крепкий Бендер-град» (в изд.: Песни русского народа…, собранные Михаилом Смирдиным. СПб., 1859).

Стенник Ю. В. Сумароков // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 542–570.

Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760-х — 1780-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 571–626.

С. 586 — использование Новиковым произведений С. в журналах. С. 608–609 — творчество В. Майкова и проблема бурлеска у С.

1981

Акимова Г. Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века: (На материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века: Сб. статей. Л., 1981. С. 47–59.

Берков П. Н. Немецкая литература в России в XVIII веке // Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур: Статьи. Л., 1981. С. 256–297.

С. 284–296.

«Письмо к приятелю» на немецком яз. (1-я публикация с параллельным переводом, в ПСВС только перевод).

Биржакова Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96–129.

Дробова (Морозова) Н. П. Биографические предания о русских писателях XVIII века как историко-литературное явление // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. С. 275–283.

С. 278–280.

Живов В. М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 546: Труды по знаковым системам. 13. Семиотика культуры. С. 56–91.

С. 67–69.

То же в:

1) Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 4 (XVIII — нач. XIX в.). С. 717, 718, 720;

2) *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 651, 652, 654.

Замкова В. В. Опыт лингвостилистического анализа одного басенного сюжета // Язык русских писателей XVIII века: Сб. статей. Л., 1981. С. 60–67.

Притчи «Вор», «Кисельник».

Келдыш Ю. В. Песни на слова А. П. Сумарокова в рукописных сборниках XVIII века // История и современность: Сб. статей. Л., 1981. С. 226–239.

ГИМ. Собр. Барсова. Ед. хр. 2436. Песни № 8, 18, 28, 33, 40, 43; Там же. Ед. хр. 2431; ГБЛ. Ф. 178. Ед. хр. 1845. Песня № 7; Там же. Ф. 299. Ед. хр. 610; ГПБ. Q.XIV. Ед. хр. 150.

Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981.

С. 199–202 — «Примечания» к «Двум эпистолам» как словарь писателей.

Мордисон Г. З. История театрального дела в СССР. Русский театр XVIII века. 50–70-е годы: Учеб. пособие. Л., 1981. 62 с.

Роль С. в создании системы театрального дела. Архивные документы: ЦГАДА (Ф. 17. Д. 322; Ф. 17. Д. 326. Л. 14–15; Ф. 248. Ед. хр. 3120. Л. 776–778 — рапорты и доношения С. об оформлении спектаклей, жаловании актерам, других нуждах театра), ЛО Архива АН СССР (Ф. 3. Оп. 1. Д. 219. Л. 129–132; Д. 222. Л. 192 — афиши спектаклей), ЦГИА (Ф. 466. Оп. 1. Д. 93. Л. 1586 об. — усиление подчинения театра придворной конторе), ГПБ **(**Ф. 227 (Грот). Ед. хр. 69 — доклад М. Н. Волконского Екатерине II о смерти С.**)**.

Пинчуков П. П. Дом на улице Станкевича: (Из хроники старомосковского особняка). М., 1981.

С. 7–10 — принадлежность родным С. и ему самому дома по ул. Станкевича (Б. Чернышевская) № 6. Жизнь С. в этом доме с 1763 по 1767. С 1767 — на Новинском бульваре (ул. Чайковского, № 19–25).

* *Салова С. А.* К проблеме жанра притчи А. П. Сумарокова / Редколлегия журнала: Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Сер. истории, языка, литературы. Л., 1981. 10 с. — Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 8851 от 15.12.1981 г.

Салова С. А. Пословица в притче Сумарокова // Фольклор народов РСФСР: Межвузовский сб. Уфа, 1981. Вып. 8. С. 94–101.

Салова С. А. Притча А. П. Сумарокова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1981. 19 с.

Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981 (по указателю).

2-е изд. М., 2007.

Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л., 1981.

С. 31–44, 60–74.

См. также:

Стенник Ю. В. Драматургия русского классицизма. Трагедия // История русской драматургии (XVII — первая половина XIX века). Л., 1982. С. 60–67, 74–81.

1982

[*Алексеев М. П.*] Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. 863 с. — (Литературное наследство. Т. 91).

С. 124, 134, 142.

Первые стихотворные переводы произведений С. на английский.

Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия второй половины XVIII века (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков): Учеб. пособие. Куйбышев, 1982.

С. 48–91.

То же в:

Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 112–142.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982.

С. 143–152.

Переиздание учеб. пособия 1934 г.

4-е изд. М., 2002. С. 163–172.

Гудошников Я. И. Основные закономерности развития русской любовной песенной лирики и ее соотношение с фольклором в XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1982.

С. 10–12.

Дунаев М. М., Разумовский Ф. В. В среднем течении Оки. М., 1982.

С. 86–88 (о селе Сивцеве).

Лебедев Е. Н. Философская мысль писателей эпохи классицизма // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 138–176.

С. 167 — оспаривается мнение Ю. М. Лотмана, что С. первым в русской литературе отозвался на «Рассуждение о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо.

Москвичева Г. В. Характер и сюжетная ситуация в русской трагедии XVIII — нач. XIX вв. // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сб. Горький, 1982. С. 30–38.

Николаев С. И. К интерпретации притчи А. П. Сумарокова «Коловратность» // Русская литература. 1982. № 1. С. 212–214.

Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX в. и народная песня: Учеб. пособие. М., 1982.

С. 56–58.

Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1982.

С. 6–7.

Песков А. М. Сумароков и Буало // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1982. № 2. С. 73–77.

См. также:

Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М., 1989. С. 23–30.

Салова С. А. К вопросу о личностном начале притч А. П. Сумарокова // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. 2: История, язык, литература. 1982. Вып. 1. С. 52–58.

Стенник Ю. В. Драматургия русского классицизма. Комедия // История русской драматургии (XVII — первая половина XIX века). Л., 1982. С. 109–162.

С. 111–118.

Троицкий В. Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 301–320.

С. 311–312.

«Сокращенная повесть о Стеньке Разине».

Шушаков В. И. Социальная обусловленность русских эстетических концепций XVIII века // Проблема социальной природы искусства в истории русской эстетики: Сб. науч. статей. М., 1982. С. 45–66.

С. 55–57.

1983

Афанасьева И. Н. А. П. Сумароков и итальянская «комедия масок» (К вопросу о формах комического в комедии классицизма) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму: Сб. тр. Л., 1983. Вып. 5. С. 3–11.

Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века: Историко-проблемный очерк просветительской мысли. М., 1983.

С. 105–107.

Витковская Л. В. «Самолюбивый стихотворец» Н. П. Николева (Страницы из несценической истории классицистической комедии) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму: Сб. тр. Л., 1983. Вып. 5. С. 38–50.

Луцевич Л. Ф. Психологическая лирика (песни) А. П. Сумарокова (Лирический субъект в песенной поэзии классицизма) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму: Сб. тр. Л., 1983. Вып. 5. С. 11–22.

* *Сенчина Л. Т.* Жанр идиллии в творчестве А. Сумарокова / Донецкий гос. ун-т. Донецк, 1983. 10 с. — Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 12910 от 10.05.1983 г.

* *Сенчина Л. Т.* Жанр идиллии в творчестве В. Тредиаковского и А. Сумарокова // Целостность литературного произведения и проблемы его анализа. Донецк, 1983. С. 57–63.

Стенник Ю. В. Из истории литературной полемики 1770-х гг. (Сатира Сумарокова «О худых рифмотворцах») // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. С. 251–260.

Притча «Александрова слава».

Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. С. 105–120.

С. 111–113.

Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. С. 232–246.

1984

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.

С. 54–104.

2-е изд., доп.:

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 57–110.

Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.

С. 50 — отзыв А. Галлера в русском переводе «Перевод с немецкого первого разговору между юношею российским … и ученым швейцаром» (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Т. 13. С. 245–254); С. 81 — отзыв В. И. Панаева в «Благонамеренном» («О пастушеской, или сельской поэзии»; 1818. Ч. IV. С. 49–66).

Доброва Г. Р. Пародирование элементов стиля русских поэтических произведений XVIII — начала XIX в. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века: Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 118–132.

С. 120–129.

«Обезьяна-стихотворец», «Дифирамв Пегасу».

Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII — XVIII века // Античность в культуре и искус-

стве последующих веков / ГМИИ им. А. С. Пушкина. Материалы науч. конф. 1982 [г.] М., 1984. С. 204–285.

С. 265–272 — полемика между С. и Тредиаковским об использовании мифологических образов в поэзии.

То же в:

1) Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 4: XVIII — нач. XIX в. С. 506–516;

2) *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 490–493, 516–519.

Западов А. В. Сумароков // Западов А. В. Поэты XVIII века (А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков): Литературные очерки. М., 1984. С. 62–113.

Келдыш Ю. В. Итальянская опера // История русской музыки: В 10 т. М., 1984. Т. 2: XVIII в. Ч. 1. С. 91–129.

С. 100–108.

«Цефал и Прокрис», «Альцеста».

Келдыш Ю. В. Песня в рукописных сборниках // История русской музыки: В 10 т. М., 1984. Т. 2: XVIII в. Ч. 1. С. 153–183.

С. 165–171.

Левашева О. Е. Развитие жанра «российской песни» // История русской музыки: В 10 т. М., 1984. Т. 2: XVIII в. Ч. 1. С. 184–215.

С. 191–192.

Луцевич Л. Ф. Торжественные оды А. П. Сумарокова // Из истории русской литературы и литературной критики: Вопросы русского языка и литературы: Межвузовский сб. Кишинев, 1984. С. 81–91.

Луцевич Л. Ф. Тренические элегии А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1984. Вып. 6: Вопросы метода и стиля. С. 12–20.

Овчаренко О. А. Русский свободный стих. М., 1984.

С. 47–50 — верлибр в переложении псалмов С.

Николаев Н. И. Буало и А. П. Сумароков о двух видах бурлеска // Метод и стиль: (На материале зарубежных литератур). Ташкент, 1984. С. 80–85.

См. также:

Николаев Н. И. Русская литературная травестия. Вторая половина XVIII — первая половина XIX века: Учеб. пособие для спецкурса. Архангельск, 2000. С. 16–20.

* *Сенчина Л. Т.* Жанр идиллии в эпоху классицизма. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 16334 от 19.04.1984 г.

1985

Алексеев М. П. Дидро о русской литературе // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Избр. труды. Л., 1985. С. 338–372.

С. 353, 355, 360–362 — книги С. в библиотеке Дидро, оценка С. Дидро.

Впервые в:

Алексеев М. П. Дидро и русские писатели его времени // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 416–431 (неполное соответствие).

Алексеев М. П. Из истории испано-русских литературных отношений XVI — начала XIX веков // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Избр. труды. Л., 1985.

С. 63–64, 78–79, 94.

«Разговор в царстве мертвых; Кортец и Монтезума».

Впервые в:

Алексеев М. П. Из истории испано-русских литературных отношений XVI — начала XIX веков // Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 5–170.

Горбунов А. Н. К истории русского «Гамлета» // Шекспир У. Гамлет. Избр. переводы: Сб. М., 1985. С. 7–26.

С. 7–9.

«Гамлет».

Гринберг М. С. Статья А. П. Сумарокова «О стопосложении» как составная часть его языковой и литературной программы // Труды по метрике и поэтике. Проблемы типологии, перевода и рецепции поэтического текста. Тарту, 1985. С. 100–113. — (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 709).

Доброва Г. Р. Русская стихотворная пародия и ее роль в общественно-литературной борьбе XVIII — начала XIX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1985.

С. 10–11, 14–15.

Москвичева Г. В. Жанрово-композиционные особенности русской элегии XVIII — первых десятилетий XIX века // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сб. Горький, 1985. 33–50.

С. 37–41.

Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985 (по указателю).

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

С. 86–87 — выражение «жесток ушам» у С., восходящее к Тредиаковскому.

То же в:

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 88–89.

1986

Бухаркин П. Е. Письма М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова в истории русской литературы // Малые жанры в русской и советской литературе: Межвузовский сб. науч. трудов. Киров, 1986. С. 31–41.

См. также:

Бухаркин П. Е. Письма русских писателей XVIII века и развитие прозы (1740-е — 1780-е годы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1982. С. 6–11.

Бухаркин П. Е. Эпистолярный стиль как поведение (письма М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова) // Всесоюзная науч. конф. молодых ученых-филологов. Конференция посвящается 40-летию Академии наук Грузинской ССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1981. С. 19–21.

Западов В. А. [Комментарии] / Державин Г. Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой.

С. 281 — сведения Державина об операх С. (источник неизвестен).

Стенник Ю. В. Эстетическая мысль в России XVIII века // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 37–51.

С. 44.

* *Сыромятникова А. А.* Г. А. Гуковский о Сумарокове-критике / Таджикский гос. ун-т. Душанбе, 1986. 13 с. — Рукопись деп. в ТаджикНИИНТИ, № 13 Та-Д87 от 13.03.87 г. Реферат деп. в ИНИОН АН СССР, № 45Р-87 от 31.03.87 г.

1987

Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

С. 127–128, 131–132.

«Слово на день рождения цесаревича Павла Петровича» 1761, «Российский Вифлеем», «Ода на день рождения Екатерины II» 1764, «Ода на победы Петра», «Ода на восшествие на престол Екатерины II» 1762, «К образу Петра Великого» 1760.

Москвичева Г. В. Ремарка в сюжетно-композиционной системе русской трагедии XVIII — начала XIX века // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сб. науч. трудов. Горький, 1987. С. 39–48.

С. 45, 47.

Орлов П. А. Сатира М. Д. Чулкова на А. П. Сумарокова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1987. № 4. С. 10–15.

Селиванов Б. Культурно-философские истоки концепции искусства у Сумарокова // Социально-культурный контекст искусства: Историко-эстетический анализ. Сб. науч. статей. М., 1987. С. 103–113.

1988

Державина О. А., Москвичева Г. В. Театр // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Т. 3. С. 302–344.

С. 310–311, 325–326, 331.

Салова С. А. Некоторые особенности построения сюжета в притчах А. П. Сумарокова // Вопросы сюжета и композиции в русской литературе: Межвузовский сб. науч. трудов. Горький, 1988. С. 12–20.

Федоров В. И. Литература // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Т. 3. С. 212–267.

С. 232–235.

1989

Горчаков Д. П. Письмо к Николаю Петровичу Николеву; Стихи Николаю Петровичу Николеву / Публ. В. П. Степанова // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 118–119.

Упоминается С.

Гринберг М. С. Новые материалы о жизни и творчестве А. П. Сумарокова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1989. Т. 48. № 1. С. 65–71.

1. Происхождение песни «Часто по школам мелют только ветер…»; 2. Стихотворение Ж. Деэно «La mere à l'avorton» (1658) — источник сонета С. «О существа состав…»; 3. Публикация письма С. к Н. И. Панину (Q.XVII.319) от 24.01.1773.

Ермолаева Н. В. Прижизненные издания произведений В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова, хранящиеся в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского // Библиотека Казанского университета: фонды, раритеты, история… Казань, 1989. С. 24–34.

С. 29–31 — книги С. из собраний Н. Н. Булича и Александра Аристова. «Разные стихотворения» — один из 4 экземпляров (1769).

Западов В. А. [Комментарии] / Державин Г. Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века.

С. 318 — невнимательное чтение Державиным С. по поводу амфибрахия.

Лаппо-Данилевский К. Ю. К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова (По материалам черновой тетради) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 256–270.

С. 267 — «сочувственная цитация стихов А. П. Сумарокова» в «Путевой тетради № 1» Н. А. Львова (ИРЛИ, шифр 16.470/CIVб20, л. 23–24).

Мороз Д. П. Последняя трагедия Сумарокова // Мороз Д. П. Читая прошлого страницы: Из записок книголюба. Минск, 1989.

С. 17–26.

«Мстислав».

Новиков В. И. Книга о пародии. М., 1989.

С. 346–349.

«Оды вздорные».

Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М., 1989.

С. 23–30, 33, 45–47.

См. также:

Песков А. М. Сумароков и Буало // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1982. № 2. С. 73–77.

Сазонова Л. И. От басни барокко к басне классицизма // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — нач. XVIII в. М., 1989.

С. 118–148.

«Петух и жемчужное зерно», «Змея согретая».

Холшевников В. Е. Из истории русской рифмы (От Ломоносова до Лермонтова) // Русская литература. 1989. № 2. С. 41–52.

С. 45 — рифмы с «е» и «ё» у С.

1990

Бобрик М. А., Зорин А. Л. К истории московского самосознания: Статья «О московском наречии» и ее автор // Ново-Басманная, 19: Сб. М., 1990. С. 23–33.

Атрибуция приписывавшейся С. статьи «О московском наречии» А. А. Ржевскому.

* *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1990.

Кашкина Л. И. Сумароковские традиции в басенном творчестве В. А. Жуковского // Проблема традиций и новаторства русской и советской прозы: Межвузовский сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1990. С. 98–105.

Кочеткова Н. Д. Русская лирика XVIII века // Русская литература. Век XVIII. Лирика / Под общ. ред. В. А. Западова, Н. Д. Кочетковой, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, В. П. Степанова. М., 1990. С. 5–22.

С. 12–14.

* *Макшанцева Н. В.* «Ричард III» В Шекспира и «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова: (К проблеме влияния) / Горьковский гос. пед. ин-т иностранных языков им. Н. А. Добролюбова. Горький, 1990. 10 с. — Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 42211 от 25.06.90 г.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990 (по указателю).

2-е изд. М., 2002.

Рожкова Т. И. Стихотворная сказка в сибирском журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Сб. трудов. Л., 1990. Вып. 8: Художественный метод и поэтика. С. 107–117.

Стихотворные сказки поэтов «Иртыша…» как продолжение сумароковских исканий в жанре притчи.

См. также:

Рожкова Т. И. Первое периодическое издание Сибири — журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1986. С. 9–10.

Сенчина Л. Т. Жанровая эволюция идиллии (на материале русской поэзии XVIII — первой половины XIX века): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1990.

С. 8–9.

Стенник Ю. В. Сумароков — драматург // Сумароков А. П. Драматические соч. Л., 1990. С. 3–34.

1991

Верещагина А. Г. Русская художественная критика середины — второй половины XVIII века: Очерки. М., 1991.

С. 57–79, 88–93.

То же в:

Верещагина А. Г. Критики и искусство. Очерки истории русской художественной критики середины XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. С. 43–64, 72–77.

Кукушкина Е. Д. О драматургическом компоненте в прозе XVIII века // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 48–60.

С. 49, 55.

«О неестественности», «Разговоры мертвых».

Лаппо-Данилевский К. Ю. Неизвестное стихотворное посвящение В. И. Майкова // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 159–162.

Датировка «Оды о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» и ответа С. Майкову (1775).

Мальцева Т. В. Жанр драматической пародии в русской литературе конца XVIII — первой четверти XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1991.

С. 6–11.

«Тресотиниус», «Самолюбивый стихотворец».

Морозова Н. П. Русский писатель XVIII века в биографических преданиях // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 162–168.

С. 165–166.

Орлов П. А. История русской литературы XVIII века: Учебник для ун-тов. М., 1991.

С. 73–85.

Салова С. А. Сказка в притче А. П. Сумарокова // Фольклор народов РСФСР. Фольклор и литература: Межвузовский науч. сб. Уфа, 1991. Вып. 18. С. 38–47.

Стенник Ю. В. Роль комедии в полемике 1750–1760-х годов // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 28–47.

«Тресотиниус», «Чудовищи».

1992

* *Чугунова О. А.* Жанр переложения псалма в теоретическом осмыслении русских классицистов XVIII века / Днепропетровский ун-т. Днепропетровск, 1992. 11 с. — Рукопись деп. в УкрИНТЭИ № 438-Ук92 от 06.04.92 г. Реферат деп. в ИНИОН РАН, № 121Р-92 от 26.08.92 г.

Чугунова О. А. Стихотворные переложения библейских псалмов в русской поэзии периода 1750-х — 1770-х годов. Метод. Жанр: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Днепропетровск, 1992.

С. 8–15.

Яковлева Ю. Первый директор первого театра // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 11. С. 15.

1993

Кашкина Л. И. «Псалтырь» в поэтическом переложении Ломоносова, Сумарокова, Державина // Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие. Тезисы международной науч. конф. Казань, 1993. С. 19–21.

* *Кашкина Л. И.* «Псалтырь» в поэтическом переложении Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова // Проблема традиций в русской литературе: Сб. трудов. Нижний Новгород, 1993. С. 115–124.

Клейн И. Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 40–58.

То же в:

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 301–318.

Кутловская Е. Рас-с-троенное зеркало // Место печати. 1993. № 4. С. 21–31.

«Синав и Трувор».

Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынник»: К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 59–74.

Мордисон Г. З. Отец и учредитель правильных российских зрелищ: (К 275-летию со дня рождения А. П. Сумарокова) // Петербургский театральный журнал. 1993. № 2. С. 64–66.

Саркисян Е. В. Жанр песни в теоретических трудах и поэтическом наследии Буало, Тредиаковского и Сумарокова // Проблема традиций и взаимовлияния в литературах стран Западной Европы и Америки XIX–XX веков. Нижний Новгород, 1993. С. 121–129.

Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 113–130.

С. 114–115.

«О коренных словах русского языка».

Степанов В. П. Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 31–39.

Стружихина В. Е. О взаимодействии песенного творчества Сумарокова с фольклором // Вопросы литературы и фольклора. Содержательность художественных форм. Сб. науч. трудов. Алматы, 1993. С. 96–100.

«О ты, крепкой крепкой Бендер град…».

Сумароковские чтения: Материалы всероссийской науч.-практической конф. СПб., 1993.

Содержание:

Гительман Л. И. Мотивы трагедий П. Корнеля в творчестве А. П. Сумарокова. С. 51–55.

Кочеткова Н. Д. Сумароков и женщины-писательницы. С. 32–37.

Крюков А. Н. А. П. Сумароков и музыка. С. 37–42.

Левин Ю. Д. Трагедия А. П. Сумарокова «Гамлет». С. 45–51.

Мордисон Г. З. Значение театральной деятельности А. П. Сумарокова для истории русской театральной культуры. С. 8–14.

Москвина Т. В. Смутное время в русской драматургии от Сумарокова до Островского. С. 73–75.

Стенник Ю. В. Роль А. П. Сумарокова в развитии русской басни. С. 25–32.

Степанов В. П. Новые материалы о Сумарокове. С. 15–20.

Письма С. в Синод (1771 и 1774), хранящиеся в ЦГИА. Ф. 796, оп. 52, № 78; Ф. 796, оп. 55, № 403.

Чепуров А. А. Сумароков и его творения в новом сценическом контексте. С. 61–66.

1994

* *Александрова И. Б.* Поэзия А. П. Сумарокова / Московский гос. пед. ун-т им. В. И. Ленина. М., 1994. — Рукопись деп. в ИНИОН РАН, № 49688 от 21.10.94 г.

Баевский В. С. История русской поэзии: 1730–1980. Компендиум. М., 1994.

С. 24–36.

2-е изд. Смоленск, 1994.

3-е изд. М., 1996.

4-е изд. М., 2004.

Гардзонио С. Неизвестная редакция драмы А. П. Сумарокова «Пустынник» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 194–197.

Рукописная редакция из собрания Музея книги РГБ (шифр АН-4°/36-П): анализ разночтений с опубликованным текстом.

Ермоленко Г. Н. Жанровая пародия в творчестве А. П. Сумарокова // Русская филология: Учен. зап. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 121–135.

«Вздорные оды», «Дифирамб Пегасу», «Тресотиниус», «Рогоносец по воображению».

Живов В. М. Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 62–82.

С. 67–68 (споры С. с Тредиаковским и Ломоносовым).

Жирмунская Т. Библия и русская поэзия: Беседа вторая // Юность. 1994. № 2. С. 87–88.

«Из 145 псалма» в контексте религиозно-философских и социальных воззрений С.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.

С. 110–113 — литературная позиция М. Н. Муравьева в связи с творческими принципами С. и Ломоносова.

Кутловская Е. Сумароковские очки // Искусство кино. 1994. № 2. С. 62–66.

Левитт М. К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 16–32.

Мальцева Т. В. Понимание национального в русской драматургии XVIII — начала XIX веков // Национальная духовная культура и образование: Доклады и сообщения на Герценовских чтениях. СПб., 1994. С. 86–91.

С. 88.

Мордисон Г. З. История театрального дела в России: Основание и развитие государственного театра в России (XVI–XVIII вв.). СПб., 1994. Ч. 1.

С. 68–101, 111–117, 173–207.

Морозова Н. П. Русский писатель в «словесных преданиях» XVIII века // Литературные предания XVIII столетия: Сб. анекдотов о русских писателях XVIII века. Череповец, 1994. С. 3–10.

С. 6–7.

Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург: Начало XVIII века — октябрь 1917 года. Обозрение-путеводитель. СПб., 1994.

С. 33, 48.

«Приданое обманом».

Рожкова Т. И. Жанр притчи в русской литературе второй половины XVIII века и эстетика Н. М. Карамзина // Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века: Сб. Ульяновск, 1994. С. 8–9.

Савилова Н. И. Жанр песни в творчестве А. П. Сумарокова и фольклор (к вопросу о взаимовлиянии литературы и фольклора) // Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века: Сб. Ульяновск, 1994. С. 10–11.

Сапченко Л. А. Черты жанра утопии в видении А. П. Сумарокова «Сощастливое общество» // Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века: Сб. Ульяновск, 1994. С. 15–19.

* *Стружихина В. Е.* Басенное творчество А. П. Сумарокова. Методическое пособие. Алматы, 1994.

Шаврыгин С. М. Культура XVIII века в восприятии А. А. Шаховского // Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века: Сб. Ульяновск, 1994. С. 33–37.

С. 36.

1995

Александрова И. Б. Поэтическая теория и поэтическая практика стихотворцев XVIII века — В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

С. 9–10, 15–16.

Буранок О. М. Русская литература XVIII века: Учеб. пособие для студентов филол. специальностей высших пед. учеб. заведений. М.; Самара, 1995.

С. 132–170.

Бухаркин П. Е. Проблема комического в русской комедии середины XVIII века // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 313–321.

С. 314–317.

«Ссора у мужа с женою», «Лихоимец», «Опекун».

Данилевский Р. Ю. 1725 — начало 1760-х годов: Классицизм // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 138–139.

Переводы в ТП.

Клейн Й. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 15–42.

С. 28–29 — отношение С. к древнерусской культуре.

То же в:

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 248–249.

Кросс Э. Г. Английские отзывы об А. П. Сумарокове // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 60–69.

Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 43–59.

Публикация списков книг, взятых С. в библиотеке АН в 1740-е гг. и в 1755 г.

Муравьев М. Н. The Idle Traveler. Путешествие праздного человека. Новгород, Тверь, Москва, Коломна, Рязань / Публ. Л. Росси // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 131–133.

С. 131 — упоминание Муравьевым «Синава и Трувора».

Саркисян Е. В. Русская литературная песня второй половины XVIII века в контексте жанров лирической поэзии (идиллия, элегия, романс, ода): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1995.

С. 9–11.

Стенник Ю. В. Историософские аспекты содержания русской драматургии XVIII века: Жанр трагедии // XVIII век. СПб., 1995. Вып. 19. С. 70–85.

С. 70–73, 80–83.

Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995.

С. 172 — переложения псалмов у С. и Державина.

* *Стружихина В. Е.* Сатиры А. П. Сумарокова и их взаимодействие с фольклором. Алматы, 1995. Рукопись деп. в КазГИНТИ. 18.04.95 г., № 6047. Ка 95.

Стружихина В. Е. А. П. Сумароков и фольклор: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Алматы, 1995. 26 с.

1996

Автухович Т. Е. Риторическое начало в стихотворной трагедии XVIII века // Русская стихотворная драма XVIII — начала XX веков: Межвузовский сб. науч. трудов. Самара, 1996. С. 10–18.

С. 10–11.

* *Алтухова Т., Сенчина Л. Т.* Жанр идиллии в творчестве А. П. Сумарокова // XVIII век: язык, жанр, стих: Сб. статей. Донецк, 1996. С. 53–56.

Билинкис М. Я. Спор о первенстве, или Основания мифа // Имя — сюжет — миф: Межвузовский сб. СПб., 1996. С. 35–45.

С. 38–39 — роль С. в формировании мифа о первенстве Ломоносова в русской литературе.

Бухаркин П. Е. Автор в трагедии классицизма: предварительные замечания // Автор и текст: Сб. статей / Под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. СПб., 1996. С. 84–104. — (Петербургский сборник. Вып. 2).

Вишневская И. Аплодисменты в прошлое: А. П. Сумароков и его трагедии. М., 1996. 263 с.

«Хорев», «Гамлет», «Димитрий Самозванец».

Рец.: Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 391–393 (Мстиславская Е. П.).

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996 (по указателю).

Западов В. А. Барковиана и Державин?! // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20.

С. 90 — «Сонет» С., многократно публиковавшийся в сочинениях Державина.

* *Калганова В. Е.* Анализ творческой эволюции личности в курсе истории русской литературы (на примере комедии А. П. Сумарокова). Сочи, 1996.

Лебедева О. Б. Русская высокая комедия XVIII века: Генезис и поэтика жанра. Томск, 1996.

С. 41–76.

См. также: *Лебедева О. Б.* Поэтика русской высокой комедии XVIII — первой трети XIX веков. М., 2014.

Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX в. // Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 4: XVIII — нач. XIX в. С. 13–346.

С. 54, 103, 107, 154 (возможное влияние оды Теофиля де Вио «Un corbeau devant moi croasse…» на «Оды вздорные»), 255–256 («Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой»).

То же в:

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 81.

Свиясов Е. В. Прономинация как вид метонимии (на материале античных антропонимов) // Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения М. П. Алексеева. СПб., 1996.

С. 109–152.

Эпистола II, «Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер…», Ода на день тезоименитства Павла Петровича 1771 года, Ода на день тезоименитства Екатерины II 1762 года, «Хор ко златому веку», «Хор к Минерве».

Стенник Ю. В. Сумароков — историк // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 23–46.

Стенник Ю. В. Традиции лафонтеновской басни в притчевом наследии А. П. Сумарокова // Творчество Жана де Лафонтена и мировой литературный процесс: Материалы международной науч. конф. «Первые Лафонтеновские чтения» (15 апреля 1995 года). СПб., 1996. С. 33–41.

* *Тимофеев П. Т.* Традиции песенной лирики XVIII века и городской романс // XVIII век: язык, жанр, стих: Сб. статей / Под ред. Л. Т. Сенчиной. Донецк, 1996. С. 47–52.

Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1996. Т. 2: Язык и культура. 2-е изд., испр. и перераб. С. 343–410.

Полемика Тредиаковского с «Эпистолой о русском языке».

Впервые: Russian Linguistics. 1984. № 8. P. 75–127.

То же в:

Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Успенский Б. А. Вокруг Треди-

аковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 459–508.

Фельдберг А. Несколько мотивов «поэтической автобиографии» А. П. Сумарокова // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1996. № 7. С. 35–45.

«Страдай, прискорбный дух…».

Фигут Р. Автор и драматический текст // Автор и текст: Сб. статей / Под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. СПб., 1996. С. 53–83. — (Петербургский сборник. Вып. 2).

С. 63–72.

«Димитрий Самозванец».

1997

Бердников Л. И. Становление сонета в русской поэзии XVIII в. 1715–1770 // Бердников Л. И. «Счастливый Феникс»: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII — начала XIX века. СПб., 1997. С. 10–134.

С. 48–87.

Переводы из П. Флеминга («Великому граду Москве», «Москве-реке», «Москве»), сонеты «Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил…», «Не трать, красавица, ты времени напрасно…», «О существа состав, без времени смешенный…», «Сонет, нарочно сочиненный другим складом», «Великий боже! Твой исполнен правдой суд…».

См. также:

Бердников Л. И. Становление сонета в русской поэзии XVIII века (1715–1770): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1985. С. 8–13.

Гуськов Н. А. Жанровое своеобразие драматургии писателей сумароковской школы // Язгулямский сб. СПб., 1997. Вып. 2. С. 79–88.

Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24–84.

С. 53–67.

То же в:

Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 608–628.

Илизаров С. С. А. П. Сумароков — последний летописатель Москвы // Москва в описаниях XVIII века. М., 1997. С. 9–29.

Кутловская Е. Н. Поздние трагедии А. П. Сумарокова (1768–1774 гг.). Проблематика и поэтика русского классицизма: Автореф. дис. … канд.

искусствоведения / Российская академия театрального искусства (ГИТИС). М., 1997.

«Вышеслав», «Димитрий Самозванец», «Мстислав».

Люстров М. Ю. Эпистолы и стихотворные письма А. П. Сумарокова 40–70-х годов XVIII века // Филологические науки. 1997. № 3. С. 35–40.

«Эпистола Великому князю Павлу Петровичу», «Послание г. Сумарокова, написанное им при смерти к одному его другу», «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой».

См. также:

Люстров М. Ю. Послание в русской поэзии XVIII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 407–470.

Николаев Н. И. «Гамлет» Шекспира и «Гамлет» Сумарокова // Николаев Н. И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск, 1997. С. 92–100.

См. также:

Николаев Н. И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Архангельск, 1998. С. 15–16.

Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997.

С. 59, 110.

Стенник Ю. В. Поэзия Ломоносова и Державина как объект пародирования // Пародия в русской и зарубежной литературе: Материалы республиканской конф. Смоленск, 1997. С. 29–31.

В частности, «Вздорные оды».

Стенник Ю. В. А. П. Сумароков о классиках французской трагедии XVII–XVIII вв. (статья «Мнение во сновидении о французских трагедиях») // Некоторые вопросы теории и истории французской литературы XVII века: Материалы конф. СПб., 1997. С. 47–49.

Фельдберг А. Риторический диалог в трагедии Сумарокова // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1997. № 8. С. 22–29.

«Хорев», «Синав и Трувор».

Фельдберг А. Трагедия А. Сумарокова как риторический текст: Дис. … magister artium. Тарту, 1997.

1998

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. 2-е изд. М., 1998.

С. 112–152.

Переиздание учебника 1939 г.

* *Кутловская Е. Н.* Элементы сентиментализма в поздних трагедиях А. Сумарокова // Театральные течения: Сб. статей. К столетию П. А. Маркова. М., 1998.

Люстров М. Ю. Послание в русской поэзии XVIII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 407–470.

С. 410–423, 452.

«Епистола к российским ратникам» (1775), «Эпистола Великому князю Павлу Петровичу», «Послание г. Сумарокова, написанное им при смерти к одному его другу», «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой», «Письмо ко князю А. М. Голицыну» (1769).

См. также:

Люстров М. Ю. Эпистолы и стихотворные письма А. П. Сумарокова 40–70-х годов XVIII века // Филологические науки. 1997. № 3. С. 35–40.

Рак В. Д. Русский литературный сборник и периодические издания второй половины XVIII в.: Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998.

С. 79, 81–82. Оспаривается мнение Г. А. Гуковского и П. Н. Беркова о намеках Эмина на С. в «Адской почте».

Саськова Т. В. Высокое звучание «цинической свирели»: (Пасторали А. П. Сумарокова) // Миф — Пастораль — Утопия: (Литература в системе культуры: Материалы науч. межрегионального семинара). М., 1998. С. 44–58.

Саськова Т. В. Жанр эклоги в творчестве А. П. Сумарокова // Основные тенденции и проблемы развития европейского искусства и литературы Нового времени: Материалы конф. СПб., 1998. С. 59–61.

Сперантов В. В. Поэтика ремарки в русской стихотворной трагедии XVIII — начала XIX века: К типологии литературных направлений // Philologica. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 9–47.

С. 12.

1999

Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина // Винокур Г. О. Собр. трудов. М., 1999. Т. 3: Статьи о Пушкине.

С. 315–316 — свидетельство французского «Этнографического Атласа» Бальби о том, что пьесы С. играли в провинциальных театрах вплоть до конца 20-х гг. XIX в., и полемика об этом «Московского телеграфа» и «Атенея».

Впервые в: *Алексеев М. П., Бонди С. М., Винокур Г. О., Оксман Ю. Г., Слонимский А. Л., Томашевский Б. В., Яковлев Н. В., Якубович Д. П.* Комментарии // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [Л.]: Издательство АН СССР, [1935]. Т. 7. Драматические произведения. С. 482.

Левитт М. Пасквиль, полемика, критика: «Письмо… писанное от приятеля к приятелю» (1750) Тредиаковского и проблема создания русской литературной критики // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). С. 62–72.

Матяш С. А. Русский басенный вольный ямб в диахроническом рассмотрении // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 304–311.

На материале в том числе притч С.

Панфилова Е. М. А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков: творческие переклички // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999. С. 198–209.

Рак В. Д. Ф. А. Эмин и Вольтер // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). С. 151–161.

Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века. М., 1999.

С. 15–22, 24–49.

«Сицилийски нимфы пети…», ода Елизавете на день рождения 18 декабря 1755 года.

Стенник Ю. В. Литературная критика периода классицизма (1740-е — 1770-е гг.) // Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1: XVIII — первая четверть XIX в. С. 37–94.

С. 38–43, 48–62, 64–68, 71–74, 83–87.

Стенник Ю. В. Новые веяния критической мысли (Конец 1770-х — начало 1780-х годов) // Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1: XVIII — первая четверть XIX в. С. 95–119.

С. 102–103, 107–108.

Стенник Ю. В. Сумароков в критике 1810-х годов: (А. Ф. Мерзляков) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). С. 401–411.

См. также:

Стенник Ю. В. Литературная критика неоклассицизма (А. Ф. Мерзляков) // Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1: XVIII — первая четверть XIX в. С. 264–265.

Чернышева Л. В. Искусство подражать. Из анакреонтических опытов А. П. Сумарокова // Научные труды молодых ученых ОГПУ — 1999. Оренбург, 1999. С. 42–49.

2000

Глухов В. И. Сумароковский «след» в «Мертвых душах» Гоголя // Русская речь. 2000. № 5. С. 3–6.

«Лихоимец».

* *Горячева О. Н.* Опыты А. П. Сумарокова по переложению Псалтири // В поисках ответов: Сб. молодых ученых. Елабуга, 2000. Вып. 2. С. 55–60.

Калганова В. Е. Комедии А. П. Сумарокова. Эволюция жанра: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000.

* *Калганова В. Е.* Публицистический аспект комедий Сумарокова. Ростов н/Д, 2000.

Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. М., 2000.

С. 54–56, 114–150.

2-е изд. 2003.

Мальцева Т. В. Литературная полемика и процесс жанрообразования в комедиографии XVIII века: Монография. СПб., 2000.

С. 32–119.

«Тресотиниус», «Чудовищи», «Ядовитый».

Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. СПб., 2000. С. 30–157.

С. 76–78 — ломоносовская традиция и своеобразие в одах С.

Ровнер М. Л. Масонские мотивы в переложениях псалмов А. П. Сумарокова // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С. 119–129.

Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII — начала XIX века. М., 2000.

С. 71–72.

Сахаров В. И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С. 66–118.

С. 100–101.

«Гимн о премудрости Божией в солнце».

Серман И. З. Мечтательная страна А. П. Сумарокова // Философский век. Альманах. СПб., 2000. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. С. 216–224.

«Сон. Счастливое общество», «Другой хор ко превратному свету».

Ситникова Г. В. Актуальные трагедии: («Димитрий Самозванец») А. П. Сумарокова — «Борис Годунов» А. С. Пушкина) // Творчество А. С. Пушкина и русская культурная традиция: Материалы международной науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Липецк, 18–19 мая 1999 г.) Липецк, 2000. С. 46–53.

Смолярова Т. И. Обращение к Пиндару в русской и французской одической традиции XVII–XVIII веков: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000.

С. 19 — первенство С. во введении имени Пиндара в бурлескный контекст.

Степанов В. П. Сумароков в Шляхетном корпусе // Русская литература. 2000. № 4. С. 83–87.

Челобитная Иогана фон Эндена на П. И. Мелиссино, А. И. Мещерского и С. (5 августа 1751) по поводу учиненной ими пьяной ссоры и драки (ЦГВИА. Ф. 314. Д. 2350).

Чернышева Л. В. Изображение природы в анакреонтических одах поэтов-классицистов // Научные труды молодых ученых ОГПУ — 2000. Оренбург, 2000. С. 71–83.

С. 72.

«Ода анакреонтическая к Е. В. Херасковой».

**Шапир М. И.* Исчисление силлабо-тонической парадигмы: случай Сумарокова («Цефал и Прокрис») // Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. М., 2000. Кн. 1. (Philologica russica et speculativa; Т. 1.)

2001

Горячева О. Н. Псалтирь в поэтических переложениях А. П. Сумарокова // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Тезисы науч.-практической конф., посвященной памяти А. Ф. Лосева. М., 2001. С. 35–36.

Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов. М., 2001. 143 с. — (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 29).

Вводятся новые архивные материалы (сведения об издании «Хорева» в академической переписке, наборные рукописи «Гамлета» и «Двух эпистол», списки «Тресотиниуса»).

Впервые в качестве отд. выпуска журнала «Russian Literature» (1992. Vol. XXXI. № 2).

То же в:

Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 219–318.

Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. статья В. М. Живова. М., 2001.

Переиздание ранее опубликованных работ о С.:

1) Русская поэзия XVIII века. С. 37–213;

2) О сумароковской трагедии. С. 214–228;

3) Из истории русской оды XVIII века (Опыт истолкования пародии). С. 229–250;

4) К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы). С. 251–276;

5) К вопросу о русском классицизме. С. 277–328.

Кубанов И. Одержимость и резонанс: От «классицизма» к «сентиментализму»: историко-литературный факт в свете учения об аффектах // Логос. 2001. № 3 (30). С. 4–18.

«Семира».

Лахманн Р. Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001.

С. 138–144, 225–226.

«Ода вздорная I», «Критика на оду», «О разности между пылким и острым разумом», «Ответ на оду В. И. Майкову».

Впервые в:

Lachmann R. Die Zerstörung der schönen Rede: Retorische Tradition und Konzepte des Poetischen. München, 1994.

Макарова Д. А. Понятие о литературной песне в России XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2001. Вып. 9: Межвузовский сб. науч. трудов, посвященный памяти проф. В. А. Западова. С. 55–62.

С. 57–59.

«Эпистола о стихотворстве».

Попов И. В. О природе социально-эстетического противостояния Ломоносова и Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2001. Вып. 9: Межвузовский сб. науч. трудов, посвященный памяти проф. В. А. Западова. С. 91–104.

Рожкова Т. И. А. П. Сумароков — «дворянин... и стихотворец сверх того»: (Особенности писательской позиции) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2001. Вып. 9: Межвузовский сб. науч. трудов, посвященный памяти проф. В. А. Западова. С. 83–91.

См. также:

Рожкова Т. И. 1) А. П. Сумароков — «дворянин и стихотворец сверх того» (К вопросу о динамике писательского типа в русской литературе XVIII века) // Русская литература XX века: типы художественного сознания. V Ручьевские чтения: Материалы межвузовской науч. конф. Магнитогорск, 1998. С. 38–40; 2) Беллетристическая книга в литературном процессе последних десятилетий XVIII века: Автореф. дис. … д-ра филол.

наук. Омск, 2005. С. 19–20; 3) А. П. Сумароков и становление авторского права в России XVIII века // Авторское книготворчество в поэзии: Материалы международной науч.-практической конф.: В 2 ч. Омск, 2008. Ч. 2. С. 50–55; 4) А. П. Сумароков: особенности писательской позиции // Пушкинские чтения — 2009: Материалы XIV международной науч. конф. «Пушкинские чтения». СПб., 2009. С. 141–146.

Саркисян Е. В. Мотив разлуки в русской литературной песне и элегии второй половины XVIII века // XVIII век: Судьбы поэзии в эпоху прозы. Сб. науч. работ. М., 2001. С. 90–95.

С. 91.

Смолина К. А. Русская трагедия. XVIII век // Смолина К. А. Русская трагедия, XVIII век: эволюция жанра. М., 2001. С. 46–95.

Особенности трагедии русского классицизма, описанные по трагедиям С.

«Хорев», «Синав и Трувор», «Артистона», «Ярополк и Демиза», «Дмитрий Самозванец», «Эпистола о стихотворстве».

Топоров В. Н. Из истории русской литературы. М., 2001. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. 1.

С. 162–168 — любовный сюжет «Мстислава» в сопоставлении с «Болеславом» М. Н. Муравьева.

С. 265–278 («Муравьев и Сумароков: несколько замечаний»).

* *Трубицына В. В.* Ироническое послание (стихотворение А. П. Сумарокова «Если девушки метрессы…») // Сборник научных работ, посвященных Ученому, Мастеру, Учителю. Новокузнецк, 2001. С. 42–46.

* *Фролкина Т. И.* История и современность в трагедии А. П. Сумарокова // Материалы VI конф. молодых ученых. Саранск, 2001. Ч. 1: Гуманитарные науки. С. 54–58.

2002

Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. ст. и материалов. М., 2002.

Содержание:

Кожевникова Н. А. «Оды торжественные» А. П. Сумарокова: язык и стиль. С. 98–132.

Котомин М. А. Любовная риторика А. П. Сумарокова: «Елегии любовные» и их художественное своеобразие. С. 133–160.

Мстиславская Е. П. Жизнь и творчество А. П. Сумарокова. С. 8–41.

Документы, касающиеся обучения С. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (ЦГВИА. Ф. 314. Оп. 1). Распоряжение печатать произведе-

ния С. за счет Кабинета (РГАДА. Ф. 17. Р. XVII. Оп. 1. Ед. хр. 16). Трения с И. П. Елагиным (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. № 103. Л. 1). Отъезд в Москву (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 581. Л. 21–22). Лишение привилегии публиковать сочинения без цензуры (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 38/14а. Л. 1).

Мстиславская Е. П. Концепция историко-политического процесса в России XVIII века в произведениях Сумарокова. С. 42–71.

Мстиславская Е. П. Путь к Сумарокову (Краткий очерк истории изучения биографии и творчества А. П. Сумарокова). С. 161–203.

Мстиславская Е. П., Щеголева Л. И. Книготворческая деятельность А. П. Сумарокова по созданию сборников «Оды торжественные» и «Элегии любовные» и своеобразие их художественно-графического воплощения. С. 72–97.

Предположение об авторстве виньет (Я. Штелин). Резолюция Академической комиссии от 1 августа 1774 г. на прошение С. о напечатании «Оды на взятие Хотина» 1769 (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 31/32. Л. 9–9 об.).

Афанасьев Э. Л. На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в. — 10-х гг. XIX в.). М., 2002.

С. 15–16, 108–131.

«Первый и главный стрелецкий бунт», «Димитрий Самозванец», «Мстислав», «Русский Вифлеем», «Краткая московская летопись».

Веснина Ю. Народность и карнавальность классицистической трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» // Молодежь в XXI веке: Материалы Третьей региональной молодежной науч.-практической конф. Рубцовск, 2–3 ноября 2001 г. Барнаул, 2002. С. 132–134.

Грипич Н. В. «Гамлет» А. П. Сумарокова // Материалы Третьей науч. конф. «Наука. Университет. 2002». Новосибирск, 2002. С. 99–102.

Живов В. М. К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 532–556.

Имеется в виду переложение псалма XIV, выполненное И. А. Крыловым.

С. 544–546 — «Стихотворения духовные».

Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М., 2002.

С. 243 — «Описание огненного представления 1760 года».

Имендёрфер Е. Неблагодарность наследника: А. С. Пушкин и А. П. Сумароков // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 2002. Вып. 3. № 18. С. 73–79.

Впервые в:

Imendörffer H. Hoch und Spott für den klassizistischen Dichter. Puškin über Sumarokov // Arion. Jb. der Deutschen Puschkin-Gesellschaft. Bonn, 1996. Bd 4.

Калганова В. Е. Внесценические персонажи в русских комедиях второй половины XVIII века (А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин) // Другой XVIII век: Сб. науч. работ. М., 2002. С. 149–156.

С. 154–155.

«Тресотиниус», «Лихоимец».

Клейн И. Ломоносов и трагедия // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 28–42.

С. 32–33 — любовная тематика в трагедиях С.

«Синав и Трувор».

То же в:

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 268–269.

Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.

С. 181–241, 318–373.

Луцевич Л. Ф. Русская псалтырная поэзия: Стихотворные переложения псалмов XVIII века: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2002.

С. 10–13, 19–21.

Макаренко Е. К. Жанровый аспект сюжета самозванства в русской драматургии и историографии конца XVIII — первой трети XIX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2002.

С. 7–11.

«Димитрий Самозванец».

Макаренко Е. К. Категория историзма в трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец» // Проблемы литературных жанров: Материалы X международной науч. конф., посвященной 400-летию г. Томска 15–17 октября 2001 г. Томск, 2002. Ч. 1: Древнерусская литература. Литература конца XVIII–XIX века. Зарубежная литература. С. 45–50.

* *Минералов Ю. И.* Об иронии в стиле А. П. Сумарокова // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. 2002. № 1. С. 13–17.

Николаев С. И. Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

«Стихи, сделанные из чужих русских стихов».

Романычева И. Г. Деятели русской культуры в портретах Ф. С. Рокотова // XVIII век как историко-культурный феномен (Проблемы изучения): Сб. науч. статей. СПб., 2002. С. 41–51.

С. 43–46 — портреты С. работы А. П. Лосенко (1760; ГРМ) и Ф. С. Рокотова (1762; Рига — 1777; ГИМ).

Салова С. А. Русский «спор об Анакреонте»: его французские источники и параллели // Другой XVIII век: Сб. науч. работ. М., 2002. С. 188–197.

Разработка анакреонтической фабулы о замерзшем Эроте у Ломоносова и С.

Семенов П. А. Язык предпушкинской драматургии. СПб., 2002.

С. 47–48.

«Димитрий Самозванец».

Стенник Ю. В. Полемика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 85–95.

С. 87–90.

Трубицына В. В. Басня как средство литературной полемики в творчестве А. П. Сумарокова // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста. Материалы VII межвузовской науч.-практической конф. (20–21 мая 2002 г.). Бийск, 2002. Вып. 7. Ч. 1: Литературоведческий аспект. С. 199–204.

Притчи «Коршун в павлиньих перьях» и «Коршун».

* *Трубицына В. В.* О причинах перехода «забавной» пасторальной поэзии А. П. Сумарокова в песенный русский фольклор // Диалог культур. 4: Сб. материалов IV межвузовской конф. молодых ученых. Барнаул, 2002. С. 33–39.

Чернышева Л. В. Эволюция анакреонтики в русской поэзии XVIII в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002.

С. 8 — влияние песенной поэтики на анакреонтику С.

2003

Александрова И. Б. А. П. Сумароков о языке русской поэзии, ее формах и жанрах // Русский язык в школе. 2003. № 4. С. 68–72.

«Наставление хотящим быти писателями», «О стопосложении».

Амелин М. История русского «Гамлета» // Новая юность. 2003. № 4 (61). С. 34–40.

Болкунова Е. В. Воспитательный потенциал раннего русского классицизма // Вестник Ставропольского гос. пед. ин-та. 2003. Вып. 1. С. 51–54.

С. 53–54.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при Елизавете Петровне. СПб., 2003.

С. 94–97, 194–199, 213–226.

«Цефал и Прокрис», «Альцеста», «Прибежище добродетели», «Новые лавры».

Гаспаров М. Л. Стиль Ломоносова и стиль Сумарокова — некоторые коррективы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 235–243.

Калганова В. Е. Стихотворные и сатирические послания в творчестве А. П. Сумарокова // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2003/2004. № 7/8. С. 84–93.

Леонов И. С. Христианская проблематика русской эпиграммы XVII–XVIII веков // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб., 2003. Вып. 10. С. 83–91.

С. 88–89.

Луцевич Л. Ф. Sacrum/profanum в русской псалтирной поэзии XVIII века // Историко-литературный сборник: Материалы «Герценовских чтений» 2002 года / Под ред. О. В. Евдокимовой, Н. С. Мовниной. СПб., 2003. С. 18–25.

С. 22–23.

Максимович К. Д. Поэтика идиллий А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб., 2003. Вып. 10. С. 111–129.

Мальцева Т. В. Драматическая пародия в литературе XVIII — начала XIX века: Генезис жанра // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб., 2003. Вып. 10. С. 129–138.

С. 132–133.

Морозова Е. А. Романтическое движение в русской литературе XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб., 2003. Вып. 10. С. 139–152.

С. 140–141.

Петров А. В. «Волжский хронотоп» в двух одах XVIII века: (О путях разрушения нормативного художественного мышления) // Духовная жизнь провинции: Образы. Символы. Картина мира. Материалы всероссийской науч. конф., Ульяновск, 19–20 июня 2003 года. Ульяновск, 2003. С. 31–38.

С. 32–34.

«Долины, Волга, потопляя…».

Радь Э. А. Трансформация сюжета о блудном сыне в произведениях русской литературы: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. факультетов вузов. Стерлитамак, 2003.

С. 89–98.

«Синав и Трувор».

2-е изд.:

Радь Э. А. Притча о блудном сыне в русской литературе: Учеб. пособие для студентов филол. факультетов педвуза. Самара; Стерлитамак, 2006. С. 92–101.

См. также:

Радь Э. А. 1) Психологизм в трагедиях Александра Сумарокова: (Мотивы сердца и страдания) // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии. Стерлитамак, 2006. Т. 1. С. 212–216; 2) Идеология и психологизм в трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор»: (Опыт прочтения) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 98–105.

Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XIX веков. СПб., 2003.

С. 41–62.

«Гимн Венере», «Ода сафическая», «Станс», «Послание к Е. В. Херасковой».

Стенник Ю. В. Зарождение частной журналистики // История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2003.

С. 46–58.

Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника, 1741–1750. М., 2003. Вып. 2: В 2 ч. / Сост. Л. М. Стариковой. Ч. 1.

Документы (№ 692–723), относящиеся к публикации «Хорева» и первых постановок трагедии при дворе.

Трубицына В. В. Сатира А. П. Сумарокова «Пиит и друг его» как трактат о сатире // Текст: структура и функционирование. Сб. статей. Барнаул, 2003. Вып. 7. С. 153–163.

Федоров В. И. История русской литературы: XVIII век: Учебник для студентов высших учеб. заведений. М., 2003.

С. 114–137.

Шакина О. «...Передать всю душу своему потомству»: (А. П. Сумароков) // От наших корней: Культура и искусство Калужского края. Калуга, 2003. С. 7–16.

Сивцево — имение отца писателя в Тарусском уезде.

2004

Александрова И. Б. Своеобразие поэтического творчества А. П. Сумарокова // Русская словесность. 2004. № 1. С. 10–16.

Болкунова Е. В. Педагогические идеи русских писателей середины XVIII — первой половины XIX веков: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Карачаевск, 2004.

С. 11–12.

То же в:

1) *Болкунова Е. В.* Педагогические идеи А. П. Сумарокова // Педагогическая наука и практика — региону: Материалы всероссийской науч.-практической конф., 22–23 апреля 2003 года. Ставрополь, 2003. С. 142–144;

2) *Колпачев В. В., Колпачева О. Ю., Болкунова Е. В.* Педагогические мотивы в русской литературе XVIII — начала XX веков: Монография. Ставрополь, 2005. С. 15–18.

Верещагина А. Г. Критики и искусство: Очерки истории русской художественной критики середины XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. — 744 с.

С. 43–64 («„Трудолюбивая пчела“ А. П. Сумарокова»).

Волкова Н. Б. А. С. Пушкин и его эпоха в документах РГАЛИ // Встречи с прошлым: Сб. материалов Российского государственного архива литературы и искусства. М., 2004. Вып. 10. С. 467–510.

С. 476–477 — о письме Пушкина к Вяземскому на обороте списка письма С. к Г. А. Потемкину (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6137. Л. 5, 5 об.).

Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004 (по указателю).

Илюшин А. А. Русское стихосложение: Учеб. пособие для филол. специальностей вузов. [2-е изд.]. М., 2004.

С. 189–193 — «Благополучны дни…» как точка схождения силлабики и «светского» стиля.

1-е изд. М., 1988 (указанных сведений нет).

Калганова В. Е. Преемственность и национальная самобытность в баснях А. П. Сумарокова // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства. Сб. науч. работ. М., 2004. С. 115–125.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3–20.

С. 18–19.

«Стихи, сделанные из чужих русских стихов».

См. также:

Николаев С. И. Русский литературный палимпсест XVIII века: перспективы исследования // Труды Отделения историко-филол. наук РАН — 2007. М., 2009. С. 462–467.

Одесский М. П. Поэтика русской драмы: последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М., 2004.

С. 41, 99, 138–139, 179, 220–222, 226–227.

Осповат К. А. «Sublime misanthrope»: Ломоносов в 1760–1761 гг. // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. С. 144–178.

С. 152–153, 167 — отношение Ломоносова к опытам С. в легких жанрах.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004.

С. 100–113, 147–150.

Трубицына В. В. «Гамлет» А. П. Сумарокова как проблема жанра трагедии в русской драматургии XVIII века // Филология и культура: Сб. статей. Барнаул, 2004. Вып. 1. С. 181–187.

Яницкая С. С. «Мое все сердце на устах»: Исповедальное начало в жанровой структуре русского сентиментального романса // Пушкинские чтения — 2004. Повседневность как текст культуры: Материалы международной науч. конф. «Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования». СПб., 2004. С. 58–64.

Жанровая доминанта романса в песнях С.

2005

Александрова И. Б. Поэтическая речь XVIII века: Учеб. пособие. М., 2005.

С. 73–84, 196–209.

Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005 (по указателю).

Рец.: Клейн И., Живов В. Русская ода: история жанра // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 406–413.

Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005.

С. 183–188.

«Сон. Счастливое общество», «Хор ко превратному свету».

Архангельская А. В. Развлекательно-дидактические жанры в русской литературе XVIII века (сказка, басня, эпиграмма, фацеция) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 94–103.

С. 97–99.

* *Бердников Л.* «Представь мне щеголя…» Эссе // Кольцо А. 2005. № 35.

Зырянов О. В. Между модерном и архаикой: жанровые стратегии басни (притчи) в поэзии А. С. Пушкина // Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпохи. Арзамас, 2005. С. 100–123.

«Кораблекрушение. Осада Византии» как источник стихотворения «Арион».

Калганова В. Е. Факты и обобщения в журналистике А. П. Сумарокова // Пушкинские чтения — 2005: Материалы X международной науч. конф. «Пушкинские чтения». СПб., 2005. С. 163–169.

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.

В составе сборника неописанные выше работы, касающиеся С.:

1) Пасторальная поэзия русского классицизма. С. 19–215.

[Впервые в отдельном изд.: Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. Berlin, 1988.]

2) Сумароков и Буало: Эпистола «О стихотворстве» и «Поэтическое искусство». С. 319–360.

[Впервые: Sumarokov und Boileau. Die Epistel „Über die Verskunst“ in ihrem Verhältnis zur „Art poetique“: Kontextwechsel als Kategorie der vergleichenden Literaturwissenschaft // Zeitschrift für slavische Philologie. 1990. Bd 50. S. 254–304.]

3) Любовь и политика в трагедиях Сумарокова. С. 361–376.

[Впервые: Liebe und Politik in Sumarokovs Tragödien // Zeitschrift für slavische Philologie. 2001. Bd 60. S. 105–122.]

4) Сумароков и Ржевский («Димитрий Самозванец» и «Подложный Смердий»). С. 377–390.

[Впервые: Сумароков и Ржевский («Димитрий Самозванец» и «Подложный Смердий») // Aspects of Russia in the Eighteenth Century / Ed.: J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 241–254.]

5) К проблематике и специфике русского классицизма: Оды Василия Майкова [совместно с В. М. Живовым]. С. 393–445.

Ориентация Майкова на С.

[Впервые: Zur Problematik und Spezifik des russischen Klassizismus: die Oden des Vasilij Majkov. Zusammen mit V. Zivov (Moskau) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1987. Bd 47. S. 234–288.]

Крашенинникова О. А. «Взносись, Российская держава…» (Выражение национального самосознания в русской оде 1760–1780-х годов) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 341–404.

С. 351–358.

Крашенинникова О. А. «Чтоб и в России развелась наука стихотворная»: (становление теории русского классицизма в трудах В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 189–226.

С. 206–209.

Леонов И. С. Вклад А. П. Сумарокова в становление русской эпиграмматической традиции XVIII века // Проблемы современного филологиче-

ского образования: Межвузовский сб. науч. статей. М.; Ярославль, 2005. Вып. 6. С. 62–71.

Луцевич Л. Ф. Переложение первого псалма в русской поэзии XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 73–94.

С. 79–83.

Морозова Е. А. «Дайте русского мне витязя!» (Литературное творчество в «народном духе») // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 472–516.

С. 475–480.

Притча «Терпение», песни «В роще девки гуляли…», «Где ни гуляю, ни хожу…», «О ты крепкой, крепкой Бендер град…».

Морозова Т. Л. «Что скажет потомство!» (Национальное самосознание на поворотах истории: документы и публицистика 1730–1750-х гг. // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 158–188.

С. 174–177 — тема национального самосознания в ТП.

Мстиславская Е. П. Книга стихов в книжной культуре России XVIII века // Книга: Исследования и материалы. М., 2005. Сб. 83. С. 222–244.

Прошение и доношение С. о напечатании его книг (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 14. Л. 1; Оп. 4. № 31/32. Л. 60–62).

Осповат К. А. Литературный спор Ломоносова и Сумарокова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

«Эпистола о стихотворстве», «Критика на оду», «Вздорные оды», «Некоторые строфы двух авторов», «О правописании», «О стопосложении», «Ода... 1774 г.».

Петров А. В. Оды «На Новый Год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография. Магнитогорск, 2005.

С. 69–72, 110–114, 130–149.

«Ода Государыне Императрице Екатерине Второй на первый день нового 1763 года».

Петров А. В. Стихи «на случай» Нового года 1700–1730-х гг. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 26–37.

С. 34–35 — топика и идеология «новогодних» од С.

Подковкина Е. А. Взаимосвязи фольклора и литературы русского классицизма (Опыт системного метода исследования) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 43–48.

В т. ч. у С.

Позднякова Е. Г. «Фольклорные вкрапления» в песнях А. П. Сумарокова // Зыряновские чтения: Материалы III межрегиональной науч.-практической конф. (Курган, 23–24 ноября). Курган, 2005. С. 188–189.

См. также:

Позднякова Е. Г. Фольклор в художественной структуре русской литературы XVIII века: пути развития. Монография. Курган, 2007. С. 12–14.

Попов И. В. К вопросу о гражданственности А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 104–117.

Салова С. А. Утро русской анакреонтики: А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков. М., 2005.

С. 169–256.

Рец.: Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2006. № 5. С. 150–151 (Илюшин А. А.).

Замечание относительно возможных источников имени Филлида у С.

Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — начала XX веков: Дис. в виде научного доклада … д-ра филол. наук. СПб., 2005.

С. 13–16 — переводы и реминисценции из Сафо в творчестве С.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2005.

2-е изд. 2006.

3-е изд. 2007.

С. 94–95, 103. Переиздание книги 1925 г.

Трубицына В. В. Жанровая поэтика лирической ситуации // Филология и культура: Сб. статей. Барнаул, 2005. Вып. 2. С. 187–197.

Трубицына В. В. «Немой» язык любви в песенной лирике А. П. Сумарокова // Вестник молодых ученых = Journal of young scientists. 2005. № 2. Philol. ser. = Филол. науки. № 1. С. 67–69.

То же в:

Трубицына В. В. «Немой» язык любви в песенной лирике А. Сумарокова // Культура и текст — 2005: Сб. науч. трудов международной конф.: В 3 т. СПб.; Самара; Барнаул, 2005. Т. 2. С. 12–16.

Трубицына В. В. Формирование системы риторических средств русской лирики в песнях А. П. Сумарокова // Университетская филология — образованию: человек в мире коммуникаций. Материалы международной науч.-практической конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 12–16 апреля 2005 г.). Барнаул, 2005. С. 245–247.

Трубицына В. В. «Эпистола о стихотворстве» А. П. Сумарокова и «Поэтическое искусство» Н. Буало // Текст: проблемы и методы исследования. Сб. науч. статей. Барнаул, 2005. С. 220–230.

2006

Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века: (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск, 2006. 479 с.

С. 101–142, 289–316 (тезаурус антропонимов, теонимов и топонимов).

«Оды торжественные».

Алексеева Н. Ю. Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 15–34.

Эпистола «О русском языке».

Алексеева Н. Ю., Степанов В. П. [Комментарии] // Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии. СПб., 2006. С. 372–383.

Тема Петра I в творчестве С.

Бром З. «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова и его историографический контекст // Основание национального театра и судьбы русской драматургии (К 250-летию создания театра в России). Материалы международной науч. конф. Санкт-Петербург, 28–30 сентября 2006 г. СПб., 2006. С. 43–51.

Веселова А. Ю. Стихотворение О. Э. Мандельштама «Есть ценностей незыблемая скала…» и репутация русских трагиков XVIII века // Studia Russica Helsengiensia et Tartuensia. Tartu, 2006. [Вып.] 10. Ч. 2. С. 282–296.

Вроон Р. О динамике развития лирического цикла // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной науч. конф., посвященной 80-летию В. П. Григорьева. М., 2006. С. 48–55.

Горбунов А. Н. Шекспировские контексты. М., 2006.

С. 250–252.

«Гамлет».

Гудаченко Н. В. Особенности функционирования глагольных метафор в жанре басни (На материале басен А. П. Сумарокова, И. А. Крылова, С. В. Михалкова) // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Иваново, 2006. Вып. 4. С. 34–39.

См. также: *Гудаченко Н. В.* 1) Языковые средства создания морали в жанре басни (на материале басен А. П. Сумарокова, И. А. Крылова, С. В. Михалкова) // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. науч. статей: В 2 ч. Кострома, 2007. Ч. 2. С. 165–169; 2) Жанрообразующая функция глагольных метафорических конструкций в басне (На материале басен А. П. Сумарокова, И. А. Крылова, С. В. Михалкова) // Вестник Костромского гос. пед. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2008. № 4. С. 133–135.

Долгенко А. Н. Психологизм А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 79–88.

«Димитрий Самозванец», элегия «К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова».

Долгенко А. Универсальное и национальное в поэзии А. П. Сумарокова // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира. Ульяновск, 2006. Ч. 1. С. 60–64.

Притча «Кулашный бой», «Ода» к Волге (1760).

Ефимова П. А. Жанр песни в творчестве А. П. Сумарокова // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный вып. Актуальные проблемы гуманитарных наук. 2006. № 4. С. 63–66.

См. также:

Ефимова П. А. Эволюция жанра песни в русской литературе XVIII века (1730–1770 гг.): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2007. С. 13–14.

Калганова В. Е. Время и пространство в жанре «разговора» в просветительской сатире в России: (На примере творчества А. П. Сумарокова) // XI Пушкинские чтения: Материалы международной науч. конф. 6 июня 2006 г. СПб., 2006. Т. 1. С. 40–43.

Калганова В. Е. Гротеск как способ создания театральности в комедиях Сумарокова // XVIII век: театр и кулисы. Сб. науч. трудов участников Пятой международной конф. по проблемам литературы и культуры эпохи Просвещения, МГУ, 23–25 марта 2006 г. М., 2006. С. 122–126.

«Тресотиниус».

Калганова В. Е. Типы и характеры в комедиях А. П. Сумарокова 1760-х годов: (На примере комедий «Приданое обманом» и «Опекун») // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 88–97.

Мальцева Т. В. Комедия Н. П. Николева «Самолюбивый стихотворец»: литературный контекст // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 110–120.

«Притча на несмысленных певцов», «К несмысленным рифмотворцам».

Морозов Д. О. «Ода вздорная II» А. П. Сумарокова: к вопросу о пародической личности // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2006. Вып. 11. № 41. С. 255–261.

Осповат К. А. Петр и Алексей: К литературной семантике историографического сюжета // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Л. И. Соболева. М., 2006. С. 442–455.

С. 448–449.

«Хорев», «Синав и Трувор», «Семира».

Панченко Е. З. Суперэкслибрисы Сумароковых // Книга в России. М., 2006. С. 270–279.

Пезенти М. К. Традиции русских устных народных комедий и интермедий первой половины XVIII века в раннем русском театре // Основание национального театра и судьбы русской драматургии (К 250-летию создания театра в России). Материалы международной науч. конф. Санкт-Петербург, 28–30 сентября 2006 г. СПб., 2006. С. 19–29.

Сюжет отношения слуги и барина в народном и любительском театре и в ранних комедиях С.

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

С. 67–73, 76–77, 83–85, 128–130, 160–163.

«Слово на рождение Павла», «Ода на день восшествия» (1762), «Ода на день тезоименитства» (1762), «На первый день 1764 года», «Торжествующая Минерва», «Ода Павлу Петровичу» (1771), надпись «Ко статуе государя Петра Великого», «Ода на день коронования» (1770).

Салова С. А. Театральные коды в анакреонтике А. П. Сумарокова: Опыт прочтения стихотворения «Пляскою своей любезна...» // XVIII век: театр и кулисы. Сб. науч. трудов участников Пятой международной конф. по проблемам литературы и культуры эпохи Просвещения, МГУ, 23–25 марта 2006 г. М., 2006. С. 86–92.

Стенник Ю. В. А. П. Сумароков — критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 125–143.

Трубицына В. В. Эстетические и художественные начала русской лирики и драмы в творчестве А. П. Сумарокова (песни, трагедии): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.

«Хорев», «Гамлет», «Синав и Трувор», «Вышеслав».

Феррацци М. Ранняя драматургия А. П. Сумарокова. Пьеса «Нарцисс» // Основание национального театра и судьбы русской драматургии (К 250-летию создания театра в России). Материалы международной науч. конф. Санкт-Петербург, 28–30 сентября 2006 г. СПб., 2006. С. 30–42.

2007

Абрамзон Т. Е. Одическое амплуа Петра Великого в мифологии власти А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2007. Вып. 13. С. 122–132.

Аннушкина Т. В. «И в сердце льстец всегда отыщет уголок»: (Сравнительно-типологический анализ притчи А. П. Сумарокова и басни И. А. Крылова о Вороне и Лисе) // Русская басня. История и теория жанра: Сб. науч. статей. М., 2007. С. 152–159.

Батурина Н. В., Батурина Г. С. Взаимодействие литературной и фольклорной традиций в поэзии А. П. Сумарокова // Язык и литература в усло-

виях многоязычия: Материалы международной науч.-практической конф., посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства и Году русского языка. Нефтекамск, 2007. С. 152–155.

«В роще девки гуляли…» и «Где ни гуляю, ни хожу…».

Безель Л., Клименко Е. Л. Влияние французского классицизма на русскую литературу XVIII века (Пьер Корнель, А. П. Сумароков) // Мультикультурализм в современном художественном мышлении: Сб. науч. статей всероссийской науч. конф. «Региональные литературные ландшафты: история и современность» (26–28 апреля 2007 г.). Тюмень, 2007. С. 124–129.

Долгенко А. Н. Идея и идеология государства российского в творчестве А. П. Сумарокова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй международной науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апреля 2007 г.: В 2 т. Волгоград, 2007. Т. 2. С. 94–97.

Живов В. М. Язык и стиль А. П. Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 7–51.

То же в:

Живов В. М. Язык и стиль А. П. Сумарокова // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложения: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи. М., 2009. С. 553–614.

Калганова В. Е. Жанровая специфика классицистической комедии А. П. Сумарокова «Ядовитый» // Литература в диалоге культур — 5: Материалы международной науч. конф. Ростов н/Д, 2007. С. 105–107.

Калганова В. Е. Жанрообразующие тенденции в «маленьких» комедиях А. П. Сумарокова // Пушкинские чтения — 2007: Материалы XII международной науч. конф. «Пушкинские чтения» (6–7 июня 2007 г.): Сб. науч. статей. СПб., 2007. С. 10–16.

«Приданое обманом».

Калганова В. Е. Изображение комплекса щегольства в комедии А. П. Сумарокова «Нарцисс» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2007. Вып. 13. С. 144–151.

Калганова В. Е. Характеры и язык в ранних комедиях А. П. Сумарокова // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: Материалы международной науч.-практической конф., Оренбург, 6–7 ноября 2007 г.: В 2 т. Оренбург, 2007. Т. 2. С. 82–86.

Куликова И. Тип подьячего в русской литературе XVIII века (I) // Literatūra. 2007. № 49 (2). С. 7–20.

* *Мальцева Т. В.* Литературная полемика в русской комедии XVIII века. СПб., 2007.

Мальцева Т. В. Полемическая комедия А. П. Сумарокова «Тресотиниус»: текст и контекст // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2007. Вып. 13. С. 132–144.

Минералов Ю. И. История русской литературы XVIII века: Учеб. пособие. М., 2007.

С. 86–102.

Мирутенко К. С. Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра второй половины XVIII — начала XIX вв.: Автореф. дис. … канд. искусствоведения. М., 2007.

С. 15–16 — основные типологические черты щеголей и щеголих в комедиях С.

См. также: *Мирутенко К. С.* «Представь мне щеголя…» (Эволюция образов петиметра и кокетки в русской культуре XVIII — начала XIX вв.) // Современная драматургия. 2007. № 1. С. 205, 220.

Пильщиков И. А. Пародия и сатира в контексте споров о языке (XVIII — начало XIX в.) // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 56–69.

С. 58–60 — «Оды вздорные», пародия М. И. Попова (1769).

Ратников К. В. Переводы с французского как средство литературного образования: Дидактические рекомендации А. П. Сумарокова и графа Д. И. Хвостова // Литература в диалоге культур — 5: Материалы международной науч. конф. Ростов н/Д, 2007. С. 192–193.

Рыбакова А. А. «Всегда болван — болван»: Об эпиграммах А. П. Сумарокова // Русская речь. 2007. № 6. С. 3–7.

Садовников А. Г. Ситуация утраты в «печальных текстах» А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина // Вестник Чувашского гос. ун-та. 2007. № 4. С. 271–275.

«Другим печальный стих рождает стихотворство…», «Куда я ни пойду, на что я ни гляжу…», «Уже ушли от нас играния и смехи…».

См. также:

Садовников А. Г. 1) Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В. А. Жуковского: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 10; 2) Проблема переживания утраты в «печальных текстах» А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, П. В. Победоносцева // Традиции и инновации в отечественной и мировой культуре и истории в эпоху глобализации. Вклад Н. А. Добролюбова и его современников в подходы к проблеме. Н. Новгород, 2009. С. 143–144.

Степанов А. В. Идиолект А. П. Сумарокова: стиль и дискурс // Русский язык в школе. 2007. № 6. С. 56–59.

2008

Алексеева Н. Ю. Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 4–25.

Бахтина О. Н., Заславский Г. А. Проблема историзма в русской исторической трагедии XVIII в. («Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова и «Росслав» Я. Б. Княжнина) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2008. № 312 (июль). С. 7–12.

Зорин А. Н. Ремарка в русской классицистической трагедии: скрытый аффект и переосмысленная традиция: (Трагедии М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова) // Филологические этюды: Сб. науч. статей молодых ученых. Саратов, 2008. Вып. 11. Ч. 1–2. С. 156–161.

См. также:

Зорин А. Н. 1) Ремарка русской драмы XVII–XVIII вв.: границы приема, культурный контекст // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. «Русская филология». 2008. № 3. С. 153–160; 2) Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII–XIX веков. Саратов, 2008. С. 79–83; 3) Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII–XIX веков: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2010. С. 19.

Калганова В. Щеголи и щеголихи в комедиях Сумарокова // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи = XVIIIe siècle: Féminin / masculin dans la culture de l'époque. Науч. сб. М., 2008. С. 454–458.

«Чудовищи», «Ссора у мужа с женой», «Нарцисс».

Никольская Т. Е. Ономастическое пространство сатир А. П. Сумарокова // Проблемы общей и частной теории текста: Сб. науч. статей. Бийск, 2008. С. 74–80.

Панфилова Е. «Русский Мильтон» // Современная драматургия. 2008. № 1. С. 212–216.

С. 215–216 — черты С. в образе Надмена («Самолюбивый стихотворец» Н. П. Николева).

Погосян Е. Момус и Превратный свет в маскараде «Торжествующая Минерва» // И время и место: Историко-филол. сб. к шестидесятилетию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 55–72.

Салова С. А. А. П. Сумароков и П. де Ронсар // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Материалы конгресса. СПб., 2008. Т. 1. Ч. 1. С. 71–78.

Салова С. Стихотворное послание А. П. Сумарокова Е. В. Херасковой: «русский Анакреонт» «новой Сафо» // XVIII век: Женское / мужское в культуре эпохи = XVIIIe siècle: Féminin / masculin dans la culture de l'époque. Науч. сб. М., 2008. С. 199–207.

«Ода анакреонтическая к Елизавете Васильевне Херасковой».

Тараканова А. Д. Мотивы путешествия и сна в русской литературной утопии второй половины XVIII века // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. 20. С. 90–96.

С. 92–93.

«Сон. Счастливое общество», «Хор ко превратному свету».

Феррацци М. «Незаученная комедия» и театр молодого Сумарокова // Феррацци М. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны 1731–1738. М., 2008. С. 158–180.

«Тресотиниус», «Чудовища» и «Пустая ссора».

2009

Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин о творчестве А. П. Сумарокова-драматурга // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сб. науч. трудов. Самара, 2009. Вып. 14. С. 322–334.

Аннушкин В. И. Язык и жизнь. Книга о русском языке — речи — слове. М., 2009. С. 217–228.

См. также:

Аннушкин В. И. Филологические взгляды А. П. Сумарокова // Творчество А. П. Сумарокова в контексте мировой литературы: Сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству А. П. Сумарокова (17 декабря 2008 года). М., 2009. С. 6–16.

Барабанова М. Ю. Псалтирь в русской поэзии XVIII века: изучение в вузовском курсе «История отечественной литературы» // VI Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. М., 2009. С. 160–163.

Воронин Т. Л. История русской литературы XVIII столетия. М., 2009.

С. 113–130 («Трудолюбивая пчела. Литературная школа А. П. Сумарокова»).

Горюнова А. И. Сравнительная характеристика журналов А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» и В. Г. Рубана «Трудолюбивый муравей» // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 1. С. 90–92.

См. также:

Горюнова А. И. Трудолюбивые пчела и муравей // Творчество А. П. Сумарокова в контексте мировой литературы: Сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству А. П. Сумарокова (17 декабря 2008 года). М., 2009. С. 160–163.

Гуськов Н. А. А. П. Сумароков. Биография. Формирование литературной позиции: Учеб. пособие по курсу «История русской литературы XVIII века». СПб., 2009. 24 с.

«Ответ на критику», «О приятное приятство…», «Критика на оду», «Ода вздорная III», «Медик и стихотворец».

Гуськов Н. А. А. П. Сумароков. Духовная поэзия: Учеб. пособие по курсу «История русской литературы XVIII века». СПб., 2009. 60 с.

«Ода на суету мира», «Гимн Солнцу», «Ода благодарности», сонет «Когда вступил я в свет…».

См. также: *Гуськов Н. А.* Духовная поэзия А. П. Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2009. Вып. 3. С. 180–232.

Гуськов Н. А. А. П. Сумароков. Личность. Эстетические взгляды: Учеб. пособие по курсу «История русской литературы XVIII века». СПб., 2009. 28 с.

Захаров Н. В. У истоков русского шекспиризма: А. П. Сумароков, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин: Монография. Для обсуждения на науч. семинаре 29 августа 2009 года. М., 2009. 95 с. — (Шекспировские штудии. [Вып.] 13).

С. 8–24. «Гамлет», «Димитрий Самозванец».

Июльская Е. Г. «Я счастлив несказанно…»: (Поэтика сатирической сказки А. П. Сумарокова «Жил некакий мужик гораздо неубого…» // Русская сказка. История и теория жанра. М., 2009. С. 30–37.

Калганова В. Е. Комическая опера и русская любовная лирика в творчестве А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина // Пушкинские чтения — 2009: Материалы XIV международной науч. конф. «Пушкинские чтения». СПб., 2009. С. 156–162.

«Цефал и Прокрис».

Калганова В. Е. Художественное своеобразие любовной риторики в творчестве поэтов-классицистов (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сб. науч. трудов. Самара, 2009. Вып. 14. С. 72–86.

Кочнева Е. В. Портретная галерея Российской академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН (по материалам выставки «Слава Академии Российской», посвященной 225-летию учреждения Российской академии) // Российская Академия (1783–1841): Язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009. С. 183–205.

С. 184 — приобретение Академией копии портрета С. работы неизвестного художника (ранее приписывалась Ф. С. Рокотову); сопроводительное письмо П. И. Сумарокова (ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 190).

Мальцева Т. В. Диалектика взаимоотношения творческой индивидуальности и культурного универсума в литературном дискурсе XVIII века // Человек в коммуникативном пространстве современной культуры. СПб., 2009. С. 138–148. Полемика С. и Н. П. Николева.

Мальцева Т. В. Способы создания образа автора в полемическом тексте // Пушкинские чтения — 2009: Материалы XIV международной науч. конф. «Пушкинские чтения». СПб., 2009. С. 147–156.

«Тресотиниус».

Матвеев Е. М. Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2008. Вып. 2.

С. 49–51 — «Слово на день коронования Екатерины II».

См. также:

Матвеев Е. М. 1) Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009. С. 108–111; 2) Панегирическая ораторская проза в русской литературе середины XVIII века (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Н. Н. Поповский, А. П. Сумароков) // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 127–129, 133.

Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М., 2009 (по указателю).

Петривняя Е. К. Интерпретация сюжета басни Х. Ф. Геллерта «Привидение» в стихотворных сказках русских поэтов XVIII — начала XIX века (А. П. Сумароков, И. И. Хемницер, В. А. Левшин, А. Е. Измайлов) // Русская сказка. История и теория жанра. М., 2009. С. 22–29.

Стихотворная сказка «Рецепт».

Рожкова Т. И. А. П. Сумароков и литературная жизнь второй половины XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сб. науч. трудов. Самара, 2009. Вып. 14. С. 87–96.

Салова С. А. А. П. Сумароков в творческом сознании С. Т. Аксакова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сб. науч. трудов. Самара, 2009. Вып. 14. С. 358–369.

Трансформация структурных компонентов «Синава и Трувора» в автобиографической дилогии Аксакова.

Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. Приложения: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи. М., 2009.

Содержание:

Вроон Р. «Оды торжественныя и «Елегии любовныя»: история создания, композиция сборников. С. 387–468.

Гаспаров М. Л. Стихосложение од Сумарокова. С. 615–638.

Живов В. М. Язык и стиль А. П. Сумарокова. С. 553–614. То же в: *Живов В. М.* Язык и стиль А. П. Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 7–51.

Каменский А. «Оды торжественныя» глазами историка. С. 639–662.

Левит М. «Елегии любовныя» и «Оды торжественныя» Сумарокова сквозь призму истории поэтического сборника. С. 469–497.

Осповат К. Эстетика Сумарокова: к социальным измерениям литературной рефлексии. С. 498–552.

Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 39–46.

С. 40–42. «Сон. Счастливое общество»; «Хор ко превратному свету».

Творчество А. П. Сумарокова в контексте мировой литературы: Сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству А. П. Сумарокова (17 декабря 2008 года). М., 2009.

Содержание:

Алпатова Т. А. А. П. Сумароков и Ш.-Л. Монтескье (к генезису политической концепции трагедии «Димитрий Самозванец»). С. 37–50.

Аннушкин В. И. Филологические взгляды А. П. Сумарокова. С. 6–16.

Барахта А. В. «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» (проблема атрибуции стихотворения). С. 81–85.

Атрибуция Е. А. Княжниной.

Величкина И. И. А. П. Сумароков в литературно-критическом наследии В. Г. Белинского. С. 22–26.

Горюнова А. И. Трудолюбивые пчела и муравей. С. 160–163.

Донская Н. А. Медитативна ли псалмодическая лирика А. П. Сумарокова? С. 92–100.

Зайцева Е. Л. Космогонический мотив в парафразах 103 псалма А. П. Сумарокова и Ф. Н. Глинки. С. 101–106.

Июльская Е. Г. «К тебе, о Боже мой, я ныне вопию» (цикл молитвословий А. П. Сумарокова). С. 164–169.

Королева Д. А. «О вещах таких есть споры, каковых в природе нет...» (сюжетное своеобразие стихотворной новеллы «Отстреленная нога» в творчестве А. П. Сумарокова и П. П. Сумарокова). С. 123–128.

Михайлова Д. Д. Образ императрицы в «екатерининских» одах А. П. Сумарокова. С. 68–73.

Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Без пользы общества на троне славы нет...» (поэтика трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец»). С. 51–67.

Пантелеева Е. А. Басенный сюжет о Дубе и Трости в интерпретации Эзопа, Ж. де Лафонтена и А. П. Сумарокова. С. 151–159.

Парамонова М. К. А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков о благородстве (на материале «Сатиры II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений» А. Д. Кантемира и сатиры «О благородстве» А. П. Сумарокова). С. 116–122.

Петривняя Е. К. «О чем я в притче сей, читатель, говорю?» (образ автора в притчах А. П. Сумарокова). С. 129–135.

«Феб и Борей».

Соломонова А. А. Интерпретация сюжета басни «Стрекоза и Муравей» в мировой и русской литературе. С. 136–150.

Сорокин В. Б. Аксиология сатир А. П. Сумарокова. С. 107–115.

Толлю Э. О. Из малоизученного литературного наследия А. П. Сумарокова: «Элегия на преставление графини Анны Петровны Шереметевой, невесты графа Никиты Ивановича Панина». С. 86–91.

Трофимова Н. В. Тренические мотивы в одической поэзии А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина. С. 74–80.

Ода «На суету мира».

Туфанова О. А. Трагедия А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» и историческая публицистика начала XVII столетия. С. 27–36.

Якушева Г. В. Сумароков — русский Расин? С. 170–174.

Трубицына В. В. «Пастушья» песня А. П. Сумарокова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 16–21.

Трубицына В. В. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А. П. Сумарокова // Филология и человек. 2009. № 3. С. 73–79.

Шкипина И. В. Традиции нормативной поэтики Горация в классицистических поэтиках Н. Буало и А. П. Сумарокова // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 2009. С. 45–59.

С. 53–59 — «Эпистола о стихотворстве».

Яницкая С. С. А. П. Сумароков и формирование жанровой традиции русского романса // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Саратов, 2009. Т. 9. Сер.: Социология. Политология. Вып. 2. С. 53–61.

«Прости, мой свет, в последний раз…».

2010

Афанасьева И. Н. А. П. Сумароков как основоположник русской литературной комедии XVIII века. Оренбург, 2010. 131 с.

Афанасьева И. Н. Мотив «нарциссизма» в структуре комедии А. П. Сумарокова «Нарцисс» // В мире научных открытий. 2010. № 4. С. 131–133.

Афасижев Т. М. Литературный сон XVIII века как картина мира российского интеллектуала // Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства. М., 2010. С. 247–252.

Бухаркина М. В. Мадригал в контексте комплиментарной поэзии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 267–279.

На материале в том числе мадригалов С.

Гуськов Н. А. Ода «На государя Петра Великого»: к вопросу о формировании одической поэзии А. П. Сумарокова // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 148–195.

Добрицын А. А. О заимствовании композиционных и сюжетных схем (французские прообразы некоторых русских стихотворений) // XVIII Лотмановские чтения: Тезисы докладов международной конф. Москва, РГГУ, 16–18 декабря 2010 [г.]. М., 2010. С. 50–51.

С. 50 — структурное сходство эпиграммы С. «Клеон прогневался, и злобою безмерной…» с эпиграммой А. де Баратона.

Дубровина И. В. Интенции сентиментализма в драматургии классициста Сумарокова // Наука и современность. 2010. № 7. С. 111–124.

Июльская Е. Г. «Изми мя, Боже, от лукава человека...» (Образ лукавого человека в переложении псалмов В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова) // В. К. Тредиаковский: филолог, писатель, публицист / Сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству В. К. Тредиаковского (16 декабря 2009 года). [М., 2010]. С. 89–99.

Калганова В. Комедия А. П. Сумарокова «Опекун»: философия любви // XVIII век: Литература как философия, философия как литература. = XVIIIe siècle: la littérature comme philosophie et la philosophie comme littérature: Науч. сб. М., 2010. С. 383–391.

Калганова В. Е. Ростовщик Кащей: особенности создания образа-персонажа в комедии Сумарокова «Лихоимец» // Пушкинские чтения — 2010: «Живые» традиции в русской литературе. Автор, герой, текст. Материалы XV международной науч. конф. СПб., 2010. С. 128–132.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010.

С. 135–180.

Впервые в: Klein J. Russische Literatur der 18. Jahrhundert. Köln, 2008.

Макаренко Е. К. Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «эпохи Смутного времени» в литературе конца XVIII века (на материале трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец») // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 17–22.

То же в: *Макаренко Е. К.* Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «эпохи Смутного времени» в литературе конца XVIII в. (Трагедия А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец») // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Барнаул, 2011. С. 195–203.

Николаев С. И. Смерть поэта в эпитафии и элегии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 291–297.

С. 297 — элегии и эпитафии на смерть С.

Осповат К. А. Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и литературная политика И. И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в России: Сб. статей. М., 2010. — (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 87). С. 6–65.

С. 16–38. «К счастью».

Петривняя Е. К. Художественная интерпретация басни Эзопа «Человек и сатир» в живописи и литературе (Я. Йорданс, Ж. Лафонтен, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков) // В. К. Тредиаковский: филолог, писатель, публицист / Сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф., посвященной творчеству В. К. Тредиаковского (16 декабря 2009 года). [М., 2010]. С. 168–175.

С. 174 — притча «Молодой сатир».

Рогов К. К генезису «высокого» одического ямба: Об одном успешном опыте фальсификации истории русской словесности // Пермяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 58–91.

Оды С. как часть историко-литературного контекста творчества Ломоносова.

Рожкова Т. И. Историко-биографический фон в жанре притчи (А. П. Сумароков «Мид») // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2010. № 1. С. 51–55.

Рожкова Т. А. История белого шлафрока: Опыт интерпретации анекдота об А. П. Сумарокове // Пушкинские чтения — 2010: «Живые» традиции в русской литературе. Автор, герой, текст. Материалы XV международной науч. конф. СПб., 2010. С. 123–128.

Рожкова Т. А. Н. Д. Чечулин о литературной деятельности А. П. Сумарокова: неизвестная работа известного ученого // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2010. Вып. 6. С. 191–193.

См. также:

Рожкова Т. А. Н. Д. Чечулин о Сумарокове: неизвестная работа известного ученого // Пушкинские чтения — 2015: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст. Материалы XX международной науч. конф. СПб., 2015. С. 53–59.

Руднев Д. В. Празднично-риторическая культура в кадетских корпусах // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 404–412.

С. 407 — постановка «Хорева» (февраль 1750).

Трубицына В. В. Роман А. П. Сумарокова «Исмений и Исмена» как литературно-критический проект «правильного жанра» // Русская литература в современном культурном пространстве. Литература о литературе: Проблемы литературной саморефлексии. Томск, 2010. С. 5–12.

2011

Алексеева Н. Ю. Отношение А. П. Сумарокова к изданиям своих сочинений: постановка вопроса // Третьи Лупповские чтения. СПб., 2011. С. 54–58.

Алексеева Н. Ю. Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 95–117.

**Афанасьева И. Н.* Интермедия как структурный прототип русской литературной комедии XVIII века // В мире научных открытий. 2011. № 4. С. 619–625.

**Ахмади А.* Приемы комедии дель арте в драматургии А. П. Сумарокова // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 350. С. 7–9.

Веселова А. Ю. Трагедии Сумарокова в русской критике XIX века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 118–132.

Дубровина И. В. Романтические коды в исторической трагедии А. П. Сумарокова // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания. Ставрополь, 2011. С. 63–67.

Зацепина К. Д. Образ монарха в идиллиях А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова // Художественная антропология: Теоретический и историко-литературный аспекты. Материалы международной науч. конф. М., 2011. С. 171–178.

Ивинский Д. П. Из заметок о русской литературной эволюции: Ломоносов и Сумароков // Ломоносовский сборник / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой. М., 2011. С. 94–106.

Июльская Е. Г. Переложения А. П. Сумарокова из стихир Иоанна Дамаскина // Литература Древней Руси. М., 2011. С. 134–141.

Калганова В. Е. Библейские мотивы в творчестве А. П. Сумарокова // Пушкинские чтения — 2011: «Живые» традиции в русской литературе. Жанр, автор, герой, текст. Материалы XVI международной науч. конф. СПб., 2011. С. 129–136.

Калганова В. Е. Религиозно-философский дискурс комедии А. П. Сумарокова «Опекун» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2011. Вып. 15. С. 124–130.

Кодрескул А. М. Политические взгляды М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова // Михайловские чтения. Религиозно-культурное пространство региона: вчера, сегодня, завтра. 2010. Архангельск, 2011. С. 62–68.

Ларкович Д. В. Становление авторского сознания Г. Р. Державина и сумароковская поэтическая традиция // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 121–129.

Матяш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: Жанр, стиль, стих. СПб., 2011.

С. 235–240 — вольный ямб в переложениях псалмов С.

Позднякова Е. Г. Жанровая палитра сатирической журналистики А. П. Сумарокова // Лики традиционной культуры. Челябинск, 2011. Ч. 2. С. 63–67.

Рожкова Т. И. «Жилище им — Парнас, свидетель — Аполлон»: К истории функционирования античного образа в русской словесности второй половины XVIII века // Пушкинские чтения — 2011: «Живые» традиции в русской литературе. Жанр, автор, герой, текст. Материалы XVI международной науч. конф. СПб., 2011. С. 136–143.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В., Юй Хуэйцзюнь. Пути филологической интерпретации названия журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» // Текст как единица филологической интерпретации. Новосибирск, 2011. С. 199–204.

Сложеникина Ю. В. «Сон, щастливое общество» А. П. Сумарокова: к проблеме вербального кода русского масонского текста // Вестник Волгоградского гос. ун-та: Науч.-теоретический журнал. Сер. 2: Языкознание. 2011. Вып. 2. С. 35–39.

Супрунова Д. А. Басня как выражение эстетических и литературных взглядов А. П. Сумарокова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. М., 2011. С. 535–540.

Трахтенберг Л. А. О ранних переводах произведений Ломоносова и Сумарокова на английский язык // Ломоносовский сборник / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой. М., 2011. С. 244–257.

«Димитрий Самозванец» в пер. А. Г. Евстафьева (1806).

См. также: *Трахтенберг Л. А.* Ода М. В. Ломоносова и трагедия А. П. Сумарокова в английских переводах первой трети XIX века // Логический анализ языка: Перевод художественных текстов в разные эпохи. М., 2012. С. 272–286.

* *Успенский Б. А.* Заумная речь у Сумарокова // Библеистка. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библеистики проф. Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 499–508.

См. также:

Успенский Б. А. Заумная речь у Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 244–253.

Феррацци М. Петербургское турне семейства Сакко (1733–1734) // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 36–51.

С. 48 — о присутствии С. на спектаклях Гаэтано Сакки.

Хексельшнайдер Э. «Русские пьесы» немецкого писателя Петера Хакса и его источники: (Сумароков, Княжнин, Озеров) // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 341–352.

Юй Хуэйцзюй. Рецептивная авторская интенция названия журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела»: роль читателя // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 217–221.

Яговкина Н. В. Пародия как жанр литературной полемики: К вопросу о пародической личности во «Вздорных одах» А. Сумарокова // Перспективы развития современной филологии. Петрозаводск, 2011. С. 7–13.

2012

Алексеева Н. Ю. Инципиты псалмов в русских переложениях XVIII века // Litterarum fructus: Сб. статей к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 112–122.

С. 121–122 — «Стихотворения духовные».

Бердников Л. Сонеты «Великому граду Москве» // Нева. 2012. № 5. С. 196–204.

**Бердников Л.* «Стишки о беззаконной любви» // Новый берег. 2012. № 37.

Бердникова Т. В. От риторики к пиитике: к проблеме развития диалога в поэзии эпохи классицизма (на материале лирики А. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова) // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 18–22.

Калганова В. Утопический дискурс комедии А. П. Сумарокова «Ядовитый» // XVIII век: Литература в эпоху идиллий и бурь. = XVIIIe siècle: la littérature au temps des idylles et des tempêtes: Науч. сб. М., 2012. С. 162–167.

Кочеткова Н. Д. Песни Сумарокова: К истории текстов // Русская литература. 2012. № 1. С. 20–30.

Назарова М. В. Орфоэпические особенности басен Сумарокова и Крылова // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Гуманитарные и социальные науки, образование. Тольятти, 2012. Ч. 2. С. 320–324.

Осташевский А. В. История «Трудолюбивой пчелы»: цензурные коллизии // Вестник Майкопского гос. технологического ун-та. 2012. № 3. С. 47–49.

Перевозкина М. В. Образ угорелой кошки в жизни и творчестве А. П. Сумарокова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск, 2012. Вып. 13. Т. 2. С. 153–156.

Рожкова Т. И. По дороге в «жилище вечно»: Отклики на смерть А. П. Сумарокова // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филол. науки. 2012. № 4. С. 52–55.

Рожкова Т. И. «...Последнее мое к театру усердие»: А. П. Сумароков и театральная Москва // Пушкинские чтения — 2012: «Живые» традиции в литературе. Жанр, автор, герой, текст. Материалы XVII международной науч. конф. СПб., 2012. С. 161–166.

Сложеникина Ю., Растягаев А. Начало и конец «Трудолюбивой Пчелы»: утопический проект А. П. Сумарокова // XVIII век: Литература в эпоху идиллий и бурь. М., 2012. С. 331–338.

Федотова М. А. Из комментариев к тексту письма А. П. Сумарокова графу Н. И. Панину // Litterarum fructus: Сб. статей к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 99–111.

Юй Хуэйцзюнь. А. П. Сумароков — автор «Трудолюбивой пчелы»: устоявшаяся точка зрения и бесстрастная статистика // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 101–113.

Яговкина Н. В. Сатирическая пародия как средство литературной полемики (на примере «Вздорной Оды III» А. П. Сумарокова) // Известия Российского гос. пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 146. С. 108–113.

2013

Абрамзон Т. Е. «Билетцы» и гадательные двустишия А. П. Сумарокова: парадигма любовного чувства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 180–186.

Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». М., 2013. 192 с.

**Абрамзон Т. Е.* «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777 г.): поэтика культурной роли Ломоносова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39). С. 151–161.

Алексеева Н. Ю. Переложение-переосмысление А. П. Сумароковым 83 псалма // Аониды: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 17–23.

Гуковский Г. А. Расин в России / Пер. с фр. и прим. А. О. Дёмина // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–480.

Гуськов Н. А. А. П. Сумароков в мифе о создании русской литературы: К постановке проблемы // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 58–66.

Иванов Д. В. Человековедение А. П. Сумарокова: к философским и психологическим взглядам русского просветителя // Социосфера = Sociosphera. 2013. № 4. Ч. 1. С. 11–13.

Калганова В. Е., Михайлов Э. Л. Речевая и именная характеристика героев комедии А. П. Сумарокова «Три брата совместники» // Пушкинские чтения — 2013: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст. Материалы XVIII международной науч. конф. СПб., 2013. С. 196–198.

Костин А. А. Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (из комментариев к письмам Сумарокова) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. С. 107–113.

Костин А. А. Участие А. П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (По материалам Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Четвертой международной науч.-практической конф., 15–17 мая 2013 года: В 4 ч. СПб., 2013. Ч. 2. С. 367–374.

ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. № 2588; Ф. 2. Оп. ШГФ. № 902; Ф. 2. Оп. ШГФ. 959.

Кудюшева Г. А. Басенное наследие А. П. Сумарокова // Бюллетень медицинских интернет-конф. 2013. Т. 3. № 2. С. 99.

Кукушкина Е. Д. Ж. де Лафон на русской сцене: два варианта адаптации // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. С. 191–197.

Переложения С. («Три брата совместники») и П. С. Свистунова комедии Ж. де Лафона «Les trois frères rivaux». Список в Санкт-Петербургской театральной библиотеке.

Кукушкина Е. Д. Пьер Корнель в России // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 362–386.

С. 369–373.

Ларокка Дж. Освальдо Перини — итальянский переводчик А. П. Сумарокова (Предварительные замечания) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. С. 269–287.

Рожкова Т. И. Историко-культурный контекст сатиры А. П. Сумарокова «О худых рифмотворцах» // Пушкинские чтения — 2013: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст. Материалы XVIII международной науч. конф. СПб., 2013. С. 190–195.

Салова С. А. От анакреонтической басни к анакреонтической притче: аксиология вымысла // Антропология литературы: Методологические аспекты проблемы. Сб. науч. статей: В 3 ч. Гродно, 2013. С. 90–97.

Струкова Т. В. Жанр загадки в творчестве А. П. Сумарокова // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 308–312.

Черепанова О. А. «Вздорные» опусы литераторов XVIII в.: особенности словоупотребления и стилистики // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб., 2013. Т. 9. № 2. С. 551–564.

2014

Готовцева А. Г. Никола Буало на страницах журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 12 (134). С. 11–23.

Исаченко Е. Г. «Разговоры в царстве мертвых» А. П. Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2014. Вып. 5. С. 100–118.

Июльская Е. Г. Акустические образы в духовной лирике А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и диалектика культур. Материалы международной науч. конф. Казань, 2014. С. 166–168.

Криворучко А. С. Представления о социальной картине общества в утопических произведениях дворянских авторов конца 50-х — 60-х гг. XVIII в. (По материалам произведений А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова) // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. Материалы первого всероссийского науч. семинара. Екатеринбург, 2014. С. 110–118.

Макаренко Е. К. Роль шекспировского театра в формировании русской исторической трагедии // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. № 7 (148). С. 171–177.

«Димитрий Самозванец».

Мстиславская Е. П., Платонова Н. В. «Просвещенный абсолютизм» в философско-исторических воззрениях А. П. Сумарокова и Вольтера // Вольтеровские чтения. 2014. Вып. 2. С. 142–148.

Николаев Н. И. Поступок русского литературного героя и его мотивы («Гамлет» А. П. Сумарокова) // Жанр. Стиль. Образ: актуальные вопросы современной филологии. Межвузовский сб. статей. Киров, 2014. С. 109–114.

Рожкова Т. И. Литературно-полемический потенциал притчи А. П. Сумарокова «Рецепт» // Пушкинские чтения — 2014: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст. Материалы XIX международной науч. конф. СПб., 2014. С. 7–13.

Рожкова Т. И. Принципы поэтической речи А. П. Сумарокова (Размышления над материалами к «Словарю русского языка XVIII в.») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 349–351.

Салова С. А. Б. Грасиан, М. В Ломоносов, А. П. Сумароков // В лучистой филиграни…: Сб. науч. трудов к 65-летию С. М. Шаулова. Уфа, 2014. С. 42–52.

Сицына-Кудрявцева А. Н. Теория формирования лексического состава русского литературного языка в трудах А. П. Сумарокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (42). С. 155–157.

Скобелкина А. В. Эпиграмматическое наследие А. П. Сумарокова // Бюллетень медицинских интернет-конф. 2014. Т. 4. № 5. С. 478.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Платон / Сумароков: Диалог об именах // Г. Р. Державин и диалектика культур: Материалы международной науч. конф. Казань, 2014. С. 114–118.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Статья А. П. Сумарокова «О стихотворстве камчадалов» (1759): Очищение поэзии обрядовой песней // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 73–76.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Январская книжка журнала «Трудолюбивая пчела»: Катарсис истинного просвещения // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 3. С. 135–169.

Соломоновская А. Л. Славянский и английский средневековый перевод: A case study. Часть 2. От Максима Грека и Вильяма Тиндейла до графа Роскоммона и Александра Сумарокова // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. № 2. С. 70–82.

2015

Абрамзон Т. Е. Александр Сумароков. История страстей: монография. М., 2015. 304 с.

Алексеева Н. Ю. Ода А. П. Сумарокова, «сочиненная в первые лета» его занятий поэзией // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 5–27.

**Алексеева О. В., Антонова Е. Я.* Метафора в торжественной оде В. П. Петрова // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015. СПб., 2015. С. 28–31.

Бодэн Р. Русская литература в «Курсе по русской истории» страсбургского профессора Кристофа-Гийома Коха // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 66–85.

С. 80–83 — С. в «Курсе…» К.-Г. Коха.

**Гуськов Н. А.* «Свобода и покой»: к истории возникновения поэтической формулы // Petra philologica: Профессору П. Е. Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб., 2015 (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). С. 243–260.

Довгий (Кулагина) О. Л. Поэзия сквозь призму глаголов движения: опыт тезаурусного анализа // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 94–106. На материале в т. ч. С.

**Зыкова Е. П., Мстиславская Е. П.* Авторская книга стихов в культуре Великобритании XVII–XVIII вв. и России XVIII века // Вопросы филологии. 2015. № 3 (51). С. 64–72.

Иванов Д. В. Психологическая мысль в России середины XVIII века. А. П. Сумароков // Системная психология и социология. 2015. № 2 (14). С. 80–88.

Июльская Е. Г., Синяева А. А. Образы птиц в поэзии А. П. Сумарокова // Эстетико-художественное пространство мировой литературы. Материалы международной науч.-практической конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». М.; Ярославль, 2015. С. 30–33.

Калганова В. Е. Соединение смешного и грустного в комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» // Пушкинские чтения — 2015: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст. Материалы XX международной науч. конф. СПб., 2015. С. 217–224.

Капинос Е. В. Элегия Г. Р. Державина и песня А. П. Сумарокова в рассказе И. А. Бунина «Несрочная весна» // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. С. 649–656.

Кукушкина Е. Д. Метаморфозы Мольера в русской литературе (комедия «Рогоносец по воображению» А. П. Сумарокова) // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 34–44.

Николаев С. И. Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 28–33.

Порфирьева А. Л. «Цефал и Прокрис» Александра Сумарокова: Парадоксы оперной матрицы // IV Санкт-Петербургский международный культурный форум. СПб., 2015. С. 45–46.

Салова С. А. Притчи А. П. Сумарокова и европейские концепции остроумия // Жанры в историко-литературном процессе. Сб. науч. статей. СПб., 2015. С. 105–116.

Свердлов М. Б. Россия в исторических разысканиях А. П. Сумарокова // Клио. 2015. № 4 (100). С. 15–29.

Ситникова Г. В. Проблема законности власти в трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв. Материалы IV международной науч. конф. Липецк, 2015. С. 133–140.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. О происхождении русского народа и русского языка: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 299–307.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Философский диалог об именах: Платон, Сумароков, современное состояние проблемы // Онтология проектирования. 2015. Т. 5. № 4 (18). С. 463–471.

Смирнов В. Ю. Взгляды А. П. Сумарокова на социальные и политические явления XVIII века (на материале жанра эпиграммы) // Студенческая наука и XXI век. 2015. № 12. С. 336–338.

* *Супрунова Д. А.* «Не согревай змеи». Сюжет «человек и змея» в русских басенных текстах XVIII в. // Русский язык за рубежом. 2015. № 3. С. 97–102.

Юй Хуэйцзюй. Религиозно-философские взгляды А. П. Сумарокова // Актуальные проблемы современной науки. 2015. № 3 (82). С. 108–110.

2016

* А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М., 2016.

Содержание:

Алпатова Т. А. «Ода на суету мира» А. П. Сумарокова в литературных диалогах поэтов «сумароковской школы». С. 49–66.

Афанасьев Э. Л. Драма А. П. Сумарокова «Пустынник». С. 74–78.

Елизаветина Г. Г. А. П. Сумароков в контексте середины XIX столетия. С. 97–101.

Крашенинникова О. А. А. П. Сумароков и В. П. Петров. Жанр торжественной оды в литературе 60–90-х гг. XVIII в. С. 27–48.

Курилов А. С. А. П. Сумароков и литературные движения в России XVIII в. С. 14–26.

Рожкова Т. И. Сумароков и сценическое искусство его времени. С. 67–73.

Салова С. А. Экспериментальная поэтика жанра притчи в творчестве А. П. Сумарокова. С. 79–96.

Гуськов Н. А. Биографический миф о Сумарокове // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 79–100.

* *Калганова В.* Русификация басенного репертуара в творчестве А. П. Сумарокова // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох: Сб. статей. СПб., 2016. С. 374–381.

* *Рожкова Т. И.* «Один Сумароков и один Дмитревский»: К истории национального сценического искусства // Пушкинские чтения — 2016: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст. Материалы XXI международной науч. конф. СПб., 2016. С. 204–211.

Ситникова Г. В. Закон и власть в трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» // Русская классика: Проблемы понимания и языкового своеобразия. Сб. науч. статей по итогам XV Барышниковских чтений — всероссийской науч. конф. Липецк, 2016. С. 47–53.

* *Сложеникина Ю., Растягаев А.* Античные теории именования в зеркале XVIII в.: А. П. Сумароков о происхождении имен // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох: Сб. статей. СПб., 2016. С. 47–54.

2017

Руднев Д. В. «Подьяческий слог» в оценке А. П. Сумарокова (Об особенностях канцелярского языка середины XVIII века) // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2017. Вып. 7. С. 50–77.

Справочно-библиографический отдел

Русская литература XVIII века. Библиографический указатель / Сост. В. П. Степанов, Ю. В. Стенник; под ред. П. Н. Беркова. М.; Л., 1968.

Серман И. З. Сумароков Александр Петрович (1717–1777) // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 259–260.

Серман И. З. Сумароков Александр Петрович (1717–1777) // Большая советская энциклопедия. М., 1976. 3-е изд. Т. 25. С. 68.

Стенник Ю. В. Сумароков // Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 649–652.

Казбек М. М. Димитрий Самозванец // Энциклопедия литературных героев: Русская литература XVII — первой половины XIX века. М., 1997. С. 558–559.

Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998 (по указателю переводчиков).

Илизаров С. С. Сумароков // Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999. С. 270–272.

Алексеева Н. Ю., Стенник Ю. В. Сумароков // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 2: Н–Я. С. 362–363.

Александр Петрович Сумароков // Русские поэты XVII–XIX веков: Собрание биографий / Под ред. М. Ю. Люстрова. Челябинск, 2001. С. 140–143.

Бердников Л. И., Серебряный Ю. Пантеон российских писателей XVIII века: Критико-биографические очерки. СПб., 2002. С. 436–451.

Мстиславская Е. П. Сумароков Александр Петрович (1717–1777). Жизнь и творчество. Библиографический указатель // Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. статей и материалов. М., 2002. С. 204–279.

Степанов В. П. Сумароков Александр Петрович // Русские писатели XVIII века: Биобиблиографический словарь. СПб., 2010. Т. 3: (Р–Я). С. 184–199.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД «СЛОВАРЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА»

А. Ю. САМАРИН

ПИСАТЕЛИ XVIII ВЕКА В СПИСКАХ ПОДПИСЧИКОВ НА КНИГИ И ЖУРНАЛЫ (1762–1800)

С начала 1760-х гг. в России появляется практика включать в издания, выпускавшиеся по предварительной подписке, печатные перечни подписавшихся особ (подписчиков, пренумерантов, субскрибентов).[1]

Основной социокультурной функцией подписки во второй половине XVIII в. было обеспечение взаимодействия издателей с наиболее активной частью читательской аудитории с целью привлечения их средств для финансирования издательских проектов.[2] Покупателя подписных изданий можно охарактеризовать как активного субъекта читательской деятельности, осуществляющего целенаправленное приобретение издательской продукции и обладающего высокой культурой чтения, выражающейся в изучении объявлений

[1] Об употреблении данных терминов см.: *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1949. Вып. 8. С. 3–6.

[2] *Самарин А. Ю.* 1) «Сие выдумано в пользу общества и автора»: Подписные издания в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 146–163; 2) «Имена особ, благоволивших подписаться на книгу…». О списках подписчиков в изданиях второй половины XVIII века // Про книги. 2010. № 1. С. 63–73.

© А. Ю. Самарин, 2017

в газетах, книготорговых каталогов, а зачастую, и в личном общении с авторами, переводчиками, издателями и книгопродавцами.

Печатные списки подписчиков имели разную структуру. Однако каждое отдельное сообщение о покупателе включало в себя следующие элементы: 1) указание фамилии, имени, отчества подписчика; 2) указание на сословие (для представителей недворянской части общества), а для дворян, офицеров и чиновников, как правило, данные о чине по Табели о рангах и/или должности подписчика; 3) данные о месте проживания подписчика; 4) сведения о количестве заказанных экземпляров; 5) информацию о качестве бумаги приобретаемых экземпляров. Первый элемент имеется всегда, второй практически всегда, третий достаточно часто, а четвертый и пятый — от случая к случаю.

Ученые давно обратили внимание на списки подписчиков в изданиях последней трети XVIII в. как на ценный источник по истории читателя, книжного дела, литературного процесса. Об отдельных списках подписчиков и возможности их привлечения для историко-филологических и книговедческих исследований писали А. И. Незеленов, А. И. Дмитриев-Мамонов, В. П. Семенников, П. Н. Берков, А. С. Мыльников, И. Ф. Мартынов, В. Д. Рак, В. П. Степанов, Л. А. Дербов, С. А. Мезин, И. М. Полонская, Г. Маркер.[3]

Комплексное исследование печатных списков подписчиков было проведено автором настоящей статьи. Основные результаты отражены в монографии,[4] докторской диссертации[5] и ряде других работ.[6]

Всего было выявлено 100 списков подписчиков, помещенных в 67 непериодических изданиях и 22 журналах и продолжающихся изданиях, вышедших в свет в 1762–1800 гг.[7] В качестве отдельного

---

[3] *Самарин А. Ю.* Историография изучения списков подписчиков в изданиях второй половины XVIII века // Материалы 40-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и научных сотрудников МГУП. М., 2000. Ч. 2. С. 99–102.

[4] *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000.

[5] *Самарин А. Ю.* Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков): Дис. … д-ра ист. наук. М., 2002.

[6] *Самарин А. Ю.* Типографщики и книгочёты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. М., 2013. С. 295–352 и др.

[7] *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века… С. 211–222.

списка учитывался перечень подписчиков на годовой комплект журнала, а также варианты перечня подписчиков, помещаемые в разных томах многотомных изданий в том случае, если они выходили на протяжении нескольких лет и имели существенные различия по составу покупателей. Они содержат сведения о 13567 случаях приобретения подписных изданий частными лицами и учреждениями. Всего в приобретении издательской продукции по подписке в этот период принимали участие около 8500 лиц.

Печатные списки подписчиков характеризуются однородностью содержащейся в них информации и легко поддающейся формализации структурой сообщения о каждом из покупателей. Они позволяют проанализировать социальный состав читателей, определить географию расселения потребителей печатной продукции, оценить гендерные особенности читательских интересов, получить представление о персональном составе активных покупателей книг, выявить особенности потребления изданий гражданской печати представителями различных социальных групп (дворянство, духовенство, купечество, разночинцы, крестьянство) и учреждениями. Можно даже говорить о создании на их основе многомерной научно обоснованной модели читательской аудитории русской книги гражданской печати в эпоху Просвещения.[8]

Среди результатов исследования печатных списков подписчиков — выявление активных потребителей печатной продукции.[9] Сведения о пренумерантах, оформивших подписку шесть и более раз, были представлены в специальном приложении к монографии автора, озаглавленном «Биобиблиографический словарь активных подписчиков на книги и журналы (1762–1800)». В нем представлены сведения о 214 персоналиях, среди которых и ряд писателей.[10]

Вместе с тем, отдельной задачей, на наш взгляд, остается выявление с максимальной полнотой всех случаев подписки, осуществленной литераторами. Еще В. П. Степанов отмечал, что «интересна

---

[8] *Самарин А. Ю.* Печатные списки подписчиков как источник социокультурного моделирования в истории читателя (на материале последней трети XVIII в.) // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 115–123.

[9] *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века… С. 137–145.

[10] Там же. С. 223–276.

для истории литературы представляемая списками возможность выявить, сколько было среди подписчиков на журналы писателей».[11]

За основу определения статуса писателя был взят фундаментальный «Словарь русских писателей XVIII века» (далее — «Словарь»), вышедший в свет в трех выпусках в 1988–2010 гг. По нашим подсчетам, в нем есть статьи о 829 персоналиях, которые находились в возрасте, позволявшем осуществлять подписку в 1762–1800 гг. Правда, в 1760-е гг. вышли в свет только трехтомные «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства» (М., 1762–1768) Ф. Г. Дильтея, имевшие печатные списки подписавшихся. Если, рассматривать писателей, имевших возможность осуществлять подписку с начала 1770-х гг., то таких персоналий в «Словаре» около 780.

В качестве подписчиков на книги и журналы нами выявлено 290 лиц, зафиксированных в «Словаре». Таким образом, можно говорить, что более трети литераторов этого периода принимали участие в приобретение издательской продукции по предварительной подписке.

Материалы о подписке писателей на книги и журналы в последней трети XVIII в. представляют интерес в нескольких отношениях. Во-первых, это интересный источник, характеризующий их читательские пристрастия и литературные вкусы. Конечно, источник фрагментарный, но, в условиях отсутствия какой-либо информации о составе большинства писательских библиотек эпохи Просвещения, он дает пищу для анализа. Ведь подписка на издание может указывать на родственные или дружеские связи пренумеранта с автором, переводчиком или издателем, говорить о принадлежности к определенному кружку литераторов, свидетельствовать о симпатии к какому-то литературному направлению.

Информация из списков подписчиков позволяет в отдельных случаях говорить о возможности уточнения биографических данных некоторых литераторов. Приведем несколько примеров. В «Словаре» не указана дата смерти Матвея Андреевича Красильникова, который в молодые годы сотрудничал в журнале «Ежемесячные сочи-

---

[11] *Степанов В. П.* Русские подписчики на издания второй половины XVIII в. // Третья Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград, 2–4 октября 1985 г. Тезисы докладов. Л., 1985. С. 14.

нения». Человек с таким именем и чином осуществлял подписку на издания, выходившие в свет в 1795–1797 гг. Таким образом, можно предполагать, что он скончался не ранее этого времени.

Переводчик Овидия Федор Колоколов, по предположению автора статьи о нем И. Ю. Фоменко, служил в годы царствования Павла I в Тверской почтовой конторе. В списке подписчиков на «Новое краткое понятие о всех науках…» Д. В. и И. В. Нехачиных (Ч. 1–4. М., 1795–1797) находим, что среди пренумерантов в Твери значится «Тверского Благородного Училища Учитель и воспитатель Федор Иванович Колоколов». Возможно, что в данном случае мы узнаем отчество литератора, а также уточняем место его службы.

Возможные уточнения отчества есть и еще в ряде случаев. Так, известен Василий Снятиновский, издававший в Москве в 1792 г. совместно с Ф. Комаровым журнал «Еженедельник». В списке подписчиков на «Московский журнал» Н. М. Карамзина на 1791 г. мы видим Василия Ивановича Снятиновского. С высокой долей вероятности можно предполагать, что речь идет именно о писателе. Возможно, что данные списков подписчиков дают информацию об отчествах литераторов Ивана Грешищева, Павла Жукова, Николая Казаринова, Павла Кашинцова, Степана Лебедева, Ивана Михайлова, Ивана Некрасова, Петра Поморцева, Осипа Чернявского, Алексея Шурлина и др.

Конечно, следует помнить об особенностях списков подписчиков как источников. Особенно, если речь идет о распространенных именах, фамилиях и отчествах. Часто не исключена вероятность наличия нескольких лиц с похожими данными. Как писал В. П. Степанов, «результаты обработки списков не всегда могут быть истолкованы однозначно и требуют специальной интерпретации».[12] Вместе с тем, факт подписки того или иного лица на печатную продукцию, на наш взгляд, несколько повышает возможность его причастности к миру литературного творчества. Например, по информации «Словаря» известны два лица с именем Иван Краснопольский. Один с отчеством Иванович, другой — Романович. Кто из них конкретно был писателем, остается открытым вопросом. В списках подписчиков дважды встречается человек с таким именем. В одном

[12] Там же.

случае без указания отчества, а в другом — с отчеством Романович. Этот факт пусть и небольшой, но аргумент в пользу данного варианта.

Структура нашей публикации для каждого писателя: фамилия, имя отчество в редакции «Словаря», варианты написания имени в списках подписчиков (в квадратных скобках), перечень выписываемых изданий в хронологическом порядке их выхода в свет (название в соответствии с принятыми сокращениями, количество заказанных экземпляров (в скобках), место подписки, если оно было указано и отличается от места издания книги и журнала). В некоторых случаях даются небольшие комментарии. Если идентификация подписчика с писателем представляется составителю сомнительной, то название выписываемого издания приведено курсивом.

В конце дается список принятых сокращений. Для получение полной информации об обозначении социального статуса писателя и другой информации, приводимой о нем в каждом конкретном издании, следует смотреть сами списки. Сведения об их размещении в книгах и журналах XVIII века приведены в монографии автора настоящей статьи.[13]

Адодуров Василий Евдокимович (Т. 1. С. 21–23)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); 3) ДРВ (1775) (1); 4) ДРИ (1773) (1); 5) Тредиаковский (1773) (1); 6) История о невинном (1776) (1); 7) Утренний свет (1777–1778) (1); 8) Утренний свет (1778–1779) (1).

Албычев Алексей Андрианович (Т. 1. С. 24)

[Албычев Алексей Андреянович]

1) Сельский житель (1778–1779) (1) — Богородицк.

Алединский Павел Михайлович (Т. 1. С. 25)

1) ДРВ (1773) (1).

Анненский Николай Ильич (Т. 1. С. 33–34)

1) Муза (1796) (1); 2) Дюпати (1800–1801) (1).

Антонович Павел Данилович (Т. 1. С. 34–35)

1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 2) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1).

Антоновский Михаил Иванович (Т. 1. С. 35–37)

1) Беседующий гражд. (1789) (1); 2) Флориан (1793) (1).

---

[13] *Самарин А. Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века… С. 211–222.

Апухтин Аким Иванович (Т. 1. С. 37)

1) ДРВ (1774); 2) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 3) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 4) Жерар (1793–1796) (1); 5) Левшин. Домоводство (1795) (1); 6) Левшин. Словарь (1795–1797) (1); 7) Описание (1797) (1).

Арндт (Арендт) Богдан Федорович (Т. 1. С. 39–41)

1) Священная история (1778) (1).

Ахвердов Николай Исаевич (Т. 1. С. 42–43)

1) Пиль (1789) (1); 2) Библиотека (1793–1794) (1) — Колывань; 3) Дерев. зеркало (1798–1799) (1).

Бакмейстер Иван Григорьевич (Т. 1. С. 53–54)

1) СПб вестник (1778) (1); 2) СПб вестник (1779) (1).

Бакмейстер Логгин (Людвиг) Иванович (Т. 1. С. 54–55)

1) Шлецер (1789) (1).

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (Т. 1. С. 55–56)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Москва; 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Москва; 3) Утренний свет (1779–1780) (1); 4) СПб вестник (1778) (1); 5) СПб вестник (1779) (1); 6) Эконом. магазин (1780) (1); 7) Мейер (1781) (2); 8) Зеркало света (1786–1787) (1) — Москва; 9) Голиков. Деяния (1788–1789) (2); 10) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1); 11) Беседующий гражд. (1789) (1); 12) Львов (1789) (1); 13) Пиль (1789) (1); 14) Почта духов (1789) (1); 15) Московский журнал (1791) (1); 16) Московский журнал (1792) (1); 17) Зритель (1792) (1) — Москва; 18) Рабенер (1792–1794) (1); 19) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1); 20) Библиотека (1793–1794) (1); 21) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 22) Муза (1796) (1) — Москва; 23) Нехачины. (1796–1797) (1); 24) Дерев. зеркало (1798–1799) (1); 25) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1); 26) Ертов (1798–1800) (1); 27) Новости (1799) (1) — Москва; 28) Арндт (1800–1801) (2).

Бахтин Иван Иванович (Т. 1. С. 70–72)

1) Библиотека (1793–1794) (1); 2) Дерев. зеркало (1798–1799) (1); 3) Новости (1799) (1).

Бекетов Никита Афанасьевич (Т. 1. С. 75–76)

1) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (1); 2) Сумароков (1781–1782) (1).

Белосельский-Белозерский Александр Михайлович (Т. 1. С. 79–81)

1) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 2) Московский журнал (1791) (1); 3) Московский журнал (1792) (1); 4) Новости (1799) (1).

Беляев Осип (Иосиф) Петрович (Т. 1. С. 83)

1) Скуфос (1798) (1).

Бенедиктов Михаил Степанович (Т. 1. С. 83–84)
1) Левшин. Домоводство (1795) (1) — Владимир.

Бестужев Александр Федосеевич (Т. 1. С. 87–88)
1) Флориан (1793) (1); 2) Муза (1796) (1).

Бецкой (Бецкий) Иван Иванович (Т. 1. С. 88–91)
1) Шаамирянц (1786) (1).

Благодаров Яков Иванович (Т. 1. С. 92–94)
1) Лангер (1791–1792) (1); 2) Левшин. Словарь (1795–1797) (1); 3) Новости (1799) (1) — Москва.

Бобров Семен Сергеевич (Т. 1. С. 96–99)
1) Беседующий гражд. (1789) (1).

Богданович Ипполит Федорович (Т. 1. С. 104–109)
1) СПб вестник (1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) СПб вестник (1779) (1); 4) Еженед. изв. (1788–1789) (1); 5) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1).

Богданович Петр Иванович (Т. 1. С. 109–113)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) СПб вестник (1779) (1); 3) Беседующий гражд. (1789) (1).

Болотов Андрей Тимофеевич (Т. 1. С. 114–117)
1) СПб вестник (1778) (1) — Богородицк; 2) СПб вестник (1779) (1) — Богородицк; 3) Голиков. Деяния (1788–1789) (2) — Богородицк; 4) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1) — Богородицк; 5) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 6) Московский журнал (1791) (1) — Богородицк; 7) Московский журнал (1792) (1) — Богородицк; 8) Муза (1796) (1) — Богородицк.

Болтин Иван Никитич (Т. 1. С. 118–119)
1) *СПб вестник (1779) (1)*; 2) Шаамирянц (1786) (1).

Болтина Евдокия Федоровна (Т. 1. С. 119)
1) ДРВ (1774) (1) — Москва; 2) Сумароков (1781–1782) (1); 3) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 4) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1); 5) Беседующий гражд. (1789) (1) — Москва; 6) Почта духов (1789) (1) — Москва; 7) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 8) Московский журнал (1791) (1); 9) Московский журнал (1792) (1); 10) Дело от безделья (1792) (1); 11) Рабенер (1792–1794) (1); 12) Нехачин. Словарь (1793) (1); 13) Пецпль (1793) (1); 14) Прохладные часы (1793) (1); 15) Жерар (1793–1796) (1); 16) Левшин. Домоводство (1795) (1); 17) Голицын (1798–1799) (1); 18) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1); 19) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (1); 20) Кёпке (1800) (1); 21) Фревиль (1800) (1).

Борисов-Румовский Александр Иванович (в монашестве — Антоний)

(Т. 1. С. 121–122)

1) СПб вестник (1779) (1); 2) Платон (1779–1780) (10) — Астрахань; 3) Эконом. магазин (1780) (1) — Астрахань; 4) Рубан (1783) (150).

Брайко Григорий Леонтьевич (Т. 1. С. 123–124)

1) СПб вестник (1778) (1); 2) Священная история (1778) (2).

Брянчанинов Афанасий Матвеевич (Т. 1. С. 126–127)

1) Зеркало света (1786–1787) (1) — Архангельск.

Булгаков Яков Иванович (Т. 1. С. 129–132)

1) ДРВ (1774) (1); 2) Утренний свет (1777–1778) (1); 3) Утренний свет (1778–1779) (1); 4) СПб вестник (1779) (1) — Москва; 5) Эконом. магазин (1780) (1); 6) Сумароков (1781–1782) (1); 7) Голицын (1798–1799) (1); 8) Фревиль (1800) (1).

Бухарский Андрей Иванович (Т. 1. С. 137)

1) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 2) Рейналь (1799) (1).

Быковский Иван (в монашестве — Иоиль) (Т. 1. С. 137–138)

1) Утренний свет (1777–1778) (3); 2) Платон (1779–1780) (1) — Ярославль; 3) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Ярославль.

Вельяминов Петр Лукич (Т. 1. С. 143–144)

1) Беседующий гражд. (1789) (1); 2) Московский журнал (1791) (1); 3) Зритель (1792) (1).

Веницеев Семен Никифорович (Т. 1. С. 147–148)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Калуга.

Веревкин Михаил Иванович (Т. 1. С. 148–150)

1) *Гёльтергоф. Целлариус (1771) (1).*

Верещагин Василий Иванович (в монашестве — Арсений) (Т. 1. С. 150–151)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Тверь; 3) Утренний свет (1779–1780) (1) — Тверь; 4) СПб вестник (1778) (1); 5) СПб вестник (1779) (1); 6) Платон (1779–1780) (10) — Тверь; 7) Рубан (1783) (200); 8) Дерем (1784) (2); 9) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Ярославль; 10) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 11) Московский журнал (1791) (1) — Ярославль.

Витовтов Александр Александрович (Т. 1. С. 158)

1) Новости (1799) (1).

Воейков Иван Григорьевич (в монашестве — Исаакий, Ювеналий или Иувеналий) (Т. 1. С. 164–165)

1) СПб вестник (1778) (1) — Вологда; 2) СПб вестник (1779) (1) — Вологда; 3) Дерем (1784) (1); 4) Штелин (1786) (1); 5) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 6) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Воейкова Екатерина Ивановна (Т. 1. С. 165–166)
1) Описание седьми (1798) (1).

Волков Авраам Степанович (Т. 1. С. 166–167)
1) Левшин. Домоводство (1795) (1).

Волков Александр Андреевич (Т. 1. С. 167–168)
1) Вторый Кандид (1774) (3); 2) Утренний свет (1777–1778) (1); 3) Утренний свет (1778–1779) (1); 4) Утренний свет (1779–1780) (1); 5) Священная история (1778) (1); 6) Шмид (1782) (1).

Вороблевский Василий Григорьевич (Т. 1. С. 175–176)
1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1).

Воронцов Александр Романович (Т. 1. С. 176–177)
1) ДРВ (1774) (1) — Москва; 2) Сельский житель (1778–1779) (1); 3) Эконом. магазин (1780) (1); 4) Шаамирянц (1786) (4); 5) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 6) Голиков. Доп. (1790–1797) (5); 7) Миллер (1790) (1); 8) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 9) Библиотека (1793–1794) (1) — Санкт-Петербург; 10) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 11) Нехачин. Новое ядро (1795) (1).

Воронцов Артемий Иванович (Т. 1. С. 178)
1) Московский журнал (1791) (1); 2) Московский журнал (1792) (1).

Вындомский (Вымдонский) Александр Максимович (Т. 1. С. 181)
1) Пиль (1789) (2); 2) Беседующий гражд. (1789) (1) — Псков.

Вырубов Павел Петрович (Т. 1. С. 182)
1) *Сушков (1792 (1)*; 2) *СПб Меркурий (1793–1794) (1) — Москва*.

Вяземский Василий Семенович (Т. 1. С. 183)
1) Зритель (1792) (1) — Ярославль.

Вязмитинов (Вязьмитинов) Сергей Кузьмич (Козмич) (Т. 1. С. 183–185)
1) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (1); 2) Сумароков (1781–1782) (1).

Гагарин Гавриил Петрович (Т. 1. С. 187–189)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) СПб вестник (1778) (1); 3) СПб вестник (1779) (1); 4) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1); 5) Арндт (1800–1801) (1).

Гагарин Павел Сергеевич (Т. 1. С. 192)
1) Беседующий гражд. (1789) (1) — Москва.

Гамалея Семен Иванович (Т. 1. С. 194–195)
1) СПб вестник (1779) (1); 2) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 3) Арндт (1800–1801) (1).

Голенищев-Кутузов Иван Логгинович (Т. 1. С. 200–203)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) Священная история (1778) (2).

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (Т. 1. С. 204–207)
1) Зритель (1792) (1).

Голиков Иван Иванович (Т. 1. С. 207–209)
1) Платон (1779–1780) (1); 2) Левшин. Домоводство (1795) (1); 3) Нехачин. Новое ядро (1795) (1); 4) Фревиль (1800) (1).

Голицын Алексей Иванович (Т. 1. С. 209–210)
1) Московский журнал (1791) (1); 2) Нехачин. Словарь (1793) (1).

Голицын Алексей Петрович (Т. 1. С. 210–211)
1) Лангер (1791–1792) (1).

Голицын Василий Дмитриевич (Т. 1. С. 213)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Нехачин. Новое ядро (1795) (1); 3) Нехачины. (1796–1797) (1); 4) Голицын (1798–1799) (1); 5) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1).

Голицын Сергей Иванович (Т. 1. С. 213–214)
1) Голицын (1798–1799) (1).

Голицын Федор Николаевич (Т. 1. С. 214–215)
1) Платон (1779–1780) (1); 2) Зеркало света (1786–1787) (1).

Голицына Варвара Васильевна (Т. 1. С. 215–216)
1) Московский журнал (1792) (1) — Тамбов; 2) Жерар (1793–1796) (1); 3) Дерев. зеркало (1798–1799) (1) — Москва.

Горчаков Дмитрий Петрович (Т. 1. С. 223–226)
1) СПб Меркурий (1793–1794) (1) — Кострома.

Грешищев Иван (Т. 1. С. 227–228)
[Грешищев Иоанн Яковлевич]
1) Дерем (1784) (1).

Грешищев Илья Яковлевич (Т. 1. С. 228)
1) Нехачин. Новое ядро (1795) (1).

Грибовский Андриан Моисеевич (Т. 1. С. 228–231)
1) Зритель (1792) (1); 2) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1).

Данилов Михаил Васильевич (Т. 1. С. 239–240)
1) Эконом. магазин (1780) (1).

Дараган Козьма Иванович (Т. 1. С. 242)
1) Пленк (1798) (1).

Дашкова Екатерина Романовна (Т. 1. С. 243–247)
1) Шаамирянц (1786) (1); 2) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 3) Журнал о земледелии (1799) (1) — Москва.

Дебольцов Илья Николаевич (Т. 1. С. 248)

1) Зеркало света (1786–1787) (1); 2) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 3) Дерев. зеркало (1798–1799) (1) — Воронеж.

Державин Гаврила Романович (Т. 1. С. 249–259)

1) Тредиаковский (1773) (1); 2) Утренний свет (1777–1778) (1); 3) СПб вестник (1778) (1); 4) СПб вестник (1779) (1); 5) Сумароков (1781–1782) (1); 6) Зеркало света (1786–1787) (1) — Тамбов; 7) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Тамбов; 8) Львов (1789) (6); 9) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 10) Зритель (1792) (1); 11) Сушков (1792) (1) — Санкт-Петербург; 12) Флориан (1793) (1); 13) Жерар (1793–1796) (1); 14) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 15) Муза (1796) (1); 16) Новости (1799) (1).

Десницкий Семен Ефимович (Т. 1. С. 260)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Москва; 2) Эконом. магазин (1780) (1).

Джунковский Василий Яковлевич (Т. 1. С. 261–262)

1) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1).

Джунковский Степан Семенович (Т. 1. С. 262–263)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Харьков.

Дивов Павел Гаврилович (Т. 1. С. 263–264)

1) Ле Пилёр д'Аплиньи (1787) (1).

Дмитревский Дмитрий Иванович (Т. 1. С. 264–266)

1) Арндт (1800–1801) (1).

Дмитревский Иван Афанасьевич (Т. 1. С. 266–268)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРИ (1773) (1); 3) Утренний свет (1778–1779) (1); 4) Утренний свет (1779–1780) (1) — Санкт-Петербург; 5) Шмид (1782) (1).

Дмитриев Александр Иванович (Т. 1. С. 268–269)

1) Сумароков (1781–1782) (1); 2) Зеркало света (1786–1787) (1); 3) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург.

Дмитриев Иван Иванович (Т. 1. С. 269–272)

1) Утренний свет (1778–1779) (1) — Сызрань; 2) Платон (1779–1780) (1); 3) Сумароков (1781–1782) (1); 4) Флориан (1793) (1); 5) Зеркало света (1786–1787) (1); 6) Зритель (1792) (1); 7) Муза (1796) (1); 8) Новости (1799) (1).

Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (Т. 1. С. 272–274)

1) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1) — Москва.

Долгоруков Иван Михайлович (Т. 1. С. 279–283)

1) Голицын (1798–1799) (1); 2) Фревиль (1800) (2).

Домашнев Сергей Герасимович (Т. 1. С. 283–287)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) СПб вестник (1778) (1); 4) СПб вестник (1779) (1).

Евреинов Николай Иванович (Т. 1. С. 291)

1) *Утренний свет (1777–1778) (1) — Москва*; 2) *Утренний свет (1778–1779) (1) — Москва*; 3) *Эконом. магазин (1780) (1) — Ливны*; 4) *Сумароков (1781–1782) (1)*; 5) *Штелин (1786) (1)*.

Екатерина II (Т. 1. С. 291–302)

1) Гёльтергоф. Целлариус (1771) (1) — Санкт-Петербург; 2) ДРВ (1773) (1); 3) ДРВ (1774) (1); 4) ДРВ (1775) (1); 5) ДРИ (1773) (10); 6) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (6); 7) История о невинном (1776) (1); 8) СПб вестник (1778) (1); 9) СПб вестник (1779) (1); 10) Зеркало света (1786–1787) (1).

Елагин Иван Перфильевич (Т. 1. С. 304–309)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Тредиаковский (1773) (3); 3) Сумароков (1781–1782) (1); 4) Шаамирянц (1786) (5); 5) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 6) Сушков (1792) (1) — Санкт-Петербург.

Енгалычев Парфений Николаевич (Т. 1. С. 310–311)

1) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 2) Левшин. Домоводство (1795) (1); 3) Нехачины. (1796–1797) (1) — Шацк.

Ершов Гавриил Петрович (Т. 1. С. 311)

1) Яценков (1790–1791) (1).

Жарков Николай Герасимович (Т. 1. С. 315)

1) Пиль (1789) (2).

Жуков Василий Михайлович (Т. 1. С. 316–317)

1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Арзамас; 2) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1) — Арзамас.

Жуков Михаил Михайлович (Т. 1. С. 317–318)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Смоленск; 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Смоленск; 3) СПб вестник (1778) (1) — Смоленск; 4) Утренние часы (1788–1790) (1); 5) Почта духов (1789) (1); 6) Ертов (1798–1800) (1).

Жуков Павел (Т. 1. С. 318)

[Жуков Павел Михайлович]

1) Дильтей Ч. 1. (1762) (1).

Жукова Анна Сергеевна (Т. 1. С. 318)

1) Дерев. зеркало (1798–1799) (1) — Арзамас.

Заболотский Иван (в монашестве — Иоасаф) (Т. 1. С. 320)

1) Шмид (1782) (1).

Завьялов Михаил Яковлевич (Т. 1. С. 323–324)
1) Шаамирянц (1786) (1); 2) Голиков. Деяния (1788–1789) (2).

Засецкий Алексей Александрович (Т. 1. С. 327–328)
1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Вологда; 2) Утренний свет (1779–1780) (1) — Вологда.

Захаров Иван Семенович (Т. 1. С. 328–331)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 4) Зритель (1792) (1); 5) СПб Меркурий (1793–1794) (1).

Захарьин Тимофей Тимофеевич (Т. 1. С. 334–335)
1) Флориан (1793) (1).

Зиновьев Василий Николаевич (Т. 1. С. 337)
1) *Утренний свет (1777–1778) (1)*; 2) *Утренний свет (1779–1780) (1)*; 3) *Сумароков (1781–1782) (1)*.

Зиновьев Дмитрий Николаевич (Т. 1. С. 337–338)
1) Почта духов (1789) (1) — Казань.

Зыбелин Алексей Герасимович (в монашестве — Антоний) (Т. 1. С. 345–346)
1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Нижний Новгород; 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Нижний Новгород; 3) Утренний свет (1779–1780) (10) — Нижний Новгород; 4) Платон (1779–1780) (1) — Нижний Новгород; 5) Эконом. магазин (1780) (1) — Нижний Новгород; 6) Сумароков (1781–1782) (1); 7) Мейер (1781) (1); 8) Рубан (1783) (200).

Икосов Павел Павлович (Т. 1. С. 352–353)
1) Беседующий гражд. (1789) (1).

Казаринов Николай (Т. 2. С. 11)
[Казаринов Николай Сергеевич]
1) *Голиков. Деяния (1788–1789) (1)*.

Карабанов Петр Матвеевич (Т. 2. С. 28–32)
1) Зеркало света (1786–1787) (1); 2) СПб Меркурий (1793–1794) (1).

Карамзин Николай Михайлович (Т. 2. С. 32–43)
1) Зритель (1792) (1); 2) СПб Меркурий (1793–1794) (1); Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Карманов Диомид Иванович (Т. 2. С. 52–54)
1) Утренний свет (1778–1779) (1) — Тверь.

Кашинцов Павел (Т. 2. С. 57)
[Кашинцов Павел Васильевич]
1) Флориан (1793) (3).

Киреевский Василий Иванович (Т. 2. С. 58–59)

1) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 2) Муза (1796) (1).

Кирияк Тимофей Прокофьевич (Т. 2. С. 59–60)

1) Зеркало света (1786–1787) (1).

Ключарев Федор Петрович (Т. 2. С. 67–70)

1) Штелин (1786) (1); 2) Московский журнал (1791) (1); 3) Московский журнал (1792) (1); 4) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 5) Арндт (1800–1801) (1).

Княжнин Яков Борисович (Т. 2. С. 70–81)

1) СПб вестник (1778) (1); СПб вестник (1779) (1).

Коваленский Михаил Иванович (Т. 2. С. 82–84)

1) Шмид (1782) (1).

Кованько Иван Афанасьевич (Т. 2. С. 84–86)

1) Дюпати (1800–1801) (1).

Козицкий Григорий Васильевич (Т. 2. С. 93–98)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРИ (1773) (1); 3) Тредиаковский (1773) (2); 4) ДРВ (1774) (1); 5) История о невинном (1776) (1).

Козодавлев Осип Петрович (Т. 2. С. 100–102)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1779–1780) (1) — Санкт-Петербург; 3) Зеркало света (1786–1787) (1); 4) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 5) Московский журнал (1792) (1) — Санкт-Петербург; 6) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1); 7) Новости (1799) (1).

Кокошкин Иван Алексеевич (Т. 2. С. 103–104)

1) Левшин. Домоводство (1795) (1).

Колоколов Федор (Т. 2. С. 105–106)

[Колоколов Федор Иванович]

1) Нехачины. (1796–1797) (1) — Тверь.

Колычев Евгений Александрович (Т. 2. С. 108–109)

[Колычев Евгений Алексеевич]

1) Муза (1796) (1) — Вологда.

(Поскольку Е. А. Колычев публиковал свои стихотворения в журнале «Муза», то речь, видимо, о нем. Возможно, в списке подписчиков или «Словаре» отчество указано ошибочно).

Колычев Василий Петрович (Т. 2. С. 109–110)

1) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1).

Комаров Матвей (Т. 2. С. 111–112)

1) Штелин (1786) (1).

Комиссаров Семен Иванович (Т. 2. С. 113–114)
1) Бёрни (1794–1804) (1).

Конисский Григорий (Георгий) Осипович (Т. 2. С. 118–120)
1) ДРИ (1773) (2); 2) История о невинном (1776) (1).

Костин Матвей Никитич (Т. 2. С. 131)
1) Зритель (1792) (1); 2) Муза (1796) (1).

Костров Ермил Иванович (Т. 2. С. 132–134)
1) Зеркало света (1786–1787) (1).

Крамаренков Василий Иванович (Т. 2. С. 140)
1) Тредиаковский (1773) (1); 2) Вторый Кандид (1774) (1); 3) Утренний свет (1779–1780) (1) — Санкт-Петербург; 4) Нехачин. Словарь (1793) (2) — Харьков.

Красильников Матвей Андреевич (Т. 2. С. 140–141)
1) ДРИ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); 3) История о невинном (1776) (1); 4) Сумароков (1781–1782) (1); 5) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 6) Левшин. Домоводство (1795) (1); 7) Левшин. Словарь (1795–1797) (2).
(В «Словаре» дата смерти не указана. Судя по спискам подписчиков, не ранее 1795 г.).

Краснопольский Иван (Т. 2. С. 141)
1) Шлецер (1789) (1); 2) Нехачины. (1796–1797) (1) — Тула.
(В первом случае отчество не указано, во втором — Романович).

Краснопольский Николай Степанович (Т. 2. С. 141–143)
1) Шлецер (1789) (1).

Кропотов Петр Андреевич (Т. 2. С. 155–156)
1) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1) — Рязань.

Крыжановский Захарий Антонович (Т. 2. С. 157)
[Крыжановский Захар Антонович]
1) Утренний свет (1777–1778) (1).

Кряжев Василий Степанович (Т. 2. С. 158–163)
1) Московский журнал (1791) (1); 2) Московский журнал (1792) (1); 3) Нехачин. Словарь (1793) (1).

Курбатов Петр Петрович (С. 170)
1) ДРВ (1773) (1).

Кутузов Алексей Михайлович (Т. 2. С. 174–177)
1) ДРВ (1773) (1); 2) СПб вестник (1778) (1); 3) Сельский житель (1778–1779) (1); 4) Сумароков (1781–1782) (1).

Лабзин Александр Федорович (Т. 2. С. 178–183)
1) Московский журнал (1791) (1); 2) Московский журнал (1792) (1).

Лагов Стефан (в монашестве — Симон) (Т. 2. С. 183)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Рязань; 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Рязань; 3) СПб вестник (1779) (1) — Москва; 4) Эконом. магазин (1780) (1) — Рязань; 5) Сумароков (1781–1782) (1); 6) Рубан (1783) (180); 7) Зеркало света (1786–1787) (1) — Рязанское наместничество; 8) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 9) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Лазаревич Василий Васильевич (Т. 2. С. 183–184)

1) Шмид (1782) (1); 2) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (1); 3) Дюпати (1800–1801) (1).

Лебедев Степан (Т. 2. С. 193–194)

[Лебедев Степан Яковлевич]

1) Тодорский (1800) (1).

Леванда Александр Иванович (Т. 2. С. 194)

1) Зритель (1792) (1).

Леванда Иван Васильевич (Т. 2. С. 194–195)

1) Зритель (1792) (1) — Киев; 2) СПб Меркурий (1793–1794) (1) — Киев.

Левашев Павел Артемьевич (Т. 2. С. 195–197)

1) Утренний свет (1777–1778) (1).

Левицкий Николай Евстафьевич (Т. 2. С. 197)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Ильинский. Ч. 1. (1790) (1).

Левшин Василий Алексеевич (Т. 2. С. 198–201)

1) Сумароков (1781–1782) (1); 2) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Белев.

Левшин Петр Георгиевич (в монашестве — Платон) (Т. 2. С. 201–204)

1) Дильтей Ч. 3. (1768) (6); 2) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (1); 3) ДРВ (1775) (1); 4) Утренний свет (1777–1778) (1); 5) СПб вестник (1778) (1); 6) Платон (1779–1780) (2); 7) Эконом. магазин (1780) (1); 8) Сумароков (1781–1782) (1); 9) Рубан (1783) (100).

Леонтьев Николай Васильевич (Т. 2. С. 205–207)

1) Зеркало света (1786–1787) (1); 2) Пиль (1789) (1).

Лихачев Александр Логгинович (Т. 2. С. 209–211)

1) ДРВ (1773) (1) — Москва; 2) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Казань; 3) Решетников (1791) (1); 4) Московский журнал (1791) (1) — Казань; 5) Московский журнал (1792) (1) — Казань; 6) Арндт (1800–1801) (1).

Лобысевич Афанасий Кириллович (Т. 2. С. 212)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Почеп.

Лопухин Иван Владимирович (Т. 2. С. 229–235)

1) Сумароков (1781–1782) (1); 2) Голиков. Деяния (1788–1789) (3); 3) Почта духов (1789) (1) — Москва; 4) Московский журнал (1791) (1);

5) Московский журнал (1792) (1); 6) Кёпке (1800) (1); 7) Арндт (1800–1801) (10).

Лукин Владимир Игнатьевич (Т. 2. С. 236–240)
1) Шаамирянц (1786) (2).

Львов Николай Александрович (Т. 2. С. 242–249)
1) Пиль (1789) (17); 2) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 3) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 4) Муза (1796) (1).

Майков Василий Иванович (Т. 2. С. 258–261)
1) ДРВ (1773) (1); 2) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (1); 3) Утренний свет (1777–1778) (1).

Макаров Петр Иванович (Т. 2. С. 263–265)
1) Зритель (1792) (1).

Малиновский Алексей Федорович (Т. 2. С. 267–271)
1) Московский журнал (1791) (1); 2) Московский журнал (1792) (1); 3) Лангер (1791–1792) (1).

Мартынов Иван Иванович (Т. 2. С. 273–276)
1) СПб Меркурий (1793–1794) (2).

Матинский Михаил Алексеевич (Т. 2. С. 276–278)
1) Скуфос (1798) (1).

Мейер Андрей Казимирович (Т. 2. С. 279–280)
1) СПб вестник (1779) (1) — Москва.

Метальников Иван Яковлевич (Т. 2. С. 285–286)
1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1).

Миллер Федор Иванович (Т. 2. С. 288–291)
1) Дильтей Ч. 3. (1768) (3); 2) ДРИ (1773) (1); 3) СПб вестник (1778) (1) — Москва; 4) СПб вестник (1779) (1) — Москва.

Мислављский Симеон Григорьевич (в монашестве — Самуил) (Т. 2. С. 291–292)
1) ДРВ (1773) (2) — Москва; 2) ДРИ (1773) (3); 3) ДРВ (1774) (2); 4) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (1) — Москва; 5) Утренний свет (1777–1778) (10) — Ростов; 6) Утренний свет (1778–1779) (10) — Москва; 7) Утренний свет (1779–1780) (7); 8) СПб вестник (1778) (1); 9) СПб вестник (1779) (1); 10) Рубан (1783) (250); 11) Штелин (1786) (1).

Митрофанов С. М. (Т. 2. С. 292–293)
[Митрофанов Сергей Михайлович, московский купец]
1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1).

Михайлов Иван (Т. 2. С. 293–294)
[Михайлов Иван Михайлович]
1) Тодорский (1798)(1); 2) Тодорский (1800) (1).

Можайский Тимофей Иванович (Т. 2. С. 295–296)

1) Беседующий гражд. (1789) (1); 2) Флориан (1793) (1).

Морков Иван Алексеевич (Т. 2. С. 299)

1) Муза (1796) (1).

Москотильников Савва Андреевич (Т. 2. С. 301–303)

[Москатинников Савва Андреевич]

1) Арндт (1800–1801) (1).

Мотонис Николай Николаевич (Т. 2. С. 303–304)

1) ДРВ (1773) (1).

Мусин-Пушкин Алексей Иванович (Т. 2. С. 315–316)

1) Священная история (1778) (1); 2) СПб вестник (1778) (1); 3) СПб вестник (1779) (1); 4) Шаамирянц (1786) (2); 5) Пиль (1789) (5); 6) Миллер (1790) (1); 7) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 8) Зритель (1792) (1); 9) Нехачин. Новое ядро (1795) (1); 10) Муза (1796) (1); 11) Журнал о земледелии (1799) (1) — Москва.

Набережнин Иван Андреевич (Т. 2. С. 317)

1) Библиотека (1793–1794) (1).

Нартов Андрей Андреевич (Т. 2. С. 321–326)

1) Тредиаковский (1773) (1); 2) Утренний свет (1777–1778) (1); 3) Утренний свет (1778–1779) (1); СПб вестник (1778) (1).

Нарцискин Яков Федорович (Т. 2. С. 327)

1) Шмид (1782) (1).

Нарышкин Алексей Васильевич (Т. 2. С. 327–330)

1) Сумароков (1781–1782) (1); 2) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Нарышкин Семен Васильевич (Т. 2. С. 330–332)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Тредиаковский (1773) (3).

Невзоров Максим Иванович (Т. 2. С. 336–340)

1) Арндт (1800–1801) (1).

Нейман Карл Иванович (Т. 2. С. 340–341)

1) Зеркало света (1786–1787) (1); 2) Шлецер (1789) (1); 3) Лангер (1791–1792) (1); 4) Библиотека (1793–1794) (1) — Нижний Новгород; 5) Левшин. Домоводство (1795) (1); 6) Нехачины (1796–1797) (1) — Нижний Новгород.

Некрасов Иван (Т. 2. С. 341)

[Некрасов Иван Матвеевич]

1) Дерем (1784) (1) — Коломна.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (Т. 2. С. 341–345)

1) Сумароков (1781–1782) (1); 2) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 3) Московский журнал (1791) (1); 4) Московский журнал (1792) (1); 5) Зритель (1792) (1) — Москва.

Нехачин Дмитрий Васильевич (Т. 2. С. 345–347)

1) Нехачин. Словарь (1793) (3); 2) Нехачин. Новое ядро (1795) (1); 3) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1); 4) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (1); 5) Кёпке (1800) (1); 6) Тодорский (1800) (1).

Нехачин Иван Васильевич (Т. 2. С. 345–347)

1) Дело от безделья (1792) (1); 2) Левшин. Домоводство (1795) (3); 3) Муза (1796) (1) — Москва; 4) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1); 5) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (5); 6) Тодорский (1800) (1).

Нечаев Петр Осипович (Т. 2. С. 347–348)

1) Вторый Кандид (1774) (1); 2) Утренний свет (1777–1778) (1).

Николев Николай Петрович (Т. 2. С. 350–356)

1) СПб Меркурий (1793–1794) (1).

Новиков Василий Васильевич (Т. 2. С. 358–359)

1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Козельск; 2) Московский журнал (1791) (1) — Козельск; 3) Московский журнал (1792) (1) — Козельск; 4) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Новиков Иван Яковлевич (Т. 2. С. 361–363)

1) Нехачины. (1796–1797) (100).

Новиков Николай Иванович (Т. 2. С. 363–376)

1) Сельский житель (1778–1779) (1); 2) Войтяховский. Т. 1–3. (1787) (1); 3) Беседующий гражд. (1789) (1) — Москва; 4) Почта духов (1789) (1) — Москва; 5) Московский журнал (1791) (1); 6) Московский журнал (1792) (1); 7) Скуфос (1798) (1); 8) Арндт (1800–1801) (2).

Озеров Петр Александрович (Т. 2. С. 379–380)

1) Зритель (1792) (1).

Окунев Александр Гаврилович (Т. 2. С. 381–382)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Вторый Кандид (1774) (3); Утренний свет (1777–1778) (1).

Олешев Алексей Васильевич (Т. 2. С. 382)

[Олишев Алексей Васильевич]

1) Эконом. магазин (1780) (1) — Вологда.

Олсуфьев Адам Васильевич (Т. 2. С. 383–387)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); Сумароков (1781–1782) (1).

Орлов Александр Петрович (Т. 2. С. 387–388)

1) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1); 2) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (1); Фревиль (1800) (1).

Остервальд Тимофей Иванович (Т. 2. С. 392–393)

1) Шаамирянц (1786) (1).

Панаев Иван Иванович (Т. 2. С. 406–407)

1) Миллер (1790) (1) — Пермь; 2) Московский журнал (1791) (1) — Пермь; 3) Московский журнал (1792) (1) — Пермь; 4) Жерар (1793–1796) (2).

Панин Никита Иванович (Т. 2. С. 407–411)

1) Сумароков (1781–1782) (1).

Пастухов Петр Иванович (Т. 2. С. 413)

1) СПб вестник (1778) (1); 2) СПб вестник (1779) (1); 3) Пиль (1789) (1).

Пахомов Матвей Сергеевич (Т. 2. С. 415–416)

[Пахомов, регистратор]

1) Утренний свет (1777–1778) (1).

Перепечин Николай Иванович (Т. 2. С. 419)

1) Платон (1779–1780) (1); 2) Пиль (1789) (1); 3) Муза (1796) (1).

Перфильев Степан Васильевич (Т. 2. С. 420–421)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) Утренний свет (1779–1780) (1) — Санкт-Петербург; 4) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Чухлома; 5) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1) — Чухлома.

Петров Василий Петрович (Т. 2. С. 425–429)

1) Муза (1796) (1) — Елец.

Петров Петр (в монашестве — Гавриил) (Т. 2. С. 430–433)

1) Дильтей Ч. 3. (1768) (1) — Тверь; 2) Тредиаковский (1773) (10); 3) Дю Гальд. Ч. 1. (1774) (1); 4) Священная история (1778) (6); 5) Платон (1779–1780) (4); 6) Рубан (1783) (350); 7) Шаамирянц (1786) (2); 8) Пиль (1789) (1).

Печерин Федор Пантелеймонович (Т. 2. С. 435–436)

[Печерин Федор Пантелеевич]

1) *Лангер (1791–1792) (1)*; 2) *Московский журнал (1791) (1)*.

Писарев Александр Иевлевич (Т. 2. С 436–437)

1) Левшин. Домоводство (1795) (1).

Плещеев Сергей Иванович (Т. 2. С. 441–444)

1) Зеркало света (1786–1787) (1); 2) Беседующий гражд. (1789) (1); 3) Флориан (1793) (1); 4) Жерар (1793–1796) (1); 5) Основательные правила (1799) (20).

Победоносцев Петр Васильевич (Т. 2. С. 447–448)

1) Дело от безделья (1792) (1); 2) Московский журнал (1792) (1).

Подобедов Андрей Иванович (в монашестве — Амвросий) (Т. 2. С. 448–450)

1) Платон (1779–1780) (2) — Севск; 2) Рубан (1783) (100); 3) Голиков. Деяния (1788–1789) (1) — Казань; 4) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 5) Жерар (1793–1796) (1); 6) Арндт (1800–1801) (1).

Подшивалов Василий Сергеевич (Т. 2. С. 450–455)

1) Московский журнал (1792) (1).

Полетика Григорий Андреевич (Т. 2. С. 457–459)

1) Утренний свет (1777–1778) (1).

Политковский Гаврила Герасимович (Т. 2. С. 460–461)

1) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 2) Московский журнал (1792) (1) — Санкт-Петербург; 3) Рейналь (1799) (2).

Полонский Павел Александрович (Т. 2. С. 462)

[Полонский П. А.]

1) Рейналь (1799) (1).

Полонский Панкратий (Панкрат) Яковлевич (Т. 2. С. 462–463)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Тредиаковский (1773) (1); 3) Вторый Кандид (1774) (1).

Поморцев Петр (Т. 2. С. 464)

[Поморцев Петр Яковлевич]

1) Муза (1796) (1).

Пономарев Петр Николаевич (в монашестве — Павел) (Т. 2. С. 464–466)

1) Платон (1779–1780) (1); 2) Штелин (1786) (1); 3) Лангер (1791–1792) (1); 4) Московский журнал (1792) (1); 5) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Попов Василий Степанович (Т. 2. С. 467)

1) Шмид (1782) (2); 2) Новости (1799) (1).

Попов Иван Васильевич (Т. 2. С. 467–469)

1) Левшин. Домоводство (1795) (1); 2) Нехачины. (1796–1797) (5); 3) Барсов (1797) (1).

Попов Михаил Иванович (Т. 2. С. 469–472)

1) Утренний свет (1777–1778) (1).

Поспелов Федор Тимофеевич (Т. 2. С. 482–483)

1) Флориан (1793) (1).

Потемкин Павел Сергеевич (Т. 2. С. 484–486)

1) ДРВ (1773) (2); 2) Утренний свет (1777–1778) (1).

Приклонский Василий Андреевич (Т. 2. С. 486–487)

1) Платон (1779–1780) (1) — Тверь; 2) Зеркало света (1786–1787) (1) — Новгород.

Приклонский Иван Васильевич (Т. 2. С. 487–488)

1) Дильтей Ч. 2. (1763) (1); 2) Дильтей Ч. 3. (1768) (1).

Протасов Александр Яковлевич (Т. 2. С. 499)

1) Зеркало света (1786–1787) (1); 2) Сушков (1792) (1) — Санкт-Петербург.

Протопопов Андрей Федотович (Т. 2. С. 500)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Нижний Новгород; 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Нижний Новгород.

Пырский Иван Прохорович (Т. 2. С. 507–508)

1) Вторый Кандид (1774) (1).

Радищев Александр Николаевич (Т. 3. С. 16–29)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРИ (1773) (1); 3) Утренние часы (1788–1790) (1).

Рахманинов Иван Герасимович (Т. 3. С. 33–36)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Москва; 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Москва; 3) Сельский житель (1778–1779) (1); 4) Решетников (1791) (1); 5) Дело от безделья (1792) (1) — Козлов; 6) Зритель (1792) (1) — Козлов; 7) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1); 8) Жерар (1793–1796) (1); 9) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1) — Козлов; 10) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (1).

Ржевский Алексей Андреевич (Т. 3. С. 42–48)

1) ДРВ (1773) (2); 2) ДРВ (1774) (1); 3) ДРВ (1775) (2); 4) Утренний свет (1777–1778) (1); 5) Утренний свет (1778–1779) (1); 6) СПб вестник (1778) (1); 7) СПб вестник (1779) (1); 8) Сумароков (1781–1782) (1); 9) Мейер (1781) (1); 10) Новости (1799) (1).

Рижский Иван Степанович (Т. 3. С. 48–50)

1) Шурер (1800) (3).

Рознотовский Андрей Васильевич (Т. 3. С. 58–59)

1) Левшин. Домоводство (1795) (1) — Ефремов; 2) Левшин. Словарь (1795–1797) (1) — Ефремов.

Рубан Василий Григорьевич (Т. 3. С. 68–72)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Шмид (1782) (33); 3) Зеркало света (1786–1787) (1); 4) Ал Коран (1792) (1); 5) Московский журнал (1792) (1) — Санкт-Петербург.

Румянцев Сергей Петрович (Т. 3. С. 73–75)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) СПб вестник (1779) (1); 3) Журнал о земледелии (1799) (4).

Рыкачев Дмитрий Маркович (Т. 3. С. 78)

1) Сумароков (1781–1782) (1).

Савелов Николай (Т. 3. С. 84–85)

[Савелов Николай Петрович]

1) *Модное ежемесяч. изд. (1779) (1)*; 2) Сумароков (1781–1782) (1); 3) Решетников (1791) (1); 4) *Ах! Как (1793) (1)*.

Салтыков Сергей Владимирович (Т. 3. С. 86–87)

1) Сельский житель (1778–1779) (1); 2) Эконом. магазин (1780) (1); 3) Голицын (1798–1799) (1).

Свистунов Петр Семенович (Т 3. С. 101–103)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); 3) ДРВ (1775) (1); 4) ДРИ (1773) (1); 5) История о невинном (1776) (1); 6) Утренний свет (1777–1778) (1); 7) Сельский житель (1778–1779) (1) — Белгород; 8) СПб вестник (1778) (1) — Белгород; 9) Эконом. магазин (1780) (1) — Курск; 10) Утренние часы (1788–1790) (1); 11) Беседующий гражд. (1789) (1); 12) Почта духов (1789) (1); 13) Пиль (1789) (1); 14) Миллер (1790) (1); 15) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1); 16) СПб Меркурий (1793–1794) (1); 17) Левшин. Домоводство (1795) (1); 18) Нехачин. Новое ядро (1795) (1); 19) Дерев. зеркало (1798–1799) (1); 20) Новости (1799) (1).

Семенов-Руднев (в монашестве — Дамаскин) Дмитрий Семенович (Т. 3. С. 110–115)

1) СПб вестник (1778) (1); 2) Шмид (1782) (1); 3) Рубан (1783) (800); 4) Дерем (1784) (1); 5) Зеркало света (1786–1787) (1) — Нижний Новгород; 6) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 7) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1); 8) Беседующий гражд. (1789) (1); 9) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 10) Московский журнал (1792) (1).

Семичев Александр Дмитриевич (Т. 3. С. 115–116)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) Эконом. магазин (1780) (1) — Кострома; 4) Сумароков (1781–1782) (1); 5) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1).

Серебренников (Серебряков) Авраам Никитич (в монашестве — Амвросий) (Т. 3. С. 116–118)

1) Голиков. Деяния (1788–1789) (1).

Сичкарев Лука Иванович (Т. 3. С. 128–130)

1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) СПб вестник (1778) (1); 3) СПб вестник (1779) (1); 4) Шмид (1782) (1); 5) Скуфос (1798) (1).

Словцов (Слопцов) Петр Андреевич (Т. 3. С. 131–138)

1) Муза (1796) (1); 2) Шурер (1800) (1).

Смирнов Николай Семенович (Т. 3. С. 139–140)
1) Платон (1779–1780) (2).
(Его отец отвечал за распространение издания)

Снятиновский Василий (Т. 3. С. 140–141)
[Снятиновский Василий Иванович]
1) Московский журнал (1791) (1).

Собакин Михаил Григорьевич (Т. 3. С. 141–142)
1) Гёльтергоф. Целлариус (1771) (1).

Соколов Иван Яковлевич (Т. 3. С. 145–146)
1) *Утренний свет (1777–1778) (1)*; 2) *СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1)*.

Соколов Петр Иванович (Т. 3. С. 147–150)
1) Скуфос (1798) (1).

Соколов Платон Аполлонович (Т. 3. С. 151–152)
1) Дюпати (1800–1801) (1).

Софонович Иван Федорович (Т. 3. С. 158–159)
1) Беседующий гражд. (1789) (1).

Спешницкий Семен Иванович (Т. 3. С. 162)
1) Беседующий гражд. (1789) (1) — Кронштадт; 2) Пиль (1789) (1).

Спиридов Матвей Григорьевич (Т. 3. С. 161–163)
1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРВ (1775) (1); 3) ДРИ (1773) (1); 4) Вторый Кандид (1774) (5); 5) История о невинном (1776) (1); 6) СПб вестник (1778) (1); 7) СПб вестник (1779) (1) — Москва; 8) Эконом. магазин (1780) (1); 9) Сумароков (1781–1782) (1); 10) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 11) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1); 12) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 13) Нехачин. Новое ядро (1795) (1); 14) Нехачины. (1796–1797) (1); 15) Тодорский (1798) (3).

Срезневский Иван Евсеевич (Т. 3. С. 163–165)
1) Фревиль (1800) (1).

Степанов Иван Петрович (Т. 3. С. 165–166)
1) Беседующий гражд. (1789) (1); 2) Шлецер (1789) (1).

Страхов Петр Иванович (Т. 3. С. 169–172)
1) Арндт (1800–1801) (1).

Строганов Александр Сергеевич (Т. 3. С. 173–176)
1) Сумароков (1781–1782) (1); 2) Шаамирянц (1786) (10); 3) Пиль (1789) (10); 4) Журнал о земледелии (1799) (3) + (1) — Пермь (для вотчины).

Струйский Николай Еремеевич (Т. 3. С. 176–179)
1) Утренний свет (1779–1780) (1).

Судовщиков Николай Родионович (Т. 3. С. 181–183)
1) Флориан (1793)(1); 2) Ертов (1798–1800) (1).

Сушков Михаил Васильевич (Т. 3. С. 208–209)
1) Дело от безделья (1792) (1).

Татаринов Александр Ильич (Т. 3. С. 215)
1) Московский журнал (1792) (1).

Татищев Иван Иванович (Т. 3. С. 221–222)
1) Муза (1796) (1).

Тейльс Антон Антонович (Т. 3. С. 223–224)
1) Утренний свет (1778–1779) (1) — Москва; 2) Штелин (1786) (1); 3) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 4) Яценков (1790–1791) (3).

Теплов Григорий Николаевич (Т. 3. С. 230–235)
1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); 3) Тредиаковский (1773) (3).

Терликов Петр Петрович (Т. 3. С. 236–237)
1) Утренний свет (1778–1779) (1) — Тверь; 2) Тодорский (1798) (1).

Тимковский Илья Федорович (Т. 3. С. 239–241)
1) Новости (1799) (1).

Тимченко Павел Иванович (Т. 3. С. 242)
1) Утренний свет (1779–1780) (1) — Тула; 2) Сумароков (1781–1782) (1).

Тодорский Дмитрий (в монашестве — Арсений) (Т. 3. С. 247–248)
1) Утренний свет (1777–1778) (2) — Коломна; 2) СПб вестник (1778) (1); 3) Утренний свет (1778–1779 (2) — Коломна; 4) Дерем (1784) (1).

Тодорский Иван Степанович (Т. 3. С. 248)
1) Платон (1779–1780) (1) — Орел; 2) *Нехачины (1796–1797) (1) — Смоленск.*

Трубецкая Варвара Александровна (С. 272–273)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); 2) Утренний свет (1778–1779) (1); 3) Утренний свет (1779–1780) (1); 4) Московский журнал (1792) (1).

Трубецкой Николай Никитич (Т. 3. С. 273–276)
1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРИ (1773) (1); 3) Тредиаковский (1773) (5); 4) Вторый Кандид (1774) (11); 5) История о невинном (1776) (1); 6) Утренний свет (1777–1778) (1); 7) Сумароков (1781–1782) (1); 8) Почта духов (1789) (1) — Москва.

Трубецкой Петр Никитич (Т. 3. С. 276–277)
1) ДРИ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); 3) Тредиаковский (1773) (6); 4) История о невинном (1776) (1); 5) Утренний свет (1777–1778) (1);

6) Утренний свет (1778–1779) (1); 7) Утренний свет (1779–1780) (1) — Санкт-Петербург; 8) Сельский житель (1778–1779) (1); 9) Модное ежемесяч. изд. (1779) (1) — Санкт-Петербург; 10) Эконом. магазин (1780) (1); 11) Сумароков (1781–1782) (1); 12) Мейер (1781) (1); 13) Шмид (1782) (1); 14) Зеркало света (1786–1787) (1); 15) Шаамирянц (1786) (1); 16) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 17) Еженед. изв. (1788–1789) (1); 18) Утренние часы (1788–1790) (1); 19) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1) — Санкт-Петербург; 20) Беседующий гражд. (1789) (1); 21) Миллер (1790) (1); 22) Яценков (1790–1791) (1); 23) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 24) Московский журнал (1791) (1) — Санкт-Петербург; 25) Решетников (1791) (1).

Туманский Иван Григорьевич (Т. 3. С. 279–280)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Тредиаковский (1773) (2); 3) Вторый Кандид (1774) (1).

Туманский Федор Осипович (Т. 3. С. 280–286)

1) Беседующий гражд. (1789) (1); 2) Московский журнал (1791) (1); 3) Московский журнал (1792) (1).

Тургенев Иван Петрович (Т. 3. С. 286–292)

1) Вторый Кандид (1774) (2); 2) Утренний свет (1777–1778) (1); 3) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 4) Лангер (1791–1792) (1); 5) Московский журнал (1791) (1); 6) Кёпке (1800) (1); 7) Арндт (1800–1801) (5).

Тургенев Петр Петрович (Т. 3. С. 292–293)

1) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1) — Буинск; 2) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 3) Арндт (1800–1801) (1).

Турковский Петр Емельянович (Т. 3. С. 293)

1) Ильинский. Ч. 1. (1790) (1); 2) Ильинский. Ч. 2. (1791) (1).

Урусов Сергей Юрьевич (Т. 3. С. 296)

1) Сушков (1792) (1) — Санкт-Петербург; 2) Муза (1796) (1); 3) Рейналь (1799) (1).

Урусова Екатерина Сергеевна (Т. 3. С. 296–299)

1) Утренний свет (1777–1778) (2); 2) Утренний свет (1778–1779) (1) — Москва; 3) Сумароков (1781–1782) (1); Львов (1789) (1).

Фармаковский Иероним (Т. 3. С. 302)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Владимир; 2) СПб вестник (1778) (1); 3) Утренний свет (1779–1780) (2) — Владимир.

Фонвизин Денис Иванович (Т. 3. С. 305–319)

1) СПб вестник (1779) (1).

Фонвизин Павел Иванович (Т. 3. С. 319–323)

1) Утренний свет (1777–1778) (1) — Москва.

Харламов Евстигней Саввич (Т. 3. С. 329–331)

1) Священная история (1778) (1) — Новгород; 2) СПб вестник (1778) (1); 3) СПб вестник (1779) (1) — Новгород.

Хвостов Александр Семенович (Т. 3. С. 331–335)

1) Утренний свет (1777–1778) (2).

Херасков Михаил Матвеевич (Т. 3. С. 344–361)

1) ДРВ (1773) (1); 2) ДРВ (1774) (1); 3) ДРИ (1773) (1); 4) Тредиаковский (1773) (2); 5) История о невинном (1776) (1); 6) Сельский житель (1778–1779) (1); 7) Львов (1789) (1); 8) Дюпати (1800–1801) (1); 9) Кёпке (1800) (1).

Хераскова Елизавета Васильевна (Т. 3. С. 362–363)

1) Дильтей Ч. 2. (1763) (1); 2) Тредиаковский (1773) (1); 3) Утренний свет (1777–1778) (2); 4) Утренний свет (1778–1779) (1); 5) Утренний свет (1779–1780) (1); 6) Сумароков (1781–1782) (1).

Хмельницкий Иван Парфентьевич (Т. 3. С. 364–365)

1) Флориан (1793) (1).

Храповицкий Александр Васильевич (Т. 3. С. 370–373)

1) ДРВ (1773) (1); 2) Вторый Кандид (1774) (5); 3) СПб вестник (1778) (1); 4) СПб вестник (1779) (1); 5) Шаамирянц (1786) (1); 6) Львов (1789) (1); 7) Новости (1799) (1).

Храповицкий Михаил Васильевич (Т. 3. С. 373–375)

1) Сушков (1792) (1) — Вышний Волочек.

Цветаев Лев Алексеевич (Т. 3. С. 378–380)

1) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1).

Цицианов Дмитрий Павлович (Т. 3. С. 386–387)

1) Дильтей Ч. 1. (1762) (1).

Чашников Иван Александрович (Т. 3. С. 390–391)

1) Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) (1).

Чеботарев Харитон Андреевич (Т. 3. С. 391–395)

1) Платон (1779–1780) (1); 2) Лангер (1791–1792) (1); 3) Арндт (1800–1801) (1).

Чекалевский Петр Петрович (Т. 3. С. 395–397)

1) Муза (1796) (1).

Челищев Петр Иванович (Т. 3. С. 397–401)

1) Зритель (1792) (1).

Черкасов Иван Иванович (Т. 3. С. 401–402)

1) Шаамирянц (1786) (2); 2) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Черников Василий Михайлович (Т. 3. С. 402–403)
1) Утренний свет (1777–1778) (1); Утренний свет (1778–1779) (1).

Чернявский Осип (Т. 3. С. 403–404)
[Чернявской Осип Федорович]
1) Голиков. Доп. (1790–1797) (1); 2) Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) (1).

Чертков Василий Алексеевич (Т. 3. С. 404–405)
1) Зеркало света (1786–1787) (1) — Воронеж; 2) Почта духов (1789) (1) — Москва; 3) Голиков. Доп. (1790–1797) (1).

Шувалов Андрей Петрович (Т. 3. С. 426–428)
1) Шаамирянц (1786) (6); 2) Пиль (1789) (5).

Шувалов Иван Иванович (Т. 3. С. 428–430)
1) СПб вестник (1778) (1); 2) СПб вестник (1779) (1); 3) Платон (1779–1780) (2); 4) Сумароков (1781–1782) (1); 5) Шаамирянц (1786) (2); 6) Зеркало света (1786–1787) (1); 7) Голиков. Деяния (1788–1789) (4); 8) ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) (1); 9) Беседующий гражд. (1789) (1); 10) Зритель (1792) (1); 11) СПб врачебные ведомости (1792–1793) (1); 12) Левшин. Домоводство (1795) (1).

Шурлин Алексей (Т. 3. С. 431)
[Шурлин Алексей Иванович]
1) Флориан (1793) (1).

Щербатов Михаил Михайлович (Т. 3. С. 436–441)
1) Тредиаковский (1773) (10); 2) ДРВ (1774) (1); 3) Платон (1779–1780) (1); 4) Сумароков (1781–1782) (1); 5) Голиков. Деяния (1788–1789) (1); 6) Еженед. изв. (1788–1789) (2).

Список сокращений

Ал Коран (1792) — Ал Коран Магомедов ... Иждивением Василья Сопикова. Ч. 1–2. СПб., при Имп. Акад. наук, 1792.

Арндт (1800–1801) — Арндт И. О истинном християнстве шесть книг. Ч. 1–5. М., Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800–1801.

Ах! Как (1793) — Ах! Как вы глупы господа французы! М., тип. А. Решетникова, 1793.

Барсов (1797) — Барсов А. Д. Новая алгебра, содержащая в себе не только простую аналитику; но также дифференциальное, интегральное и вариационное исчисление. Иждивением бухгалтера И. Новикова. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797.

Бёрни (1794–1804) — Бёрни Ф. Цецилия, или Приключении наследницы. Сочинение миссы Бюрней. Ч. 1–10. М., тип. И. Зеленникова, Ч. 3–10 в Унив. тип. у Любия, Гария и Попова, 1794–1804.

Беседующий гражд. (1789) — Беседующий гражданин, ежемесячное издание. Ч. 1–3. СПб., тип. И. Г. Рахманинова, тип. Гека, 1789.

Библиотека (1793–1794) — Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная. Ч. 1–12. Тобольск, тип. В. Корнильева, 1793–1794.

Войтяховский. Т. 1–3. (1787) — *Войтяховский Е. Д.* Теоретический и практический курс чистой математики. Т. 1–3. М., тип. Хр. Клаудия, 1787.

Вторый Кандид (1774) — Вторый Кандид, уроженец китайской, или Друг истинны, южная повесть. СПб., тип. Морск. кад. корпуса, 1774.

Гёльтергоф. Целлариус (1771) — *Гёльтергоф Ф.* Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон. М., печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771.

Голиков. Деяния (1788–1789) — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великаго. Ч. 1–12. М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1788–1789.

Голиков. Доп. (1790–1797) — *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 1–18. М., Унив. тип., у В. Окорокова, 1790–1797.

Голицын (1798–1799) — *Голицын А. И.* Сочинения и переводы. Т. 1–3. М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798–1799.

Дело от безделья (1792) — Дело от безделья, или Приятная забава. Ч. 1–4. М., тип. А. Решетникова, 1792.

Дерев. зеркало (1798–1799) — Деревенское зеркало, или Общенародная книга. Ч. 1–3. СПб., тип. Губ. правления, 1798–1799.

Дерем (1784) — *Дерем У.* Естественная богословия, или Доказательство бытия и свойств божиих. С французского на российской язык переведено и издано трудами Михайла Завьялова. Ч. 1–2. М., тип. И. Лопухина, 1784.

Дильтей Ч. 1. (1762) — *Дильтей Ф. Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 1. М., тип. Моск. имп. ун-та, 1762.

Дильтей Ч. 2. (1763) — *Дильтей Ф. Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 2. М., тип. Моск. имп. ун-та, 1763.

Дильтей Ч. 3. (1768) — *Дильтей Ф. Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства. Ч. 3. М., тип. Моск. имп. ун-та, 1768.

ДРВ (1773) — Древняя российская вивлиофика. СПб., тип. Акад. наук, 1773.

ДРВ (1774) — Древняя российская вивлиофика. СПб., тип. Акад. наук, 1774.

ДРВ (1775) — Древняя российская вивлиофика. СПб., тип. Акад. наук, 1775.

ДРВ. 2-е изд. (1788–1791) — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. 1–20. М., тип. Комп. типографич., 1788–1791.

ДРИ (1773) — Древняя российская идрография. СПб., тип. Акад. наук, 1773.

Дю Гальд. Ч. 1. (1774) — *Дю Гальд Ж. Б.* Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайския империи и Татарии Китайския. Ч. 1–2. СПб., тип. Имп. Сухопутн. шляхетн. кад. корпуса, 1774–1777.

Дюкре-Дюминиль. Вечерние беседы (1798–1799) — *Дюкре-Дюминиль Ф. Г.* Вечерние беседы в хижине, или Наставления престарелого отца. Ч. 1–4. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798–1799.

Дюкре-Дюминиль. Виктор (1799–1800) — Дюкре-Дюминиль Ф. Г. Виктор, или Дитя в лесу. Ч. 1–4. М., Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1799–1800.

Дюпати (1800–1801) — Дюпати Ш. М. Путешествие г. Дю Пати в Италию в 1785 году. Ч. 1–2. СПб., Имп. тип., 1800–1801.

Еженед. изв. (1788–1789) — Еженедельные известия Вольного экономического общества. № 1–52. СПб., тип. Горного училища, 1788–1789.

Ертов (1798–1800) — Ертов И. Д. Начертание естественных законов, происхождения вселенной. Т. 1–2. СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1798–1800.

Жерар (1793–1796) — Жерар Ф. Л. Граф Вальмонт, или Заблуждения разсудка. Ч. 1–7. Тамбов, Вольная тип. Нилова, 1793–1796.

Журнал о земледелии (1799) — Журнал о земледелии, для Всероссийской империи. № 1–12. СПб., тип. Имп. Шляхетн. сухопутн. кад. корпуса, 1799.

Зеркало света (1786–1787) — Зеркало света, еженедельное издание 1786–1787. Ч. 1–6. СПб., тип. Шнора, 1786–1787.

Зритель (1792) — Зритель, ежемесячное издание 1792 года. Ч. 1–3. СПб., тип. Крылова с товарищи, 1792.

Ильинский. Ч. 1. (1790) — Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самаго их основания. Ч. 1. СПб., тип. Б.Л. Гека, 1790.

Ильинский. Ч. 2. (1791) — Ильинский Н. С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самаго их основания. Ч. 2. СПб., тип. Б. Л. Гека, 1791.

История о невинном (1776) — История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева..., изданная Николаем Новиковым. СПб., тип. Акад. наук, 1776.

Кёпке (1800) — Кёпке Б. Храм Соломонов, приложенный к нравственному храму души христианской. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800.

Лангер (1791–1792) — Лангер К. Г. Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света. Ч. 1–3. М., в вольной тип. у Хр. Клаудия и его иждивением, 1791–1792.

Ле Пилёр д'Аплиньи (1787) — Ле Пилёр д'Аплиньи. Пустынник на горе, или Приключения маркизы Лаузанны и графа Луция. Ч. 1–3. СПб., печ. при Имп. Сухопутн. Шляхетн. кад. корпусе, 1787.

Левшин. Домоводство (1795) — Левшин В. А. Всеобщее и полное домоводство. Ч. 1–12. М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, иждивением их, 1795.

Левшин. Словарь (1795–1797) — Левшин В. А. Словарь поваренный, приспешничий, кондитерский и дистиллаторский. Ч. 1–6. М., Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1795–1797.

Львов (1789) — Львов П. Ю. Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки. Ч. 1–2. СПб., Имп. тип., 1789.

Мейер (1781) — Мейер А. К. Ботанической подробной словарь, или Травник. Ч. 1. М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1781.

Миллер (1790) — Миллер Г. Ф. Известие о дворянах российских. СПб., тип. Рахманинова, 1790.

Модное ежемесяч. изд. (1779) — Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. Ч. 1–4. СПб.; М.., тип. Вейтбрехта и Шнора, в тип. Моск. ун-та у Н. Новикова, 1779.

Московский журнал (1791) — Московский журнал. Ч. 1–4. М., Унив. тип., у В. Окорокова, 1791.

Московский журнал (1792) — Московский журнал. Ч. 5–8. М., Унив. тип., у В. Окорокова, 1792.

Муза (1796) — Муза, ежемесячное издание на 1796 год. Ч. 1–4. СПб., тип. Плавильщикова, 1796.

Нехачин. Новое ядро (1795) — Нехачин И. В. Новое ядро российской истории. Ч. 1–2. М., тип. А. Решетникова, 1795.

Нехачин. Словарь (1793) — Нехачин И. В. Исторический словарь, российских государей, князей, царей, императоров и императриц. М., тип. А. Решетникова, 1793.

Нехачины (1796–1797) — Нехачин Д. В. и И. В. Новое краткое понятие о всех науках, или детская настольная учебная книга. Отд. 1–4. М., тип. А. Решетникова, 1796–1797.

Новости (1799) — Новости. Ежемесячное издание на 1799 год. Кн. 1–4. СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1799.

Описание (1797) — Описание второго бракосочетания великого государя, царя и великого князя Алексиа Михаиловича. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797.

Описание седьми (1798) — Описание седьми старинных свадеб. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798.

Основательные правила (1799) — Основательные правила торговли, ... напечатанные бухгалтером Иваном Новиковым. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1799.

Пецпль (1793) — Пецпль И. Жизнь австрийского генералиссимуса барона Лаудона. Ч. 1–2. М., тип. Пуговишникова и Селивановского, 1793.

Пиль (1789) — Пиль Р. Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев. СПб., печ. у Вильковского, 1789.

Платон (1779–1780) — Платон (Левшин). Поучительные слова при высочайшем дворе е. и. в. ... государыни Екатерины Алексеевны. Т. 1–7. М., Сенатская тип., 1779–1780.

Пленк (1798) — Пленк Й. Я. Начальные основания ботанического словоизъяснения и брачной системы растений. СПб., при Имп. Акад. наук, 1798.

Почта духов (1789) — Почта духов, ежемесячное издание. Ч. 1–2. СПб., тип. И. Рахманинова, 1789.

Прохладные часы (1793) — Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния. Ч. 1–2. М., тип. А. Решетникова, 1793.

Рабенер (1792–1794) — Рабенер Г. В. Собрание сочинений. Ч. 1–8. М., Унив. тип., у В. Окорокова, 1792–1794.

Рейналь (1799) — Рейналь Г. Т. Ф. Философическое и политическое повествование о состоянии Европы до открытия Америки. СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1799.

Решетников (1791) — Решетников А. Г. Любопытный художник и ремесленник. Ч. 1. М., тип. А. Решетникова, 1791.

Рубан (1783) — Рубан В. Г. Российский царский памятник. 3-е изд. СПб., тип. Брейткопфа, 1783.

Священная история (1778) — Священная история Ветхого и Нового завета для употребления юношества. Ч. 1–2. СПб., тип. Акад. наук, 1778.

Сельский житель (1778–1779) — Сельский житель. Ч. 1–2. М., тип. Имп. Моск. ун-та, 1778–1779.

Скуфос (1798) — Скуфос Ф. Златослов, или Открытие риторские науки. СПб., при Имп. Акад. наук, 1798.

СПб вестник (1778) — Санкт-Петербургский вестник. СПб., тип. Вейтбрехта и Шнора, 1778.

СПб вестник (1779) — Санкт-Петербургский вестник. СПб., тип. Вейтбрехта и Шнора, 1779.

СПб врачебные ведомости (1792–1793) — Санкт-Петербургские врачебные ведомости. Ч. 1–2. СПб., тип. Акад. наук, 1792–1793.

СПб Меркурий (1793–1794) — Санкт-Петербургский Меркурий, ежемесячное издание 1793 года. Ч. 1–4. СПб., тип. И. Крылова с товарищи, тип. Акад. наук, 1793–1794.

Сумароков (1781–1782) — Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе… Ч. 1–10. М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1781–1782.

Сушков (1792) — Сушков М. В. Полная баснословная история со включением истолкования оной. Ч. 1–3. М., тип. А. Решетникова, 1792.

Тодорский (1798) — Тодорский И. С. Географическая игра в карты, или Способ научиться самим собою географии. М., Сенатская тип., у содержателя В. Окорокова, 1798.

Тодорский (1800) — Тодорский И. С. Священная география, собранная из разных писателей. М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1800.

Тредиаковский (1773) — Тредиаковский В. К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., тип. Сухопутн. кад. корпуса, 1773.

Утренние часы (1788–1790) — Утренние часы, еженедельное издание. Ч. 1–4. СПб., тип. И. Г. Рахманинова, 1788–1790.

Утренний свет (1777–1778) — Утренний свет, ежемесячное издание. Ч. 1–3. СПб., тип. Имп. Сухопутн. шляхетн. кад. корпуса; 1777–1778.

Утренний свет (1778–1779) — Утренний свет, ежемесячное издание. Ч. 4–6. СПб., тип. Имп. Сухопутн. шляхетн. кад. корпуса; М., тип. Моск. ун-та, у Н. Новикова, 1778–1779.

Утренний свет (1779–1780) — Утренний свет, ежемесячное издание. Ч. 7–9. М., тип. Моск. ун-та, у Н. Новикова, 1779–1780.

Флориан (1793) — Флориан Ж. П. К. Гонзалв Кордуанский, или Возвращенная Гренада. ... Перевод Г. Шиповского. Иждивением переводчика. Ч. 1–3. СПб., Имп. тип., 1793.

Фревиль (1800) — Фревиль А. Ф. Ж. Жизнь славных детей. Ч. 1–2. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800.

Шаамирянц (1786) — Шаамирянц А. Краткое историческое и географическое описание Царства Арменского. СПб., печ. у Шнора, 1786.

Шлецер (1789) — Шлецер А. Л. Корень всемирной истории для детей. Пер. Э. Энгельсона. На ижд. переводчика. СПб., 1789.

Шмид (1782) — Шмид Ф. А. Польский летописец с 964 по 1764 г. СПб., печ. при Артиллер. и инж. шляхетн. кад. корпусе, 1782.

Штелин (1786) — Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты Петра Великого. Иждив. С. Петрова, М., тип. Пономарева, 1786.

Шурер (1800) — Шурер Ф. Л. Рассуждение о соединении кислотворного вещества с другими телами. Ч. 1–2. СПб., тип. Гос. мед. коллегии, 1800.

Эконом. магазин (1780) — Экономический магазин. М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1780.

Яценков (1790–1791) — Яценков Н. Новейшая и полная поваренная книга. Ч. 1–7. М., Унив. тип., у В. Окорокова, тип. Ф. Гиппиуса, 1790–1791.

О. В. АЛЕКСЕЕВА, Е. Я. АНТОНОВА

К БИОГРАФИИ В. В. КРЕСТИНА И А. И. ФОМИНА

Василий Васильевич Крестинин

В Государственном архиве Архангельской области (ГААО) имеются документы, которые позволяют дополнить и уточнить изложенные в статье Г. Н. Моисеевой[1] обстоятельства жизни архангелогородца В. В. Крестинина, касающиеся его социального статуса, обстоятельств ареста и смерти, а также даты смерти.

Документы архива не дают оснований считать, что Крестинин принадлежал когда-либо к купеческому сословию. Во всех найденных документах его называют старожилом, «которого и предки были посадские».[2]

В период с 1766 по 1794 г. Крестинин исполнял различные должности в архангельском магистрате — сословном органе городского управления. Был его секретарем (1766), членом магистратурной комиссии об исправлении торгов и цехов архангельского посада (1767–1768), попечительным старшиной своего посада (1769–1777), попечительным старшиной архангельского мещанства (1777–1794), заседателем совестного суда (1780–1787), мещанским заседателем

---

[1] *Моисеева Г. Н.* В. В. Крестинин // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 146–147.

[2] ГААО. Ф. 51. Обывательская книга Архангельска 1789, 1790, 1791 гг. Запись № 408; ГААО. Ф. 51. Обывательская книга 1793–1796 гг. Запись № 143.

© О. В. Алексеева, Е. Я. Антонова, 2017

в архангельском совестном суде (1780–1793), мещанским писарем (с 1791). С исполнением обязанностей мещанского писаря оказались связаны трагические события последнего года его жизни. В 1791 г. Крестинин «по приговору 66 человек мещан» сочинил бумагу, в которой, по косвенным показаниям, содержалась нелицеприятная оценка деятельности неких представителей государственной власти. В записи от 9 мая 1795 г. «Журнала заседания уголовного и гражданского суда» имеется упоминание «дерзких изречений»,[3] содержавшихся в этой бумаге, но сам текст, приписываемый Крестинину, обнаружен не был, равно как и материалы его уголовного дела.

Тот факт, что Крестинин составил документ, содержащий высказывания против представителей власти, дал основание архангельскому городскому магистрату начать его судебное преследование, которое по не установленным причинам было открыто лишь спустя три года — 21 июня 1794 г. Также известно, что некие судебные действия производились с 13 февраля по 21 марта 1795 г. В течение именно этого времени суд архангельского городового магистрата приговорил Крестинина «к тяжкому кнутом наказанию и к ссылке в Иркутскую губернию».[4] Приговор оказался не окончательным: переданное в уголовный и гражданский суд города Архангельска, дело продолжалось и было ускорено лишь после вмешательства 26 апреля 1795 г. генерал-губернатора Архангельской и Олонецкой губерний П. П. Коновницына. Из имеющихся документов неясно, подвергся ли Крестинин наказанию кнутом. Известно, что архангелогородские купцы Александр Фомин, Алексей Свешников и Иван Саванчаев безуспешно хлопотали за него. Больной к тому времени Крестинин не был отпущен даже под их расписку на домашнее содержание. 9 мая 1795 г. состоялось заседание уголовного и гражданского суда, полностью оправдавшего Крестинина, который «писать должностью был обязан, следовательно, личного его в том преступления нет»,[5] а также указавшего, что вынесшие

[3] ГААО. Ф. 68. Оп. 13. № 3. Запись 1795 г. мая 9 дня среда. Л. 120.

[4] Там же. Запись 1785 г. мая 9 дня среда. Л. 121 об.

[5] Там же. Л. 120.

первый приговор «прикомандированные члены открыли лишь личную злобу на сего невинного Крестинина».[6] Суд также отметил, что, «если бы он <…> за деяния свои по закону и подлежал» наказанию «кнутом и ссылкой», «то и в таком случае от оного <…> яко заслуживший название именитого гражданина, Крестинин должен быть свободен».[7] Отменяя решение суда городового магистрата, суд указал, что губернский магистрат «весьма неосмотрительно приступил» к исполнению приговора, заключив Крестинина под стражу «без соболезнования к человечеству».[8] Реабилитация была уже посмертной: Крестинин, «содержась долговременно под стражею в одном месте с важными преступниками, окончил там дни жизни своей»[9] 6 мая 1795 г. Дата смерти подтверждается и записью в метрической книге Воскресенской церкви города Архангельска.[10]

Александр Иванович Фомин

Обывательские и метрические книги города Архангельска, хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО), позволяют дополнить и уточнить изложенные в статье А. А. Морозова[11] данные о послужном списке А. И. Фомина и о дате его смерти.

С 1786 по 1796 г. Фомин был директором народных училищ Архангельской губернии. В 1793 г. он был членом в учреждениях комиссии о раведовании пожарных мест (в 1793 г. Архангельск сильно пострадал от пожара). С 1799 по 1802 г. он был гласным в городской думе.[12]

Умер Фомин 28 декабря 1801 г., о чем имеется запись в метрической книге Воскресенской церкви города Архангельска.[13]

---

[6] Там же. Л. 121 об.

[7] Там же.

[8] Там же. Л. 122.

[9] Там же. Л. 120.

[10] ГААО. Ф. 1. Оп. 29. № 13. Запись № 156.

[11] *Морозов А. А.* А. И. Фомин // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 304–305.

[12] ГААО. Ф. 51. Обывательская книга 1802–1804 года. Л. 213.

[13] ГААО. Ф. 29. Оп. 28. № 18. Запись 115 об.

Библиографические дополнения:

1. Василий Васильевич Крестинин. Труды. Творческая биография. Библиография / Сост. А. А. Куратов, Е. И. Тропичева. Архангельск, 2007. С. 400–405.

2. *Веселова А. Ю.* «Лучший в архангелогородском посаде писец в прозе и стихах»: А. И. Фомин и его сочинения // Текст и традиция. Альманах. Вып. 4. СПб., 2016. С. 349–386. (В Приложении опубликованы все журнальные статьи Фомина).

3. *Крестинин В. В.* Краткая история о городе Архангельском / Предисл. С. В. Шабалова. М., 2009.

4. *Чекунова А. Е.* Проекты В. В. Крестинина о школьном образовании в России // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 350–364.

5. *Чекунова А. Е.* В. В. Крестинин и его проект создания «малых» школ // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 121–129.

6. *Фомин А. И.* Описание Белого моря / Предисл. С. В. Шабалова. М., 2009.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	—	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
БП-1957	—	*Сумароков А. П.* Стихотворения / Под ред. П. Н. Беркова. Л., 1957. (Библиотека поэта. Большая сер.)
ВИМАИВиВС	—	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург)
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГИМ	—	Государственный исторический музей (Москва)
ГРМ	—	Государственный Русский музей (С.-Петербург)
ИНИОН РАН = ИНИОН АН СССР	—	Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва)
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
КазГИНТИ	—	Казахский государственный институт научно-технической информации (Казахстан, Алма-Ата)
НИОР РГБ	—	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ПСВС-I	—	Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена Святой Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. 1–10. М., 1781–1782
ПСВС-II	—	Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена Святой Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова. Ч. 1–10. М., 1787
РГАДА = ЦГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ = ЦГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ = ГБЛ	—	Российская государственная библиотека (Москва)

РГВИА = ЦГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований

РНБ = ГПБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

РНФ — Российский научный фонд

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ТаджикНИИНТИ — Таджикский научно-исследовательский институт научно-технической информации (Таджикистан, Душанбе)

ТП — Трудолюбивая пчела. 1759

УкрИНТЭИ — Украинский институт научно-технической и экономической информации (Украина, Киев)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абазов Николай 324
Абрамзон Т. Е. 505, 507, 521, 524
Авалишвили Г. И. 458
Аввакум (Петров), протопоп 6
Август II, польский король, саксонский курфюрст 214
Август Октавиан, римский император 164
Августин Аврелий 177
Авдеевский Федор 320
Аврелиус, помощник книжной лавки Академии наук 58
Автухович Т. Е. 485
Агамалян Л. Г. 164, 585
Агапит (Скворцов) 143
Аддисон Дж. 219
Адодуров В. Е. 30, 55, 270, 534
Азадовский М. К. 253
Азиков Дмитрий 323
Азиков Сергей 323
Акимов И. И. 270
Акимова Г. Н. 464, 469
Акиндин, консул Антиохии 177
Аксаков С. Т. 513
Аксенов А. И. 449
Албом, актуариус Академии наук 58
Албурх Василий 288
Албычев А. А. 534
Алдонина Н. Б. 511
Алединский П. М. 534
Александр I, российский император 68, 161, 163, 208
Александрова Е. А. 463
Александрова И. Б. 482, 484, 497, 499, 501
Алексеев Андриан 322
Алексеев Емельян 310
Алексеев М. П. 197, 471, 475, 486, 489
Алексеев Степан 319
Алексеев Федор 298
Алексеев Ю. Г. 60
Алексеева А. 460
Алексеева Н. Ю. 50, 60, 67, 133, 196, 451, 501, 505, 510, 518, 520, 522, 525, 528,
Алексеева О. В. 525, 563
Алексей Михайлович, русский царь 227, 560
Алексей Петрович, русский царевич 370, 506
Алпатова Т. А. 514, 526
Алтухова Т. 485
Амбургер Э. 270
Амвросий (Подобедов) 149–150, 550
Амвросий (Серебренников) 144–145, 147
Амвросий Медиоланский 32

* Фамилии учеников Академической гимназии из статьи Т. В. Костиной «Ученики Академической гимназии 1751–1765 гг.» приводятся в той форме, в какой они даны в публикации.

Амелин М. А. 497
Анакреонт 112, 115–116, 118, 120–123, 125–127, 132, 208, 497, 510
Андреев Н. П. 252
Андреев П. Н. (Никитин Петр) 286, 296, 299
Андреев П. Н. 272, 296, 299
Андреевский Тимофей 284
Анисимов Иван 292
Анисимов М. Ю. 66
Анкудинов Василий 283
Анна Иоанновна, российская императрица 213–214, 221–222, 370, 451, 511
Анненский Н. И. 534
Аннушкин В. И. 511, 514
Аннушкина Т. В. 507
Антовер Иван 308
Антовер Фридрих 308
Антоний (Зыбелин) 542
Антонов Иван 300, 302
Антонов Семен 289
Антонова Е. Я. 525, 563
Антонович П. Д. 534
Антоновский М. И. 534
Апухтин А. И. 535
Аристов А. 478
Арнаутов Андрей 284
Арндс А. М. 277, 291
Арндт (Арендт) Б. Ф. 535, 538, 540, 543, 545–548, 550, 553, 555–557
Арсений (Верещагин) 95, 100–106, 110, 537
Арсений (Мацеевич) 99
Арсений (Тодорский) 554
Арсенов Марка 315
Артемьев Н. С. 316
Артемьев Сергей 316
Артемьева Т. В. 501
Архангельская А. В. 501
Архий Авл Лициний 34, 43
Архипов Алексей 289
Архипов М. А. 289
Архипов Михаил 302
Асеев Б. Н. 464, 465
Астахова А. М. 256
Афанасий, ректор Славяно-греко-латинской академии 150
Афанасьев А. Н. 253
Афанасьев Иван 297
Афанасьев Э. Л. 495, 526
Афанасьева И. Н. 472, 515, 518
Афасижев Т. М. 515
Афросимов Николай 308
Ахвердов Н. И. 535
Ахмади А. 518
Ашимов Алексей 277, 280
Ащерин Николай 291

Бабаев Иван 286
Бабкин Петр 293
Багратион П. И. 96–97
Баевский В. С. 462, 482
Баженов В. И. 304
Байер Г. З. 8–9, 135–136
Байков (Бауков) Николай 300
Байрон Дж. Г. Н. 465
Байрон Дж., британский вице-адмирал 427
Бакмейстер И. Г. 535
Бакмейстер Л. И. 535
Балакин (Богакин) Федор 321
Балакшин Иван 286
Балашев Дмитрий 294
Балей Карл 313
Балей Петр 313
Балк Карл Христиан 296
Балк Христиан Фридрих 296
Бальби А. 489
Бальмонт К. Д. 212
Банделло М. 216
Банкс Дж. 425
Бантыш-Каменский Н. Н. 535
Барабанова М. Ю. 511
Бараг Л. Г. 252–253
Баранов Никита 313
Баратон А., де 516
Барахта А. В. 514
Барбот де Марни Егор 293
Барклай *см.* Беркли Дж.

Барковский Борис 296
Барро Ж.-Л. 439
Барсов А. А. 325
Барсов А. Д. 550, 557
Бартенев П. И. 65
Барятинский И. С. 370, 373
Басков Захар 310
Басков Павел 286
Басков Петр 286
Басов Василий 302
Батурина Г. С. 507
Батурина Н. В. 507
Батюшков К. Н. 196
Бахирев Петр 285
Бахтин И. И. 535
Бахтин М. М. 233
Бахтина О. Н. 510
Бахтурин Николай 291
Башаринов Петр 295
Бегунов Ю. К. 149
Бедо Ж.-Ж. (Жоделет) 223, 225–227, 229
Безбородко А. А. 422, 430–431
Безель Л. 508
Бейер Алексей 303
Бейер Андрей 303
Бейль П. 177, 179
Бекетов Н. А. 535
Беклешев Алексей 309
Белинский В. Г. 514
Беллармино Р.-Ф.-Р. 149
Белов Григорий 310, 312
Белосельский-Белозерский А. М. 535
Белоусов Александр 298, 300
Бельской Иван 318
Бельфоре Ф. де 188
Беляев Андрей 284
Беляев Василий 149, 320
Беляев И. И. 272, 302
Беляев О. П. 535
Бенедиктов М. С. 536
Беранже Л.-П. 148
Берг Христиан 317
Бердников Л. И. 487, 501, 520, 528
Бердникова Т. В. 520
Бережинский Богдан 305
Березовский И. П. 252
Беркли Дж. (Барклай) 24
Берков П. Н. 61, 85, 156, 434, 458, 460, 465, 469, 489, 527, 530
Бёрни Ф. 544, 557
Бернов Иван 322
Беров Василий 320
Берштейн Е. В. 231
Бесецкой Захар 297
Бестужев А. П. 66, 287
Бестужев А. Ф. 536
Бехер Готлиб Конрад 304
Бехтеев Ф. Д. 65
Бецкой И. И. 371, 536
Билинкис М. Я. 485
Билярский П. С. 26
Биржакова Е. Э. 459, 469
Бирилев Матвей 321
Битобе П.-Ж. 204
Благодаров Я. И. 536
Благой Д. Д. 68, 459
Блок А. А. 465
Блохин (Брохин) Михаил 321
Бобрик М. А. 478
Бобров Василий 301
Бобров С. С. 462, 536
Богаевский И. И. 270, 324
Богданов Алексей 305
Богданович И. Ф. 117–118, 123, 129, 132, 205, 536
Богданович П. И. 536
Богуш Косма 281
Богуш Максим 281
Бодиско Яков 315
Бодэн Р. 230, 525
Бокарев Иван 294
Болкунова Е. В. 497, 499–500
Болотников Сергей 287
Болотов А. Т. 173–175, 209, 536
Болтин И. Н. 536
Болтина Е. Ф. 536
Болшанов Владимир 312
Бомштейн Г. И. 452
Бонди С. М. 489
Борисов Алексей 320

Борисов Константин 283
Борисов-Румовский А. И. 536
Бороздин Василий 287
Бороздин Иван 304
Бороздин Михаил 304
Ботеро Я. 12
Боувер Иван 308
Бочкарев В. А. 471
Брайко Г. Л. 537
Бракер Готфрид 308
Брандис Е. П. 235
Бранкевич М. С. 189
Брант С. 167
Брейткопф Ф. И. 561
Брейяр Ж. 244,
Брекур *см.* Маркуро Г.
Бретшнейдер Карл 292
Бром З. 505
Брылкина И. О. 62
Брянчанинов А. М. 537
Буало-Депрео Н. 235, 471–472, 474, 478, 481, 502, 504, 515, 523
Буаробер Ф. ле Метел де 215
Буасси Л. 376
Буданова В. А. *см.* Кривошеева В. А.
Буденек Е. Ф. 461
Буйнов Степан 282
Булгаков Я. И. 537
Булич Н. Н. 478
Бунин И. А. 525
Буранок О. М. 484
Бурбон-Конде М.-А., мадемуазель де Клермон 200
Бутырцева Н. С. 453
Бухарин Михаил 319
Бухарин Николай 319
Бухаркин П. Е. 448, 476, 484–485
Бухаркина М. В. 515
Бухарский А. И. 537
Бухвастов Петр 288
Буховецкий Алексей 317
Буш Иоганн Готлиб 297
Буш Карл Фридрих 309
Быков Иван 314
Быстров Николай 321
Вагеманс Э. 230
Вайнер Дж. 220–222, 226
Валагин А. П. 453
Валдаев Михаил 322
Валицкая А. П. 472
Вальденберг В. К. 197
Ванкувер Дж. 426, 427
Ванслов И. У. 270, 319
Варлашев Алексей 285
Васильев Андрей 322
Васильев Андриан 298
Васильев В. Е. 442, 443
Васильев Иван 301
Васильев Петр 322
Васильев Федор 306
Васильева Е. Н. 197–198
Ватто А. 202–205
Вахтангов Е. В. 221
Вацуро В. Э. 249
Введенский Ефим 143
Вебер Х. Ф. 370
Вейтбрехт Г. Э. 560–561
Веленин Александр 306
Веленин Иван 306
Веленин Федор 306
Величкина И. И. 514
Вельяминов П. Л. 534
Венгеров Иван 294
Венделеев Варлаам 324
Венедиктов Василий 314
Веницеев С. Н. 537
Вергилий Публий Марон 33
Веревкин М. И. 375, 537
Верещагина А. Г. 479, 480, 500
Верзин Никита 289
Верн Ж. 231
Веселова А. Ю. 81, 505, 518, 566
Веснина Ю. 495
Вешняков Николай 288
Вешняков Федор 288
Вигилянский В. Н. 461
Виланд К. М. 205
Виноградов В. В. 471, 529
Виноградов И. И. 121–122
Винокур Г. О. 489

Винсгейм Х. Н. 55
Вио Т., де 486
Витковская Л. В. 472
Витовтов А. А. 537
Вишневская И. Л. 485
Вишневский К. Д. 455, 459
Власов Алексей 280
Власов Степан 324
Внуков Егор 300
Внуков Михаил 300
Водовозов Н. В. 465
Водопьянов Андрей 306
Воейков И. Г. 537
Воейкова Е. И. 538
Войнова Л. А. 459
Войтяховский Е. Д. 548, 558
Волков А. А. 538
Волков А. С. 538
Волков Василий 317–318
Волков Р. М. 253
Волков Ф. Г. 83, 447, 449, 466, 505
Волкова Н. Б. 500
Волкова Н. Е. 137
Волконский Григорий 282
Волконский М. Н. 470
Волф Кондрат 289
Волчков М. С. 299
Волчков Семен Сергеевич 273, 299
Волчков Сергей Саввич 273
Вольтер 87, 177, 233–235, 239, 273, 376, 449, 453, 465, 490, 524
Вомперский В. П. 52
Вороблевский В. Г. 538
Воронин Иван 281
Воронин Никифор 316
Воронин Степан 281
Воронин Т. Л. 511
Воронина Д. Д. 454
Воронцов А. И. 538
Воронцов А. Р. 538
Воронцов С. Р. 3, 416–424, 428, 430
Вроон Р. 451, 452, 505, 513
Всеволодский-Гернгросс В. Н. 222, 465, 497
Второй Семен 290
Вулф Иван 299
Вындомский А. М. 538
Вырубов П. П. 538
Вытженс Г. 453, 462
Вышеславцев М. М. 148
Вяземский А. А. 163
Вяземский В. С. 538
Вяземский П. А. 453, 500
Вязьмитинов С. К. 538

Гавриил (Бужинский) 135
Гавриил (Шапошников, Петров) 138–142, 149, 151–152, 549
Гагарин Г. П. 538
Гагарин П. С. 538
Гайденков Н. М. 439
Галлер А. 473
Галлиен Публий Лициний Эгнаций, римский император 202
Гамалея С. И. 538
Ган В. 459, 460
Гарвуд Э. 150
Гардзонио С. 482
Гари Е. 198, 208–209, 557
Гаррард Дж. 463
Гаспаров М. Л. 452, 473, 498, 513
Гауптфогель Карл Фридрих 279
Гваньини А. 12
Гедеон (Криновский) 135, 140
Гейдеке Г. Ф. 155
Гёлет Т.-С. 215
Геллерт Х. Ф. 179–182, 189, 376, 456, 513
Гензен Иоахим 296
Генрих II, французский король 240
Георг III, английский король 224, 416–420, 425–427
Герарди Э. 216–217, 228
Герасим, патриарх Александрийский 143, 153
Герасимов Дмитрий 307
Герасимов Михаил 295
Герасимова Т. П. 457
Гервей Дж. 145
Гергард И. 149

Герцен А. И. 19–20
Гершкович З. И. 157
Гессель Вернер 314
Гессель Вилим Фридрих 313
Гессель Карл Густав 313
Гибо П.-Э. 148
Гиллельсон М. И. 436, 442, 446
Гильденштет И. А. 274
Гительман Л. И. 482
Глебов А. И. 192
Глинка Ф. Н. 514
Глухов В. И. 490
Гмелин С. Г. 274
Говорков Алексей 317
Гоголь Н. В. 168, 490
Голдсмит О. 465
Голенищев-Кутузов И. Л. 416, 538
Голенищев-Кутузов И. Н. 461
Голенищев-Кутузов Л. И. 3, 416–420, 424, 426, 428, 430
Голенищев-Кутузов П. И. 539
Голиков И. И. 169, 558
Голиков, учитель пиитики в Ярославской семинарии 100–101
Голицын А. И. 539, 558
Голицын А. М. 489
Голицын А. П. 539
Голицын В. Д. 539
Голицын С. И. 539
Голицын Ф. Н. 539
Голицына В. В. 539
Головин М. Е. 271, 323
Голощепов Архип 299
Голубцов И. И. 270
Гончаров А. Н. 374
Гончаров Б. П. 462
Гончаров И. А. 168, 170
Гопиус Карл 284
Гопиус Христиан Имануил 293
Гораций Квинт Флакк 18, 156–157, 164–167, 515
Горбунов А. Н. 475, 505
Горев Федосей 301
Горемыкин Дмитрий 282
Горн Карл Магнус 309
Горн Петр 312
Горохов Михаил 301
Горохова Р. М. 461
Горчаков С. И. 146
Горчаков Д. П. 477, 539
Горшков А. И. 455
Горюнова А. И. 511, 514
Горязин Алексей 314
Горячева О. Н. 491–492
Готовцева А. Г. 523
Готшед И. К. 112
Граве де, маркиза *см.* Гуайон де Матиньон М.-А.
Градова Б. А. 451
Граннес А. 30
Грас Готфрид 290
Грас Самуил Фридрих 290
Грасиан Б. 534
Грасман Илия 290
Грасман Христофор 290
Грачов Семен 294
Грегори И. Г. 227
Греков Василий 309
Греков Иван 309
Гренвиль У. 418–421, 425, 429–430
Греф Иван 318
Греч Карл Петр 298
Греч Людвиг 282
Гречаков Василий 320
Грешищев И. Я. 533, 539
Гриббот Август 312
Грибовский А. М. 539
Грибоедов А. С. 460
Григорий Керамевс, архиепископ Тавроменийский 150
Григорьев Алексей 287
Григорьев Егор 313
Григорьев Иван 285, 296, 313
Григорьев Николай 291
Григорьев Петр 313
Гримварт Карл 284
Гримм В. 253
Гримм М. 371
Гримм Я. 253
Гринберг М. С. 475, 477, 492

Гринина И. Р. 449
Гриницкий Козма 297
Гринштель Алексей 313
Гринштель Андрей 313
Грипич Н. В. 495
Гришина Е. А. 121
Гришов А. Н. 58
Громова Л. П. 499
Грот Я. К. 16, 113, 163–164, 166
Гуайон де Матиньон М.-А., маркиза Граве 199
Гуаско Дж. Б. О. 196–197, 200
Губарев Ефим 320
Губер М. 181
Губин Степан 322
Гудаченко Н. В. 505
Гудошников Я. И. 453–454, 457, 459, 466, 471
Гуковский Г. А. 61, 81–82, 84, 87, 90, 92, 94, 112–124, 128–134, 230, 476, 488–489, 492, 522
Гуревич М. М. 437
Гусев В. Е. 432, 446
Гусев Семен 322
Гуськов Н. А. 487, 511–512, 516, 522, 525, 527

Давыдов Петр 284
Даламбер Ж. 202
Дамаскин (Семенов-Руднев) 140, 552
Данилевский Р. Ю. 272, 473, 484
Данилов М. В. 539
Данько Е. Я. 120
Дараган К. И. 539
Дасье Анна 200
Дашкова Е. Р. 124, 126–127, 539
Дебольцов И. Н. 540
Деген Николай 320
Деев Петр 320
Делиль де Саль Ж.-Б.-К. 191–192
Демидов П. А. 454
Демило Николай 319
Дёмин А. О. 81, 85, 92, 369, 522
Демкова Н. С. 255
Демосфен 29, 146
Дербов Л. А. 530
Дерем У. 141, 558
Державин Г. Р. 68, 96–97, 113, 118, 132, 157, 163–167, 173, 205, 369, 374–376, 392, 400, 455–456, 476–478, 481, 485, 488, 505, 509, 512, 515, 519, 523, 525, 540
Державина Е. Я., урожд. Бастидон 375
Державина О. А. 477
Десницкий С. Е. 540
Детков Иван 292
Детуш Ф. Нерико 219, 376
Дешан К. де Вилье (Филипен) 226–227
Деэно Ж. 477
Джеймс, I герцог Монмутский 187
Джиральди Чинтио Дж. Б. 179
Джунковский В. Я. 540
Джунковский С. С. 540
Дианова Т. В. 254
Дивов П. Г. 540
Дидрих Иван 303
Дидро Д. 189, 371, 475
Диллан У. IV граф Роскоммон 524
Дильтей Ф. Г. 136, 146, 558
Димитрий Ростовский 10, 62, 98, 146–147
Динерштейн Е. А. 459
Дмитрев С. 284
Дмитревский Д. И. 540
Дмитревский И. А. 83, 447, 449, 454, 459, 505, 527, 540
Дмитреев Самуил 324
Дмитриев А. И. 540
Дмитриев И. И. 11, 16, 157, 162–163, 167, 540
Дмитриев Л. А. 257
Дмитриев М. А. 21
Дмитриев-Мамонов А. И. 530
Дмитриев-Мамонов А. М. 540
Дмитриевский И. И. 150
Добрицын А. А. 516
Доброва Г. Р. 473, 475
Довгий (Кулагина) О. Л. 525
Додсли Р. 127, 187
Докусов А. М. 464

Долганов Александр 323
Долгенко А. Н. 505–506, 508
Долгов Афанасий 292
Долгой Иван 285
Долгоруков И. М. 11, 15–17, 540
Долинин А. А. 195
Домашнев С. Г. 9, 128, 129, 541
Домогацкий П. 192
Донарт Карл 312
Донская Н. А. 514
Дора К.-Ж. 3, 189–191, 369, 370–374, 376–377
Древников Данила 316
Дрейдж Ч. Л. 133
Дробова (Морозова) Н. П. *см.* Морозова Н. П.
Дружинин А. В. 511
Дружинина Е. И. 77–79
Дубровина И. В. 516–518
Дубровский Иван 305
Дугин Федор 323
Дудин Петр 309
Думной Степан 280
Думной Федор 280
Дунаев М. М. 471
Дункер Иоганн Христофор 323
Душечкин Петр 277, 314, 318
Душечкина И. В. 467
Душинский Семен 296
Дыгин Дмитрий 290
Дьячков Филипп 290
Дю Гальд Ж.-Б. 558
Дюбуа-Фонтанель Ж.-Г. 369, 371, 376
Дюкре-Дюмениль Ф.-Г. 558–559
Дюлор Ж.-А. 238–239
Дюпати Ш.-М. 231, 559
Дюфрени Ш. де ла Ривьер 217
Дягилев Иван 305
Дятлов Ефим 297

Евдокимов Я. 142, 151
Евдокимова О. В. 498
Евреинов Н. И. 541
Евреинов Н. Н. 222
Евстафьев А. Г. 519
Евтенев Пантелей 321
Егоров Петр 279
Екатерина I, российская императрица 135, 373
Екатерина II российская императрица 42, 67, 69, 74, 76–77, 79, 100, 106, 113, 137–144, 147, 152, 158, 170, 172–173, 175, 197, 203, 205–206, 371, 376, 416, 421, 448, 450–452, 455, 457, 476, 486, 503, 507, 513, 541, 560
Екатерина Медичи, французская королева 227
Елагин И. П. 495, 541
Елдезин Петр 308
Елеонская А. С. 456
Елизавета Петровна, российская императрица 64–67, 69, 74–73, 135–136, 169, 215, 490, 495, 497, 499
Елизаветина Г. Г. 526
Ельницкая Т. М. 194
Енгаличев Андрей 305
Енгаличев Иван 305
Енгалычев П. Н. 541
Епифаний Соловецкий 6
Епифанов Петр 296, 301
Еремин И. П. 255
Ермолаева Л. И. 203, 206–207
Ермолаева Н. В. 477
Ермоленко Г. Н. 482
Ерофеев Михаил 321
Ертов И. Д. 559
Ершов Г. П. 541
Ершов Л. Т. 458
Ершов Л. Ф. 442
Есаулов Давид 293
Есаулов Петр 293
Ефимова П. А. 506
Ефремов П. А. 113

Жандер Иван фон дер 285
Жарков Н. Г. 541
Жегалов Степан 321
Железников Гаврила 324
Железнов Николай 303

Женгене П.-Л. 234, 237, 242
Жерар Ф.-Л. 559
Живов В. М. 50, 56, 113–114, 119, 139, 157, 159, 167, 469, 473–474, 476, 479, 483, 485, 487, 492, 495, 500–502, 508, 513
Жилле де ла Тессонери 226
Жирмунская Т. А. 483
Жоделет *см.* Бедо Ж.-Ж.
Жофрен М.-Т. 172
Жуков В. М. 541
Жуков М. М. 541
Жуков П. М. 541
Жукова А. С. 541
Жуковский В. А. 13, 149, 463, 509

Заборов П. Р. 369, 453, 465
Завьялов М. Я. 141, 143, 542, 558
Зайцева Е. Л. 514
Замараев Василий 322
Замараев Семен 322
Замкова В. В. 469
Западов А. В. 436 444, 452, 454, 474
Западов В. А. 68, 455, 461, 476, 478–479, 485, 493
Засецкий А. А. 542
Заславский Г. А. 510
Захаренко Н. Г. 440
Захаров Александр 318
Захаров И. С. 542
Захаров Н. В. 512
Захарова О. Ю. 422–423
Захарьин Т. Т. 542
Зацепина К. Д. 518
Зелов Д. Д. 495
Зиновьев В. Н. 542
Зиновьев Д. Н. 542
Зиновьев Петр 292
Знаменский И. С. 138
Золотарев Федор 324
Зорин А. Л. 208, 478
Зорин А. Н. 510
Зуев В. Ф. 270
Зуев Василий 319
Зыков Дмитрий 292
Зыкова Е. П. 525
Зырянов О. В. 501

Ибраев Л. И. 462
Иванов Василий *см.* Федотов Н. И.
Иванов А. М. 272
Иванов Алексей 311
Иванов Андрей 312
Иванов В. В. 467
Иванов Григорий 315
Иванов Д. В. 522, 525,
Иванов Иван, купец 253
Иванов Иван, ученик Академической гимназии *см.* Осипов И. И.
Иванов М. В. 237
Иванов М. М. 272, 294
Иванов Никита 314
Иванов Осип 289
Иванов Ф. Ф. 194
Иванова О. Е. 431
Иванова Т. Г. 253
Ивановский Николай 286
Ивинский Д. П. 518
Ивков Василий 287
Игнатьев Александр 304
Игуменов Андрей 282
Иевский Василий 318
Иевский Хрисанф 317
Иероним (Понятский) 152–153
Иероним, иеромонах, учитель Коломенской семинарии 150
Иёхер Х. Г. 461
Измайлов А. Е. 96, 97, 463, 513
Измайлова Н. М. 320
Изотов Е. 325
Икосов П. П. 542
Иларион, архимандрит Успенского Отроча монастыря 150
Иларионов Е. 153
Илизаров С. С. 449, 487, 528
Ильин И. наборщик Академии наук 58
Ильин Матвей 297
Ильинский Н. С. 559
Илюшин А. А. 500, 504
Имендёрфер Е. 495–496

Иннокентий (Нечаев) 141
Иноходцев П. Б. 289
Иоанн Богослов 104
Иоанн, епископ Велико-Устюжский и Тотемский 151
Иоасаф (Заболотский) 541
Иоганн Георг III, саксонский курфюрст 224
Иоганн, герцог Саксонский 177
Иоиль (Быковский) 103, 537
Ионин Г. Н. 455
Йорданс Я. 517
Исаченко Е. Г. 523
Искус Иван 294
Истрина М. В. 457
Июльская Е. Г. 512, 514, 516, 518, 523, 525

Кабашников К. П. 252
Каданцов Гаврила 304
Казаринов И. И. 152
Казаринов Н. С. 533, 542
Казбек М. М. 528
Казотт Ж. 241, 249
Калганова В. Е. 486, 491, 496, 498, 500, 502, 506, 508, 510, 512, 516, 518, 520, 522, 525, 527
Калинин Конон 291
Кальдерон де ла Барка П. 3, 212–229
Каменский А. Б. 513
Каменский Михаил 282
Кандорский И. М. 143–145
Кантемир А. Д. 8–10, 17, 113, 157, 196–197, 215, 370, 459, 490, 504, 514, 520
Канунин Иван 294
Капинос Е. В. 525
Капнист В. В. 165, 466
Карабанов П. М. 542
Карамзин Н. М. 3, 11, 16, 96, 118, 132, 157, 159–162, 163, 167, 169–170, 172–174, 208, 230–251, 455, 459, 475–476, 483, 512, 526, 533, 542
Караулов Петр 285
Карганин Алексей 314
Каргаполов А. С. 313
Карл Отважный, герцог Бургундский 177–182
Карл Иоганн 323
Карманов Д. И. 542
Картерет Ф. 427
Касаткина Е. А. 455
Кашинцов П. В. 533, 542
Кашкарев Иван 320
Кашкина Л. И. 479, 481
Кваренги Дж. 375
Келдыш Ю. В. 469, 474
Кемпинский А. 12
Кентнер Иоганн 293
Кентнер Фридрих 293
Кёпке Б. 559
Кеслин Петр 301
Кин Георг Генрих 279
Киреевский В. И. 543
Киреевский П. И. 291
Кирилов Алексей 293
Кирилов Иван 293
Кирияк Т. П. 543
Кирк П. 187, 188
Киселев Яков 321
Кисельников Захар 295
Кислягина Л. Г. 230, 231
Клаудий Х. А. 209, 557–561
Клевецкий М. Я. 142, 143
Клейн И. 33, 68, 156, 161, 172, 481, 484, 496, 501–502, 516
Клейст Э. фон 164
Клеопин Федор 295
Клепиков С. А. 52–53, 58, 96, 254, 374
Клеппов Петр 297
Клермон, де, мадемуазель *см.* Бурбон-Конде М.-А.
Клименко Е. Л. 508
Клопшток Ф. Г. 160
Ключарев Ф. П. 543
Кнап Андрей 279
Кнап Иоганн Георг 278
Кнаут Вильгельм 310
Книпер Павел 296
Книпер Петр 290

Княжев Петр 321
Княжнин Ф. Б. 273, 283
Княжнин Я. Б. 92, 93, 273, 510, 520, 543
Княжнина Е. А. 514
Кобеко Д. Ф. 64–65
Ковалев П. А. 322
Коваленский М. И. 543
Кованько И. А. 543
Ковтунова И. И. 455
Кодрескул А. М. 519
Кожевников Александр 295
Кожевникова Н. А. 494
Кожик Я. 271, 273
Козицкий Г. В. 120, 206, 543
Козлов Григорий 303
Козлов Яков 299
Козмин Василий 296
Козодавлев О. П. 543
Кокорев А. В. 437
Кокошкин И. А. 543
Колесов Егор 323
Колле Ш. 216, 218
Кологривов Александр 297
Колоколов Ф. И. 533, 543
Колотилов Василий 305
Колпачев В. В. 500
Колпачева О. Ю. 500
Колумбус Антон Ульрих 291
Колычев В. П. 543
Колычев Е. А. 543
Комаров Иван 288
Комаров М. 543
Комаров Ф. 533
Комиссаров С. И. 544
Коморов Иван 308
Кондратович А. А. 273
Кондратович А. К. 273, 296
Кондратович К. А. 273
Кондрашев Николай 322
Конисский Г. О. 544
Коновницын П. П. 564
Кононко Е. Н. 163–164
Константин Николаевич, росс. вел. кн. 64
Константинов Андрей 322
Константинов Михаил 322
Копанев Н. А. 235
Корман Б. О. 465, 466
Кормилов С. И. 462
Корнелиус Георги Готлиб 310
Корнелиус Иоганн Фридрих 280
Корнелиус Христиан Вильгельм 280
Корнель П. 87, 90, 373, 375, 482, 508, 522
Корнель Т. 224–229
Корнилов Александр 307
Коровашкин Александр 321
Королева Д. А. 514
Короли Христиан 279
Короли Христиан Фридрих 279
Коронаро Л. 155
Корсунский Н. Н. 98, 100–101, 106
Корц Г. В. 51
Корчагин К. М. 121
Корьяченко Андрей 323
Косов Федор 316, 318
Коссен Н. 33
Костерин Федор 283
Костин А. А. 21, 25, 40, 50, 55, 150, 276, 278, 522
Костин М. Н. 544
Костина Т. В. 268, 276
Костыгов В. Г. 271, 317
Костюкова В. В. 187
Костюхин Е. А. 256
Котов Дмитрий 308
Котомин М. А. 494
Кох К.-Г. 525
Коханнов (Кожаннов) Алексей 302
Кохман Отто Генрих 320
Кочеткова Н. Д. 135, 140, 147, 196, 375, 447–448, 461, 479, 482–483, 520, 522
Кочнева Е. В. 512
Кочубей В. В. 136
Кочубей В. Л. 136
Кочубей Михаил 311
Кошкарев Степан 320
Кошманов Илья 323
Крамаренков В. И. 544

Краповицкий Алексей 282
Красильников М. А. 532, 544
Краснопольский И. И. 533
Краснопольский И. Р. 544
Краснопольский Н. С. 544
Краснопольский Р. И. 533
Крауз Гаврила 309
Крафт Г. В. 276
Крашенинников В. С. 274
Крашенинников С. П. 274
Крашенинников С. С. 274, 319
Крашенинникова О. А. 502, 526
Кребийон К.-П.-Ж., сын 371
Кребийон П.-Ж., отец 371, 376
Крестинин В. В. 4, 563–566
Кривецкой Роман 323
Криворучко А. С. 523
Кривошеева (Буданова) В. А. 466
Кромин Николай 310
Кронек И. Ф. 142
Кропоткин М. 12
Кропотов П. А. 544
Кросс Э. Г. 238, 484
Крупитской Михаил 277, 280
Крыжановский З. А. 544
Крылов И. А. 170, 460, 495, 505, 561
Крюков А. Н. 482
Крюковский Василий 287
Кряжев В. С. 544
Кудюшева Г. А. 522
Кузнецов Иван 304
Кузнецов Степан 289
Кузнецов Степан 289
Кузовлев Афанасий 295
Кузьмин Б. А. 465
Кук Дж. 416–419, 421, 424–425, 427–428, 430
Кукушкина Е. Д. 137, 176, 193, 325, 447, 448, 480, 522, 525
Кулакова Л. И. 453, 455, 456, 464
Кулешов В. И. 443, 444, 459, 460
Куликова И. 508
Кулябко Е. С. 275
Кумпан К. А. 446
Куник А. А. 37, 39
Кунст И. 223, 225, 228
Куракин А. Б. 10
Куракин Б. И. 11–12
Куракин Ф. А. 12
Куратов А. А. 566
Курбатов П. П. 204, 544
Курбатов Федор 290
Курганов Н. Г. 466
Курилов А. С. 470, 527
Курышева Л. А. 252
Курятников Дмитрий 309
Кутателадзе Н. Н. 113,
Кутина Л. Л. 459
Кутловская Е. Н. 481, 483, 487, 489
Кутузов А. М. 544
Кушелев Г. Г. 418–419, 424, 428

Лабзин А. Ф. 181–182, 544
Лавринович М. Б. 276
Лавров В. 460
Лагарп Ж.-Ф. 241, 249, 369–370, 372–373
Лазаревич В. В. 543
Ланге Матвей 303
Лангейбек Карл Фридрих 285
Лангер К. Г. 559
Ланьяско П. Р. Тапарелли ди 214
Лапкина Г. А. 461
Лаппо-Данилевский К. Ю. 112, 119, 144, 447–448, 478, 480
Лаптев Иван 305
Лаптев Капитон 291
Лаптев Николай 283
Ларкович Д. В. 519
Ларокка Дж. 523
Ларсон Иоахим 317
Лаудон Э. Г. 560
Лафатер И. К. 160
Лафон Ж., де 522
Лафонтен Ж., де 238, 486, 514, 517
Лахманн Р. 493
Ле Ден О. 188
Лё Пилёр д'Аплиньи 559
Лебедев В. И. 270
Лебедев Е. Н. 471
Лебедев Михаил 319, 322

Лебедев С. Я. 545, 533
Лебедева О. Б. 87–88, 486, 491
Лебон Ж. 188
Леванда А. И. 545
Леванда И. В. 545
Левашев П. А. 545
Левашева О. Е. 474
Левин Николай 293
Левин Ю. Д. 12, 145, 180, 198, 206, 437, 454, 482, 484
Левитт М. 481, 483–484, 490
Левицкий Илья 303
Левицкий Н. Е. 545
Левшин В. А. 11
Левшина Ж. Л. 254, 513, 545, 559
Легкий Д. Д. 272
Легкой Дмитрий 280
Легкой Никита 314
Лейн У. 185
Лем Иван 189
Лемешев К. Н. 25, 276
Лемьер А.-М. 372
Леони Э. 249
Леонов И. С. 498, 502
Леонтьев Н. В. 545
Лепехин И. И. 270
Лепехин Иван, ученик Академической гимназии 280
Лепехин М. П. 273, 424, 447
Лессинг Г. Э. 376
Лефорт И. 214, 217
Лехтблау Л. Б. *см.* Светлов Л. Б.
Липсий Юст 42, 179
Лисицын Иван 321
Литвинов Алексей 304
Лихарев Василий 306
Лихачев А. Л. 545
Лихачев Д. С. 20, 255, 257, 479
Лихоткин Г. А. 137
Лобанов Яков 322
Лобысевич А. К. 545
Ловен Бернт 298
Локк Дж. 437, 452
Ломеновский Иван 299
Ломокин Иван 306
Ломоносов М. В. 21–49, 50, 52–53, 55–57, 61, 63, 72, 83–84, 87–88, 93, 103, 112, 120–121, 134, 169, 274–276, 436, 442, 447, 450, 452, 455–457, 460–466, 469, 471, 473, 476, 478, 481, 483–485, 487–488, 496–498, 501–503, 505, 510, 512–513, 517–519, 521–522, 524, 526
Лопухин И. В. 146, 148, 545, 558
Лопухин Николай 311
Лосенко А. П. 496
Лотман Ю. М. 159–161, 169, 208, 231–232, 454, 462, 471, 486
Лукиан Самосатский 33
Лукин В. И. 546
Лукин Петр 322
Лукини Джованни 375
Лукини Джузеппе 375
Лукичева З. В. 467
Луковников Андрей 291
Лукьянов И. 7
Лурье Я. С. 255
Луцевич Л. Ф. 467–468, 472, 474, 496, 498, 503
Львов Андрей 272, 302
Львов Василий 301
Львов Иван 300
Львов Н. А. 118, 121, 165, 478, 546
Львов Николай, ученик Академической гимназии 297
Львов П. Ю. 15, 559
Львов Сергей 301
Любавин М. А. 464
Любецкий Петр 311
Любецкой Иван 320
Любий Ф. 209, 557
Любимов Б. Н. 466
Любовников Илья 314
Любченко О. 449
Людвиг Иван Георг 309
Людвиг Иоганн Генрих 323
Людвиг Иоганн Фридрих 283
Людовик XII, французский король 240
Людовик XV, французский король 199
Людовик XVI, французский король 242

Люстров М. Ю. 488–489, 528
Лютер М. 176–178
Лямина Е. Э. 241, 249

Магницкий Леонтий 292
Магнус, учитель Академической гимназии 273
Мадебург Иван 312
Мазепа И. С. 136
Мазуччо да Салерно 216
Майзе Людвиг 286
Майков В. И. 77, 444, 447, 466, 469, 474, 480, 493, 502, 546
Майков Л. Н. 197
Макаренко Е. К. 496, 516, 523
Макарий, архимандрит Троицкой Новосерженской пустыни 152
Макаров П. И. 546
Макарова Д. А. 493
Макартни Дж., I граф Макартни 421, 423, 429
Макеева В. Н. 30, 39
Макогоненко Г. П. 61, 117, 147, 255, 440, 456, 468
Максим Грек 524
Максимович И. П. 12, 14
Максимович К. Д. 498
Максимович Степан 298
Максимович-Амбодик Н. М. 152
Макшанцева Н. В. 479
Малинин Н. 152
Малиновкин Иван 301
Малиновский А. Ф. 546
Малхун Хатун, супруга Османа II 186
Малышев И. В. 437
Мальцев Лаврентий 150
Мальцева Т. В. 480, 483, 491, 498, 506, 508, 509, 512, 513
Малэк Э. 254
Мандельштам О. Э. 505
Манкошев Иван 300
Мануйлов В. А. 436
Марасинова Е. Н. 158, 159
Марат Ж.-П. 202
Маргарита Наваррская 182
Марешаль П.-С. 237
Марино Дж. Б. 203
Мария Медичи, французская королева 227
Мария Федоровна, российская императрица 249
Маркер Г. 530
Марков Иван 306
Маркович В. М. 485, 487
Маркуро Г. (Брекур) 226
Мармонтель Ж.-Ф. 138–139, 147, 203
Маров Иван 299
Марси, де, аббат 234, 235, 246–248, 250
Мартини К. Ф. 180
Мартини Х. Л. 180
Мартынов Г. Г. 451
Мартынов И. И. 122, 546
Мартынов И. Ф. 147, 464, 530
Марченко Н. А. 160, 232, 237
Маршан Ж.-А. 369
Масса Петр 299
Матвеев Е. М. 513
Матинский М. А. 546
Маттеи Х. Ф. 146
Матяш С. А. 463, 490, 519
Машмейер Томас 302
Медведев П. 5
Мезин С. А. 530
Мейель Ф. К. 323
Мейер А. К. 546, 559
Мейер Христиан 301
Мейерхольд В. Э. 221
Мелиссино П. И. 492
Мелхиседек (Заболотский) 143
Мельгунов А. П. 101, 143
Менко Алексей 290
Меншиков А. Д.
Меншикова Е. А. 142, 370, 373
Мерзляков А. Ф. 490
Меркурьев Иван 299
Мерсье Л.-С. 182, 241
Метальников И. Я. 546
Метлин Дмитрий 295
Мефодий (Смирнов) 143
Меценат Гай Цильний 164

Мещерский А. И. 492
Мигунов Петр 312
Миддендорф Иоганн Христофор 300
Миклашевский К. М. 222
Микулин Степан 312
Мил Александр 280
Мил Готфрид 280
Миллер Г. Ф. 30, 52, 53, 56, 59, 61, 464, 559
Миллер Данила 295
Миллер Зигмунд 313
Миллер Карл 313
Миллер Ф. И. 546
Миллер Фридрих 287
Миловицкой Венедикт 323
Мильтон Дж. 12, 18, 144, 145, 510
Минден Аренд 323
Минден Христиан 323
Минералов Ю. И. 496, 509
Миних Б. Х. 245
Минути Р. 197
Мирутенко К. С. 509
Митрофан Иван 306
Митрофан Никита 306
Митрофанов С. М. 546
Митрофанова В. В. 256
Михайлов И. М. 533, 546
Михайлов Иван, отец И. И. Ораевского 105
Михайлов Иван, ученик Академической гимназии 295, 311
Михайлов Степан 295
Михайлов Фома 321
Михайлов Э. Л. 522
Михайлова Д. Д. 514
Михалков С. В. 505
Михеев Андрей 319
Михеева Т. С. 464, 467
Михелман Иоганн Соломон 297
Мовнина Н. С. 498
Модерах Карл Фридрих 303
Модзалевский Л. Б. 50
Можайский Т. И. 547
Моисеева Г. Н. 448, 468, 563
Моисей, иеромонах 143
Молоствов Дмитрий 303
Молочков Никита 284
Молчанов Матвей 285
Мольер Ж.-Б. 226–228, 376, 525
Момотов Астафий 303
Мондурнов Пантелей 314
Монморанси А. де 188
Монтескье Ш.-Л. 196–211, 514
Мор Иоганн Герварт 304
Моран П. де 369–370
Мордвинов Николай 313
Мордисон Г. З. 470, 481–483
Морков И. А. 547
Мороз Д. П. 478
Морозов А. А. 436, 453, 460, 462, 565
Морозов А. Г. 107
Морозов Д. О. 506
Морозов Егор 323
Морозов Ефим 315
Морозов П. О. 136
Морозов Петр, ученик Академической гимназии 303
Морозова Е. А. 498, 503
Морозова Н. П. 375, 469, 480, 483
Морозова Т. Л. 503
Мортов Вилиан 317
Москвина Т. В. 482
Москвичева Г. В. 458, 466, 471, 475, 477
Москотильников С. А. 547
Мотонис Н. Н. 547
Мочалин И. И. 323
Мошков А. Я. 324
Мошков Николай 324
Мстиславская Е. П. 434, 485, 494–495, 503, 524–525, 528
Муравьев Александр 306
Муравьев М. Н. 18, 170, 197, 205, 208, 464, 483–484, 494, 512
Муравьева О. С. 375
Муравьева Ф. Н. 209
Мусин-Пушкин А. И. 449, 547
Мылников Василий 306
Мыльников А. С. 530
Мышецкой Гаврила 306
Мязякин Михаил 301

Набережнин И. А. 547
Навроцкий Андриан 281
Навроцкий Лев 281
Надеждин К. Ф. 105
Надейнов Алексей 311
Назаров Петр 288
Назарова М. В. 520
Нартов А. А. 219, 547
Нарцискин Я. Ф. 547
Нарышкин А. В. 117, 129, 133, 547
Нарышкин С. В. 547
Наседкин Никита 318
Невзоров М. И. 547
Невиц Иван 308
Невиц Петр 308
Незеленов А. И. 530
Нейман К. И. 547
Некрасов Алексей 298
Некрасов И. М. 533, 547
Некрасов Н. А. 461
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 548
Немирович-Данченко В. И. 220
Нестеров Г. С. 269
Нехачин Д. В. 533, 548, 560
Нехачин И. В. 533, 548, 560
Нечаев П. О. 548
Никифоров Гаврила 306
Никифоров Павел 151
Никифоров Степан 285
Николаев Г. А. 460
Николаев Н. И. 474, 488, 524
Николаев Петр 313
Николаев С. И. 5, 6, 22–24, 30, 44, 50, 135–136, 169, 447, 450, 471, 496, 500, 517, 525
Николев Н. П. 472, 477, 506, 510, 512, 548
Николози Р. 513
Николсон 185
Никольская Т. Е. 510
Нилов А. П. 375, 559
Нилова Е. К., урожд. Бороздина 375
Новиков В. В. 548
Новиков В. И. 478
Новиков И. В. 182
Новиков И. Я. 548, 557, 560
Новиков Н. В. 252, 253
Новиков Н. И. 9, 16, 68, 73, 130, 140, 142, 146–147, 156, 235, 437, 452, 457, 460, 463–464, 469, 548, 558–562
Новикова А. М. 471
Носков Иван 324
Нострадамус М. 240, 248–251
Нугаре П.-Ж.-Б. 369, 371
Нюхолков Василий 294

Оберкирх Г.-Л. фон Вальднер фон Фрейндштейн, баронесса 241, 249
Образцова А. Г. 464
Обресков М. А. 79
Обухов Федор 293
Овидий Публий Назон 24, 533
Овчаренко О. А. 474
Одесский М. П. 500
Одинцов Иван 297, 320
Озеров В. А. 520
Озеров П. А. 548
Оксман Ю. Г. 489
Окунев А. Г. 548
Окунев Алексей 302
Окунев Михаил 304
Окунев Петр 304
Олденкоп И. Х. 58
Олешев А. В. 548
Олсуфьев А. В. 548
Ольшевская Л. А. 514
Ораевский А. И. 110
Ораевский В. Н. 97, 110
Ораевский И. И. 3, 95–111
Ораевский Н. И. 110
Ораевский Э. И. 110
Орбели Р. Р. 458
Орлов А. В. 107
Орлов А. Г. 108
Орлов А. П. 549
Орлов В. Г. 106–109
Орлов Г. Г. 78, 106, 108, 466
Орлов Г. И. 108
Орлов Дмитрий 287

Орлов И. Г. 106, 109, 466
Орлов Кодрат 149
Орлов О. В. 456, 461
Орлов П. А. 440, 465, 477, 480
Орлов Петр 319
Орлова М. Г. 375
Осипов Григорий 306
Осипов И. И. (Иван Иванов) 315
Осипов М. С. 294
Осман I, султан Османской империи 186
Осман II, султан Османской империи 185
Осповат А. Л. 452
Осповат К. А. 501, 503, 506, 514, 517
Остафьев Александр 299
Остафьев Алексей 299
Осташевский А. В. 521
Остервальд Д. 462
Остервальд Т. И. 549
Остерман А. И. 255
Отин Е. С. 13
Отрош Н. Лебретон д' 215–216, 218

Павел (Пономарев) 150, 550
Павел (Предтеченский) 97, 103–105
Павел I, российский император 40, 62–75, 137–138, 161–163, 373, 416–418, 444, 451, 476, 486, 488–489, 507, 533
Павлов Петр 317
Пайпс Р. 230
Пакатский Г. А. 150
Паков (Панов) Федор 295
Палладьев Семен 298
Панаев В. И. 473
Панаев И. И. 549
Панин Н. И. 60–80, 477, 515, 521, 549
Панкратьев Павел 280, 286
Панов М. В. 479
Панофски Г. 247
Панофски Э. 12
Пантелеева Е. А. 514
Панфилова Е. М. 490, 510
Панченко А. М. 8, 255–256, 479
Панченко Е. З. 506
Паперно И. А. 156
Парамонова М. К. 514
Парандовский Я. 5
Парфе К. 215
Парфе Ф. 215, 235
Парфенов Александр 297
Пастухов П. И. 180, 549
Пастушенко Л. М. 464
Паульсен К. 224
Пахомов М. С. 549
Пахомьев Яков 297
Пезенти М. К. 507
Пекарский П. П. 10, 15, 50, 52–54, 56–57
Перевозкина М. В. 521
Перекислов Николай 291
Перепечин Н. И. 549
Перетц В. Н. 222
Перини О. 523
Перо, аббат 234
Перфильев С. В. 549
Песков А. М. 471–472, 478
Петр I, российский император 7–9, 69, 131, 135, 158, 169–171, 223, 369, 370–373, 451, 476, 495, 505–507, 516, 558, 562
Петр III, российский император 65, 66, 69, 74, 76, 158, 451
Петривняя Е. К. 513, 515, 517
Петров А. А. 118, 160
Петров А. В. 450, 498, 503
Петров Асаф 307
Петров В. П. 77, 525–526, 549
Петров Иван 278, 285
Петров Иосиф 320
Петровская И. Ф. 483
Петровский Иван 299
Пеццль И. 560
Печерин Ф. П. 549
Пигарев К. В. 463
Пиль Р. 560
Пильщиков И. А. 509
Пиндар 18, 165, 492
Пинчуков П. П. 470
Писарев А. И. 549
Пискатор Н. 6

Питкерн А. 235
Плавинская Н. Ю. 197–199, 206
Платон 192, 524, 526
Платон (Левшин) 137–138, 140–141, 143–149, 153, 170, 560
Платонов А. 155
Платонова Н. В. 524
Пленк Й. Я. 560
Плещеев С. И. 549
Плунгян В. А. 121
Плясунов Родион 324
Победоносцев П. В. 509, 550
Погодин М. П. 21
Погосян Е. А. 488, 510
Подводин Василий 317
Подковкина Е. А. 503
Подшивалов В. С. 550
Позднякова Е. Г. 504, 519
Полетика Г. А. 550
Поливанов Н. И. 272
Поливанов Николай, ученик Академической гимназии 317
Политковский Г. Г. 550
Половцов А. А. 99
Полонская И. М. 530
Полонский П. А. 550
Полонский П. Я. 550
Поляков Михаил 283
Полянская М. 325–326
Померанцев В. П. 325–326
Поморцев П. Я. 533, 550
Пономарев М. П. 562
Попов В. С. 550
Попов Ефрем 305
Попов И. В., исследователь 460, 493, 504
Попов И. В., типограф 209, 550, 557
Попов Иван 324
Попов М. И. 454, 509, 550
Попов Н. Е. 146
Попов Петр 294, 302
Поповский Н. Н. 513
Порошин С. А. 63–64, 72
Портнов В. С. 460
Порфирьева А. Л. 526
Посконин В. В. 468
Посников Павел 283
Поспелов Г. Н. 457
Поспелов Ф. Т. 550
Постухов Алексей 302
Потемкин Г. А. 452, 500
Потемкин П. С. 550
Поуп А. 18, 205
Пракситель 200
Прейзер Иоганн Христиан 281
Прийма Ф. Я. 95
Приклонский В. А. 551
Приклонский И. В. 551
Прозоров Ю. М. 13
Пропп В. Я. 257
Проскурина В. Ю. 507
Протанский Иван 287
Протасов А. Я. 551
Протопопов А. Ф. 154–155, 551
Протопопов В. М. 153
Протопопов Егор 293
Проухов Петр 305
Прохоров Е. П. 436
Пруснов Карл Фридрих 291
Пуговишников, типограф 560
Пумпянский Л. В. 50, 491
Пушкин А. С. 68, 80, 195, 211, 253, 456, 458, 485, 489, 491, 495, 500–501
Пыляев М. И. 172
Пыпин А. Н. 18
Пырский И. П. 270–271, 318, 551

Рабенер Г. В. 560
Рабле Ф. 3, 230–252
Радищев А. Н. 138, 231, 459–460, 551
Радь Э. А. 498–499
Раевский Андрей 279
Раевский Семен 279
Разумовская М. В. 196
Разумовский К. Г. 33, 53–54, 59, 275, 280, 316
Разумовский Ф. В. 471
Рак В. Д. 141, 148, 152, 182–183, 447–448, 489–490, 530
Рапен де Туара П. де 187
Расин Ж. 81–94, 375, 439, 515, 521–522

Растягаев А. В. 519, 521, 524, 526–527
Ратников К. В. 509
Раузмовский А. К. 293, 449
Рахманинов И. Г. 551, 558, 560, 561
Рейналь Г.-Т.-Ф. 560
Рел Иоганн 322
Ремнева М. Л. 518, 519
Реньяр Ж.-Ф. 217
Ресницын Алексей 319
Решетников А. Г. 557–558, 560–561
Ржевская А. Ф. 450
Ржевский А. А. 117, 132, 464, 478, 502, 551
Ригер Александр 309
Рижский И. С. 551
Риккобони Л. 215–216
Риккобони Ф. 215
Ристори Т. 214, 217
Рихман Вильгельм 318
Рихман Фридрих 318
Робеспьер М. 194, 231
Ровнер М. Л. 491
Рогов А. И. 442
Рогов К. Ю. 447
Родет Герасим 278
Родет Иван 278
Родионов Дмитрий 288
Рожкова Т. И. 479, 483, 493, 513, 517, 519, 521, 523–524, 527
Розе И. В. 180
Рознотовский А. В. 551
Рокотов Дмитрий 306
Рокотов Матвей 307
Рокотов Ф. С. 496, 512
Романов Иван 304
Романов Степан 287
Романова Г. И. 449
Романович-Славятинский А. В. 158
Романычева И. Г. 496
Ромодановская Е. К. 255–256, 258
Ронсар П. 510
Росси Л. 196, 204, 208–209, 484
Россохин И. К. 273
Россохин П. И. 273, 295
Ростовцев Степан 319
Росций Секст Америн 41
Рубан В. Г. 511, 551, 561
Рубцов Александр 281
Рубцов Егор 302
Рудаков Алексей 311
Рудаков Иван 312
Рудаковский Петр 278
Рудаковский Степан 278
Руднев Д. В. 517, 527
Рудов М. А. 462
Рукомойкин Иван 323
Румянцев А. П. 79
Румянцев С. П. 551
Русимов Роман 287
Русинов Матвей 322
Руссо Ж.-Б. 376,
Руссо Ж.-Ж. 202, 439, 454, 471
Рыбакова А. А. 509
Рыбин Александр 317
Рыбин Андрей 320
Рыбин Василий 318
Рыкачев Д. М. 552
Рыкова Н. Я. 93
Рычкова Г. П. 466

Саблин Федор 311
Саванчаев Иван 564
Савелов Н. П. 552
Савельев Егор 316
Савельев Матвей 294
Савельева Л. И. 468
Савилова Н. И. 483
Савин Герасим 282
Садовников А. Г. 509
Садовников Николай 279
Садовников Федор 279
Сазонова Л. И. 22, 478
Сайсселин Р. 204
Сакки Г. 520
Салмениус Антон Ульрих 292
Салова С. А. 470, 472, 477, 480, 497, 504, 507, 510, 513, 523–524, 526–527
Салтыков С. В. 552
Самаренко В. П. 454

Самарин А. Ю. 529–531, 534
Самуил (Мирославский) 140, 546
Самуил Марокканский 152
Сандунов Н. Н. 3, 192–193, 325
Сапогов В. А. 462
Сапфо 439, 499, 504, 510
Сапченко Л. А. 483
Саркисян Е. В. 481, 485, 494
Сарычев Василий 281
Сарычев Иван 281, 289
Саськова Т. В. 489–490
Сахаров В. И. 491
Сахаров Н. Д. 325–326
Свердлов М. Б. 526
Светлов (Лехтблау) Л. Б. 437
Светов (Цветов) В. П. 270
Светов Василий 302
Свечин Алексей 296
Свешников Алексей 564
Свистунов П. С. 522, 552
Свиязев Иван 296
Свиясов Е. В. 486, 499, 504, 528
Святополк-Мирский Д. П. 504
Севериков Алексей 298
Сегель Г. Б. 204
Сегер Андрей 324
Сегер Мартин 324
Селезнев Дмитрий 286
Селиванов Б. 477
Селиванов Иван 307
Селивановский С. И. 560
Семенев Алексей 297
Семенников В. П. 79, 146, 206, 530
Семенов Андрей 322
Семенов Дмитрий 324
Семенов Иван 316
Семенов П. А. 497
Семичев А. Д. 552
Сенников Г. И. 462
Сенчина Л. Т. 472–474, 479, 485–486
Сердюков Михаил 282
Сердюков Семен 294
Серебряный Ю. 528
Серман И. З. 18, 40, 87, 117, 208, 231, 437, 455–457, 461, 491, 527
Сибилев Николай 290
Сиднев Ефим 289
Сидоров Иван 322
Сидорова Ю. Н. 456
Силина А. С. 95, 103
Силинская Г. Г. 142
Симанков В. И. 176, 193, 325
Симеон Полоцкий 7, 17
Симон (Кохановский) 42
Симон (Лагов) 545
Симон, архимандрит Спасо-Андрониева монастыря 150
Симон, епископ Рязанский и Шацкий 151
Симонов Григорий 313
Симонов Семен 307
Синицин Николай 319
Синявская М. С. 325–326
Синяева А. А. 525
Сиповский В. В. 222, 230–232
Ситников Петр 297
Ситникова Г. В. 491, 526–527
Сицына-Кудрявцева А. Н. 524
Сичинава Д. В. 121
Сичкарев И. И. 203, 206–210
Сичкарев Л. И. 552
Скаррон П. 225–227, 463
Скобелкина А. В. 524
Скрипиль М. О. 256
Скуфос Ф. 561
Слащов Иван 307
Слободская Н. И. 454, 456
Словцов П. А. 552
Сложеникина Ю. В. 519, 521, 524, 526–527
Слонимский А. Л. 489
Сметский Карл 315
Смирдин М. 468
Смирнов А. А. 470
Смирнов В. Ю. 526
Смирнов Г. А. 143, 153
Смирнов Н. С. 553
Смирнов С. К. 105
Смирной Иван 303
Смолина К. А. 494

Смолянинов Осип 299
Смолярова Т. И. 165, 495
Снятиновский В. И. 533, 553
Собакин М. Г. 553
Соблизий Михаил 296
Соболев Стефан 304
Соболов Петр 292
Совалин В. С. 467
Соковнин Александр 289
Соковнин Алексей 289
Соколов А. Н. 439, 456
Соколов И. Я. 553
Соколов Иван 277, 288, 314, 321
Соколов М. 143
Соколов П. А. 553
Соколов П. И. 553
Соколов Яков 308
Сокольникова А. К. 468
Сокольский И. 143, 145
Солдатова Л. М. 375
Соловьев А. Ю. 434
Соловьев В. Н. 221
Соловьев С. М. 78
Соломонова А. А. 515
Соломоновская А. Л. 524
Сомина В. В. 483
Сопиков В. С. 198, 557
Сорокин В. Б. 515
Сорокин Николай 319
Софонович И. Ф. 553
Сохацкий П. А. 193
Спенсер Дж. 420, 429–430
Сперантов В. В. 489
Спешницкий С. И. 553
Спиридов М. Г. 553
Срезневский И. Е. 553
Ставровский И. 145
Станислав II Август Понятовский, польский король 76
Станислав Иоанн 305
Старикова Л. М. 214, 223
Старицын Гаврила 308
Старицын Николай 309
Старицын Петр 282
Старобинский Ж. 12
Старов Иван 306
Стенник Ю. В. 85–86, 138, 434, 446–448, 457, 462, 466, 468–470, 472–473, 475–476, 479–482, 485–486, 488, 490, 497, 499, 501, 507, 527–528
Степанов А. В. 509
Степанов В. П. 8, 11, 16, 60–61, 63–64, 73, 76, 434, 439, 443, 445, 451, 464, 466, 469, 473, 477, 479, 481–482, 492, 505, 527–528, 530–532
Степанов И. П. 553
Степанов Михаил 323
Степанов Н. Л. 443, 445, 460
Степанов Петр 285
Степанов Степан 316
Стерн Л. 231, 235, 238–239
Стефановский Семен 293
Стиль Р. 179, 182
Стогов Федор 316
Стонтон Дж. Л. 423
Страхов П. И. 553
Стрежнев Иван 279
Стрежнев Николай 279
Строганов А. Г. 14, 18, 145
Строганов А. С. 71, 553
Стружихина В. Е. 481, 484–485
Струйский Н. Е. 118, 132, 554
Струкова Т. В. 523
Стюарт Дж., III граф Бьют 421–423, 429–433
Суворов А. В. 459–460
Судаков М. 192
Судовщиков Н. Р. 554
Сумароков А. П. 3–4, 38–40, 50, 53–54, 57–94, 116–117, 120, 122, 126–127, 130–134, 139–140, 169, 205, 229, 274, 376, 434–528, 561
Сумароков П. И. 16, 512
Сумароков П. П. 514
Сумороцкий Михаил 306
Сумороцкий Петр 306
Сунгуров Николай 277, 280
Супрунова Д. А. 519, 526
Суровцов Федор 290

Сухомлинов М. И. 21–24, 48, 49, 52, 56
Сушков М. В. 554, 561
Сыромятникова А. А. 476

Таиров А. Я. 221
Тараканова А. Д. 511, 514
Тарановский К. Ф. 461, 463
Тарбеев Семен 320
Тарковский Р. Б. 458
Тарумов Андрей 296
Тассо Т. 461
Татаринов А. И. 554
Татаринов Евдоким 290
Татаринов Федор 290
Татаринова Л. Е. 463
Татищев И. И. 554
Таузаков Алексей 316
Тверитенов Гаврила 292
Тейльс А. А. 554
Телегин Аврам 298
Теплов В. Е. 270
Теплов Г. Н. 51–54, 59, 554
Теребинин Михаил 321
Тереньтев И. Т. 273
Терехов С. Ф. 456
Терликов П. П. 554
Тил Яким 300
Тимковский И. Ф. 554
Тимофеев Николай 295
Тимофеев П. Т. 486
Тимофеев Симеон 310
Тимофеев Трофим 295
Тимофей (Щербацкий) 136
Тимченко П. И. 554
Тиндейл У. 524
Тирен Петр 310
Тирсо де Молина (Габриель Тельес) 216
Титлинов Б. В. 138–139
Титов А. А. 95, 97, 99, 110
Титова Л. В. 256
Тихвинский Н. 98
Тихон (Соколов) 152
Тихонравов Н. С. 223–226, 228
Тоби Фердинанд 292, 300
Товаров Никифор 303
Тодорский И. С. 554, 561
Тодорский С. Ф. 270
Токарев Иван 286
Толлю Э. О. 515
Толстой Д. А. 269
Томашевский Б. В. 489
Томилов Илья 284
Топоров В. Н. 494
Тоузаков Алексей 320
Тоузаков Трофим 320
Травников С. Н. 514
Трахтенберг Л. А. 514
Тредиаковский В. К. 3, 10, 14–15, 17–18, 21–59, 63, 83, 112, 460–462, 471, 473–477, 481, 483–484, 486–487, 490, 492, 502, 512–513, 516–517, 526, 561
Трепольский Илья 278, 296
Третьяков Василий 311
Трилинский Максим 288
Троепольская Т. М. 449, 464
Троицкий В. Ю. 472
Тропичева Е. И. 566
Трофимова Н. В. 515
Трофимова О. В. 42
Трубецкая В. А. 554
Трубецкой Н. Н. 554
Трубецкой П. Н. 554
Трубицына В. В. 494, 497, 499, 501, 504, 507, 515, 518
Трусов Сергей 320
Туманский И. Г. 555
Туманский Ф. О. 555
Тункина И. В. 51
Тунцелман Петр 301
Тургенев И. П. 148, 555
Тургенев Николай 312
Тургенев П. П. 555
Турковский П. Е. 555
Туфанова О. А. 515
Тынянов Ю. Н. 115, 465
Тыраков Николай 283

Увиль А. Ле Метел д’ 215–216, 218, 226
Удам Иоганн 281

Удам Карл 281
Узанн О. 202, 204
Украсов А. А. 325–326
Унгебауэр И. Ю. 51
Унферцахт Иоганн Густав 301
Урусов С. Ю. 555
Урусова Е. С. 555
Усачев Василий 288
Успенский Б. А. 40, 56, 58, 160, 169, 232, 462, 473, 475–476, 486, 492, 519
Уц И. П. 18
Участкина З. В. 254
Ушаков А. Д. 273
Ушаков В. А. 273
Ушаков С. Ф. 449
Уэтстон Дж. 179

Фадеев Иван 291
Фаизова И. В. 158
Фармаковский И. 555
Фатувиль Н. де 217
Федеричи К. 180
Федор Алексеевич, русский царевич 7
Федоров А. В. 437
Федоров В. И. 456, 461, 467, 477, 499
Федоров Николай 288
Федоров Стефан 298
Федоров Трофим 299
Федоровская Л. А. 9
Федосиев А. И. 6–7
Федотов Н. И. (Василий Иванов) 314, 324
Федотов О. И. 465
Федотов П. 325, 326
Федотова М. А. 10, 521
Федотьев Дмитрий 313, 315
Федюкин И. И. 276
Фельдберг А. 487–488
Фельтен И. 224–228
Фельтен К. 228
Фенелон Ф. 12, 75, 202–203, 210
Феокрит 33
Феолог, монах Чудова монастыря 10
Феофан (Прокопович) 136, 140–142, 461
Фере Данила 278
Фере Фридрих 278
Феррацци М. 212–213, 215, 221, 507, 511, 520
Феслер И. А. 193
Фешин Василий 291
Фешин Петр 291
Фигут Р. 487
Филатьев Алексей 272, 298
Филипен *см.* Дешан К. де Вилье
Филипп Добрый, герцог Бургундский 178
Филипп II, герцог Орлеанский 215
Филиппов Егор 279
Филиппов Тимофей 305
Филонов Е. А. 254
Фишер Федор 310
Флеминг П. 439, 454, 487
Флориан Ж.-П.-К. 561
Флуг Генрих Габриель 315
Флуг Иоганн Август 315
Фоменко И. Ю. 160, 163–164, 180, 197, 416, 424, 533
Фомин А. И., писатель 4. 565–566
Фомин Александр, архангелогородский купец 564
Фонвизин Д. И. 63, 140, 204, 456, 460, 496, 555
Фонвизин П. И. 555
Фонтенель Б. 17
Фора Л.-Ф. 194
Форстер Дж. 419, 425, 428
Форстман Николай 293
Франциск I, французский король 240
Фревиль А.-Ф.-Ж. 561
Фрейганг Петр 318
Фрейганг Федор 318
Фрейдкина И. С. 457
Фризман Л. Г. 448, 461
Фрис Григорий 316
Фролкина Т. И. 494
Фролов Афанасий 321
Фролов Иван 315
Фролов Николай 303
Фюрст О. 223

Хаджиабдич Я. 458
Хакс П. 520
Ханенко Иван 311
Хардервийк И. ван 178
Харламов Е. С. 556
Харлампьев Иван 321
Хаустов (Хадетов) Яков 314
Хворостьянова Е. В. 463
Хвостов А. С. 556
Хвостов Д. И. 509
Хексельшнайдер Э. 520
Хемницер И. И. 460, 513
Херасков М. М. 77, 80, 115, 117–118, 122–129, 132, 203, 209–210, 376, 464, 474, 484, 505, 523, 556
Хераскова Е. В. 116, 120, 130–132, 492, 499, 510, 556
Хилковский Алексей 281
Хитров Алексей 279
Хитров Николай 279
Хлебников Иван 289
Хлуденов Петр 282
Хмельницкий И. П. 556
Холл Дж. 150
Холшевников В. Е. 459, 478
Хомейков Александр 292
Хомотин Федор 319
Хоныков М. 6, 7
Хотеев П. И.
Храповицкий А. В. 556
Храповицкий М. В. 556
Хрипунов Феодосий 292
Христенко И. С. 212–213, 216, 218–220
Хрущев А. Ф. 12
Хэролд К. 452

Царькова Т. С. 450
Цветаев Л. А. 556
Цветихин М. 150
Цетлер Иоганн Вильгельм Карл 301
Цетлер Фридрих 301, 319
Циммерман Готфрид 282
Цицерон Марк Туллий 34, 41–42, 45, 149
Цицианов Д. П. 458, 556
Цолликофер Г. И. 146, 153

Чайлдс Дж. 188
Чалкова Т. Ф. 257, 258
Чашников И. А. 556
Чебенев Николай 320
Чеботарев Х. А. 556
Чекалевский П. П. 556
Чекунова А. Е. 566
Челищев П. И. 272, 307, 556
Чемесов Е. П. 466
Чепарин Матвей 307
Чепуров А. А. 482
Чередниченко Т. 463
Черепанова О. А. 523
Черкасов И. И. 556
Черников В. М. 557
Черницкой Михаил 321
Чернышева Л. В. 490, 492, 497
Чернявский О. Ф. 533, 557
Черняев П. Н. 113
Чертков В. А. 557
Чертов Матвей 294
Честихин Иван 317
Чечерин Александр 303
Чечулин Н. Д. 517
Чижов Алексей 319
Чистович И. А. 105
Чоранеску А. 218
Чубелев Степан 320
Чугунова О. А. 480
Чулков М. Д. 13–14, 16, 463–464, 477

Шаамирянц А. 562
Шабалов С. В. 566
Шаврыгин С. М. 484
Шакина О. А. 499
Шамшев Александр 281
Шамшев Яков 281
Шанская И. А. 464
Шапир М. И. 492
Шарков О. П. 457
Шаршмит Иоганн Фридрих 283
Шарыпкин Д. М. 138
Шаховской А. А. 484
Шванвиц М. 269
Швангер Иоганн 285

Шебалин Василий 288
Шекспир У. 176, 179, 376, 475, 479, 488
Шенинг Иоганн 293
Шенк Д. 130, 133
Шепелев И. Д. 192
Шереметева А. П. 515
Шестаков В. П. 438
Шестаковский И. И. 270
Шибаев Ермолай 287
Шиллер Ф. 167
Шильдер Н. К. 64–65
Шиповский Г. И. 561
Шипунов Петр 315
Ширяев Петр 282
Шишкин А. Б. 155, 473
Шишкин Андрей 322
Шишкин И. В. 187
Шишкин Иван, ученик Академической гимназии 304
Шишмарев В. Ф. 236
Шишуков Алексей 312
Шкипина И. В. 515
Шлецер А. Л. 562
Шляпкин И. А. 252–253
Шмаров А. В. 322
Шмид В. 485, 487
Шмид Ф. А. 562
Шмидер Андрей 307
Шмидер Георг Христоф 284
Шмидер Иоганн Фридрих 284
Шне Иван 311
Шокуров Лев 311
Шпилевский Тихон 324
Шпинов Яков 288
Штелин Я. Я. 495, 562
Шувалов А. П. 138, 373, 557
Шувалов И. И. 304, 517, 557
Шугов Семен 297
Шумахер И. Д. 9, 53, 59
Шумигорский Е. С. 64–67, 72
Шумской Максим 281
Шумской Павел 281
Шураев Петр 290
Шурер Ф. Л. 562
Шурлин А. И. 533, 557

Щеголева Л. И. 495
Щедрин Лев 283
Щепин К. И. 274
Щепкина-Куперник Т. Л. 212
Щербаков В. И. 450
Щербатов М. М. 14, 468, 557
Щукин Степан 298, 300

Эзоп 235, 514, 517
Эйлер И. А. 51
Экгард Иоганн Рудольф 320
Экгард Рудольф Христиан 320
Элиан Клавдий 207
Элиас Н. 171
Эльяш Н. И. 464
Эмин Ф. А. 203, 489–490
Энден И., фон 492
Эразм Роттердамский 46, 151
Эруций Гай 41
Эткинд Е. Г. 439

Ювенал Децим Юний 9
Юдин Иван 288
Юдин Михаил 307
Юй Хуэйцзюй (Хуэйцзюнь) 519–521, 526
Юм. Д. 187–188, 192
Юркевич Алексей 319
Юров Иван 277, 280
Юханнисон К. 12

Яговкина Н. В. 520–521
Языков Д. Д. 103
Языков Николай 284
Яковлев Андрей 312
Яковлев Н. В. 489
Яковлев Петр 303
Яковлев С. Я. 96
Яковлева Ю. 481
Якубович Д. П. 489
Якушева Г. В. 515
Яницкая С. С. 501, 505
Янс З. 58
Ярошенко-Титова Л. В. *см.* Титова Л. В.
Яхонтов И. П. 270
Яхонтов Иван 316
Яценков Н. 562

Asholt W. 157
Ausfeld F. 116

Baecque A. de 233–236
Barber G. 233
Blakey D. 185
Brady P. 204–205
Brézetz A. de 202
Busch W. 165

Caminero J. 220
Cooper R. 233
Courteney C. P. 233
Cross A. 237

D'Antuono N. L. 218, 228
D'Israeli I. 188
De Gomez M. A. 201
Décote G. 249
Delon M. 179
Demerson G. 244, 245
Desné R. 371
Dixon S. 501
Dornier C. 198–200, 202–203
Droixhé D. 373

Ehrhard M. 197
Elyada O. 236, 247
Engel-Braunschmidt A. 156

Fähnders W. 157
Ferret O. 234
Fraanje M. 502
Fréron E.-C. 202–203
Fumaroli M. 157–158

Gallo A. 218
Geffriaud Rosso J. 199, 201, 203–204
Gillespie S. 179
Graves A. B. 189
Grève M. de 240
Guitton E. 234

Hammarberg G. 208
Huber M. 180
Hyde M. L. 205

Iwiński A. D. 206

Jones R. E. 158

Kiesel H. 167
Klibansky R. 12

Landriot P. 249
Lascelles M. 176
Le Bègue de Presle A.-G. 241
Loewen D. 164
Lohmeier A.-M. 164, 165, 166

Magne E. 227
Marais M. 201
Martin A. 247
Martin N. 157
McKenna A. 234
Melvin F. E. 247
Menant S. 179
Mervaud C. 179
Montbrison L. de 241
Montmignon d'Oducet M. 249
Moore F. 202, 203
Mooser R.-A. 213–214
Mortier R. 371, 373

Newlin Th. 174
Nigro S. S. 216

Otwinowska B. 10

Pandolfi V. 216
Papmehl K. A. 137
Pieper J. 158
Pomeau R. 179
Profeti M. G. 218
Proust J. 189

Raeff M. 159
Rai-Gonneau E. 452
Randolph J. 164
Reichenberger K. 220

Saricks A. A. 247
Saxl F. 12
Scharf C. 172
Schreiber A. 193
Screech M. A. 240
Settembrini L. 216

Shackleton R. 233
Smith J. H. 176
Spaziani M. 217
Stumpp G. 157
Syonnet Gautier L.-J. 249

Tatin-Gournier J.-J. 234, 242
Thiergen P. 156, 170
Toulmin J. 188
Trédé-Boulmer M. 157
Trousson R. 371, 373

Vian L. 199
Vickers B. 10
Volpihlac-Auger C. 198, 201

Walsh R. J. 176
Walter G. 247
Weiserber J. 205
West M. L. 116

АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, БИБЛИОГРАФИЯ

С. И. Николаев

Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом

В статье рассматриваются причины, которыми русские писатели и переводчики XVIII в. в предисловиях или посвящениях объясняли причины своего обращения к сочинительству. Это стало характерной чертой становления писательского самосознания Нового времени. Назывались самые разные причины, но две приводятся с известной устойчивостью с конца XVII в. и до начала XIX в. Во-первых, это концепция otium litteratum («праздное время в пользу употребленное»), во-вторых, это меланхолическая топика (грусть, тоска, печаль, скука, болезнь). Немаловажно, что обе концепции уходят своими корнями в европейскую эстетическую мысль, которая в течение XVIII в. была глубоко осмыслена и усвоена русскими писателями.

Ключевые слова: топика литературного труда, causa scribendi, otium litteratum, aemulatio, меланхолия.

S. I. Nikolaev

Russian writers of the 18th century justifying their literary production.

The paper looks at reasons cited by Russian writers and translators of the 18th century in forewords or dedications to their books in order to explain why and how they turned to creative writing. Reflection on one's motivation to write became an essential part of one's identity as a writer in the Modern Age. We find a variety of reasons, two of which stand out as they continue being mentioned from the end of the 17th century through early 19th century. The first is the concept of *otium litteratum* («useful idleness»), while the second prominent topic concerns melancholy (sadness, sorrow, gloom, boredom, illness). Both conceptions are rooted in contemporary European aesthetics upon which Russian writers of the 18th century reflected at length.

Keywords: concepts of creative writing, causa scribendi, otium litteratum, aemulatio, melancholy.

Библиография

Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17: XVII век.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2014. Т. 18: XVII век.

Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. СПб., 1731.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997.

История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995–1996. Т. 1–2.

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Кантемир А. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867–1868. Т. 1–2.

Кемпинский А. Меланхолия. СПб., 2002.

Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990.

Лёвшин В. А. Русские сказки. М., 1780. Ч. 4.

Лихачев Д. С. Литература-реальность-литература. Л., 1984.

Медведев П. В лаборатории писателя. Л., 1971.

Николаев С. И. Прощание с книгой // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 166–174.

Николаев С. И. «Я жег мой труд»: суд писателя XVIII в. над своим произведением // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 149–155.

Николаев С. И. Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 26–38.

Николаев С. И. Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 82–95.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века: (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3–19.

Николаев С. И. Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 73–84.

Николаев С. И. Смерть поэта в эпитафии и элегии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 291–297.

Отин Е. С. «Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия» // Русская речь. 1986. № 2. С. 130–135.

Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1981.

Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 112–128. (XVIII век. Сб. 9).

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1972.

Пекарский П. Материалы для биографии В. К. Тредиаковского // Записки императорской Академии наук. 1866. Т. 9. Кн. 2. С. 175–193.

Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.

Полезное увеселение. 1762. Июнь.

Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959.

Прозоров Ю. М. «И меланхолии печать была на нем…»: Об основаниях поэтического мышления В. А. Жуковского // Прозоров Ю. М. Классика: Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб., 2013. С. 49–102.

Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891.
Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951.
Серман И. З. Неизданная философская поэма В. Тредиаковского // Русская литература. 1961. № 1. С. 160–168.
Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953.
Старобинский Ж. Чернила меланхолии. М., 2016.
Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. (XVIII век. Сб. 14). С. 105–120.
Степанов В. П. Неизданные тексты И. М. Долгорукова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 409–430.
Степанов В. П. Новиков и Чулков. (Литературные взаимоотношения) // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 49–76. (XVIII век. Сб. 11). С. 49–76
Стихотворная комедия, комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века. Л., 1990. Т. 1.
Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990.
Федоровская Л. А. Неизвестное письмо Антиоха Кантемира к Байеру // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996. С. 52–66.
Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: Исследование и тексты. М., 2005.
Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703. М., 2008.
[*Чулков М. Д.*] Сельский лечебник, собранный из печатных сочинений по алфавиту. М., 1790. Ч. 1. [Вып. 4]: Буквы З–И.
Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. М., 2011.

Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art. Nendeln, 1979.
Otwinowska B. Humanistyczna koncepcja *otium* w Polsce na tle tradycji europejskiej // Studia porownawcze o literaturze staropolskiej. Wrocław, 1980. S. 169–186.
Vickers B. Leisure and idleness in the Renaissance: the ambivalence of *otium* // Renaissance studies. 1990. Vol. 4. № 1. P. 1–37.

А. А. Костин

Тредиаковский — читатель ломоносовской Риторики
(вопрос к истории текста)

В статье анализируется соотношение помет, оставленных В. К. Тредиаковским на экземпляре первого издания «Краткого руководства к красноречию» (1748) М. В. Ломоносова, и правки, внесенной автором в текст при переиздании этого пособия в составе собрания сочинений, изданного Московским университетом (1759–1765); в частности, проверяется предложенная С. И. Николаевым гипотеза

о влиянии помет Тредиаковского на ломоносовскую правку. 37 случаев совпадения помет и правки (немногим более 10% от корпуса помет Тредиаковского и менее 10% от исправленний, внесенных Ломоносовым) проанализированы с учетом вариантов текста «Краткого руководства к красноречию» по наборной рукописи и корректурным листам издания 1748 г.; полного корпуса правки, внесенной Ломоносовым в издание 1759–1765 гг.; филологической работы Ломоносова по подготовке «Российской грамматики»; лексики его сочинений и документов; а также литературных и стилистических споров 1740–1750-х гг. Результаты анализа показывают, что Ломоносов правил второе издание своей Риторики без оглядки на пометы Тредиаковского (исключение можно видеть лишь в четырех фрагментах), исходя из собственных представлений о норме русского языка, формировавшихся в конце 1740–1750-х гг. не без влияния полемических сочинений Тредиаковского. В приложении публикуются сведения о пометах Тредиаковского, дополняющие комментарий М. И. Сухомлинова.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, текстология, история текста, риторика, маргиналии, история языка, литературная полемика.

A. A. Kostin

Trediakovsky reads Lomonosov's Rhetoric:
some questions regarding the genesis of the text

This paper discusses notes and marginalia left by Trediakovsky in his copy of Lomonosov's Rhetoric (1748), compared to the corrections made by Lomonosov in the second edition of his book (1759); one of the points of this discussion is to evaluate S. I. Nikolaev's hypothesis, that Trediakovsky's notes had notably influenced Lomonosov. Among 310 Trediakovsky' notes and over 400 Lomonosov's corrections only 37 correspond each other. These cases are studied individually, using a) manuscript and proofsheets of the 1748 edition of the Rhetoric; b) the full body of corrections in 1759 edition; c) Lomonosov's work in preparing his *Russian grammar* (1755); d) lexics of Lomonosow's works and documents; e) literary and language polemics of 1740–1750's. The analysis makes it clear, that the second edition of Lomonosov's Rhetoric was corrected independently of the Trediakovsky's notes (only four cases may be questioned), based on Lomonosov's own style and language theory, which developed in 1740–1750's and was partly obliged to Trediakovsky's polemical writings. The appendix offers addenda to the corpus of Trediakovsky's notes as published by M. I. Sukhomlinov.

Keywords: Lomonosov, Trediakovsky, textual criticism, genesis of the text, rhetoric, marginalia, language history, literary polemics.

Библиография

Граннес А. Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века // Граннес А. Избранные труды по русскому и славянскому языкознанию. М., 1998. С. 11–248.

Клейн И. Пасторальная поэзия русского классицизма // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 19–218.

Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Т. 2. С. 9–34.

Костин А. А. Тредиаковский в 1755 году: несколько архивных замечаний // XVIII век. СПб., 2017. Сб. 29. С. 50–59.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7; 1955. Т. 9; 1952. Т. 10.

Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1895. Т. 3.

Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961.

Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век. М., 1966.

Николаев С. И. Пометы В. К. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 7–15.

Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 год. СПб., 1853.

Погодин М. П. Мои археологические приобретения // Москвитянин. 1852. Т. 1. Отд. 7. С. 41.

Сазонова Л. И. [Примечания к работе 4] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 2-е изд. М.; СПб., 2011. Т. 7. С. 662–718.

Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Ч. 2.

Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений <…>. М., 1787. Ч. 10.

Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой. СПб., 1748.

Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2002.

Трофимова О. В. Тюменские челобитные Екатерине Второй: судьба названия и жанра // Словцовские чтения — 2002. Тюмень, 2002. С. 159–161.

Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988.

Тюличев Д. В. Прижизненные издания литературных произведений и некоторых научных трудов М. В. Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. Л., 1983. С. 49–75.

Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. Vol. 8. № 2. С. 75–127.

Caussin N. Nicolai Caussini <...> de eloquentia sacra et humana. Coloniae Agrippinae, 1626.

Levitsky A. Vasilij Kirillovič Trediakovskij. Psalter 1753. Erstausgabe. Paderborn et al., 1989.

А. А. Костин

Тредиаковский в 1755 году: несколько архивных замечаний

В заметке приводятся уточняющие сведения о документах, содержащих сведения по конфликтам В. К. Тредиаковского в ключевой для его биографии 1755 год. Реконструируется корпус документов, собранных Г. Н. Тепловым в конце года для подготовки обвинительного заключения в связи с делом о подметном письме; как элемент литературной полемики Тредиаковского с Сумароковым вводится рукописная тетрадь с заметками о произношении буквы Ь.

Ключевые слова: В. К. Тредиаковский, литературная полемика, источниковедение.

A. A. Kostin

Trediakovsky in 1755: some notes on archival sources

The study of the year 1755, that, due to its multiple conflicts was a turning point in Trediakovsky's career, needs a careful evaluation of the sources. This paper offers a reconstruction of the document collection gathered by Grigory Teplov for an accusatory sentence against Trediakovsky in the case regarding his anonymous libel. One of the manuscripts in this collection was a copy of two notes (by Adodurov and Winsheim) dealing with the pronunciation of the letter 'Ь'. This manuscript is shown to have been a device in literary polemics of Trediakovsky and Sumarokov.

Keywords: Trediakovsky, literary polemics, source study.

Библиография

Алексеева Н. Ю. «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» в творчестве В. К. Тредиаковского // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009. С. 446–480.

Вомперский В. П. Ненапечатанная статья В. К. Тредиаковского «О множественном прилагательных целых имен окончании» // Науч. докл. высш. школы. Филолог, науки. 1968. № 5. С. 81–90.

Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2012. С. 557–637.

Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2017.

Записка о Тредиаковском // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 7. С. 26–35.

Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.

Костин А. А. Акрибия и амелейя, или Где быть доброй земле (Грамматика В. Е. Адодурова в контексте и без) // Словѣне = Slověne. 2016. № 1. С. 263–299.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7; М.; Л., 1959. Т. 8; М.; Л., 1955. Т. 9.

Материалы для биографии В. К. Тредиаковского // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 1. С. 11–27.

Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. СПб., 2011.

Николаев С. И. Тредиаковский В. К. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 255–268.

Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2.

Протоколы заседаний Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2.

Пумпянский Л. В. Тредиаковский // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. Ч. 1. С. 215–263.

Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1898. Т. 4.

Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии. СПб., 1748.

Тункина И. В. Хранители академической памяти. XVIII — первая треть XX в.: Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016.

Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. Vol. 8. № 2. С. 75–127.

Н. Ю. Алексеева

Значение дружбы с Н. И. Паниным для творчества А. П. Сумарокова

В статье рассматривается история дружеских отношений А. П. Сумарокова с Н. И. Паниным. Анализ книги панегириков, поднесенных Сумароковым великому князю Павлу Петровичу 20 сентября 1761 г., показывает, что уже к этому времени он находился при малом дворе. Присутствие при малом дворе укрепило положение Сумарокова в обществе, разговоры с Н. И. Паниным нашли отражение в его одах, отличающихся своим освещением политических событий.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, Н. И. Панин, великий князь Павел Петрович, 1761 г., наследник престола, панегирик, похвальная речь, эпистола, ода.

N. Yu. Alekseyeva

The significance of friendship with N. I. Panin for A. P. Sumarokov's poetry

The author examines the history of A. P. Sumarokov's friendship with N. I. Panin. The analysis of the book of panegyrics presented by Sumarokov to Grand Duke Pavel

Petrovich on 20 September 1761 has shown that he had already been part of the inner circle at small court by that time. Being part of the inner circle at Pavel's court strengthened Sumarokov's position in society; his conversations with N. I. Panin were reflected in his odes which were notable for their reporting of political events.

Keywords: A. P. Sumarokov, N. I. Panin, Grand Duke Pavel Petrovich, 1761, heir to the throne, panegyric, eulogy, epistle, ode.

Библиография

Алексеева Н. Ю. Ода А. П. Сумарокова, «сочиненная в первые лета» его занятия поэзией // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 5–27.

Анисимов М. Ю. Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693–1766) // Новая и Новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.

Берков П. Н. А. П. Сумароков. Л., 1949.

Берков П. Н. Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 5–46.

Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени 1750–1765. М.; Л., 1936.

Берков П. Н. Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова (Родители и родственники Сумарокова; Служебная деятельность и семья А. П. Сумарокова) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 364–375.

Брауде А. И. Панин Н. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13: Павел, преподобный — Петр (Илейка). С. 189–205.

Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 349–420.

Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955.

Елизавета I. Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину. 1761 г. // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 17–21.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1774 года. [СПб.], б. г.

Кобеко Дм. Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1887.

Панин Н. И. Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. // Русская старина. 1882. Т. 35. № 11. С. 313–320.

Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1936. Т. 3.

Семенников В. П. Материалы для русской истории литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1915.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., б. г. Кн. 5. Т. 25.

Степанов В. П. Панин Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 407–411.

Степанов В. П. Сумароков А. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 184–199.

Церемониальный и банкетный журнал, 1760 года. [СПб.], б. г.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901.

Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907.

А. Ю. Веселова

Расиновский контекст трагедий А. П. Сумарокова конца 1760-х годов

В статье проанализирован один из источников трагедии А. П. Сумарокова «Вышеслав»: трагедия Ж. Расина «Береника». Сделаны выводы о роли «расиновского контекста» в трагедиях Сумарокова конца 1760-х гг., помогающие понять эволюцию трагедийного творчества писателя в целом.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, Ж. Расин, трагедия, «Вышеслав», «Береника».

A. Yu. Veselova

Racine’s context of the A. Sumarokov’s tragedies of the late 1760

The paper is researching one of the sources of A. Sumarkov’s tragedy *Vysheslav*: the tragedy of J. Racine *Berenice*. It accentuates the role of the «Racine’s context» in Sumarokov's tragedies of the late 1760, helping to understand the evolution of the writer's tragedies at whole.

Keywords: A. Sumarokov, J. Racine, tragedy, Vysheslav, Berenice.

Библиография

Гуковский Г. А. О сумароковской трагедии // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 214–228;

Гуковский Г. А. Расин в России // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–481.

Лебедева О. Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII — первой трети XIX веков. М., 2014.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе <…> Александра Петровича Сумарокова. М., 1781. Т. 10.

Расин Ж. Трагедии. Новосибирск, 1977.

Серман И. З. Русский классицизм: поэзия, драма, сатира. Л., 1973.

Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981.

А. С. Силина

Поэт-семинарист И. И. Ораевский и его рукописный сборник

В статье рассматривается рукопись № 694 из собрания А. А. Титова ОР РНБ. Рукопись представляет собой сборник стихотворных сочинений учеников и учителей Ярославской духовной семинарии последней четверти XVIII в. Одним из основных авторов сборника и его владельцем был И. И. Ораевский, воспитанник и преподаватель семинарии. В исследовании делается попытка проследить судьбу Ораевского в соотнесении с его творчеством и историей школы в период его жизни.

Ключевые слова: Ярославская духовная семинария, рукопись, семинарская поэзия XVIII века, окказиональная поэзия, школьная ода, А. А. Титов, И. И. Ораевский, С. Предтеченский, А. В. Орлов, В. Г. Орлов, И. Г. Орлов, Арсений (Верещагин).

A. S. Silina

Seminarian poet Orayevsky and his manuscript collected works

The manuscript № 694 from the Titov's collection in the Russian national library is examined. It contains collected works in verse by pupils and teachers of the Yarolsavl seminary of the last fourth of 18th century. The seminary pupil and teacher Ivan Orayevsky was one of the authors and the owner of this collection. The analysis aims to follow the Orayevsky's biography in its connection with his work and the history of his school in the time of his life.

Keywords: Yaroslavl seminary, manuscript, 18th century seminary poetry, occasional poetry, scholastic ode, A. Titov, I. Orayevsky, S. Predtechensky, A. V. Orlov. V. G. Orlov, I. G. Orlov, Arseny Vereshchagin.

Библиография

Арсений, первый архиепископ ярославский // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2: Алексинский — Бестужев-Рюмин. С. 309–310.

Ведомость, когда заведены были в епархии Ростовской училища и при ком и какие учения в оных преподавались и кто первые были заводчики и учителя // Ярославские епархиальные ведомости. 1895. № 28. Часть неофициальная. Стб. 442–446.

Дневник преосвященного Арсения Верещагина, Архиепископа Ростовского и Ярославского // Ярославские епархиальные ведомости. 1894. Часть неофициальная. № 43. Стб. 692–700; № 45. Стб. 749–750; № 48. Стб. 766–768; № 49. Стб. 780–783; 1895. № 1. Стб. 8–16; № 2. Стб. 25–32; № 3. Стб. 40–47; № 4. Стб. 56–64; № 5. Стб. 72–80; № 6. Стб. 89–96; № 7. Стб. 104–111; № 9. Стб. 142–144; № 11. Стб. 171–176; № 13. Стб. 205–208; № 14. Стб. 220–224; № 15. Стб. 234–240; № 18. Стб. 273–285; № 19. Стб. 289–296; № 27. Стб. 417–

427; № 28. Стб. 433–442; № 29. Стб. 455–459; № 40. Стб. 629–640; № 41. Стб. 641–645; № 42. Стб. 657–661.

Записка, учиненная в Ростовской Духовной Консистории, когда в епархии Ростовской семинария началась, как продолжалась и какое жалование в разные времена даже до сего времени получала // Ярославские епархиальные ведомости. 1895. № 27. Часть неофициальная. Стб. 427–429.

Историческая записка о начале Ярославской Духовной Семинарии // Ярославские епархиальные ведомости. 1896. № 18. Часть неофициальная. Стб. 273–279.

Клепиков С. А. Филиграни на бумаге русского производства XVIII — нач. XX вв. М., 1978.

Надеждин К. Ф. История Владимирской духовной семинарии (с 1750 года по 1840 год). Владимир, 1875.

[*Предтеченский С.*] Речь на память усопшего о Господе князя Александра Ильича Касаткина-Ростовского, по случаю дня его рождения, сказанная в Перервинском монастыре, Московской Академии проповедником, иеромонахом Павлом. М., 1795.

Предтеченский С. Слово похвальное блаженныя памяти преосвященнейшему Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому, сочиненное Ярославской семинарии риторики и греческого класса учителем Сергеем Предтеченским. Ярославль, 1786.

Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 46–54.

Речи, сочиненные и говоренные при случае бывших в Ярославской семинарии публичных богословских и философских состязаний, а также другие стихотворческие сочинения. 1785 года июля 15 дня. Ярославль, 1785.

Речи, сочиненные и говоренные при случае бывших в Ярославской семинарии публичных богословских и философских состязаний, также и другие стихотворческие сочинения 1785 года июля 15 дня // Ярославские епархиальные ведомости. 1890. № 18. Часть неофициальная. Стб. 273–288; Ярославские епархиальные ведомости. 1890. № 19. Часть неофициальная. Стб. 289–299.

Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975.

Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975.

Силина А. С. Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 45–65.

Слово от 1787 года в неделю 19-ю по Пятидесятнице, в кою случился праздник Иоанна Богослова и отправляема была церемония открытия учения в семинарии после вакации // Ярославские епархиальные ведомости. 1892. № 33. Часть неофициальная. Стб. 513–520.

Слово от 24 октября 1787 г. в день Богоматери всех скорбящих Радости, говоренное в церкви Ярославского Дома призрения ближнего // Ярославские епархиальные ведомости. 1892. № 39. Часть неофициальная. Стб. 609–615.

Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

Титов А. А. Охранный каталог славяно-русских рукописей А. А. Титова. Ростов, 1881. Вып. 1.

Титов А. А. Последний Ростовский архиепископ Арсений IV, Верещагин // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 23. С. 392–396.

Титов А. А. Столетие Ярославской архиерейской кафедры и первый Ярославский архиепископ Арсений. М., 1887.

Тихвинский Н. Речь при первом торжественном акте в Ярославской Духовной Семинарии <…>, произнесенная 12 января 1875 года // Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 4. Часть неофициальная. С. 25–32.

Тихвинский Н. Речь при первом торжественном акте в Ярославской Духовной Семинарии <…>, произнесенная 12 января 1875 года (Окончание) // Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 5. Часть неофициальная. С. 33–40.

Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.

Языков Д. Д. Павел (в мире — Петр Предтеченский) // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13: Павел, преподобный — Петр (Илейка). С. 72.

Ярославского Афанасьевского монастыря строитель и философии учитель о. Павел Предтечевский (1788–1789) // Ярославские епархиальные ведомости. 1892. № 38. Часть неофициальная. Стб. 598–601.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Русская анакреонтическая ода
(Размышления в связи со статьей Г. А. Гуковского 1927 года)

Статья посвящена критическому рассмотрению концепции развития русской анакреонтики в XVIII веке, предложенной в статье Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде» (1927). Особое внимание уделено поэтике и метрическому репертуару русских анакреонтических од XVIII столетия, что приводит автора статьи к выводу о существовании двух канонов произведений этого жанра — ломоносовского и сумароковского.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, анакреонтика, канон русской анакреонтической оды, рецепция античности, поэзия, поэтика, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, А. В. Нарышкин, А. А. Ржевский, И. Ф. Богданович, сумароковская школа в русской поэзии.

K. Yu. Lappo-Danilevskii

Russian anacreontic ode
(Reflexions on the paper by Gukovskij of 1927)

The article investigates the interpretation proposed by Grigorii A. Gukovskii in his paper «About the Russian Anacreontic Ode» (1927). Special attention is devoted to the poetics and metrical pattern of Russian Anacreontic poetry in the 18th century. It comes to the conclusion that there were two canons of Russian Anacreontics — one created by Mikhail Lomonosov, the other by Aleksandr Sumarokov.

Keywords: 18th century Russian literature, Anacreontics, canon of the Russian anacreontic ode, reception of Antiquity, poetry and poetics, Aleksandr Sumarokov, Mikhail Kheraskov, Aleksei V. Naryshkin, Aleksei A. Rzhevskii, Ippolit F. Bogdanovich, Sumarokov school in Russian poetry.

Библиография

Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 71–113.

Гуковский Г. А. Об анакреонтической оде // Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 103–150

Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.

Кутателадзе Н. Н. К истории классицизма в России: («Анакреонтические песни» в русской литературе XVIII столетия. Историко-литературный этюд) // Филологические записки. 1915. № 3–4. С. 361–413, 467–820.

Лаппо-Данилевский К. Ю. «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 177–235.

Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1: Поэты 1750–1770 гг.

Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II // Филологические записки. 1904. Т. 44. Вып. 3–4. С. 1–64; Вып. 5–6. С. 65–128; 1905. Т. 45. Вып. 1–2. С. 129–160; Вып. 3–4. С. 161–232 (отд. изд.: Воронеж, 1905).

Ausfeld F. Die deutsche anakreontische Dichtung des 18. Jahrhunderts; Ihre Beziehung zur französischen und zur antiken Lyrik. Materialien und Studien. Straßburg, 1907.

Carmina anacreontea. Leipzig, 1984.

Gottsched J. Ch. Versuch einer Übersetzung Anacreons in reimlose Verse // Beyträge zur critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit hrsg. von einigen Mitgliedern der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Leipzig, 1733. Bd. 2. S. 152–168.

Schenk D. Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt a. M., 1972.

Н. Д. Кочеткова

Посвящения духовным лицам в русских изданиях XVIII века

Посвящения духовным лицам появляются в русских изданиях во второй половине XVIII в. Наиболее многочисленны дедикации митрополитам Платону (П. Г. Левшину) и Гавриилу (П. П. Петрову). Среди других адресатов — преимущественно руководители духовных учебных заведений и наставники. Эти посвящения сохраняют традиционный панегирический характер, но имеют также свою специфику.

Ключевые слова: посвящения, русская книга XVIII века, церковные иерархи, духовные учебные заведения.

N. D. Kochetkova

Dedications to clergymen in Russian 18th century editions

Dedications to clergymen appeared in Russian editions in the second half of the 18th century. Dedications to metropolitans Plato (P. G. Levshin) and Gabriel (P. P. Petrov) were the most numerous. Among other dedicatees there were mostly directors of seminaries and tutors. These dedications kept traditionally panegyric character, but had their peculiarity.

Keywords: dedications, Russian 18th century, clergy, seminaries.

Библиография

[*Псевдо-Августин*]. Зерцало мысленного с Богом собеседования <…>. М., 1783.

[*Амвросий (Серебренников А. Н.)*]. Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778.

[*Амвросий (Серебренников А. Н.)*]. Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1791.

Бегунов Ю. К. Подобедов А. И. (в монашестве Амвросий) // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 448–450.

[*Беранже Л. П., Гибо П.-Э.*]. Нравоучение, представленное на самом деле, или Собрание достопамятных деяний и нравоучительных анекдотов <…>. М., 1790. Ч. 1.

Волкова Н. Е. Русский просветитель Платон Левшин // Записки тверских краеведов. Тверь, 2005. Вып. 5. С. 17–24.

[*Гарвуд Э.*]. Радостные мысли о блаженстве благочестивой жизни. М., 1783.

[*Герасим, патриарх Александрийский*]. Описание святой и богошественной горы Синайской <…>. М., 1783.

[*Гервей Дж.*]. Благоговейный зритель природы <…>. М., 1800.

[*Гергард И.*]. Мысленный вертоград, или Христианское упражнение <…>. М., 1783.

[*Дамаскин (Семенов-Руднев Д. Е.)*]. Проповеди Святейшего правительствующего Синода конторы члена, Ставропигиального второклассного Заиконоспасского училищного монастыря архимандрита и Московской славено-греко-латинской академии ректора Дамаскина <…>, говоренные с 1775 года по 1782 год. М., 1783.

[*Дерем У.*]. Естественная богословия, или доказательство бытия и свойств Божиих <…>. М., 1784. Ч. 1.

Дильтей Ф. Г. Детский атлас. М., 1777. Т. 6. Ч. 1.

[*Дильтей Ф. Г.*] Новое описание сферы <…>. М., 1763.

[*Димитрий (Туптало Д. С.)*] Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского <…>. М., 1784.

Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII. века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: (XVIII — начало XIX в.). С. 657–683.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1999. Т. 1: Стихотворения 1797–1814.

Знаменский И. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.

Иларионов Е. Услаждение жизни моей, или Христианин во уединении, уклонившийся от мира. Российское сочинение. М., 1799.

История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия.

Казаринов И. Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина. Поэма в пяти песнях. М., 1798.

Клевецкий М. Я. Руководство к географии с употреблением земного шара и ландкарт <…>. СПб., 1773.

[*Коронаро Л.*] Опытом дознанное средство здорово и долго жить <…>. М., 1800.

[*Костин А. А.*] Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловия, примечания) // Von wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 22–26.

Кочеткова Н. Д. Кружок Н. И. Новикова и архиепископ Платон // In memoriam 100-летию со дня рождения Георгия Пантелеймоновича Макогоненко (1912–1986). Сб. статей и воспоминаний. СПб.; Симферополь, 2013. С. 4–15.

Кочеткова Н. Д. Семенов-Руднев Д. Е. (в монашестве Дамаскин) // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 110–115.

[*Кронек И. Ф.*]. Оленд и Софрония, драмма ироическая. СПб., 1780.

Кукушкина Е. Д., Лихоткин Г. А. Левшин П. Г. (в монашестве Платон) // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 201–204.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Серебренников (Серебряков) А. Н. (в монашестве Амвросий) // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 116–118.

[*Лопухин И. В.*] Подражание некоторым песням Давидовым. М., б. г.

Мармонтель Ж.-Ф. Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии. М., 1768.

Мармонтель Ж.-Ф. Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии. 2-м тиснением. СПб., 1773.

Мармонтель Ж.-Ф. Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии. 3-м тиснением. М., 1785.

Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.

Мильтон Дж.. Потерянный рай, поэма героическая.. М., 1780.

Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразований. СПб., 1880.

Наставление детям в законе веры <…>. СПб., 1785.

Неоспоримое доказательство о истине веры християнския, или Рассуждение о обращении и апостольстве святого Павла. М., 1786.

Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951.

[*Платон (П. Г. Левшин)*]. Донесение Екатерине II о Новикове // Москвитянин. 1842. № 5. С. 130–131.

Платон (П. Г. Левшин). Поучительные слова, при высочайшем дворе ее императорского величества благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския сказыванные его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном. СПб., 1764.

[*Протопопов А.*]. Смысл псалмов царя и пророка Давида, избранных по произволению трудившегося <…>. М., 1797.

Рак В. Д. Вышеславцев М. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 182–183.

Рак В. Д. Завьялов М. Я // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 323–324.

Рак В. Д. Казаринов И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 11.

Рак В. Д. Протопопов В. М. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 502–504.

Самуил Марокканский. Златое сочинение Самуила раввина иудейского. СПб., 1778.

Самуил Марокканский. Златое сочинение Самуила раввина иудейского. СПб., 1787.

Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Новикова. Пг., 1921.

Силинская Г. Г. Меншикова Е. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 284.

Сокращение историческое жизни Иисуса Христа, его учения, его чудес и восстановления его церкви. М., 1785.

Смерть и страдание господа нашего Иисуса Христа <…>. М., 1784.

Стенник Ю. В. Петров Петр (в монашестве Гавриил). // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 430–433.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе <…>. М., 1787. Ч. 7.

[*Сумароков А. П.*]. Стихотворения духовные. [СПб., 1774].

Титлинов Б. В. Гавриил Петров митрополит Новгородский и Санкт-петербургский: Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916.

Торжество Севских муз. Апреля 22, июня 30 и сентября 23 дней 1784 года. М., 1784.

[*Тургенев И. П.*] Кто может быть добрым гражданином и верным подданным? М., 1796.

Феофан Прокопович. Богословское учение о состоянии неповрежденного человека <…>. М., 1785.

Хаос есть следствием света. Тамбов, 1793.

Христианин, здраво рассуждающий о презрении сует мирских. Перевод с латинского [И. М. Кандорского]. М., 1795. Ч. 1.

[*Цицерон Марк Туллий*]. Одиннадцать писем разного содержания <…>. Выбранные и с латинского языка переведенные Крутицкой епархии обучающимся в Лаврской семинарии философии студентом Кодратом Орловым. М., 1784.

[*Цолликофер Г. И.*]. Две проповеди о предохранительных средствах от грехов прелюбодеяния, переведенные с немецкого на российский <…> Николаем Поповым. М., 1781.

[*Цолликофер Г. И.*]. Надежное руководство родителям и учителям к разумному христианскому детей воспитанию <…>. Собирал переводом с немецкого языка и в настоящее привел расположение Н. П. М. Архимандрит Иероним. СПб., 1798.

Шарыпкин Д. М. Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. С. 166–182.

Шишкин А. Б. Протопопов А. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 500.

Эразм Роттердамский. Меч воинствующего христианина, или Христианин Христов воин. М., 1783.

Bayer G. S. Theophili Sigefridi Bayeri <…>. Museum Sinicum. Petropoli, 1730. Tomus primus.

Papmehl K. A. Metropolitan Platon of Moscow (Petr Levshin, 1737–1812). The enlightened prelat, scholar and educator. Newtonville, Mass., 1983.

И. Клейн

Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века

На примере Карамзина, Дмитриева и Державина показано, какую значительную роль играет проблема творческого досуга в русской культуре конца XVIII в. Дается представление о том, как реализуется в русских условиях интеллектуальный потенциал понятия otium, а именно по отношению к такой фундаментальной институции русского общества как дворянская служба. В двух экскурсах речь идет об исторической семантике «лени» и «праздности» и о культурном значении свободного времени.

Ключевые слова: русская культура XVIII века, служба, лень, праздность, творческий досуг, свободное время.

J. Klein

State Service, Sloth and «Sweet leisure» in 18th Century Russian Gentry Culture

This article demonstrates on the examples of Karamzin, Dmitriev and Derzhavin the important role which the problem of creative leisure in 18th-century Russian culture. Furthermore, I would like to show how the concept of creative leisure — otium — is realized in the context of such a fundamental institution of Russian society as state service. Two digressions will be made about the historical semantics of «len'» and «prazdnost'» and about the cultural significance of free time.

Keywords: 18th-century Russian culture, state service, sloth, idleness, creative leisure, free time.

Библиография

Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии конца XVIII — первой половины XIX века // Державинские чтения. СПб., 1997. Вып. 1. С. 116–125.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т. 1–3.

Вечера. СПб., 1772.

Гончаров И. А. Обломов: роман в четырех частях. Л., 1987.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997.

Державин Г. Р. Сочинения. 2-е академическое изд. СПб., 1869. Т. 2.

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. Cambridge, 1974 (репринт изд.: СПб., 1895).

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Л., 1964.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л., 1966.

Клейн И. [= J. Klein]. «Искусство жить» у Карамзина // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 232–245.

Клейн И. Между Аполлоном и Фортуной: Карамзин-писатель в социологической перспективе // *Miscellanea Slavica:* Сб. ст. к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 186–200.

Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 107–116.

Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 74–85.

Крылов И. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 1.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд, испр. и доп. М.; СПб., 2011. Т. 8.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: (Быт и традиции русского дворянства XVIII — начало XIX века). СПб.,1994.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 338–380.

Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 21–33.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.

Очерки исторической семантики раннего Нового времени. М., 2009.

Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии. СПб., 2006.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 15. № 11444.

Пыляев М. И. Старый Петербург. М., 1990.

Романович-Славятинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. М., 2003.

Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951.

Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Т. 1–4.

Смолярова Т. Зримая лирика. Державин. М., 2011.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе <…>. М., 1781–1782. Ч. 1–10.

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 143–164.

Busch W. Horaz in Rußland. Studien und Materialien. München, 1964.

Elias N. Über den Prozess der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Frankfurt am M., 1997.

Engel-Braunschmidt A. Russkaja len': Über die axiologische Unbestimmtheit der Faulheit in der russischen Literatur // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 81–104.

Fumaroli M. Préface: Loisirs et loisir // Le loisir lettré à l'âge classique. Genève, 1996. P. 5–26.

Jones R. E. The Emancipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princeton; New Jersey, 1973.

Kiesel H. «Bei Hof, bei Höll». Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller. Tübingen, 1979.

Loewen D. Questioning a Poet's Explanations: Politics and Self-Рекоммент.sentation in Deržavin's «Footnotes» and *Explanations* // The Russian Review. 2005. Vol. 64. P. 381–400.

Lohmeier A.-M. Beatus ille. Studien zum «Lob des Landlebens» in der Literatur des absolutistischen Zeitalters. Tübingen, 1981.

Martin N. Muße // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Basel, 1984. Bd. 6. Sp. 257–260.

Newlin Th. The Voice in the Garden. Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral. 1738–1833. Evanstown/Ill., 2001.

Pieper J. Muße und Kult. München, 1952.

Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. New York/NY, 1966. P. 111–119.

Randolph J. The House in the Garden. The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism. Ithaca/NY-London, 2007.

Stumpp G. Müßiggang als Provokation // Arbeit und Müßiggang 1789–1914. Dokumente und Analysen. Frankfurt am M., 1991. S. 181–190.

Thiergen P. Oblomovs Schlafrock // Festschrift für Erwin Wedel zum 65. Geburtstag. München, 1991. S. 465–477.

Treasures of Catherine the Great. London, 2000.
Trédé-Boulmer M. Le loisir dans l'antiquité gréco-romaine // Cahiers de la République des Lettres. Paris, 2011. T. 1: «L'otium dans la République des Lettres». P. 91–110.
Zaborov P. R. Katharina II. und Madame Geoffrin // Katharina II., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung. Mainz, 2001. S. 319–330.

Е. Д. Кукушкина, В. И. Симанков

Сюжет «чудовищный шантаж» в русских переводах и переложениях

В статье рассматривается судьба сюжета, впервые зафиксированного в сочинении Мартина Лютера «О светской власти» (1523). Став основой для пьесы Шекспира «Мера за меру», он получил широкое распространение в европейской литературе и в 1760 гг. попал в Россию. Русские переводчики перевели и переложили его многочисленные варианты, насыщая их новыми деталями и интерпретациями. В 1833 г. к этому средневековому сюжету обратился А. С. Пушкин в поэме «Анджело».

Ключевые слова: М. Лютер, У. Шекспир, история сюжета, русская драматургия XVIII в., А. С. Пушкин.

E. D. Kukushkina, V. I. Simankov

The «Monstrous Ransom» Story In Russian Translations and Adaptations

The purpose of the article is to trace the dissemination of the so-called «monstrous ransom» story, which can already be found as early as in 1523, when Martin Luther published his *Von weltlicher oberkeyt*. The story became very well known throughout Europe mainly due to Shakespeare's «Measure for Measure», and gained wide circulation in eighteenth-century Russian literature. Russian versions of the monstrous ransom story may be of interest to many scholars, especially to those who study the predecessors of Pushkin's «Angelo» (1833).

Keywords: M. Luther, W. Shakespear, plot story, Russian 18th century Drama, A. S. Pushkin.

Библиография

Женни Лиль. СПб., 1810.
История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 1.
Костюкова В. В. Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 322–334.
Кукушкина Е. Д., Симанков В. И. Трагедия Н. Н. Сандунова «Сидней и Энни» и репертуарная политика Петровского театра в 1780-е годы // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2015. Вып. 6: Petra Philologica. С. 83–99.
Лютер М. Избранные произведения. СПб., 1994.

Мерсье Л. С. Судья, драма. М., 1788.

Новиков И. Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785. Ч. 1.

Описание печального приключения, случившегося во владение Карла Отважного, герцога Бургундского // Праздное время в пользу употребленное. 1760. [Ч. 4]. 9 сент. С. 170–175.

Путь мыслить о бессмертии души. СПб., 1786.

Повесть о Эннии Лиллии // Новые ежемесячные сочинения. 1791. Ч. 64. Октябрь. С. 83–95; Ч. 66. Декабрь. С. 45–60.

Рак В. Д. Материалы к изучению сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки» // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 122–154.

Ринзольт и Люция // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 4. № 91. С. 93–99.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975.

Сильвия и Молешоф // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 4. № 91. С. 193–209; № 92. С. 210–215.

Смирнов А. «Мера за меру» // Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1960. Т. 6. С. 633–641.

Фоменко И. Ю. Пастухов П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 413.

Энни. М., 1802.

Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967.

Bayle P. Dictionaire historique et critique. Rotterdam, 1697. T. 1. Pt. 1: (A–B).

Blakey D. The Minerva Press, 1790–1820. London, 1939.

Catharine, or the Wood of Llewellyn. London, 1788. Vol. 1–2.

[*Dodsley R.*]. The Second Book of the Chronicle of the Kings of England. London, 1741.

[*Dorat C. J.*] Les Deux Reines, drame héroïque en cinq actes et en prose, suivi de Sylvie et Moléshoff, imitation libre de l'anglois. Paris, 1770.

Dorat C. J. Sylvie und Moleshoff. Frankfurt am Mayn, 1770.

[*Federici C.*]. Duca di Borgogna, o siano I falsi galantuomini. Commedia in cinque atti in prosa. Venezia, 1789.

Gellert C .F. Rhynsolt und Lucia // Lehrgedichte und Erzählungen von C. F. Gellert. Leipzig, 1754. S. 116–122.

Gellert Ch. F. Rhynsolt & Lucie // Choix de poésies allemandes. Paris, 1766. T. 1. P. 326–329.

Graves A. B. Italo-Hispanic Ballad Relationships: The Common Poetic Heritage. London, 1986.

Harderwijk I. van. Bijdrage ter beoordeeling van de waarheid des verhaalsa angaande de regtspleging van Karel den Stouten // Vaderlandsche Letteroefeningen. Amsterdam, 1833. St. 2. Bl. 650–657.

Hume D. The History of Great Britain. The second edition corrected. London, 1759. Vol. 2.

Israeli I. D'. A Second Series of Curiosities of Literature. Second edition, corrected. London, 1824. Vol. 2.
Lascelles M. Shakespeare's Measure for Measure. London, 1953.
Luther M. Von weltlicher oberkeyt. Wittenberg, 1523.
[*Martini C. L.*]. Rhynsolt und Sapphira. Ein prosaisches Trauerspiel in dreyen Handlungen. Altona, Leipzig, 1755.
Moleshof und Sylvie oder Liebe und Treue, Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen von Graf à Ponte Leon. Regensburg, 1783.
Muir L. R. Love and Conflict in Medieval Drama: The Plays and Their Legacy. Cambridge, 2007.
Orlando und Seraphine, eine türkische Geschichte. Leipzig, 1787. Th. 1–2.
Rhinsault et Sapphira, histoire tragique. Avec Les Quatre Fleurs, conte. Paris, 1736.
Roland et Séraphine, histoire turque. Bruxelles, Paris, 1788. Pt. 1–2.
[*Rose J. W.*]. Rhynsolt und Lucie. Ein Trauerspiel in fünf Handlungen // Proben dramatischer Gedichte. Nürnberg, 1768. S. 1–100.
Smith J. H. Charles the Bold and the German Background of the «Monstrous Ransom» Story // Philological Quarterly. 1972. Vol. 51. № 2 (April). P. 380–393.
Solitary castle, a romance of the eighteenth century. London, 1789. Vol. 1–2.
Spectator. 1712. № 491 (September 23).
Spectateur ou le Socrate moderne, où l'on voit un Portrait naïf des Mœurs de ce Siècle. Amsterdam, 1721.
Toulmin J. The History of the Town of Taunton, in the Country of Somerset. Taunton: Norris, 1791.
Village of Martindale. London, 1787. Vol. 1–2.
Walsh R. [*J.*]. Charles the Bold and the «monstrous ransom» story // The Bulletin of the Society for Renaissance Studies. 1988. Vol. 5. P. 1–13.
Zapphira: A Tragedy, in Three Acts. London, 1792.

Л. Росси

Поэма в прозе «Книдский храм» Ш.-Л. Монтескье и ее русские переводы

На основе нового прочтения произведения французского автора в статье делается попытка объяснить загадочное присутствие фривольной поэмы в прозе Ш. Л. Монтескье «Книдский храм» (1725, 1742) среди первых пяти книг, утвержденных к переводу Собранием, старающимся о переводе иностранных книг (1770), а также публикацию нового анонимного перевода в 1804 г. В языковом аспекте оба перевода оказались неадекватными, но способствовали развитию русского литературного языка. Вместе с тем, в первом случае актуальной для культурной политики Екатерины II была причастность сочинения к поэтике рококо, во втором известную роль играло существование ряда русских поэм в прозе.

Ключевые слова: Ш.-Л. Монтескье, поэма в прозе, рококо, И. И. Сичкарев, М. М. Херасков, перевод.

L. Rossi

Ch.-L. de Montesquieu's prose poem «The Temple of Gnidus» and its Russian Translations

Relying on new interpretations of Montesquieu's oeuvre, this essay attempts to explain the enigmatic presence of Ch.-L. de Montesquieu's frivolous prose poem «The Temple of Gnidus» (1725, 1742) among the first five books translated by the Society for the Translation of Foreign Books, and the publication of a second translation in 1804. In both cases their style was not adequate but it finally contributed to the refinement of Russian language. In 1770 the Rococo orientation of Montesquieu's trifle corresponded to Catherine II's cultural politics, while twenty years later the poem could be read among others existing prose poems.

Keywords: Montesquieu, prose poems, Rococo, I. I. Sichkarev, M. M. Kheraskov.

Библиография

Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир // Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 119–146.

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.

Вальденберг В. К. Екатерина II и Монтескье в их политических воззрениях // Философский век. СПб., 2004. Альманах 26: История идей в России: исследования и материалы. С. 259–276.

Ермолаева Л. И. И. И. Сичкареев // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 127–128.

Зорин А. Л «Вслед шествуя Анакреону…» // Цветник. Русская легкая поэзия XVIII–XIX вв. М., 1987. С. 5–53.

Зорин А. Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 188–201.

Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

Левин Ю. Д. Начало 1760 — середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь, XVIII век, СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 142–212.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

Майков Л. Н. Материалы для биографии А. Д. Кантемира. СПб., 1903.

Минути Р. Образ России в творчестве Монтескье // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 31–41.

Монтескье Ш.-Л. Храм Книдийский г. Монтескиеу. СПб., 1770.

Монтескье Ш.-Л. Храм Венеры на острове Книде. Поэма в семи песнях. Творение Г.-на Монтескю. М., 1804.

Муравьев М. Н. Письма отцу и сестре 1777–1778 гг. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259–354.

Плавинская Н. Ю. Публикация произведений Монтескье в 1789–1799 годах // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 171–189.

Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 281–286.

Плавинская Н. Ю. «Персидские письма» Монтескье в русских переводах XVIII века: к вопросу о цензуре // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières. М., 2008. Вып. 2. Кн. 1. С. 437–453.

Плавинская Н. Ю. [Рец.:] «Revue Montesquieu»: Revue bisannuelle // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières. М., 2009. Вып. 2. Кн. 2. С. 117–122.

Плавинская Н. Ю. «Трудности перевода». Монтескье в русских изданиях XVIII — начала XIX в. // Vorträge des Deutschen Historischen Institut Moskau. 2015. № 22. С. 1–54.

Разумовская М. В. Монтескьё (Montesquieu) // Русско-европейские литературные связи. XVIII век. СПб., 2008. С. 157–158.

Росси Л. Сентиментальная проза М. Н. Муравьева: новые материалы // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 114–146.

Росси Л. «Иосиф». Фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе: проблемы жанра и рецепции // Litterarum fructus: Сб. ст. к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 123–141.

Семенников В. П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II: 1768–1783 гг. Историко-литературное исследование. СПб., 1913.

Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005.

Сопиков В. Опыт российской библиографии <…>. СПб., 1815. Ч. 3.

Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. С. 167–184.

Херасков М. М. Кадм и Гармония. Древнее повествование. М., 1801.

Brady P. Rococo Style versus Enlightenment Novel. Genève, 1984.

D'Alembert J. Éloge de M. le président de Montesquieu (1755) // Mémoire de la critique. Montesquieu. Paris, 2003. P. 277–278.

De Gomez M. A. Lettre critique sur le «Temple de Gnide», 1725 // Mémoire de la critique. Montesquieu. Paris, 2003. P. 57–61.

Dornier C. Introduction // Montesquieu Ch.-L. Œuvres Complètes, VIII, Oxford-Napoli. 2003. P. 325–387.

Dornier C. Montesquieu et l'esthétique galante // Revue Montesquieu. № 5. 2001. P. 5–21.

Ehrhard M. Le prince Cantemir à Paris (1738–1744): un ambassadeur de Russie à la Cour de Louis 15. Paris. 1938.

Fréron E.-C. [Sur «Le Temple de Gnide»] L'Année littéraire, 1760 // Mémoire de la critique. Montesquieu. Paris, 2003. P. 377–382.

Geffriaud Rosso J. Montesquieu et la féminité. Pise, 1977.

Guasco G. B. O. Lettres familières du président de Montesquieu, baron de la Brede, à divers amis d'Italie. [Firenze], 1767.

Hammarberg G. From the Idyll to the Novel: Karamzin's Sentimentalist prose. Cambridge, 1991.

Hyde M. L. Afterword. The Rococo dream of happiness as «a delicate kind of revolt» // Rococo echo. Art, History and Historiography from Cochin to Coppola. Oxford, 2014. P. 233–255.

Iwiński A. D. Культурная политика Екатерины II: к вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // Slavia Orientalis. T. 64. № 2 (2015). P. 229–243.

Marais M. Mémoires // Mémoire de la critique. Montesquieu. Paris, 2003. P. 51.

Marat J.-P. Éloge de Montesquieu présénté à l'Académie de Bordeaux le 28 mars 1785 <…>. Libourne, 1883.

Montesquieu Ch.-L. Le Temple de Gnide 1725 // Montesquieu Ch.-L. Œuvres Complètes, VIII, Oxford-Napoli. 2003. P. 323–427.

Moore F. Prose Poems of the French Enlightenment. Delimiting Genre. Farnham, 2009.

Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire // Rousseau J.-J. Oeuvres complètes. Genève, 2012. T. 3. P. 461–599.

Saisselin R. G. The Rococo as dream of happiness // Journal of aesthetics and Art criticism (Winter 1960). P. 145–152.

Saisselin R. G. The Enlightenment Against the Baroque: Economics and Aesthetics in the Eighteenth Century. Berkeley, 1992.

Segel H. B. Baroque and Rococo in Eighteenth-Century Russian Literature // Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 15. №. 4 (Winter, 1973). P. 556–564.

Uzanne Oct. Lettre en guise de préface. A Madame X*** au sujet de cette nouvelle édition du «Temple de Gnide» // Montesquieu J.-L. Le Temple de Gnide suivi de Arsace et Isménie. Rouen, 1881. P. 1–16.

Vian L. Histoire de Montesquieu, sa vie et ses Œuvres. Paris, 1878.

Weisgerber J. Les Masques Fragiles: Esthétique et formes de la Littérature Rococo. Lausanne, 1991.

М. Феррацци

Комедия дель арте и Кальдерон де ла Барка в России XVIII века

В статье показано, как драматические работы Кальдерона де ла Барка, вернее его пьесы «плаща и шпаги», хотя и в анонимной форме, в России стали появляться на сценах с самого начала XVIII в. Кроме того, автор старается раскрыть, как в упомянутых пьесах, наряду с постоянно подчеркнутым влиянием т. н. «английских комедиантов», можно выделить и явную связь с художественной спецификой комедии дель арте. Именно эта связь и проливает свет на успех, которым пьесы Кальдерона пользовались в начале XX в.

Ключевые слова: Комедия дель арте в России, Кальдерон де ла Барка, театр Кунста-Фюрста, придворный театр Анны Иоанновны, русский театр начала XX в.

M. Ferrazzi

Commedia dell'arte and Calderon de la Barca in the Russia of 18th century

This work discusses the plays by Calderon de la Barca, providing evidence that his swashbuckling comedies began to be performed in Russia in the early 18th century, albeit anonymously. The study also argues that these plays were not only shaped by the influence of the so-called *anglijskie komedianty* — a point that has been stressed repeatedly — but also that they show clear traces of the performing practices of commedia dell'Arte. It is precisely this connection to commedia dell'Arte that accounts for the success that Calderon's plays enjoyed in the early 20th century.

Ключевые слова: Комедия дель арте в России, Кальдерон де ла Барка, театр Кунста-Фюрста, придворный театр Анны Иоанновны, русский театр начала XX в.

Библиография

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче // Ежегодник Императорских театров. 1913. Вып. 3. С. 1–34; Вып. 4. С. 40–62; Вып. 6. С. 35–76 (Отд. изд.: Театр в России при императрице Анне Иоанновне. СПб., 1914).

Миклашевский К. La commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI-XVII-XVIII столетий. Пг., 1914–1917.

Перетц В. Н. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты. Пг., 1917.

Сиповский В. В. Итальянский театр в С.-Петербурге при Анне Иоанновне (1733–1735 гг.) // Русская старина. 1900. Т. 102. № 6. С. 593–611.

Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740 г. М., 1995.

Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672–1725 гг.: в 2 т. СПб., 1874.

Феррацци М. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны: 1731–1738. М., 2008.

Феррацци М. Петербургское турне семейства Сакко (1733–1734) // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 36–51.

Христенко И. С. «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 273–292.

Bandello M. Le novelle. Alessandria, 1996.

D'Antuono N. L. El repertorio calderoniano de la *commedia dell'arte* // Studia Aurea. Actas del III Congreso de la AISO. III. Toulouse-Pamplona, 1993. P. 141–149.

Ferrazzi M. Le teorie riformatrici di Luigi Riccoboni nella Russia del XVIII secolo // Drammaturgia (в печати).

Ferrazzi M. Из предыстории российского театра: А. Д. Кантемир и итальянский актер и театральный деятель Луиджи Риккобони // Literatura rosyjska XVIII–XXI w. Dialog idei i poetyk = Русская литература XVIII-XXI в. Диалог идей и эстетических концепций = Russian Literature from the Eighteen century to the Present. A Dialogue of Ideas and Poetics. Lódź, 2008. S. 43–56.

Guellette Th.-S. Notes et souvenirs sur le Théâtre-Italien au XVIIIe siècle. Paris, 1938.
Il Théâtre Italien di Gherardi: Otto commedie di Fatouville, Regnard e Dufresny. Roma, 1966.
Magne E. Scarron et son milieu. Paris, 1924.
Masuccio Salernitano. Il Novellino nell'edizione di Luigi Settembrini. Milano, 1990.
Mooser R.-A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII ème siècle. Genève, 1948–1951. T. 1–3.
Pandolfi V. La commedia dell'Arte. Storia e testo: Firenze, 1957. T. 1–6.
Parfaict C. e F. Histoire de l'Ancien Théâtre Italien depuis son origine en France. Paris 1753.
Profeti M. G. Arlecchino in Spagna // *Gallo A. [et alii]*. Per ridere. Il comico nei secoli d'oro. Firenze, 2000. P. 49–78.
Weiner J. Between love and hate: Calderon de la Barca in Tsarist Russia and the URSS (1702–1984) // *Reichenberger K., Caminero J.* Calderón dramaturgo. Kassel, 1991. P. 191–247.
Weiner J. Mantillas in Muscovy. The Spanish Golden Age Theater in Tsarist Russia, 1672–1917. Kansas-City, 1970.

Бодэн Р.

Литература и политика: Карамзин, Рабле и поэтика Французской революции в «Письмах русского путешественника»

В данном исследовании рассматривается использование Карамзиным стихов из «Гаргантюа» Рабле для политического комментария к Французской революции в «Письмах русского путешественника». После обозначения истории рецепции творчества Рабле во Франции и в России в XVIII в. рассматривается степень ознакомления Карамзина с творчеством французского гуманиста-сатирика. Оказывается, что использование русским писателем цитат из «Гаргантюа» вписывается в практику, распространенную во французской литературе времен Революции, использования Рабле в качестве пророка революции. Однако, в отличие от французских писателей, которые видели в Рабле сторонника революции, Карамзин, очевидно под влиянием роялистской контрреволюционной памфлетной литературы, делает из него врага революции, этим выражая свои умеренные политические убеждения и свою политическую лояльность.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», Ф. Рабле, «Гаргантиюа», Французская революция, пророчества, памфлетная литература, политика.

R. Baudin

Literature and politics: Karamzin, Rabelais and poetics of Revolution in the *Letters of a Russian traveler*

This paper focuses on Karamzin's use of verses from Rabelais' «Pantagrue», in order to comment on the French Revolution in *Letters of a Russian Traveler.* After reviewing

Rabelais' reception in France and Russia in the XVIIIth century, the paper determines what Karamzin knew about the French writer and where he took his information from. It appears that the way Karamzin uses his quote from «Gargantua» is consistent with the practice, popular in revolutionary France, of depicting Rabelais as the prophet of the Revolution. However, unlike contemporary revolutionary writers, Karamzin does not describe Rabelais as a supporter of the Revolution, but, under the influence of French royalist literature, as its foe, which helps him express his moderate political opinions and his political loyalty.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», Ф. Рабле, «Гаргантюа», Французская революция, пророчества, памфлетная литература, политика.

Библиография

Берштейн Е. В. О политических настроениях Карамзина в 1793 году // Русская литература. 1988. № 1. С. 172–175.

Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари: зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М., 1965.

Вагеманс Э. Карамзин и французская революция // Slavica Gandensia. 1988. № 15. P. 93–107.

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999.

Иванов М. В. Проблемы истории и французская революция в творчестве Карамзина 1790-х гг. // Русская литература. 1974. № 2. С. 134–142.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987 (1-е изд. 1984).

Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803). М., 1976.

Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997.

Повесть славного Гаргантуаса, страшнейшего великана из всех до ныне находившихся в свете. СПб., 1790.

Семиотика страха. Париж; М., 2005.

Серман И. З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 194–210.

Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986.

Almanach royaliste ou la Contre-Révolution prédite par Mr. Michel Nostradamus. Pour l'année bissexte 1792. SPb., 1792.

Baecque A. de. Les éclats du rire. La culture des rieurs au XVIIIe siècle. Paris, 2000.

Baudin R. Karamzin en France: entre pays rêvé et pays réel // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe» / sous la direction de R. Baudin. Paris, 2014. P. 9–40.

Baudin R. Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.

Chichmaref V. Gargantua en Russie // Revue du seizième siècle. 1927. P. 348–359.

Cooper R. «Charmant mais très obscène»: some French eighteenth-century readings of Rabelais // Enlightenment Essays in memory of Robert Shackleton. Oxford, 1988. P. 39–60.

Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of his Literary Career 1783–1803. Carbonsdalle and Edwardsville, 1971.

Décote G. L'itinéraire de Jacques Cazotte (1719–1792), de la fiction littéraire au mysticisme politique. Paris, 1984.

Dulaure J. A. Nouvelle description des environs de Paris, contenant les détails historiques & descriptifs des maisons royales, des villes, bourgs, villages, châteaux, & remarquables par des usages ou des événemens singuliers, & par des beautés de la Nature & des Arts. Paris, 1787.

Elyada O. Presse populaire et feuilles volantes de la Révolution à Paris 1789–1792. Paris, 1989.

Gargantua à la diète ou la marmite renversée. Paris. S. D. (август 1790 г.).

Ginguené P.-L. De l'autorité de Rabelais dans la Révolution présente, et dans la constitution civile du clergé, ou institutions royales, politiques et ecclésiastiques, tirées de Gargantua et de Pantagruel. Paris, 1791.

Ginguené. Idéologue et médiateur. Rennes, 1995.

La réception de Rabelais en Europe du XVIe au XVIIIe siècle. Paris, 2009.

La Révolution françoise par les prophétiques centuries de Michel Nostradamus. S. L., 1790.

Landriot P. Prophéties de Michel Nostradamus, dont il y a trois cens qui n'ont jamais été imprimées, trouvées en une bibliothèque laissée par l'autheur. Riom, 179?.

Le Bègue de Presle A. G. Quel temps fera-t-il ce matin, ce soir, demain, etc., présages utiles aux laboureurs, jardiniers <…> suivis des prédictions de l'ombre de Me Rabelais pour l'année bissextile 1772. Londres. S. D. (1771 или 1772 г.).

Le Rabelais moderne, ou Les œuvres de Maître François Rabelais, docteur en médecine, mises à la portée de la plupart des lecteurs, avec des éclaircissements historiques, pour l'intelligence des allégories contenues dans le Gargantua, & dans le Pantagruel. Amsterdam, 1752.

Léoni E. Nostradamus and his Prophecies. Mineola, 2000.

Les grandes Prédictions du grand Nostradamus, trouvées dans la grande culotte de peau de messire Honoré Barnave. S. L. An II de la liberté (1793).

Les illustres modernes; ou Tableau de la vie privée des principaux personnages des deux sexes, qui, depuis la renaissance des Lettres, ont acquis de la célébrité en Europe, tant en politique ou dans les armées, que dans les arts, les sciences & la vie contemplative. Paris, 1788.

Les œuvres de François Rabelais, Docteur en médecine. Genève, 1782.

Maréchal P. S. Almanach des Républicains, pour servir à l'instruction publique. Paris, 1793.

Martin A., Walter G. Catalogue de l'Histoire de la Révolution française. Paris, 1936–1955.

Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française, avant 1789 dédiés à sa majesté Nicolas I-er empereur de toutes les Russies, publiés par le comte de Montbrison, petit-fils de l'auteur. Bruxelles, 1854.

Mercier L. S. Tableau de Paris. Amsterdam, 1782.

Montmignon d'Odoucet M. Révolution française, les événements qui l'ont provoquée, accompagnée, & ceux qui la suivront, pronostiquées par les prophétiques Centuries de M. Michel Nostradamus ; avec la clef pour savoir le vrai sens de ses Prophéties <…>. Par M. d'Odoucet. S. L., 1790.

Nouvelles prophéties de Nostradamus aux Parisiens. S. L., 1790.

Panofsky G. S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010.

Pipes R. Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Ann Arbor, 2005.

Prophétie de Nostradamus accomplie. L'ordre, la marche et l'entrée des princes et autres émigrans à Paris. 2e édition, plus correcte. S. L. 1792.

Prophéties annoncées à tous les peuples de l'univers par Nostradamus, sur les événements les plus remarquables qui doivent arriver sur la terre pendant cette année. Paris, Dumaka, s. d. (c. 1790).

Prophétiques anciennes et nouvelles, avec des réflexions sur les rapports parfaits qu'elles ont entre elles. S. L., 1791.

Qui vivra verra. Prophéties annoncées à tous les peuples de l'univers, par Nostradamus, sur les événemens les plus remarquables qui doivent arriver sur la terre pendant cette année (1795–1799).

Rabelais F. Gargantua // Œuvres complètes. Paris, 1973.

Rabelais F. Œuvres choisies de M. François Rabelais, docteur en médecine de la faculté de Montpellier, chanoine de Saint Maur des fossés, & curé de Meudon. Genève, 1752.

Rabelais F. Œuvres de maître François Rabelais, anciennement publiées sous le titre de Faits et Dicts du Grand Gargantua et de Pantagruel. La Haye, 1789.

Rabelais F. Pantagrueline prognostication pour l'an 1533. Paris; Genève, 1974.

Ramón Solans F. J. Etre immortel à Paris. Violence et prophétie durant la Révolution française // Annales. Histoire, Sciences sociales. 2016. № 2. P. 347–378.

Saricks A. A Bibliography of the Franck E. Melvin collection of pamphlets of the French Revolution. Lawrence, 1960.

Stermberger M. Karamzin dans les théâtres de France: théâtre, théâtralité et révolution dans les «Lettres d'un voyageur russe» // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe». Paris, 2014. P. 176–193.

Syonnet Gautier L. J. de. Prophéties de Michel Nostradamus. Paris, 1789.

Voltaire. Lettres philosophiques. Paris, 2010.

Л. А. Курышева

О новонайденной «Повести о некоем царе и о дщери его»

В рукописном сборнике из коллекции РНБ обнаружено ранее неизвестное беллетристическое сочинение, основу которого составил сказочный сюжет АТ 709. Тип бумаги и содержание исторических документов сборника позволило определить период его формирования промежутком конца 1710-х — конца 1730-х гг. Художественные и языковые особенности новонайденной повести свидетельствуют

о том, что она возникла во второй половине XVII –начале XVIII в., в период, когда отечественная беллетристика активно осваивала сказочные сюжеты.

Ключевые слова: Русская беллетристика XVII–XVIII вв., рукописная повесть, волшебная сказка, AT 709 Мертвая царевна (Волшебное зеркало).

L. A. Kurysheva

On the newly found «The Tale of a Tsar and His Daughter»

So far unknown fictional composition « The Tale of a Tsar and His Daughter» is discovered as part of a manuscript of the NLR's collection. The basis of the story is a fairy-tale plot AT 709. The paper type and the content of historical documents in the manuscript made possible to determine the period of its formation interval of the end 1710–1730. Narrative techniques, ideological content and language features of the story suggest that it was originated in the second half of XVII — beginning of XVIII century, at the time when the Russian fiction was actively assimilating the material of fairy tales.

Ключевые слова: Русская беллетристика XVII–XVIII вв., рукописная повесть, волшебная сказка, AT 709 Мертвая царевна (Волшебное зеркало).

Библиография

Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938. С. 56–101.

Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII веков // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960. С. 7–75.

Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960. (Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та. Сер. филологических наук. Т. 44. Вып. 13).

Демкова Н. С., Лихачев Д. С., Панченко А. М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 476–561.

Дианова Т. В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998.

Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII вв. // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 12–21.

Иванова Т. Г. Еще раз о Пушкинских записях народных сказок // Культура и история: Актуальные проблемы теории и истории культуры. СПб., 2004. С. 110–123.

Интернет-источник: ATU (Aarne–Thompson–Uther) Catalogue: http://www.mftd.org/index.php?action=atu

Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.

Костюхин Е. А. К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 560–562.

Малэк Э. Источники и литературная история «Повести об Аквитане» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 101–113.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1986.

Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 291–407.

Повесть о царице и львице // Памятники литературы Древней Руси: М., 1988. XVII век. Кн. 1. С. 427–441, 653–654.

Пропп В. Я. Морфология русской сказки. Л., 1928.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. М.; Л., 1961.

Сказка о старичках-келейчиках // Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. М., 1795. Ч. 2. С. 87–96.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 101–109.

Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 257–273.

Т. В. Костина

Ученики Академической гимназии 1751–1765 гг.

Публикуется окончание «Генерального списка учеников, принятых в 1726 году в Гимназию Санкт-Петербургской императорской Академии наук по 1765 год», большая часть которого (по 1750 г.) ранее погодно опубликована в «Материалах для истории императорской Академии наук» (1885–1900), с дополнениями из «Index discipulorum qui Anno 1726 in Petropolitanum Gymnasium recepti sunt». Несмотря на неполноту, этот документ является важным источником как для изучения истории самой Академической гимназии, так и для уточнений биографических сведений об учившихся в ней писателях, переводчиках, ученых, государственных деятелях и др. В преамбуле приводятся сведения из документов гимназического делопроизводства, дополняющие статьи «Словаря русских писателей XVIII века».

Ключевые слова: Академическая гимназия, С. П. Крашенинников, Д. Д. Леткой, М. В. Ломоносов, И. П. Пырской, матрикулы, Петербургская академия наук.

T. V. Kostina

Students of the Academy Gymnasium in 1751–1765

Publication includes of the final part of the «General list of pupils accepted in 1726 at the Gymnasium of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, up to 1765»

(with additions from the “Index discipulorum qui Anno 1726 in Petropolitanum Gymnasium recepti sunt”), which was mostly (up to the year 1750 entries) published previously in the *Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences* (1885–1900). Despite the incompleteness, this document is an important source for studying the history of the Academy Gymnasium and for adding the biographical information about the writers, translators, scientists and statesmen who studied there. The preamble contains information from the documents of Gymnasium, supplementing the articles of *Dictionary of Russian writers of the XVIII century.*

Keywords: The Academy Gymnasium, S. Krasheninnikov, D. Legkoy, M. Lomonosov, Matricula, I. Pyrskoy, St.-Petersburg Academy of Sciences.

Библиография

Григорьян К. Н. Иванов А. М. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 349.

Данилевский Р. Ю. Поливанов Н. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 459–460.

Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта 1739 г. и его подготовка // Проекты образовательных реформ первой половины XVIII в. М., 2015. С. 219–263.

Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962.

Лепехин М. П. Россохин И. К. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 62–68.

Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10.

Санкт-Петербургские ведомости. 1760. 22 февраля. № 15.

Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–4.

Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885 (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 38. № 5).

Amburger E. Die nichtrussischen Schüler des Akademischen Gymnasiums in St. Petersburg 1726–1750 // Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961. S. 183–213.

Е. Д. Кукушкина

Н. Н. Сандунов. «Сидней и Энни». Трагедия в трех действиях (1787–1789)

Текст пьесы Н. Н. Сандунова печатается по рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке. Публикация является дополнением к статье Е. Д. Кукушкиной и В. И. Симанкова «Сюжет „Чудовищный шантаж“ в русских переводах и переложениях».

Ключевые слова: Н. Н. Сандунов, русский театр XVIII века, перевод, сюжет «чудовищный шантаж».

E. D. Kukushkina

N. N. Sandunov.
«Sydney and Jenny».
Tragedy in three acts (1787–1789)

The text of N. N. Sandunov's play is based on the manuscript held at the St.-Petersburg Theater Library. The text is meant as a companion to the «Monstrous Ransom» Story in Russian Translations and Adaptations by E. D. Kukushkina and V. I. Simankov.

Keywords: N. N. Sandunov, Russian 18th Century Theater, translation, plot «monstrous ransom».

Библиография

Кукушкина Е. Д., Симанков В. И. Трагедия Н. Н. Сандунова «Сидней и Энни» и репертуарная политика Петровского театра в 1780-е годы // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2015. Вып. 6: Petra Philologica. С. 83–99.

А. О. Дёмин

Трагедия К.-Ж. Дора «Петр Великий»
в переводе из архива Г. Р. Державина

Печатается текст русского перевода трагедии К.-Ж. Дора «Петр Великий» (редакция 1767 г.) по рукописи из архива Г. Р. Державина в ИРЛИ. Кратко рассмотрена литературная история этой трагедии во Франции и место ее перевода в кругу литературных и театральных интересов Державина во второй половине 1780-х гг.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, К.-Ж. Дора, Петр I в художественной литературе.

A. O. Dyomin

Tragedy by C.-J. Dorat «Pierre le Grand»
in Russian Translation from the Derhavin's Archive

Russian translation of the Dorat's tragedy «Pierre le Grand» (1767 version) from the Derzhavin's archive in the Russian Literature Research Institute is published. Literary history of that tragedy in France and its place in the range of Derzhavin's literary and theatrical interests in the late 1780's are examined.

Keywords: C. J. Dorat, G. R. Derzhavin, Peter I in the fiction.

Библиография

Заборов П. Р. Россия во французской трагедии XVIII века // Восприятие русской культуры на Западе. Очерки. Л., 1975. С. 32–58.

Заборов П. Р. Россия и Франция: Литературные и культурные связи. СПб., 2011.

Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.

Кочеткова Н Д. Орлова М. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2: (К–П). С. 390–391.

Муравьева О. С. Нилова Е. К. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Т. 2: (К–П). С. 357–358.

Солдатова Л. М. Вотчина поэта в Оренбургской губернии (по архивным материалам) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. ст. СПб., 2015. Вып. 10. С. 104–143.

Desné R. Quand Cathérine II achetait la bibliothèque de Diderot // Thèmes et figures du Siècle des Lumières. Mélanges offerts à Roland Mortier / Edités par R. Trousson. Genève, 1980. P. 73–94.

Dorat C. J. Amilka, ou Pierre-le-Grand, tragédie / Précédée d'un discours où se trouvent des fragments d'un Czarowits, par le chevalier de Vatan. Paris, 1779.

Dorat C. J. Amilka, ou Pierre-le-Grand, tragédie / Précédée d'un discours où se trouvent des fragments d'un Czarowits, par le chevalier de Vatan. Toulouse, 1780.

[*Dorat C.J.*] Collection complète des œuvres de M. Dorat Neuchatel, 1776. T. 6: Contenant ses pièces de théâtre.

[*Dorat C.J.*] Poésies de Dorat. Genève, 1777. T. 2.

[*Dorat. C. J.*] Amilka, ou Pierre-le-Grand, tragédie / Précédée d'un discours où se trouvent des fragments d'un Czarowits, par le chevalier de Vatan. Paris, 1767.

Droixhe D. La Harpe, *Menzicoff ou les exilés* et la presse // Lumières sans frontières. Hommage à Roland Mortier et Raymond Trousson. Paris, 2016. P. 219–241.

[*La Harpe J. F.*] Menzicoff, ou les Exilés, tragédie, devant leurs Majestés sur le théâtre de Fontainebleau, au mois de novembre 1775 Par M. de la Harpe. Paris, 1781.

Mémoires anecdotes d'un ministre étranger résident à Saint Petersbourg. La Haye, 1737.

И. Ю. Фоменко

Книжный подарок как дипломатический жест: Переписка С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова

Статья содержит данные о переписке С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова (РГАДА), которая связана с историей перевода на русский язык книги Дж. Кука «Путешествие в южной половине земного шара» (1796–1800). Экземпляры перевода книги предполагалось преподнести «лордам» английского адмиралтейства и английском королю Георгу III. Обсуждаются также дипломатические обычаи, связанные с практикой поднесения книжных даров, что помогает лучше понять роль русских дипломатов XVIII в. в формировании царских библиотек России и Европы.

Ключевые слова: С. Р. Воронцов, Л. И. Голенищев-Кутузов, Дж. Кук, русско-английские дипломатические отношения.

I. Yu. Fomenko

Correspondence of S.R. Vorontsov and L.I. Golenishchev-Kutuzov: books as diplomatic gifts (based on materials from the Russian State Archive of Ancient Documents)

The article discusses the correspondence between S. R. Vorontsov and L. I. Golenishchev-Kutuzov covering the history of Russian translation of James Cook's book *A Voyage Round the World in His Britannic Majesty's Sloop Resolution, Commanded by Capt. James Cook, during the Years, 1772, 3, 4, and 5* (1796–1800) based on materials from the Russian State Archive of Ancient Documents. Copies of the translated book were meant as gifts to King George III and "Lords" of the British Admiralty. The article provides an insight on the contribution of Russian diplomats to Russian and European Royal Libraries in 18th via diplomatic customs associated with the practice of book giving.

Keywords: S. R. Vorontsov, L. I. Golenishchev-Kutuzov, J. Cook, Russian-English diplomatic relationship.

Библиография

Словарь русских писателей XVIII века. Л.; СПб., 1988–2010. Вып. 1–4.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1–6. М., 1962–1975.

А. Ю. Соловьев

Материалы для библиографии А. П. Сумарокова и литературы о нем (1966–2016)

Публикация представляет собой аннотированный указатель литературы об А. П. Сумарокове, вышедшей на русском языке и в пределах России (СССР) в 1966–2016 гг. В данные материалы для библиографии также включены научные издания произведений писателя.

Ключевые слова: библиография, А. П. Сумароков.

A. Yu. Soloviev

Material for a A. P. Sumarokov's bibliography (1966–2016)

The publication presents an annotated index of literature on A. P. Sumarokov, published in Russian, and within Russia (USSR) in 1966–2016 years. In this material for the Sumarokov's bibliography there are also included scientific editions of his works.

Keywords: bibliography, A. P. Sumarokov.

Библиография

Мстиславская Е. П. Сумароков Александр Петрович (1717–1777). Жизнь и творчество. Библиографический указатель // Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. ст. и материалов. М., 2002. С. 204–279.
Русская литература XVIII века. Библиографический указатель. М.; Л., 1968.
Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений <…>. М., 1781–1782. Ч. 1–10.
Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений <…>. М., 1787. Ч. 1–10.
Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957.

А. Ю. Самарин

Писатели XVIII века в списках подписчиков на книги и журналы (1762–1800)

В статье представлены сведения о подписке на книги и журналы 290 лиц, зафиксированных в «Словаре русских писателей XVIII века». Данные материалы интересны как источник, характеризующий читательские пристрастия и литературные вкусы писательской среды. Они также дают возможность уточнения биографических данных некоторых литераторов.

Ключевые слова: писатели XVIII века, подписка на книги и журналы, читательские интересы, биографии писателей.

A. Yu. Samarin

18th century writers in the lists of book and magazine subscribers (1762–1800)

The article presents data on subscription to books and magazines of 290 people listed in the *Dictionary of the Russian writers of the 18th century.* These materials are interesting as they indicate reading interests and literary tastes of the literary world. Also, this information enables to clarify biographic data of some writers.

Keywords: writers of the 18th century, book and magazine subscription, reading interests, biographies of writers.

Библиография

Виноградов В. В. Из истории русской литературной лексики // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1949. Вып. 8. С. 3–6.
Самарин А. Ю. «Сие выдумано в пользу общества и автора»: Подписные издания в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 146–163.

Самарин А. Ю. «Имена особ, благоволивших подписаться на книгу…»: О списках подписчиков в изданиях второй половины XVIII века // Про книги. 2010. № 1. С. 63–73.

Самарин А. Ю. Историография изучения списков подписчиков в изданиях второй половины XVIII века // Материалы 40-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и научных сотрудников МГУП. М., 2000. Ч. 2. С. 99–102.

Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века: (по спискам подписчиков). М., 2000.

Самарин А. Ю. Читатель русской книги гражданской печати во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков): Дис. … д-ра ист. наук. М., 2002.

Самарин А. Ю. Типографщики и книгочёты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. М., 2013.

Самарин А. Ю. Печатные списки подписчиков как источник социокультурного моделирования в истории читателя: (на материале последней трети XVIII в.) // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 115–123.

Степанов В.П. Русские подписчики на издания второй половины XVIII в века // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград, 2–4 октября 1985 г. Тезисы докладов. Л., 1985. С. 13–14.

О. В. Алексеева, Е. Я. Антонова

К биографии В. В. Крестинина и А. И. Фомина

На основании архивных источников уточняются обстоятельства службы, дата и обстоятельства смерти архангельских писателей А. И. Фомина и В. В. Крестинина.

Ключевые слова: А. И. Фомин, В. В. Крестинин, Архангельск, послужной список, биография, архивные источники.

O. V. Alekseyeva, E. Ya. Antonova

On the biographies of Krestinin and Fomin

Basing on archival sources, the article specifies the circumstances of job and the death of Arkhangelsk writers A. I. Fomin and V. V. Krestinin.

Keywords: A. I. Fomin, V. V. Krestinin, Arkhangelsk, service record, biography, archival sources.

Библиография

Веселова А. Ю. «Лучший в архангелогородском посаде писец в прозе и стихах»: А. И. Фомин и его сочинения // Текст и традиция. Альманах. СПб., 2016. Вып. 4. С. 349–386.

Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском. М., 2009.
Крестинин В. В. Труды. Творческая биография. Библиография. Архангельск, 2007.
Моисеева Г. Н. Крестинин В. В. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 146–147.
Морозов А. А. Фомин А. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 304–305.
Фомин А. И. Описание Белого моря. М., 2009.
Чекунова А. Е. В. В. Крестинин и его проект создания «малых» школ // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 121–129.
Чекунова А. Е. Проекты В. В. Крестинина о школьном образовании в России // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 350–364.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. 3

Статьи

С. И. Николаев (Петербург). Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом 5

А. А. Костин (Петербург). Тредиаковский — читатель ломоносовской Риторики (вопрос к истории текста) 21

А. А. Костин (Петербург). Тредиаковский в 1755 году: несколько архивных замечаний 50

Н. Ю. Алексеева (Петербург). Значение дружбы с Н. И. Паниным для творчества А. П. Сумарокова 60

А. Ю. Веселова (Петербург). Расиновский контекст трагедий А. П. Сумарокова конца 1760-х годов 81

А. С. Силина (Петербург). Поэт-семинарист И. И. Ораевский и его рукописный сборник. 95

К. Ю. Лаппо-Данилевский (Петербург). Русская анакреонтическая ода (Размышления в связи со статьей Г. А. Гуковского 1927 года) 112

Н. Д. Кочеткова (Петербург). Посвящения духовным лицам в русских изданиях XVIII века 135

И. Клейн (Беркли). Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века 156

Е. Д. Кукушкина (Петербург), *В. И. Симанков* (Харьков, Провиденс). Сюжет «чудовищный шантаж» в русских переводах и переложениях 176

Л. Росси (Милан). Поэма в прозе «Книдский храм» Ш.-Л. Монтескье и ее русские переводы 196

М. Феррацци (Падуя). Комедия дель арте и Кальдерон де ла Барка в России XVIII века 212

Р. Бодэн (Страсбург). Литература и политика: Карамзин, Рабле и поэтика Французской революции в «Письмах русского путешественника» 230

Публикации

Л. А. Курышева (Новосибирск). О новонайденной «Повести о некоем царе и о дщери его» 252

Т. В. Костина (Петербург). Ученики Академической гимназии 1751–1765 гг. 268

Е. Д. Кукушкина (Петербург). Н. Н. Сандунов. «Сидней и Энни». Трагедия в трех действиях (1787–1789) 325

А. О. Дёмин (Петербург). Трагедия К.-Ж. Дора «Петр Великий» в переводе из архива Г. Р. Державина 369

И. Ю. Фоменко (Москва). Книжный подарок как дипломатический жест: Переписка С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова 416

Библиография

А. Ю. Соловьев (Петербург). Материалы для библиографии А. П. Сумарокова и литературы о нем (1966–2016) 434

Из опыта работы над «Словарем русских писателей XVIII века»

А. Ю. Самарин (Москва). Писатели XVIII века в списках подписчиков на книги и журналы (1762–1800) 529

О. В. Алексеева, Е. Я. Антонова (Архангельск). К биографии В. В. Крестина и А. И. Фомина 563

Список сокращений 567

Указатель имен 569

Аннотации, ключевые слова, библиография 596

Научное издание

XVIII ВЕК

Сборник 29

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ответственные редакторы:
Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, набережная адм. Макарова, 4

Регистрирующий орган:
Роскомнадзор, регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-64919
от 24 февраля 2016 г.

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Корректор *А. Н. Сидоров*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 23.11.2017. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 38,5. Усл. печ. л. 40,0.
Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст».
192029, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

Издание предназначено для читателей старше 14 лет

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК